

**ПРОГРАММА
«ПУТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»**

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Министерство культуры Российской Федерации
Комитет по культуре Санкт-Петербурга
Государственный Эрмитаж
Государственная академическая капелла Санкт-Петербурга
Санкт-Петербургского института истории РАН
Институт культурных программ
Ассоциация развития культурного маршрута
«Путь Петра Великого»
Институт Петра Великого
Фонд имени Д.С. Лихачёва

СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

- Е.В. Анисимов*, профессор НИУ Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, научный руководитель Института Петра Великого
- В.Е. Багно*, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
- Г.В. Вилинбахов*, заместитель директора Государственного Эрмитажа
- Д.Ю. Гузевич*, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж
- Е.Я. Кальницкая*, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»
- А.В. Кобак*, директор Фонда имени Д.С. Лихачёва, председатель совета Института Петра Великого
- Н.Л. Корсакова*, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
- О.Л. Лейкинд*, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачёва
- М.Б. Пиотровский*, директор Государственного Эрмитажа
- И.Ф. Свищерская*, руководитель Института Петра Великого
- Ю.К. Чистов*, руководитель научного направления Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого
Фонд имени Д. С. Лихачёва

«ВЕЛИКАЯ ЕЛИСАВЕТ
ДЕЛА ПЕТРОВЫ
СОВЕРШАЕТ...»

Материалы
XIV Международного петровского конгресса
Санкт-Петербург, 18 – 19 июня 2021 года

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2022

Издано при поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Программа «Путь Петра Великого»
осуществляется при поддержке

ПАО «Газпром»

Научный редактор
Д-р ист. наук, проф. *Е.В. Анисимов*

Составители:
А.В. Кобак, В.В. Лихачёва, И.Ф. Сви́дерская

Подготовка текста, указатель имён
Г.Б. Богуславская

«Великая Елисавет дела петровы совершает...»: материалы XIV Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 18 – 19 июня 2021 года / сост. А.В. Кобак, В.В. Лихачёва, И.Ф. Сви́дерская. — СПб.: Европейский Дом, 2022. — 516 с., ил.

На обложке: Большой Екатерининский дворец. г. Пушкин

ISBN 978-5-8015-0427-8

© Институт культурных программ, 2022
© Фонд имени Д.С. Лихачёва, 2022
© Издательство «Европейский Дом», 2022

Содержание

<i>Анисимов Е.В.</i> (Санкт-Петербург). Елизавета Петровна и петровское наследие	9

ПОЛИТИКА, ДИПЛОМАТИЯ

<i>Агеева О.Г.</i> (Москва). Двор императрицы Елизаветы Петровны и репрезентация Российской империи	17
<i>Васильева Д.О.</i> (Санкт-Петербург). Елизавета Петровна и посольство Надир-шаха	27
<i>Искюль С.Н.</i> (Санкт-Петербург). Императрица Елизавета Петровна и наследование престола	39
<i>Лапин В.В.</i> (Санкт-Петербург). Семилетняя война в отечественной историографии и исторической памяти.....	58
<i>Мазур Т.П.</i> (Санкт-Петербург). Страницы архивных документов о времени правления Елизаветы Петровны — достойной продолжательницы своего великого отца	68
<i>Марасинова Е.Н.</i> (Москва). Мораторий на смертную казнь в России XVIII века: Политический контекст	75
<i>Петерс Т.П.</i> (Москва). Архивные документы о продолжении Елизаветой Петровной политики Петра I по приглашению в Россию иностранных мастеров «художественного дела»	90

<i>Раскин Д.И.</i> (Санкт-Петербург). Законодательство елизаветинской эпохи в правовой системе Российской империи	99
<i>Сафонов М.М.</i> (Санкт-Петербург). Императрица Елизавета Петровна глазами Екатерины II	109
<i>Фельдман Д.З.</i> (Москва). «Еврейский вопрос» в эпоху правления Елизаветы Петровны	126
<i>Шварц И.</i> (Вена). Образ елизаветинской России на страницах Wienerisches Diarium в первые годы Семилетней войны	139

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

<i>Баранова С.И., Топычканов А.В.</i> (Москва). Елизавета Петровна в Коломенском: К вопросу о месте её рождения и роли императрицы в сохранении Коломенского дворца	151
<i>Болотина Н.Ю., Болотина М.О.</i> (Москва). «Четверная лапушка»: Детские годы Елизаветы Петровны	164
<i>Данков М.Ю., Проц Д.А.</i> (Петрозаводск). Петр Алексеевич, лейб-шныява «Lizett» и «Четверная лапушка»	176
<i>Двойников В.В.</i> (Льез). Елизавета Петровна — самая французская из российских императриц: Приход к власти и начало правления	193

АРХИТЕКТУРА, САДОВО-ПАРКОВОЕ ИСКУССТВО

<i>Барашев М.А.</i> (Владимир). Архитектура российской провинции елизаветинского времени: Архитектурный заказ и художественное мышление	206
<i>Епарина Е.С.</i> (Санкт-Петербург). Сады Царского Села при Елизавете Петровне	218
<i>Жерихина Е.И.</i> (Санкт-Петербург). Влияние Елизаветы Петровны на проектирование и строительство ансамбля Воскресенского Новодевичьего монастыря	230

- Соколов Б.М.* (Москва). Франческо Бартоломео Растрелли и садовое искусство его времени: К постановке вопроса 240
- Шкаровский М.В.* (Санкт-Петербург). Александро-Невский монастырь в царствование Елизаветы Петровны 248

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО

- Демиденко Ю.Б.* (Санкт-Петербург). Песни императрицы:
О двух памятниках елизаветинской эпохи 260
- Еремينا-Соленикова Е.В.* (Санкт-Петербург). Бальные танцы в период правления Елизаветы Петровны 275
- Казанина Н.В.* (Санкт-Петербург). Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны как символ женского правления (Портретное собрание Мраморного дворца XVIII века) 285
- Лехович Т.Н.* (Санкт-Петербург). «Нижеописанные товары взяты в комнаты Вашего Императорского Величества...»: Роскошные ткани для нужд Елизаветы Петровны: Анализ архивных материалов в контексте стиля эпохи 292
- Мезин С.А.* (Саратов). Вольтер и елизаветинская Россия 306
- Меньшикова М.Л.* (Санкт-Петербург), *Берёзкин Р.В.* (Шанхай). Изделия китайского прикладного искусства при дворе Елизаветы Петровны в 1740–1750-х годах 326
- Моисеева С.В.* (Санкт-Петербург). Вновь обнаруженные в собрании Русского музея портреты императрицы Елизаветы Петровны кисти Луи Каравака 343
- Талалай М.Г.* (Милан). Жизнеописание Петра Великого, поднесённое его августейшей дочери Стефаном Писаревым 362

НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ

- Северюхин Д.Я.* (Санкт-Петербург). Три Академии художеств 378
- Хартанович М.Ф.* (Санкт-Петербург). Императорская Академия наук в елизаветинское время 389

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЕЛИЗАВЕТИНСКУЮ ЭПОХУ

<i>Акинъшин А.Н.</i> (Воронеж). Воронежские имения елизаветинских вельмож Романа Илларионовича Воронцова и Александра Борисовича Бутурлина	394
<i>Гостев И.М.</i> (Архангельск). Развитие Архангельского порта и Адмиралтейства в царствование Елизаветы Петровны	405
<i>Иванюк О.Н., Иванюк С.А.</i> (Волгоград). Организация добычи соли на Нижней Волге при императрице Елизавете	414
<i>Серова И.А.</i> (Ярославль). Пошехонские лейб-компанцы, ссыльный герцог и «отец русского театра»: Ярославские страницы в истории царствования дочери Петра Великого	427
<i>Юркин И.Н.</i> (Москва). «...Птичек... песни раздаются по зеленому леску» (Петровская лесная политика в зеркалах елизаветинской эпохи)	446
Список сокращений	457
Указатель имён	459
Издания по программе «Путь Петра Великого»	503

Евгений Викторович Анисимов
*Профессор НИУ «Высшая школа экономики»,
главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
научный руководитель Института Петра Великого, Санкт-Петербург*

Елизавета Петровна и петровское наследие

К императрице Елизавете у меня особое личное отношение. Когда-то, почти три десятилетия назад, я написал свою первую научно-популярную книжку, она была о Елизавете, и ни в одном издательстве её не хотели брать, говоря: «Кому нужна ваша Елизавета, пустышка, только что путалась в ногах у нашего великого помора, да скакала на балах!». Но вот наступили иные времена, и ей и её правлению посвящён наш конгресс.

Царствование Елизаветы занимает особое место в истории XVIII в., и идеи его оказали важное влияние как на правление её преемницы, так и на судьбу наследия Петра и, наконец, на восприятие этого наследия в русском обществе.

«Дщерь державная Петра» через пятнадцать лет после смерти своего отца сумела максимально использовать тот символический капитал, который вырос вокруг имени великого преобразователя России. Во-первых, она умело реализовала этот капитал для прихода к власти. переворот (совершенно незаконный с точки зрения тогдашних законов и обычаев) был представлен как акт своеобразной реинкарнации Петра, новое воплощение великого реформатора на Земле в лице его дочери.

Согласно легенде, приехав в ночь переворота 25 ноября 1741 г. в слободу Преображенского полка, Елизавета первым делом напо-

нила собравшимся гвардейцам о том, чья кровь струится в её жилах. И в дальнейшем именем Петра освещались и освящались все начинания её правительства.

Кроме того, приход Елизаветы к власти положил начало беспрецедентной по тем временам кампании, которую иначе, чем пропагандистской не назовёшь. Главной целью этой кампании было стремление убедить общество в том, что власть дочери Петра законна и что престол принадлежит ей по праву кровного, а главное духовного родства с Петром.

Не прошло и месяца после переворота, как архимандрит московского Заиконоспасского монастыря Кирилл Флоринский развивал в Успенском соборе Кремля тему исторической реинкарнации: «Возведи о, Россие, очи свои и виждь: се аз семя отца твоего Петра Великого седох на престоле твоем. Се во мне оживотворися Петр, жива бысть Екатерина. Отродися Петр».¹ Ему вторил Сумароков: «Во дщери Петр опять на трон возшел / В Елизавета все дела свои нашел...» или «О, мать своего народа! / Тебя произвела природа / Дела Петровы окончат!».²

Символический капитал, так удачно пригодившийся для захвата власти и оправдания переворота, при Елизавете был удвоен и утроен тем, что в оборот были запущены две концепции, которые оказали существенное воздействие на общественное мнение и, между прочим, на историографическую традицию.

С одной стороны, с приходом Елизаветы произошла в полном масштабе политическая канонизация Петра Великого. За годы, прошедшие со смерти Петра, многие жестокости его правления забылись, да и в русском обществе так называемая «сильная рука», а попросту говоря, тирания, никогда не считалась явлением сугубо отрицательным, а часто наоборот — необходимым и целесообразным.

В сознание общества (и в историографии) с елизаветинских времён внедрилась идея о том, что Петр — демиург новой России. Стало нормой восхищаться многообразием его талантов, его «многоделием», поощрялось выражать восторг достигнутым им, когда «всё то исправить возмог вместе и в единое время, что иные государства делали чрез многие веки».³ Словом, как патетически вос-

¹ Флоринский К. Слово в высокотожественный день рождения императрицы Елизаветы Первья. СПб., 1742. С. 14.

² Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений. Ч. 2. СПб., 1781. С. 18.

³ Амвросий. Слово в высокотожественный день рождения великия государыни Елизаветы Петровны. СПб., 1742. С. 8–9.

кличал Ломоносов в оде 1743 г. о Петре: «Он Бог, он Бог был твой, Россия!».

С другой стороны, при Елизавете была развита и стала официальной идея о том, что до правления Елизаветы в России был настоящий мрак, упадок страны, регресс, забвение петровских начал. При этом идея об упадке была патриотически заострена: оказывается, после Петра враги России — восклицал другой церковный иерарх Димитрий (Сеченов) — «прибрали все отечество наше в руки, коликий яд злобы на верных чад российских отрыгнули <...>, их была година и область темная, что хотели, то и делали».⁴ Ясно, что речь шла о так называемом «немецком засилии», о бироновщине, режиме царствования Анны Иоанновны.

Эта идея позволила представлять Елизавету мессией, которая, воодушевлённая образом великого отца, решилась совершить благое дело — свергнуть режим угнетателей и, согласно ещё одному записному златоусту того времени, грудью пойти на врагов, «сседающих в гнезде Орла российского ношных сов и нетопырей, мыслящих злое государству, прочь выпужать, коварных разорителей отечества связать, победить, и наследие Петра Великого из рук чужих вырвать, и сынов Российских из неволи высвободить».⁵

Так получилось, что с елизаветинских времён идея о крайне негативном воздействии бироновщины на Россию, представление о бироновщине как о реакционном, антинациональном господстве иностранных временщиков, прочно внедрилось в общественное сознание, стало нормой, а следом — и непреложным фактом отечественной историографии. Эта оценка вошла во все учебники словари и энциклопедии, включая современные.

Естественно, что созданная на такой основе идеология царствования требовала строить политику реставрационную, заявлять о возвращении к якобы оболганным и забытым предшественниками Елизаветы священным петровским началам. Об этом было заявлено уже в первых указах Елизаветы: «<...> усмотрели мы, что порядок в делах правления государственного внутренних перемен во всем от того, что было при отце нашем <...> и при матери нашей <...> в первый год ее владения было, ибо в другой год ея владения происком некоторых прежний порядок правления, установленного от нашего <...> родителя, нарушен вновь изобретенным Верховным

⁴ Димитрий (Сеченов). *Слово в день Благовещения*. СПб., 1742. С. 14; см. также: Амвросий. *Указ. соч.* С. 12.

⁵ Амвросий. *Указ. соч.* С. 12.

тайным советом», а потом учреждённым Анной Иоанновной Кабинетом министров.⁶

Сразу же последовала серия законов о переменах в системе управления: был ликвидирован Кабинет министров, возрождены Правительствующий Сенат, некоторые коллегии, армия вернулась к петровским штатам 1720 г. и т.д. Начались отмены постановлений предшествующих правительств в разных сферах жизни и возвращение, как казалось императрице, к нормам петровского времени. Была даже предпринята попытка пересмотреть все изданные после Петра законы, чтобы исключить из корпуса указов те, которые не соответствовали петровским началам. Но через несколько лет от замысла грандиозной санации законодательства пришлось отказаться. Пересмотреть более 3000 законов за 1726–1741 гг. оказалось делом очень трудным, да и работа эта не имела смысла. Елизавета была вынуждена согласиться с начавшей этот титанический труд специальной комиссией под руководством П.И. Шувалова, который заявил в заседании Сената, что работа эта бессмысленна, ибо «нравы и обычаи изменяются с течением времени, почему и необходима перемена в законах», и что целесообразнее не старые законы пересматривать, а создавать новые, соответствующие своему времени.⁷

Да и вообще, на путях задуманной реставрации вставали два неодолимых препятствия. Первое состояло в том, что так называемые «петровские начала» не представляли собой некий законченный кодекс, положив который на стол, надлежало действовать согласно его букве. Сам Петр, в ходе своих довольно сумбурных реформ, не раз, в зависимости от ситуации, менял то, что можно назвать их «началами».

Второе обстоятельство состояло в том, что основные направления внутренней и внешней политики Анненского царствования в целом соответствовали общему направлению политики Петра Великого, и места для елизаветинских реставраторов тут не особо оставалось. Так, экономическая и социальная стратегия правительства так называемой бироновщины при Анне Иоанновне не противоречила тому, что делал в этой сфере Петр. Да, близкие к Анне временщики, включая иностранцев, захватывали ведущие позиции в управлении, обогащались за счёт казны, воровали, но и пришедшие им на смену при Елизавете русские Шуваловы и Воронцовы

⁶ ПСЗ. Т. 11: 1740–1743. СПб., 1830. № 8480.

⁷ *История Правительствующего Сената за 200 лет: 1711–1911 гг.* Т. 2. СПб., 1911. С. 40.

стали воровать ещё больше вороватых немцев. Важнее другое — промышленность, торговля, экономика в целом в 1730-е гг. — время господства Бирона, были на подъёме, и ни о каком кризисе, а тем более упадке, говорить не приходится. Могучий толчок, который был дан стране Петром, своё дело сделал, и экономика, основанная преимущественно на крепостническом труде и необъятных богатствах недр России, процветала. Об этом свидетельствовали показатели успехов, достигнутых в тяжёлой промышленности и в других отраслях государственного хозяйства.⁸

Одновременно многие перемены в политике и законодательстве, совершённые при Анне Иоанновне, отменить уже было невозможно, ибо они были продиктованы не злой волей иностранных временщиков, а самой жизнью. Это касалось, прежде всего, мер послабления дворянству. Вернуться к жёсткой социальной, по преимуществу «экзекутивной», политике Петра новая «Мать отечества» (титул, принятый Елизаветой в подражание Петру — «Отцу отечества») не могла, не будучи самоубийцей.

Патриотическую риторику, которую Елизавета использовала для прихода на трон и для укрепления своей власти в пику бироновщины, также пришлось вскоре притушить — националистические эксцессы, происшедшие в начале её правления в армии против иноземцев-офицеров, быстро были подавлены, изгонять немцев, которых было по-прежнему много в армии и аппарате, никто не собирался — они, как прежде, усердно трудились на благо империи.

И наконец, самое главное: самодержавие — это драгоценное сокровище, перешедшее к Елизавете от предшественников на троне, оставалось целым, невредимым, не замутнённым никакими условиями и ограничениями — нужно было сказать спасибо за это столь несимпатичной для Елизаветы императрице Анне Иоанновне, подавившей в 1730 г. конституционное движение и очень кстати вернувшей столицу в 1732 г. в город Петра на берегах Невы. А что ещё для счастья нужно? — самодержавие было таким же могучим, как при батюшке и матушке!

Символично, что в момент коронации в Кремле, в Успенском соборе Елизавета (кажется, что впервые в отлаженном веками ритуале коронации) сама взяла из рук митрополита корону и водрузила себе на голову. Это был жест символический, задуманный заранее — недаром на триумфальных воротах, под которыми ехала на

⁸ Струмилин С.Г. *История чёрной металлургии в СССР*. Т. 1. М., 1954. С. 188, 204; Репин Н.Н. *Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700 — начале 60-х гг. XVIII века*. Автореферат дисс. доктора ист. наук. Л., 1986.

коронацию Елизаветы, было изображено солнце, украшенное короной и надпись «Само себя венчает!», а на памятной медали с изображением спускающейся сверху короны стояла надпись «Благодать от Вышнего!».⁹

В области внешней политики Елизаветы также не могла не одобрить действий правительства Анны в Причерноморье и в Польше. Все они были направлены на дальнейшее (со времён Петра) усиление русского влияния в Центральной Европе и на продвижение Российской империи к берегам Чёрного моря. Конструктор внешней политики её царствования канцлер А.П. Бестужев-Рюмин называл свою доктрину «Системой Петра Великого». Она строилась на союзнических отношениях с Англией, Голландией и Австрией.¹⁰ Но мы знаем, что Петр, к концу своего царствования, как раз жестоко рассорился с этими странами и несколько лет подряд английский флот блокировал морские базы Балтийского флота России. Но дело не в этом: союзники и противники России на протяжении десятилетий менялись, но политика оставалась действительно петровской. Суть её была в том, что Россия по-прежнему вела завоевательные войны, присоединяла новые территории, расширяла свою зону влияния, выступала на международной арене крупным, серьёзным игроком, её, как всегда, боялись соседи и жаждали заполучить для своих целей в союзники другие мировые игроки. Так, участие России в Семилетней войне (1757–1763), театр действий которой был далёк от русских границ, ничем иным, как этой имперской игрой и не объяснялось.

В этом состоял главный тренд внешней политики со времён Петра, он был продолжен при Анне Иоанновне и был унаследован Елизаветой. Ей нужно было лишь продолжить эту политику, что она и делала. Присоединение во время Семилетней войны Восточной Пруссии (территории никогда не принадлежавшей России) и особенно — приведение её жителей к присяге, как подданных России, стало ярким символом этой вековой империалистической преемственности. Некогда точно так же поступил Петр Великий с жителями Лифляндии и Эстляндии...

Впрочем, постоянно подчёркивая свою верность началам Петра, дочь его, между тем, мало что сделала для сохранения памяти вели-

⁹ *Обстоятельное описание Торжественных Порядков благополучного шествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования Ея Августейшаго Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской, еже бысть шествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года.* СПб., 1744.

¹⁰ *Архив князя Воронцова.* Т. 2. М., 1871. С. 22–23. 78–91.

кого отца: в удручающем положении находился столь любимый Петром военно-морской флот: число кораблей (в сравнении с временами Анны Иоанновны) резко сократилось, годами флот не выходил в открытое море, и участие флота в Семилетней войне было сопряжено с опасностью потерять корабли не в ходе боевого соприкосновения с противником, а вследствие сильного ветра, от которого корабли теряли рангоут, текли и тонули.¹¹ Гнили петровские архивы, беспощадно перестраивались его дворцы, терялись памятные вещи великого императора, даже памятник Петру, который создал Б. Растрелли, был отлит в 1747 г. уже после смерти скульптора, да так и остался все годы правления его дочери стоять в сарае.

Зато с началом царствования Елизаветы пришла новая, ослепительно красивая елизаветинская эпоха. На смену петровскому скромному голландскому барокко воцарился стиль пышного итальянского барокко времён Елизаветы, главным творцом великолепных строений в этом стиле стал гениальный Ф. Растрелли. Этот стиль соответствовал вкусам государыни, и капризные золочёные завитки барокко как бы создавали пышную раму для парадного портрета красавицы-императрицы.

Всем было ясно, что к Петру уже не вернуться — наступили новые времена, и приход их не остановить. В итоге достижения 20 лет правления Елизаветы, в конечном счёте, оказались значительны для России, нашей культуры и истории: первый университет, первый публичный театр, Академия художеств, новые явления в живописи, музыке, архитектуре. А сколь благотворно было воздействие галломании при дворе Елизаветы.¹² Это как бы подключило Россию к европейской ойкумене, говорившей по-французски, книги Вольтера и просветителей хлынули в Россию, стали пищей для ума русских людей, и никто не думал их запрещать. А какую огромную пользу русскому искусству принёс фаворит императрицы Иван Шувалов — основатель Академии художеств, Московского университета, коллекции Эрмитажа, щедрый меценат и друг Ломоносова. И всё это свершалось благодаря Елизавете, заядлой театралке, любительнице и покровительнице искусств, не жалевшей денег на произведения искусства.

В целом, нежёсткое 20-летнее правление Елизаветы, сопровождавшееся отменой смертной казни, способствовало общему смягче-

¹¹ **Бескровный Л.Г.** *Русская армия и флот в XVIII веке.* М., 1958. С. 68–69; **Коробков Н.М.** *Русский флот в Семилетнюю войну.* М., 1946. С. 49.

¹² **Анисимов Е.В.** *Галломания при русском дворе XVIII века // Российский императорский двор и Европа: Диалог культур.* СПб., 2007. С. 5–9.

нию нравов, подготовило «золотой век» Екатерины II. И можно только сожалеть, что в самом Петербурге, преображённом по воле Елизаветы бессмертными творениями Растрелли и других мастеров елизаветинского барокко, так и не нашлось места для памятника императрице Елизавете Петровне...

Литература

1. **Амвросий.** *Слово в высокотожественный день рождения великия государыни Елизаветы Петровны.* СПб., 1742.
2. **Анисимов Е.В.** Галломания при русском дворе XVIII века // *Российский императорский двор и Европа: Диалог культур.* СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. С. 5–9. — (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 36).
3. *Архив князя Воронцова.* Т. 2. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1871.
4. **Бескровный Л.Г.** *Русская армия и флот в XVIII веке.* М.: Воениздат, 1958. 646 с.
5. **Димитрий (Сеченов).** *Слово в день Благовещения.* СПб., 1742.
6. *История Правительствующего Сената за 200 лет: 1711–1911 гг.* Т. 2. СПб.: Сенатская тип., 1911. 860 с.
7. **Коробков Н.М.** *Русский флот в Семилетнюю войну.* М.: Воен. изд-во Мин-ва Вооружённых Сил Союза ССР, 1946. 146 с.
8. *Обстоятельное описание Торжественных Порядков благополучного шествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования Ея Августейшаго Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской, еже бысть шествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года.* СПб.: При Императорской Академии наук, 1744.
9. *ПСЗ.* Т. 11: 1740–1743. СПб.: В тип. II отд-я Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
10. **Репин Н.Н.** *Внешняя торговля России через Архангельск и Петербург в 1700 — начале 60-х гг. XVIII века.* Автореферат дисс. доктора ист. наук. Л., 1986. 384 с.
11. **Струмилин С.Г.** *История чёрной металлургии в СССР.* Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 534 с.
12. **Сумароков А.П.** *Полное собрание всех сочинений.* Ч. 2. СПб.: Универ. тип., у Н. Новикова, 1781. 360 с.
13. **Флоринский К.** *Слово в высокотожественный день рождения императрицы Елизаветы Первья.* СПб., 1742.

ПОЛИТИКА, ДИПЛОМАТИЯ

Ольга Гениевна Агеева

*Главный научный сотрудник
Института российской истории РАН, Москва*

Двор императрицы Елизаветы Петровны и репрезентация Российской империи

Olga G. Ageeva

The court of Elizabeth Petrovna and the Representation of the Russian Imperia

Аннотация: Статья посвящена официальной жизни двора императрицы Елизаветы Петровны и её связи с репрезентацией Российской империи. В ней рассматриваются история признания императорского титула русских монархов и статуса их двора, создание первого единого церемониала для приёма европейских дипломатов, описаны изменения в государственных празднествах Романовых, в церемониалах табельных праздников и системе еженедельных увеселений.

Abstract: The article is devoted to official life of the court of Elizabeth Petrovna and its connection with the representation of the Russian Imperia. It examines the history of the recognition of the imperial title of the Russian monarchs and the imperial status of their court, the creation of the first single ceremonial of the reception the European diplomats, describes changes of the Romanov state holidays, the ceremonials of service holidays and in the system of the weekly amusements.

Ключевые слова: Россия, Императорский двор, XVIII век.

Keywords: Russia, the Imperial Court, XVIII century.

Двор императрицы Елизаветы Петровны по праву считается самым блестящим из всех дворов русских монархов XVIII в., а любительница танцев и увеселений до утра весёлая Елисавет — монархиней легкомысленной. В этих оценках есть и доля правды, и её искажение. В любом случае пышное дворцовое окружение дочери Петра Великого подлежит специальному рассмотрению, так как в эпоху монархий резиденции правителей и официальная придворная жизнь являлись важной знаковой частью образа государства, его благополучия и веса в мире.

Одним из показателей, определявшем положение страны и двора в XVIII в., был титул монарха. Это объясняет то исключительное внимание, которое в России начала XVIII в. уделяли имперскому статусу страны. В политической иерархии Европы империя занимала высшую ступень, рангом ниже, по представлениям того времени, стояли королевства (среди них первенствовала Франция, что оспаривали Испания и Англия), затем шли немецкие и итальянские княжества и государства-республики (Венецианская и др.) и т.д.

Со времени Ништадтского мира, когда 22 октября 1721 г. Петр I принял титул императора, Россия активно вела борьбу за его международное признание. К началу правления Елизаветы Петровны этот статус уже поддержали Пруссия, Голландия, Швеция, Великобритания, Дания, Саксония и польский король, а также немецкие княжества, Швейцария, Венеция и др.

Продолжая политику своих предшественников, вступившая на трон дочь Петра Великого постановила не принимать грамоты от других государств без императорского титула¹ и ставить вопрос о его признании при дипломатических контактах.

В 1742 г. императорский титул был указан в грамоте от единственной дочери императора Карла VI, венгеро-богемской королевы Марии Терезии. Этому неожиданному успеху Елизаветы Петровны способствовала коллизия с имперскими выборами 1742 г., ведь первоначально ни император Священной Римской империи Карл VI, ни после его смерти дочь-наследница не собирались признавать имперский статус русских монархов. Однако 13 января 1742 г.² во Франкфурте-на-Майне новым императором с именем Карла VII был избран ставленник Франции баварский курфюрст Карл, а проигравшей стороной оказался супруг Марии Терезии

¹ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 и др.

² Здесь и далее даты приведены по юлианскому календарю.

герцог тосканский. Тогда королева, отказываясь принять итоги выборов и в пику им, 30 января 1742 г. подписала грамоту к Елизавете Петровне с полным императорским титулом. Очевидно, что тем самым она желала усилить свой политический вес и досадить противникам. Мария Терезия была готова признать императорский титул Елизаветы Петровны при условии, что это не повлечёт изменений в их церемониальном общении и не даст преимуществ российской стороне. Такой реверс³ ранее Петербург уже давал другим дворам, так как, принимая титул императора, Петр I сразу декларировал неизменность уже сложившихся церемониалов. Признание титула Марией Терезией, а значит, и её супругом герцогом тосканским (будущим императором Францем I), было подтверждено на аудиенции 12 июля 1742 г. вручением венгеро-богемским министром маркизом Боттой д'Адорно грамоты Марии Терезии.

Что касается признания России империей новоизбранным императором Карлом VII, то его грамоты без соответствующего титула в Петербурге не принимались и отсылались обратно, а отправленный им в Россию полномочный министр барон Нейгауз 16 месяцев не допускался на аудиенцию. Только 4 января 1744 г., на следующий день после получения реверса о сохранении прежних церемониалов, он подал Елизавете Петровне верительную грамоту с её полным имперским титулом.⁴

В 1745 и 1746 гг. императорский титул Елизаветы Петровны был признан имперским собранием — всеми курфюрстами, имперскими князьями, городами и чинами Священной Римской империи. Подготовительную дипломатическую работу при этом во Франкфурте-на-Майне и Регенсбурге провёл русский министр граф Г.К. Кейзерлинг. В его рекредитивах (отпускных грамотах) и был впервые получен полный имперский титул Елизаветы Петровны.⁵

11 декабря 1742 г. Великобритания подтвердила императорский титул русских правителей в возобновлённом в Петербурге трактате об оборонительном союзе с Россией. Трактат был подписан полномочным министром баронетом К. Вейчем, и в январе 1743 г. ратифицирован английским королём Георгом II. Подтверждение было необходимо, так как заключённый ранее при императоре Иоанне VI

³ Реверс — ответная грамота, содержащая краткое соглашение, какое-либо условие.

⁴ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 17об.—23; Бантыш-Каменский Н.Н. *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*. Ч. 1. М., 1894. С. 62—64.

⁵ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 58—60, 60об.—69; Бантыш-Каменский Н.Н. *Указ. соч.* Ч. 2. М., 1896. С. 1—4.

Антоновиче 3 апреля 1741 г. трактат с сепаратным артикулом о титуле Елизавета Петровна не признала.⁶

Король Неаполя и Сицилии Карл VII в ноябре 1741 г. дал знать русскому двору о желании признать императорский титул и затем указал его в грамоте к Елизавете Петровне от 25 февраля 1744 г.⁷

В 1745 г. находящийся в Петербурге Дюссон д'Альён, полномочный министр Франции, долгое время отвергавший признание титула, 16 февраля подал на приёмной аудиенции грамоту с полным императорским титулом. От русской стороны он получил реверс о сохранении между дворами прежнего церемониала.⁸

Что касается Испании, отказывавшейся с 1720-х гг. признать имперский статус России, то грамоты с неполным или отсутствующим титулом, поданные испанскими представителями в 1745, 1746 и 1750 гг. в Париже и Стокгольме, русские дипломаты не принимали. Только в 1759 г. требуемый титул был внесён в известительную грамоту о вступлении на испанский престол короля Карла III, ранее правившего в Неаполе. Затем 18 августа 1761 г. в Петербурге испанский полномочный министр маркиз д'Алмодавар сообщил канцлеру графу Воронцову о восстановлении между странами доброго согласия и признании императорского титула. 25 сентября маркизу был дан реверс о том, что признание титула не может быть «предосудителено» установленному церемониалу.⁹

Наконец, при Елизавете Петровне титул был окончательно признан Османской империей. Первоначально согласие на него было вписано в Белградский мирный договор 1739 г., затем в правление императора Иоанна VI оговаривалось в конвенции от 26 августа 1741 г., заключённой в Константинополе. Эта договорённость была отвергнута Елизаветой Петровной, поэтому окончательно вопрос о титуле был решён в 1 артикуле новой конвенции, подписанной 30 марта 1747 г.¹⁰

Таким образом, Елизавета Петровна фактически завершила длительную борьбу своих предшественников за российский импера-

⁶ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 29–30; Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 143–144.

⁷ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 70; Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 230.

⁸ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 89–89об.; Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. Ч. 4. М., 1902. С. 105.

⁹ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 33об. –36об.; Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 169–170.

¹⁰ РГАДА. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 114–115.

торский титул. Среди других шагов, предпринятых дочерью Петра Великого для достойной репрезентации в мире своей персоны и русского государства, было завершение формирования блестящего петербургского двора. При этом особое внимание Елизавета Петровна уделила его официальной жизни.

В 1742 г. для создания новых церемониалов и правил придворного этикета императрица назначила обер-церемониймейстером графа Франца Санти, обучавшегося геральдике в Париже. Под его руководством в 1743–1745 гг. при Иностранной коллегии было учреждено небольшое, всего из нескольких чиновников, подразделение — Церемониальные дела (часть). Оно отвечало за организацию церемониальной жизни двора и её пропаганду в печати, для чего поставляло в «Санкт-Петербургские ведомости» описания всех значимых придворных событий. При этом сама императрица внимательно читала, правила и утверждала созданные обер-церемониймейстером регламенты и лично давала повеления о проведении или отмене придворных аудиенций и собраний.

Одним из первых крупных мероприятий Церемониальной части стало создание для России единого европеизированного церемониала приёма послов (дипломатов 1-го ранга) всех европейских стран.¹¹ Этот законодательный акт сменил старые церемониалы, создававшиеся для каждой страны в отдельности на основе имеющихся прецедентов. Временем его создания стала весна 1744 г., когда в Петербурге готовились к приезду послов европейских держав — датского, английского и др.

При подготовке документа были использованы полученные от русских заграничных посольств в 1738–1739 и 1744 гг. дипломатические церемониалы и регламенты венского, английского, польского, французского, голландского, датского, прусского, шведского и других дворов. Однако предпочтение в итоге было оказано этикетным нормам Парижа и Вены. 11 марта 1744 г. церемониал был готов и подписан членами Иностранной коллегии во главе с А.П. Бестужевым-Рюминым, а также обер-церемониймейстером и его помощником Ф.П. Веселовским. Императрица, которой подали проект с разъяснением многих церемониальных норм на полях, утвердила его 3 апреля 1744 г.¹²

Конфирмованный документ содержал два вида приёма послов — публичный, то есть с публичными аудиенциями и въездом, и партикулярный с менее пышными церемониями, установил нормы с

¹¹ ПСЗ. Т. 12: 1744–1748. СПб., 1830. № 8908.

¹² Там же; *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 296–337.

уменьшением чести для приёма посланников (дипломатов 2-го ранга), прописал правила передвижения дипломатов по стране, их пребывания в столице и при дворе. Наконец, Церемониал 1744 г. ввёл форму устойчивых контактов европейских дипломатов с русским обществом в виде обязательных визитов и контрвизитов. Это положение касалось дипломатов и лиц 1–3 классов по петровской Табелю о рангах, то есть около 70–80 высших чинов империи. Так как правила европейских визитов были мало известны русскому обществу, то 23 апреля 1744 г. последовал указ о визитных карточках и их использовании.¹³

Церемониал 1744 г. вводил Россию в число ведущих европейских стран, практиковавших новые формы дипломатической жизни. К примеру, в Дании и Швеции такого рода единые регламенты были приняты в 1672 и 1694 гг.¹⁴ При последующих правлениях церемониальные нормы 1744 г. использовались до начала правления Александра I. Что касается правил приёма дипломатов из стран Востока, то они отличались от европейских и остались особыми для каждой страны.

Помимо дипломатического церемониала по указам Елизаветы Петровны фактически была завершена европеизация праздничной жизни петербургского двора, начатая Петром I. Ключевую роль в ней играли государственно-семейные торжества Романовых, среди которых крупнейшими являлись коронации. Коронование императрицы Елизаветы Петровны, состоявшееся в 1742 г., было проведено по уже имеющимся образцам имперских коронаций 1724, 1728 и 1730 гг. Из новых деталей этого церемониального действия следует отметить широкое представительство Украины среди делегаций от регионов, так как благодаря влиянию фаворита императрицы А.Г. Разумовского в Москву прибыли для участия в торжествах делегации старшины малороссийских депутатов и офицеров Слободских полков. Значительно выросло и число «радостных забав», которые продолжались больше месяца и включали застолья, балы, маскарады, оперу и иллюминации.¹⁵

В 1744–1745 гг. при заключении брака великого князя Петра Федоровича граф Санти впервые создал церемониалы крещения в православие европейской невесты наследника русского престола и обручения великого князя. По ним в Москве в церкви Головинско-

¹³ Там же. Л. 208.

¹⁴ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 255. Л. 167 (1–27); Д. 253. Л. 93 (9–17).

¹⁵ См. *Обстоятельное описание торжественных порядков... коронавания... Елизаветы Петровны... 25 апреля 1742 года*. СПб., 1744. С. 41, 94, 109, 122–128.

го дворца 28 июня 1744 г. состоялось обращение в православие принцессы ангальт-цербстской Софии Августы Фредерики, а 29 июня — обручение великого князя в кремлевском Успенском соборе.¹⁶ Затем обер-церемониймейстер представил порядок проведения самой свадьбы, состоявшейся в Петербурге в августе 1745 г., хотя во многом он напоминал европейское бракосочетание 1739 г. принцессы Анны Леопольдовны. Оба торжества проходили с многолюдной свадебной процессией, венчанием в церкви Рождества Богородицы на Невском проспекте и многочисленными увеселениями.¹⁷

В 1754 г. при рождении в семье наследника долгожданного сына, великого князя Павла Петровича, по указу Елизаветы Петровны Ф. Санти создал пышный барочный церемониал рождения и крещения детей Романовых. В нём обер-церемониймейстер тщательно прописал две части: в первой — церемонии при рождении и крещении ребёнка, сопровождавшиеся пушечной пальбой, шествием двора в церковь и возложением на младенца ордена, во второй — на 40-й день после появления ребёнка на свет поздравление в парадной спальне дворца матери — великой княгини. К церемониалу в дальнейшем обращались при рождении высочайших детей в 1758 и 1777 гг., но затем стали его упрощать.¹⁸

Наконец, новшества появились в оформлении ухода Романовых из жизни. Церемониал погребения правящих императорских особ уже был детально разработан в 1723 и 1725 гг. при прощании с царицей Прасковьей Федоровной и императором Петром I. Новым в правление Елизаветы Петровны стало создание в 1759 г. при кончине царевны Анны Петровны первого постоянного церемониала погребения царственного ребёнка.¹⁹ В дальнейшем он использовался в конце XVIII и XIX в.

Помимо разовых торжеств важное место в официальной придворной жизни занимали ежегодные табельные празднества и еженедельные протокольные увеселения. При Елизавете Петровне их состав и форма частично были изменены.

К отмечаемым церковно по всей стране военным табельным праздникам в честь побед Северной войны и Ништадтского мира императрица добавила день воспоминания «победы над прусской

¹⁶ *КФЖ 1744 г.* С. 56–66; РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 114, 115, 116.

¹⁷ *РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 113. Л. 1–10об.; КФЖ 1739 г.* С. 23–38; *КФЖ 1745 г.* С. 52–84, 187–222.

¹⁸ *РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 8, 11, 12, 63. Л. 1–5об., 8., 34–35; Оп. 3. Д. 22; КФЖ 1754 г.* Л. 81–85, 88–90; *КФЖ 1779 г.* С. 248–250; и др.

¹⁹ *РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 191.*

армией» при Гросс-Егерсдорфе (19 августа). Эта дата, напоминая об успехах Семилетней войны, закрепились в русском календаре на многие десятилетия.²⁰

Изменившийся состав правящего дома Романовых заново определил количество и даты дней их рождения и тезоименитств, особая церемониальная форма была введена для ежегодных дней восшествия на престол и коронавания императрицы. Так, новую жизнь получил праздник святых апостолов Петра и Павла. Теперь в этот день, помимо церковного праздника, отмечались тезоименитства Петра Федоровича и Павла Петровича, которые чаще всего праздновались в Петербурге или Петергофе, куда прибывали двор и дипломатический корпус.²¹

В день восшествия на престол Елизавета Петровна отмечала свою дворцовую «революцию». Ежегодно чествуя участников переворота 25 ноября 1741 г., всего более 300 человек, в вечерней части торжества она жаловала к руке офицеров и рядовых лейб-компаний, а затем для церемониального кушанья усаживалась в тронном зале с офицерами за один стол, по сторонам которого занимали места за своими столами гренадёры. Примечательно, что великий князь, великая княгиня и высшие чины империи ужинали в этот день в других помещениях дворца. Во время трапезы её участники под пушечный салют пили три здравия — за счастливое восшествие на престол Её Величества, за лейб-компанию и великого князя.²²

В годовщины коронации Елизаветы Петровны, 25 апреля, и в дни её тезоименитства, 5 сентября, в обычай вошли воинские парады подобные крещенскому. Участвовать в них могло до 16 тысяч человек.²³

Новый состав и церемониальную форму получили ежегодные орденские праздники, обязательной частью которых были орденские службы и обеды. В правление Елизаветы Петровны к дням русских орденов Св. Андрея (30 ноября) и Св. Александра Невского (30 августа) императрица добавила празднование дней ордена Св. Екатерины (24 ноября) и при малом дворе голштинского ордена Св. Анны (3 февраля), которые были учреждены в честь её матери

²⁰ См., напр.: *Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1795*. СПб., 1794.

²¹ См., напр.: *КФЖ 1745 г.* С. 30–33; *КФЖ 1756 г.* С. 44–46; *КФЖ 1758 г.* С. 90–99; и др.

²² *КФЖ 1745 г.* С. 131–135.

²³ См.: *Агеева О.Г.* Графика петербургских празднеств и траурных торжеств русского двора, XVIII век // *Жизнь и смерть в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории России XVIII–XIX вв.* М., 2020. С. 22–32.

Екатерины I и сестры цесаревны Анны Петровны. Что касается праздника св. Екатерины 24 ноября, то он был двойным, так как совпадал с тезоименитством великой княгини Екатерины Алексеевны.

Особые церемонии сопровождали празднование дня св. Александра Невского. В начале правления дочери Петра Великого оно начиналось утренним шествием, пешим или в дождь в золочёных каретах, по всему Невскому проспекту одетых в яркие орденские костюмы орденмейстера-императрицы и александровских кавалеров. За ними на орденскую службу в монастырь св. Александра Невского следовали чины двора.²⁴ Обед членов орденской организации в этот день мог проходить как в монастыре, так и во дворце.

Орденские обеды при петербургском дворе устраивались не только при праздновании дней русских орденов, но и в дни иностранных орденов, которые имела императрица — польского Белого орла (30 июля) и прусского Чёрного (8 января). В церемониал этих застолий входили тосты за здоровье монархов-орденмейстеров и за союз с их странами. Такого рода пиршества были частью международных отношений европейских дворов, поэтому русские дипломаты зорко следили за соблюдением равенства церемоний петербургских орденских обедов и застолий ордена Св. Андрея Первозванного при дворах прусского и польского королей.²⁵

Придворные развлечения, которые так любила Елизавета Петровна, были оформлены особыми этикетными правилами, носили регулярный характер и в целом составляли особую систему еженедельных посещений двора русским обществом и дипломатами.

По воскресеньям и в какой-либо другой день недели проходили куртаги «с музыкой», то есть собрания для разговоров и игры в карты. В понедельник и в среду или пятницу устраивались столь любимые императрицей балы — маскарады. Вторник и пятница обычно отводились для театральных представлений. По понедельникам и средам после обеда при дворе устраивались концерты.²⁶

Таким образом, чины первых классов по Табели о рангах и члены их семей собирались в стенах дворца для увеселений до пяти раз в неделю, не считая церковных служб по воскресеньям и в двенадцатые праздники. Распорядок этой придворной «работы» императрица устанавливала указами об отдельных собраниях или недельными расписаниями, и она же их отменяла. В периоды православных постов публичная жизнь двора замирала.

²⁴ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 2. Л. 189, 193; КФЖ 1746 г. С. 83–84.

²⁵ РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 2. Л. 106–107, 164–169, 171; КФЖ 1746 г. С. 12.

²⁶ РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 58. Л. 4; Д. 71. Л. 71; Д. 81. Л. 20, 50; КФЖ 1745 г. С. 93; и др.

Обычными, устраиваемыми во дворце несколько раз в году, стали при Елизавете Петровне публичные дворянские и купеческие маскарады, вход на которые был свободен. Обычно в них участвовало до тысячи и более человек. При этом дворянские маскарады являлись корпоративным сословным увеселением только лиц этого сословия, на купеческие же допускались купцы, чиновники, придворные служители, иностранные мастера и другие состоятельные горожане.²⁷

Праздники и еженедельные придворные увеселения, получая повестки, посещали по указам императрицы лица 1–2, 1–3, 1–4, 1–5 или 1–8 классов, то есть от 30–40 до 600 чинов. Благодаря этому придворная жизнь поддерживала структурирование русского общества по Табели о рангах. Постоянно на мероприятиях двора присутствовали иностранные дипломаты, что благодаря их донесениям делало придворную жизнь хорошо известной в Европе.

Таким образом, императрица Елизавета Петровна успешно завершила преобразование петербургского двора и формирование нового придворного общества, которые были начаты в правление её отца Петра Великого.

Архивные источники

1. *АВПРИ*. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572.
2. *РГАДА*. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1.
3. *РГИА*. Ф. 473. Оп. 1. Д. 2, 8, 11–12, 22, 58, 63, 71, 81, 84, 114–116, 253, 255.

Литература

4. **Агеева О.Г.** Графика петербургских празднеств и траурных торжеств русского двора, XVIII век // *Жизнь и смерть в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории России XVIII–XIX вв.* М.: ИНДРИК, 2020. С. 18–39.
5. **Бантыш-Каменский Н.Н.** *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*. Ч. 1–4. М.: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства иностранных дел, 1894–1902. (X, 6, 304 с.), (VIII, 272 с.), (IV, 4, 319 с.), (IV, [4], 463 с.).
6. *КФЖ 1695–1816 гг.* СПб., 1853–1916; *КФЖ 1739–1779 гг.* СПб., б.г.–1883.
7. *Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1795*. СПб.: Имп. академия наук, 1794.
8. *Обстоятельное описание торжественных порядков... коронавания... Елисавет Петровны... 25 апреля 1742 года*. СПб.: Имп. академия наук, 1744. [2], 168 с.
9. *ПСЗ*. Т. 12: 1744–1748. СПб.: В тип. II отд-я Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.

²⁷ *РГИА*. Ф. 466. Оп. 1. Д. 84. Л. 6, 14–14об.

Дарья Олеговна Васильева

*Заведующая сектором Византии и Ближнего Востока Отдела Востока
Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург*

Елизавета Петровна
и посольство Надир-шаха

Daria O. Vasilyeva

Elizabeth Petrovna
and the Embassy of Nadir Shah

Аннотация: В статье представлен краткий обзор обстоятельств нахождения в России иранского чрезвычайного посольства, отправленного по приказу Надир-шаха Афшара вскоре после индийского похода и достигнувшего Петербурга в конце сентября 1741 г. Члены миссии пробыли в российской столице до 1742 г. и в том же году приняли участие в коронационных торжествах, организованных в Москве по случаю воцарения Елизаветы Петровны. Особое внимание уделено встречам восточных дипломатов и Елизаветы в то время, когда она уже находилась в статусе правительницы.

Abstract: The paper gives a brief overview of the extraordinary embassy of Iran's stay in Russia. Sent by the order of Nadir Shah Afshar shortly after his military campaign in India, the embassy arrived in Saint Petersburg in the end of September 1741. The members of the mission stayed in the Russian capital until 1742. They took part in the coronation ceremony arranged in Moscow in the same year on the occasion of the enthronement of Elizabeth Petrovna. A special focus is made on meetings of the Iranian diplomats with Elizabeth during the period after she became the reigning monarch.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, Надир-шах, иранское посольство, Великие Моголы, Эрмитаж.

Keywords: Elizabeth Petrovna, Nadir Shah, Iranian embassy, the Great Mughals, the Hermitage Museum.

Незадолго до начала царствования Елизаветы Петровны в российскую столицу прибыло торжественное чрезвычайное посольство, снаряжённое по приказу иранского правителя Надир-шаха Афшара (1736–1747). После смерти первого посла главой делегации был назначен Мухаммад Хусейн-хан, прибывший в столицу в сопровождении многочисленной свиты. Появление посольства в Петербурге в конце сентября 1741 г. стало одной из ярких страниц в истории дипломатических отношений России и Ирана¹. Приезд этой миссии, направленной ко двору Анны Иоанновны в 1739 г., был призван возвестить о победе, одержанной войсками иранского монарха в Могольской Индии, а также о завоевании Бухары и Хивы, последовавшем вскоре после индийского похода Надира.

Регулярный обмен посольствами между Московской Русью и Сефевидским Ираном сложился ещё к концу XVI в. Постоянные и интенсивные дипломатические и торговые контакты поддерживались обоими государствами на протяжении всего следующего столетия. Со сменой столицы посольства из Ирана, отсылаемые к российскому двору правителями заметно ослабевшей к этому времени державы Сефевидов, а затем и пришедшим к власти Надир-шахом, основателем новой династии Афшаридов, начинают прибывать в Петербург уже в первые десятилетия XVIII в.

Хотя сам факт снаряжения подобного рода дипломатической миссии в Россию вполне соответствовал характеру взаимоотношений двух стран, сложившихся в рассматриваемый период, посольство 1739–1742 гг. выделялось в этой череде благодаря необычным обстоятельствам своей отправки и многочисленности делегации. По некоторым оценкам, в первое время в его составе насчитывалось 2128 человек и столько же лошадей. В качестве живых подарков с посольством следовали 14 слонов, сопровождаемые индийцами-погонщиками.² В российскую столицу были доставлены драгоценные дары, среди которых находились предметы пирише-

¹ До 1935 г. Иран также назывался Персией.

² См.: **Васильева Д.О.** Живые подарки: Слоны посольства Надир-шаха 1739–1742 годов // *XXX Международный конгресс по ИИСАА: К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930): Мат-лы конгр.* / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Т. 1. СПб., 2019. С. 179–187; **Она же.** Слоны как дипломатический дар: Посольство Надир-шаха 1739–1742 гг. = **Vasilyeva D.** Elephants as Diplomatic Gifts: Nādir Shāh's Embassy of 1739–1742 // *Доклады Международного конгресса по ИИСАА. Т. 1: XXX конгресс по ИИСАА: К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930) = Proceedings of the International Congress on HSSA. Vol. 1: XXX Congress on HSSAA: On the Occasion of the XXXth Anniversary of Academician Vasily V. Barthold (1869–1930)* / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб., 2020. С. 281–310.

ственной посуды и ювелирные украшения, очевидно, захваченные иранскими войсками в сокровищнице Великих Моголов в ходе вторжения в Индию, а кроме того, ткани различных сортов и расцветок.³ Часть подарков, первоначально предназначавшаяся Анне Иоанновне, была поднесена Иоанну Антоновичу, сменившему скончавшуюся государыню на престоле к тому времени, когда посольство уже находилось в пределах России. Остальные предметы, разделённые на две группы, равные по количеству и общей стоимости и включающие одинаковые типы изделий, предполагалось вручить регентше Анне Леопольдовне и цесаревне Елизавете Петровне. Драгоценные дары, привезённые Иоанну и его матери, были переданы на первой публичной аудиенции, данной Анной Леопольдовной персидскому послу 2 октября 1741 г.

В месяцы, предшествующие и следующие за пересечением посольством границы, возможность приезда столь представительной делегации и её длительного пребывания на территории страны вызвала заметное беспокойство российских дипломатов и сановников, которые опасались перспективы военного вторжения армии Надир-шаха и поначалу пытались уговорить иранцев сократить численность свиты, подозревая последнюю в ведении разведывательной деятельности. Как показало дальнейшее развитие событий, эти опасения не подтвердились. Обширный корпус архивных документов, связанных с историей приезда посольства, не даёт прямого ответа на вопрос о каких-либо особых поручениях, данных этой миссии шахом, будь то сбор и анализ разведывательных данных или заключение новых военно-политических союзов или торговых соглашений.

На смену первым предположениям относительно враждебного характера миссии и военной угрозе, которую она могла нести в себе, пришли слухи совершенно иного рода. Из донесений и воспоминаний современников-иностранцев, находившихся при российском дворе, следует, что настоящей целью приезда многочисленных восточных гостей было сватовство шаха к Елизавете.⁴ По всей

³ См.: **Васильева Д.О.** Могольские ювелирные украшения в составе даров посольства Надир-шаха // *Ювелирное искусство и материальная культура. Сб. статей.* СПб., 2021. С. 63–75; **Она же.** Сохраненное и утраченное: Драгоценные дары посольства Надир-шаха 1739–1742 годов // *Дары и трофеи: Диалог в искусстве Востока и Запада. Мат-лы второй науч. конф. «Проблемы изучения восточных коллекций»* / Научные сообщения Государственного музея Востока. — (в печати).

⁴ **Пекарский П.** *Маркиз Де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов: Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге* / Издал с примеч. и доп. П. Пекарский. СПб., 1862. С. 345–347; [**Манштейн Х.Г., фон.**] Записки о

вероятности, ходившие в столице толки были далеки от истинных намерений Надира. Посол не удостоил Елизавету Петровну своим визитом, прислав 6 октября 1741 г. назначенные ей подарки с «первым чиновным человеком» Этимад-ханом, также именуемым в русских архивных документах товарищем посла. В церемониале приёма иранского вельможи во дворце Елизаветы участвовали генерал-майор С.Ф. Апраксин, сопровождавший посольство, и действительный тайный советник Х.В. Миних, которому было поручено подготовить ответ на приветствие. По сообщению английского посланника Э. Финча, раздосадованная Елизавета, тшетно готовившаяся к встрече только с самим послом, наотрез отказалась лично принимать чиновника и забрала подарки через одного из своих приближённых.⁵ Видя в оказанном ей пренебрежении происки Остермана, она просила напомнить ему: «который один устроил дело столь неприличным образом, если он забыл, что мой отец и мать вывели его из учителя, каким он был, то я сумею

России генерала Манштейна, 1727–1744. Ч. 2, гл. I–V, события 1740–1741 гг. // *Русская старина*. СПб., 1875. Приложение к т. XII–XIV: Т. XIV. Октябрь. С. 212; [Герман]. Царствование Иоанна VI Антоновича: Из сочинений Германа, История Русского Государства // *Русский архив*. М., 1867. Вып. 2. Стб. 184; **Manstein Ch.H., von**. *Contemporary Memoirs of Russia: From the Year 1727 to 1744*. London, 1856. P. 294. Хотя состоятельность утверждения Манштейна о матримониальных планах Надира в отношении Елизаветы Петровны подверглась критике ещё в конце 1820-х гг. (см.: Замечания на записки Манштейна о России // *Отечественные записки*. Т. 38. СПб., 1829. № 108. Апрель. С. 11), позднее этого же мнения продолжал придерживаться Бантыш-Каменский. См.: **Бантыш-Каменский Д.Н.** *Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов*. Ч. 1. СПб., 1840. С. 274; **Дубасов И.И.** Пребывание Персидского посольства в Тамбове в 1741 году // *Очерки из истории Тамбовского края*. Вып. 2. М., 1883. С. 60; См. также: **Соловьёв Ю.П.** Персидское посольство 1740–1742 гг. к Русскому Двору: Парадоксы межкультурного взаимодействия // *История. Общество. Политика*. Брянск, 2018. № 2 (6). С. 12. Отголоски этих слухов также нашли отражение в иранской историографии второй половины XX в. и работах ряда современных западных исследователей. Объектами матримониальных притязаний Надира авторы последовательно указывали одну из двух императриц: Елизавету Петровну либо Анну Иоанновну, вышедшую из возраста невест задолго до отсылки посольства и успевшую скончаться к моменту его прибытия в Петербург. См., напр.: **Tāhirī Shihāb M.** *Khvāstīgārī-yi Nādir Shāh Afshār az Ilizābit, dukhtar-i Pitr-i Kabīr* // *Vahīd. Mihr* 1345. Shumārah-’i 34. S. 871–874; См. также: **Ekhtiar M.** *An Encounter with the Russian Czar: The Image of Peter the Great in Early Qajar Historical Writings* // *Iranian Studies*. 1996. Vol. 29. No. 1/2 (Winter–Spring, 1996). P. 60.

⁵ *Сб. РИО*. Т. 91: *Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 7 марта 1741 г. по 16 июля 1742 г.* СПб., 1894. С. 293.

заставить его вспомнить, что я дочь Петра I и что он обязан уважать меня».⁶

Так или иначе, Елизавете была вручена её часть индийских презентов: она получила три перстня, бутылъ и ароматник, при каждом из которых находился поднос, чашечку с крышкой, четыре парчи разных сортов, три куса хлопчатобумажных набивных тканей-каламкаров с золотными травами и две штуки широкой шерстяной материи терме. Перечень поднесённых вещей не свидетельствовал в пользу того, что шах выделял цесаревну и выказывал ей предпочтение в сравнении с Анной Леопольдовной. Кроме того, Елизавете также досталась одна слониха с изарбафным⁷ серебряным покрывалом с серебряной бахромой и серебряными кистями. Ряд произведений ювелирного искусства, ранее входивших в состав посольских даров, в том числе и некоторые из тех изделий, которые были переданы Елизавете, со временем поступили в эрмитажное собрание, тогда как судьба не попавших в музей драгоценных предметов и всех тканей остаётся неизвестной.

Члены иранской миссии пробыли в России более года, застав бурные события её политической жизни и оказавшись невольными свидетелями дворцового переворота. В декабре 1741 г. персидский посол продолжал находиться в столице и участвовал в праздновании дня рождения Елизаветы вместе с другими иностранными дипломатами.⁸ В конце января — начале февраля 1742 г. иранцы планировали выехать в Москву тремя обозами. В связи со сменой правящего монарха дипломатический протокол требовал нового подтверждения полномочий посла до его возвращения на родину, и 30 января 1742 г. российскому резиденту в Иране Ивану Петровичу Калушкину был отправлен рескрипт, где упоминалось о необходимости получения новой аккредитивной грамоты от шаха, без которой Мухаммад Хусейн-хан не мог быть допущен на прощальную аудиенцию.

Находясь в Дербенте, Надир-шах был извещён о приходе Елизаветы к власти от резидента Калушкина 1 января 1742 г., и в дополнение к этому получил уведомление о последних политических событиях через своего посла в России.⁹ Благосклонно приняв это известие и добавив, что российский престол «законно и по праву

⁷ *Изарбаф* (*изарбаф*, *изарбат*, *зарбаф*, перс. «златотканый») — название шёлковой ткани, вырабатывавшейся с добавлением металлических нитей, золотых или серебряных.

⁸ *Санкт-Петербургские ведомости*. 22 декабря 1741. № 102. С. 813.

⁹ *АВПРИ*. Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 77/1. 1742 г. Д. 4. Л. 1–12.

крови» принадлежит лишь Елизавете как дочери Петра Великого, шах пожаловал Калушкину денежную сумму в размере 1000 рублей, халат и кушак с чалмой, и кроме того выдал денежное вознаграждение студенту Братишеву и толмачу Серебрякову, сопровождавших резидента на аудиенцию. Воспользовавшись случаем, НаDIR не преминул выдвинуть через Калушкина требования об освобождении 200 лошадей, задержанных в Кизляре, свободной продаже на территории России лошадей и верблюдов и присылке из Астрахани десяти российских морских судов, из них трёх военных, необходимых для умирения бунтовщиков (пиратов) на острове Огурджалы¹⁰ в Каспийском море, и семи — для поставок провианта в Дербент. Вскоре восточный монарх отправил к российскому двору грамоту с поздравлениями, удостоверявшую полномочия Мухаммада Хусейн-хана,¹¹ которая была привезена в Петербург 7 февраля. К ней прилагалось отдельное письмо от шаха.¹² Позднее в Иран была доставлена грамота Елизаветы, официально возвещавшая о её воцарении и подтверждавшая статус российского резидента, и письмо от канцлера князя А.М. Черкасского, адресованное среднему сыну и вакилю (наместнику) Надира, Насрулла-мирзе.¹³ Калушкин, вручивший грамоту Надиру, был вновь щедро одарен шахом, получив «золотую вещь с превеликим красным яхонтом», украшенную двенадцатью мелкими алмазами и расцветенную эмальями.¹⁴

По указу Елизаветы при отъезде из столицы в Москву Мухаммаду Хусейн-хану через Апраксина были пожалованы сорок соболей ценою в 800 рублей и штука парчи «с золотными травами». Рулон ткани длиной в сорок аршин с четвертью был куплен у иностранного торговца Штегельмана по цене 18 рублей за аршин, общей стоимостью 724 рубля 50 копеек.¹⁵

Мухаммад Хусейн-хан рассчитывал как можно скорее вручить привезённую им из Петербурга в Москву первую шахскую грамоту, однако Апраксин, как следует из содержания записки, поданной им

¹⁰ В реляциях И.П. Калушкина описан как остров в Каспийском море, протяжённостью в десять миль, называемый Огриджи и пролегающий между Мазендераном и Астарбадом.

¹¹ *АВПРИ*. Ф. 77. Оп. 77/2. 1742 г. Д. 21. Л. 2–3 об.; Оп. 77/1. 1742 г. Д. 1. Л. 29–29 об.

¹² Там же. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 1. Л. 1–1 об.; Оп. 77/2. 1742 г. Д. 21. Л. 1, 4–4 об.

¹³ Там же. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 2.

¹⁴ Там же. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 4. Л. 128 об.–129, 139. Предмет был оценён иранцами в 2500 рублей.

¹⁵ Там же. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 14. Т. 1. Л. 249; Оп. 77/5. 1742 г. Д. 6. Л. 89.

в Коллегию иностранных дел 19 марта, от имени кабинета министров объявил о невозможности проведения публичной аудиенции, ссылаясь на то, что при подготовке к коронации Елизавета Петровна «по древнему обыкновению, изволит все то время проводить в посте и молитвах, почему и не могут быть при Дворе никакие торжества и, следовательно, грамота шахова прежде коронации подана быть не может».¹⁶ После продолжительных уговоров Апраксина посол сдался «на волю и рассуждение министров», уведомив о происходящей задержке шаха.¹⁷

25 апреля 1742 г. иранская делегация во главе с Мухаммадом Хусейн-ханом приняла участие в торжествах, наблюдая за проходом коронационной процессии из Успенского в Благовещенский собор на специально отведённом месте на Соборной площади.¹⁸ Спустя два дня после коронации, вечером 27 апреля, персидский посол со свитой прибыл в Грановитую палату на высочайшую аудиенцию.¹⁹ Войдя в палату и трижды поклонившись, он произнёс краткую поздравительную речь.²⁰ В ответном слове обер-гофмейстера графа С.А. Салтыкова сообщалось о том, что Елизавета милостиво приняла поздравления дипломата.²¹ Затем посол подошёл к руке государыни, а за ним последовали и остальные члены свиты. После окончания приёма Мухаммад Хусейн-хан был препровождён обратно тем же порядком, каким и был доставлен в палату. Организация этой встречи близко повторила церемониал двух публичных аудиенций, годом ранее данных послу в Петербурге Анной Леопольдовной.

В мае — июне 1742 г. Мухаммад Хусейн-хан получил ещё две аудиенции у Елизаветы Петровны, по-прежнему находившейся в Москве, в Зимнем дворце в Лефортово, а затем отбыл из России. Сохранились подробные описания церемониала обеих встреч.²² Пер-

¹⁶ *Архив князя Воронцова*. Кн. 1: *Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова*. М., 1870. С. 293.

¹⁷ *АВПРИ*. Ф. 77. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 33. Л. 10.

¹⁸ *Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного шествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования ея августейшаго императорскаго величества всепресветлейшаго державнейшаго великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть шествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года*. СПб., 1744. Таб. 30: «Вид в проспекте Успенской соборной церкви и перед оной площади и прочему строению», № 8.

¹⁹ Там же. С. 105.

²⁰ Там же. С. 106.

²¹ Там же. С. 106–107.

²² *АВПРИ*. Ф. 77. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 14. Т. 22.

вая — состоялась 16 мая, в ходе которой посол вручил первую грамоту от шаха, заключающую поздравления и отосланную ещё до момента, когда Надиру была доставлена официальная грамота о смене власти в России от самой Елизаветы. В приложенном к документу письме от шаха, среди прочего, кратко упоминалось о безуспешных результатах работы предыдущего посла, Хулефа-мирзы Кафи, несколько лет прожившего в России.

25 мая 1742 г. посол с ближайшим окружением был приглашён наблюдать последний из восьми придворных маскарадов, проходивших в рамках коронационных торжеств, на которых присутствовала императрица. Восточные гости отужинали за столами, специально накрытыми по этому случаю.²³

Вторая поздравительная грамота от шаха, подтверждающая полномочия резидента Калушкина,²⁴ оригинал которой был получен в России ещё 27 марта 1742 г., была зачитана послом на отпускной аудиенции, прошедшей 20 июня. Одновременно с грамотой было доставлено письмо на имя князя Черкасского от племянника Надира, Ибрахим-хана.²⁵ Шах, а вместе с ним и его племянник в явной форме выразили неудовлетворённость итогами сотрудничества с российскими сановниками в предшествующие годы, «за нерадением прежних управителей, на которых государственные дела положены были». Как следует из содержания шахской грамоты, НаDIR рассчитывал на то, что их взаимоотношения с Елизаветой Петровной сложатся более благоприятно.²⁶

В ходе аудиенции Мухаммаду Хусейн-хану был дан отпуск из России.²⁷ Елизавета вручила послу ответную грамоту на имя Нади-

²³ *Обстоятельное описание ...* С. 127.

²⁴ *АВПРИ*. Ф. 77. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 1. Л. 2–8 об., 30–30 об.

²⁵ Там же. Л. 9–16 об.

²⁶ С небольшой долей вероятности можно предположить, что этот фрагмент текста документа, в переводе П.М. Чекалевского содержащий слова «и след к возобновлению союза имеется», схожим образом переданный и в других вариантах перевода грамоты на русский язык, или же прочие подобные выражения, говорящие о «дружбе», «союзе» и «согласии» и нередко включавшиеся в официальную дипломатическую переписку тех лет, впоследствии могли быть истолкованы исследователями как предложение о заключении брачного союза. Представляется, однако, что использование этих лексем не выходило за пределы привычных норм эпистолярного этикета шахских грамот, адресованных российским правителям, и их употребление в официальной корреспонденции не могло быть воспринято современниками описываемых событий как изъявление намерения о вступлении в брак.

²⁷ Речь посла на отпускной аудиенции см.: *АВПРИ*. Ф. 77. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 14. Т. 22. Л. 5–5 об.; Оп. 77/7. 1741 г. Д. 76.

ра, вместе с переводом, написанную на «большом цесарском листу с золотыми заставицы», запечатанную большой государственной печатью под бумажной кустодией и обернутую золотой парчой. В ней российская императрица благодарила шаха за дорогие подарки, поздравляла с завоеванием Индии, Бухары и Хивы и говорила о своём расположении к иранскому послу.²⁸

При отъезде Мухаммаду Хусейн-хану предполагалось поднести чеканный кубок с крышкой, выполненный по специальному эскизу из позолоченного серебра 72 пробы и украшенный с одной стороны российским гербом, а с другой — вензелем Елизаветы Петровны. Изготовление этого памятного предмета было заказано в Москве у иностранного мастера Гаврилы Зона. Цена кубка весом около 10 фунтов, включившая материалы и стоимость работы, составила 192 рубля 54 копейки.²⁹

Отбыв из Москвы в обратный путь 14 августа, посольство оказалось в пределах Ирана к середине ноября 1742 г. После отъезда Мухаммада Хусейн-хана на протяжении следующих нескольких лет продолжалось обсуждение вопроса об отсылке в Иран ответной миссии. Шах неоднократно напоминал о том, что ожидает приезда российской делегации, и был раздражён длительным промедлением российских властей. Ещё в конце 1741 г. через бывшего посла Хулефа-мирзу Кафи шах, по-видимому, впечатлённый рассказами о придворных балах, приглашал к отправке вместе с российским посольством «европейских девиц и придворных евнухов, которые до императорской компании допущены бывают и в танцевании искусство имеют, с одним хором музыки».³⁰ В дальнейшем шах вторично напомнил о своём пожелании и осенью того же года просил прислать к его двору живописных и гравировальных художников.³¹

Ответное посольство, которое возглавил князь М.М. Голицын,³² выдвинулось из Москвы 10 сентября 1745 г. Оставшись на зимовку

²⁸ Там же. Оп. 77/1. 1742 г. Д. 1. Л. 32–34 об.

²⁹ *Архив князя Воронцова*. С. 227; *АВПРИ*. Ф. 77. Оп. 77/5. 1742 г. Д. 6. Л. 60–66, 69–74 об., 108, 190–191.

³⁰ *АВПРИ*. Ф. 77. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 33. Л. 1–3; Оп. 77/1. 1742 г. Д. 1. Л. 18 об., 22, 26 об.

³¹ Там же. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 33. Л. 9, 27.

³² Об истории неудавшегося посольства см.: [Лерх И.Я.] Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию, от 1745 до 1747 года / Пер. с нем. А. Клевцекого и М. Судакова // *Новые ежемесячные сочинения*. СПб., 1790. Ч. XLVIII. С. 52–102; Ч. L. С. 44–96; Ч. LII. С. 44–66; Ч. LIII. С. 20–47; Ч. LIV. С. 73–95; 1791. Ч. LV. С. 55–79; Ч. LVI. С. 77–93; Ч. LVII. С. 87–99. Ч. LVIII. С. 63–82. Ч. LX. С. 82–90. Ч. LXII. С. 58–83; [Lerch J.J.]

в Астрахани, оно продолжило путь лишь в начале 1747 г. В составе миссии насчитывалось 470 человек свиты. Шаху были отосланы двадцать испанских, английских и неаполитанских лошадей под красными кармазинными попонами с золотым галуном, а также 24 разных ловчих птиц с сокольниками, однако в дороге все птицы погибли, и сокольники были отправлены обратно в Астрахань. Кроме того, среди подарков иранскому шаху предполагалось привезти ткани и собольи меха.³³

Российскому посольству не суждено было застать Надир-шаха в зените его славы. Нестабильность политической ситуации, а затем и убийство шаха в результате заговора в июне 1747 г. вынудили российскую делегацию, остававшуюся в Реште, вернуться в Астрахань, так и не встретившись с Надиром. Со смертью этого восточного правителя его держава распалась и на долгие годы погрузилась в междоусобицы, и Иран, когда-то важный игрок на международной политической арене, так и не смог вернуть себе былое могущество.

Архивные источники

1. *АВПРИ. Ф. 2 «Внутренние коллежские дела».* Оп. 2/6. 1745 г. Д. 814; Ф. 77 «Сношения России с Персией». Оп. 77/1. 1741 г. Д. 2, 33; Оп. 77/1. 1742 г. Д. 1, 4, 14. Т. 1, 14. Т. 22; Оп. 77/2. 1742 г. Д. 21; Оп. 77/5. 1742 г. Д. 6; Оп. 77/7. 1741 г. Д. 76.

Литература

2. [Lerch J.J.] *Nachricht von der zweiten Reise nach Persien, welche der kaiserl. russische Collegienrath Herr D. Johann Jacob Lerch von 1745 bis 1747 gethan hat. Ausgefertigt 1765 // Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. A.-F. Büsching.* Halle, 1776. Theil X. S. 367–476.
3. **Manstein Ch.H., von.** *Contemporary Memoirs of Russia: From the Year 1727 to 1744.* London, 1856.
4. *Архив князя Воронцова.* Кн. 1: *Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова.* М., 1870.
5. **Бантыш-Каменский Д.Н.** *Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов.* Ч. 1. СПб., 1840.

Nachricht von der zweiten Reise nach Persien, welche der kaiserl. russische Collegienrath Herr D. Johann Jacob Lerch von 1745 bis 1747 gethan hat. Ausgefertigt 1765 // Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. A.-F. Büsching. Halle, 1776. Theil X. S. 367–476.

³³ *АВПРИ. Ф. 2 «Внутренние коллежские дела».* Оп. 2/6. 1745 г. Д. 814. Л. 182 об., 318–318 об., 345 об.–346, 377–377 об.

6. **Васильева Д.О.** Живые подарки: Слоны посольства Надир-шаха 1739–1742 годов // *XXX Международный конгресс по ИИСАА: К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930): Мат-лы конгр.* / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. Т. 1. СПб., 2019. С. 179–187.
7. **Васильева Д.О.** Могольские ювелирные украшения в составе даров посольства Надир-шаха // *Ювелирное искусство и материальная культура. Сб. статей.* СПб., 2021. С. 63–75.
8. **Васильева Д.О.** Слоны как дипломатический дар: Посольство Надир-шаха 1739–1742 г. = **Vasilyeva D.** Elephants as Diplomatic Gifts: Nādir Shāh's Embassy of 1739–1742 // *Доклады Международного конгресса по ИИСАА.* Т. 1: *XXX конгресс по ИИСАА: К 150-летию академика В.В. Бартольда (1869–1930) = Proceedings of the International Congress on HSSAA.* Vol. 1: *XXX Congress on HSSAA: On the Occasion of the XXXth Anniversary of Academician Vasily V. Barthold (1869–1930)* / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. СПб., 2020. С. 281–310.
9. **Васильева Д.О.** Сохраненное и утраченное: Драгоценные дары посольства Надир-шаха 1739–1742 годов // *Дары и трофеи: Диалог в искусстве Востока и Запада. Мат-лы второй науч. конф. «Проблемы изучения восточных коллекций»* / Научные сообщения Государственного музея Востока. — (в печати).
10. **[Герман].** Царствование Иоанна VI Антоновича: Из сочинений Германа, История Русского Государства // *Русский архив.* М., 1867. Вып. 2. Стб. 161–189.
11. **Дубасов И.И.** Пребывание Персидского посольства в Тамбове в 1741 году // *Очерки из истории Тамбовского края.* Вып. 2. М., 1883. С. 59–69.
12. Замечания на записки Манштейна о России // *Отечественные записки.* Т. 38. СПб., 1829. № 108. Апрель. С. 3–21.
13. **[Лерх И.Я.]** Известие о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию, от 1745 до 1747 года / Пер. с нем. А. Клевещко и М. Судакова // *Новые ежемесячные сочинения.* СПб., 1790. Ч. XLVIII. С. 52–102; Ч. L. С. 44–96; Ч. LI. С. 44–66; Ч. LIII. С. 20–47; Ч. LIV. С. 73–95; 1791. Ч. LV. С. 55–79; Ч. LVI. С. 77–93; Ч. LVII. С. 87–99. Ч. LVIII. С. 63–82. Ч. LX. С. 82–90. Ч. LXII. С. 58–83.
14. **[Манштейн Х.Г., фон].** Записки о России генерала Манштейна, 1727–1744. Ч. 2, гл. I–V, события 1740–1741 гг. // *Русская старина.* СПб., 1875. Приложение к т. XII–XIV: Т. XIV. Октябрь.
15. *Обстоятельное описание торжественных порядков благополучнаго вшествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования ея августейшаго императорскаго величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года.* СПб., 1744.
16. **Пекарский П.** *Маркиз Де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов: Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге* / Издал с примеч. и доп. П. Пекарский. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1862. 640 с.
17. *Санкт-Петербургские ведомости.* 22 декабря 1741. № 102.

18. *Сб. РИО*. Т. 91: Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 7 марта 1741 г. по 16 июля 1742 г. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1894.
19. **Соловьёв Ю.П.** Персидское посольство 1740–1742 гг. к Русскому Двору: Парадоксы межкультурного взаимодействия // *История. Общество. Политика*. Брянск, 2018. № 2 (6). С. 7–34.

Сергей Николаевич Искюль

Директор научного архива

Санкт-Петербургского Института истории РАН, Санкт-Петербург

Императрица Елизавета Петровна и наследование престола

Sergey N. Iskyul

Empress Elizabeth Petrovna and the succession to the throne

Аннотация: Статья посвящена династической ситуации, возникшей, вероятно, ещё до дворцового переворота 1740 г., которая стала очевидной, когда цесаревна Елизавета вступила на российский престол. Стремление вернуть ситуацию в «петровское» русло способствовало единственно правильному решению Елизаветы и выбору своего племянника Карла Петра Ульриха Гольштейн-Готторпского своим наследником на престоле. В статье даётся представление о заботах Елизаветы Петровны в деле должного воспитания будущего православного государя и всестороннего образования того, кто в 1761 г. вступил на российский престол.

Abstract: The article is devoted to the dynastic situation, which probably arose even before the palace coup in 1740, which became apparent when the «crown princess» Elisabeth came to the Russian throne. The desire to return the situation to the «Petrine» channel contributed to the only correct decision of Elizabeth and the choice of her nephew Karl-Peter-Ulrich Holstein-Gottorp as her heir to the throne. The article gives an idea of the concerns of Elisabeth Petrovna in the proper upbringing of the future Orthodox sovereign and the comprehensive education of the one who ascended the Russian throne in 1761.

Ключевые слова: Дворцовый переворот 1740 г., императрица Елизавета, Карл Петер Ульрих герцог Гольштейн-Готторпский, воспитание, Академик Якоб Штелин, учение и образованность.

Keywords: Palace coup of 1740, Empress Elisabeth, Karl-Peter-Ulrich Duke of Holstein-Gottorp, upbringing, academician Jacob Stählin, learning and education.

Вскоре после своего вступления на престол, ещё в декабре 1741 г., а скорее всего ещё раньше, Елизавета принимает решение в пользу обеспечения дальнейшего престолонаследия с целью упрочить в первую очередь собственные династические позиции. Это вызывалось, между прочим, и тем обстоятельством, что сама Елизавета была рождена за два года до того, как её родители стали мужем и женой. Впоследствии, когда после смерти императора Петра II встал вопрос о престолонаследии, это явилось причиной, почему её кандидатура не стала единственно возможной и Елизавету Петровну не призвали на российский престол.

Именно поэтому Елизавета поспешила с вызовом своего племянника в Петербург с тем, чтобы тот со временем и занял российский престол. Её племянник был сыном её старшей сестры и дочери Петра I Анны Петровны и Гольштейн-Готторпского герцога Карла Фридриха.

По праву рождения, принц, окрещённый евангелическим пастором и наречённый Карлом Петером Ульрихом, с самого рождения был наделён ещё и другими, вполне реальными правами на престол: родители наследного принца Гольштейн-Готторпского, согласно брачному контракту, заключённому в 1724 г., отказывались от каких бы то ни было претензий на российский престол, однако, согласно одному из его секретных пунктов, Петр I Алексеевич не исключил возможности выбрать своим преемником, «одного из урожденных Божеским благословением из сего супружества принцев». Статья 4 этого основополагающего документа гласила: «Тако ж соизволено и договорено, что как из сего супружества Божиим благословением рождаемые Принцы, все и каждые во Евангелической Лютеранской вере, тако и все Принцессы в вере и исповедании Греческой Церкви воспитаны и возвращены быть имеют».¹

Согласно же «Тестаменту» императрицы Екатерины I, «ежели Великий князь <т.е. сын царевича Алексея Петровича, император Петр II. — Прим. С.И.> без наследников преставится, то имеет по нем Цесаревна Анна с своими Десцендентами <фр., наследниками. — Прим. С.И.>, по ней Цесаревна Елисавета и Ея Десценденты <...>».² То есть, после смерти бездетного императора Петра II, а затем и цесаревны Анны Петровны, на престол должен был вступить её сын — Петр Феодорович, которому при кончине Петра II не исполнилось и 2 лет.

¹ ПСЗ. Т. 7. СПб., 1830. № 4605.

² Законодательство Екатерины I и Петра II / Сост. и автор вступительных статей В.А. Томсинов. М., 2008. С. XXV–XXXII.

Таким образом, пути династические, устанавливающие родственные связи, а порой и налагающие родственные путы, воистину неисповедимы — едва ли с этим можно не согласиться. Новому российскому государю в этом отношении повезло, но в то же время не повезло настолько, что его можно даже считать своеобразной «жертвой» династической политики. Знали ли об этом в России, в том числе и те, кто лично мог быть заинтересован в том или ином династическом повороте политической истории империи? Безусловно знали и вынашивали свои планы, не исключая и цесаревны Елизаветы, приходившейся Карлу Петеру тёткой.

При этом надо иметь в виду, что в любом случае принц Гольштейн-Готторпский не должен был упускать из виду интересы герцогства, престол которого ему также суждено было унаследовать. Суровая необходимость и соображения государственной пользы властной рукой распоряжались человеческой судьбой. С малых лет герцог-отец Карл Фридрих готовил сына к военному поприщу, имея в виду при благоприятных обстоятельствах — возвращение герцогских земель (Шлезвига), отошедших к Дании по Фредериксборгскому миру (3 / 14 июля 1720 г.), завершившему датско-шведскую войну. В этом смысле Карл Фридрих определённо не скрывал своих надежд и, указывая придворным на сына, произведённого им в лейтенанты 9-ти лет от роду, не раз говорил: «Он выручит нас из беды и поправит наши дела». Академик Якоб Штелин, со временем приставленный к воспитанию и начальному образованию будущего императора, писал в своих записках, что увлечение тем, что составляло «внешние формы военщины», принц перенял от отца и офицеров герцогской гвардии, многие из которых некогда служили в прусской армии, образцовой школе по справедливому мнению многих военных тогдашней Европы.

Помимо вопроса о «датском» Шлезвиге в политике герцогства Гольштейн-Готторпского, эта династическая ситуация осложнялась ещё и тем, что в Петербурге, да и в Москве, в преддверии и ожидании существенных перемен при российском дворе шла борьба партий, в которой важную роль играли иностранные дипломатические представители. Французский посланник Жак-Иоахим Тротти маркиз де ла Шетарди, оказывавший цесаревне полезные в трудные для неё времена услуги, здесь оказывался решительно не в счёт, поскольку прибыл в Петербург всего лишь в конце 1730-х гг. и, хотя и пользовался завидным для других расположением Елизаветы, был, в сущности говоря, в полном одиночестве. Легкомысленный и крайне неосмотрительный, Шетарди не пользовался авторитетом ни

среди титулованной знати, ни среди влиятельных коллег по дипломатическому корпусу, а околопридворные интриги, в которых, казалось бы, именно он мог быть, как никто другой, вполне осведомлён, оставались для него в полной неизвестности. Между тем при российском дворе были аккредитованы и другие послы и посланники, а среди прочих те, что выступали против кандидатуры принца Гольштинского на российский престол, как, впрочем, и против кандидатуры самой цесаревны Елизаветы. Особенно энергично и деятельно поступал в этом отношении тогдашний датский посланник в России Ханс-Георг фон Вестфален, обладавший изрядным весом, обширными и часто, что называется, неформальными связями, завязанными в продолжение сравнительного недолгого пребывания в российской столице.

Из депеш, которые, несмотря на сложную «цыфирь» шифра, удавалось расшифровывать и прочитывать, надо полагать, ещё до того, как депеши попадали по назначению, становится очевидным, сколь осведомлён был датский посланник. Переписка велась с ошибками против дипломатического французского языка, но неизменно только по-французски, так что расшифровать её, по-видимому, не составляло особого труда. В депешах министру иностранных дел королевства фон Вестфален, основываясь на собственных наблюдениях, проводил ту мысль, что Елизавета Петровна при случае может поддержать державные права своего племянника, а вступление на российский престол либо «кильского дитяти» (*enfant de Kiel*), либо его тётки, естественно не желательно для интересов Датского двора. Любопытно, что в своих депешах посланник всегда писал об обоюдных претензиях «принцессы» Елизаветы и её племянника на российский трон (*de la princesse Elisabeth et de son neveu sur le trône de la Russie*) и никогда не порознь об обеих интересовавших его персонах. Показательно, что его занимали не столько тогдашние слухи и толки среди российского генералитета и «шляхетства» насчёт желательных или нежелательных перемен в государственном устройстве Российской империи, сколько колебания общественного мнения за или же против принца Гольштинского и цесаревны Елизаветы. Посланник в полной мере был осведомлён о неутолённых претензиях герцога Карла Фридриха на «датский» Шлезвиг и полагал, что если бы потребовались сто тысяч рублей или более на устранение этой неблагоприятной ситуации, то это был бы сущий пустяк (*une poignée d'argent au prix de l'interet du Danemarck*) по сравнению с очевидными выгодами Датского коро-

левства. Именно так писал он в Копенгаген в депеше от 2 февраля 1730 г. (н.ст.).³

Тесно примыкавший к «кланам» Долгоруковых и Голицыных с их всегдашней кичливостью и властными претензиями, дипломат в подробностях был осведомлён о прямых и сторонних влияниях на «высшие дела» и старался не упустить ничего, что могло бы обеспечить тот желательный выбор, который требовался в тех непростых обстоятельствах. Датскому дипломату сопутствовал успех, ибо он «косвенным образом сильно содействовал тому, что дочь соправителя Петра I, обманув ожидания “верховников”, вступила на престол самодержавной императрицей».⁴ Однако, сделав своё дело, успешно отстранив петровское наследие от российского престола в лице цесаревны Елизаветы, а также реальную опасность, грозившую Дании в случае воцарения племянника императрицы, датский дипломат не смог сохранить за собою должность и вынужден был покинуть свой пост. Для него и для многих наступили новые времена, времена решительных перемен.

Последовавший в 1741 г. переворот и воцарение дочери Петра I совершились, помимо прочих обстоятельств, и в нарушение завещания Екатерины I, не говоря уже о том, что переворот отстранил от престола законного монарха в лице Иоанна VI Антоновича. Всё это требовало успокоительных мер и исправления нектати совершённых «перековеркиваний», усложнивших узлы династических сплетений истории Российской империи.

Конечно, переворот тотчас же заставил вспомнить о правах принца Карла Петера Ульриха, которому исполнилось к тому времени уже 13 лет. В Петербурге о племяннике императрицы помнили с момента его рождения, и кстати, или нектати поминали его. Впрочем, для самой императрицы, тогда ещё цесаревны, само существование подраставшего племянника имело особое значение. Обладая несомненным здравым смыслом, она едва ли прислушивалась к советам лиц из своего окружения, если таковые и давались. Надо полагать, она ещё за некоторое время до совершившегося переворота свыклась с мыслью, что ей следует поступить именно так; при этом она, исходя из ситуации и возможных опасностей, порою представлявшихся только её воображению, посчитала, что, в сущности говоря, она решительно ничего не теряла и оказалась в полной мере права.

³ Корсаков Д.А. *Воцарение императрицы Анны Иоанновны*. Вып. 2. Казань, 1880. С. 67–68.

⁴ Там же. С. 88.

Итак, вступив на престол, Елизавета Петровна призвала племянника в Петербург, что, подчеркнём, явилось, несомненно, и не иначе как решением государственно мудрым, ибо дочь Петра Великого и российская императрица в новом для себя положении могла выйти замуж только за иностранного принца, что явилось бы известным противоречием с заявленным во всеуслышание желанием покончить с «немецким засилием», во имя чего, якобы, отчасти и совершился елизаветинский переворот. Решение императрицы внесло известное успокоение в умы и помыслы, в том числе и деятельных участников переворота (лейб-компанцев), ибо государыня повсеместно и «несумнительно» давала понять, что замуж не собирается. Таким образом, отныне будущее престолонаследия российского представлялось обеспеченным.

Вскоре после этого Елизавета Петровна не замедлила послать в город Киль (Шлезвиг-Гольштейн), где обретался племянник, премьер-майора барона Николая Андреевича Корфа с тем, чтобы тот привёз герцога в Петербург. Её беспокоила мысль, не будет ли в этом смысле каких-либо препятствий, и, вероятно, поэтому решила задержать в России семейство свергнутого ею императора Иоанна и его родителей, которым, кстати, только что было разрешено выехать за границу. В декабре 1741 г. премьер-майор (кстати, муж гр. Екатерины Карловны Скавронской, двоюродной сестры императрицы) и с ним Иоганн Альбрехт Корф, российский посланник при датском дворе прибыли в Киль и после тайных поспешных сборов в три дня выехали в Петербург. Герцог Карл Петер путешествовал инкогнито под примечательным именем *le comte du Coeur* (не исключено, что «сердечное прозвание» было придумано и дано ему не без участия самой императрицы, предпочитавшей изъясняться по-французски).

23 января / 5 февраля 1742 г. тринадцатилетний «десцендент» прибыл в Петербург. В тот день Елизавета Петровна увидела, наконец, племянника воочию, а до этого она могла «любоваться», по её словам, одним только портретом сына Анны Петровны, который ей привезли вместе с известием о кончине его отца. В церкви елизаветинского императорского дворца был отслужен благодарственный молебен по случаю благополучного прибытия в Петербург племянника императрицы. Поначалу герцогу Гольштинскому отвели покои, в которых обретался муж правительницы Анны Леопольдовны российский генералиссимус Антон Ульрих принц Брауншвейг-Беве́рн-Люнебургский, затем решение переменили и ему отвели комнаты, граничившие с покоями императрицы во дворце Бирона гер-

цога Курляндского.⁵ Всё в данном случае имело своё значение, ибо особенно на первое время императрица желала исключить какое бы то ни было постороннее влияние, усматривая в этом немалую опасность и для себя самой.

Во время разного рода церемоний и празднеств по случаю приезда герцога Карла Петера, Елизавета Петровна возложила на него пожалованный ею племяннику орден св. Андрея Первозванного с бриллиантовой звездой; герцог же, со своей стороны, возложил учреждённый отцом орден св. Анны на Алексея Григорьевича Разумовского и на Михаила Илларионовича Воронцова, ещё не графа и не вице-канцлера, но уже действительного камергера. 10 февраля (ст.ст.) праздновался день рождения герцога, которому исполнилось 14 лет. По этому случаю был сожжён великолепный фейерверк и иллюминация с аллегорическим намёком на число дважды 7.

28 февраля (ст.ст.) императрица вместе с племянником отправилась в Москву для коронации в Успенском соборе Московского Кремля, и во время торжественной церемонии герцог стоял на особо устроенном месте подле самой императрицы. После коронации герцог, которого до принятия православия именовали тогда «Его Королевским Высочеством владетельным герцогом Голстинским», был произведён в подполковники лейб-гвардии Преображенского полка и полковники I-го полка Лейб-кирасирского.

С тех пор императрица взяла на себя труд заниматься его образованием и воспитанием, постоянно интересовалась его учёными штудиями и успехами в постижении наук. Она заинтересованно находила для него занятия, в которых тот развивался как великий князь, как личность и будущий государь. При этом, кстати сказать, никаких наказаний по отношению к нему не применялось. Это, опять-таки, кстати, не могло лучшим образом не сказаться на душевном складе Карла Петера, которого в детские и в отроческие годы, протекавшие в Германии, держали в суровом послушании и портили его характер часто бессмысленными и жестокими наказаниями. По распоряжению Елизаветы к принцу был приставлен и духовный наставник — иеромонах Симон Теодорский, ставший впоследствии архиепископом Псковским и Ливонским — который четырежды в неделю занимался с ним по утрам русским языком и Законом Божиим. Насколько успешными были эти занятия, судить можно по тому, что великий князь, по-видимому, не испытывал трудностей в общении по-русски. В своих воспоминаниях Якоб

⁵ Сб. РИО. Т. 6. СПб., 1871. С. 30.

Штелин пишет о том, что у него хранились переводы, выполненные принцем из газетных статей, и среди них статья о кончине Анны Иоанновны и о наследовании ей Иоанна VI.⁶ В распоряжении биографов Петра III имеется, например, образчик его перевода с немецкого оригинала собственного описания путешествия в Кронштадт в обществе императрицы,⁷ который демонстрирует вполне приличное для 15-летнего возраста знание русского языка. Сказанное объясняет, почему впоследствии, собираясь встретиться с заключённым в Шлиссельбургской крепости Иоанном Антоновичем, император интересовался у приближённых, знает ли узник русский язык и понимает ли он родную речь.

К тому времени, сообщает Штелин, как принц освоил Катехизис, при дворе «стали спешить с приготовлениями к приобщению Герцога <или «молодого Герцога» как часто называет его Штелин в своих записках. — Прим. С.И.>, к Православной Церкви».

7 ноября 1742 г. (ст.ст.), во время пребывания Елизаветы Петровны и двора в Москве, состоялось миропомазание «Его Королевскому Высочеству» в домашней церкви императрицы. Принц «изволил сподобиться Св. Тайн» и был наречён именем Петра Феодоровича.⁸ В манифесте, который был зачитан после литургии, Елизавета Петровна торжественно провозгласила: «<...> *Всемилоостивейше определяем Нашего Императорского Престола наследником Вселюбезнейшаго Нашего Племянника, Сына Ея Императорского Высочества, Вседражайшия Сестры Нашей, блаженныя памяти Государыни Цесаревны Анны Петровны, Его Королевское Высочество Петра, Владетельнаго Герцога Шлезвиг-Голштинскаго, яко по крови Нам ближайшаго <...>*».⁹

Приобщение к Православной Церкви состоялось в придворной церкви столичного Летнего дворца. Под присмотром императрицы, которая сама показывала племяннику, как и когда надо креститься и вообще управляла всем торжеством с особой набожностью, герцог держался в полном соответствии с церемонией действия. Елизавета Петровна несколько раз целовала племянника, заливалась слезами, а с нею и все присутствовавшие придворные. Перед концом, когда произносились заключительные молитвы и пелись песнопения

⁶ ЧОИДР / Под ред. О.М. Бодянского. Кн. 4. М., 1866. С. 72.

⁷ Краткие ведомости о путешествии Ея Императорского Величества в Кронштадт 1743 месяца Майя: Переводил с немецкаго на русское Петр // *Исторический Вестник*. Т. 31. 1888. № 1. С. 251—252.

⁸ *Камер-фурьерский церемониальный журнал 1736—1742 гг.* СПб., 1881. С. 35.

⁹ ПСЗ. Т. 11. СПб., 1830. № 8658.

ния, императрица отправилась в комнаты великого князя, велела вынести всё, что там было, внести новую мебель и в особенности великолепной работы туалет; на туалете же Петр Феодорович нашёл большой золотой бокал, в котором лежала собственноручная записка императрицы о выдаче наследнику престола 300 000 рублей наличными на устройство собственного двора и личные расходы. После этого Елизавета Петровна вернулась в церковь и провела туда же великого князя в сопровождении всего двора, а потом и в свои апартаменты, где оба обедали вместе за большим столом.

По случаю состоявшегося события был опубликован манифест. За переходом в православие племянника императрицы последовали 8 дней разного рода празднеств.

Напомним, что сын цесаревны Анны Петровны и Карла Фридриха герцога Гольштейн-Готторпского приходился внучатым племянником шведскому королю Карлу XII, чьё имя было включено в метрическое свидетельство принца — и таким образом внук Петра I обладал вполне реальными правами на королевский престол и мог занять его, если бы тот оказался «порожним». Тем более, что первоначально он воспитывался в лютеранской вере и под наблюдением учителей учил шведский язык.

Таким образом, изначально ни принц, ни те, кто был приставлен к нему и руководил его воспитанием, не знали, как сложатся дальнейшие обстоятельства. И никто не волен был распоряжаться его судьбой — один только всемогущий случай.

Насколько сложным и до конца неясным было положение будущего российского государя, можно судить по тому, что уже в декабре 1742 г. проездом через Москву прибыла депутация из Швеции «от тамошних Государственных Чинов» (риксдага). Граф Нильс Бонде, конференц-советник барон Карл Отто Хамильтон и камергер барон Карл Фридрих Шефер явились предложить наследнику российского императорского престола принять шведскую корону, так как бездетный король Фредрик I — первый и последний из династии Гессенов — был в весьма преклонных летах.

Но Елизавета Петровна опередила демарш депутатов ригсдага, поскольку была озабочена тем, чтобы никаких случайностей не было ни со стороны дипломатов, ни со стороны самого наследника, случайностей, которые могли бы внести беспокойство в только что установившийся порядок престолонаследия в Российской империи. Поэтому на данной шведским посланцам аудиенции племянник императрицы, поблагодарив депутацию, заявил о своём решительном отказе принять её предложение и посоветовал предложить

риксдагу избрать наследником своего двоюродного дядю Адольфа-Фридриха епископа Любекского, вошедшего впоследствии (с 1751) в историю под именем Адольфа Фредрика короля Шведского.

Достигнув совершеннолетия, 7 / 20 мая 1745 г. великий князь Петр Феодорович становится герцогом Шлезвиг-Гольштейнским, а 21 августа / 1 сентября вступает в брак с принцессой Екатериной Алексевной (Софией Августой Фредерикой Ангальт-Цербстской).

В этом браке, как и во всех прочих обстоятельствах, связанных с утверждением великого князя в новом качестве наследника престола, сыграла императрица.

Близкое родство — принцесса приходилась мужу троюродной сестрой — не оказалось препятствием к браку, и как ни старался граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, руководствуясь своими соображениями, склонить московское духовенство к тому, чтобы воспрепятствовать ему в силу именно близкого родства, брак всё-таки состоялся.¹⁰ Заметим, что в любом ином случае такое родство оказалось бы препятствием к браку, но Елизаветой оно было с лёгкостью преодолено. Более чем вероятно, что это оказалось возможным благодаря явной благосклонности Елизаветы Петровны к этому союзу: императрица без сердечного волнения и слёз не могла вспоминать о том времени, когда сама она была обещана Карлу молодому принцу Гольштейн-Эйтинскому (1706—1727), брату матери будущей императрицы Екатерины II, о предмете своей нежной страсти и его безвременной кончине. Это было в 1726 г., когда принц Карл Гольштейн-Эйтинский прибыл в Петербург и к общему согласию состоялся сговор, но вскоре жених скончался двадцати лет от роду. Более чем вероятно, это сыграло свою роль, ибо Иоганне Елизавете принцессе Ангальт-Цербстской, матери будущей Екатерины, знавшей об этом увлечении прошлого, тем легче было затрагивать струны приятных и вместе с тем печальных воспоминаний доброй императрицы, которая в память о своей безутешной любви занялась теперь устройством судьбы своего племянника и племянницы любезного ей принца Гольштейн-Эйтинского.

Вполне возможно, что к этому времени относится предание, согласно которому на четвёртом году своего правления набожная императрица имела серьёзное намерение передать бразды правления племяннику, а самой остаток жизни провести в монастыре, и якобы для этой цели она распорядилась построить иноческую

¹⁰ Соловьёв С.М. *История России с древнейших времен. В 15 кн.* / Отв. ред. Л.В. Черепнин. Кн. 10. Т. 19—20. М., 1963. С. 331.

женскую обитель, назвав её Воскресенским Новодевичьим монастырём.¹¹ Закладка монастыря произошла 30 октября 1748 г. на месте летнего загородного дворца Елизаветы Петровны.

Но история этого брака представляет собою, по словам А.Г. Брикнера, биографа Петра III, «целый ряд недоразумений и столкновений», и как результат «первоначальная холодность и невнимание превратились в ненависть».¹²

Между тем императрица не упускала из виду постижение наук и прочие образовательные занятия наследника, и далее, не столь регулярно, но они всё-таки имели место, так что нельзя сказать, что в целом великий князь был недостаточно подготовлен к будущему своему поприщу. Сюда же следует присоединить и самообразование, которое было отнюдь не чуждо великому князю.

От природы впечатлительный и сообразительный, наследник под руководством приставленных к нему учителей, среди которых был и упомянутый ранее академик Якоб Штелин, за короткое время достиг определённых успехов. Выбор Штелина надо отнести целиком на счёт Елизаветы Петровны. Ознакомившись с его «системой», она заявила: «Вижу, что Его Высочество часто скучает и должен еще научиться многому хорошему, и потому приставляю к нему человека, который займет его полезно и приятно». Штелин избрал собственную методику проведения занятий с наследником престола. Заметив и оценив «его склонности и вкус», Штелин занимался с великим князем, читая ему «книги с картинками», изображавшими крепости, осадные и инженерные орудия, делал с ним «разные математические модели в малом виде», после чего «на большом столе устраивал из них полные опыты», то есть давал наглядное представление о прочитанном. Исполнитель Петр Феодорович «ознакомился с началами Геометрии», одновременно постигал устройство физических «инструментов», в особенности барометра, гидрометра и «магнитной стрелки»; тогда же получил представление о трёх «царствах» природы, то есть об естественной истории.

Привив или «почувствовав интерес наследника к нумизматике», Штелин «приносил по временам старинные Русские монеты и рассказывал при их объяснении древнюю Русскую Историю», медали же эпохи Петра I помогали ему наглядно представить своему ученику «новейшую Историю Государства», что всегда он делал «с прило-

¹¹ Пыляев М.И. *Забывтое прошлое окрестностей Петербурга*. СПб., 1889. С. 54.

¹² Брикнер А.Г. Жизнь Петра III до вступления на престол // *Русский Вестник*. 1883. № 2. С. 749.

жением примеров Петра I-го». Изложению истории соседних с Россией стран, подававшейся через географию и генеалогию, сопутствовало чтение «Введения в историю европейских государств» выдающегося германского правоведа и историка Самуэля Пуффендорфа.

Обладая великолепной памятью, Петр Феодорович без труда запомнил «главные основания Русской Истории», но, не имея склонности к гуманитарным предметам, «часто просил вместо них дать урок из математики». Любимыми предметами великого князя были военные, в особенности «Основания артиллерии» и фортификация.

Тем не менее, об успехах великого князя, которые со временем могли быть и более внушительными, говорит тот факт, что однажды Петр Феодорович во время общей беседы при дворе поправил ошибку находившихся при том фельдмаршала Василия Владимировича Долгорукова и генерал-полицмейстера Антона Мануиловича Девьера «касательно древней русской истории», чем исторг слёзы умиления у присутствовавшей при сём императрицы.¹³ Жаль, что едва ли мы когда-нибудь узнаем, какую именно ошибку исправил великий князь.

В другой раз под присмотром Штелина великий князь «рисовал крепость с имевшегося плана на полу своей комнаты» и делал это в течение нескольких вечеров. За этими занятиями, не выдавая своего присутствия, наблюдала императрица, и когда крепость была почти готова, подошла, поцеловала племянника, похвалив его за усидчивость, и сказала «почти со слезами радости»: «Не могу выразить словами, какое чувствую удовольствие, видя, что Ваше Высочество так хорошо употребляете свое время, и часто вспоминаю слова моего покойного родителя, который однажды сказал со вздохом вашей матери и мне, застав нас за учением: “Ах, если бы меня в юности учили, так как следует!” <...>».¹⁴

Можно с уверенностью сказать, что Елизавета Петровна отнюдь не препятствовала, а скорее поощряла литературные увлечения наследника престола, который ещё в 1746 г. потребовал перевезти в Россию отцовскую библиотеку, и она была размещена в подаренном Петру Феодоровичу Ораниенбауме. В библиотеке были представлены французские переводы античных авторов — Овидия, Те-

¹³ Штелин Я. Записки Штелина о Петре Третьем, Императоре Всероссийском // *ЧОИДР*. 1866. Кн. 4. Раздел V. С. 79.

¹⁴ Брикнер А.Г. Жизнь Петра III до вступления на престол // *Русский Вестник*. 1882. № 11–12. С. 40.

ренция, Гомера, произведения писателей XVII — середины XVIII в.: П. Бейля, Х. Вольфа, П.Л.М. Мопертюи, Х. Томазия, «Философические письма» и «Начала Ньютоновой философии» Вольтера, трактат Б. Ле Бовье де Фонтенеля «О множественности миров», почти все сочинения великого С. Пуффендорфа, а также «Государь» Н. Макиавелли и «Антимакиавелли» Фридриха Великого (возможно, обладатель этого сочинения отдавал предпочтение именно этой книге, написанной Фридрихом ещё до вступления на престол). Сюда же надо присоединить и «Политическое завещание» кардинала и герцога А.Ж. дю Плесси Ришелье, а также труды по истории, географии и военному делу. Отметим, что в библиотеке Петра Федоровича были представлены и сочинения «новейших» историков — аббата Р.О. де Верто, П. Рапена де Туара, Ж. Барра, Ж.О. де Ту, Ф.Э. де Мезере, Г. Даниэля;¹⁵ всего в этой постоянно пополнявшейся библиотеке насчитывалось более 3 тысяч названий, которые должны были присутствовать в книжных собраниях всякого образованного человека того времени, тем более — наследника престола и будущего государя.

Разумеется, наличие библиотеки ещё ни о чём не говорит: можно иметь роскошное собрание книжных редкостей, заказывать великолепные переплёты и ни разу не открыть книжный шкаф. Но Великий князь постоянно следил за дальнейшим пополнением библиотеки, просматривал печатные каталоги, отмечал интересовавшие его издания,¹⁶ а, став императором, был занят планом размещения её «в мезонине его Нового Зимнего дворца» (сохранился чертёж интерьера библиотеки, который исполнил Д. Валериани по проекту Я. Штелина), для чего успели заказать красивые шкафы. Отобранные для библиотеки книжные приобретения регулярно отдавались в переплёт известным в Петербурге переплётчикам.

Великий князь не испытывал в этом отношении финансовых затруднений, а Елизавета Петровна не препятствовала, а скорее поощряла занятия наследника, усматривая в этом немалую образовательную пользу. При этом, разумеется, она не могла не усматривать здесь и существенную пользу для себя самой в этом увлечении племянника, пока он не заявил о своём желании заняться непосредственно государственными делами.

¹⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Россия и Голштиния: Очерк по истории германорусских отношений в XVIII в. // *Исторический архив*. 1919. Кн. 1. Пг., 1919. С. 275–279.

¹⁶ См. едва ли не исчерпывающее в этом отношении исследование: Хотев П.И. *Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII века*. СПб., 2008. С. 186–195.

Добавим к сказанному, что в распоряжении Петра Феодоровича был собственный нумизматический кабинет, порядок в котором неукоснительно поддерживался.

Именно эти «просвещенные» качества племянника императрицы Елизаветы побудили М.В. Ломоносова посвятить Петру Феодоровичу свой труд «Краткое руководство к красноречию, книга Первая, в которой содержится Риторика». В посвящении наследнику престола учёный писал: «<...> радость нашу умножает твердая и о будущем надежда, которую Вашего Величества дарования в сердцах наших возбуждают. Ибо не токмо пространные Российской империи, но высоких Петровых добродетелей Наследником Ваше Высочество по единой крови и по природным свойствам почитаем. Взирая на мужественную Вашего Высочества бодрость, купно с летами возрастающую, завистники благополучия нашего трепещут. Но мы радостию восхищаемся, имея в особе Вашего Высочества дражайший залог России от Вышнего данный в уверение о непременных Его к ней щедротах. Благополучны многочисленные народы, которые державою Вашего Высочества в свое время управляемым и защищаемым быть щедрая судьба определила. Благополучны возрастающие в России науки, к которым сам будущий Расширитель, подражая великому оных Основателю, собственным своим примером поощряет сынов Российских. Благополучно Российское слово, которое под тению милости Петровой Отрасли произрастая, великие дела Его живыми цветами изобразить достойно будет <...>».¹⁷

К увлечениям Петра Феодоровича, отмеченным современниками, можно также с уверенностью отнести и музыку, что, возможно, произошло уже не без влияния со стороны прусского короля Фридриха II, который, как известно, был не только превосходным музыкантом, но и автором более ста оригинальных произведений для флейты. Петр Феодорович предпочитал скрипку, и по отзывам современников добился в игре на этом инструменте серьёзных успехов, причисляя себя к исполнительской школе итальянского скрипача Д. Тартини. По свидетельству того же Штелина, «этот государь для времяпрепровождения настолько научился у нескольких итальянцев играть на скрипке, что мог участвовать в исполнении симфонии, ритурнели к итальянским ариям и т.д.».¹⁸ Великий князь был также занят постановками оперных спектаклей в «новом ораниенбаумском театре», для чего печатались либретто по-итальянски и

¹⁷ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7: Труды по филологии. М.; Л., 1952. С. 92.

¹⁸ Малиновский К.В. Материалы Якоба Штелина. Т. 3. СПб., 2015. С. 229.

по-французски. О серьёзности музыкальных занятий племянника Елизаветы Петровны можно судить по тому, что в отличие от великой княгини, которая манкировала занятиями с учителями, он зачастую ежедневно занимался музыкой, а если на неделе при дворе в присутствии императрицы устраивались «полные концерты», то таковые продолжались с четырёх пополудни до девяти вечера, при этом Петр Феодорович «играл партию первой скрипки». По словам того же Штелина, «музыка вообще, и в особенности скрипка, сделались одним из его сильнейших пристрастий».

В коллекции великого князя было несколько скрипок работы выдающихся скрипичных мастеров, таких как А. Страдивари, Ф. Руджери и Н. Амати. Известно, что он с интересом пробовал звучание необычных по исполнению скрипок из янтаря или фарфора.¹⁹

Великий князь, а затем и император живо интересовался изящными искусствами и ценил хорошую живопись, чему, несомненно, способствовало поощрение со стороны императрицы и посещение картинных убранных там, где таковые существовали, например, во дворце Монплеизр в Петергофе, и просмотры собраний эстампов. Я. Штелин свидетельствует: «В мае 1762 года я поехал с императором Петром III на биржу на голландский корабль, чтобы осмотреть большую партию голландских картин. Из них Его Величество выбрали со мною лучшие и заплатили за 10 или 12 картин 560 рублей. Этот государь вообще очень ценил хорошие картины и, будучи еще великим князем, уже собрал превосходную коллекцию и основал в Ораниенбауме большую картинную галерею». Далее Штелин сообщает, что позднее император распорядился устроить в новом его (Зимнем) дворце «картинный кабинет», а в «крепостном дворце» — картинный зал.²⁰ В коллекции Петра III были превосходные полотна Луки Джордано, Адриана Браувера, Адриана ван Остаде, Стефано Торелли и других западноевропейских мастеров XVII — начала XVIII в.

Женитьба Петра Феодоровича положила конец учебным занятиям, но не прервала отношений великого князя с учителями и теми, кто к тому времени приобрёл его симпатии. Можно с немалой уверенностью утверждать, что весьма скоро эти полезные отношения получили новое развитие в дружеских беседах бывшего ученика со Штелиным, чью приязнь приобрёл великий князь. Этому спо-

¹⁹ Всеволодский-Гернгросс В.Н. Ораниенбаумский театр великого князя Петра Феодоровича // *Столица и усадьба*. 1917. № 75. С. 12–13.

²⁰ Малиновский К.В. *Указ. соч.* Т. 2. С. 27.

собствовал возникший вскоре после женитьбы и быстро нараставший разлад в отношениях между Петром Феодоровичем и Екатериной, который — и тому немало подтверждений — вызван был ею и сознательно поддерживался великой княгиней. История этого брака, по мнению исследователей, представляет собою, «целый ряд недоразумений и столкновений»,²¹ которые не замедлили сказаться на великокняжеских отношениях и таковых же в императорской семье.

Что же до отношений между великим князем и Елизаветой Петровной, то по мере того, как наследник вырос, предметно и систематически знакомился с делами, отношения становились менее благоприятными. К этому, надо полагать, приплюсовывалась и иногда проявлявшаяся ревность со стороны императрицы, свидетельством которой явилось целое дело о государственном преступлении коллежского асессора некоего Щепеткова из города Ливны, который осмелился без высочайшего соизволения носить на груди вызолоченный медальон с изображением великого князя. Прав был П. Бартнев, который в примечании к опубликованным документам по этому делу писал о том, что цесаревич в глазах народа предстал «с большими правами, чем сама Елизавета Петровна, как мужчина, и как сын старшей дочери Петра Великого».²²

Цесаревич не скрывал своих убеждений и безусловного осуждения в Елизавете Петровне известного пренебрежения к неотложным государственным делам, когда утверждённые ею словесно указы и установления подолгу дожидались её резолюций. От воспитанного, скорее скромного и порою стеснительного Петра Феодоровича не укрывались и нравы, царившие при дворе тётки. Он был осведомлён об отсутствии должного порядка в законодательстве, судопроизводстве и финансовой отчётности, об упущениях по службе и прямых злоупотреблениях в сфере управления. Будучи одно время членом так называемой Конференции при Высочайшем дворе — высшего консультативного государственного органа, ведавшего всеми вопросами внутренней и внешней политики, — Петр Феодорович воочию мог убедиться, в каком состоянии находятся дела внешнеполитические и дела военные, твёрдо высказываясь в пользу скорейшего завершения абсолютно бесперспективной, семь лет продолжавшейся войны с Пруссией (1756–1763),

²¹ См.: **Фирсов Н.Н.** Петр III и Екатерина: Первые годы ее царствования // **Н.Н. Фирсов.** *Исторические характеристики и эскизы.* Т. 2. Казань, 1922. С. 43–109.

²² **Бартнев П.И.** *Архив князя Воронцова.* Кн. 6: *Царствование Елизаветы Петровны.* М., 1873. С. 189.

конца которой тогда, незадолго до кончины императрицы, не было видно.²³ До императрицы доходили такие высказывания цесаревича как «Императрицу обманывают в отношении к Прусскому Королю, что Австрийцы нас подкупают, а Французы обманывают <...>»;²⁴ при этом великий князь отказывался подписывать протоколы Конференции, которые, бывало, Д.В. Волков привозил ему в Ораниенбаум, приказывая своему секретарю заявить от его имени, что «мы со временем будем каяться, что вошли в союз с Австриею и Франциею».²⁵ После 1757 г. великий князь и вовсе вышел из состава Конференции, что вызвало неудовольствие императрицы.

Но императрица Елизавета Петровна скончалась, и с новым царствованием для России наступили новые времена. Перед молодым императором открывалось широкое поле деятельности, и он не замедлил заявить о себе, вступив на новое поприще, важнейшими законодательными актами, которые задумывались им и вынашивались в молодые годы.²⁶

Что же до судеб российского престолонаследия в 1741 г. и далее, то решение Елизаветы Петровны было воистину мудрым и в государственном смысле правильным. Это решение императрица приняла задолго до совершеннолетия Петра Феодоровича, руководствуясь соображением о необходимости упрочения династических отношений. Вступив на престол и восприяв самодержавную власть, она, в сущности говоря, могла поступить так, как ей представлялось возможным в новом для неё положении. Однако императрица, дочь Петра Великого, вступившая на престол в результате дворцового переворота, оказалась способной понимать очевидные в данной ситуации вещи и обеспечить правильное престолонаследие. Собственно, поступив так, Елизавета Петровна положила конец эпохе безвременья, иначе дворцовых переворотов, которая сменила собою кончину «преобразителя» России, опрометчиво посчитавшего несущественным установление должного порядка в престолонаследии и не успевшего непреложным образом озаботиться упорядочением самой основы императорской власти в империи. Таким образом, должный порядок был восстановлен и просуществовал полтора

²³ Raeff M. The Domestic Policies of Peter III and His Overthrow // *American Historical Review*. 1970. Vol. 75. N. 5. P. 1309.

²⁴ Штелин Я. Указ. соч. С. 93.

²⁵ [Тургенев А.И.] *La Cour de Russie il y a cent ans 1725–1783: Extraits des Dépêches des Ambassadeurs Anglais et Français*. Paris, 1858. P. 161, 163.

²⁶ См.: Щебальский П.К. *Политическая система Петра III*. М., 1870. С. 3–15 и далее.

столетия или более; если не считать, впрочем, переворота Екатерины II, устранившего петровское наследие на российском престоле в лице императора Петра III, а заодно и его сына цесаревича Павла Петровича, регентшей которого, как ожидалось многими, в том числе и гвардейцами-участниками переворота в 1762 г., императрица так и не пожелала стать.

Литература

1. **Raeff M.** The Domestic Policies of Peter III and His Overthrow // *American Historical Review*. 1970. Vol. 75. N. 5.
2. **Бартенев П.И.** *Архив князя Воронцова*. Кн. 6: *Царствование Елизаветы Петровны*. М.: Тип. В. Готье, 1873. 532 с.
3. **Брикнер А.Г.** Жизнь Петра III до вступления на престол // *Русский Вестник*. 1882. № 11–12.
4. **Брикнер А.Г.** То же // *Там же*. 1883. № 2.
5. **Всеволодский-Гернгросс В.Н.** Ораниенбаумский театр великого князя Петра Феодоровича // *Столица и усадьба*. 1917. № 75.
6. *Законодательство Екатерины I и Петра II* / Сост. и автор вступительных статей В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2008.
7. *Камер-фурьерский церемониальный журнал 1736–1742 гг.* СПб.: Общий архив Мин-ва Имп. Двора, 1881.
8. **Корсаков Д.А.** *Воцарение императрицы Анны Иоанновны*. Вып. 2. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1880. 100 с.
9. Краткие ведомости о путешествии Ея Императорского Величества в Кронштадт 1743 месяца Майя: Переводил с немецкаго на русское Петр // *Исторический Вестник*. Т. 31. 1888. № 1.
10. **Лаппо-Данилевский А.С.** Россия и Голштиния: Очерк по истории германо-русских отношений в XVIII в. // *Исторический архив*. 1919. Кн. 1. Пг., 1919.
11. **Ломоносов М.В.** *Полн. собр. соч.: в 10 т.* Т. 7: *Труды по филологии*. М.; Л.: изд. Академии наук СССР, 1952.
12. **Малиновский К.В.** *Материалы Якоба Штелина*. Т. 2, 3. СПб.: Крига, 2015. (344 с.) (416 с.).
13. *ПСЗ*. Т. 7, 11. СПб.: В тип. II отд-я Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
14. **Пыляев М.И.** *Забывтое прошлое окрестностей Петербурга*. СПб.: А.С. Суворин, 1889. [6], 550 с.
15. *Сб. РИО*. Т. 6. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1871. [2], 518 с.
16. **Соловьёв С.М.** *История России с древнейших времен*. В 15 кн. / Отв. ред. Л.В. Черепнин. Кн. 10. Т. 19–20. М.: Соцэкгиз. 1963.
17. **[Тургенев А.И.]** *La Cour de Russie il y a cent ans 1725–1783: Extraits des Dépêches des Ambassadeurs Anglais et Français*. Paris: E. Dentu, 1858. 422 p.
18. **Фирсов Н.Н.** Петр III и Екатерина: Первые годы ее царствования // **Н.Н. Фирсов.** *Исторические характеристики и эскизы*. Т. 2. Казань: Гос. изд-во. Казан. отд., 1922. С. 43–109.

19. **Хотеев П.И.** *Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII века.* СПб.: БАН, 2008. 372, [1] с.
20. *ЧОИДР* / Под ред. О.М. Бодянского. Кн. 4. М.: Универ. тип., 1866.
21. **Штелин Я.** Записки Штелина о Петре Третьем, Императоре Всероссийском // *ЧОИДР*. 1866. Кн. 4. Раздел V.
22. **Щебальский П.К.** *Политическая система Петра III.* М.: Унив. Тип. (Катков и К.°), 1870. 184, 76 с.

Владимир Викентьевич Лапин

*Директор Центра изучения культурной памяти
и символической политики Европейского университета
в Санкт-Петербурге*

Семилетняя война
в отечественной историографии
и исторической памяти

Vladimir V. Lapin

Seven Year's War
in Russian historiography
and historical memory

Аннотация: В статье предлагается объяснение того, почему Семилетняя война 1757–1763 гг. занимает скромное место в отечественной историографии и исторической памяти. Главная причина — плохая совместимость коммеморации этого военного конфликта с петровским и екатерининским мифом, распространённое представление о том, что тридцатилетие между царствованиями Петра Великого и Екатерины Великой считалось «безвременьем».

Abstract: The article offers an explanation of why the Seven Year's War of 1757–1763 occupies a modest place in Russian historiography and historical memory. The main reason is the poor compatibility of the commemoration of this military conflict with the Peter and Catherine myth, the widespread idea that the thirtieth anniversary between the reigns of Peter the Great and Catherine the Great was considered «timelessness».

Ключевые слова: Историческая память, Семилетняя война.

Keywords: historical memory, the seven Year's war.

В период царствования Елизаветы Петровны Россия участвовала в Семилетней войне 1756–1763 гг., самом крупном военном конфликте XVIII столетия, претендующем на звание Первой мировой войны в истории человечества. Войска под командованием генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина в 1757 г. вошли в Восточную Пруссию, население которой, включая жителей Кёнигсберга, присягнуло на подданство российской императрице. Были одержаны победы при Гросс-Егерсдорфе (1757), при Цорндорфе (1758) и при Кунерсдорфе (1759), в 1760 г. русский корпус на три дня занял Берлин, в 1761 г. была взята крепость Кольберг. Петр III, вступив на престол, заключил мир и союз с Фридрихом II, отказавшись от территориальных приобретений. Екатерина II подтвердила условия Петербургского мира. Однако всю вину за «утраченные плоды победы» возложили на её покойного супруга, сделав финал Семилетней войны важным элементом Екатерининского мифа, средством легитимации этой царицы.

Важные последствия этой войны для государств Старого Света породили колоссальную по объёму научную, мемуарную, а также историко-художественную литературу на всех основных европейских языках о битвах 1757–1763 гг. Кроме того, Семилетняя война оставила заметный след в культурной памяти стран-участниц. В России ситуация оказалась совершенно иной.

Первым маститым историком столкновения России и Пруссии стал С.М. Соловьёв, который в двух томах (24 и 25) своей «Истории России с древнейших времен» (вышли в 1872 г.), признавая героизм русских солдат и офицеров, дал весьма нелестную характеристику армии Елизаветы Петровны. Такого же рода была и публикация редактора журнала «Русская Старина» М.И. Семевского («Противники Фридриха Великого». М., 1862). Это было следствием схемы, согласно которой царствования Петра I и Екатерины II разделяли годы «упадка». С прямо противоположных позиций выступил полковник генерального штаба, известный историк Д.Ф. Масловский. Он в 1886–1891 гг. опубликовал три выпуска монографии «Русская армия в Семилетней войне», которая до сих пор сохранила значение фундаментальной. Другой маститый военный историк генерал-майор Н.Ф. Дубровин откликнулся в 1888 г. на этот труд восторженной брошюрой-рецензией. К тому же времени относится и первая публикация документов о столкновении России и Пруссии.¹ В нашем распоряжении нет откровений этих авторов о том, что

¹ **Фролов-Багреев Я.Л.** *Реляции временно главнокомандовавшего армией генерал-поручика Фролова-Багреева 1759 г.* М., 1888.

подвигло их на создание своих трудов, но анализ текста монографии, рецензии на неё и введения к бумагам Фролова-Багреева позволяет сделать ряд обоснованных предположений о причинах актуализации истории Семилетней войны в последней четверти XIX столетия. Масловский открыто называл себя оппонентом Соловьёву и Семевскому, критиковал их за слепое следование иностранным источникам. «Война России с Пруссией прошлого столетия совершенно ещё не исследована, но, тем не менее, составляет большое место в русской военной истории. Наиболее авторитетные историки (почти все чуждые военному делу) произнесли роковой приговор о внутреннем порядке в русской армии во время Семилетней войны, о способностях главнокомандующих, о современном состоянии военного искусства в России. Армию Елизаветинских времён охарактеризовали *“толпой, одержимую азиатской необузданностью”*, в действительности русских войск не находят *“и тени военного искусства”*, главнокомандующие же — *“ряд бездарностей”*. Особо достаётся от полковника Масловского подпоручику А.Т. Болотову, написавшему воспоминания, в которых, по его мнению, мемуарист выглядит «корреспондентом при армии, любящим немцев».² Масловский отрицал «<...> пропасть между петровским и екатерининским периодом русского военного искусства, на которую склонны указывать историки <...>».³ Кроме того, он выступал против преувеличения роли российских военачальников с иностранными корнями. По его мнению, война доказала «способность русских военных людей отстаивать значение России в Европе без помощи иноземцев».⁴

Естественно, что история прямого столкновения России и Пруссии стала актуальной в период Первой мировой войны.⁵ Затем уже под гром Второй мировой войны преподаватели военной истории сочли необходимым ознакомить курсантов с приёмами прусского короля-полководца Фридриха Великого.⁶ Когда же Германия напала на СССР, вкладом историков в победу стала подготовка книг об успехах русского оружия в 1757–1761 гг., причём большинство из

² Масловский Д.Ф. *Русская армия в Семилетней войне: В 3 вып.* Вып. 1. М., 1886. С. 2–3.

³ Там же. Вып. 2. СПб., 1888. С. 273–274.

⁴ Там же. Вып. 3. СПб., 1891. С. 552.

⁵ *Как русские взяли Берлин в 1760 г.* Одесса, 1915; Фирсов Н.Н. *Условия, при которых началась Семилетняя война.* М., 1916.

⁶ Флеров С.Т. *Материалы к теме № 3 курса военной истории «Прусская армия в Семилетней войне».* М., 1940.

них имело откровенно пропагандистский характер.⁷ Актуальность темы сохранялась ещё несколько лет после взятия Берлина в 1945 г.⁸ Но затем библиография неумолимо свидетельствует о падении интереса к событиям двухвековой давности, что объясняется целым рядом причин. К их числу следует отнести возрождение схемы двух золотых веков — Петровского и Екатерининского, высокую насыщенность ментальной карты России символами побед на суше и на море, а также несколькими неудобствами Семилетней войны для коммеморативных практик, о чём речь пойдёт далее.

В измерении «книжной полкой» история столкновения России и Пруссии проигрывает по всем номинациям (академические труды, мемуаристика, популярные работы, публикации документов и пр.) трём вооружённым конфликтам XVIII столетия — Северной войне 1700–1721 гг., Русско-Турецким войнам 1768–1774 и 1787–1791 гг., которые пользуются таким вниманием, поскольку составляют важнейшие части Петровского и Екатерининского мифа. Не удостоились большого внимания историков Русско-турецкие войны 1710–1713 и 1735–1739 гг., а также Русско-шведские войны 1741–1743 и 1788–1790 гг. Первая из них традиционно подаётся в «усечённом виде», когда рассматривается только Прутский поход, история которого служит легитимации Екатерины I. Две последние войны противоречат закрепившемуся в культурной памяти представлению о том, что Петр Великий «победил шведов». А война, закончившаяся в 1739 г., мешает тезису о Екатерине Великой как победительнице турок. Обращает на себя внимание то, что большая часть основательных научных работ об этих четырёх войнах появи-

⁷ Бармин А.Г. *Как русские разбили Фридриха «Великого» и взяли Берлин*. Л., 1941; Полосин И.И. *Разгром Фридриха II русской армией: Россия в Семилетней войне (1756–1763): Для учащихся средней школы*. М., 1943; Полосин И.И. *Русские в Берлине (1760 г.): Стенограмма публичной лекции*. М., 1945; Слизков И.М. *Взятие Берлина русскими войсками в 1760 году*. М.; Л., 1941; Фибих Д.В. *Русские в Берлине: Семилетняя война (1756–1763)*. М., 1941; Шишков В.Я. *Битва под Кунерсдорфом*. М., 1943; *Разгром русскими войсками Пруссии (1756–1762 гг.): Документы*. М., 1943; Осипов К. *Русские войска в Восточной Пруссии в Семилетней войне*. М., 1945; Осипов К. *Семилетняя война с Пруссией и взятие Берлина*. Горький, 1942.

⁸ Базилевич К.В. *Разгром русскими войсками прусской армии Фридриха II и взятие Берлина (1760 год)*. М., 1946; Коробков Н.М. *Русский флот в Семилетней войне*. М., 1946; Лещинский Л.М. *Военное искусство в Семилетней войне 1756–1763 гг.* М., 1950; *Семилетняя война: Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг.* / Под ред. Н.М. Коробкова. М., 1948; Фруменков Г.Г. *Участие России в Семилетней войне — разгром русскими войсками прусской армии Фридриха II и взятие Берлина*. Архангельск, 1957.

лась в последнее десятилетие, для которого характерно повышенное внимание к «славному ратному прошлому».⁹ До этого времени монографии о событиях 1741–1743 и 1788–1790 гг. на русско-шведских рубежах вышли в середине XIX столетия.¹⁰

Место события или персоны в исторической памяти определяются их присутствием в различных коммеморативных практиках. При всей условности выстраивания этих практик по степени важности, на первое место резонно поставить включение в календарь, составленный из дат, признанных государством и обществом главными для определения контуров истории страны. В военной истории это — дни важнейших сражений (заключения мира) и дни рождения (смерти) великих военачальников. В России таковыми стали годовщины Ледового побоища (1242), Куликовской (1380), Полтавской (1709) и Бородинской битвы (1812), капитуляции Германии (1945), а также даты, связанные с А.В. Суворовым, М.И. Кутузовым, П.С. Нахимовым, Г.К. Жуковым. Семилетняя война в этот почётный список не попала. Ни один из генералов, стоявших тогда во главе русской армии (С.Ф. Апраксин, В.В. Фермор, П.С. Салтыков), не вошёл в число тех, чьи имена запоминали дореволюционные, советские и постсоветские школьники.

С «героическим календарём» непосредственно связана практика празднования так называемых круглых дат. В дореволюционной России 500-летие победы на Куликовом поле, 200-летие и 300-летие Полтавской битвы, 100-летие и 200-летие Бородинского сражения приняли характер общенациональных торжеств. Заметными событиями общественной жизни стало 100-летие со дня смерти А.В. Суворова (1900) и 150-летие со дня рождения П.С. Нахимова (1952). Ничего подобного о Семилетней войне сказать нельзя. Отчасти это связано с тем, что юбилеи победы при Кунерсдорфе в 1759 г., кратные 25 годам (1784, 1809, 1834, 1859, 1884, 1909, 1934, 1959, 1984, 2009) имели неблагоприятную мемориальную конъюнктуру, прежде всего из-за совпадения с годовщинами Полтавской

⁹ **Артамонов В.А.** *Русско-турецкая война: 1710–1713 гг.* М., 2019; **Артамонов В.А.** *Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена.* М., 2015; **Муравьёв М.А.** *Русский флот в войне со Швецией 1741–1743 годов.* Львов, 2000; **Лебедев А.А.** *Красногорское сражение 1790 г. в свете новых архивных документов // История военного дела: Исследования и источники.* 2016. Специальный выпуск III. Военно-морская история (от эпохи Великих географических открытий до Первой мировой войны) Ч. III. С. 279–362.

¹⁰ **Брикнер А.Г.** *Война России со Швецией в 1788–1790 годах.* СПб., 1869; **Шпилевская Н.С.** *Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах.* СПб., 1859.

битвы. В 1809, 1834 и 1859 гг. добрые отношения с Берлином преявлялись напоминанием о поражениях Пруссии.

В память об этой войне не было создано мемориального сооружения, сопоставимого с монументами в честь прочих успехов русского оружия: Нарвские и Московские триумфальные ворота, Чесменская колонна, Колонна Славы в Петербурге, Памятник героям Плевны в Москве, многочисленные мемориалы, посвящённые Великой Отечественной войне и т.д. На месте битвы при Гросс-Егерсдорфе в 1959 г. был поставлен довольно скромный обелиск, затерявшийся в Калининградской области в малолюдной местности в районе города Черняховск. Примечательно, что упоминаний о нём нет ни в одном туристическом отзыве. Уже упоминавшиеся военачальники не удостоились отдельных бронзовых изваяний, за исключением генерал-фельдмаршала П.С. Салтыкова, представленного в разряде «военные люди и герои» на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде. Но это было не столько признанием его заслуг, сколько проявлением идеи о «непрерывности» успехов державы на всех поприщах в течение десяти веков, что исключало тезис о существовании «безвременья», особенно в такой важной области как военное дело.

Отсутствует память о Семилетней войне и в отечественной топонимике. Среди множества объектов (городов, улиц, площадей и т.д.), названных в честь военачальников и героев разных вооружённых конфликтов с участием России, нет ни одной в честь победы при Кунерсдорфе или в память о генерале Салтыкове.

Число народных героев, частота их «упоминаемости», формирование их образов посредством беллетристики и кинематографа — важные показатели высокой степени актуализации истории самих войн, важности их места в национальном героическом мифе. Рассказ о Куликовской битве не обходится без упоминания инока Пересвета, повествование об Отечественной войне 1812 года — без имён партизана Дениса Давыдова и старостихи Василисы Кожинной. В текстах о Крымской войне обязательно присутствует матрос Пётр Кошка, во время Первой мировой войны у всех на слуху было имя казака Козьмы Крючкова. Кроме того, у каждого такого образа своя роль со своим «монологом» в колоссальной «пьесе» об истории России. Отсутствие в отечественном героическом нарративе образа героя, связанного с боями в Восточной Пруссии, является важным показателем периферийного положения Семилетней войны в исторической памяти России.

Особую роль в закреплении событий в исторической памяти отведена драматургии и художественной литературе. Многочислен-

ные романы и повести, спектакли и оперы («Князь Игорь», «Иван Сусанин», «Князь Серебряный» А.К. Толстого, «Петр Первый» А.Н. Толстого, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Севастопольская страда» С.Н. Сергеева-Ценского, «Порт-Артур» А.Н. Степанова) по своему воздействию на умы россиян значительно превосходят все научные сочинения на соответствующие исторические темы. События Семилетней войны отразились только в романе В. Пикуля «Пером и шпагой», опубликованном в 1972 г.

Особым видом памятников являются военные суда, поскольку их названия отражают систему ценностей в национальной исторической памяти. По традиции, основоположником которой был Петр Великий, надписи на бортах кораблей указывают на самые важные победы русского оружия и на самые важные фигуры в российском военном пантеоне. В 1704 г. русские войска взяли крепость Нарва, где четырьмя годами ранее они потерпели сокрушительное поражение. Эти события традиционно трактуются как жестокий урок, который шведы преподали русским, доказавшим затем своим учителям, что они познали все тонкости ратного искусства и превзошли в нём своих наставников. Затем были одержаны победы при Полтаве (1709) и морская виктория у мыса Гангут (1714). В списках российского флота XVIII — начала XX в. состояло два десятка кораблей, названных в память об этих успехах. Всего под Андреевским флагом в море выходило пять десятков кораблей разных классов, служивших «плавучими монументами» победам на суше и на море в Северной войне 1700–1721 гг.

Линейные парусные корабли «Выборг», «Чесма», «Синоп», «Наварин», «Бородино», «Фершампенуаз», «Силистрия», «Остроленка», «Вилагош», фрегаты «Кулевчи», «Аббас-Абад», крейсера «Олег», «Варяг», «Князь Дмитрий Донской», «Князь Пожарский», «Чапаев», корвет «Скобелев», эскадренные миноносцы «Корфу», «Керчь», «Лейтенант Ильин», «Инженер-механик Анастасов», броненосцы «Севастополь», «Петропавловск», «Суворов», атомные ракетные крейсера «Адмирал Нахимов», «Адмирал Ушаков», «Адмирал Лазарев», авианосец «Адмирал флота Кузнецов», а также десятки других кораблей разных классов, составлявших ВМФ дореволюционной, советской и постсоветской России, в совокупности представляли собой своеобразные главы и параграфы отечественной военной истории. Семилетняя война здесь также не представлена.¹¹

¹¹ **Веселаго Ф.Ф.** *Список русских военных судов с 1668 по 1860 год.* СПб., 1872; **Моисеев С.П.** *Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.).* М., 1948.

Полки российской армии имели различные регалии (серебряные трубы, надписи на головных уборах, ленты на знамёнах и т.д.) как символы боевых заслуг. Из более чем 800 таких свидетельств отваги всего 7 (менее 1%) были посвящены Семилетней войне.¹²

В культурной памяти России за два с половиной века после её окончания появилось небольшое число символов этой войны. В честь успеха при Кунерсдорфе была выбита медаль «Победителю над пруссаками», одна из шести десятков подобных царских наград. Семилетняя война не заняла в отечественной историографии и в российском историческом мифе достойное место в основном потому, что оказалась в своеобразном «антракте» между Петровской и Екатерининской эпохой. Петр Великий победил и «низвёл» Швецию, вывел Россию к Балтийскому морю. Екатерина Великая победила и «низвела» Турцию, вывела Россию в Чёрное море. Память о Семилетней войне стала жертвой традиционного представления периода между 1725 и 1762 гг. как промежутка между двумя «золотыми веками».

Некоторые изменения начались в XXI в. В 2004 г. в Балтийске на взморье вознеслась конная статуя императрицы Елизаветы Петровны. Напоминанием о победах русских над пруссаками в 1757–1761 гг. можно считать и установленный в 2013 г. в Калининграде памятник русскому артиллеристу, который выглядит как городская жанровая скульптура. Солдат в мундире XVIII столетия стоит возле 4-х футового единорога, который был вполне серьёзным орудием, но для непосвящённых выглядит игрушечным.¹³

В последние два десятилетия в научной литературе и в коммеморации намечилось некоторое оживление интереса к этому военному конфликту. В первом случае сказывается тенденция к изучению глобальной истории, во втором — сочетание попыток освоения «прусского наследия» в Калининградской области и линии в государственной исторической политике на формирование представлений о «тысячелетней России».

Современное повышение интереса к Семилетней войне лежит также в русле активной мемориализации былых побед русского оружия, и в таких условиях сохранение лакун в области военной

¹² *Хроника Российской императорской армии: В 7 ч.* СПб., 1852.

¹³ *Скульптура императрице Елизавете Петровне — творение Георгия Франгуляна.* См.: [Электронный ресурс] https://zen.yandex.ru/media/hare_traveler/skulptura-imperatricy-elizavety-petrovny-tvorenie-georgiia-franguliana-5f3836a1a3ecc63d3c0692d0 (дата обращения: 03.03.2022); *Памятник русскому артиллеристу.* См.: [Электронный ресурс] <http://smartbooks.ru/about/pamyatniki/pamyatnik-russkomu-artilleristu-v-kaliningrade/> (дата обращения: 03.03.2022).

истории России становится невозможным. Тотальная глорификация российского прошлого требует формирования представлений о непрерывности триумфов вооружённых сил России на всём протяжении её существования.

Литература

1. **Артамонов В.А.** *Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена.* М.: Русские Витязи, 2015. 96 с.
2. **Артамонов В.А.** *Русско-турецкая война: 1710–1713 гг.* М.: Кучково поле, 2019. 454 с.
3. **Базилевич К.В.** *Разгром русскими войсками прусской армии Фридриха II и взятие Берлина (1760 год).* М.: Воениздат, 1946. 39 с. — (В помощь преподавателю дивизионной школы партийного актива).
4. **Бармин А.Г.** *Как русские разбили Фридриха «Великого» и взяли Берлин.* Л., 1941. — (В помощь пропагандисту и агитатору).
5. **Брикнер А.Г.** *Война России со Швецией в 1788–1790 годах.* СПб.: Печ. В. Головина, 1869. [2], II, 299 с.
6. **Веселаго Ф.Ф.** *Список русских военных судов с 1668 по 1860 год.* СПб.: Тип. морского мин-ва, 1872. 754 с.
7. *Как русские взяли Берлин в 1760 г.* Одесса, 1915.
8. **Коробков Н.М.** *Русский флот в Семилетней войне.* М.: Воениздат, 1946. 146 с.
9. **Лебедев А.А.** Красногорское сражение 1790 г. в свете новых архивных документов // *История военного дела: Исследования и источники.* 2016. Специальный выпуск III. Военно-морская история (от эпохи Великих географических открытий до Первой мировой войны) Ч. III. С. 279–362.
10. **Лещинский Л.М.** *Военное искусство в Семилетней войне 1756–1763 гг.* М., 1950. 35 с.
11. **Масловский Д.Ф.** *Русская армия в Семилетней войне: В 3 вып.* М.: Тип. Окружного штаба, 1886–1891. (678 с.) (874 с.) (930 с.).
12. **Моисеев С.П.** *Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.).* М.: Воениздат, 1948. 576 с.
13. **Муравьев М.А.** *Русский флот в войне со Швецией 1741–1743 годов.* Львов, 2000.
14. **Осипов К.** *Русские войска в Восточной Пруссии в Семилетней войне.* М.: Огиз; Госполитиздат, 1945. 52 с.
15. **Осипов К.** *Семилетняя война с Пруссией и взятие Берлина.* Горький, 1942.
16. *Памятник русскому артиллеристу.* См.: [Электронный ресурс] <http://smartbooks.ru/about/pamyatniki/pamyatnik-russskomu-artilleristu-v-kaliningrade/> (дата обращения: 03.03.2022).
17. **Полосин И.И.** *Разгром Фридриха II русской армией: Россия в Семилетней войне (1756–1763): Для учащихся средней школы.* М.: Учпедгиз, 1943. 58 с.

18. **Полосин И.И.** *Русские в Берлине (1760 г.): Стенограмма публичной лекции.* М.: [б.и.], 1945.
19. *Разгром русскими войсками Пруссии (1756–1762 гг.): Документы.* М.: Госполитиздат, 1943. 85 с.
20. *Семилетняя война: Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг.* / Под ред. Н.М. Коробкова. М.: Воениздат, 1948. 916 с.
21. *Скульптура императрице Елизавете Петровне — творение Георгия Франгуляна.* См.: [Электронный ресурс] https://zen.yandex.ru/media/hare_traveler/skulptura-imperatricy-elizavety-petrovny-tvorenie-georgiia-franguliana-5f3836a1a3ecc63d3c0692d0 (дата обращения: 03.03.2022).
22. **Слизков И.М.** *Взятие Берлина русскими войсками в 1760 году.* М.; Л.: Военмориздат, 1941. 26, [2] с. — (*Боевая библиотека краснофлотца*).
23. **Фибих Д.В.** *Русские в Берлине: Семилетняя война (1756–1763).* М.: Воениздат, 1941. 31 с. — (*Б-ка красноармейца*).
24. **Фирсов Н.Н.** *Условия, при которых началась Семилетняя война.* М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1916.
25. **Флеров С.Т.** *Материалы к теме № 3 курса военной истории «Прусская армия в Семилетней войне».* М., 1940.
26. **Фролов-Багреев Я.Л.** *Реляции временно главнокомандовавшего армией генерал-поручика Фролова-Багреева 1759 г.* М., 1888.
27. **Фруменков Г.Г.** *Участие России в Семилетней войне — разгром русскими войсками прусской армии Фридриха II и взятие Берлина.* Архангельск: [б.и.], 1957. 26 с.
28. *Хроника Российской императорской армии: В 7 ч.* СПб.: Военная тип., 1852.
29. **Шишков В.Я.** *Битва под Кунерсдорфом.* М.: Госполитиздат, 1943. 15 с.
30. **Шпилевская Н.С.** *Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах.* СПб.: Тип. Якова Трея, 1859. 281 с.

Тамара Петровна Мазур

*Главный специалист Российского государственного архива
Военно-Морского Флота, Санкт-Петербург*

Страницы архивных документов
о времени правления
Елизаветы Петровны — достойной
продолжательницы своего великого отца

Tamara P. Mazur

The Archives Documents on the Reign
of Elizabeth Petrovna —
a Worthy Successor of the Great Father

Аннотация: Время правления Елизаветы Петровны — продолжение петровских преобразований, эпоха науки, культуры и просвещения. В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота хранятся документы, характеризующие вклад Елизаветы Петровны в возрождение военно-морского флота, становление России как одной из ведущих стран Европы, победы в войнах, проведение реформ, основание учебных заведений, строительство городов, появление нового архитектурного стиля — «Елизаветинского барокко».

Abstract: The reign of Elizabeth Petrovna is the continuation of Peter I reforms, the epoch of science, culture and education. The Russian State Naval Archives stores the documents characterizing the contribution of Elizabeth II to the revival of the Navy, Russia's becoming one of the leading European countries, war victories, reforms, establishing of educational institutions, foundation of cities, formation of the new architectural style — «Elizabeth's Baroque».

Ключевые слова: Елизавета, Петр, флот, указы, документы.

Keywords: Elizabeth, Peter, fleet, decrees, documents.

Время правления Елизаветы Петровны стало значительной вехой в истории XVIII в. и в российской истории. Послепетровский XVIII век — эпоха женского правления в истории России. Исследователи XVIII—XX вв. в своих научных трудах особое внимание уделяют правлению Екатерины Великой. А второе по длительности женское правление — царствование Елизаветы Петровны остаётся менее освещённым и не нашло ещё должного внимания и не всегда правильно оценивается в трудах историков. Но ведь именно царствование дочери Петра I Елизаветы Петровны — продолжение великих дел преобразователя России. Если бы не заложенный Елизаветой Петровной политический, экономический, военный и культурный фундамент, подорванный пришедшими к власти в стране правителями после смерти Петра I, не было бы Екатерины Великой, ни достижений её царствования.

20-летие правления Елизаветы Петровны сыграло для страны очень важную роль. При ней Россия становится одной из ведущих стран Европы. Императрица провозгласила курс на возврат к наследию Петра Великого. Вступила на престол 25 ноября 1741 г., а уже императорским указом от 12 декабря 1741 г. были подписаны все состоявшиеся при Петре I «указы и регламенты наикратчайше содержать и по ним неотменно поступать во всех правительствах государства нашего». Елизавета Петровна провела значительные преобразования в государственном управлении страной, направленные на укрепление военной мощи, возрождение традиций и идеалов, восстановила подорванный авторитет России в мире.

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота хранятся ценнейшие уникальные материалы, свидетельствующие о времени правления императрицы Елизаветы Петровны — достойной продолжательницы деяний своего великого отца. Это материалы, отложившиеся в фондах: Государственной адмиралтейств-коллегии (ф. 212), Высочайшие повеления, рескрипты и указы (ф. 227), Воинская морская комиссия (ф. 146), Походная канцелярия адм. Н.Ф. Головина (ф. 230) и Канцелярия вице-адм. П.П. Бредалья (ф. 231), Комиссия российских флотов и адмиралтейского правления при Адмиралтейств-коллегии (ф. 147), Исполнительная экспедиция (ф. 131), Экспедиция над верфями и строениями (ф. 138); фонды коллекций: Рукописи Петра Великого и др. документы, поступившие из Адмиралтейств-Совета (ф. 223), Материалы по истории русского флота (ф. 315) и др. фондах.

Это высочайшие указы, собственноручные резолюции императрицы; указы Сената, Адмиралтейств-коллегии и др. правительственных учреждений, характеризующие деятельность Елизаветы Петровны в восстановлении учреждений, созданных Петром I.

Императрица неоднократно провозглашала, что продолжает политику Петра I, и тому подтверждение — материалы, отложившиеся в фондах архива. Страницы документов повествуют о том, что сразу после вступления на престол в 1741 г. по указам и распоряжениям Елизаветы Петровны вновь был введён в действие «Регламент об управлении адмиралтейств и верфей и о должностях коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при адмиралтействе обретающихся», утверждённый Петром I. Восстановила роль учреждений, созданных Петром I, в том числе Сената, Синода, коллегий. Много интересного можно узнать из архивных документов, как по личным указам и распоряжениям Елизаветы Петровны осуществляется дальнейшее совершенствование организации и деятельности государственных учреждений. 8 сентября 1751 г. указом Сената были упразднены существующие экспедиции и вместо них учреждены конторы: Генерал-комиссариатская, Адмиралтейская, Обер-сарварская, Провиантская, Адмиралтейская, Контрольная и Мануфактурная. Для решения важнейших проблем Российской империи при дворе Е.И.В. учреждена Конференция — постоянно действующее совещание, стоявшее над Сенатом. На заседаниях Конференции решались глобальные государственные вопросы, в том числе касающиеся военно-морского флота и военных операций. В работе Конференции принимала участие и сама императрица.

Имеющиеся в архивных документах сведения повествуют о требовательности и неравнодушии Елизаветы Петровны по вопросам соблюдения Сенатом, Синодом и всеми государственными учреждениями данных ею указаний по вопросам осуществления мероприятий по перемене управления в стране и во флоте, и по доставке результатов лично ей.

Наиболее показательна верность Елизаветы Петровны политике отца в её отношении к любимому детищу Петра I — флоту.

Наблюдавшийся в стране общий экономический спад затормозил развитие армии и флота. При Елизавете Петровне правительство стало уделять особое внимание военно-морскому флоту. После смерти Петра Великого при его преемниках флот пришёл в совершеннейший упадок.

Корабли гнили в гаванях, почти не осуществлялась подготовка по морскому делу. От занимавших руководящие должности на флоте иностранных специалистов Елизавета Петровна постаралась избавиться. Но делала она это разумно. Наиболее порядочных и знающих специалистов-моряков, которые с петровских времён делали многое для России, не забывала. И тому пример — уроженец Норвегии вице-адмирал Питер Христиан Бредаль. При приходе во власть

Елизавета Петровна приказала возвратить полученные ордена в предыдущее правление. Но сданный П. Бредалем в Адмиралтейств-коллегию орден св. Александра Невского, полученный за боевые заслуги, немедленно, по указу императрицы, которая «в рассуждении верных заслуг вице-адмирала Бредаля дозволяет ему носить оный орден», был возвращён.

Следуя по стопам своего отца, императрица в первую очередь, как свидетельствуют архивные документы, стала принимать участие в морских делах. Именно благодаря усилиям Елизаветы Петровны, а не Екатерины II, как считают многие историки, возрождён Российский военно-морской флот, созданный её великим отцом.

В фондах архива имеются указы, предписания Елизаветы Петровны и документы учреждений морского ведомства по принятию мер по повышению боеспособности флота. Развернулась работа по ремонту старых и строительству новых кораблей. Сооружались судостроительные предприятия, порты, базы флота, новые маяки на побережье и островах Балтийского моря. Совершенствовалось оружие. На вооружение флота в 1757 г. были приняты артиллерийские орудия «единорог». Указы за подписанием государыни и её резолюции на документах Адмиралтейств-коллегии и подведомственных ей учреждений являются ярчайшим свидетельством этого.

Эскадры ежегодно стали ходить в плавание, проводились учения и манёвры флота. Имеются сведения о том, что в одном из учений предполагалось участие императрицы, но из-за шторма это мероприятие не состоялось. Но Елизавета Петровна не оставляла намерений лично удостовериться в состоянии флота и ходе работ по обеспечению защиты морских рубежей России. В документах архива можно почерпнуть сведения о посещении императрицей Кронштадта, чтобы познакомиться с заброшенной и не посещаемой её предшественниками эскадрой, о пребывании в июле 1746 г. в Эстляндии, о посещении 18 июля Рогервика (Палдиски), где ею было принято решение продолжить строительство военно-морской гавани. А 23 июля 1746 г. с горы Лаксберг она наблюдала манёвры флота в Ревельском заливе. Этой поездкой она доказала, что действительно была продолжательницей дел своего отца.

Из многочисленных архивных документов можно почерпнуть сведения об активной внешней политике елизаветинского правления. Русско-шведская война 1741—1743 гг. закончилась разгромом шведов. Россия получила часть Финляндии. Архивные материалы освещают одержанные российским флотом победы, заключение Абоского мирного договора; содержат сведения о недовольстве населения Швеции войной и стремлении его к миру.

Сложная политическая ситуация в Европе заставила европейские державы искать союза с Россией. В 1756 г. началась Семилетняя война, в которой Россия приняла активное участие. Совместно с союзниками Францией и Австрией Россия разгромила Пруссию, и Восточная Пруссия с Кёнигсбергом была присоединена на правах провинции. Население Восточной Пруссии присягнуло на верность Российской империи. Об огромной роли флота в данных событиях повествуют документы архива. О заслугах Елизаветы Петровны в присоединении Восточной Пруссии и Кёнигсберга помнят и ныне. Калининградскому аэропорту «Хаброво» присвоено имя императрицы Елизаветы Петровны.

Россия становилась одной из ведущих стран Европы. Елизавета Петровна продолжила осуществление мечты отца об освоении южных и восточных земель и о проведении научных исследований мирового океана.

Фонды учреждений Адмиралтейств-коллегии и архивных коллекций содержат документы об участии флота и морских специалистов в проведении гидрографических исследований, научных экспедициях и личной заинтересованности Елизаветы Петровны в их успешном осуществлении. Это высочайшие указы Сената, Адмиралтейств-коллегии, донесения участников о проведении гидрографических исследований в 1741–1743 гг., о составлении карт и об описании мало и вовсе незаселённых островов в Балтийском и Каспийском морях в 1760 г.; это рескрипты, донесения купцов императрице о плавании из устья Анадырь на Камчатку в 1746 г.; это донесения казака С. Пономарева в Большереценскую канцелярию о плавании в Тихом океане, открытии алеутских островов Умнак и Уналакша (1759) и принятии их населения в российское подданство; это документы за 1753–1754 гг. об отправке в Сибирь геодезистов для описания рек Ангара, Аргунь и Амур.

Интереснейший, уникальный материал содержат документы о деятельности 2-й Камчатской экспедиции под руководством капитан-командора В.И. Беринга и капитана А.И. Чирикова. Это журналы, рапорты и переписка о постройке судов, выходе из Петропавловской гавани на поиск берегов Америки; плавании в Тихом океане кораблей «Св. Петр» под командой В.И. Беринга и «Св. Павел» под командованием А.И. Чирикова; высадке команды на американскую землю; отчёты о результатах экспедиции и карты путей экспедиции.

Освещая историю 2-й Камчатской экспедиции, необходимо отметить, что, к сожалению, роль А.И. Чирикова в трудах исследователей несколько занижается. А ведь именно под его руководством «Св. Павел» достиг берегов Америки, и моряки высадились на по-

бережье. Поэтому правильнее считать, что А.И. Чириков и его команда, а не В.И. Беринг открыли Америку для России.

Высочайшие указы, указы Сената, Адмиралтейств-коллегии, постановления и решения учреждений морского ведомства, вынесенные на основе указов и распоряжений императрицы, дают информацию о проводимых в стране реформах. В 1744 г. по высочайшему указу учреждены Выборгская и Оренбургская губернии. Были основаны первые русские банки, отменены внутренние таможенные пошлины и мелочные сборы. Гуманизация общественной жизни елизаветинского периода выразилась в указах об отмене смертной казни и строительстве инвалидных домов. Расширились права дворянства. В 1760 г. был издан указ о праве помещиков ссылать крестьян в Сибирь, что способствовало освоению и заселению данного региона. По указу 1742 г. даровались облегчения Малороссийскому народу в отправлении натуральных повинностей.

Укреплялись позиции церкви. В 1743 г. восстановлена митрополия в Киеве, учреждён Крестный ход по перенесению из Владимира в Александро-Невский монастырь мощей Александра Невского по указу Петра I от 12 сентября 1724 г., и 12 сентября 1743 г. Елизавета Петровна лично принимала в нём участие. По указам и распоряжениям императрицы в 1741–1748 гг. осуществляются сооружения церковью во имя Воскресения Христова в Адмиралтействе и новой соборной Андреевской церкви в Кронштадте.

Елизаветинское время — это эпоха науки, культуры и просвещения. Об этих сторонах жизни страны можно почерпнуть сведения в документах архива. Это указы, распоряжения и различные документы: об издании в 1747 г. «Регламента Академии Наук и художеств, учрежденной для обучения наукам и художествам детей всякого звания, кроме состоящих в подушном окладе»; о деятельности и материальном обеспечении Академии Наук (1747–1751); именной указ от 24 января 1751 г., объявленный Сенатом, об учреждении в Москве университета и двух гимназий для дворян и разночинцев; о совершенствовании военно-морского и медицинского образований; о посылке в Англию россиян учиться математике и навигационным наукам, а подмастерьев — для изучения английского языка.

Подъём науки в период правления Елизаветы Петровны — это время М.В. Ломоносова. В архиве имеются документы о назначении на должности и оказании поддержки в научной деятельности великого учёного.

Именные указы, постановления и распоряжения государственных учреждений, доклады и переписка содержат сведения об осно-

вании городов, постройках заводов, зданий, каналов, дорог, мостов, строительных работах в Санкт-Петербурге, Москве и других городах страны.

С временем правления Елизаветы Петровны связано появление нового архитектурного стиля — «Елизаветинское барокко». Из документов архива узнаём о деятельности выдающихся архитекторов. Это материалы о возведении в 1754—1762 гг. по проекту архитектора Ф. Растрелли утверждённого императрицей Зимнего дворца; указы, доклады, переписка и техническая документация о строительных работах под руководством архитектора С.И. Чевакинского в Новой Голландии, Партикулярной верфи, адмиралтейских мастерских; сведения о создании С.И. Чевакинским проекта постройки Никольского собора при Морском полковом дворе (1753—1762).

В фондах архива имеются материалы о коронации Елизаветы Петровны в апреле 1742 г. и участии её в данном мероприятии; поездках на судах императрицы в Петергоф и по Неве в 1749—1750 гг.; назначении при дворе Е.И.В. маскарадов с приглашением на них придворных и чужестранных персон в 1752, 1756 гг.

Архивные источники

1. *РГА ВМФ*. Ф. 131, 138, 146, 147, 201, 212, 216, 223, 227, 230, 231, 315, 326, 1331; Ф. р-2246.

Литература

2. **Веселаго Ф.Ф.** *Очерк русской морской истории*. Ч. 1. СПб.: Тип. Демакова, 1875. 701 с.

Елена Нигметовна Марасинова

*Профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,*

Главный научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва

Мораторий на смертную казнь
в России XVIII века:
Политический контекст¹

Elena N. Marasinoва

Moratorium on the death penalty
in Russia in the XVIII century:
A political context

Аннотация: Статья посвящена феномену двадцатилетнего моратория на смертную казнь в России XVIII в., во время правления Елизаветы Петровны. В работе анализируются важнейшие причины негласной отмены высшей меры наказания и связь этого решения с событиями дворцового переворота 1741 г. Столь резкая и беспрецедентная гуманизация уголовных наказаний, предпринятая исключительно по внутренним мотивам императрицы, вызвала неудовольствие Сената и отразилась на подготовке проекта нового уложения. Лишь смерть Елизаветы Петровны предотвратила назревающий конфликт престола с придворной элитой. Мораторий на смертную казнь имел глубокие последствия, повлиявшие не только на

¹ Статья подготовлена по результатам проекта «Перевод и трансфер: Западная литература в зеркале русской культуры (XVII–XXI вв.)» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ ВШЭ в 2020–2022 гг. = This work was supported by the Humanitarian Research Foundation of the Faculty of Humanities, HSE University in 2020–2022, Project «Translation and transfer: Western literature in the Mirror of Russian Culture (XVII–XXI centuries)».

внутриполитический климат последующих правлений, но и на внешнеполитическое восприятие Российской империи.

Abstract: The article is devoted to the phenomenon of a twenty-year moratorium on the death penalty in Russia of the XVIII century, during the reign of Elizabeth Petrovna. The paper analyzes the most important reasons for the unofficial abolition of capital punishment and the correlation between this decision of the Empress and the events of the palace coup of 1741. Such a harsh and peremptory humanization of criminal penalties, undertaken solely on the internal motives of the empress, aroused the displeasure of the Senate and affected the preparation of the draft of the New Law Code. Only the death of Elizabeth Petrovna prevented the impending conflict of the throne with the court elite. The moratorium on the death penalty had profound consequences influenced not only the internal political climate of the subsequent reigns, but also the foreign perception of the Russian Empire.

Ключевые слова: смертная казнь, политическая смерть, социальный контроль, общественное сознание, русское общество в XVIII в.

Key words: death penalty, political death, social control, social consciousness, Russian society in the 18th century.

«Перед иконой Спаса»

Хорошо известно, что за двадцать лет правления императрицы Елизаветы Петровны, с 1741 по 1761 г., в Российской империи не было совершено ни одной смертной казни. Французский литератор и дипломат Жозеф де Местр назвал «упразднение» смертной казни при Елизавете Петровне «ложным человеколюбием и признаком неполноценности нации». ² Итальянский философ Чезаре Беккариа был вдохновлён «знаменитым примером императрицы Московии» и через три года после её кончины опубликовал свой трактат «О преступлениях и наказаниях». ³

Исследование обстоятельств приостановки смертной казни и политической смерти в середине XVIII столетия содержит богатый материал для изучения самосознания императорской особы, каналов репрезентации власти, механизмов социального контроля, соотношения закона Божьего и закона государственного в представлениях современников. Кроме того, события, так или иначе связанные с этим сюжетом, дают возможность понять, какие последствия может иметь молитва и обострённое религиозное чувство самодержавного монарха.

² Письмо Ж. де Местра Кавалеру де Росси (август 1807); письмо Ж. де Местра П.Б. Козловскому // **Ж. де Местр. Петербургские письма: 1803–1817** / Сост., пер., перисл. Д.В. Соловьёва. СПб., 1995. С. 85, 284–285.

³ Цит. по: **Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях** / Пер. и вступ. ст. М.М. Исаева. М., 1939. С. 314.

Многие специалисты связывают фактическую отмену смертной казни в России XVIII в. с обстоятельствами дворцового переворота 1741 г., который привёл Елизавету Петровну к власти. Об этих днях князь Михаила Щербатов писал: «Она при шествии своем принять всероссийский престол, пред образом Спаса нерукотворенного обещалась, что если взойдет на прародительский престол, то во все царствование свое повелением ее никто смертной казни предан не будет».⁴ Проверить достоверность слов Щербатова пока не представляется возможным, однако их содержание косвенно подтверждается рядом других свидетельств.

Французский посланник при русском дворе маркиз де ла Шетарди, сыгравший ключевую роль в событиях 5 декабря⁵ 1741 г., уже на следующий день доносил в Париж об обстоятельствах смены власти в России: «5 декабря четыре тысячи гвардейцев получили вдруг приказание выступить к Выборгу в 24 часа. <...> Партия Елизаветы считала <это> намерением удалить гвардейцев, которых приверженность к принцессе была известна. Сторонники <принцессы> убедили ее решиться исполнить свое намерение. В ту же ночь с 5 на 6 число она сначала помолилась Богу, села в сани и прямо отправилась в казармы». Более того, Шетарди упоминает имена трёх свидетелей молитвы будущей императрицы: камер-юнкера М.И. Воронцова, хирурга И. Лестока и Х.Я. Шварца, «который в прежнее время служил музыкантом, пользовался небольшим пенсионом от императорской академии наук и при том имел свободный доступ ко двору принцессы, которая от времени до времени выдавала ему значительные пособия».⁶

Правдоподобность рассказа Шетарди в какой-то степени подтверждается в записках находящегося на русской службе прусского генерал-майора Кристофа Манштейна, а также в депеше голландского резидента в Петербурге Марселеса де Шварта.⁷ Более того, знаменитый историк и филолог XIX в. П.П. Пекарский в своих

⁴ *О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева.* М., 1984. С. 55. Факсимильное издание; содержит 344 стр. факсимильно-го издания и 176 стр. современного текста.

⁵ В данном случае посланник использует новый стиль, по старому стилю указанные события происходили 24 ноября. Все остальные даты в статье даются по старому стилю.

⁶ **Пекарский П.П.** *Маркиз де ля Шетарди в России 1740–1742 годов.* СПб., 1862. С. 398–400.

⁷ См.: **Манштейн Х.Г.** *Записки Манштейна о России: 1727–1744.* СПб., 1875. С. 250; **Пекарский П.П.** *Указ. соч.* С. 425–426. В 1754 г. французская Утрехтская

исследованиях сообщает, что ему удалось купить в Москве по случаю некую рукопись XVIII столетия, по всей видимости, плохой перевод иностранной реляции, в которой сообщались весьма любопытные факты. 18 декабря 1741 г., в день рождения только что взошедшей на престол императрицы Елизаветы Петровны, русский резидент при английском дворе по просьбе собравшихся пересказывал письмо от приятеля из Петербурга. Оказывалось, что действительно предшественница Елизаветы на русском престоле Анна Леопольдовна решила отправить в поход ненадёжные гвардейские полки. Вечером 24 ноября делегация из девяти гренадёров отправилась к великой княгине Елизавете Петровне и обратилась к ней со словами мольбы: «Всемиловитейшая государыня! изволишь видеть сама неблагополучие над собою и всей России: нас заутро высылают в поход, помилуй, не оставь нас в сиротстве, но защити материнским своим соизволением одного намерения!». Со слов резидента, оказавшегося в центре внимания при английском дворе, будущая императрица прослезилась, попросила всех выйти в соседнее помещение, «а сама, наклоня голову к земле перед образом Спасителя, мол<илась> в тайности сердца своего». Затем Елизавета Петровна появилась с крестом перед ожидающими её верными подданными и потребовала присяги на верность.⁸

Молитва императрицы не была сиюминутным эмоциональным порывом, в то же время в её обете, данном перед иконой Спаса, не лишая жизни ни одного из подданных, отсутствовало и какое-либо рациональное начало, связанное с гуманистическими идеями Просвещения. Импульсивные действия российской монархини в ночь перед переворотом мотивировались, прежде всего, глубоким религиозным чувством. Ещё Щербатов пронизательно замечал: «Хотя не можно сказать, чтобы Елизавета Петровна не имела исполненное человеколюбием сердце, но смертные казни при самом восшествии ее на престол отставлены были не на основании систем человеколюбия, но по единой набожности».⁹

Для императрицы образ, открывший ей путь к власти, приобрёл высокий сакральный смысл. В сентябре 1742 г. секретарь саксон-

газета (*Gazette d'Utrecht*) подтвердила факт своеобразного моратория на смертную казнь в России, который был введён только в результате «торжественного обета», данного русской императрицей в ночь «чудесной перемены, возведшей её на престол» (См.: *Архив князя Воронцова*. Кн. 3: *Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова*. М., 1871. С. 649–650).

⁸ Пекарский П.П. Указ. соч. С. 431–433.

⁹ Щербатов М.М. Размышления о смертной казни // *ЧОИДР*. 1860. Кн. 1. С. 66.

кого посольства И.С. Пецольд доносил Августу III: «В прошедший четверг происходило в первый раз по повелению Ее Величества императрицы по всему государству церковное празднество в честь чудотворной иконы, которую уже император Петр I подымал в дом во время опасных и важных предприятий и которую несли перед императрицей в ту ночь, когда она вывела из казарм гвардейских солдат и потом заняла престол». Елизавета Петровна создала своеобразный культ этой иконы Спаса, передала её на хранение в Донской монастырь, регулярно ездила в сопровождении двора поклониться образу и приобрела алмаз за 30 тысяч рублей для оклада.¹⁰

Если признать достоверность этого свидетельства, то станет понятно, почему богато украшенный образ вскоре оказался в Донском монастыре. Выдержать такой ритуал было не под силу любому человеку, а вот запретить смертные казни самодержавной волей монарха в абсолютистской России было вполне реально.

«Приговора к смертной казни и политической смерти не исполнять»

Указ, в соответствии с которым приостанавливалось исполнение экзекуций по делам приговорённых к смертной казни колодников, был опубликован 7 мая 1744 г. Канцеляриям следовало высылать в Сенат описания их дел и ждать дальнейших распоряжений. В сущности, беспрецедентное решение сформулировано было сдержанно, лишено толкований и сопровождалось лишь краткой ремаркой: «Усмотрено, что смертные казни и политическую смерть чинят не по надлежащим винам, а другим и безвинно».¹¹

Власть явно проявляла осторожность и как следствие неясность трактовок: с одной стороны, приказывалось «экзекуции не чинить», а с другой — количество смертных приговоров никак не регламентировалось, и они неизменно выносились на основании существующего законодательства. О провозглашённом моратории вообще мало кто был осведомлён даже в среде высшего сословия. Указ от 5 мая 1744 г. был составлен собственноручно императрицей в качестве заключения по поводу представленного ей доклада Сената, на тех же листах. Этот подлинник немедленно скрыли в секретной экспедиции, а в публичную экспедицию поступила копия, содержащая лишь высочайшее распоряжение без замедления высылать

¹⁰ Дипломатические документы ... Донесения секретаря посольства Пецольда из Петербурга // *Сб. РИО*. Т. 6. 1871. С. 442.

¹¹ *ПСЗ*. Т. 12: 1744–1748. СПб., 1830. № 8944. С. 114.

экстракты дел колодников, приговорённых к высшей мере наказания. Именно эта копия без какого-либо упоминания о существовании спрятанного указа и была разослана в коллегии, канцелярии, губернии и провинции. Подготовку экстрактов для высочайшей конфирмации поручили специально учреждённой при Сенате экспедиции во главе с секретарём Иваном Судаковым. Слушания по приговорам осуждённых на смертную казнь и политическую смерть проходили в строжайшей секретности: сенатские протоколисты на эти заседания не допускались, а посвящённого Судакова с канцеляристами экспедиции поместили в «особливой от публичных дел палате».¹²

В свою очередь исполнение принятого, но так и не обнародованного моратория требовало постоянного контроля правительства и даже высочайшего вмешательства в самые разнообразные судебные дела.¹³

Так, например, из Ревельской губернской канцелярии сообщалось, что местные ландраты и магистрат просят Сенат не уничтожать их «древние справедливости» и сохранить привилегию лишать жизни колодников безо всякой высочайшей конфирмации ввиду увеличивающегося числа «злодеев», прокормить которых становилось всё труднее.¹⁴

Позиция престола по поводу таких попыток ревизии законодательства оставалась непреклонной: на всей территории империи без исключения «осужденным к смертной казни и политической смерти экзекуцию не чинить, экстракты присылать в Сенат и ждать указа». Разумеется, никаких инструкций не поступало, Сенат был завален списками колодников, тюрьмы и места заключения переполнены, а смертные приговоры по-прежнему оставались лишь на бумаге. Мораторий относился даже к осуждённым по делам Тайной канцелярии и военным преступникам. 31 мая 1744 г. были разосланы специальные предписания и в ведомство политического сыска, и в полковые лейб-компании и лейб-гвардии.¹⁵

Указ о приостановке смертной казни был подписан, но все приговоры оставались и без высочайшей конфирмации, и без изменения меры наказания. В марте 1746 г. было получено уже 110 сведений об убийцах, 169 экстрактов по поводу воровства, разбоя и

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 99–100.

¹³ ПСЗ. Т. 13: 1749–1753. СПб., 1830. № 9586. С. 25; См. также: Соловьёв С.М. *История России с древнейших времен: В 15 кн.* Кн. 12. Т. 23–24. М., 1964. С. 40.

¹⁴ ПСЗ. Т. 12. № 9312. С. 583–584.

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919. Л. 18–18об.

других вин, 151 человек осуждён на вечную каторгу.¹⁶ В результате менее чем за десять лет с момента издания указа 1744 г. в Сенате скопилось 279 приговоров к смертной казни и ещё 3579 дел, связанных с убийствами, воровством и разбоями, были в производстве и ожидали конфирмации императрицы. «Колодники час от часу умножались, чинили<сь> утечки» и караульные не справлялись со своей должностью.¹⁷ Екатерина II также вспоминала о первых месяцах своего правления: «Тюрьмы были так наполнены колодниками, что хотя при смерти своей императрица Елизавета Петровна освободила до семнадцати тысяч колодников, однако при коронации моей 22 сентября 1762 года оных еще до восьми тысяч было».¹⁸ Ожидая своей участи тати, душегубы, фальшивомонетчики и прочие «злодеи» требовали бдительной охраны и немалого «иждивения». Все эти обстоятельства усиливали подспудно зреющее противоречие между политической элитой и властью в вопросе о смертной казни.

«Сенат великое опасение имеет»

Первоначально сенаторы попытались урезонить монархиню и выдвигали, казалось бы, разумные аргументы против моратория. Во-первых, они полагали, что будет неуклонно расти число оставленных в живых преступников, которых крайне сложно будет удерживать в повиновении: начнутся побег, наказания несчастных караульщиков и разорение порядочных подданных. Во-вторых, сами подданные, увидев безнаказанность, будут склонны к злодействам, а войска к непослушанию. Наконец, по мнению сенаторов, пагубное милосердие шло вразрез с традицией русского законодательства и особенно со строгими государственными установлениями «родителя» царствующей государыни, «блаженного и вечно достойного памяти Петра Великого», который «смертные вины» карал жестокими казнями. Прибегли сановники и к такому значимому, с их точки зрения, аргументу для «веселой императрицы», как трудоёмкость личного выслушивания докладов по каждому преступнику — «никак время к тому доставать не будет, а колодники час от часу будут умножаться».

¹⁶ *Сенатский архив*. Т. 6: *Журналы и определения Правительствующего Сената 1744–1746 г.г.* СПб., 1893. С. 642–643.

¹⁷ *ПСЗ*. Т. 13. № 10086. С. 817–819; См. также: **Анисимов Е.В.** *Русская пытка: Политический сыск в России XVIII века*. СПб., 2004. С. 256.

¹⁸ Собственноручная записка Екатерины II о первых годах ее царствования // **М.Н. Коваленский.** *Хрестоматия по русской истории*. Т. 3. М., 1917. С. 54.

Между тем мнение правящей элиты в самодержавной России с лёгкостью игнорировалось, а мораторий на смертную казнь был установлен и неукоснительно исполнялся. Однако противоречия, скрытые за верноподданнической стилистикой сенатских докладов, отчётливо проявились при составлении так и не завершённого текста нового уложения.

В августе 1754 г. по представлению П.И. Шувалова за «сочинение ясных и понятных законов» заседала специально созданная при Сенате комиссия¹⁹ в составе генерал-майора Ивана Дивова, вице-президента юстиц-коллегии Федора Эмме, обер-секретаря Сената Александра Глебова, коллежского асессора Василия Ляпунова, бургомистра главного магистрата Ивана Вихляева, главного судьи сыского приказа Никиты Безобразова и главного судьи судного приказа Ивана Юшкова, а также профессора Академии наук Фридриха Генриха Штрубе де Пирмонта. Все эти «законотолкователи и законоискусники» получили в помощь опытных канцеляристов, а также средства из штатс-конторы на бумагу, чернила, сургуч, дрова и свечи. Им предстояло написать проект будущего уложения, включающий четыре части — «о суде», «о различных состояниях подданных», «о движимом и недвижимом имении», «о казнях, наказаниях и штрафах».²⁰ Через год были готовы две, наиболее проработанные, с точки зрения комиссии, части, так называемые «судная» и «криминальная». Однако, по всей видимости, воск и перья тратились впустую — Елизавета до 1759 г. хранила молчание по поводу представленного ей проекта, затем приказала исправить текст и закончить две другие части. Комиссия была усилена сенаторами Романом Воронцовым и Михаилом Шаховским,²¹ и в роковом для императрицы 1761 г. в её руках оказался труд в виде рукописи, призванной обратить высочайшее внимание на действительно тщательное исследование вопроса и включающей «прежней комиссии рассуждения» и то, что «ныне комиссией рассуждено».²²

Однако с одной стороны, в статье присутствовала лишь преемственность с Соборным уложением, Воинскими артикулами, Мор-

¹⁹ О работе комиссии см.: **Омельченко О.А.** *Законная монархия Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России.* М., 1993. С. 39–53.

²⁰ См., напр.: *ПСЗ.* Т. 14: *1754–1757.* СПб., 1830. № 10283. С. 201–209.

²¹ *ПСЗ.* Т. 15: *1758 — 26 июня 1762.* СПб., 1830. № 11335. С. 793. Место выбывших А.И. Глебова, И.И. Вихляева и Ф.Г. Штрубе де Пирмонта заняли А.П. Квашнин-Самарин и А.М. Еропкин.

²² Правка вносилась в эти части проекта уложения и после смерти Елизаветы Петровны при новом императоре Петре III.

ским уставом, Генеральным регламентом, и обнаруживалось полное забвение всех указов правящей монархини, касающихся смертной казни, — с другой. После десятилетия практически существующего моратория на исполнение подобных приговоров сфера действия высшей меры наказания была расширена, а сама процедура казни стала более жестокой. По проекту лишались жизни не только разбойники, душегубы и фальшивомонетчики: на плаху можно было угодить за кражу свыше 40 рублей, любую третью кражу, ввоз медных денег из-за границы, ограбление могил, повреждение чужого здоровья через корни, а также за умышленное недоведение до сведения подданных губернаторами или воеводами указов, объявленных во всеобщее известие и т.д.²³ Иными словами, смертная казнь провозглашалась единственной или максимальной санкцией за огромный спектр деяний: преступления против веры, церкви, власти, порядка, за убийства, грабежи, разбои, воровство, контрабанду, колдовство, блуд, соучастие, недоносительство и т.д.

Способы лишения преступников жизни также не свидетельствовали о гуманизации уголовного права. Члены комиссии в этом вопросе проявили особую изобретательность и воспроизвели самые разные формы смертных экзекуций: помимо банального отсечения головы, преступника можно было четвертовать, повесить за ребро, сжечь, залить горло свинцом и даже разорвать пятью запряжёнными лошадьми на пять частей,²⁴ что вообще являлось новшеством для русской традиции.²⁵

Между тем в данном контексте проект нового уложения нельзя считать какой-то своеобразной формой законотворческой фронды сенатской комиссии. Ведь во время правления Елизаветы Петровны речь шла не о смягчении уголовного законодательства, а о правиле обязательной высочайшей конфирмации всех приговоров к смерт-

²³ *Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов (новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства преступления казни, наказания и штрафы положены)* / Под. ред. А.А. Востокова, предисл. Н.Д. Сергеевского. СПб., 1882. С. 120–121, 143–144, 148, 171 и др.

²⁴ Такая страшная казнь, по мнению авторов первого варианта проекта, следовала за «злое дело на дражайшее здоровье» императора. Во втором варианте разрывание на пять частей великодушно заменили четвертованием (*Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов*. С. 76).

²⁵ Колесование предполагалось, например, за убийство в присутствии императора, грабителя вешали за ребро, изготовители фальшивых денег по обычаю получали в горло расплавленный свинец, а поджигателей и недоносителей на них соответственно сжигали и проч. (*Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов*. С. 68–69, 76, 92, 103–106, 111, 137–143, 143–144 и т.д.).

ной казни и политической смерти, которое, кстати, вообще не было доведено до сведения большей части подданных. Что же касается собственно подтверждения приговора, то авторы резонно предложили снизить уровень, на котором окончательно провозглашались сентенции, и подойти дифференцированно к личности преступников. Иными словами, предлагалось судьбу колодников, принадлежащих к дворянству и купечеству первой гильдии, решать на уровне Сената, а дела «подлых и бесчиновых злодеев» рассматривать не выше губернии или, в крайнем случае, юстиц-коллегии. В том, что конфирмация последует, у комиссии сомнений не возникало, поэтому «без всяких отлагательств» осуждённым предназначались две недели покаяния, причастие и на другой день казнь, правда, не в городе, но «в пристойном публичном месте» недалеко от города, а также публикация во всенародное известие о винах преступника и самой экзекуции.²⁶

Очевидно, что именно здесь прагматика данного подхода шла вразрез с мировоззренческим оттенком указов императрицы, подразумевающим запрет без высочайшей конфирмации вершить смертную казнь и политическую смерть за любые преступления, совершённые любым человеком без различия чинов и достоинства.

Ситуация с подготовкой уложения и позицией Елизаветы Петровны выглядит ещё более невероятной, если учесть, что перед началом работы комиссии над второй редакцией проекта кабинет-министр Адам Олсуфьев словесно объявил, что «Ее Императорское Величество высочайше повелеть соизволила в оном новосочиняемом уложении за подлежащие вины смертной казни не писать».²⁷ После этого последовали указы о выборе в городах дворян и купцов для «слушания новосоставленного уложения».²⁸ Таким образом, предметом публичного обсуждения мог стать вопрос не просто о моратории на смертную казнь и политическую смерть, а о принципиальном изменении уголовного права. Однако исправленный вариант проекта мало чем отличался от первоначального, практически ужесточающего применение высшей меры даже по сравнению с петровским законодательством, если не считать великодушную замену разрывания осуждённого пятью лошадьми четвертованием.

²⁶ *Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов*. С. 54–57.

²⁷ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 41. Ч. 6. Л. 15. См. об этом: **Сергеевский Н.Д.** Предисловие // *Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов*. С. XIV; **Таганцев Н.С.** *Русское уголовное право: Лекции. Часть общая*. Т. 2. СПб., 1902. С. 973; **Омельченко О.А.** *Указ. соч.* С. 42.

²⁸ См.: *ПСЗ*. Т. 15. № 11335. С. 792–794; № 11378. С. 862–863.

Сейчас становится ясно, что императрица не уступила бы, и лишь её кончина прервала невиданное в России противостояние самодержца и политической элиты по поводу гуманизации наказаний за тяжкие преступления.

«Знаменитый пример императрицы Московии»

Таким образом, в середине XVIII в. в Российской империи более 20 лет неукоснительно соблюдался мораторий на смертную казнь. Предположение, высказанное Щербатовым, о клятве императрицы перед иконой Спаса не лишать ни одного подданного жизни, обошло все учебные пособия и исследовательские труды, было принято на веру и не получило научных комментариев. Между тем отношение власти, политической элиты и в целом современников к смертной казни является важной характеристикой состояния умов в обществе.

В данном случае, во-первых, налицо очевидные коллизии сознания отдельной личности. В отчаянных жизненных ситуациях человеку свойственно обращаться к Богу и надеяться на чудо, когда, кажется, никто не может помочь и ничто не может спасти. Обещание, данное проповеднику из Иудеи, вполне укладывалось в набожность Елизаветы Петровны, «не желающей интересной прибылью от врагов Христовых». По всей видимости, она действительно взяла на себя определённые обязательства перед своим Богом, при условии, что он обеспечит удачный гвардейский переворот. Как известно, переворот удался, и нужно было платить по счетам.

Все эти курьёзы религиозного чувства так бы и остались сокровенным опытом отдельной личности, если бы этой личностью не была императрица, властвующая в самодержавной Российской империи. С одной стороны, обряд венчания на царство придавал особую экзальтацию христианской вере любого русского монарха. С другой стороны, сакральная воля государя, помазанника Божьего, сама по себе воспринималась как непреложная. Именно этими далёкими от политического прагматизма, можно сказать экзистенциальными, обстоятельствами и объясняется контекст законов о невыполнении смертной экзекуции.

Создаётся впечатление, что решение императрицы о запрещении приводить в исполнение без высочайшей конфирмации смертную казнь касалось исключительно её отношений с Богом. Подданным, а уже тем более «злодеям», чьи судьбы непосредственно зависели от этого решения, вообще ничего знать не полагалось. Как такового указа о моратории, снабжённого расширенными толкова-

ниями и восхвалением монаршего милосердия, не было. На места поступили лишь полусекретные, никак не предназначенные для «объявления во всеобщее известие» инструкции с требованием представлять в Сенат экстракты дел о приговорённых к высшей мере наказания. Судьба таким образом помилованных колодников, спасение их грешных душ и возможное исправление императрицу совсем не занимали. Все они гибли если не под ударами кнута, то от непосильной каторжной работы.

С другой стороны, Елизавета была непреклонна и бескомпромиссна в своём решении, мотивы которого раскрывать не считала нужным. Так рефлексия верующей императрицы в абсолютистской России за 20 лет до выхода в свет знаменитого трактата Черазе Беккариа с лёгкостью воплотила мечту философа, о которой Европа ещё только начинала рассуждать. Однако Елизавету Петровну и итальянского мыслителя разделяли не два десятилетия, а целая эпоха, и в моратории на смертную казнь в Российской империи воплотились не просветительские идеалы, а средневековая религиозность, с одной стороны, и уверенность самодержца в том, что государственный закон и его воля едины, — с другой. Приостановка экзекуций за тяжкие преступления не имела теоретических обоснований и вообще никак не была связана с развитием юридического знания того времени. Любые рассуждения об ограничении публичности казни, переносе акцента со зрелищности расправы на торжество справедливости в суде, переходе от наказания тела к предотвращению повторного деяния и прочие идеи, волнующие европейских философов и правоведов,²⁹ мало занимали императрицу. Логика христианских заповедей³⁰ напрямую привела её к хорошо известному вопросу: «И кто меня тут судьей поставил, кому жить, кому не жить?». Решив, что лучшей благодарностью Богу будет отказ от смертной экзекуции, русская императрица своей

²⁹ См., напр.: **Фуко М.** *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы* / Пер. с фр. В. Наумова. М., 1999. С. 7–104; **Evans R.J.** *Rituals of Retribution: Capital Punishment in Germany: 1600–1987*. Oxford, 1996. P. 130–137 etc.; **Graff H.J.** *Crime and Punishment in the Nineteenth Century: A New Look at the Criminal* // *Journal of Interdisciplinary History*, Vol. 7, no 3. (Winter 1977); **Martschukat J.** *Inszeniertes Töten: Eine Geschichte der Todesstrafe vom 17. bis zum 19. Jahrhundert*. Köln, 2000. S. 12–53; **Фридланд П.** От покаяния к устрашению: Теория и практика высшей меры наказания во Франции раннего Нового времени // *Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.)*. СПб., 2011. С. 119–134; и др.

³⁰ Характерно, что члены Синода даже при полном согласии с сентенцией не имели права подписывать смертные приговоры, «поскольку они суть духовного чина» (См., напр.: *ПСЗ*. Т. 16: *28 июня 1762–1764*. №12241. С. 906–907).

самодержавной волей не допустила ни одной казни и даже её имитации в виде политической смерти, а за несколько месяцев до собственной кончины вообще поставила вопрос о принципиальном изменении уголовного законодательства и, видимо, приведении его в соответствии с исповедуемой ей верой.

Однако современники и потомки не особенно вникали во всю сложность мотивов Елизаветы, вероятно, до конца не понятных и ей самой. Двадцатилетний мораторий на высшую санкцию стал реальностью, и, может быть, этот факт и побудил итальянского просветителя поставить вопрос: «является ли смертная казнь действительно полезной и справедливой в хорошо устроенном правлении». Во всяком случае, именно Черазе Беккариа один из первых с нескрываемым восхищением отозвался об «императрице Московии, подавшей отцам народов знаменитый пример, равный по меньшей мере многим победам, купленным кровью сынов отечества». «Если только немногие общественные союзы и только на короткое время, — писал он в 1764 г., призывая в подтверждение своих мыслей историю только что закончившегося правления в России, — воздерживались от смертной казни, то это скорее говорит в мою пользу: такова участь великих истин — подобно молнии, озаряющих лишь на один миг мрачную ночь, которая окружает человечество».³¹

Императрица Московии никогда не узнает об этих словах, как не узнает и о влиянии, которое оказал мораторий на состояние умов её подданных. Как уже отмечалось, о приостановке смертной экзекуции объявлено не было, однако, в России сформировалось два поколения людей, не видевших эшафота. Профессия палача постепенно утрачивалась, как утрачивалось и умение соорудить виселицу, что подтвердили трагические события казни декабристов. У правящей элиты подсознательно возникала привычка к тому, что смертный приговор существует лишь на бумаге и публичные казни не являются главным условием поддержания порядка в обществе.

Ещё несколько десятилетий назад не вынутые из петель тела повешенных и прибитые тут же жестяные листы с перечислением их преступлений в назидание прочим были обычной картиной социального пейзажа России. Казалось, что волна бунтов и разбоев накроет страну, если не поселить в сознании подданных «потомственный страх», о котором во время подавления башкирского вос-

³¹ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 314.

стания писал генерал-лейтенант князь Василий Урусов.³² Первый русский обер-прокурор Павел Ягужинский в специальной записке императрице Екатерине I предлагал направить одного из сенаторов в провинции и наделить его правом «смертью казнить, а пока сие в действо не будет произведено, то ни страху, ни порядку не будет».³³

Всего за два десятилетия правящая и образованная элита уже вполне была готова к дискуссии о целесообразности высшей меры наказания и масштабов её применения, и произошло это не благодаря трактату Беккария, а в результате внутренней установки императрицы Елизаветы Петровны. Проницательный С.М. Соловьёв писал об этом: «Народ должен был отвыкнуть от ужасного зрелища смертной казни. Закона, уничтожавшего смертную казнь, не было издано: вероятно, Елизавета боялась увеличить число преступлений, отнявши страх последнего наказания; суды приговаривали к смерти, но приговоры эти не были приводимы в исполнение, и в народное воспитание вводилось великое начало».³⁴

Архивные источники

1. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 919; Ф. 342. Оп. 1. Д. 41.

Литература

2. **Evans R.J.** *Rituals of Retribution: Capital Punishment in Germany: 1600–1987.* Oxford: Oxford University Press, 1996. XXXII, 1014 p.
3. **Graff H.J.** Crime and Punishment in the Nineteenth Century: A New Look at the Criminal // *Journal of Interdisciplinary History*, Vol. 7, no 3. (Winter 1977). P. 477–491.
4. **Martschukat J.** *Inszeniertes Töten: Eine Geschichte der Todesstrafe vom 17. bis zum 19. Jahrhundert.* Köln: Böhlau Verlag, 2000. 272 с.
5. **Анисимов Е.В.** *Русская пытка: Политический сыск в России XVIII века.* СПб.: Норинт, 2004. 464 с.
6. *Архив князя Воронцова.* Кн. 3: *Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова.* М.: Тип. Грачева и К°, 1871.
7. **Беккариа Ч.** *О преступлениях и наказаниях* / Пер. и всуп. ст. М.М. Исаева. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 464 с.
8. Дипломатические документы ... Донесения секретаря посольства Пецольда из Петербурга // *Сб. РИО.* Т. 6. 1871. С. 387–506.
9. **Манштейн Х.Г.** *Записки Манштейна о России: 1727–1744.* СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. 399 с.

³² **Соловьёв С.М.** *Указ. соч.* Кн. 10. Т. 19–20. М., 1963. С. 608.

³³ **Ягужинский П.И.** Записка о состоянии России // *ЧОИДР.* 1860. Кн. 4. С. 271.

³⁴ **Соловьёв С.М.** *Указ. соч.* Кн. 11. Т. 21–22. М., 1963. С. 527.

10. *О повреждении нравов в России князя М. Шербатова и Путешествие А. Радищева*. М.: Наука, 1984. 520 с.
11. **Омельченко О.А.** *Законная монархия Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России*. М.: Юрист, 1993. 428 с.
12. **Пекарский П.П.** *Маркиз де ля Шетарди в России 1740–1742 годов*. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1862. 640 с.
13. Письмо Ж. де Местра Кавалеру де Росси (август 1807); письмо Ж. де Местра П.Б. Козловскому // **Ж. де Местр. Петербургские письма: 1803–1817** / Сост., пер., перисл. Д.В. Соловьёва. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 334, [1] с.
14. *Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов (новоуложенной книги часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства преступления казни, наказания и штрафы положены)* / Под. ред. А.А. Востокова, предисл. Н.Д. Сергеевского. СПб., 1882.
15. *ПСЗ*. Т. 12: 1744–1748; Т. 13: 1749–1753; Т. 14: 1754–1757; Т. 15: 1758 – 26 июня 1762. Т. 16: 28 июня 1762–1764. СПб.: В тип. II отд-я Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
16. *Сенатский архив*. Т. 6: *Журналы и определения Правительствующего Сената 1744–1746 г.г.* СПб., 1893. [1], 802, 38 с.
17. Собственноручная записка Екатерины II о первых годах ее царствования // **М.Н. Коваленский. Хрестоматия по русской истории**. Т. 3. М.: Изд. Т-ва «Мирь», 1917. С. 54.
18. **Соловьёв С.М.** *История России с древнейших времен: В 15 кн.* Кн. 10. Т. 19–20. М.: Мысль, 1963. 781 с.
19. **Соловьёв С.М.** *История России с древнейших времен: В 15 кн.* Кн. 11. Т. 21–22. М.: Мысль, 1963. 648 с.
20. **Соловьёв С.М.** *История России с древнейших времен: В 15 кн.* Кн. 12. Т. 23–24. М.: Мысль, 1964. 715 с.
21. **Таганцев Н.С.** *Русское уголовное право: Лекции. Часть общая*. Т. 2. СПб.: Гос. тип., 1902. [4], 821–1460, XIII с.
22. **Фридланд П.** От покаяния к устрашению: Теория и практика высшей меры наказания во Франции раннего Нового времени // *Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.)*. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2011. С. 119–134.
23. **Фуко М.** *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы* / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
24. **Шербатов М.М.** *Размышления о смертной казни* // *ЧОИДР*. 1860. Кн. 1. С. 57–72.
25. **Ягужинский П.И.** *Записка о состоянии России* // *ЧОИДР*. 1860. Кн. 4.

Татьяна Павловна Петерс

*Старший преподаватель Московского государственного института
международных отношений (филиал Одинцово), Москва*

Архивные документы о продолжении
Елизаветой Петровной политики Петра I
по приглашению в Россию иностранных
мастеров «художественного дела»

Tatyana P. Peters

Archival documents about the continuation of the
policy of Peter the Great by Elizabeth Petrovna
on the invitation of foreign masters
of the «art business» to Russia

Аннотация: На основании вновь выявленных архивных источников РГАДА, частично на французском языке, рассматриваются вопросы осуществления политики Елизаветы Петровны Придворной конторой и Монетной канцелярией, в ведении которых состояли иностранные художники и медальеры. При этом были обнаружены неизвестные сведения о российском периоде их жизни и деятельности и о мероприятиях императрицы в использовании иностранных мастеров в деле воспитания русских учеников.

Abstract: Based on the newly identified archival sources of the RGADA, partly in French, the issues of implementing the policy of Elizabeth Petrovna by the Court Office and the Mint Office, which were managed by foreign artists and medallists, are considered. At the same time, unknown information was discovered about the Russian period of their life and activities and about the activities of the Empress regarding the use of foreign masters in the education of Russian students.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, архивные источники, иностранные художники и медальеры.

Keywords: Elizaveta Petrovna, archival sources, foreign artists and medallists.

Императрица Елизавета Петровна с первых шагов своего правления объявила себя продолжательницей дел своего отца-реформатора и писала, что «<...> всечасное имеем попечение и труд как о исполнении его славных предприятий, так и о произведении всего, что только к пользе и благополучию всего отечества служить может».¹

Одним из направлений, где Елизавета Петровна продолжала политику Петра I, было приглашение на работу в Россию иностранных мастеров «художественного дела» — мастеров живописи и медальеров. Их работы, как и в эпоху Петра Великого, должны были, прежде всего, нести «идею пропаганды успехов державы».²

В медалях правления Елизаветы Петровны, помимо военных побед («На заключение мира со Швецией», «На победу при Франкфурте на Одере»), прославлялось милосердие государыни («На освобождение заключенных»), демонстрировалось дальнейшее развитие государственности и либерализации («На избрание герцога Голштинского Петра в наследники российского престола», «На учреждение поселений в Новороссийском крае», «На рождение вел. кн. Павла Петровича», «На прощение казенных недоимок», «На уничтожение внутренних пошлин», «На прекращение межевых споров»), а также развитие просвещения и культуры («На учреждение Московского университета»)³ и др.

Живописные портреты императрицы в парадном облачении представляли её величие и красоту как олицетворение империи, роскошь убранства с неимоверным количеством драгоценных камней — богатство и обилие недр. Золотые медали с её «персоной» на лицевой стороне являлись материальным свидетельством золотых запасов России, поскольку, как следует из переписки Правительствующего Сената от 1742 г. в связи с чеканкой коронационных медалей Елизаветы Петровны, были отчеканены не из

¹ Соловьёв С.М. *Сочинения: В 18 кн.* Кн. 12: *История России с древнейших времён.* Т. 23–24 / Отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1993. С. 259.

² Щукина Е.С. *Два века русской медали: Медальерное искусство России: 1700–1917 гг.* М., 2000. С. 7.

³ Названия медалей даются по книге: Смирнов В.П. *Описание русских медалей.* СПб., 1908. С. 113–122.

иностранных червонных, а из российских,⁴ не из привозного испано-американского или китайского золота и серебра, а «домашнего», своего, которое Россия обрела к 1722 г.⁵

Своих живописной и медальерной школ в России ещё не было, поэтому в период правления Елизаветы Петровны на работу в Россию, как и при её отце, приглашали европейских художников и медальеров, как маститых, так и малоизвестных. Заинтересованность исходила не только от России, она была обоюдной, потому что иностранцев влекла в Россию репутация русского Двора как одного из самых пышных и славящегося меценатством, с достаточным количеством богатых сановников с европейскими вкусами, которые могли быть потенциальными заказчиками.

При Петре Великом в России работали два иностранных живописца (И.Г. Таннауэр, Л. Каравак), и одновременно с ними прославляли Россию три русских «персонных дел мастера» европейского уровня (братья Иван и Роман Никитины, Андрей Матвеев). Достаточно вспомнить работы Ивана Никитина — портрет Марии Кантемир и картину «Петр I на смертном ложе». При Елизавете Петровне ситуация меняется в сторону увеличения числа как иностранных, так и своих живописцев.

Об интересе императрицы к медалям сообщал ювелир И. Позье. В 1750 г. он привёз из Швейцарии «пачку бронзовых медалей», которые императрица разглядывала, выразила своё удовольствие и спросила, не может ли он убедить сделавшего их художника переселиться в Россию и поступить к ней на службу.⁶

Сравнивая количество иностранных и российских медальеров и резчиков, работавших на монетном дворе в России при Петре I и при Елизавете Петровне, мы затрудняемся назвать точные цифры. Если работы иностранных мастеров можно узнать по монограммам имени и фамилии, которые они ставили на изготовленных медалях, то многим русским медальерам, а чаще всего ученикам, это не разрешалось. По приблизительным подсчётам в России на монетном дворе при Петре I работало не более 7 иностранных медальеров, трое работали в Европе и выполняли заказы, поступавшие из России, русских мастеров было четверо. При Елизавете Петровне

⁴ Петерс Д.И. *Первопрестольная: Коронация российских императоров: 1724–1896: Медали и жетоны: [сб. документов].* М., 2013. С. 108.

⁵ Ширяков И.В. «Ништадтская медаль»: Некоторый опыт изучения // *Двадцать первая всероссийская нумизматическая конференция: Тверь, 24–29 мая 2021 г.: Тезисы докладов и сообщений.* Тверь, 2021. С. 253–255.

⁶ Щукина Е.С. *Два века русской медали: ...* С. 41–42.

количество иностранных мастеров не изменилось (7 человек), включая двоих, оставшихся работать в России после смерти Петра I (Иоганн Купии и Георг Фридрих Рейбиш).⁷

Что касается русских медальеров — учеников иностранцев, то их количество увеличилось с трёх человек, работавших при Петре I,⁸ до 9 — при Елизавете Петровне (это лишь те, кто оставил свои монограммы на медалях).⁹ Следует особенно подчеркнуть, как правило, они были учениками иностранных медальеров, то есть было положено начало формированию плеяды отечественных мастеров. Имена некоторых русских мастеров, работавших при Елизавете Петровне, до сих пор не выявлены.

Медали и высочайшие портреты рассылали, подносили, дарили царствующим особам стран Европы и иностранным дипломатам при российском дворе. Например, в качестве подобных подарков выступали коронационные медали. В письме Государственной коллегии иностранных дел в Комиссию о коронации от 24 августа 1742 г. записано: «<...> Определенные в отпуск в Коллегию Иностранных дел для раздачи чужестранным министрам, обретающимся при дворе Ее Императорского Величества, також де и российским, находящимся при чужестранных дворах, сделанные к торжественной Ее Императорского Величества коронации золотые и серебряные медали и жетоны <...>, а именно: золотые в 50 червонных четыре, по тридцать пять червонных семнадцать, по двадцать червонных одна, по пятнадцать червонных пять, серебряных по двадцать четыре золотника двадцать одна, по восемнадцать золотников шесть, жетонов золотых в червонец двадцать шесть (26), да серебряных в гривенник двадцать шесть же, надлежит в Коллегию Иностранных дел принять и о них расписаться <...>». ¹⁰ По одной золотой коронационной медали в 50 червонцев получили полномочные министры француз маркиз де ла Шетарди, маркиз де Ботта, прусский барон Аксель фон Мардефельд, английский полномочный министр Вейч, черногорцы — сердарь (губернатор) Вукотич и воевода Пламенац. ¹¹ Золотые медали в 35 червонных и серебряные в 24 золотника получили чрезвычайный посланник герцога Голштинского Бухвальд, голландский резидент Иоганн Дешварц, саксонский резидент

⁷ **Щукина Е.С.** *Монограммы и подписи на русских медалях XVIII — начала XX веков.* Киев, 2001. С. 63–64, 66–69, 71, 77.

⁸ Там же. С. 37, 42, 61.

⁹ Там же. С. 23, 29, 31, 42.

¹⁰ **Петерс Д.И.** *Указ. соч.* С. 126.

¹¹ Там же. С. 159.

Ратлегод, венгерский? резидент Хохгольцер, посланник польского короля Николаус Герсдорф, черногорский воевода Драшкович.¹²

Иностранные резиденты, находившиеся в России, разными способами собирали российские монеты и медали и отсылали их своим государям. Полномочный министр Франции при российском Дворе барон де Бретеиль доносил в Версаль в 1761 г., что отправил для пополнения медального кабинета «остаток различных монет и медалей этой страны».¹³

С приглашёнными на службу иностранцами заключали контракт, который предусматривал условия их пребывания в России, например предоставление казённой квартиры, постоянной работы или места работы, размер жалованья, его увеличение в ходе определённого срока. Причём условия эти различались. Например, «Живописец Каравак (Придворный Первый живописец) с жалованьем по 1748 г. по 1500 р., а на 1748 ноября 8 числа по 1755 г. по 2000 р. на год <...> По 1749 году жительство имел он Каравак в Казенной квартире в старом Зимнем Каменном Дворце, что после был корпус леяб-кампании, а с 1748 году Казенной квартиры в даче не было». Художник Георг Кристоф Гроот служил «<...> с октября 16 числа 1741 году с жалованьем по 1650 рублей, а квартиры от придворной конторы не имелось <...>». Каспар Преннер (Преинер) «<...> 1750 году августа с 14 числа с жалованьем по 1500 рублей на год, а квартиры от придворной конторы не имелось <...>». Пьетро Антонио Ротари служил на других условиях: «Граф Ротария с 1756 году, оному производилось июня с 1 числа 1756 году на столе кушанье и питье от той дворной конторы, а жалованья от оной конторы в даче не было».¹⁴ О Луи Токке известно, что «Француз Ток с того ж 1756 году, оному производилась только в квартире его дрова от придворной конторы сентября с 4 числа того 756 году, а жалованья от придворной конторы в даче не было».¹⁵

Для сравнения приведём примеры жалованья в год чинов, служивших при дворце Елизаветы Петровны: обер-гофмейстер получал в год 6000 рублей оклада и 300–400 рублей за жильё, гардеробмейстер — 788 рублей, фрейлины — 600 рублей, камер-фрейлины — 1000 рублей, метрдотель — 1200 рублей, тафельдекер, подававший кушанья к столу и убиравший скатерти и посуду — 250 рублей,

¹² Там же.

¹³ РГАДА. Ф. 1292. Кн. 103. Л. 560.

¹⁴ Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 386. Л. 1.

¹⁵ Там же. Ф. 1292. Кн. 102. Л. 393.

камерпаж — 140 рублей, паж — 114 рублей, скороход — 80 рублей, гайдук — 60 рублей в год.¹⁶

В правление Елизаветы Петровны медаль и медальерное искусство продолжали нести особую значимость в качестве произведений публицистического плана, восхваляя добродетели императрицы. Изготавливались медали «<...> в вечную память и славу государей и государств».¹⁷

Иногда медали и портреты выступали художественным воплощением политических событий, например присоединение России к Версальскому договору, заключённому в декабре 1756 г. Об этом сообщал аббат граф де Берни из Фонтенбло летом 1757 г. в Петербург послу де Л'Опиталю. Он усмотрел в портрете Елизаветы Петровны работы Луи Токке лучшее украшение «<...> кабинета Его Величества как вечный памятник столь успешно заключённого союза обеих держав и залогом его долгого существования».¹⁸

Француз Луи Токке, как следует из дипломатической переписки от 1757 г., был приглашён Елизаветой Петровной для написания её портрета. Де Берни писал из Фонтенбло де Л'Опиталю, что «Его Величество, всегда внимательный к развитию искусств и наук, не мог не заметить, Месье, с большим удовольствием, что слава Месье Токке, докатившаяся до Санкт-Петербурга, сподвигла Российскую императрицу призвать его к своему двору. Столь достойный выбор, павший на него, обязал художника вложить всю тонкость своего искусства в написание портрета Принцессы, такой достойной по своей знатности и изяществу, чтобы притягивать взгляды и вызывать восхищение <...> Его Величество, заранее пребывая в уверенности в правдоподобности портрета, который повелел написать Месье Токке, получит истинное удовольствие от наслаждения обликом Принцессы, к которой весьма расположен, и того, что портрет представит его взору достоинства и украшения тела, которые сопровождают столь ценные качества её души и ума <...>».¹⁹ Де Берни в этом письме упоминает о просьбе Людовика XV, которую король адресовал императрице и которую должен был передать от его имени посол де Л'Опиталь. Просьба короля состояла в том, чтобы добиться дозволения Российской императрицы, после того

¹⁶ Писаренко К.А. *Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны*. М., 2003. С. 45–47, 49–50, 53–56.

¹⁷ Щукина Е.С. *Два века русской медали: ...* С. 37.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1292. Кн. 102. Л. 393; отсюда и далее письмо аббата де Берни от 21 июля 1757 г. даётся в нашем переводе с французского языка.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1292. Кн. 102. Л. 393.

как Токке закончит портрет, сделать с него копию и отправить её к нему во Францию. Что и было исполнено ко всеобщему удовольствию, только следы этой копии во Франции затерялись после событий 1791 г.

Во время царствования Елизаветы Петровны происходили конфликты иностранных мастеров с российской администрацией, вызванные незнанием российских реалий. Администрация Санкт-Петербургского монетного двора обращалась с иностранными медальерами, как следует из архивных документов, по тем же меркам, с какими относилась к отечественным мастерам. Иностранцы воспринимали недостойное, на их взгляд отношение, с чувством обиды, оскорбления их человеческого достоинства, и на этой почве возникали конфликты и писались жалобы.

С одной из подобных жалоб в ноябре 1742 г. обратился в Кабинет Е.И.В. «медальный мастер» Г. Рейбиш. Он жаловался, что на Санкт-Петербургском монетном дворе «<...> в нынешнем де 1742 году взят он был в Монетную канцелярию для резьбы медальных чеканов [штемпелей] о коронации Ее Императорского Величества, и содержался тамо под караулом десять недель в принужденной скорой работе».²⁰ Монетная канцелярия, после исполнения повеления Кабинета «учинить рассмотрение», извещала в ответ, что медальный мастер Рейбиш «<...> с февраля 23 по мая 13-е число <...> на Монетном дворе был по призыву для резьбы медальных штемпелей обще с обретающимися при Монетном дворе медалером Левкиным и резного дела художниками <...> А под караулом он, Ренбиш, содержан не был, и о том де для скорого в резьбе тех штемпелей исправления, как медалеру с товарищи, так и ему Ренбишу, приказано было быть при Монетном дворе безотлучно, чего ради для крепчайшего над ними смотра иметь понуждение приказано было быть присланному <...> лейб-гвардии Преображенского полку капралу и солдатам».²¹

То есть никакого бесчинства, насилия и унижения достоинства в действиях вардейна (начальника) Монетного двора не было, а что медальеры работали более 2-х месяцев безостановочно, не покидая мастерских да ещё под присмотром караула, администрация объясняла всего лишь спешкой в изготовлении медалей, «чтобы не могло причиниться никакой остановки».

Елизавета Петровна как и её отец понимала, что труд гастролёров давал часто скудные плоды, что заключение контрактов с иностранца-

²⁰ Петерс Д.И. Указ. соч. С. 130.

²¹ Там же.

ми было делом ненадёжным и что России нужны свои русские мастера. Прослеживается понижение жалования. Для сравнения: работавшему в России в 1724–1734 гг. датскому медальеру Антону Шульцу было обещано жалование в 4000 р. в год, а при Елизавете швейцарский медальер Жак-Антуан Дасье получал 2500 р., шотландец Бенжамен Скотт — 500 р. жалования и 100 р. квартирных, одновременно русские штемпельные мастера получали 70 р. в год, а оклад ученика составлял не более 48 р.²²

Императрица предъявляла требование, чтобы иностранцы готовили русских учеников, и в отличие от эпохи отца в правление дочери это требование осуществлялось.

Например, в третьем пункте четырёхлетнего контракта с приглашённым в Россию в 1748 г. шотландцем Бенжаменом Скоттом оговаривалось, что «<...> должен он, Шкот, данных ему от манетной канцелярии российских двух учеников для обучения резьбы медальных штемпелей и пуссирования (лепки) на воску и что до медального дела принадлежит, тщательно и добропорядочно обучать, прилагая над ними всевозможные старания, так как совестное беспристрастие и присяжная должность повелевают без прикрытия и утайки».²³

Учениками иностранных медальеров стали русские мастера, продолжившие поколение мастеров предыдущих десятилетий: Самойла Юдин, Степан Мыльников, Иван Кудрявцев и Тимофей Иванов (класс Б. Скотта), Андрей Мушников, Лукьян Дмитриев, Федор Никифоров, Иван Козмин (ученики А. Шульца), Федор Медынцев (ученик Г. Хаупта), а также Иван Васильев и Осип Калашников.

Художники-иностранцы также воспитали плеяду русских портретистов: И.Я. Вишняков и А.П. Антропов обучались мастерству у Л. Каравака, А.П. Лосенко, Ф.С. Рокотов и И.П. Аргунов учились живописи у П. Ротари, А. Перг был учеником фон Преннера.

Но и тут не обходилось без казусов. Сохранился среди документов интересный пример оценки монетным двором иноземных работников: «А хотя наперед сего, так и ныне, медальеры <...> по контрактам выписываны из чужих краев с немалым платежом <...> и для обучения ко оным из русских и отдаются ученики, как ныне от медальера Шульца, плода ожидать нечего, ибо оный и сам состояния слабого и трудиться никогда не хочет, только что больше в пьянстве находится и жалование получает втуне, да и наперед сего которые выписываны были, но безо всякого от них плода отпушены <...>».²⁴

²² Шукина Е.С. *Два века русской медали: ...* С. 42, 54, 56–58.

²³ Там же. С. 53–54.

²⁴ Там же. С. 42.

Несмотря на сравнительно скромный объём памятников (за 20 лет правления Елизаветы Петровны было создано 14 медалей, среди них две наградные и достаточное количество портретов императрицы, её сановников и членов их семей), меры Елизаветы Петровны по продолжению политики отца дали свои плоды: по мнению исследователей, к концу её правления в России были заложены основы успешного развития отечественных школ медальеров и живописцев, получивших успешное развитие во второй половине XVIII столетия.

Архивные источники

1. *РГАДА*. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 386; Ф. 1292. Кн. 102, 103.

Литература

2. **Петерс Д.И.** *Первопрестольная: Коронация российских императоров: 1724–1896: Медали и жетоны: [сб. документов]*. М.: Русский Мирь, 2013. 524 с.
3. **Писаренко К.А.** *Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны*. М.: Молодая гвардия, 2003. 873, [7] с.
4. **Смирнов В.П.** *Описание русских медалей*. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского Монетного Двора, 1908. 752 с.
5. **Соловьёв С.М.** *Сочинения: В 18 кн.* Кн. 12: *История России с древнейших времён*. Т. 23–24 / Отв. ред.: И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1993. 693 с.
6. **Ширяков И.В.** «Ништадтская медаль»: Некоторый опыт изучения // *Двадцать первая всероссийская нумизматическая конференция: Тверь, 24–29 мая 2021 г.: Тезисы докладов и сообщений*. Тверь, 2021. С. 253–255.
7. **Щукина Е.С.** *Два века русской медали: Медальерное искусство России: 1700–1917 гг.* М.: Терра, 2000. 269, [1] с.
8. **Щукина Е.С.** *Монограммы и подписи на русских медалях XVIII — начала XX веков*. Киев: Юнона-Монета, 2001. 160 с.

Давид Иосифович Раскин

*Профессор кафедры источниковедения Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург*

Законодательство елизаветинской эпохи в правовой системе Российской империи

David I. Raskin

Legislation of the Elizabethan era in the legal system of the Russian Empire

Аннотация: Статья посвящена законодательству елизаветинской эпохи. В ней рассматриваются правовые нормы елизаветинского законодательства, сохранившиеся в системе законодательства Российской империи. Учтены все ссылки на законы времени Елизаветы Петровны, содержащиеся во всех изданиях и «продолжениях» 16 томов Свода законов (от 1832 до 1916 г.).

Abstract: The article is devoted to the legislation of the Elizabethan era. The article examines the legal norms of Elizabethan legislation, preserved in the system of legislation of the Russian Empire. The article takes into account all references to the laws of the time of Elizabeth Petrovna, contained in all editions and «sequels» of 16 volumes of the Code of Laws (from 1832 to 1916).

Ключевые слова: Законодательство, Свод законов Российской империи, правовые нормы.

Keywords: Legislation, Code of laws of the Russian Empire, legal norms.

Законодательство елизаветинской эпохи можно рассматривать как этап развития российского имперского законодательства, т.е. с точки зрения его содержания в контексте истории данного периода. Это традиционный подход, многократно применённый в исследо-

ваниях по истории русского права.¹ Нами избран другой подход — рассмотрение применения норм этого законодательства в последующее время, в кодифицированной (систематизированной) системе законов Российской империи.

Основным источником исследования является Свод законов Российской империи. Нами учтены все ссылки на законодательные акты с 25 ноября 1741 г. по 25 декабря 1761 г., имеющиеся в первом издании Свода законов. Прослежено также наличие этих ссылок в последующих изданиях и продолжениях Свода, вплоть до 1917 г.

Для идентификации соответствующих законодательных актов использовано Полное собрание законов Российской империи (1-е собрание).

Свод законов представлял собою многослойный комплекс правовых норм, включивший действовавшие на момент его издания узаконения, начиная с Уложения 1649 г. Эти следы законодательства разных эпох отразили не только различные этапы эволюции российской правовой системы, но и то, что от этих этапов сохранилось в данной системе.

Ссылки на предшествующие законы не всегда прямо совпадали с формулировками (а отчасти и содержанием) включённых в Свод правовых норм. Например, ссылка на указ от 27 января 1749 г. «Об отсылке колодников, которые прокормить себя не могут, мужского пола в Полицеймейстерскую канцелярию, а женского — на мануфактурные прядильные двory»² даётся в обосновании правовой нормы, предписывавшей выдачу кормовых денег за счёт казны должникам, подвергшимся задержанию по казённым и общественным взысканиям. Ссылка на этот указ сохранилась в Уставах гражданского судопроизводства вплоть до 1876 г.³

По мере появления новых изданий Свода законов количество ссылок на законодательные акты елизаветинской эпохи закономерно убывало. Это связано с развитием кодификации российского законодательства, появлением обобщающих уставов и, конечно, с изменениями в правовой базе, отражавшей соответствующие перемены в социально-политическом строе империи. Но и в этом случае нормы елизаветинской эпохи присутствуют в кодифицирован-

¹ *Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма* / Отв. ред. тома Е.И. Индова; под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1987; **Томсинов В.А.** *Законодательство императрицы Елизаветы Петровны*. СПб., 2017; и др.

² ПСЗ. Т. 13: 1749–1753. СПб., 1830. № 9571.

³ СЗ. Т. 10. Изд. 1832. Ст. 2219. Т. 16. Изд. 1876. Ст. 1438.

ном законодательстве в имплицитном виде. Например, издание в 1845 г. Уложения о наказаниях казалось бы отменило Свод законов уголовных издания 1833 г. Но многие (если не большинство) норм старого уголовного законодательства сохранились (без ссылок на него) в этом уложении, а содержательные перемены наступили только в дальнейшем, после Судебной реформы 1864 г. Например, указ от 17 января 1742 г. об освобождении из ссылки Бирона⁴ приведён в издании 1832 г.⁵ в качестве обоснования нормы, что помилование не может быть даровано судом, а исходит исключительно от верховной власти. Эта норма сохранилась в российском уголовном законодательстве до 1917 г.⁶

Многие, ставшие уже архаичными, нормы елизаветинского законодательства сохранялись в Своде законов вплоть до 1917 г. Например, указы о делании перил на масленичных горках (8 февраля 1852 г.),⁷ о содержании качелей в исправности (30 марта 1759 г.)⁸, о запрещении азартных игр (16 июля 1761 г.)⁹ и т.д. действовали до 1917 г.; указы о непризнании законною причиной подозрения на судей показания тяжущихся, что они на решения тех судей по прежним делам объявляли претензии (28 октября 1743 г.)¹⁰ и о праве подсудимых отводить свидетелей, не бывших 3 года у исповеди и причастия (17 декабря 1745 г.)¹¹ — до 1892 г., указ о запрещении продавать печатные листы с изображениями святых угодников (6 ноября 1760 г.)¹² — до 1876 г. и т.д.

Необходимо также отметить, что отдельные ссылки на елизаветинское законодательство неоднократно повторяются в разных томах Свода законов.

В целом количество ссылок на законодательные акты елизаветинского времени по различным составляющим частям Свода законов распределяется следующим образом (в порядке убывания):

- ♦ Свод законов гражданских и межевых (т. 10) — 118,
- ♦ Свод законов уголовных (т. 15) — 102,

⁴ ПСЗ. Т. 11: 1740–1743. СПб., 1830. № 8501.

⁵ СЗ. Т. 15. Изд. 1832. Ст. 148.

⁶ СЗ. Т. 15. Ч. 1. Изд. 1916. Ст. 165.

⁷ ПСЗ. Т. 13. № 9938; СЗ. Т. 14. Изд. 1916. Ст. 290.

⁸ ПСЗ. Т. 15: 1758 — 26 июня 1762. СПб., 1830. № 11045; СЗ. Т. 14. Изд. 1916. Ст. 290.

⁹ ПСЗ. Т. 15. № 11273; СЗ. Т. 14. Изд. 1916. Ст. 173.

¹⁰ ПСЗ. Т. 11. № 8812; СЗ. Т. 16. Изд. 1892. Ст. 301.

¹¹ ПСЗ. Т. 12: 1744–1748. СПб., 1830. № 9237; СЗ. Т. 16. Изд. 1892. Ст. 362.

¹² ПСЗ. Т. 15. № 11140; СЗ. Т. 14. Изд. 1876. Ст. 105.

- ♦ Уставы уголовного судопроизводства (т. 16) — 102,
- ♦ Устав о предупреждении и пресечении преступлений (т. 14) — 76,
- ♦ Свод законов о состояниях (т. 9) — 58,
- ♦ Свод учреждений и уставов торговых (т. 11) — 24,
- ♦ Устав о паспортах и беглых (т. 14) — 24,
- ♦ Губернские учреждения (т. 2) — 23,
- ♦ Устав о податях (т. 5) — 20,
- ♦ Устав монетный (т. 7) — 17,
- ♦ Устав пожарный (т. 12) — 17,
- ♦ Учреждения и уставы врачебные по гражданской части (т. 13) — 13,
- ♦ Устав о службе гражданской (т. 3) — 12,
- ♦ Уставы гражданского судопроизводства (т. 16) — 12,
- ♦ Устав о земских повинностях (т. 4) — 7,
- ♦ Учреждения и уставы путей сообщения (т. 12) — 7,
- ♦ Учреждения и уставы о содержащихся под стражей и ссыльных (т. 14) — 7,
- ♦ Устав о питейном сборе (т. 5) — 6,
- ♦ Свод учреждений Правительствующего Сената (т. 1) — 5,
- ♦ Свод уставов о пошлинах (т. 5) — 5,
- ♦ Устав строительный (т. 12) — 5,
- ♦ Постановления о городском и сельском хозяйстве (т. 12) — 5,
- ♦ Свод уставов об обеспечении народного продовольствия (т. 13) — 5,
- ♦ Свод основных государственных законов (т. 1) — 4,
- ♦ Устав почтовый (т. 12) — 4,
- ♦ Свод уставов ученых учреждений и учебных заведений (т. 11) — 4,
- ♦ Устав судопроизводства торгового (т. 11) — 2,
- ♦ Свод уставов таможенных (т. 6) — 1,
- ♦ Устав горный (т. 7) — 1,
- ♦ Устав лесной (т. 8) — 1.

Отсутствуют ссылки на законодательство елизаветинского времени в: Учреждении об императорской фамилии, Своде учреждений Государственного совета, Своде учреждений Комитета министров, Своде учреждений министерств, Учреждении Капитула российских императорских и царских орденов (т. 1); Уставе о соли (т. 7); Уставе о казённых оброчных статьях и Уставах счётных (т. 8), Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных (т. 11); Своде уставов и учреждений государственных кредитных установлений, Уставе о

векселях, Уставе ремесленном и Уставе пробирном (т. 11); Постановлениях об особенном надзоре и попечении о благоустройстве в казённых селениях и Уставе о колониях (т. 12); Учреждениях и уставах об общественном призрении (т. 13) и Уставе о цензуре (т. 14). Это отсутствие объясняется более поздним появлением соответствующих учреждений и соответствующего законодательства.

В более детальном приближении картина выглядит следующим образом. Ожидаемо минимально число ссылок в Своде основных государственных законов (а имеющиеся относятся к присяге и коронованию) и Своде учреждений Правительствующего Сената (в основном они касаются хранения указов и выдачи справок, важнейшая — на указ 16 августа 1760 г. «О употреблении Сенату всех способов к восстановлению везде надлежащего порядка и народного благосостояния»¹³).

Неожиданно гораздо больше имеется ссылок в «Учреждениях губернских» (в основном опирающихся на екатерининские Учреждения для управления губерний 1775 г.), но собственно к губернским учреждениям они имеют косвенное отношение, например, указы «О неписании приказных дел на дому и о нехождении должностным людям по делам своим в часы службы»,¹⁴ «О нетребовании никакими присутственными местами из подведомственных им мест нерешенных дел»,¹⁵ «О заседании в присутственных местах во все указанные часы; о наблюдении за исполнением сего правила и о штрафе за нарушение оногo»,¹⁶ «О запечатании посылаемых из Сената в дальние места указов в двойные из картузной бумаги пакеты, о зашивании больших с экземплярам кувертов в холст и о предписании иметь для рассылки крепкие кожаные сумы»,¹⁷ «О запрещении представлять в Сенат о делах, не подлежащих его решению <...>»¹⁸ и т.п.

Из 12 ссылок в Уставе о службе гражданской важнейшие, повлиявшие на дальнейшее правовое положение гражданских служащих, — «О сравнении чина надворного советника с чином подполковника»,¹⁹ «О счете старшинства в чинах по каждому ведомству особо»²⁰ и «О неотложном исполнении требований Кабинета к рас-

¹³ ПСЗ. Т. 15. № 11092.

¹⁴ Там же. Т. 12. № 9044.

¹⁵ Там же. Т. 12. № 9107.

¹⁶ Там же. Т. 13. № 9695.

¹⁷ Там же. Т. 15. № 10821.

¹⁸ Там же. Т. 15. № 11318.

¹⁹ Там же. Т. 12. № 9179.

²⁰ Там же. Т. 13. № 10066.

пространению выгод и к пользе Колывано-Воскресенских заводов» (уравнивавший в чинах горных чиновников с военными)²¹. Остальные имеют к гражданской службе лишь косвенное отношение.

Немногочисленные ссылки в Уставе о земских повинностях частично пересекаются с Учреждениями и уставами путей сообщения и касаются содержания дорог, мостов, перевозов и т.п., а частично относятся к обеспечению войск подводами и топливом.

20 ссылок в Уставе о податях связаны главным образом с производством ревизии и включением в перепись различных категорий населения. Это указ «О генеральной ревизии»²² и «Инструкция посланным для учинения вновь ревизии»,²³ указы «О переписи в ревизии особо протопопских, поповских, диаконских и других церковников детей, записанных в семинариях и школах»,²⁴ «О невключении в подушную перепись татарских мурз, восприявших веру греческого исповедания и жалованных деревнями и дворянским достоинством»,²⁵ «О выключке из подушного оклада казаков слободских полков, бывших в сем сословии по прежним спискам, и об оставлении в оном окладе родственников оных казаков, пришедших в слободские полки из других мест»,²⁶ «О снятии ясака с башкирцев, мещеряков и татар, между ими живущих и о продаже у них вместо сего соли из казны»²⁷ и т.д.

Из 5 ссылок в Уставе о пошлинах главная — на указ от 29 июля 1752 г. «О писании в крепостях настоящей цены имения под опасением взыскания двойных пошлин за утайку оной».²⁸ Остальные касаются употребления гербовой бумаги.

Важнейшие ссылки в Уставе о питейном сборе относятся к запрещению продажи вина во время крестных ходов и литургии (эта ссылка имеется и в других томах Свода законов).²⁹

В Своде уставов таможенных, Горном и Лесном уставах можно найти лишь по одной ссылке на елизаветинское законодательство, что опять-таки объясняется историческими реалиями.³⁰

²¹ Там же. Т. 15. № 11185.

²² Там же. Т. 11. № 8835.

²³ Там же. Т. 11. № 8836.

²⁴ Там же. Т. 12. № 8914.

²⁵ Там же. Т. 12. № 9236.

²⁶ Там же. Т. 13. № 9606.

²⁷ Там же. Т. 14: 1754—1757. СПб., 1830. № 10198.

²⁸ Там же. Т. 13. № 10015.

²⁹ Там же. Т. 11. № 8759; № 8821; Т. 12. № 9365.

³⁰ Там же. Т. 15. № 11021. П. 1. (О неприводе никаких товаров потаёнными дорогами за границу, поимке провозителей и укрывателей и аресте товаров,

Гораздо более значимыми можно считать 17 ссылок в Уставе монетном, например, о запрете вывоза из России серебряной монеты,³¹ а также о борьбе с фальшивомонетчиками.³²

Заметный след оставило елизаветинское законодательство в Своде законов о состояниях — 58 ссылок. Большинство из них касалось реалий крепостного права и определения сословной принадлежности в ходе ревизии: поимка беглых,³³ статус вдов, выходящих за лиц других сословий,³⁴ освобождение от постоя дворов священно- и церковнослужителей,³⁵ сословный статус детей священно- и церковнослужителей и детей отставных нижних чинов,³⁶ незаконно-рожденных,³⁷ регулирование прав на получение дворянства,³⁸ запрет недворянам владеть населенными имениями и т.п.³⁹ Но среди них имеются и нормы, запрещавшие священнослужителям давать в долг в лихву и быть поручителями в судебных делах, по долгам, подрядам, откупам и т.п.,⁴⁰ дававшие дворянству преимущества перед купцами при торгах на подряды и поставки,⁴¹ обязывавшие владельцев имений иметь в запасе хлеба на годичное продовольствие крестьян и на будущий посев,⁴² запрещавшие крестьянам обязываться векселями и вступать в поручительство,⁴³ а также о запрещении евреям проживания в России.⁴⁴ Эти нормы постепенно

вызкании пошлин и награждении поимщиков); уже упомянутый указ о Колывано-Воскресенских заводах; Т. 12. № 9544. (О вывозе из лесов по срубке деревьев вершин, сучьев, щепы и коры и о заготовке впредь для строения судов досок пильных, а не топорных).

³¹ ПСЗ. Т. 12. № 8940; № 8942; № 8995. П. 1; № 9102; Т. 13. № 9833; Т. 14. 10486. гл. XV, ст. 5.

³² Там же. Т. 11. № 8557; Т. 14. № 10396; № 10401. Ст. 2.

³³ Там же. Т. 11. № 8699; Т. 14. № 10233 и др.

³⁴ Там же. Т. 11. № 8504. П. 23.

³⁵ Там же. Т. 11. № 8546.

³⁶ Там же. Т. 11. № 8836. П. 12, 20; Т. 12. № 8981.

³⁷ Там же. Т. 12. № 8966. П. 4; № 9343.

³⁸ Там же. Т. 14. № 10502; Т. 15. № 10900; № 11255, а также указ о числе приписных душ к фабрикам и заводам, об объявлении при письме крепостей с тех деревень, которые покупаются к фабрикам и заводам и о непозволении произведённых в чины из купцов фабрикантам покупать деревни (Там же. Т. 13. № 9954).

³⁹ ПСЗ. Т. 12. № 9267; Т. 15. № 10796.

⁴⁰ Там же. Т. 11. № 8844.

⁴¹ Там же. Т. 15. № 10788. Гл. III, п. 3.

⁴² Там же. Т. 15. № 11203. 14.02.1761.

⁴³ Там же. Т. 15. № 11204. 14.02.1761.

⁴⁴ Там же. Т. 11. № 8673; № 8840; Т. 12. № 8867.

исчезали из российской правовой системы после отмены крепостного права и по мере ослабления сословных ограничений.

Больше всего ссылок на законодательные нормы времени Елизаветы (118) имеется в Своде законов гражданских и межевых. Эти ссылки подтверждают установившиеся с сер. XVIII в. нормы семейного права, правила подрядов, взыскания долгов и т.д.⁴⁵

И в Московской Руси, и в Российской империи XVIII в. торговля, а следовательно, торговое право были развиты ещё слабо. Но среди 24 ссылок на елизаветинское законодательство в Своде уставов и учреждений торговых можно найти ссылки на такие важные акты, как указ о словесном суде (5 мая 1754 г.),⁴⁶ указ от 19 августа 1745 г., регулирующий право крестьян на торговлю,⁴⁷ указы о присяжных маклерах,⁴⁸ о присяжных браковщиках,⁴⁹ и, конечно, многочисленные ссылки на Таможенный устав 1755 г.⁵⁰

В то же время в Уставе судопроизводства торгового имеется лишь 2 ссылки — на тот же указ о словесном суде и на статью Таможенного устава «О суде и охранении купцов от обид на ярманках».⁵¹

Среди 5 ссылок в Своде постановлений о фабричной, заводской и ремесленной промышленности 4 относятся к драгоценным ме-

⁴⁵ Например, указы о правилах выкупа проданных и заложенных в чужие роды имений (*ПСЗ*. Т. 12. № 8936), о содержании нерушимых контрактов по подрядам и откупам в казённых товарах (Там же. № 9037), о недопущении вступившим в брак жить порознь (Там же. № 9052), о недействительности брака, заключённого восьмидесятилетним стариком (Там же. № 9087), о запрещении мужу при живой жене, а жене при муже брать указные части из имения, принадлежащего тому или другой (Там же. № 9513), о недопущении однодворцам ниже положенных по правилам лет вступления в брак и о запрещении попам брать за венчание излишние деньги (*ПСЗ*. Т. 14), об уничтожении закладной, данной несовершеннолетним владельцем на имение, с матерью, братьями и сестрой ещё не разделённое, и о наказании соучастников (*ПСЗ*. Т. 15. № 11018), о наследовании единоутробных сестёр в имении их матери (Там же. № 11210), о недозволении детям, не отделённым от родителей, обязываться заёмными письмами и делать на себя записи без дозволения родителей или их родственников, от которых они ожидают наследства, включавший также норму о недействительности векселей, выданных ими вследствие проигрыша в карты (Там же. № 11272), о запрещении азартных игр (Там же. № 11275) и др.

⁴⁶ *ПСЗ*. Т. 14. № 10222.

⁴⁷ Там же. Т. 12. № 9201.

⁴⁸ Там же. Т. 13. № 9660. 23.08.1749.

⁴⁹ Там же. Т. 13. № 9777; Т. 15. № 11082; № 11234; № 11361.

⁵⁰ Там же. Т. 14. № 10486.

⁵¹ Там же. Гл. VIII, ст. 1.

таллам,⁵² а одна — к переписи рабочих на фабриках.⁵³ Промышленное законодательство в России получило развитие лишь позднее.

7 ссылок в Учреждениях и уставах путей сообщения касаются в основном содержания дорог, мостов и бечевников, устройства гадей на болотах, уничтожения сборов с мостов, перевозов, прорубей и т.д.⁵⁴

Среди 5 ссылок в Уставе строительном важнейшие — на указы о нестроении зданий без разрешения главной полиции⁵⁵ и о поддержании чистоты в столицах.⁵⁶

Более значимы правовые нормы елизаветинского законодательства в Уставе пожарном. Они (наряду с петровским законодательством) стали основой законодательства о противопожарной безопасности.⁵⁷

Устав почтовый (как отдельный устав появился только в издании Свода законов 1857 г.) содержит 4 ссылки на указы елизаветинского времени.⁵⁸ В Постановлениях о городском и сельском хозяйстве из 5 ссылок 4 относятся к охоте и рыболовству в столицах и их окрестностях.⁵⁹

Свод уставов об обеспечении народного продовольствия содержит всего 5 ссылок на елизаветинские указы, среди них важнейшие — о крестьянской торговле съестными припасами и ограничениях для перекупщиков.⁶⁰

Все эти источники правовых норм Уставов государственного благоустройства (т. 11–12) и Уставов благочиния (т. 13–14) сохранились с елизаветинских времён и при дальнейшем развитии соответствующих отраслей законодательства.

Заметное место (несмотря на не слишком большое число) занимают ссылки на елизаветинское законодательство в Учреждениях и уставах врачебных по гражданской части. Они касаются в основном карантинных и санитарных мер. Но в 1750 г. впервые в российском

⁵² Там же. Т. 13. № 9610; № 10018; № 10100; Т. 15. № 10811.

⁵³ Там же. Т. 11. № 8836. П. 5.

⁵⁴ Там же. Т. 11. № 8778; Т. 12. № 9497. П. 5; Т. 14. № 10381; Т. 15. № 11248 и др.

⁵⁵ Там же. Т. 11. № 8549.

⁵⁶ Там же. Т. 11. № 8621; Т. 12. № 8916; № 8925.

⁵⁷ Там же. Т. 11. № 8523; Т. 12. № 9183; № 9464; № 9526; Т. 13. № 9602; № 9981; № 10014; № 10106; № 10135; Т. 14. № 10227; № 10380; № 10403; Т. 15. № 11040; № 11271.

⁵⁸ Там же. Т. 12. № 9320; Т. 14. № 10302; Т. 15. № 11057; № 11295.

⁵⁹ Там же. Т. 11. № 8477; № 8485; Т. 13. № 9949; № 10024.

⁶⁰ Там же. Т. 14. № 10486 (Таможенный устав, гл. X, ст. 1); Т. 15. № 10788 (высочайше утверждённые для провиантского правления регулы, гл. IV, ст. 14).

законодательстве был установлен запрет на лечение «не учившимся медико-хирургической практике лекарям».⁶¹

Устав о паспортах и беглых и Устав о предупреждении и пресечении преступлений отразили реалии середины XVIII в. (борьба с крестьянскими побегам, ответственность помещиков за поведение своих крестьян, преследования сектантов), долго ещё актуальны в дореформенной (а отчасти и пореформенной) России.

Это же можно сказать и о Своде уставов уголовных и уставах уголовного и гражданского судопроизводства. Многочисленные ссылки на елизаветинские указы в 15 и 16 томах во многом взаимно дублируют друг друга и в полной мере соответствуют общим представлениям о стойкости крепостнических порядков в Российской империи.

Таким образом, многие нормы елизаветинских указов оставались действенными (нередко в скрытом виде) в системе российского права.

В целом елизаветинское законодательство по многочисленности занимает 3-е место (после петровского и екатерининского) — соответственно, 5947, 3314 и 2916 указа. Это соответствует продолжительности царствования данных монархов. Но такая пропорция сохраняется и для ссылок на соответствующие указы в Своде законов.

Вопрос о личном участии Елизаветы Петровны в законодательстве мы оставляем за скобками. Ответ на него дан в соответствующих биографических исследованиях. Отметим лишь, что отпечаток личности императрицы можно заметить в указах о правах православной церкви и церковном благочинии, поддержании чистоты и порядка в столицах, а также связанных с медициной и санитарией и семейным правом.

Литература

1. *ПСЗ*. Т. 11: 1740–1743; Т. 12: 1744–1748; Т. 13: 1749–1753; Т. 14: 1754–1757; Т. 15: 1758 — 26 июня 1762; СПб.: В тип. II отд-я Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
2. *Российское законодательство X–XX веков: В 9 т.* Т. 5: *Законодательство периода расцвета абсолютизма* / Отв. ред. тома Е.И. Индова; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1987. 528 с.
3. *СЗ*. Т. 10. Изд. 1832; Т. 14. Изд. 1876; Т. 14. Изд. 1916; Т. 15. Изд. 1832; Т. 15. Ч. 1. Изд. 1916; Т. 16. Изд. 1876; Т. 16. Изд. 1892.
4. **Томсинов В.А.** *Законодательство императрицы Елизаветы Петровны*. СПб.: Зерцало, 2017. 288 с.

⁶¹ *ПСЗ*. Т. 13. № 9717. 16.03.1750.

Михаил Михайлович Сафонов

*Старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург*

Императрица Елизавета Петровна глазами Екатерины II

Mikhail M. Safonov

Empress Elizabeth Petrovna through the eyes of Catherine II

Аннотация: В статье анализируется изображение императрицы Елизаветы Петровны в первой и второй редакциях «Записок» Екатерины II в контексте системы образов главных персонажей мемуаров в тесной связи с политической обстановкой во время их создания. Автор приходит к выводу о том, что эти мемуары в большей степени отражают образ их создателя Екатерины II, нежели Елизаветы Петровны. Поэтому для воссоздания истинного образа дочери Петра I «Записками» Екатерины можно пользоваться с большой осторожностью, предпочитая другие более надёжные источники.

Abstract: The article analyzes the image of the Empress Elizabeth Petrovna in the first and second editions of the «Memoirs» of Catherine II in the context of the system of images of the main characters of the memoirs in close connection with the political situation at the time of their creation. The author comes to the conclusion that these memoirs reflect the image of their creator Catherine II to a greater extent than Elizabeth Petrovna. Therefore, to recreate the true image of the daughter of Peter I, Catherine's «Memoirs» can be used with great caution, having read other more reliable sources.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, Екатерина Алексеевна, Петр Федорович, «Записки» Екатерины II, престолонаследие.

Keywords: Elizabeth Petrovna, Ekaterina Alekseevna, Peter Fedorovich, «Memoirs» of Catherine II, succession to the throne.

«Записки» Екатерины II, пожалуй, самый важный источник для изучения образа дочери Петра I императрицы Елизаветы Петровны. Когда Н.М. Карамзин прочитал екатерининские мемуары, то он нашёл их «очень любопытными». При этом автор «Истории Государства Российского» заметил: «Двор Елизаветы как в зеркале».¹ Стало быть, и сама Елизавета тоже как в зеркале. Пушкин как-то сказал про свой портрет: «Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит».² Но если бы Елизавета прочитала то, что о ней написала её невестка, то ей бы это не понравилось. Скорее всего, она подобно героине пушкинской сказки сказала бы: «Ах ты мерзкое стекло!» Зеркало оказалось кривым. И историки, которые подобно Карамзину, были уверены, что видят созданный екатерининским пером образ Елизаветы «как в зеркале», заблуждались. Когда наш «первый историк и последний летописец» начертил эти строки, он даже не подозревал, что зеркало не одно, а их два. Отображённые в них образы императрицы не только не идентичны, но напротив, различны настолько, что у читателя мемуаров Екатерины II может сложиться мнение, что речь идёт о разных людях.

Екатерина принималась за мемуары дважды. Впервые в начале 1770-х гг., а потом двадцать лет спустя, в первой половине 1790-х гг. За эти годы многое произошло в жизни мемуаристки. Но ещё больше случилось на европейском континенте. Произошла Великая французская революция. И после такого социального потрясения многое, что казалось чёрным, неожиданно приняло белый цвет. Употребляя балетный язык, можно сказать, что Елизавета Петровна из Одилии превращается в Одетту, другими словами, чёрный лебедь, воплощение зла, становится лебедем белым, символом добра.

Любители чёрно-белой истории обычно выбирают один из этих образов (в зависимости от идеологических позиций, которые они занимают). Или, что ещё хуже, пытаются объединить эти два образа в один. Но мы не пойдём по этому пути. Попробуем разобраться в этой поражающей воображение метаморфозе. В первой редакции воспоминаний в начале 1770-х гг. Екатерина даёт словесный портрет тридцатипятилетней императрицы, увиденный глазами четырнадцатилетней девочки при первой встрече. «Поистине нельзя было тогда видеть её в первый раз и не поразиться её красоте и величественной осанке. Это была женщина высокого роста, очень полная. Но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего

¹ *Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву*. СПб., 1866. С. 288.

² *Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т.* Т. 2. М., 1959. С. 177.

стеснения во всех своих движениях; голова была также очень красива; на императрице в этот день были огромные фижмы, какие она любила носить, когда одевалась, что бывало с ней, впрочем, лишь в том случае, если она появлялась публично. Её платье было из серебряного глазета с золотым галуном; на голове; у неё было чёрное перо, воткнутое сбоку и стоявшее прямо, а причёска из своих волос со множеством бриллиантов».³ На следующий день императрица вышла из своей уборной, «чрезвычайно разодетая; на ней было коричневое платье, расшитое серебром, и она вся была покрыта бриллиантами, то есть голова, шея, лиф».⁴

Из этого описания можно заключить, что немецкая принцесса, прибывшая в Россию, чтобы стать женой наследника, увидела одну из красивейших женщин Европы. Дочь Петра I не просто красивая женщина, она обладает безупречным вкусом и владеет всеми премудростями, позволяющими женщине подать себя самым выгодным образом. Но красавица — женщина не первой молодости. Хотя мемуаристка нигде не указывает её точного возраста, читатель без труда может вычислить, что в тот момент императрице уже тридцать пять лет, в то время как немецкой принцессе ещё нет и пятнадцати. Наивная девочка, почти ребёнок, обожает танцы, наряды, украшения. Сама того не желая, это юное создание уже вскружило не одну мужскую голову. Она молода и свежа, и как бы ни была красива императрица, Елизавета не сможет равнодушно смотреть на светские успехи своей невестки. Красота — это палка о двух концах. Красота ускользающая — ещё большая трагедия для красавицы, чем природное уродство для дурнушки. А если у тебя в руках жизнь и судьба твоих подданных, неограниченная возможность поступать с ними, как считаешь нужным, а ты хочешь навсегда оставаться «самой-самой?!»

Вдумчивый читатель уже начинает догадываться, хотя мемуаристка ещё об этом прямо и не пишет: конфликт неизбежен. Императрица, увядание которой уже не за горами, не может спокойно взирать на юную и прекрасную невестку. Туалеты и причёски молодой соперницы вызывают у неё не просто раздражение и досаду, но приступы патологической ревности и необузданного гнева. Они становятся причиной неадекватного поведения Елизаветы, о недостойных поступках которой лучше было бы и не говорить вовсе, но шила в мешке не утаишь.

³ *Записки императрицы Екатерины Второй*. М., 1989. С. 39.

⁴ Там же. С. 38, 41.

Впрочем, поначалу всё складывалось вполне благополучно. Елизавета окружила будущую невестку вниманием и заботой, проявила необыкновенную щедрость, тщательно оберегала её здоровье. Но это продолжалось недолго. Не прошло и полугодя, как Елизавета стала проявлять раздражение. Екатерина же превратилась в предмет постоянных нападок и придировок.

В последнюю неделю масленицы 1750 г. произошёл такой эпизод: «Я в то время отдалась более, чем когда-либо, нарядам и всяким модам», — писала Екатерина. Обрисовав свой самый модный туалет, мемуаристка заметила: «Её Величество не очень жаловала новые моды, ещё менее те, которые шли молодым женщинам, в особенности же она не любила то, что было мне к лицу. Она на меня много смотрела в тот вечер, более обыкновенного косилась исподлобья, что было всегда дурным признаком, а в галерее отвела в сторону Чоглокову, с которой долго говорила. И когда прощалась с нами перед уходом, показалась нам очень красной. Мы также удалились; едва я успела раздеться, как вошла Чоглокова и сказала, что Её Величество нашла моё платье некрасивым и велела мне передать, чтобы я никогда больше не являлась перед ней в таком платье и с такой причёской, что, кроме того, она гневалась на меня за то, что я, будучи замужем четыре года, не имела детей, что вина в этом была исключительно на мне, что, очевидно у меня в телосложении был скрытый недостаток, о котором никто не знал, и что поэтому она пришлёт мне повивальную бабку, чтобы меня осмотреть».⁵ Слишком красивое платье у невестки, поэтому надо наступить на большую мозоль — бездетность. Назначить унижительный осмотр.

Вот ещё пример галантного самодурства: летом 1749 г. в Софьино Екатерина подверглась публичному поношению императрицы за то, что из-за своей любви дорого одеваться постоянно входила в долги. Хотя молодящаяся императрица бранила невестку за траты, на самом деле Елизавету раздражали прекрасные наряды молодой и красивой женщины.

Ещё пример: 30 августа 1749 г. в день св. А. Невского Екатерина надела отделанное по всем швам широким золотым испанским кружевом белое платье и подверглась нападкам Елизаветы из-за нового красивого наряда. «Моя дорогая тётушка была очень подвержена такой мелочной зависти, не только в отношении ко мне, но и в отношении ко всем другим дамам; главным образом преследованию подвергались те, которые были моложе, чем она».⁶

⁵ Там же. С. 177–178.

⁶ Там же. С. 135.

В доказательство своеобразного «варварства» Елизаветы мемуаристка привела такой «факт»: «Эту зависть она простирала так далеко, что случилось, что однажды при всём дворе она подозвала к себе Нарышкину, <...> которая благодаря своей красоте, прекрасному сложению и величественному виду, <...> исключительной изысканности, какую она вносила в свой наряд, стала предметом ненависти императрицы, и в присутствии всех срезала ножницами у неё на голове прелестное украшение из лент <...> В другой раз она лично сама обстригла половину завитых спереди волос у своих фрейлин, под тем предлогом, что не любила фасон прически, какой у них был; одна из них была графиня Ефимовская <...> а другая княжна Репнина <...> и обе девицы уверяли, что Её Величество с волосами содрала немножко кожи».⁷

Самодурство самодержавной модницы дошло до того, что «в один прекрасный день, <...> императрице пришла фантазия велеть всем придворным дамам обрить головы. Все её дамы с плачем повиновались; императрица послала им чёрные плохо расчёсанные парики, которые они принуждены были носить, пока не отрасли волосы. Городские дамы получили приказание не являться ко двору иначе, как в таких париках, надетых поверх их волос; они были наряжены ещё хуже придворных дам: их волосы под париками поднимали эти последние, а у придворных дам с бритыми головами парик был по крайней мере ближе к голове. Так как императрица велела себя обрить, как и других, что и послужило поводом произвести ту же операцию над всеми её дамами». Императрица объяснила причину этого «благодеяния» тем, что по случаю какого-то праздника она «не имела возможность снять пудру со своих волос; чтобы появиться без пудры, она порешила вычернить волосы, а эта краска не хотела сойти с волос <...>». Поэтому она велела всем придворным дамам обрить волосы и приказала им носить парики.⁸ Это уже самодержавное самодурство.

За внешней сентиментальностью императрицы, проявлением простых человеческих чувств проглядывала натура эгоистичная, деспотическая, вздорная и капризная. Несмотря на болезнь великой княгини, государыня заставила её присутствовать на свадьбе А.Н. Румянцевой, а до этого убирать невесте волосы, хотя Екатерина едва держалась на ногах.⁹ В другой раз великая княгиня также рисковала жизнью. С.Ф. Апраксин устроил у себя в доме праздник,

⁷ Там же. С. 139–140.

⁸ Там же. С. 95–96.

⁹ Там же. С. 168.

на котором присутствовала и Екатерина. Назавтра она узнала, что в этот день дочь Апраксина умерла в течение ночи от оспы. Мемуаристка, оспой ещё не болевшая, была уверена, что была привезена в тот дом с целью заразить её этой смертельной болезнью.

Особо Екатерина выделяет чѣрствость императрицы. Когда у Екатерины умер отец, ей позволили поплакать несколько дней. Пустили кровь. Елизавета навестила невестку, когда ей стало немного лучше. А затем М.С. Чоглокова пришла сказать, что императрица велела, чтоб она перестала плакать, что её «отец не был королѣм, и потеря не велика» Мемуаристка никогда не могла «забыть этой черты».¹⁰

Душевно чѣрствая Елизавета была груба и нередко доходила до рукоприкладства. Гвардейскому офицеру М.И. Сафонову она вlepила пощѣчину. Обер-гофмейстерину М.С. Чоглокову императрица обзывала «глупой, дурой, скотиной». Она «страшно бранила великого князя», высказывала ему всё, что «внушал ей гнев, даже ругательства». В мае 1746 г. государыня выбрала невестку, «гневно и заносчиво». Та «заливалась слезами и испытывала отчаянный страх перед императрицей». Елизавета «в гневе била своих женщин, своих приближённых и даже кавалеров», да и сама Екатерина опасалась, что императрица станет её бить.¹¹

Елизавета вела нездоровый образ жизни, но от молодого Двора требовала, чтоб он жил по правилам. «Кроме воскресений и праздников, она не выходила из своих внутренних апартаментов и большей частью спала в эти часы или считалось, что спит; ночь она проводила без сна с теми, кто был допущен в её интимный кружок; она ужинала иногда в два часа по полуночи, ложилась после восхода солнца, обедала около пяти или шести часов вечера и отдыхала после обеда час или два, между тем как нас с великим князем заставляла вести самый правильный образ жизни».¹² Накануне Нового года веселились в покоях великого князя, когда в полночь вошла камер-фрау и приказала идти спать, потому что императрица находила предосудительным, что ложились так поздно накануне великого праздника. «Любезность эта показалась нам странной <...> и нам показалось, что тут больше дурного настроения, чем разумного основания».¹³

¹⁰ Там же. С. 101–102.

¹¹ Там же. С. 84, 87–88, 115, 133.

¹² Там же. С. 66.

¹³ Там же. С. 80.

Другая отличительная черта этой вздорной личности — страсть к перестановке мебели.¹⁴ Когда же Екатерина и Петр решили переставить мебель в своей комнате, то великая княгиня получила за это форменный разнос.¹⁵

Екатерина очень мало общалась с императрицей непосредственно. Впрочем, сама Екатерина не искала контактов с государыней, а напротив, старалась свести их к минимуму, потому что каждый контакт был чреват неприятностями. Императрица вступала в общение с очень немногими. Настроение её было очень трудно уловить. Во время разговора она могла прицепиться к непонравившемуся ей слову, а затем «напасть» на собеседника. Екатерина не раз была свидетельницей таких нападений на великого князя. Поэтому ей приходилось быть сдержанной в разговорах с императрицей, «взвешивать и подбирать свои выражения прежде, чем их высказывать».¹⁶ При этом Елизавета установила наистрожайший надзор над Екатериной, пыталась грубо и оскорбительно контролировать каждый её шаг, хотя для этого не было ни малейших оснований. Летом 1745 г. Екатерина по собственному почину распределила обязанности среди своих горничных. За это она получила от императрицы «выговор и отдано было приказание, чтобы всё осталось» по-прежнему.¹⁷ Удалила любимую горничную Екатерины М.П. Жукову, а ей самой устроила настоящий скандал: «говорила с такой горячностью и гневом, что была совсем красная, с горячими глазами».¹⁸

Особо подчёркивает Екатерина недоброжелательность, которую проявляла императрица в «кадровых вопросах», назначая наблюдать за ней людей низких моральных качеств. Обер-гофмейстерной двора великой княгини Елизавета назначила статс-даму М.С. Чоглокову. «Самую злую и капризную женщину изо всего двора». Узнав об этом, Екатерина расплакалась.¹⁹

Под пером мемуаристки эти действия Елизаветы выглядят довольно бессмысленными, и читатель должен поверить: все подобные нелепости проистекали из сумасбродного характера императрицы. А он нарисован такими яркими красками, что доверчивый читатель должен заключить, что императрица и не могла вести себя иначе.

¹⁴ Там же. С. 144–145.

¹⁵ Там же. С. 112–113.

¹⁶ Там же. С. 81–82.

¹⁷ Там же. С. 64–65.

¹⁸ Там же. С. 78.

¹⁹ Там же. С. 86.

Эта вздорная женщина была к тому же любвеобильна. Она увлеклась красивым кадетом Н.А. Бекетовым. Тот в свою очередь понравился фрейлине А.А. Гагариной. Девушка начала кокетничать с ним и стала в некотором роде соперницей императрицы. «Это была опасная игра, так как она хорошо знала, что не одна фрейлина за одно подозрение в том, что она обратила внимание какого-нибудь из тех, которые владели минутным расположением императрицы, была с позором выгнана».²⁰

Любвеобильность государыни порождала неприятные коллизии, от которых сильно страдали окружающие. Вот как Елизавета вела себя в церкви: «Императрица вышла за несколько минут до меня из большой церкви во время обедни, что она часто проделывала, хотя была очень набожна; во время богослужения она обыкновенно не стояла подолгу на одном и том же месте, а переходила по церкви с одного места на другое; не было церкви, где бы для неё не было отведено двух или трёх мест. В этот день она прямо прошла из большой в свою малую комнатную церковь; там она показалась до такой степени раздражённой, что заставляла дрожать от страха всех присутствовавших; это происшествие сильно смутило благочестивое настроение моих женщин. Императрица выбрала всех своих горничных <...>; певчие и даже священник — все получили нагоняй. Много шептались потом о причинах этого гнева; из глухих намёков обнаруживалось, что это гневное настроение императрицы вызвано было затруднительным положением, в котором находилась Её Величество между трюми или четверыми своими фаворитами, а именно — графом Разумовским, Шуваловым, одним певчим, по фамилии Каченовский, и Бекетовым <...> Нужно сознаться, что всякая другая на месте Её Величества была бы поставлена в тупик и при менее затруднительных условиях. Не всякому дано умение щадить и примирять самолюбие четверых фаворитов одновременно».²¹ Естественно, при таких обстоятельствах великая княгиня не могла не стать жертвой этого самодурства.

Мемуаристка утверждает: ворчливая, раздражительная и придирчивая Елизавета постоянно была недовольна невесткой. «Меня много бранили, обходились со мной грубо. Большею частью без всяких на то причин, а то, что касается внимания и любезности, меня не приучили ожидать их от кого бы то ни было».²² «Не знаю, была ли недовольна мною императрица, в этом случае, но мне,

²⁰ Там же. С. 180–181.

²¹ Там же. С. 187.

²² Там же. С. 156.

казалось, что она всегда была, мною недовольна, так как бывало очень редко, что она делала мне честь вступить в разговор; <...> мы не видали её по целым месяцам, а часто и более. Мы не смели без зова явиться в её покои, а нас почти никогда не звали. Нас часто бранили от имени Её Величества за такие пустяки, относительно которых нельзя было и подозревать, что они могут рассердить императрицу. Она для этого посылала к нам не одних Чоглоковых, но часто бывало, что она гоняла к нам горничную, выездного или кого-нибудь в этом роде передать нам не только чрезвычайно неприятные вещи, но даже резкости, равносильные грубейшим оскорблениям. В то же время невозможно было быть более осторожной, нежели я была в глубине души, чтобы не нарушить должное Её Величеству почтение и послушание».²³

Словом, прекрасная женщина, которая впервые появляется на страницах «Записок» как красавица, по их прочтении превращается в чудовище.

Пикантность ситуации заключается в том, что «Записки» Екатерины носят настолько личностный характер, что большинство эпизодов в них описанных, не нашло никакого отражения в других источниках. Поэтому приходится оставаться в рамках существующего текста. Если посмотреть на него со стороны, то становится очевидным следующее. В «Записках» Екатерина начертала свой автопортрет. Прочие персонажи — это только аксессуары этого автопортрета. Каждому из них отведена определённая функция, призванная подчеркнуть или оттенить черты главного героя. Елизавета — основной отрицательный персонаж. Она антипод Екатерины. Мемуаристке важно убедить читателя, что сама она была чистым и политически девственным существом, за власть не боролась, не интриговала. Ничего не предпринимала, чтобы приблизить к себе российский трон. Но её постоянно и беспричинно преследовали. Преследовали из женской ревности и вздорности характера царицы. Мемуаристка была жертвой капризного характера Елизаветы.²⁴ Всё это было написано в преддверии совершеннолетия великого князя Павла Петровича, которому Екатерина не собиралась уступать свою власть, захваченную в 1762 г.²⁵ Рисуя чёрными крас-

²³ Там же. С. 113.

²⁴ Сафонов М.М. Ангальт-Цербстская девственница // *Нестор. № 7: Технология власти*. СПб., 2005. С. 210.

²⁵ Сафонов М.М. Сексуальные откровения Екатерины II и происхождение Павла I // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century* / Ed. by J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje. Köln; Weimar; Wien, 2001. P. 96–111.

ками Елизавету, Екатерина обеляла себя. И мы бы поверили в тот образ, который создало её талантливое, но небеспристрастное перо, как и многие биографы Елизаветы, особенно те, кто гонится за дешёвыми эффектами и более занят тем, чтобы развлечь публику забавными историями, нисколько не озабочиваясь вопросом: «А было ли это на самом деле»? Мы бы тоже поверили, если бы не существовало второй редакции «Записок».

Здесь Елизавета совсем другая. Вторая редакция создавалась во время Французской революции. Монархический принцип был поставлен под сомнение. В этих условиях изображать монарха, двадцать лет благополучно управлявшего Россией и оплаканного своим народом, таким, каким Екатерина изобразила в первой редакции «Записок», было невозможно. И мемуаристка изменила концепцию мемуаров. Главным антигероем их стал её муж Петр.²⁶ К тому же борьба с сыном вокруг его совершеннолетия отошла в прошлое и на первый план выдвинулась задача обосновать своё вступление на престол. Для этого требовалось прежде всего дискредитировать вел. кн. Петра. Именно он и стал основным источником зла, главной причиной всех злоключений, происходивших с мемуаристкой.

Екатерине важно показать, что Петра осуждали чуть ли не все, и что особенно важно — сама императрица, которой он вскоре должен наследовать. Осуждение наследника устами императрицы особенно существенно. Оно призвано подтолкнуть читателя к мысли о том, что Петр был недостоин быть государем. Это ясно сознавала сама императрица. «Насчёт своего племянника, — писала Екатерина, — императрица была совершенно такого же мнения, что и я; она так хорошо его знала, что уже много лет не могла пробыть с ним нигде и четверти часа, чтобы не почувствовать отвращения, гнева или огорчения, и когда дело его касалось, она в своей комнате не иначе говорила о нём, как заливаясь горькими слезами над несчастьем иметь такого наследника, или же проявляя к нему такое презрение и часто называя его именами, которых он более чем заслуживал. Доказательства этому были у меня в руках, так как я нашла между её бумагами две собственноручные записки императрицы, <...> где она проклинала своего племянника, посылая его к чорту. В одной из них было такое выражение: “Проклятый мой племянник сегодня мне так досадил, как нельзя более”; а в другой она

²⁶ Сафонов М.М. Презентация образа Петра III во второй редакции «Записок» Екатерины II // *Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект: XVIII–XX вв.* Вып. 10. СПб., 2016. С. 36–75.

говорила: “Племянник мой урод, черт его возьми”». ²⁷ Слова эти написаны по-русски, хотя все записки по-французски. Большими буквами вертикально по странице. ²⁸ В этих словах — ключ к правильному пониманию образа Елизаветы во второй редакции.

В глазах государыни её «проклятый» наследник — «урод». А Екатерина, свергнувшая потом этого урода с престола? Жена, разумеется, не в пример мужу, умна. На последних страницах мемуаров приводится такой пассаж: племянница духовника Елизаветы служила у Екатерины горничной. С её слов великая княгиня узнала, «что императрица сказала о своём племяннике, что он дурак, но что великая княгиня очень умна. Эти слова дошли до меня с нескольких сторон и <говорили>, что Её Императорское Величество то и дело хвалит своим близким мои способности, прибавляя часто: “Она любит правду и справедливость; это очень умная женщина, но мой племянник дурак”». ²⁹

Петр III — «дурак», Екатерина II — «умная». Но не просто умная, а «очень умная женщина». Это засвидетельствовано самой императрицей! Такая система координат, заданная теперь мемуаристкой, объясняет все метаморфозы, которые произошли с главными персонажами «Записок» Екатерины II в заключительной редакции.

Такой расклад повлёт переоценку всей системы взаимодействия персонажей, переориентировку личных характеристик каждого из них. Во второй редакции Петр — источник всех зол и бед — осуждается устами Елизаветы. Если бы мемуаристка сохранила образ Елизаветы таким, каким он представлен в первой редакции, то её осуждению наследника престола была бы грош цена. Для того, чтобы её филиппики звучали весомо, необходимо было превратить взбалмошную и капризную императрицу в добрую и неглупую женщину. Другими словами, отталкивающий образ самодержицы, не чурающейся рукоприкладства, заменить привлекательным женским образом, мягким и добрым. Поэтому во второй редакции образ Елизаветы освобождается от негативных черт. Мемуаристка тщательно отмывает его. Перо Екатерины соскабливает с изображения императрицы черты жестокости, смывает с него всё, что может повредить «тётке» в глазах читателя.

Императрица не заставляет теперь придворных дам брить головы, не подвержена «мелочной зависти» не только к юной невестке,

²⁷ *Записки императрицы Екатерины II*. С. 443.

²⁸ РГАДА. Ф. 1. Д. 20. Л. 248.

²⁹ *Записки императрицы Екатерины II*. С. 456.

но и к другим дамам, которые были моложе её. Не приказывает Екатерине не надевать платье, оказавшееся красивее своего. Нет ни слова о том, что Елизавета срезает ленты с прически придворной дамы или обрезаёт чёлки фрейлинам, сдирая при этом куски кожи. Не распускает руки: не бьёт ни женщин, ни мужчин. И великая княгиня не опасается, что императрица вот-вот начнёт её колотить. Елизавета не допускает бранных слов и в отношении лиц из своего окружения. Более того, во второй редакции она даже милосердна. Опущено и противопоставление Екатерины Елизавете как женщине, разрывающейся одновременно между четырьмя фаворитами.

В отличие от первой редакции, где поначалу давался словесный портрет Елизаветы как светской красавицы, ничего подобного нет во второй редакции. Презентуя себя как женщину с мужским складом ума, мемуаристка не станет подробнейшим образом описывать внешность и туалеты императрицы. Теперь Екатерина старается представить Елизавету под другим углом зрения, увиденную глазами не девочки, а взрослой женщины, которую уже при жизни называли Великой. В соответствии с этим Елизавете отводится роль человека, оценившего уже тогда в девочке-подростке качества, которые в конце концов привели её к европейскому триумфу.

Елизавета как действующий персонаж появляется здесь прежде всего в роли женщины, проявляющей, в отличие от родной матери, истинную материнскую заботу о приехавшей в Россию немецкой принцессе. Узнав, что ребёнок заболел, она прервала свою поездку в монастырь, примчалась в Москву, прямо из кареты вошла в комнату больной. Выслушав мнения докторов, села у изголовья, велела пустить кровь, держала больную на руках. Она прониклась симпатией к будущей невестке, когда та во время болезни отказалась беседовать с лютеранским священником. Императрица противопоставляется родной матери принцессы, потому что относится к ней более заботливо, нежели её родительница. Описывая путешествие в Киев и развлечения в Москве, мемуаристка исключила всё негативное, относящееся к Елизавете. Императрица, благоволившая к Екатерине, должна была выглядеть достойно. Зато с большими подробностями «вспоминаются» случаи, в которых проявилось благоволение к девочке.

Во время тожества по случаю дня рождения Петра Федоровича Елизавета обедала на троне. Императрица допустила туда только Екатерину. Во время обеда Елизавета «очень ласкала» будущую невестку. Она сообщила, что письма, которые Екатерина писала ей, когда она была в Хотилове с Петром, «доставили ей большое удовольствие». Елизавета похвалил Екатерину за то, что она старается

изучить «местный язык». Ей понравилось произношение немецкой принцессы. «Потом она, — пишет Екатерина, — дала мне понять, что я похорошела <...> во время всего обеда она только тем и была занята, что оказывала мне знаки своей доброты и расположения. Я вернулась домой очень довольная этим обедом и очень счастливая, и все меня поздравляли. Императрица велела снести к ней мой портрет, начатый художником Каравакком».³⁰

Как видим, императрица усердно «отрабатывает» ту функцию, которую на неё теперь возложил автор второй редакции.

Другое «нововведение» второй редакции таково. Когда Петр заболел, Елизавета посетила больного и увидела слезы на глазах будущей невестки. Императрица была ей «за них признательна». А.М. Измайлова передала Екатерине слова императрицы о том, что она знает, насколько Екатерина опечалена болезнью великого князя, просит её не огорчаться и надеяться на Бога. Елизавета уверяла, что ни в коем случае её не оставит. Увидев, что молитвенник у Екатерины с очень мелким шрифтом, Измайлова заметила, что она испортит себе глаза, читая его при свече. Екатерина просила её поблагодарить Елизавету «за ее милости». На следующий день императрица, чтобы сберечь невестке глаза, прислала ей «молитвенник, напечатанный крупными буквами».

Во второй редакции в отношениях императрицы и жены наследника — сердечное взаимопонимание, чуть ли не полная гармония. Отношение императрицы к своей невестке претерпели не только изменение, но, если можно так выразиться, поменяли знак.

Однако как бы ни хотелось мемуаристке, чтобы такие отношения существовали на протяжении всего текста второй редакции, обойти полным молчанием конфликты, которые имели место между Большим и Малым двором, было невозможно. Но Екатерина постаралась представить их так, что недовольство императрицы своей невесткой являлось следствием действий третьих лиц из окружения Елизаветы. Единственная слабость, которой наделяется Елизавета в этом тексте автором мемуаров — это склонность поддаваться чужим влияниям. Этой слабостью мемуаристка старается объяснить все свои конфликты с императрицей. Впрочем, эти конфликты подаются как досадные недоразумения, вызванные действиями недоброжелателей Екатерины. В том же случае, если конфликт вызывался неразумным поведением Петра, а «страдать» из-за этого приходилось Екатерине, «гнев» тётки значительно смягчался

³⁰ Там же. С. 225.

и при этом подчёркивалось: императрица знала, что невестка здесь ни при чём.

Во второй редакции не только речь не идёт о преследовании великой княгини из-за ревности к её туалетам, напротив, государыня, благоволящая к великой княгине, восхищается её умением одеваться. Чего стоит изображение такой сцены: описав свой потрясающий туалет, поразивший воображение придворных, мемуаристка рассказала, что императрица пришла в восторг и прилепила на лицо невестки мушку, сделав красавицу ещё прекрасней. Екатерина была польщена таким вниманием и чувствовала себя совершенно счастливой.

Во второй редакции, как и в первой, упоминается о балах, на которых по приказу императрицы надлежало мужчинам являться в женском платье, а женщинам в мужском. В первой редакции эти приказы представлены как проявление самодурства государыни.³¹ Во второй же редакции представлена совсем другая картина. Мимходом упомянув о том, что такие «куртаги навыворот» не могли нравиться ни мужчинам, ни женщинам, мемуаристка поместила восторженный дифирамб красоте Елизаветы. А далее устами этой красавицы мемуаристка убеждает читателя, что и она была ничуть не хуже. На одном из таких балов, когда великая княгиня любовалась тем, как Елизавета танцует, императрица подошла к невестке, и Екатерина сказала ей, «что счастье женщин, что она не мужчина, и что один её портрет, написанный в таком виде, мог бы вскружить голову многим женщинам». Императрица очень хорошо приняла то, что сказала невестка «от полноты чувств» и ответила ей «в том же духе самым милостивым образом, сказав, что если бы она была мужчиной, то я была бы той, которой она отдала бы яблоко». Екатерина наклонилась, чтобы поцеловать руку императрице, «за такой неожиданный комплимент», в ответ Елизавета поцеловала её.³² Иначе, чем полной гармонией эту сцену не назовёшь!

Вместе с тем, случаи недовольства императрицы своей невесткой приводятся и здесь. Но это недовольство значительно смягчено и главное, вызывавшим его причинам дано совершенно иное толкование. В первой редакции в основе недовольства Елизаветы своей невесткой лежит то, что императрицу «волновали страсти, в особенности её ревность ко всему». Этим удачно пользовались интриганы, которым без всякого труда удавалось сыграть на этом чувстве и возбудить её ревность «с наибольшим успехом». Во вто-

³¹ Там же. С. 56.

³² Там же. С. 310.

рой редакции этой ревности, особенно к молодой Екатерине, нет. Но беда заключается в том, что недоброжелатели великой княгини направляют императрицу против невестки.

Конфликты между Екатериной и её «тёткой» представлены во второй редакции в виде недоразумений, спровоцированных людьми из окружения императрицы. И её «вина» состоит лишь в том, что она поддаётся на эти наговоры.³³

Таким образом, в первой редакции антиподами являются императрица Елизавета и великая княгиня Екатерина. Деспот и её жертва. Чтобы изобразить свою невинность, Екатерина не жалеет чёрных красок, рисуя отвратительный образ Елизаветы. При этом каждый пассаж о самодурстве государыни, как правило, сопровождается повествованием о несправедливом преследовании невинной девушки. Словом, чем безобразнее выглядит императрица, тем выигрышней смотрится её невестка. Обличение Елизаветы — это приём для самооправдания Екатерины.

Совсем иной приём применён во второй редакции. Здесь антиподами являются Петр и Екатерина. Главный «злодей» — великий князь. Именно он является основным источником зла. Петр как бы заимствует у Елизаветы, изображённой теперь довольно привлекательно, образ антигероя. Портрет Петра, нарисованный тенденциозным пером его жены, это — почти карикатура. Изображая мужа нравственным и физическим уродом, Екатерина тем самым стремилась реабилитировать себя.

Эти два важных обстоятельства не были распознаны биографами Елизаветы. Авторы лишь воспроизводили пристрастные характеристики Екатерины. Учёные не отдавали себе отчёт в том, что, изображая императрицу капризным самодуром, а её наследника инфантильным идиотом, Екатерина лишь старалась скрыть от читателя собственный портрет.

К сожалению, Екатерина, с первого шага на русскую землю включившаяся в борьбу за трон, истратившая 657 тысяч рублей (при ежегодном жаловании 30 тысяч) на нейтрализацию соглядатаев, наблюдавших за ней, на оплату осведомителей, сообщавших ей о каждом шаге императрицы, на подкуп нужных людей с помощью богатых подарков, и имевшая на своей стороне военную силу и подробный план действий на случай внезапной смерти Елизаветы, оказалась не по зубам её биографам.³⁴

³³ Там же. С. 264.

³⁴ Сафонов М.М. «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // *Петербургский исторический журнал*. 2016. № 1. С. 113–128.

В отличие от учёных Елизавета имела довольно верное представление о своей невестке. Она знала, на что тратит деньги великая княгиня, государыне были известны многие секретные ходы жены наследника. И это не могло не беспокоить императрицу, не заставляя её предпринимать попытки противодействовать тайным стремлениям честолюбивой Ангальт-Цербстской принцессы, в свои четырнадцать лет уже проявившей задатки незаурядного интригана. Стоит ли удивляться тому, что малейшие попытки Екатерины выйти из-под неусыпного контроля подозрительной царицы вызывали противодействие с её стороны. Она вынуждена была постоянно менять надзирающих за Малым двором, становившихся жертвами небескорыстных ласк великой княгини и приобретающей с каждым днём всё больше сторонников. Это не могло не заставлять Елизавету усиливать и ужесточать режим содержания великокняжеской четы, который, в конце концов, превратился в «некого рода политическую тюрьму».³⁵

Можно ли пользоваться «Записками» Екатерины II для восстановления подлинного образа императрицы Елизаветы Петровны? С величайшей осторожностью, потому что они в большей степени отражают образ их создательницы Екатерины II, чем изображённых в них других персонажей. Кто же хочет восстановить подлинный облик дочери Петра, должен прибегнуть к другим источникам. И портрет получится иной. Но это уже совсем другой сюжет.

Архивные источники

1. РГАДА. Ф. 1. Д. 20.

Литература

2. *Записки императрицы Екатерины Второй*. М.: Орбита, 1989. 750 с.
3. *Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву*. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1866. 727 с.
4. *Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т.* Т. 2. М.: Госхудлитиздат, 1959.
5. **Сафонов М.М.** Ангальт-Цербстская девственница // *Нестор. № 7: Технология власти*. СПб.: Нестор-История, СПБНИИ РАН, 2005. С. 208–242.
6. **Сафонов М.М.** Большой двор против Малого // *Российский императорский двор и Европа: Диалоги культур: Труды ГЭ*. Т. XXXVI. СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. С. 95–101.

³⁵ **Сафонов М.М.** Большой двор против Малого // *Российский императорский двор и Европа: Диалоги культур: Труды ГЭ*. Т. XXXVI. СПб., 2007. С. 100–101.

7. Сафонов М.М. «Молодая Екатерина» в отечественной историографии // *Петербургский исторический журнал*. 2016. № 1. С. 113–128.
8. Сафонов М.М. Презентация образа Петра III во второй редакции «Записок» Екатерины II // *Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв.* Вып. 10. СПб.: Изд. «Лема», 2016. С. 36–75.
9. Сафонов М.М. Сексуальные откровения Екатерины II и происхождение Павла I // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century* / Ed. by J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje. Köln; Weimar; Wien: Bohlau Verlag, 2001. P. 96–111.

Дмитрий Захарович Фельдман

*Главный специалист Российского государственного архива древних актов,
Москва*

«Еврейский вопрос»
в эпоху правления Елизаветы Петровны

Dmitry Z. Feldman

The «Jewish Question»
during the reign of Elizabeth Petrovna

Аннотация: В данной статье, базирующейся на опубликованных и архивных источниках, исследуется политика императрицы Елизаветы Петровны, касающаяся положения евреев в Российской империи. С одной стороны, законодательство периода её правления было направлено на вытеснение иудеев из страны, а с другой — всячески приветствовалось их крещение. Уделяется также внимание вопросу о еврейской политике, проводившейся предыдущими монархами, и влиянию взглядов Елизаветы Петровны на «еврейскую» политику Екатерины II.

Abstract: This article based, on published and archival sources, examines the policy of Empress Elizabeth Petrovna concerning the situation of the Jews in the Russian Empire. On the one hand, the legislation of the period of her reign was aimed at displacement of the Hebrews from the country, and on the other hand, their baptism was welcomed in every possible way. Attention is also paid to the question of the Jewish policy pursued by previous monarchs and the influence of Elizabeth Petrovna's views on the «Jewish» policy of Catherine II.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, Екатерина II, евреи, крещение евреев, торговля.

Keywords: Elizabeth Petrovna, Catherine II, the Jews, baptism of the Jews, trade.

Объективная картина двадцатилетнего правления императрицы Елизаветы Петровны (декабрь 1741 — декабрь 1761) была бы неполной без анализа её политики в так называемом «еврейском вопросе». Строго говоря, «еврейский вопрос» как таковой возникает в России с появлением в стране более или менее постоянного еврейского населения, в результате чего её правители вынуждены решать проблемы, касающиеся статуса и положения этого народа, взаимоотношений иноверцев-иудеев с христианами и пр. Ещё в конце XVII в. на землях Малороссии (Левобережной Украины) сложилось немногочисленное оседлое еврейское население, торговавшее на ярмарках и арендовавшее в поместьях панские шинки и корчмы. Предложение властей евреям покинуть русскую территорию и переехать в соседнее Польско-Литовское государство практически не возымело действия. Но это исключение из общего правила распространялось лишь на западные окраинные земли, а Центральная Россия по-прежнему оставалась свободной от иудеев.

Действительную же актуальность данный вопрос приобрёл в эпоху правления Екатерины II, когда в ходе разделов Речи Посполитой 1772—1795 гг. к России отошли обширные земли Белоруссии, Правобережной Украины, Литвы и Курляндии с многочисленным еврейским населением, которое, по разным источникам, оценивается в количестве от 750 до 900 тысяч человек.¹ Тем не менее, почти полное отсутствие еврейского населения в Российском государстве вплоть до последней трети XVIII столетия отнюдь не отвергало существование различных проблем, связанных с иудеями или иудаизмом, и Елизавете Петровне пришлось заниматься их решением.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению этой темы, следует хотя бы вкратце дать оценку «еврейской» политики предыдущего периода. Предшественница дочери Петра Великого на троне и его племянница Анна Иоанновна проводила в целом антиеврейскую политику, наложив 11 июля 1740 г. соответствующую резолюцию на сообщение Сената в Кабинет Е.И.В. о высылке живущих в Малороссии «жидов» за границу по случаю окончания войны с Турцией. В приложенном к сообщению реестре указывались владельцы селений, в которых проживали евреи (Минихи, Головины, Толстые, Трубецкие и др.), и их количество: в 130 дворах

¹ См.: *Сборник материалов об экономическом положении еврейского населения в России: В 2 т.* Т. 1. СПб., 1904. С. XVIII; *Mahler R. A History of Modern Jewry: 1780—1815.* New York, 1971. P. 379; *Клиер Дж.Д. Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России. 1772—1825.* М.; Иерусалим, 2000. С. 97—99.

— 292 мужчины и 281 женщина).² Однако сама Анна Иоанновна при этом негласно разрешила находиться при дворе некоторым евреям, которые, проживая в Санкт-Петербурге под покровительством курляндского герцога Э.И. Бирона, предоставляли императрице и герцогу денежные ссуды.³ Впрочем, она обладала трезвым взглядом на многие вещи и весьма прагматическим подходом к делам, может быть, поэтому начало её царствования ознаменовалось выходом двух довольно «мягких» именных указов от 31 июля и 8 августа 1734 г. о разрешении евреям торговать в розницу на ярмарках по причине малочисленности «купецких людей» в Слободских полках и Малороссии.⁴ В то же время следует отметить, что положения запретительных указов, по всей видимости, исполнялись слабо, поскольку «временное» зачастую превращалось в постоянное — и косвенным свидетельством этому является их повторяемость. Например, камер-юнгфера М.Е. Шувалова, жена П.И. Шувалова, находясь в г. Нежине и передавая свои тамошние впечатления, написала своей подруге, цесаревне Елизавете Петровне 2 марта 1738 г. буквально следующую сентенцию: «Жидов множество: и видела их, собак!».⁵

Сравнительно мало изменилось отношение к евреям и во время правления Елизаветы Петровны, отличавшейся, как известно, большой набожностью и нетерпимостью к иноверцам, в том числе к иудеям. В начале её правления, 2 декабря 1742 г., вышел именной указ «О высылке как из великороссийских, так и из малороссийских городов, сел и деревень всех жидов, какого бы кто звания и достоинства ни был, со всем их имением за границу и о невпускании оных на будущее время в Россию, кроме желающих принять христианскую веру греческого исповедания».⁶ При этом императрица сослалась на именной указ Екатерины I из Верховного тайного совета в Сенат от 26 апреля 1727 г., согласно которому евреям запрещалось проживание на территории Великороссии и Украины⁷ — однако, несмотря на распоряжение о высылке евреев за рубеж, они продолжали жить

² ПСЗ. Т. 11. № 8169. СПб., 1830.

³ См.: Голицын Н.Н. *История русского законодательства о евреях. 1649–1825*. Т. 1. СПб., 1886. С. 26–27; Шугуров М.Ф. *История евреев в России // Русский архив*. 1894. Кн. 1, вып. 1. С. 75–76; Гессен В.Ю. *К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины: От первых евреев до XX века*. СПб., 2000. С. 17.

⁴ ПСЗ. Т. 9. № 6610. П. 21; № 6614. П. 14. СПб., 1830.

⁵ *Архив князя Воронцова* / Под ред. П.И. Бартенева. Кн. 1: *Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова*. М., 1870. С. 84.

⁶ ПСЗ. Т. 11. № 8673.

⁷ Там же. Т. 7. № 5063. СПб., 1830.

в основном в Малороссии «под разными видами, яко то торгами и содержанием корчем и шинков». Опасаясь «худых следствий», Елизавета Петровна распорядилась очистить всю территорию страны от еврейского населения, мотивируя это тем, что от «таковых имени Христа Спасителя ненавистников нашим верноподданым крайнего вреда ожидать должно».⁸ Вследствие императорского рескрипта Коммерц-коллегия, имевшая к этому вопросу самое непосредственное отношение, в январе 1743 г. рассмотрела указ и приняла его к сведению.⁹ А вскоре к форпостам прибыли несколько десятков евреев, пожелавших креститься.¹⁰

Запрещение евреям торговать могло привести лишь к подрыву внутренней и международной торговли с Польшей и другими странами и регионами. Это поняли, например, городские власти Риги, а также Малороссии, где с помощью предпринимателей-евреев осуществлялась значительная доля коммерческих операций, обратившись в Правительствующий Сенат с просьбой разрешить евреям вести в пограничных городах торговые дела.¹¹ Однако в ответ на ходатайство рижских властей и доклад Сената императрице, что от запрещения евреям приезжать в страну не только купечество понесёт убытки, «но и высочайшим <...> интересам не малый ущерб приключиться может», и поэтому не согласится ли государыня для «распространения коммерции» разрешить евреям приезжать в Малороссию, Слободские полки, Ригу и другие пограничные земли с товарами на ярмарки, — 16 декабря 1743 г. последовала резолюция: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли».¹² В результате этой резолюции в Риге осталось всего два еврея, а затем в течение 22 лет город был очищен от евреев. Вследствие монаршего распоряжения 25 января 1744 г. Сенат издал свой указ «О высылке за границу жидов из Малой и Белой России и прочих завоеванных городов и недозволении им приезжать в Россию даже для торга на

⁸ Там же. Т. 11. № 8673. С. 727.

⁹ РГАДА. Ф. 276. Коммерц-коллегия. Оп. 3. Д. 546. Л. 8 об.

¹⁰ См.: Градовский Н.Д. *Отношения к евреям в древней и современной Руси*. Ч. 1: *Мотивы историко-национальные*. СПб., 1891. С. 434–435.

¹¹ См.: Оршанский И.Г. *Евреи в России: Очерки экономического и общественного быта русских евреев*. СПб., 1877. С. 85–86; Клиер Дж.Д. *Указ. соч.* С. 57, 63.

¹² ПСЗ. Т. 11. № 8840; Баранов П.И. *Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век*. Т. III: 1740–1762. СПб., 1878. С. 138 (№ 9157 — 16 декабря 1743 г. Высочайше утверждённый доклад Сената о воспрещении жидам въезда в Россию и во все пограничные города для купеческого промысла и торга на ярмарках, согласно указу от 2 декабря 1742 г.).

ярманки», в котором сообщалось, что ходатайства о невысылке евреев из Малороссии и Рижской губернии не удовлетворены, и предписывалось «о впуске их никаких ниоткуда представлений» не присылать.¹³

Другим аспектом рассматриваемой темы является вопрос о положении в послепетровское время евреев-выкрестов. Всяческое милосердие и благожелательность по отношению к крещёным евреям — обратная сторона еврейской политики Елизаветы Петровны. Достойное положение в русском обществе её царствования занимали выкресты, получившие известность ещё в правление Петра I. Например, братья Авраам, Исаак и Федор Веселовские, чьим дедом был крещёный еврей Яков Веселовский. В петровское время дипломаты Веселовские подверглись опале, но с воцарением Елизаветы Петровны двое последних вернулись в Россию. Сподвижник Петра I, первый Санкт-Петербургский генерал-полицмейстер граф Антон Мануилович Девиер (Дивьер) при Петре II, не без участия А.Д. Меншикова, также подвергся опале и был сослан в Сибирь, однако Елизавета Петровна в начале своего правления вернула его в столицу, возвратив ему награды, титул и поместье; в 1744 г. Девиер был произведён в генерал-аншефы и вновь назначен генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга, обязанности которого исполнял вплоть до своей смерти в 1745 г.¹⁴

Подобный же факт своего рода «социального лифта» в России отмечен и в правление Елизаветы Петровны. Среди материалов Сената по Малороссийской экспедиции сохранилось дело по именному указу императрицы о пожаловании саксонского уроженца, новокрещёного еврея Василия Алексеевича Вагнера со своими детьми в российское дворянство и об определении его управителем дома обер-егермейстера графа А.Г. Разумовского. В указе Елизаветы Петровны Сенату от 19 марта 1745 г. говорилось: «Всемиловейше пожаловали мы новокрещеного из еврей Василья Алексея сына Вагнера и з детми ево в российское дворянство и указали ему быть при управлении дому нашего обер-егермейстера и действительного камергера и лейб-компания поруччика графа Разумовского. А нашему Сенату повелеваем написать ево, Вагнера, в Геролдии в дворянской список и, изготовя на то ево дворянство диплом, для

¹³ ПСЗ. Т. 12. № 8867. СПб., 1830; См.: Голицын Н.Н. Указ. соч. С. 297–298; Бердников Л.И. *Евреи в царской России: Сыны или пасынки?* СПб., 2016. С. 118–134.

¹⁴ См.: Серов Д.О. *Администрация Петра I*. М., 2007. С. 87–95; Герасимова В.А. «Баловни судьбы»: выкресты на государственной службе в России в первой половине XVIII века // *Тирощ: Труды по иудаике*. Вып. 11. М., 2011. С. 105–119.

подписания нам подать».¹⁵ Уже 22 марта, согласно записи в журнале, сенаторы ознакомились с указом и постановили пригласить Вагнера в Москву в Сенатскую контору, объявить ему императорский рескрипт и привести к присяге, послав сенатский указ графу А.Г. Разумовскому, а после изготовления диплома на дворянское достоинство от Герольдии предложить к апробации Сената. Через месяц, 24 апреля, Сенатская контора своим ведением сообщила в Сенат о том, что Вагнеру указ объявлен и он к присяге приведён.¹⁶

В дальнейшем выкрест пользовался покровительством графа Разумовского, став его генерал-адъютантом и родоначальником русского дворянского рода Вагнеров.¹⁷ Своим именованным указом от 3 сентября 1750 г. «императрица Елисавета Первая» пожаловала Вагнеру потомственный дворянский титул, ибо он, по её словам, «из еврейского закона восприял православную веру греческого исповедания и притом своими честными поступками Нашего Императорского Величества высочайшую милость себе заслужил». Сын же Вагнера, Алексей, был произведён в придворные пажи.

Надо сказать, что ещё с XVII в. принятие христианства для евреев означало получение весьма обширных льгот (например, личная свобода) вкупе с полным уравниванием в правах с православным населением. В первой половине XVIII в. было принято несколько законов, направленных на поощрение иноверцев за переход в православие. Так, по сенатскому указу от 9 января 1723 г. «О поверке переписи душ и расположении полков на губернии» (п. 9) «выходцов из-за рубежа польской и других наций иноземцов, которые <...> у помещиков и вотчинников живут во дворах для услуг и питаются жалованьем, в расположение на полки не класть, а писать их только для ведома особ».¹⁸ По манифесту императрицы Анны Иоанновны от 16 ноября 1737 г. «О правилах переписи крестьян и разночинцев, неположенных в подушный оклад, для внесения в оный <...>» (п. 5) «иноземцов разных наций, восприявших веру греческого исповедания, неположенных в подушный оклад, в тот оклад не писать и в службу, ежели сами не похотят, не брать».¹⁹

Среди архивных источников периода елизаветинского правления обнаружено немало материалов о судьбе и карьере крестившихся

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 29. Кн. 1869. Л. 60.

¹⁶ Там же. Л. 61–65 об.

¹⁷ См.: *Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: В 16 т.* / Под ред. Л.И. Каценельсона и Д.Г. Гинцбурга. Т. 5: Брескюр–Гадасси. СПб., [1910]. Стб. 264; **Голицын Н.Н.** *Указ. соч.* С. 51.

¹⁸ ПСЗ. Т. 7. № 4139. С. 4.

¹⁹ Там же. Т. 10. № 7438. С. 351. СПб., 1830.

ся евреев, например: дело по челобитной новокрещёного еврея Афанасия Иванова сына Познанцова и по сенатскому указу об определении его к Санкт-Петербургским казённым богадельням с годовым жалованьем по 100 рублей, а также указ Сената Коллегии иностранных дел о выдаче ему паспорта на свободное проживание в России и о непропуске его за границу 1753 г.;²⁰ дело о выдаче новокрещёному курляндскому еврею Николаю Дмитриеву сыну Лукину (до крещения Вулфу) 10 рублей за крещение и отсылке его в Святейший Синод 1749 г.;²¹ дело о выдаче новокрещёному еврею Ивану Павлову кормовых денег по три рубля в месяц на содержание 1753 г.;²² дело о выдаче новокрещёному еврею титулярному советнику Прокопию Ласкарю 25 рублей прогонных денег на ямские подводы от Москвы до Оренбурга 1754 г.;²³ дело по промемории Московской полицмейстерской канцелярии в Московскую губернскую канцелярию о новокрещёном еврее Петре Алексееве сыне Евреинове, прибывшем в Курск из Могилёва, 1757 г.²⁴

Согласно российским законам, крещёные евреи становились формально свободными людьми, однако в отдельных случаях этого не происходило. Так, в приложениях к «Запискам» Я.П. Шаховского («Письменные предложения князя Я.П. Шаховского Святейшему Правительствующему Синоду» от 3 декабря 1750 г.) описываются следующие события. Тогдашний обер-прокурор Синода сообщает о деле новокрещёного из евреев Ивана Иванова, крестным отцом которого был помещик Шацкой провинции, генерал-провиантмейстер-лейтенант князь И.Р. Горчаков. Крестьясь в «православно-восточную» веру, бывший иудей (записанный за своим помещиком в 1746 г.) первоначально просил разрешения принять монашество, а затем — об увольнении к свободному жительству в Малороссии. Святейший Синод, основываясь на том, что в прошлых указах отсутствовало положение об отдаче новокрещёных («паче из еврейского закона») «восприемникам их в вечное рабство», своим ведением в Правительствующий Сенат от 31 августа 1748 г. предложил как просителя из евреев Ивана Иванова, так и прочих принявших православие «от вечного холопства и от крестьянства исключить».

Духовное ведомство ссылалось на сенатские указы от 31 июля 1722 г. и 9 января 1723 г. об определении после переписи крестив-

²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2808. Л. 59–72; Кн. 2806. Л. 93.

²¹ Там же. Ф. 279. Штатс-контора. Оп. 1. Д. 427. Л. 1–3 об.

²² Там же. Д. 3594. Л. 1–9.

²³ Там же. Д. 3860. Л. 1–4.

²⁴ Там же. Ф. 400. Московская губернская канцелярия. Оп. 2. Д. 10821. Л. 1–9.

шихся иноземцев разных наций по их желанию — «мастеровых в цехи, а не мастеровых в купечество, или кто к кому в дом пойдет; а которые в цехи и в купечество и дома не пожелают, а желают служить у разных чинов людей погодно, и таких писать, где они ныне у кого служат».²⁵ Синод также посчитал, что Иван Иванов не подпадает под действие более поздних узаконений, поскольку он стал крепостным не в малолетстве и не путём покупки у другого владельца, и поэтому в своём определении от 7 ноября 1750 г. сообщил Сенату, что считает возможным разрешить новокрещёному Иванову как свободному человеку жить в России, где он пожелает. Однако князь Шаховской предложил Синоду отменить своё решение, приведя его в соответствие с мнением Сената, которое заключалось в следующем: указы от 16 ноября 1737 г. и от 16 декабря 1743 г. (Инструкция о ревизии)²⁶ касаются не только новокрещённых из крепостных вышеуказанных категорий, но и «возрастных». Следовательно, Иван Иванов не может рассматриваться свободным и не то что в монашество, но и на жительство в Малороссию отпущен быть не может, оставаясь за своим помещиком князем И.Р. Горчаковым.²⁷ Таковы были реалии елизаветинской эпохи.

Выкредсты фиксировались в материалах переписей податного населения России. В одной из ревизских сказок Епифанского уезда 1748 г., в «Переписной книге мужского населения г. Епифани и Епифанского уезда Тульской провинции Московской губернии по 2-й ревизии», хранящейся в РГАДА, обнаружена информация о нескольких записанных в дворовые люди крещёных евреях. «Причисленные в силу указов определением Канцелярии ревизии Тульской провинции имеющиеся по желанию за оною вдовою генералшею Анною Михайловною Измайловою в показанном селе Богоявленском разных наций люди, которые восприяли веру греческого исповедания, а имянно евреяне: умершего Ивана Степанова сын ево, рожденной в России после прежней переписи <1-я ревизия 1719—1721 гг. — Д.Ф.>, Филип, шести [лет]; Исай Макаров, дватцети шести <лет>...».²⁸

²⁵ ПСЗ. Т. 6. № 4067. С. 754. СПб., 1830.

²⁶ Там же. Т. 11. № 8836 («Инструкция посланным для учинения вновь ревизии», опубликована 6 января 1744 г.).

²⁷ См.: Шаховской Я.П. Записки // *Империя после Петра: 1725—1765: Я.П. Шаховской, В.А. Нащокин, И.И. Неплюев*. М., 1998. С. 221—224.

²⁸ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 963. Л. 462—462 об. Подробнее об этом см.: Фельдман Д.З. К вопросу о фиксации крещёных евреев в материалах ранних ревизий (на примере ревизских сказок Епифанского уезда Тульской провинции) // *Мат-лы XV Всероссийск. науч. конф.*

В начале 1750-х гг. на территории Северного Причерноморья, где некогда находились земли Запорожского казачьего войска, наступил период заселения иностранными выходцами, что привело к созданию здесь новых административных единиц. Начало этому процессу положил именной указ Елизаветы Петровны Сенату от 24 декабря 1751 г. «О принятии в подданство сербов, желающих поселиться в России и служить особыми полками <...>». ²⁹ Организатором переселения иностранных выходцев в Россию был назначен бывший «австрийской службы полковник», генерал-майор И.С. Хорват. Здесь была создана Новая Сербия, на землях которой размещались два полка: Хорватов — гусарский и Пандурский — пехотный. Важно отметить, что в одной из инструкций «о порядке водворения» в новых местах прибывающих переселенцев содержалось неперемное условие, чтобы все они имели православное исповедание. В 1753 г. по соседству с Новой Сербией другие иностранные переселенцы образовали Славяно-Сербию. Создание её было положено рядом специальных узаконений, по которым на земле по правому берегу реки Северный Донец, между реками Бахмутом и Луганью поселялись колонисты, выведенные бывшими «австрийской службы подполковниками» сербами И.Г. Шевичем и Р.С. Депрерадовичем (Прерадовичем). ³⁰

В составе журналов и протоколов Сената, обнаружено несколько документов, свидетельствующих о том, что в составе указанных полков служили и новокрещёные евреи. Так, в «Ведомости (приложенной к рапорту в Сенат генерал-майора И.С. Хорвата от 14 сентября 1752 г.) военнослужащих новоучреждаемого регулярного гусарского полка И.С. Хорвата с детьми мужского пола, вышедших “из повеленных наций сербославенского и других православных народов” в Россию в “вечное подданство и службу” и поселенных в Новой Сербии», упоминается всего один крещёный еврей-рядовой, поступивший на службу в том же году. ³¹

Каково же было положение с этим вопросом в соседних славяносербских полках. «Штатное расписание (составленное Военной коллегией для Сената и помеченное 17 августа 1755 г.) “команд” полка генерал-майора Р.С. Депрерадовича, вышедших “из сербославенского и иностранного народов” в Россию и поселенных в

«Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков»: К столетию со дня рождения П.А. Колесникова. М., 2008. С. 316–319.

²⁹ ПСЗ. Т. 13. № 9919. СПб., 1830.

³⁰ Там же. № 10104.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Кн. 2667. Л. 746.

Славяно-Сербии, для постановки на довольствие» включает в себя 426 человек всех чинов, в том числе 315 рядовых. Среди последних обнаружены четыре еврея-выкреста: Самойла Иванов, Андрей Михайлов, Прокоп Шутейской и Емельян Лукин.³² Точно такое же «Штатное расписание» в то же время было составлено и для полка генерал-майора И.Г. Шевича, состоящего из 506 человек всех чинов, среди которых насчитывалось 405 рядовых солдат. В их числе указаны пять крещёных евреев: Сидор Дмитриев, Прокоп Федоров, Павел Федоров, Осип Шарапов и Алексей Харченков.³³ Все девять солдат-евреев «вступили в службу» совсем недавно, в период с августа 1754 по февраль 1755 г., то есть спустя примерно полтора-два года после начала поселения иностранцев в Славяно-Сербии. Таким образом, выявленные архивные источники показывают, что евреи (пусть даже крещёные) уже с этого времени находились на военной службе в Российской империи.³⁴

Как осуществлялась политика по «еврейскому вопросу» в последующие правления, и влияли ли на неё взгляды Елизаветы Петровны? Конечно, «еврейская» политика не могла не измениться, поскольку в эпоху правления Екатерины II, в результате трёх польских разделов российскими подданными стали многочисленные белорусские, литовские и украинские евреи. При этом следует заметить, что первую попытку провозгласить свободу вероисповеданий в России предпринял внук Петра I, император Петр III, за полгода царствования которого было принято около двухсот государственных актов: манифесты, именные и сенатские указы, резолюции и т.п., не считая указов о награждениях и чинопроизводстве, денежных выплатах и по поводу конкретных частных вопросов — в том числе указы о прекращении преследования старообрядцев.³⁵ Однако об иудеях тогда речь не шла по причине почти полного их отсутствия. Из научной литературы, основанной на автобиографической заметке Екатерины II, известно, что в первые же дни её воцарения (пятый или шестой) императрице в Сенате был представлен признанный единогласно полезным проект допуска евреев в пределы империи, занесённый в журнал для рассмотрения дел. Надо ска-

³² Там же. Кн. 2732. Л. 523, 524 об., 528.

³³ Там же. Л. 543–543 об., 546.

³⁴ Подробнее об этом см.: **Фельдман Д.З.** Крещеные евреи в составе славяно-сербских полков в России в середине XVIII в. // *Единорогъ: Мат-лы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени*. Вып. 1. М., 2009. С. 290–293.

³⁵ *ПСЗ*. Т. 15. № 11420, 11435. СПб., 1830.

зать, что данная проблема уже давно назрела, ибо дальнейшее развитие приграничной торговли с зарубежными странами напрямую зависело от деятельности еврейских купцов — и местные власти это хорошо понимали.

Оказавшись в столь шекотливом положении и ознакомившись предварительно по совету одного из сенаторов с мнением своей предшественницы на троне Елизаветы Петровны, Екатерина Алексеевна не захотела сразу что-либо кардинально менять и пожелала, «чтобы это дело было отложено до другого времени». Судя по этим словам, вопрос о допущении евреев в страну был снят с очереди по соображениям политического характера, в связи с условиями того момента.³⁶ Однако уже вскоре, в конце 1762 г., это «другое время» наступило. В результате, после обсуждения данного вопроса в Сенате и рассмотрения доношения Коллегии иностранных дел с привлечением вышеупомянутого сенатского доклада Елизавете Петровне 1743 г. с подписанной «собственною Ее Величества рукою» резолюцией, Екатерина II «указала о том разсуждение иметь впредь».³⁷ А вскоре, 4 декабря 1762 г., был опубликован императорский манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу».³⁸

Таким образом, резюмируя всё сказанное выше, можно сделать вывод о том, что в правление императрицы Елизаветы Петровны сохранялась преемственность строго ограничительной внутренней политики по «еврейскому вопросу» в России, проводимой со времён Екатерины I и Анны Иоанновны. В свою очередь, позиция Елизаветы Петровны по данной проблематике напрямую повлияла и на еврейскую политику Екатерины II в первые годы её царствования, в условиях почти полного отсутствия в империи массового еврейского населения.

³⁶ См.: **Оршанский И.Г.** *Евреи в России*. С. 278; **Оршанский И.Г.** *Русское законодательство о евреях: Очерки и исследования*. СПб., 1877. С. 247–248; **Демидов Сан-Дonato П.П.** *Еврейский вопрос в России*. СПб., 1883. С. 10; **Голицын Н.Н.** *Указ. соч.* С. 57–59; **Клиер Дж.Д.** *Указ. соч.* С. 64–65.

³⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 41. Кн. 3398. Л. 65.

³⁸ *ПСЗ*. Т. 16. № 11720. СПб., 1830; См.: **Фельдман Д.З.** Из истории подготовки манифеста Екатерины II 1762 г. о поселении в России иностранцев, кроме евреев // *Мат-лы XVI ежегодной междунар. междисциплин. конф. по иудаике*. Ч. 3: *Вопросы еврейской истории*. М., 2009. С. 34–43.

Архивные источники

1. *РГАДА*. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 29. Кн. 1869; Оп. 39. Кн. 2667, Кн. 2732, 2806, 2808; Оп. 41. Кн. 3398; Ф. 276. Коммерц-коллегия. Оп. 3. Д. 546; Ф. 279. Штатс-контора. Оп. 1. Д. 427, 3594, 3860; Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Д. 963; Ф. 400. Московская губернская канцелярия. Оп. 2. Д. 10821.

Литература

2. **Mahler R.** *A History of Modern Jewry: 1780–1815*. New York: Schocken Books, 1971. 742 p.
3. *Архив князя Воронцова* / Под ред. П.И. Бартенева. Кн. 1: *Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова*. М.: Тип. Мамонтова и К°, 1870. 674 с.
4. **Баранов П.И.** *Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век*. Т. III: 1740–1762. СПб.: Тип. Правительств. сената, 1878. [1], XXXI, 517 с.
5. **Бердников Л.И.** *Евреи в царской России: Сыны или пасынки?* СПб.: Алетей, 2016. 660 с.
6. **Герасимова В.А.** «Баловни судьбы»: выкредеты на государевой службе в России в первой половине XVIII века // *Тирош: Труды по иудаике*. Вып. 11. М.: Изд. Центр научн. работн. и препод. иудаики в вузах «Сэфер», 2011. С. 105–119.
7. **Гессен В.Ю.** *К истории Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины: От первых евреев до XX века*. СПб.: Тема, 2000. 216 с.
8. **Голицын Н.Н.** *История русского законодательства о евреях. 1649–1825*. Т. 1. СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1886. XV, [1], 1116, [2] с.
9. **Гравдовский Н.Д.** *Отношения к евреям в древней и современной Руси*. Ч. 1: Мотивы историко-национальные. СПб.: Типо-литография А.Е.Ландау, 1891. 504 с.
10. **Демидов Сан-Дonato П.П.** *Еврейский вопрос в России*. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1883. VII, 90, [2] с.
11. *Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: В 16 т.* / Под ред. Л.И. Каценельсона и Д.Г. Гинцбурга. Т. 5: Брессюир–Гадасси. СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, [1910].
12. **Клиер Дж.Д.** *Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России. 1772–1825*. М.; Иерусалим: «Гешарим», Мосты культуры, 2000. 352 с.
13. **Оршанский И.Г.** *Евреи в России: Очерки экономического и общественного быта русских евреев*. СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1877. [8], 439 с.
14. **Оршанский И.Г.** *Русское законодательство о евреях: Очерки и исследования*. СПб.: Тип. и лит. А.Е.Ландау, 1877. XVI, 456 с.
15. *ПСЗ*. Т. 6–7, 9–13, 15–16. СПб.: В тип. II отд-я Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
16. *Сборник материалов об экономическом положении еврейского населения в России: В 2 т.* Т. 1. СПб.: Издание Еврейского колонизационного общества, 1904. [10], XLVI, 410, [2] с.

17. Серов Д.О. *Администрация Петра I*. М.: ОГИ, 2007. 288 с.
18. Фельдман Д.З. Из истории подготовки манифеста Екатерины II 1762 г. о поселении в России иностранцев, кроме евреев // *Мат-лы XVI ежегодной междунар. междисциплин. конф. по иудаике*. Ч. 3: *Вопросы еврейской истории*. М.: Изд. Центр научн. работн. и препод. иудаики в вузах «Сэфер», 2009. С. 34–43. — (Академическая серия. Вып. 27).
19. Фельдман Д.З. К вопросу о фиксации крещеных евреев в материалах ранних ревизий (на примере ревизских сказок Епифанского уезда Тульской провинции) // *Мат-лы XV Всероссийск. науч. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков»: К столетию со дня рождения П.А. Колесникова*. М.: Древлехранилище, 2008. С. 316–319.
20. Фельдман Д.З. Крещеные евреи в составе славяно-сербских полков в России в середине XVIII в. // *Единорогъ: Мат-лы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени*. Вып. 1. М.: Квадрига, 2009. С. 290–293.
21. Шаховской Я.П. Записки // *Империя после Петра: 1725–1765: Я.П. Шаховской, В.А. Нащокин, И.И. Неплюев*. М.: Фонд С. Дубова, 1998. С. 9–224.
22. Шугуров М.Ф. История евреев в России // *Русский архив*. 1894. Кн. 1, вып. 1. С. 55–93.

Искра Шварц

*Профессор Института восточноевропейской истории
Венского университета, Вена*

Образ елизаветинской России на страницах
Wienerisches Diarium
в первые годы Семилетней войны

Iskra Schwarcz

The image of Elizabethan Russia
in the Wienerisches Diarium
during the early years of the Seven Years War

Аннотация: Статья посвящена образу России и Елизаветы Петровны на страницах Венской газеты «Wienerisches Diarium» в годы Семилетней войны. Являясь официозом Венского двора, газета проводила определённую информационную политику. По тому, о чём сообщалось в газете и о чём в ней умалчивалось, можно сделать выводы о том, как Вена воспринимала правление Елизаветы Петровны и какую роль уделяла своему союзнику России. Информация поступала в редакцию газеты по разным каналам — из Москвы, Санкт-Петербурга, Варшавы, Гданьска, Лондона, Парижа, Стокгольма и других городов. С конца 1755 до начала 1757 г. мы наблюдаем, как быстро меняется характер информации, наряду с сообщениями о мирной жизни всё чаще появляются сообщения о дипломатических демаршах, дислокации войск и военных сражениях. Особое внимание на страницах газеты уделяется боевым действиям в 1757 г., взятие города Мемеля и крупная победа русской армии при Гросс-Егерсдорфе. Привлечение до сих пор не использованного источника может дать возможность по-новому взглянуть на некоторые события во время войны.

Abstract: The article is devoted to the image of Russia and the Empress Elizabeth Petrovna in the pages of the Vienna newspaper «Wienerisches Diarium» during

the Seven Years War. Being an official publication of the Vienna court, the newspaper pursued a certain informational governmental policy. By analyzing what was reported in the newspaper and what it was silent about, one can draw conclusions about how Vienna perceived the rule of Elizabeth Petrovna and what role it gave to its Russian ally during the war. The information came to the editorial office of the newspaper through various channels - from Moscow, St. Petersburg, Warsaw, Gdansk, London, Paris, Stockholm and other cities. From the end of 1755 to the beginning of 1757, we observe how quickly the nature of information is changing, along with reports of peaceful life, there are more and more reports of diplomatic demarches, the deployment of troops and military actions. Particular attention is paid by the newspaper to the hostilities in 1757, the capture of the city of Memel and the major victory of the Russian army at Gross-Jägersdorf. The use of this up to now unregarded source can provide a fresh perspective on some the events during the war.

Ключевые слова: императрица Елизавета Петровна, газета Wienerisches Diarium, Семилетняя война, генерал-фельдмаршал Апраксин.

Keywords: Empress Elizaveta Petrovna, Wienerisches Diarium newspaper, Seven Years' War, Field Marshal General Apraksin.

О Семилетней войне написано огромное количество книг, начиная с трудов современников событий, таких как Андрей Болотов или Эберхард Юрген Абельманн, более поздних исследователей, как Леопольд фон Ранке и заканчивая публикациями Мариана Фюсселя.¹ В российской историографии надо упомянуть прежде всего труды Дмитрия Фёдоровича Масловского о русской армии, а из новых публикаций — работы Дениса Анатольевича Сдвижкова и Максима Юрьевича Анисимова.²

Война шла на трёх континентах и по своей масштабности, по словам Черчилля, была первой мировой войной, хотя в современной терминологии историки предпочитают её называть глобальной

¹ **Болотов А.Т.** *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков* / Вступ. ст. и примеч. А.В. Гулыги. М., 1986; **Abelmann E.J.** *Hannover im Siebenjährigen Krieg: Hannoverisches Kriegsdenkmal: Das Kriegsgeschehen in Stadt und Kurfürstentum, dokumentiert von einem Bäckermeister* / Hg. von H. Hartmann. Hameln, 1995; **Ranke L., von.** *Geschichte von Österreich und Preußen zwischen den Friedensschlüssen von Aachen und Hubertusburg* // *Leopold von Ranke's Sämmtliche Werke*. Bd. 30. Leipzig, 1875; **Füssel M.** *Der Siebenjährige Krieg: Ein Weltkrieg im 18. Jahrhundert*. München, 2010; **Füssel M.** *Der Preis des Ruhms: Eine Weltgeschichte des Siebenjährigen Krieges (1756–1763)*. München, 2019.

² **Масловский Д.Ф.** *Русская армия в Семилетней войне: В 3 вып.* М., 1886–1891; **Сдвижков Д.А.** *Письма с Прусской войны: Люди Российско-императорской армии в 1758 году*. М., 2019; **Анисимов М.Ю.** *Русские осады Семилетней войны 1756–1763 гг.* // *История военного дела: Исследования и источники*. 2016. Т. 8. С. 107–133.

войной.³ Вопрос «Кто начал войну и чья была вина в её развязывании?» не раз вызывал бурные дебаты, но пока этот вопрос не решён окончательно и остаётся дискуссионным.

В последнее время снова наблюдается интерес к этой теме. Приведём как пример исследование Даниела Боуга «Глобальная Семилетняя война (1754–1763)», которая, если посчитать указанные годы, являлась не семилетней, а девятилетней войной. Отметим также публикацию Марка Данли и Патрика Спилмана «Семилетняя война: Глобальные представления», и уже упомянутый труд Фюсселя «Цена славы: Всемирная история Семилетней войны».⁴

27–28 мая 2021 г. в Германском историческом институте в Москве состоялась международная конференция «Россия и Семилетняя война (1756–1763): политика, армия, культура и люди эпохи».⁵ В центре внимания были вопросы дипломатии, финансов и логистики войны, «малая война» и роль войсковых подразделений гусаров и казаков. Особое внимание уделялось мемуарной литературе. И это только несколько примеров.

Актуальность изучения проблематики хорошо сформулирована в книге Фюсселя, но автор ссылается на немецкие и английские публикации, а современные русские издания остаются вне его поля зрения. Что касается источников, то события, например, при Гросс-Егерсдорфе и Кунерсдорфе представлены в книге только по воспоминаниям Андрея Болотова, которые, видимо, были доступны автору в переводе на немецкий язык.⁶

Я хочу привлечь внимание специалистов к другому историческому источнику — газете *Wienerisches Diarium* (Венский дневник). Она выходила в Вене с августа 1703 г. и, являясь официозом Венского двора, проводила определённую информационную политику.

³ См. об этом: **Füssell M.** *Der Preis des Ruhms ...* S. 17–18.

⁴ **Baugh D.** *The Global Seven Years War: 1754–1763: Britain and France in a Great Power Contest.* Harlow, 2011; **Danley M.H., Speelman, P.J.** (Hg.). *The Seven Year's War: Global Views.* Leiden; Boston, 2012; **Füssell M.** *Der Preis des Ruhms ...*

⁵ Программа конференции: https://www.dhi-moskau.org/fileadmin/user_upload/DHI_Moskau/pdf/27-28_Conference_Programme_Digital_3.pdf (дата обращения: 05.10.2021).

⁶ **Füssell M.** *Der Preis des Ruhms ...* S. 151–156; **[Bolotow A.]** *Leben und Abenteuer des Andrej Bolotow von ihm selbst für seine Nachkommen aufgeschrieben.* Bd. 1–2. München, 1990.

⁷ С 1703 по 1712 г. газета выходила под названием *Wienerisches Diarium*, с 1712 по 1780 — *Wienerisches Diarium*, а с 1780 г. и до наших дней — «*Wiener Zeitung*» (Венская газета). Далее: WD с указанием даты выхода и откуда взята информация о событиях. См.: [Электронный ресурс] <https://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=wrz&datum=17030808&seite=1&zoom=33> (дата обращения: 17.10.2021).

ку.⁷ По тому, о чём сообщалось в газете и о чём в ней умалчивалось, можно проследить политику Венского правительства и сделать выводы о том, как Вена воспринимала правление Елизаветы Петровны и какую роль уделяла своему союзнику России. Цель этой статьи — представить образ елизаветинской России в первые годы Семилетней войны на примере сообщений, которые регулярно публиковались на страницах этой газеты.

20 лет назад в Историческом институте Штутгартского университета был представлен проект «Средства коммуникации в старой империи — старая империя в средствах коммуникации», который осуществлялся при поддержке Фонда Фольксвагена.⁸ Руководитель проекта Андреас Гестрих, анализируя информационный материал газеты, пришёл к выводу, что во время войны «На долю России приходилось лишь 373 сообщения. Россия таким образом, в количественном отношении была представлена на страницах “Wienerisches Diarium” на значительно более низком информационном уровне, чем другие участвовавшие в войне великие державы».⁹

Это не совсем так. Сообщений о России намного больше, чем упомянутая цифра. Они поступали по разным каналам, не только из Санкт-Петербурга, Польши и Пруссии, как об этом пишет автор, но и из Вены, Лондона, Москвы, Парижа, Стокгольма, а иногда и под общим названием «Из русского государства» (*Aus dem Russischen Reich*). Особый интерес представляют обширные приложения (*Extra-Blat*), в которых иногда публиковались в переводе на немецкий язык русские трактаты о европейской истории, дипломатии нового времени и современной политике. Они, как указывает редактор *Wienerisches Diarium*, были взяты из петербургских газет. Мне не удалось выяснить из каких именно, и кто является автором, в венской газете они были опубликованы анонимно.¹⁰

О чём сообщали номера газет? С конца 1755 до начала 1757 г. мы наблюдаем быстрое изменение характера информации. Так, в конце 1755 — начале 1756 г. корреспонденты пишут в основном о мирной жизни императорского двора: как отмечают Рождество,

⁸ Гестрих А. Образ России в венской газете «Wienerisches Diarium» в годы Семилетней войны // *Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур* / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2000. С. 222.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ См., например, об указе Елизаветы министрам, как себя вести при иностранных дворах: *WD*. Erstes Extra-Blat zu (№ 93) 20. November 1756: Erklärung, welche die sammentliche Rußisch=Kaiserliche Ministere an denen außwärtigen Höfen zu thun von ihrer Monarchin befehliget worden; Ср.: Extra-Blat zu № 14. Den 16. Februar 1757. Aus der Petersburger=zeitung; *WD*. Extra-Blat zu № 40. Den 18. Mai 1757. Zwölftes Schreiben eines Particuliers. Aus der Petersburger=zeitung.

встречают Новый год, празднуют именины и день рождения Елизаветы, или день рождения великого князя Павла Петровича, которому 1 октября 1756 г. исполнился год.¹¹ Как великолепно выглядит новый зимний императорский дворец, как из-за распространяющейся болезни в Петербурге был введён строгий карантин, а служителям, в чьих домах было обнаружено заболевание, запрещалось в течение 17 дней приходить в дворец.¹² Известно, что Елизавета очень боялась заразиться какой-нибудь болезнью, и в её присутствии нельзя было говорить о недугах.

Особый интерес представляет длинный рассказ о красивых петербургских парках, о садоводстве, о том, какое удивительное растение выросло в саду графа Петра Ивановича Шувалова — знаменитое *Musa Pflanze*, известное ещё как *BANANA* или *BANANIERA*, которое до этого в России не выращивалось. Его привезли из Германии в 1754 г., и никто не ожидал, что оно приживётся, но теперь, в 1756 г. «у него 24 плода, не говоря о множестве цветов». Автор известия предлагает читателям, кто сомневается в полезности и качествах бананов, прочитать диссертацию известного шведского учёного Карла Линнея, опубликованную в 1736 г.¹³ Сообщение венской газеты, видимо, является первым упоминанием разведения бананов в России. Несколько лет спустя, в 1759 г., «Московские ведомости» будут информировать читателей, что в петербургском Летнем саду императрицы Елизаветы растут бананы, и императрица Елизавета спрашивает у своего садовника, как «музы бананские поживают» и просит подать ей к завтраку «пару пизангов».¹⁴

Знакомя читателей с незаурядным садом графа Шувалова, автор не упускает возможность упомянуть, что граф является генералом, сенатором, кавалером орденов св. Андрея Первозванного, св. Александра Невского и св. Анны.¹⁵ Двоюродный брат фаворита импе-

¹¹ *WD*. № 10, 4. Februar 1756. Aus dem Russischen Reich. St. Petersburg 25. Dec. 1755; № 12, Mittwochs-anhang, 11. Februar 1756. Aus dem Russischen Reich. St. Petersburg 5. Jan.; № 2, 7. Januar 1756. Aus dem Russischen Reich. Petersburg 12. Dec. 1755; № 8, 28. Januar 1756. St. Petersburg 2. Jan.; № 93, 19. November 1755. Aus dem Russischen Reich. St. Petersburg 21. Oct.

¹² *WD*. № 101, Mittwochs-anhang, 17. Dezember 1755. Aus dem Russischen Reich. St. Petersburg 18. Nov.

¹³ *WD*. № 42. Mittwochs-anhang 26. Mai 1756. Aus dem Russischen Reich. St. Petersburg 26. April.

¹⁴ *Московские ведомости*. № 19 от 5 марта 1759 г.: из Санкт-Петербурга от 22 февраля.

¹⁵ *WD*. № 42. Mittwochs-anhang 26. Mai 1756. Aus dem Russischen Reich. St. Petersburg 26. April.

ратрицы Ивана Шувалова — Петр Шувалов был назначен в 1756 г. генерал-фельдцейхмейстером, то есть главой артиллерийского ведомства, а на исходе царствования Елизаветы уже являлся главой русского правительства. Газета не упускала возможность информировать читателей о том, где находится граф Алексей Разумовский и не собирается ли его брат, гетман Кирилл Разумовский уехать из Петербурга в Украину, поясняя, что генерал-аншеф Петр Салтыков, командир дислоцировавшейся на украинских землях дивизии, уже получил приказ двинуться с войсками ближе к театру военных действий, в сторону границы с Лифляндией.¹⁶ Видимо, жизнь фаворитов Елизаветы и их роль в политическом ландшафте российского правительства представляла особый интерес для Венского двора.

Наряду с информацией о мирной жизни всё чаще и чаще появляются сообщения о дипломатических демаршах — например о пребывании в Польше канцлера А.П. Бестужева-Рюмина и далее о его поездке в Париж, сообщения о дислокации войск и транспорта продуктов и боеприпасов для вооружённых сил.¹⁷ Так, венские читатели могли из газеты узнать, что 27 декабря 1756 г. в Цейхгауз в Петербурге привезли 6 000 пудов свинца и отправили транспорт дальше в Ригу.¹⁸ Чувствуется, как постепенно нарастает напряжение, связанное с началом войны. Как известно, война началась в североамериканских колониях задолго до 1756 г., но в Европе англо-французские и австро-прусские противоречия были настолько острыми, что неминуемо вели к разжиганию войны.

Подписанный 12 января 1756 г. Англо-прусский трактат, т.н. Уайтхоллский или Вестминстерский договор, в сущности уничтожил русско-английскую субсидную конвенцию от 19/30 сентября 1755 г. о посылке русского 55-тысячного корпуса через Германию на защиту владений английского короля в Ганновере.¹⁹ Эта новость, как пишет Е.В. Анисимов, шокировала не только Версаль, но также Петербург и Вену, и привела к сближению трёх стран.²⁰ 18 февраля 1756 г. в приложении (*Extra-Blat*) к Венской газете был опубликован

¹⁶ *WD*. № 88, 3. November 1756. St. Petersburg 28. Sept. Ср.: *WD*. № 93, 20. November 1756. St. Petersburg 16. Oct.

¹⁷ *WD*. Polen, 24. Dec. 1756. Ср.: *Extra-Blat zu № 13, 12 Februar 1757* (*Circular=schreiben des Groß=kanzlers Grafens von Bestuchef, an den Primas, Senatoren, und Ministere des Krone Pohlen/ Циркулярное письмо графа Бестужева сенаторам и министрам Польской короны.*); *WD*. № 40, 18. Mai 1757. Warschau, den 7. Mai.

¹⁸ *WD*. № 9, 29. Januar 1757. Petersburg 27. Dec. 1756.

¹⁹ Анисимов Е.В. *Елизавета Петровна*. М., 1999. С. 327.

²⁰ Там же. С. 337.

полный текст договора России с Англией, чтобы показать австрийским читателям изменчивое, двуликое лицо Англии.²¹

30 марта 1756 г. высший правительственный орган России *Конференция при высочайшем дворе* утвердила новую стратегию во внешней политике страны, в которую входили два основных пункта: во-первых, остаться верным союзником Австрии, союзный договор с которой был подписан ещё в 1746 г., и во-вторых, пойти на сближение с Францией.²² Так в поисках союзников вслед за Веной на сближение с Францией пошла и Россия.

Война была в 1756 г. неизбежна. 18 августа прусские войска без объявления войны вторглись в Саксонию, пленили саксонскую армию и выгнали польского короля Августа III из его наследственных владений в Польшу. В сентябре Фридрих II нарушил австро-прусскую границу в Богемии и разбил армию австрийского фельдмаршала Максимилиана фон Броуна. Дрезден и Вена обратились за помощью к России, и 1/12 сентября Россия объявила войну Пруссии, а 31 декабря примкнула к Версальскому договору.

Какие известия об этих событиях были опубликованы на страницах венской газеты? Приведём несколько примеров. 18 августа 1756 г. был отдан приказ всем воинским частям быть готовыми двинуться в путь. Сообщение об этом было опубликовано в Вене 2 октября.²³ 30 октября — сообщение из Петербурга о том, что 11 сентября, за день до начала войны, Елизавета Петровна присвоила генералу Степану Федоровичу Апраксину звание генерал-фельдмаршала и должность главнокомандующего русской армии,²⁴ 20 ноября был опубликован текст официального объявления войны Пруссии (1/12 сентября),²⁵ а 22 января 1757 г. подробный список участников русской армии, готовой прийти на помощь Ея Величеству Марии Терезии. Регулярные и нерегулярные войска в списке насчитывали 128 000 солдат.²⁶

Россия начала боевые действия весной 1757 г. Фюссель называет этот год — годом сражений.²⁷ Армия под предводительством 54-летне-

²¹ *WD*. № 14, 18 Februar 1756. Aus dem Russischen Reich. Petersburg 20. Jan. 1756.

²² Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 329.

²³ *WD*. № 79, 2. Oktober 1756. St. Petersburg 18. August.

²⁴ *WD*. № 87, 30. Oktober 1756. Petersburg 30. Sept.

²⁵ *WD*. Erstes Extra-blatt zu № 93, 20. November 1756.

²⁶ *WD*. Erstes Extra-blatt zu № 7. den 22. Januar 1757. Об армии Апраксина см.: *Семилетняя война: Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг.* / Под ред. Н.М. Коробкова. М., 1948. С. 68.

²⁷ Füßel M. *Der Preis des Ruhms ...* С. 136.

го фельдмаршала Апраксина в составе 65 тыс. солдат, включая большое количество казаков и среди них калмыков, прибыла в Курляндию. Не получив от руководства конкретных указаний, долго находилась в подвешенном состоянии, ожидая приказа для действий в Восточной Пруссии, и перешла границу только в середине июля. Венская газета к этому времени (13 июля 1757) информирует читателей о том, что генерал Апраксин обратился с манифестом ко всем поданным Российской империи, которые жили в Пруссии или находились на службе у прусского короля, вернуться на родину или перейти на территорию союзников.²⁸ 16 июля в Венской газете были опубликованы ещё три манифеста Апраксина. Один из них был призывом к жителям Пруссии переселиться в Россию, если кто-то из них боится за свою жизнь, таким будет оказана помощь несмотря на их социальный статус и вероисповедание, а паспорт на проезд они смогут получить в Ревеле или Риге, заплатив 15 рублей.²⁹ Два других манифеста Апраксина касались отношений русских солдат к мирному населению на оккупированных территориях. В заключении четвёртого манифеста подчёркивалось, что вся вина за разрушения страны и несчастья населения лежит на прусском короле, который затеял эту войну.³⁰

Из Гданьска, Варшавы и Стокгольма в Вену регулярно поступала информация о кораблях русского флота и о блокаде Мемеля³¹. Так, 21 мая было опубликовано сообщение из Варшавы, что русские галеры и фрегаты отплыли из Риги 6 мая,³² 28 мая газета сообщала, что русская армия наступает в сторону Мемеля и блокадой будет руководить генерал-аншеф Виллим Фермор, что артиллерия уже отправлена кораблями из Ревеля.³³ 11 июня сообщалось из Гданьска, что два военных корабля русского флота блокировали пристань Кёнигсберга,³⁴ а 29 июня было опубликовано сообщение из Стокгольма от 3 июня, что русские корабли обстреляли голландское судно, которое выходило из Кёнигсберга, и только после уверения, что груз (древесина) не предназначен для прусской армии, судно смогло покинуть порт.³⁵

²⁸ *WD*. № 56, Mittwochs=anhang 13. Juli 1757. Warschau, den 4. Juli.

²⁹ *WD*. № 57, Samstag=anhang 16. Juli 1757. Wien 16. Juli.

³⁰ Там же.

³¹ Сегодня г. Клайпеда в Литве.

³² *WD*. Extra-blatt zu № 41, den 21 Mai 1757. Warschau den 14. Mai 1757.

³³ *WD*. № 43, 28. Mai, Kurz=gefasste Nachrichten. Von Warschau.

³⁴ *WD*. № 47. Samstags den 11. Juni 1757; Ср.: *WD*. № 50, 22. Juni 1757. Aus Danzig von 11. Juni.

³⁵ *WD*. № 52, 29. Juni 1757. Stockholm 3. Juni.

Осада Мемеля началась 19/30 июня 1757 г. Целью было взять крепость и порт, чтобы доставлять морем грузы для русской армии. После 5-дневной осады подполковник прусского гарнизона Румель приказал поднять белый флаг и предложил капитуляцию. Генерал Фермор, не владеющий данными о силах противника и считавший, что он сам не имеет сил ни для полной блокады Мемеля, ни для штурма, согласился на свободный выход гарнизона. Бомбардировка была прекращена, и 25 июня / 6 июля в город вошли русские войска.³⁶

В венской газете опубликованы условия капитуляции — всему гарнизону из 800 человек разрешалось беспрепятственно отступить до Кёнигсберга со своим личным оружием.³⁷ Это вызвало впоследствии недовольство Апраксина и конфликт с Фермором.³⁸ На основании 4 параграфа офицерам разрешалось взять своих жён. В параграфе 6 запрещалось грабительство в городе и насилие над жителями. Параграфы 13—15 декларировали горожанам защиту и свободу вероисповедания.³⁹ В ходе войны прусские газеты активно распространяли информацию, что русские полностью разрушили Мемель, а после капитуляции перебили большинство его жителей. Поэтому публикация условий капитуляции и дополнительные сведения венской газеты о судьбе города являются важным документом об этих событиях.

Борьба за Мемель стала первой крупной победой русской армии в Семилетней войне и подняла военный дух. Получив известия о победе, Мария Терезия выразила благодарность российскому послу в Вене графу Г.К. Кейзерлингу и заявила, что с такими успешными действиями русской армии скоро будет возможно «славный и прочный мир» заключить.⁴⁰

После взятия Мемеля страх от приближения войска фельдмаршала Апраксина к Кёнигсбергу нарастал. Так, корреспондент из Гданьска сообщал в конце августа, что опасения настолько великие, что правительство уже переехало из Кёнигсберга в Кюстрин,⁴¹

³⁶ О взятии Мемеля см.: **Масловский Д.Ф.** *Указ. соч.* Вып. 1. *Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756—1757 гг.)*. С. 206—218.

³⁷ *WD*. № 59, Samstags den 23. Juli 1757. Extra-*blat*. Bericht der auf Memel unternommenen Expedition.

³⁸ **Масловский Д.Ф.** *Указ. соч.* Вып. 1. С. 215.

³⁹ *WD*. № 59, Samstags den 23. Juli 1757. Extra-*blat*. Bericht der auf Memel unternommenen Expedition.

⁴⁰ **Анисимов М.Ю.** *Указ. соч.* С. 110.

⁴¹ (Cüstrin, Küstrin). Сегодня это небольшой городок в Польше — Kostrzyn nad Odra.

и из города вывезли туда и прусский архив.⁴² Кюстрин находился в 500 км от Кёнигсберга. Крепость города считалась одной из лучших прусских крепостей. Забегая вперёд, скажем, что осада Кюстрина в августе 1758 г. не увенчалась успехом и это стоило военной карьеры графу Фермору.

Первое серьёзное столкновение русской армии с прусской произошло 19/30 августа 1757 г. при Гросс-Егерсдорфе и завершилось решительной победой русского оружия. Тем не менее 27 августа / 7 сентября на военном совете было решено не двигаться дальше в сторону Кёнигсберга, а отступить. Отступление оказалось для всех полной неожиданностью. По одной из версий, генерал-фельдмаршал Апраксин боялся, что тяжело больную в то время Елизавету со дня на день может сменить на престоле Петр III, известный своей любовью к Пруссии. Однако Елизавета Петровна скоро выздоровела, а Апраксин был снят с должности главнокомандующего армии в Пруссии и арестован. Д. Масловский, детально изучивший ситуацию, пришёл к выводу, что отступление армии было неизбежным и необходимым.⁴³

Что сообщает об этих событиях венская газета? 14 сентября в ней был опубликован доклад о «славной и дивной победе» (einen so glorreich als herrlichen Sieg) русской армии сержанта барона Кристани фон Ралля (Christani von Rall), который был непосредственным свидетелем событий и послан с поля битвы в Вену от австрийского наблюдателя при русской ставке генерала фельдмаршал-лейтенанта барона Сент-Андре.⁴⁴ В конце своего доклада фон Ралль сообщает, что он доставил в Вену письмо от генерала Апраксина, в котором подчёркивалась храбрость барона Сент-Андре⁴⁵ во время битвы и выражалась ему благодарность.⁴⁶ Интересно, что в опубликованном списке погибших барон Ралль указывает на первом месте два ранения коня Апраксина.⁴⁷ Обычно считается, что фельдмаршал не участвовал активно в сражении и был только наблюдателем.⁴⁸ Хотел

⁴² *WD*. № 74, den 14. Sept. 1757. Danzig, 26. Aug.

⁴³ **Масловский Д.Ф.** *Указ. соч.* Вып. 1. С. 305–311.

⁴⁴ *WD*. № 74, den 14. Sept. 1757. Zweites Extra-Blat. Wien den 14. Sept. 1757.

⁴⁵ Friedrich Daniel von St. André (1700–1775).

⁴⁶ *WD*. № 74, den 14. Sept. 1757. Zweites Extra-Blat. Wien den 14. Sept. 1757; Ср. текст реляции Апраксина императрице Елизавете о сражении при Гросс-Егерсдорфе: *Семилетняя война: Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг.* С. 189.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См. Журнал военных действий армии С.Ф. Апраксина: *Семилетняя война: Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг.* С. 184–188.

барон Ралль представить своего союзника в героическом свете, или это было на самом деле так, вопрос, который требует дополнительных разысканий. Дальнейшая судьба Апраксина после этой битвы известна, и я не буду на ней останавливаться.

Подводя итоги, можно сказать, что в первые годы войны образ России на страницах венской газеты *Wienerisches Diarium* чрезвычайно позитивный, почти эйфорический, но постепенно наблюдается тенденция к замалчиванию военных успехов российской армии в результате охлаждения отношений обеих стран. Думаю, что многочисленные публикации в венской газете дают возможность по-новому взглянуть на некоторые события Семилетней войны.

Литература

1. **Abelmann E.J.** *Hannover im Siebenjährigen Krieg: Hannoverisches Kriegsdenkmal: Das Kriegsgeschehen in Stadt und Kurfürstentum, dokumentiert von einem Bäckermeister* / Hg. von H. Hartmann. Hameln: CW Niemeyer, 1995. — (Veröffentlichungen der niedersächsischen Landesbibliothek. Bd. 13).
2. **Baugh D.** *The Global Seven Years War: 1754–1763: Britain and France in a Great Power Contest*. Harlow, UK: Longman, 2011. XVI, 736 p.
3. **[Bolotow A.]** *Leben und Abenteuer des Andrej Bolotow von ihm selbst für seine Nachkommen aufgeschrieben*. Bd. 1–2. München: C.H. Beck, 1990.
4. **Danley M.H., Speelman, P.J.** (Hg.) *The Seven Year's War: Global Views*. Leiden; Boston: Brill, 2012. VII, 586 p.
5. **Füssel M.** *Der Preis des Ruhms: Eine Weltgeschichte des Siebenjährigen Krieges (1756–1763)*. München: C.H. Beck, 2019. 656 S.
6. **Füssel M.** *Der Siebenjährige Krieg: Ein Weltkrieg im 18. Jahrhundert*. München: C.H. Beck, 2010. 127 S.
7. **Ranke L., von.** *Geschichte von Österreich und Preußen zwischen den Friedenschlüssen von Aachen und Hubertusburg // Leopold von Ranke's Sämtliche Werke*. Bd. 30. Leipzig: Duncker und Humblot, 1875.
8. *WD*. 1755: № 93, 101; 1756: № 2, 8, 10, 14, 42, 79, 87, 88; 1757: № 7, 9, 13, 14, 40, 41, 43, 47, 50, 51, 52, 56, 57, 59, 74.
9. **Анисимов Е.В.** *Елизавета Петровна*. М.: Молодая гвардия, 1999. 426 с. — (ЖЗЛ).
10. **Анисимов М.Ю.** Русские осады Семилетней войны 1756–1763 гг. // *История военного дела: Исследования и источники*. 2016. Т. 8. С. 107–133.
11. **Болотов А.Т.** *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков* / Вступ. ст. и примеч. А.В. Гулыги. М.: Современник, 1986. 767 с.
12. **Гестрих А.** Образ России в венской газете «*Wienerisches Diarium*» в годы Семилетней войны // *Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур* / Отв. ред. С.Я. Карп. М.: Наука, 2000. С. 221–228.

13. **Масловский Д.Ф.** *Русская армия в Семилетней войне: В 3 вып.* М.: Тип. Окружного штаба, 1886–1891. (678 с.) (874 с.) (930 с.).
14. *Московские ведомости.* № 19 от 5 марта 1759 г.
15. **Сдвижков Д.А.** *Письма с Прусской войны: Люди Российской-императорской армии в 1758 году.* М.: Новое литературное обозрение, 2019. 688 с. — (*Historia Rossica*).
16. *Семилетняя война: Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг.* / Под ред. Н.М. Коробкова. М.: Воениздат, 1948. 916 с.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Светлана Измайловна Баранова

*Главный научный сотрудник
Российского государственного гуманитарного университета, Москва*

Андрей Владимирович Топычканов

*Старший научный сотрудник кафедры истории и теории политики
факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва*

Елизавета Петровна в Коломенском: К вопросу
о месте её рождения и роли императрицы
в сохранении Коломенского дворца¹

Svetlana I. Baranova, Andrey V. Topychkanov

Was Empress Elizabeth in Kolomenskoye?
On Her Birthplace and Her Role in the
Preservation of the Palace in Kolomenskoye

Аннотация: В статье вводится в научный оборот ряд новых источников, позволяющих пересмотреть два широко распространённых мифа — о том, что Елизавета Петровна родилась в Коломенском и что она особенно любила эту резиденцию. Наиболее вероятным местом рождения Елизаветы Петровны следует считать либо Лефортовский дворец — «слободской дом» светл. кн. А.Д. Меншикова, либо Старо-Преображенский дворец царевны Натальи Алексеевны. Согласно камер-фурьерским журналам, после воцарения Елизавета Петровна ни разу не посетила Коломенское. Несмотря на это, на протяжении её правления предпринимались попытки сохранить Коломенский дворец.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42021.

Abstract: The article introduces some new sources, allowing to revise two widespread myths — that Empress Elizabeth was born in Kolomenskoye and that she especially loved this residence. The most probable birthplaces of Elizabeth should be considered the Lefortovo Palace — the «slobodskoy house» of prince A.D. Menshikov, or the Staro-Preobrazhenskoe Palace of tsarevna Natalia Alekseevna. According to the courtier everyday recording, after her accession to the throne, Empress Elizabeth never visited Kolomenskoye. Despite this, Moscow court office attempted to preserve the Palace in Kolomenskoye.

Ключевые слова: императрица Елизавета Петровна, Коломенское, А.Д. Меншиков, Лефортовский дворец, Полтавский триумф.

Keywords: Empress Elizabeth, Kolomenskoye, Alexander Menshikov, Lefortovo Palace, Poltava triumph.

Биография императрицы Елизаветы Петровны обросла рядом историографических мифов, многие из которых требуют критической оценки. Так, например, широко распространено мнение, что императрица родилась в Коломенском и любила эту резиденцию.² В данной статье рассмотрим эти мифы с точки зрения их достоверности и попытаемся предложить иную интерпретацию роли Коломенского дворца в судьбе императрицы.

Где родилась Елизавета Петровна?

Коломенское чаще всего упоминается в биографии императрицы Елизаветы Петровны как место её рождения. Она родилась 18 декабря 1709 г. во время подготовки к триумфальному входу Петра I в Москву по случаю победы в Полтавской битве. Несмотря на то, что до сих пор не обнаружено сведений о том, где тогда находилась Екатерина Алексеевна, в историографии утверждается, что роды состоялись в Коломенском дворце и что после благополучного рождения дочери Петр устроил пир там же, во дворце, для своих приближённых. В печатных изданиях этот сюжет прослеживается, начиная с «Дополнений к деяниям Петра Великого», изданных И.И. Голиковым в 1795 г.³

Действия Петра I в декабре 1709 г. хорошо задокументированы, поэтому мы можем проследить за его передвижением. Итак, 12 декабря Петр I прибывает из Конькова в Коломенское, вокруг кото-

² См., напр.: Суздаев В.Е. *Очерки истории Коломенского*. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 99, 104.

³ Голиков И.И. *Дополнение к деяниям Петра Великого*. Т. 16. М., 1795. С. 211–214.

рого уже собирались русские войска и пленные шведы, участвовавшие в торжественном входе в Москву. В Коломенском Петр жил не во дворце, а в избушке. Ещё по дороге в Москву он попросил московского коменданта князя Матвея Петровича Гагарина, чтобы избушка в Коломенском была без тараканов.⁴

16 декабря Петр переезжает из Коломенского в Даниловскую слободу, где останавливается в доме Михаила Чоглокова. Британский посол Чарльз Уитворт, посетив Петра в этом доме, назвал это помещение неудобным.⁵ На следующий день рядом с двором Чоглокова случился пожар,⁶ в тушении которого царь лично принимал участие.

Торжественный вход в Москву первоначально планировался на 19 декабря,⁷ однако из-за неготовности войск был устроен только 21 декабря.⁸ В этот день Петр вошёл в Москву «с превеликим наподобие древних римских триумфом»,⁹ после чего разместился в Преображенском дворце, где оставался до 17 февраля 1710 г.

В источниках не содержится ни одного упоминания дворца в Коломенском и ясно утверждается, что Петр в день рождения Елизаветы жил уже не в Коломенском, а в Даниловской слободе. Следовательно, если бы Екатерина Алексеевна сопровождала Петра, то она должна была родить в доме Чоглокова в Даниловской слободе. Хорошо известно, что Екатерина Алексеевна не сопровождала Петра I. Из письма царя Екатерине Алексеевне от 27 ноября 1709 г. следует, что она выехала в Москву раньше Петра. Вероятно, её сопровождала «тётка» Анисья Кирилловна Толстая, которой Петр передал поклон. Также царь просил поклониться своей сестре царевне Наталье Алексеевне,¹⁰ которая в то время жила в Старо-

⁴ *ПиБ* / Ред. Б.Б. Кафенгауз. Т. 9: *Январь — декабрь 1709 года*. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 475.

⁵ Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта, и секретаря его Вейсброда, с 1708 г. по 1711 г. // *Сб. РИО* / Печ. под наблюдением А.А. Половцева. Т. 50. СПб., 1886. С. 291.

⁶ Там же. С. 289.

⁷ Эта дата указана в Походном журнале 1709 г.: *Походный журнал 1709 года: [Юрнлы 1709 года]*. СПб., 1854. С. 24.

⁸ В «Истории Свейской войны» триумфальное шествие сначала также датировалось 19 декабря, но затем дату исправили на 21 декабря: *История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)*. Вып. 1 / Сост. Т.С. Майкова. М., 2004. С. 169, 325.

⁹ **Голкиов И.И.** *Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам*. Ч. 3. М., 1788. С. 148.

¹⁰ *ПиБ*. Т. 9. Вып. 1. С. 468—469.

Преображенском дворце вместе с его дочерью царевной Анной Петровной.¹¹

Где же могла остановиться Екатерина Алексеевна?

Во-первых, это явно не Кремль, где с конца XVII в. никто из членов царской семьи не жил. Во-вторых, это и не Коломенский дворец, в котором никто не останавливался с 1702 г.¹² В-третьих, вызывает сомнения, что роды Екатерины Алексеевны могли проходить в той же коломенской избушке или «неудобном» доме Чоглокова, где Петр со своим двором остановился в походных условиях и где шла интенсивная подготовка к триумфальному входу в Москву.

Наиболее вероятно, что Екатерина Алексеевна поселилась либо у Натальи Алексеевны в Старо-Преображенском дворце, либо для неё заранее было приготовлено отдельное жильё. В дворцовых расходных книгах 1709 г. упоминаются существенные строительные работы только на государевом дворе в Преображенском и в Лефортовском дворце — «слободском доме» А.Д. Меншикова.

В Преображенском в декабре 1709 г. велись строительные работы на основании царского указа, данного 2 декабря, то есть за день до упомянутого царского письма Гагарину: «Того ж числа <2 декабря. — Прим. А.Т.> по указу великого государя велено в Преображенском на ево государеве дворе построить вновь две светлицы, мыльню с сенми, и вам бы к тому строению лесные и иные всякие припасы и уборы, что надлежит, покупать, а покупая отдавать подьячему Осипу Васильеву с роспискою, и о том купчине память послана».¹³ Конечно, срок со 2 до 18 декабря довольно ограниченный, но дворцовое ведомство имело богатый опыт спешного строительства. Например, за 5 дней (с 26 по 30 декабря 1722 г.) артель плотника Петра Анташова около царского дворца на Красном лугу поставила две избы и полностью их отделала,¹⁴ причём одновременно в избах были установлены изразцовые печи. Высокая скорость деревянного жилого строительства была возможна благодаря тому, что в Москве продавали готовые срубы. Точно определить время окончания строительства в Преображенском и характер построек невозможно, по-

¹¹ Болотина Н.Ю. Эпистолярное наследие женщин царской семьи (первая треть XVIII века) // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*. [Т. XX]. М., 2011. С. 16–17.

¹² Последняя двухдневная поездка Петра I в Коломенское датируется 9–10 апреля 1702 г. См. описание поездки: **Бруин К., де. Путешествие через Московию** / Пер. П.П. Барсова; провер. по гол. подлиннику О.М. Бодянским. М., 1873. С. 61.

¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 176. Л. 56 об.

¹⁴ Там же. Д. 358. Л. 221–226 об.

сколько пока не найдены расходные тетради подьячего Осипа Васильева, а в сохранившихся расходных книгах Приказа Большого дворца за 1709 г. отсутствуют данные о печных работах в светлицах, а также об изготовлении и закупке предметов интерьера.

В Лефортовском дворце строительные работы начались ещё в 1707 г., после того как Петр I подарил дворец Меншикову (вместо сгоревшего дома в Семеновском) и пожаловал ему 2000 руб. На эти средства дворец был существенно расширен и перестроен.¹⁵ В 1709 г. велись внутренние работы в Лефортовском дворце: расписывали «палаты» (главный дом), золотили рамы, серебрили шандалы, чинили серебряную посуду и т.д.¹⁶ Причём живописные работы завершились 30 ноября 1709 г.¹⁷ Характер упоминаемых работ позволяет предположить, что дворец был готов для проживания и что Меншиков мог именно здесь принимать Петра.

По словам Уитворта, 17 декабря Петр прибыл к Меншикову, у которого присутствовали «три князя Голицына, князь Долгорукий и многие другие высокопоставленные лица». Здесь царь принял и самого Уитворта.¹⁸ Это могло происходить только в Лефортовском дворце. Мясницкий дом Меншикова следует исключить, потому что ни царь, ни Меншиков в город не въезжали до 21 декабря.¹⁹ Что касается остальных подмосковных резиденций Меншикова, то они находились довольно далеко от Москвы. Лефортовский дворец, должно быть, имел в виду и датский посланник Юст Юль, который утром 20 (30) декабря пришёл к Меншикову и, не застав его у себя, отправился на площадь, где царь и светлейший князь занимались подготовкой к триумфальному шествию.²⁰

Всё это говорит в пользу того, что Лефортовский дворец был вполне готов для проживания, в нём жил Меншиков и регулярно бывал Петр I в период подготовки к торжественному входу в Москву. Екатерина Алексеевна скорее предпочла бы этот дворец, чем строящиеся светлицы в Преображенском. Такой выбор выглядит

¹⁵ Подробнее см.: **Подольский Р.П.** Петровский дворец на Яузе // *Архитектурное наследие*. Вып. 1. М., 1951. С. 14–55.

¹⁶ *РГАДА*. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1007. Л. 183, 239, 244; Д. 1008. Л. 209. Некоторые из перечисленных работ могли относиться и к другим московским домам Меншикова.

¹⁷ *РГАДА*. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1008. Л. 268.

¹⁸ *Сб. РИО*. Т. 50. С. 289–291.

¹⁹ В частности, об этом пишет Юст Юль: *Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711)* / Пер. Ю.Н. Щербачёва. М., 1900. С. 116.

²⁰ Там же.

закономерно: Екатерина Алексеевна долгое время жила в доме Меншикова, здесь она познакомилась с Петром, часто путешествовала вместе с женой Меншикова, Дарьей Михайловной, и даже свою свадьбу с Петром она отпраздновала во дворце Меншикова в Санкт-Петербурге.²¹

Таким образом, Екатерина Алексеевна в декабре 1709 г. остановилась либо в Лефортовском дворце, либо в Старо-Преображенском дворце, где и родилась будущая императрица Елизавета Петровна.

Коломенское в царствование Елизаветы Петровны

Об отношении Елизаветы Петровны к Коломенскому лучше всего свидетельствует время её царствования. Она четырежды останавливалась в Москве на продолжительное время — в 1742, 1744, 1749 и 1754 гг.²² В это время придворная жизнь сосредоточилась в трёх дворцах: в Кремлёвском (сначала в Потешном дворце, потом в Кремлёвском Зимнем дворце), в Головинском (сначала в Головинском зимнем дворце, потом в Новом Головинском дворце), в Покровском, который был небольшим, поэтому здесь не устраивались многолюдные церемонии. Менее часто она посещала дворцы в монастырях и по дороге в Троице-Сергиев монастырь, например Тайнинский дворец.

В камер-фурьерских журналах можно встретить упоминания старинных дворцовых сёл Преображенского, Алексеевского и Воробьева, но лишь как мест для короткого отдыха и кушанья в палатках. В делопроизводстве Московской дворцовой канцелярии сообщается, что Елизавета Петровна дважды планировала приехать в Коломенское — в 1742 и 1744 гг. К этим поездкам был произведён косметический ремонт «в самых нужных покоях».²³ Однако факт приезда

²¹ Белозерская Н.А. Из жизни Петра Великого: Первые годы сближения Петра I с Екатериной Алексеевной: 1702–1709 // *Исторический вестник*. 1903. Т. 92. № 5. С. 451–493; Курукин И.В. *Екатерина I*. М., 2016.

²² Здесь и далее данные о пребывании Елизаветы Петровны в московских дворцах приводятся на основании следующих камер-фурьерских журналов: *Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования... императрицы Елизавет Петровны... 1742 г.* СПб., [1850-е]; *Журнал Троицкого походу 1742 г.* СПб., [1850-е]; *Журналы походные и церемониально-банкетные 1744 г.* СПб., [1850-е]; *Церемониальный, банкетный и походный журнал, 1749 г.* СПб., [1850-е]; *Журнал церемониальный и банкетный, 1754 г.* СПб., [1850-е].

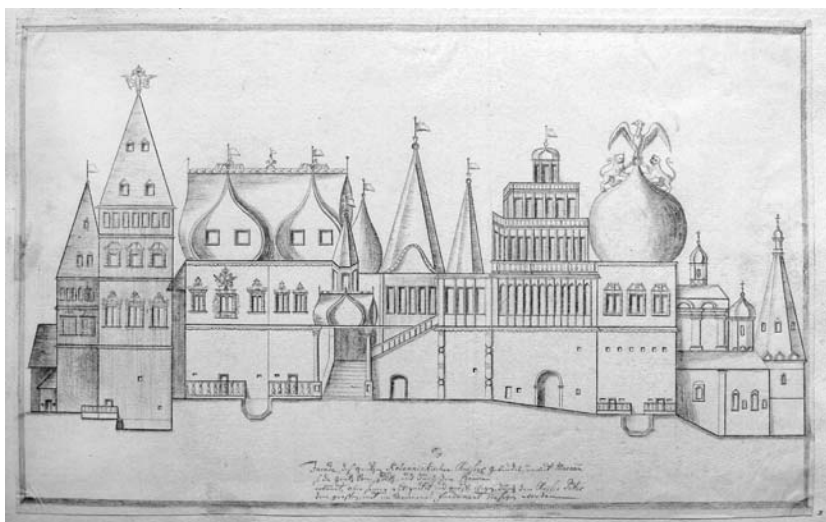
²³ Суздалев В.Е. *Указ. соч.* С. 104.

Портрет императрицы Елизаветы Петровны.
Гравюра Е.П. Чемесова по оригиналу П.А. Ротари.
Санкт-Петербург, 1761

императрицы в Коломенское не был отражён в камер-фурьерских журналах и, возможно, не состоялся. Таким образом, в царствование Елизаветы Петровны Коломенская резиденция утратила своё значение как место придворной жизни.

Почему же Елизавета Петровна игнорировала эту старинную резиденцию?

Главный восточный фасад Коломенского дворца.
Ф.В. фон Берхгольц. 1740-е годы. Национальный музей, Стокгольм

Во-первых, Коломенский дворец представлял собой несколько архаичную постройку на фоне дворцов Елизаветы Петровны. Петр I, восстанавливая дворец, требовал, чтобы его починили «против прежнего строения» и «без всякой отмены».²⁴ По сути, дворец оставался постройкой XVII в. Об этом свидетельствуют зарисовки Фридриха Вильгельма Берхгольца во время его поездки в Москву в 1740-е гг. Елизавета Петровна предпочитала жить в новых дворцах.

Во-вторых, в царствование Елизаветы Петровны произошло развитие придворной культуры. При императорском дворе ставили оперные и театральные постановки, использовали живую вокальную и инструментальную музыку, устраивали балы и маскарады, развилась культура застолий. Коломенский дворец было мало пригоден для такой придворной жизни.

Наконец, была и вполне очевидная причина. Состояние дворца в Коломенском было таково, что жить в нём было попросту невозможно. Это подтверждают сохранившиеся описи дворца.²⁵ Наибо-

²⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 16. Л. 57а; Черновик указа см.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 57. Л. 259.

²⁵ Попытка систематического обзора описей, в которых отражено состояние царской резиденции в Коломенском, предпринималась не так часто, как это можно было ожидать. Единственным опытом остаётся посвящённая истории дворца диссертация Д.И. Ачаркана 1918 г., машинописная копия которой хранится в:

лее известная опись Коломенского дворца была создана в 1742 г. при вступлении в должность нового приказчика. Она содержит одно из самых подробных описаний царской загородной резиденции. Этот уникальный источник был фрагментарно опубликован И.Е. Забелиным, который был убеждён, что перед нами «копия со списков XVII столетия <...> за небольшими изменениями».²⁶ Опись 1742 г. сообщает, что во дворце большинство слюдяных окончин ветхие, некоторые попорчены, тканевая отделка обветшала, много сломанной фурнитуры, в подклете были попорчены отдельные печи, в ряде помещений подклета «сгнил и обвалился» пол, несколько рундуков сгнили.

О состоянии царской резиденции, в особенности деревянного дворца, можно также судить по описи выдающегося зодчего XVIII столетия И.Ф. Мичурина.²⁷ В первую очередь это «Доношение архитектора Ивана Мичурина в Главную дворцовую канцелярию об осмотре дворца в Коломенском с описанием ветхостей, сметами расходов строительных материалов и ценами на них» 25 мая 1740 г.²⁸ Опись 1740 г. подписана Мичуриным и содержит приписи, комментарии и дополнения, написанные его рукой. Эта опись включена в дело, в котором содержатся и другие документы о Коломенском с апреля 1738 по январь 1744 г.: доношение управителя села Коломенского комиссара Ивана Данилова 1738 г.; указ Главной дворцовой канцелярии архитектору Мичурину от 22 мая 1739 г. об осмотре во дворце в Коломенском «ветхостей, описания их и составления сметы на припасы и материалы для ремонта»²⁹ и повторный указ Мичурину от 15 июня того же года об осмотре ветхостей в Коломенском, составлении описи и сметы и подаче их при доношении немедленно.³⁰

Архив МГОМЗ. Фонд «Редкие рукописные и старопечатные книги». А 1596. К 13404; Ачаркан Д.М. Дворцовое село Коломенское: История его памятников зодчества по архивным данным: [Рукопись]. М., 1918.

²⁶ **Забелин И.Е.** *Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях.* Т. 3: *Материалы.* М., 2003. Паг. 1. С. 477. В настоящее время мы готовим полную публикацию описи (РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 486).

²⁷ Подробнее об архитекторе см.: **Баранова С.И., Клименко С.В., Сабенина А.В.** *Архитектор Иван Федорович Мичурин: Портрет на фоне...: [Буклет выставки].* М., 2017.

²⁸ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 31818. Л. 58–69 об. См. также копию: Там же. Л. 71–89 об.

²⁹ Там же. Л. 46–48 об.

³⁰ Там же. Л. 51–52 об.

Опись, выполненная профессиональным зодчим, одним из первых русских архитекторов-реставраторов, содержит множество бесценных сведений о многочисленных помещениях дворца, его окнах, печах и т.п. На страницах описи Коломенский дворец предстаёт не в лучшую свою пору. Так же, как и в описи 1742 г., упоминаются слюдяные оконца, которые нуждаются в починке (интересно, что зодчий не предлагает заменить слюду на стекло, но советует закупить новую слюду), ветхие печи и т.д. Дворец показан малопригодным для жилья, хотя и сохраняющим следы былого величия. Опись 1740 г. содержит материал не только по дворцу, но и по другим постройкам в Коломенском.

Объявленные торги на ремонт оказались провалены. В 1741 г. Главная дворцовая канцелярия поручила Мичурину осмотреть «все ветхости» в Коломенском и «учинить без излишеств смету». Новое «Доношение Ивана Мичурина в Главную дворцовую канцелярию об осмотре в Коломенском дворца, иконостасов соборной церкви Воскресения, церкви Георгия, церкви Казанской Богородицы, хозяйственных построек, погребах, пивоварнях и др. с описанием ветхостей сверх описи 1740 г. и сметами расходов на строительные материалы и ценами на них»,³¹ подписанное Мичуриным 31 декабря 1741 г., представило плачевную картину, о чём свидетельствуют многочисленные указания: «вновь сделать», «надлежит сделать», «надлежит починить».

Затем в 1751 г. архитектором Василием Обуховым была составлена новая смета на ремонт дворца, в соответствии с которой предполагалось разобрать ветхие постройки и некоторые печи. К приезду Елизаветы в Москву в 1754 г. «ремонт» был осуществлён,³² однако у нас нет сведений, что Елизавета в эту поездку посетила Коломенское.

Заключение

Дворцовые расходные книги не содержат данных, подтверждающих сведения о рождении Елизаветы Петровны в Коломенском. К этому времени Коломенский дворец уже пришёл в ветхое состояние. Накануне Полтавского триумфа масштабные приготовления шли только на государевом дворе в Преображенском и в Лефортовском дворце А.Д. Меншикова. В выявленных архивных материалах отсутствуют данные о внутренних работах в новых светлицах на

³¹ Там же. Л. 96–110.

³² Там же. Д. 32034. Л. 1–290.

государевом дворе в Преображенском, поэтому степень их готовности к приезду Екатерины Алексеевны остаётся под вопросом. В то же время основные внутренние работы в Лефортовском дворце были завершены в конце ноября 1709 г. Учитывая близкие отношения Екатерины Алексеевны с семьёй Меншикова и регулярные приезды Петра в Лефортовский дворец в середине декабря 1709 г., представляется, что она могла остановиться в Лефортовском дворце. Вместе с тем Екатерина Алексеевна в декабре 1709 г. могла остановиться и в Старо-Преображенском дворце царевны Натальи Алексеевны, у которой в то время жила её старшая дочь, царевна Анна Петровна. Таким образом, источники позволяют точно установить, что будущая императрица Елизавета Петровна родилась не в Коломенском, а либо в Старо-Преображенском дворце, либо в Лефортовском дворце.

Вступив на престол, Елизавета Петровна не питала особых чувств к Коломенскому. Согласно камер-фурьерским журналам, она ни разу не останавливалась в Коломенском дворце. По сути, Коломенское оказалось исключённым из системы московских императорских резиденций. Тем не менее, Московская дворцовая контора продолжала бороться за сохранение Коломенского дворца. Документы также позволяют оценить и отдать должное усилиям императрицы Елизаветы Петровны по сохранению резиденции первых Романовых. Дальнейшая история дворца в Коломенском показала безуспешность этих попыток. В 1767 г. дворец после тщательных обмеров, создания чертежей и планов, был разобран, а в Коломенском было начато строительство нового дворца для Екатерины II.³³

Таким образом, можно констатировать, что Коломенский дворец не играл особой роли в биографии Елизаветы Петровны. Она не родилась в нём и не желала в нём останавливаться. Однако стремление сохранить ветшающий дворец свидетельствует о том, что тенденция сохранения и изучения памятников прошлого, намеченная указами Петра I в первой четверти XVIII столетия, набирала силу. Круг построек, охваченных заботой государства, включал, прежде всего, церковные здания и царские дворцы, которые требовали ремонта и поддержания в должном порядке.

³³ Подробнее см.: Баранова С.И. К истории строительства Екатерининского дворца в Коломенском // *Архитектурное наследство*. Вып. 63. СПб., 2015. С. 78–95.

Архивные источники

1. *Архив МГОМЗ*. Фонд «Редкие рукописные и старопечатные книги». А 1596. К 13404.
2. *РГАДА*. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 16, 57; Ф. 396. Оп. 2. Д. 1007–1008; Оп. 3. Д. 176, 358; Ф. 1239. Оп. 1. Д. 486; Оп. 3. Д. 31818, 32034.

Литература

3. **Ачаркан Д.М.** *Дворцовое село Коломенское: История его памятников зодчества по архивным данным: [Рукопись]*. М., 1918.
4. **Баранова С.И.** К истории строительства Екатерининского дворца в Коломенском // *Архитектурное наследство*. Вып. 63. СПб.: КОЛО, 2015. С. 78–95.
5. **Баранова С.И., Клименко С.В., Сабенина А.В.** *Архитектор Иван Федорович Мичурин: Портрет на фоне...: [Буклет выставки]*. М., 2017. 63 с.
6. **Белозерская Н.А.** Из жизни Петра Великого: Первые годы сближения Петра I с Екатериной Алексеевной: 1702–1709 // *Исторический вестник*. 1903. Т. 92. № 5. С. 451–493.
7. **Болотина Н.Ю.** Эпистолярное наследие женщин царской семьи (первая треть XVIII века) // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*. [Т. XX]. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2011. С. 11–69.
8. **Брунн К., де.** *Путешествие через Московию* / Пер. П.П. Барсова; провер. по гол. подлиннику О.М. Бодянским. М., 1873. С. 61. 293, XIX с.
9. *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)*. Вып. 1 / Сост. Т.С. Майкова. М.: Кругъ, 2004. 631 с.
10. **Голиков И.И.** *Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам*. Ч. 3. М.: В Университ. тип., 1788. 395, XX, [2] с.
11. **Голиков И.И.** *Дополнение к деяниям Петра Великого*. Т. 16. М.: Универ. тип., у В. Окорокова, 1795. XII, 462, [2] с.
12. Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе, Чарльза Витворта, и секретаря его Вейсброта, с 1708 г. по 1711 г. // *Сб. РИО* / Печ. под наблюдением А.А. Половцева. Т. 50. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1886.
13. *Журнал Троицкого походу 1742 г.* СПб., [1850-е].
14. *Журнал церемониальный и банкетный, 1754 г.* СПб., [1850-е].
15. *Журналы походные и церемониально-банкетные 1744 г.* СПб., [1850-е].
16. **Забелин И.Е.** *Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях*. Т. 3: *Материалы*. М., 2003.
17. *Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711)* / Пер. Ю.Н. Щербачёва. М.: Унив. тип., 1900. IX, 598, [3] с.
18. **Курукин И.В.** *Екатерина I*. М.: Молодая гвардия, 2016. 398 с. — (ЖЗЛ. Вып. 1799 (1599)).

19. *Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования... императрицы Елисавет Петровны... 1742 г.* СПб., [1850-е].
20. *ПиБ* / Ред. Б.Б. Кафенгауз. Т. 9: *Январь — декабрь 1709 года*. Вып. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. 526, [2] с.
21. **Подольский Р.П.** Петровский дворец на Яузе // *Архитектурное наследство*. Вып. 1. М.: Госстройиздат, 1951. С. 14–55.
22. *Походный журнал 1709 года: [Юрнaлы 1709 года]*. СПб., 1854.
23. **Суздалев В.Е.** *Очерки истории Коломенского*. 4-е изд., перераб. и доп. М.: МГОМЗ, 2008. 184 с.
24. *Церемониальный, банкетный и походный журнал, 1749 г.* СПб., [1850-е].

Наталья Юрьевна Болотина

*Главный специалист Российского государственного архива древних актов,
Москва*

Марина Олеговна Болотина

*Главный специалист Государственного архива Российской Федерации,
Москва*

«Четверная лапушка»:
Детские годы Елизаветы Петровны¹

Natalja Yu. Bolotina, Marina O. Bolotina

«Chetvernaya lapushka»:
the Childhood years of Elizabeth Petrovna

Аннотация: Статья посвящена детству и юности Елизаветы Петровны — любимой дочери Петра I. В статье рассказывается об обстоятельствах её рождения и выбора имени, воспитания и образования Елизаветы, её взаимоотношениях с членами императорской семьи, а также о брачных планах отца на молодую цесаревну. Впервые в научный оборот вводится значительный комплекс архивных документов о первых годах жизни Елизаветы Петровны.

Abstract: The report is dedicated to the childhood and youth of Elizabeth Petrovna—the beloved daughter of Peter I. The article describes the circumstances of her birth and the choice of a name, Elizabeth’s upbringing and education, her relationship with members of the imperial family, as well as her father’s marriage plans for the young tsarevna. A significant set of archival documents about the first years of Elizabeth Petrovna’s life is being introduced into scientific circulation for the first time.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 20-09-42033.

Ключевые слова: Петр I, Екатерина I, Елизавета Петровна, архивные документы, РГАДА.

Keywords: Peter I, Catherine I, Elizabeth Petrovna, archival documents, RGADA.

В нашем историческом сознании прочно утвердился образ императрицы Елизаветы Петровны, как не очень образованной, легковесной любительницы нарядов, танцев и развлечений. В последние годы трудами историков время правления дочери Петра Великого, её реформы и нововведения стали предметом научных изысканий и крупных биографических работ. Все биографии Елизаветы Петровны включают описание её детских лет, повторяя свидетельство об образовании и воспитании, приведённые в работах М.И. Семевского и К. Валишевского,² но основное внимание традиционно сосредотачивается на политической борьбе, дворцовом перевороте и событиях её правления.

Первые Елизавета Петровна упоминается в знаменитом письме Петра I Екатерине Алексеевне от 1 мая 1710 г. с корабля «Лизетта», в котором отец просил особо поклониться четырёхмесячной доченьке — «четверной лапушке».³ Семевский приводит свидетельство П.Н. Крекшина о том, как Петр I, вступая в Москву после знаменательной Полтавской победы, 18 декабря 1709 г. получил из Коломенского известие о рождении дочери, остановил шествие, объявил о радостном событии и отправился в родовую вотчину повидать новорождённую.⁴

Как свидетельствуют повседневные записки князя А.Д. Меншикова, день рождения Елизаветы ежегодно праздновался 18 декабря,⁵ но место её рождения остаётся под вопросом. Судя по письмам царевны Натальи Алексеевны и царевича Алексея Петровича Петру I и Екатерине Алексеевне в 1708–1709 гг. царская семья постоянно жила в подмосковной резиденции — Преображенском. Документальных свидетельств о пребывании Екатерины Алексеевны с родными накануне рождения Елизаветы в Коломенском до настоящего

² См.: Семевский М.И. Елизавета Петровна до восшествия своего на престол: 1709–1741 // *Русское слово*. 1859. № 2. С. 209–278; Валишевский К. *Дочь Петра Великого: Ист. исслед.* М., 2002.

³ См.: *Письма русских государей и других особ царского семейства*. Вып. I: *Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною*. М., 1861. С. 13–14. № 19.

⁴ См.: Семевский М.И. Елизавета Петровна ... С. 209–210.

⁵ См., напр., в 1716 г.: *Труды и дни Александра Даниловича Меншикова*. М., 2004. С. 93.

времени не обнаружено. Имеется запись указа Петра I князю М.П. Гагарину от 3 декабря 1709 г. с повелением «для жития нашего в Коломенском вели приготовить избушки две или три, в которых бы тараканов не было».⁶ Кроме этого, сохранились письма царевны Натальи Алексеевны и Марии Вяземской из Преображенского Екатерине Алексеевне за 1711 г. о здоровье Анны и Елизаветы. Можно предполагать, что Ново-Преображенский дворец, построенный в 1688–1689 гг. под руководством Моисея Буженинова, являлся местом пребывания царской семьи до переезда в Петербург и, возможно, рождения Елизаветы Петровны.

Объяснение редкости выбранного для девочки имени, которое не было ни династическим, ни родовым, дал историк Е.В. Пчелов. Он указал, что к 1709 г. имя Елизавета — в галлицизированной форме «Лизетт», в петровской ономастике присутствовало уже трижды. Так именовалась одна из любимых собак царя гладкошёрстный терьер, любимая лошадь персидской породы и шестнадцатипушечная шнява. Таким образом, по мнению историка, рождение дочери накануне празднования Полтавской победы могло опосредованно повлиять на выбор её имени.⁷

Благодаря документам Оружейной палаты мы можем реконструировать мельчайшие обстоятельства организации быта царевича Алексея Петровича в годы его детства и взросления, но для изучения первых лет жизни Анны и Елизаветы такого документального комплекса мы не имеем. Это связано с тем, что девочки были незаконнорождёнными, и их имена не фигурировали в официальной документации. Кроме этого, Дворцовый архив, где могли бы отложиться материалы, сгорел в 1737 г. В этих условиях основным источником является переписка членов царской семьи и доношения вельмож, ответственных за детей.

Заботу об Анне и Елизавете во время постоянных поездок родителей взяла на себя младшая сестра царя — царевна Наталья Алексеевна. Она по-доброму отнеслась к любимой женщине брата, и в письмах к ней постоянно сообщала о здоровье девочек и обо всех событиях, связанных с ними.⁸ 11 марта 1711 г. она писала из Преоб-

⁶ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 4. Л. 85об.

⁷ См.: Пчелов Е.В. Царевна Елизавета Петровна и Полтавский триумф // *Полтавская битва и ее международное значение: Тезисы докладов юбилейной международной научной конференции 17–19 ноября 2009 года*. М., 2009. С. 104–105.

⁸ В одной из первых постсоветских биографий Елизаветы Петровны историк Е.В. Анисимов ошибочно указывал, что Анна и Елизавета во время Прусского похода 1711 г. были поручены А.Д. Меншикову и бегали в его петербургском дворце (См.: Анисимов Е.В. Екатерина I // *Романовы: Исторические портреты: 1613–1762*. Кн. 1: Михаил Федорович — Петр III. М., 1997. С. 353). С. 340–374.

раженского к Екатерине Алексеевне, сопровождавшей царя в Прутском походе: «Известую вам, детки ваши и май в добрам здравии. Были со мною в Чудове и в соборе, и волосы Лизанке сняли. Перевезла их к себе, слава Богу, здорова».⁹ И, о чудо, редкая для исследователей удача — к письму приложен конвертик с прядью детских волос. Можно только предполагать, какие чувства испытали родители, когда получили в тяжёлом военном походе эту драгоценную весточку из дома.

Сложно определить причины этой церемонии. Обряд срезания пряди волос мог быть связан с крещением, но Елизавете уже был 1 год и 3 месяца, что для крещения поздно, а также с традицией не стричь ребёнка до года, а потом обрезать одну прядь. Можно предположить, что обряд в Чудовом монастыре, где крестили младенцев царского рода, в том числе и Петра I, последовал после заключения 7 марта 1711 г. брака царя с Екатериной Алексеевной, но при этом в отношении Анны такой церемонии не провели.

24 июля 1711 г. Наталья Алексеевна писала невестке о новых успехах маленькой Елизаветы: «И царевна Елизовет Петровна починает адна хадить, только еще худо гаварит».¹⁰ Одно из сохранившихся писем позволяет предположить, что Петр I испытывал особое отношение к своей «четверной лапушке». Возможно, дочь была для него своеобразным символом Полтавской победы, которая стала важнейшим поворотным событием Северной войны. Вероятно, в августе 1710 г. Елизавета заболела, или даже существовала угроза её жизни, и царевна Наталья Алексеевна писала к Екатерине Алексеевне: «Да отпишы, свет мой, не печалитца ль братец по Лизетке, ваистинну и я зело печалилась, как услышела, что ана была ему, государю, угодна и бес таво ему печали многа».¹¹

После переезда из Москвы царские дети поселились в выстроенном на берегу Невы в 1711–1712 гг. втором уже каменном Зимнем дворце. Дети подрастали, и вскоре царевне Наталье Алексеевне пришлось заботиться не только об их здоровье и благополучии, но и заниматься организацией обучения. В одном из посланий тётушка, которая сама хорошо писала и отличалась любовью к театру, сообщала Екатерине Алексеевне об успехах племянницы: «Царевна Елизовет Петровна больше гаварит по немецки, нежели по рус-

⁹ Болотина Н.Ю. Эпистолярное наследие женщин царской семьи (первая треть XVIII века) // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах.* [Т. XX]. М., 2011. С. 17. № 6.

¹⁰ Там же. С. 17. № 8.

¹¹ Там же. С. 18. № 10.

ски».¹² Её письменные навыки могли оценить и сами родители, к которым с 1716 г. она стала посылать письма на немецком языке.

В 1715 г. по распоряжению Петра I для обучения царевен Анны и Елизаветы французскому языку был назначен француз Стефан Рамбух (Рамбург), который уже с 1703 г. занимался образованием племянниц царя, дочерей покойного царя Ивана V Алексеевича — Анны и Прасковьи.¹³ Вероятно, он же преподавал девочкам танцы. В 1716 г. «обретался при доме царского величества» некий Поуфлер, «который учит государынь царевен немецкому языку» с жалованьем в 300 руб. В 1717 г. к Анне и Елизавете в качестве наставницы во французском языке была определена мадам де Лануа.¹⁴

После смерти в 1716 г. царевны Натальи Алексеевны заботы о царских детях и внуках были возложены на санкт-петербургских генерал-губернатора князя А.Д. Меншикова и генерал-полицимейстера А.М. Девиера, которые постоянно докладывали родителям о состоянии детей и внуков. Каждые три дня Меншиков писал Екатерине Алексеевне, а в те дни, когда она была не вместе с Петром I, ещё и самому царю. Как правило, он ограничивался общей формулировкой об их «добром здравии», но тяжёлым испытанием для всех стала болезнь Елизаветы оспой.

Сравнивая послания Меншикова Петру I и Екатерине Алексеевне за это время, видно, что царю он не писал о недомогании дочерей. В разгар болезни Елизаветы, 3 мая 1717 г., князь докладывал Петру I о «добром здравии царевича и царевен»,¹⁵ и одновременно писал Екатерине Алексеевне о болезни Елизаветы оспой в лёгкой форме, в связи с чем он изолировал детей.¹⁶ 20 мая Меншиков сообщил царице о выздоровлении Елизаветы и заражении оспой Анны, но Петру I опять же об этом не написал.¹⁷ 27 мая князь

¹² Там же. С. 21. № 20.

¹³ См. его прошение о выплате жалованья: *РГАДА. Ф. 150. 1717 г. Д. 3. Л. 1–2.*

¹⁴ См.: **Пекарский П.П.** *Наука и литература в России при Петре Великом: Исследование П. Пекарского.* Т. 1: *Введение в историю просвещения в России XVIII столетия.* СПб., 1862. С. 161–162; **Семевский М.И.** *Слово и дело!* СПб., 1884. С. 196; *РГАДА. Ф. 150. 1716 г. Д. 7. Л. 2–2об.*; **Соловьёв С.М.** *Сочинения: В 18 кн.* Кн. 9: *История России с древнейших времен.* Т. 17–18. М., 1993. С. 480; Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии (донесения барона Мардефельда, прусского посланника при русском дворе) // *Сб. РИО.* Т. 15. СПб., 1875. С. 236; Донесения французского консула в Петербурге // *Сб. РИО.* Т. 40. СПб., 1884. С. 38–39; **Ковригина В.А.** *Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв.* М., 1997. С. 359.

¹⁵ *РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 308. Л. 96–96об.*

¹⁶ См.: там же. Л. 101–102об.

¹⁷ См.: там же. Л. 112–113.

послал известие о выздоровлении Анны и Елизаветы, у которой осталось 3 пятнышка и «личика своего не попортила».¹⁸ 21 июня Анна и Елизавета окончательно окрепли от болезни и переехали жить в Летний дворец, где праздновали день рождения и именины отца.¹⁹

Во время второго путешествия Петра I и Екатерины Алексеевны в Европу в 1716–1717 гг. началась непосредственная переписка царя с дочерьми. Она продолжалась и во время других частых поездок родителей — на Марциальные воды для лечения, в Персидский поход, в Москву для коронации Екатерины Алексеевны. К тому времени Анна с Елизаветой подросли и могли не только подписываться, но и сами писать на русском и немецком языках.

Первое послание семилетней Елизаветы Петру I с поздравлением по случаю его именин было написано на немецком языке 29 июня 1716 г., и в нём видно сочетание официальных форм и детской непосредственности: «Милостивый государь и отец, желаем Вашему величеству на день его высокого тезоименитства, который мы сегодня празднуем в величайшей радости, всяческом довольстве и, благодаря Бога, в добром здоровье, всяческого счастья, благополучия и благоденствия; да сохранит Великий Бог моего милостивого господина отца в продолжительном здоровье и пошлет нам, чтобы мы могли в скором времени обнять и облобызать его здесь в Санкт-Петербурге».²⁰

Сам Петр I писал детям не часто, подлинных писем сохранилось всего несколько, а остальные в копиях в записных книгах царских указов. Первые письма Петра I к Анне и Елизавете из Амстердама были вызваны радостным событием — рождением 2 января (н.ст.) 1717 г. сына Павла. Всего несколько строк, написанных 4 января Елизавете: «Поздравляю вас с нововыезжим вашим братом Павлом, которой третьяво дни на сей свет выехал в Везеле, а большово поцалуй за меня и за брата».²¹ К печали родителей недоношенный младенец прожил всего несколько часов. Только спустя два месяца Петр I собственноручно написал письмо Елизавете с просьбой поцеловать брата Петра.²²

Трагические события, связанные с бегством царевича Алексея, кажется, подтолкнули Петра I к более активному общению с деть-

¹⁸ Там же. Л. 119–119об.

¹⁹ Там же. Л. 141–142об.

²⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 24. Л. 2. Перевод П.И. Прудовского.

²¹ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 11. Л. 4.

²² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

ми, проявили его отцовские чувства. 2 февраля 1718 г. из Преображенского он послал Елизавете короткую собственноручную записку: «Лизетка, друг мой, здравствуй. Благодарствую вам за ваши письма. Дай Боже вас в радости видеть. Большова мужика, своего брата, за меня поцелуй».²³ Для того, чтобы Петр I мог оценить её успехи в обучении немецкому языку, Елизавета собственноручно написала ему 19 марта 1720 г.: «Пресветлейший, могущественнейший царь, милостивый и сердечно любимый государь и отец, приятные известия, которые я получила о добром благоденствии обоих [ваших] величеств, во все время мне во всем мире радостнейшие».²⁴ Такие учебные детские письма Елизаветы на немецком языке составляют отдельное дело и до настоящего времени ещё не опубликованы.

В письме от 22 марта 1721 г. из Риги Петр I в шутивно-грубоватой форме просил старшую дочь Анну: «Поцелуй за меня Лизетку и большую шумную девчищу Натальищу».²⁵ Как видим, царь был очень нежен к дочерям и не скупился на поцелуи. Изящно поздравила Елизавета отца с Пасхой 10 апреля 1721 г.: «По исследованию покорнейшей моей детцкой должности я оставить не могла сим Вашему царскому величеству мой послушнейший письменный поклон отдать и при том, как наипреданнейше, поздравить наступившую Святою Пасхою».²⁶

Значительно больше сохранилось переписки Екатерины Алексеевны с детьми, в которых видны царящая между ними любовь, нежность, забота, уважительное отношение. Мать подробно писала девочкам о своих поездках с Петром I, сообщала о его здоровье, путешествиях.

Красной нитью через всю переписку проходит тема обучения цесаревен. 31 января 1719 г. Елизавета писала по-немецки матери о своём старании учиться и желала родителям излечения на Марциальных водах: «Покорнейше благодарю за многомилостивое письмо, которое сегодня нам передал его светлость князь Меншиков, и не оставляю притом целовать вашу милостивую руку и письмо. В прочем пребываем мы с его милостью нашим братцем в добром здоровье и прилежно продолжаем наше ученье. При том желаю моему многомилостивому папаше-величеству, так же, как и милостивой матушке-величеству, счастливого и благодетельствующего излечения на водах».²⁷

²³ Там же. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 24. Л. 10.

²⁵ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 14. Л. 21об.

²⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 19. Л. 16.

²⁷ Там же. Д. 24. Л. 5. Перевод П.И. Прудовского.

В марте 1720 г. из Марциальных вод Екатерина Алексеевна сообщила Елизавете о желании родителей, чтобы дети «прилежнее учились» и добавляла: «А как дорогой ваш батюшка к вам прибудет, тогда будет вас прослушивать».²⁸ В другом письме 2 апреля 1721 г. из Риги она обращалась к дочери с пожеланием стараться в учении и писать ей и Петру I «особые грамотки, дабы вас мог похвалить за письмо дорогой ваш батюшка».²⁹ Можно представить с какой радостью, нежностью и гордостью читали эти детские «грамотки» любящие родители, находясь далеко от дома: почти в каждом письме к детям похвалы и поддержка, и очень часто к посланию прикладывались гостинцы.

В своих письмах Елизавета писала матери о разных событиях детской жизни. Большое впечатление на неё произвела поездка в Екатерингоф, где она была вместе с племянниками Петром и Натальей: «согласно милостивому приказанию его величества в прошедшую пятницу развлекались мы в Катариненгофе, хотя случившийся там в субботу дождь не позволил нам долго предаваться этим удовольствиям».³⁰

Анна и Елизавета были очень близки с Меншиковым и его семьёй. Сохранились их совместные письма к князю с благодарностью за сообщения об отсутствующих родителях. Одно из посланий позволяет высказать предположение о том, что с детских лет в девочках проявлялось сострадание. 8 августа 1717 г. они попросили Санкт-Петербургского губернатора освободить от смерти закопанную в землю женщину: «По должной своей вине баба, которая закопана уже ныне не малое время, и при самом часе смерти ея. Того ради вас просим, аще возможно, дабы вы приказали ея от той смерти для здравия государя нашего батюшки, тако ж и государыни нашей матушки, свободить и отослать в монастырь».³¹ Такая жестокая форма смертной казни для женщин, посягнувших на жизнь своих мужей, впервые встречается в Соборном уложении 1649 г. Как известно, именно Елизавета Петровна в 1754 г. ввела мораторий на смертную казнь и как элемент наказания — покаяние в монастыре.

Отдельным сюжетом является история брачных проектов Петра I в отношении своих дочерей. Основным источником для исследования этой темы остаются депеши французских послов А. Лави и

²⁸ Болотина Н.Ю. *Указ. соч.* С. 39. № 9.

²⁹ Там же. С. 40. № 13.

³⁰ РГАДА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 23. Л. 12. Перевод П.И. Прудовского.

³¹ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 560. Л. 1.

Ж. Кампредона. Сохранившиеся в РГАДА доношения посла в Париже князя Б.И. Куракина позволяют более подробно восстановить хронологию событий. Впервые о планах царя выдать Елизавету за французского короля писал 25 июля (н.ст.) 1719 г. французский консул Анри де Лави в депеше к аббату Дюбуа.³² Посланнику эту новость, в свою очередь, сообщил супруг статс-дамы принцесс мадам де Лануа, который мог узнавать при дворе «самые секретные вещи».

Действительно, 1 мая 1721 г. Петр I направил полномочному министру князю В.Л. Долгорукову указ с поручением тайно предложить французскому королю брак с одной из царских дочерей: «Понеже мы в бытность свою во Франции немного заговаривали Виллерюю и маме королевской о сватанье за короля из наших дочерей, а особливо за среднюю [понеже равнолетна ему] но пространно тогда за скорым отъездом не говорили, которое дело ныне вам вручаем, чтоб вы его, сколько возможность допустит, производили, однако ж, чтоб то тайно было от регента, в чем приложите свой труд».³³ Действительно, 29 апреля/10 мая 1717 г. во время знаменитой встречи царя с королём Людовиком XV беседа шла с помощью князя Б.И. Куракина и воспитателя короля маршала Франсуа де Вильюа.

В разгар торжеств по случаю заключения Ништадтского мира и провозглашения Петра I императором 22 октября 1721 г. прибывший в Россию Кампредон подал грамоту короля Людовика XV от 25 августа (н.ст.) с предложением заключить союз с Францией и выдать старшую дочь Анну за сына герцога Филиппа II Орлеанского — Людовика Орлеанского (Louis d'Orleans; 1703—1752), с тем, чтобы он стал польским королём. 8 ноября 1721 г. Кампредон в частном письме назвал аббату Дюбуа способ склонить на свою сторону Петра I через Екатерину Алексеевну, заинтересовав её браком младшей дочери, «очень милой и хорошенькой особы», с одним из французских принцев.³⁴ В своих посланиях Кампредон неоднократно писал о слухах при российском дворе о том, что Елизавету Петровну сватают за французского короля Людовика XV.³⁵

Весной 1722 г. к российскому послу Б.И. Куракину обратился французский маршал де Тессе с идеей заключить брак одной из дочерей Петра I с принцем крови и членом регентского совета Людовиком (Луи Анри) де Бурбоном (1692—1740) с тем, чтобы он

³² Донесения Лави // *Сб. РИО*. Т. 40. С. 39—40.

³³ РГАДА. Ф. 142. Оп. 2. Кн. 11. Л. 188. Расшифровка поверх шифра.

³⁴ См.: Донесения Лави // *Сб. РИО*. Т. 40. С. 304.

³⁵ См.: там же. С. 289, 296—301.

после смерти польского короля Августа II занял его место. Маршал сообщил, что это его личная инициатива и просил всё держать в строжайшем секрете от Кампредона, кардинала Дюбуа и герцога Орлеанского. Отправляясь в конце декабря 1723 г. в Париж, Куракин просил Петра I дать распоряжение на случай продолжения разговоров о таком брачном проекте. Кроме этого, посол сообщал последние новости о намерениях самого Людовика XV не жениться на дочери испанского короля.³⁶

В очередной реляции от 13/24 января 1724 г. Куракин подтвердил неизменность намерений Людовика де Бурбона жениться на императорской дочери.³⁷ Решение Петра I последовало 16 января 1724 г. Собственноручное письмо к Куракину ввиду его особой важности было зашифровано «цифирью» и послано в нескольких экземплярах (дубликат и трипликат): «Пишешь о всех делах. Первое, что дук де Бурбон сватаетца на нашей дочери, другое, что король не хочет женитца на гишпанской. Того ради, зело мы желали, чтоб сей жених нам зятем был. В чем горазда, прошу всевозможные способы к тому употребить твой труд по крайней возможности. А с первым можешь не опаску взять, или иной отлагательно способ употребить ласкавым образом».³⁸ Таким образом, Петр I окончательно решил выдать одну из дочерей за французского короля, но имени Елизаветы он не назвал.

К сожалению, Петру Великому не суждено было присутствовать на свадьбе дочерей. Брак Анны и голштинского герцога Карла Фридриха состоялся уже после смерти отца, а Елизавета так и не вышла замуж, хотя переговоры продолжались ещё несколько лет.

Екатерина I пыталась через Кампредона завершить начатый супругом проект брачного союза. 13 апреля 1725 г. дипломат сообщил графу де Морвиллю о разговоре с императрицей, в котором она высказалась об отъезде испанской инфанты, и последовавшем затем визите Меншикова. Тот передал желание Екатерины I вступить в «тесный союз с королем» и назвал «верное средство сделать этот союз нерасторжимым и на-веки связав неразрывными узами интересы корон русской и французской, поставить их в возможность предписывать законы всем европейским державам» — заключить брак Людовика XV с Елизаветой.³⁹ Кампредон представил все поли-

³⁶ См.: *РГАДА*. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 59. Л. 301–302. Расшифровка.

³⁷ См.: там же. Л. 317–318. Расшифровка.

³⁸ Там же. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 59. Л. 320.

³⁹ Донесения французского полномочного министра при русском дворе, Кампредона, за 1725 г. // Сб. *РИО*. Т. 58. СПб., 1887. С. 112.

тические выгоды от этого союза и высоко оценил внешность девушки, её ум, весёлость и живость, которые делали принцессу способной «проникнуться французским духом».⁴⁰

Новость о выборе Людовика XV в жёны Марии Лешинской императрице Екатерине I сообщил Куракин в письме от 17/28 мая 1725 г., что исключало короля из женихов. Также наш посол напоминал о неизменности желания Людовика (Луи Анри) де Бурбона жениться на цесаревне Елизавете Петровне.⁴¹ К Куракину в Париж 18 сентября 1725 г. был послан портрет Елизаветы, причём кабинет-секретарь А.В. Макаров сетовал: «Зело сожалею, что умедлил оным портретом живописец, ибо писал блиско году, и ныне пред тою персоною государыня цесаревна гораздо стала, полня, и лутче того в персоне».⁴² По-видимому, это был портрет работы известного французского живописца Луи Каравака, которому 31 марта 1724 г. было поручено написать портреты цесаревен Анны и Елизаветы.⁴³

Мы многое не знаем о детских годах императрицы Елизаветы Петровны, но несомненно, что росла в любви родителей и тётушек, была живым и подвижным ребёнком, любила игрушки и украшения. Сравнивая её воспитание и образование с тем, которое давалось царевичу Алексею Петровичу, видно, что для государственной деятельности девочку не готовили — танцы и языки были главными предметами, которые могли пригодиться принцессе в жизни. Своей любимице Петр Великий предназначал брак с королём Франции, но ей было суждено занять трон Российской империи.

Архивные источники

1. РГАДА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 19, 22–24; Ф. 9. Оп. 1. Кн. 4, 11, 14; Ф. 9. Отд. 1. Кн. 53, 59; Ф. 142. Оп. 1. Д. 560; Оп. 2. Кн. 11; Ф. 150. 1717 г. Д. 3; Ф. 150. 1716 г. Д. 7; Ф. 198. Оп. 1. Д. 308.

Литература

2. Анисимов Е.В. Екатерина I // *Романовы: Исторические портреты: 1613–1762*. Кн. 1: Михаил Федорович — Петр III. М., 1997. С 340–374.
3. Болотина Н.Ю. Эпистолярное наследие женщин царской семьи (первая треть XVIII века) // *Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах*. [Т. XX]. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2011. С. 11–69.

⁴⁰ Там же. С. 113.

⁴¹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 59. Л. 352–352об. Расшифровка.

⁴² Там же. Л. 364–364об.

⁴³ См.: там же. Кн. 53. Л. 593.

4. **Валишевский К.** *Дочь Петра Великого: Ист. исслед.* М.: АСТ: Астрель, 2002. 525 с.
5. Дипломатические документы, относящиеся к истории России в XVIII столетии (донесения барона Мардефельда, прусского посланника при русском дворе) // *Сб. РИО*. Т. 15. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1875.
6. Донесения французского консула в Петербурге Лави // *Сб. РИО*. Т. 40. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1884.
7. Донесения французского полномочного министра при русском дворе, Кампредона, за 1725 г. // *Сб. РИО*. Т. 58. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1887.
8. **Ковригина В.А.** *Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII вв.* М.: Археографический центр, 1997. 440 с.
9. **Пекарский П.П.** *Наука и литература в России при Петре Великом: Исследование П. Пекарского*. Т. 1: *Введение в историю просвещения в России XVIII столетия*. СПб.: изд. Товарищества «Общественная польза», 1862. [8], VI, 578 с.
10. *Письма русских государей и других особ царского семейства*. Вып. 1: *Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною*. М.: Тип. Сергея Орлова, 1861. 194 с.
11. **Пчелов Е.В.** *Царевна Елизавета Петровна и Полтавский триумф // Полтавская битва и ее международное значение: Тезисы докладов юбилейной международной научной конференции 17–19 ноября 2009 года*. М., 2009.
12. **Семевский М.И.** Елизавета Петровна до восшествия своего на престол: 1709–1741 // *Русское слово*. 1859. № 2. С. 209–278.
13. **Семевский М.И.** *Слово и дело!* СПб.: Тип. В.С. Балашев и Ко, 1884. 350 с.
14. **Соловьёв С.М.** *Сочинения: В 18 кн.* Кн. 9: *История России с древнейших времен*. Т. 17–18. М.: Мысль, 1993. 671, [1] с.
15. *Труды и дни Александра Даниловича Менишкова*. М.: Российский Фонд Культуры, 2004. 648 с.

Михаил Юрьевич Данков

*Научный руководитель проекта Осударева дорога,
действительный член Русского географического общества,
заслуженный работник культуры Республики Карелия, Петрозаводск*

Диана Анатольевна Протс

*Научный сотрудник,
хранитель музейных коллекций Национального музея Республики Карелия,
Петрозаводск*

Петр Алексеевич, лейб-шнява «Lizett»
и «Четверная лапушка»

Michail Yu. Dankov, Diana A. Prots

Pyotr Alekseevich, Leib Schnau Lizett
and «Hands-and-Knees Sweetie»

Аннотация: В исследовании рассматривается ономастика имени Елизавета, малоизвестная судьба балтийской шнявы «Lizett», а также история юной Елизаветы Петровны. До рождения дочери царь находился под обаянием чуждого для династии Романовых имени. В 1705 г. государь так назвал гладкошёрстного терьера и верховую лошадь персидской породы. 4 июня 1708 г. под командой капитана Я. Валронта в Неву сошёл корабль «Lizette», который приобрёл репутацию семейного судна. Похоже, что Елизавета Петровна получила имя в его честь. Адмиралтейская шнява участвовала в осаде Выборга в 1710 г., крейсировала в Финском заливе, а 20 октября 1716 г. потерпела крушение у берегов Дании.

Abstract: The study addresses onomastics of the name Elizabeth, the little-known history of the Baltic schnau (a small sailing ship) Lizett, as well as the history of young Elizaveta Petrovna. Before the birth of his daughter, the monarch was under the charm of the name alien to the Romanovs' dynasty. In 1705 the

sovereign named so his smooth-haired terrier and his riding horse, a Persian breed. On June 4th 1708, under the command of captain Y. Valront the ship Lizett got off into the Neva river and gained a character of a family vessel. It seems that Elizaveta Petrovna was named after it. The admiralty schnau participated in the siege of Vyborg in 1710, cruised in the Gulf of Finland and on October 20th 1716 was wrecked off the coast of Denmark.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, терьер «Лизетка», верховая лошадь «Лизетта», шнява «Лизетт», Я. Валронг.

Keywords: Elizaveta Petrovna, terrier Lizett, horse Lizett, Schnau Lisett, Y. Valront.

Проникновение блистательного имени «Елизавет»¹ в бытовую и дворцовую жизнь дома Романовых в нач. XVIII столетия является прецедентом в исторической ономастике и антропонимике России. Славянская форма имени Олисава (в кругу славы) в русской княжеской традиции появилась ещё в XI в. при киевском князе Ярославом Мудрым, который обручил дочь Лисавету с норвежским конунгом Харальдом. Вскоре имя переросло в скандинавское Эллисив и англосаксонское Элисабет.² Потребовалось восемь столетий, чтобы Петр I вернул архаическое имя в повседневную российскую реальность. С 1705 г. любимая собака «аглинской» породы³ стала величаться царём «Лизетка», а верховая лошадь — «Лизетта».⁴

Вскоре, 30 ноября 1707 г., была заложена «sshнауве «Lizett»⁵, которая через год превратилась в фамильный царский корабль,⁶ а в 1710 г. в Воронеже появилась ещё одна шнява «Лизетт».

¹ Анисимов Е.В. *Елизавета Петровна*. М., 1999. С. 44.

² До XVI в. имя Елизавета в русских источниках исследователи не фиксируют, сведения о Лисавете, дочери князя Ярослава, извлечены из западноевропейских сочинений, исландских саг и «Анналов или хроники великих королей Польши» Я. Длугоша (XV в.).

³ Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого // *Петр Великий: Воспоминания: Дневниковые записи: Анекдоты*. СПб., 1993. С. 280.

⁴ Пчелов Е.В. Имена в семье Петра Великого // *Труды ГЭ. Т. 58: Петровское время в лицах—2011: Мат-лы научн. конф.* СПб., 2011. С. 310—312.

⁵ Адмиралтейскую лейб-шняву «Лизетт» современники и исторические авторы отмечают по-разному: «Лизет», «Лизета», «Лизетт», «Лизетта», «Лизетка», «Liset», «Lizett», «Lisette».

⁶ Данков М.Ю. Балтийская «Sshнауве Lisette» // *Труды ГЭ. Т. 64: Петровское время в лицах—2012: Мат-лы научн. конф.* СПб., 2012. С. 124—132; Данков М.Ю. Загадочная балтийская шнява «Лизет» // *Гангут: Сб. статей*. № 69. СПб., 2012. С. 109—125; Данков М.Ю. Загадки семейного корабля государя Петра I // *Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России*. Вып. 5: *Мат-лы межрегион. научно-практич. Конф. 6—7 апреля 2012 года*. Котлас, 2012. С. 88—100; Данков М.Ю. Судьба адмиралтейской шнявы царя Петра:

Младшая дочь государя, «четверная лапушка»⁷, будущая императрица России, получила имя Елисавет лишь 18/29 декабря 1709 г. Звучит парадоксально, но, похоже, дочь наречена в честь «доброй пропорции» изящного корабля «Лизетт» и имён-кличек четвероногих друзей царя Петра.⁸

Действительно, имя «привлекательной и весёлой» царевны⁹ вторично, при этом не вполне понятна взаимосвязь зоонимов и карбонимов с именем царской дочери, что требует дополнительных рассуждений.¹⁰ Так почему имя «Лисавета»/«Лизетт»/«Лизетта»/«Лизетка» оказалось комфортно для российского совсем не сентиментального самодержца? Знал ли монарх, что имя Лизетта, связанное с «благородной, но искушающей дамой», появилось в литературной Европе ещё в XIII в. во флорентийских сонетах Данте Алигьери? Мог ли видеть или слышать о «Портрете госпожи Лизы дель Джоконда», созданной в 1505 г. Леонардо да Винчи?

В реальности тяга царя к имени Елизавета окутана недомолвками, оно выпадает из династического ряда и не соотносится со святыми. Во всяком случае, именины, соотносимые с тезоименитством Праведной Елизаветы, матерью Иоанна Крестителя, приходятся на 5 сентября.¹¹

В петровской России прозвище «Лизетт» или «Лизетка» появилось в марте 1705 г., когда А.Д. Меншиков подарил в Полоцке царю рыжего гладкошёрстного терьера. О кличке собаки в форме «Лизетт Даниловна» мы узнаём из депеши Петра I от 24 марта 1706 г. генерал-аншефу А.Д. Меншикову.¹² Государь обожал «встречающую и прыгающую около себя собачку» и, возвращаясь из Сената, непременно гладил её. При этом наставлял, если бы упрямцы были «послушны как Лизета», тогда «не гладил бы я их дубиною». «Моя

О таинственном корабле «Лизетт» на Балтике // *Краеведческие чтения: Мат-лы VI научн. конф. 16–17 февраля 2012 г.* Петрозаводск, 2012. С. 21–31.

⁷ ПиБ. Т. 10: *Январь-декабрь 1710 года.* М.; Л., 1956. С. 120.

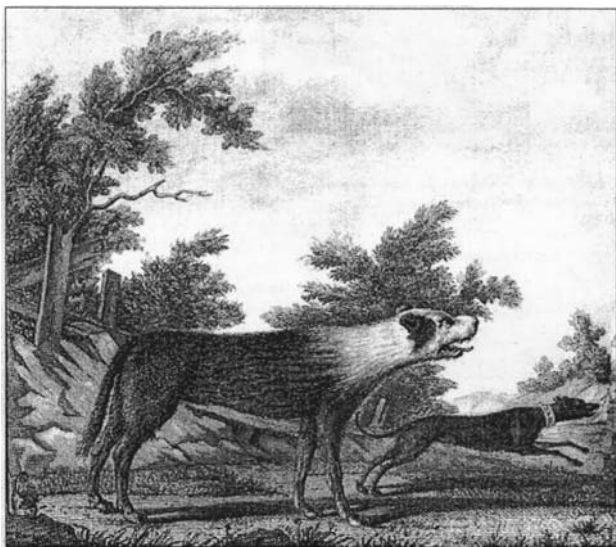
⁸ Один из авторов статьи корректирует ошибочное мнение о шняве «Лизетт», якобы названной в честь Елизаветы Петровны. См.: **Данков М.Ю.** Выражи судьбы английского командора в петровской России // *Труды ГЭ. Т. 58: Петровское время в лицах–2011: Мат-лы науч. конф.* СПб., 2011. С. 130.

⁹ **К.Н.В. [Карнович Е.П.]** Императрица Елизавета Петровна и король Людовик XV // *Исторический вестник, 1884.* Т. 16. № 8. С. 347.

¹⁰ **Попов Ю.М.** *Имяобразование кораблей Российского флота во времена царствования Петра I.* Воронеж. 2010.

¹¹ **Рыбакин А.И.** *Словарь английских личных имён.* М., 2000. С. 78.

¹² **Слепкова Н.В.** Тиран Петра Великого // *Лев.* 2005. № 1. С. 8–11.

Гравюра «Тиран и терьер Лизетта». XVIII в.

собачка слушает без побой», значит у неё «более догадки» чем у многих нерадивых.¹³

Царь одарил «Лизетку» преображенским, тёмно-зелёным бархатным ошейником¹⁴ с накладной серебряной пластиной в виде «обручика»¹⁵ с золотыми буквами «За верность не умираю». Пластина и накладные буквы сохранились в Государственном Эрмитаже и недавно отреставрированы С.А. Смирновым.¹⁶ «Лизетка» прожила долгую собачью жизнь и умерла в 1721 г. По легенде, чучело терьера изготовил сам хозяин и «помемория» находилась в Кунсткамере, а в 1953 г. оказалась в экспозиции Зоологического музея РАН.

¹³ Нартов А.К. *Указ. соч.* С. 280.

¹⁴ [Берхгольц Ф.В.] *Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца: 1721–1715.* М., 1902. Ч. 1. С. 32; Охлябинин С.Д. *Из истории российского мундира.* М., 1996. С. 27.

¹⁵ [Беляев О.П.] *Кабинет Петра Великого: Издано по Высочайшему повелению, Императорской Академии Наук унтер-библиотекарем Осипом Беляевым. В 3 отд.* Отд. 1.: содержащее в себе подробное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий, и всех вообще достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, и ныне в Санктпетербургской Императорской Академии наук Кунсткамере сохраняющихся, с присовокуплением к ним четырех гравированных фигур. 4 л. иллюстрации. СПб., 1800.

¹⁶ Смирнов С.А. Ошейник Лизетты // *Наука и жизнь.* 2016. № 12. С. 66–70; Типикина Е.Н. Новая жизнь ошейника Лизетты // *Лев.* 2005. № 3. С. 11–13.

Лошадь Государя Петра Великого Лизетта.
Гравюра И.С. Клаубера. XVIII в.

Среди петровских зоонимов изумительно звонкая кличка «Лизетт» принадлежала, пожалуй, самой известной в русской истории скаковой лошади рыжего окраса, возможно, ахалтекинской породы.¹⁷ При этом О.П. Беляев, служитель Кунсткамеры, в конце XVIII в. заявил: «лошадь сия есть жеребец персидской породы».¹⁸ Считается, что она была куплена за «100 голландскихъ червонцовъ»¹⁹ 12 августа 1705 г. в «курени у маркитантов» под Ригой.²⁰

За день «Лизетт» могла «перебегать 150 верст» без «вреда и надсады».²¹ Обожаемая кобыла находилась с монархом в 1709 г. в Пол-

¹⁷ Слепкова Н.В. Рыжая лошадь государева седла // *Лев*. 2005. № 2. С. 22–26.

¹⁸ [Беляев О.П.] *Указ. соч.* Отд. 1. Ч. 2. С. 122.

¹⁹ Там же.

²⁰ Слепкова Н.В. Рыжая лошадь государева седла. С. 22–26.

²¹ [Беляев О.П.] *Указ. соч.* Отд. 1. Ч. 2. С. 122.

Молвинская колонна у входа в Екатерингофский парк со стороны р. Таракановки. Арх. О. Монферран. 1824.
Фото www.tripadvisor.ru

тавском сражении, в 1711 г. Прутском и в 1722–1723 гг. в Персидском походах. Один из мифов Петербурга связан с шестиметровой гранитной Молвинской колонной, якобы надмогильным памятником «Лизетт», вблизи Екатерингофского парка на берегу р. Таракановки.²²

К своей дочери, появившейся за несколько дней до вступления в Москву русской армии с пленными шведскими солдатами, царь проявлял особую слабость. Он предсказывал ей исключительную судьбу, мечтал, чтобы, повзрослев, Елизавета Петровна стала королевой Франции. Несколько раз инициировались переговоры о возможном браке «хорошенькой и шаловливой» дочери царя Петра с

²² Синдаловский Н.А. *Легенды и мифы Санкт-Петербурга*. СПб., 2008. С. 81.

Портрет дочерей Петра I Анны и Елизаветы.
Пер. пол. XVIII в. Неизвестный художник.
Музей изобразительных искусств Республики Карелия

«наихристианнейшим величеством»²³ Людовиком XV. Особую роль Елизавета стала играть, как сообщал голштинский граф Г.-Ф. Бассевич, после своего 12-летия, связанного с Ништадским миром, когда государь в декабре 1721 г. обрезае «помочи с лифа ее робы» и объявил «принцессу совершеннолетней».²⁴

О юной «дщери Петровой»²⁵ и «разбойнице»²⁶, как её называл царь, интересные заметки оставил французский дипломат Ж. де Кампредон, мол, «она достойна <...> жребия» быть «украшением версальских собраний».²⁷ Именно такой юная Елизавета с сестрой Анной изображена на малоизвестном полотне кисти неизвестного

²³ К.Н.В. Указ. соч. С. 346.

²⁴ [Бассевич Г.-Ф.] Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича // *Петр Великий: Воспоминания: Дневниковые записки: Анекдоты*. СПб., 1993. С. 165.

²⁵ Балязин В.Н. *Петр Великий и его наследники*. М., 2007. С. 121.

²⁶ Горбатенко С.Б. Петровский Екатеринбург // *Памятники истории и культуры Петербурга: Исследования и материалы*. Вып. 4. СПб., 1997. С. 26.

²⁷ К.Н.В. Указ. соч. С. 351.

художника, которое находится в собрании КМИИ²⁸ в Петрозаводске. Государь мечтал, чтобы младшая дочь Елизавета после переезда домочадцев в строящийся Питербурх, искренне полюбила морской простор. Ещё в 1708 г., когда шли испытания шнявы «Лизетт», Петр заверял генерал-адмирала Ф.М. Апраксина: «Я приучаю семейство мое к воде» для того, чтобы «кто хочет жить со мною», тот непременно обязан «часто бывать на море».²⁹

Идея строительства корабля созрела «мая 20 дня 1707 года», когда царь из ставки русской армии на территории Речи Посполитой, из «местечка Якубовичев от Люблина в полумиле»,³⁰ обязал «шхипмана» Ф.М. Склаева приступить в Санкт-Петербургском Адмиралтействе к делу. Царь-шкипер вразумлял: «Я знаю, что уже бригадины у Вас в отделке», поэтому необходимо безотлагательно «приняться за Лизету». Удивительно, ещё несуществующее судно уже получило историческое имя. «Капитан-командор»³¹ указывал мастеру, как делать корабль: «у шпангоутов обе стороны», которые «вдоль корабля обтесать» а «которые вон и внутрь не обтесывать» и «штевни приискать и киль, а не тесать».³²

Любопытно, что после указания строить «Лизетт», 10 июня 1706 г. в Якубовичах разразился невообразимый скандал, когда царь, защищая А.Д. Меншикова, вызвал прусского резидента Г.И. фон Кейзерлинга на шпажную дуэль. Якобы «светлейший» указал будущему супругу А.И. Монс, что та «подлая публичная женщина, с которой» он сам «развратничал».³³ Дело было «замято», но событие поразило дипломатический мир Европы.³⁴

Между тем, «артельщик» Ф.М. Склаев, кому государь поручил строить «Лизетт», безусловно, имел высокий статус. Исходя из «Ведомостей о жалованье адмиралтейских служащих» за 1710 г., мастер получал 800 рублей в год.³⁵ Не случайно пленный финский швед

²⁸ КМИИ КП–456 (Музей изобразительных искусств Республики Карелия), инв. № Ж-95.

²⁹ Нартов А.К. Указ. соч. С. 306.

³⁰ Собрание писем Императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оные. Ч. 1. СПб., 1829. С. 32.

³¹ Дыгало В.А. Флот государства Российского: Откуда и что на флоте пошло / Под ред. капитана 1 ранга И.Ф. Цветкова. М., 1993. С. 312.

³² Собрание писем Императора Петра I-го ... С. 32.

³³ Балязин В.Н. Указ. соч. С. 24–25.

³⁴ Кейзерлинг Г.И., фон. Дешети королю Фридриху: 1707 (Под загл.: Георг Иоганн фон-Кейзерлинг, представитель короля прусского при дворе Петра Великого) // Русская старина. Т. 5, № 6. СПб., 1872. С. 803–844.

³⁵ МИРФ. Ч. 3, отд. 2. № 3. СПб., 1866. С. 243.

Адмиралтейство на Неве.

Худ. К.П. Бегров по рис. К.Ф. Сабата и С.П. Шифляра. 1820-е гг.

Л.Ю. Эренмалм сообщал, что кораблестроитель «по имени Федосей (Fedosse) <...> порядочно искусен» и «его очень любил царь».³⁶

Как бы там ни было, 30 ноября 1707 г.³⁷ на эллинговом дворе Адмиралтейства была торжественно заложена шнява «Лизетт». За неделю до события, 23 ноября 1707 г., в день тезоименитства А.Д. Меншикова при К.И. Крюйсе адмирал Ф.М. Апраксин вручил Ф.М. Складу «пас мастерский» и пожаловал чином поручика морского флота со званием корабельного мастера. Между тем, современный историк П.А. Кротов, опираясь на царские депеши к Ф.М. Апраксину от 9 и 15 июля 1706 г. о «новозачатом» корабле,

³⁶ *Архив СПбИИ РАН* (микрофильм). Ларс Юхан Эренмалм: Состояние России при Петре I // **Ehrenmalm L.J.** *Rysslands tillstand under Peter I*. P. 63. Подлинный список работы Н-195 находится в рукописном отделе Библиотеки Упсальского университета. См. также: **Беспярых Ю.Н.** *Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в.* (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмалм). СПб., 1998. С. 245, 396.

³⁷ **Елагин С.И.** *Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого, 1702–1725*. СПб., 1867. С. 32; **Веселаго Ф.Ф.** *Общий морской список. Ч. 1: От основания флота до кончины Петра Великого*. СПб., 1885. С. 5.

полагает, что «Лизетт» могли заложить в июне-июле, либо в ноябре 1706 г.³⁸

Через полгода, 14 июня 1708 г.,³⁹ накануне дня первоверховных св. апп. Петра и Павла, под звуки литавр и труб, сливавшихся «с шумными восклицаниями народа»,⁴⁰ шнява «Лизетт» сошла «зело изрядно» в воду. Тогда государь отписал А.Д. Меншикову: «ныне будем оную искушать на море», к тому же «при спуске оной гораздо веселились».⁴¹ Один из самых совершенных парусников без юта и полубака с «розмерениями» в длину 76 футов (23,16 м) и ширину 22 футов (6,7 м),⁴² с командой в 90 «морских служителей»⁴³ был задуман для крейсерства в Балтийском море.

«Штучный» корабль имел необычное парусное вооружение, что подтверждают гравюры П. Пикарта с изображением 3-х мачтовой «Лизетт» у шведского Выборга, когда на борту находился *chevalier de Michailow*»,⁴⁴ и у о. Борнхольм. В разное время на квар-деке «Lisett» находилось от 14 орудий⁴⁵ до 18 пушек, о чём свидетельствует «Роспись судов <...> за скрепою» вице-адмирала К. Крюйса.⁴⁶

Первым капитаном шнявы стал «комендор» Я. Валронт, английский моряк, чья приключенческая биография началась в 1698 г. в Архангельске. Осенью 1702 г., после десанта на Вардегорском мысу Белого моря и начала марша по «Осударевой дороге» в Ижорию, капитан вместе с К. Крюйсом отправлен в Амстердам, «дабы» для русского флота «людей <...> наймывать».⁴⁷ В 1704 г. моряк вернулся из «terra zabugornia» и на десятилетия связал свою жизнь с Карелией и Балтикой. Сначала англичанин назначен был экипажмейстером Олонецкой верфи, а весной 1709 г. поднялся на мостик фамильной

³⁸ Кротов П.А. Первая кораблестроительная программа Балтийского флота 1703 года // *История отечественного судостроения*. Т. 1: *Парусное и деревянное судостроение IX–XIX вв.* Гл. 9. СПб., 1994. С. 106.

³⁹ Андреева Е.А., Тронь А.А. *Рождение Петербурга*. СПб., 2011. С. 168.

⁴⁰ [Берхгольц Ф.В.] *Указ. соч.* С. 186.

⁴¹ ПиБ. Т. 7: *Январь и июнь 1708*. Вып. 1. Пг., 1918. С. 212.

⁴² Елагин С.И. *Список судов Балтийского флота ...* С. 32.

⁴³ [Юль Ю.] Записки Юста Юля, Датского посланника при Петре Великом: 1709–1710 г. / Пер. с датского Ю.Н. Щербачёва // *Русский архив*. Кн. 2, вып. 5. М., 1892. С. 40.

⁴⁴ [Юль Ю.] *Записки Юста Юля ...* Кн. 2, вып. 7. 1892. С. 327.

⁴⁵ [Ден Дж.] *История российского флота в царствование Петра Великого* / Пер. с неиз. англ. рукописи гр. Е. Путятин. СПб., 1897. С. 16.

⁴⁶ [Юль Ю.] *Записки Юста Юля ...* Кн. 2, вып. 5. 1892. С. 40.

⁴⁷ Елагин С.И. *История русского флота: Период Азовский: Приложения*. Ч. II. Прил.V. СПб., 1864. С. 253, 264.

Шнява «Лизетт». 1710-е гг.
Гравюра П. Пикарта

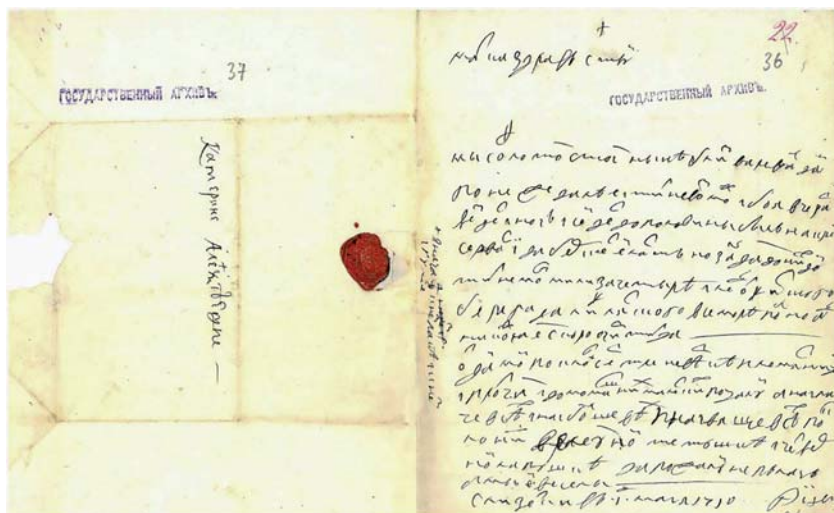
шнявы «Лизетт» и стал «придворным» капитаном.⁴⁸ Сохранились его депеши от 29 и 30 октября и 5 ноября 1711 г. с борта «Лизетт» петербургскому генерал-губернатору А.Д. Меншикову, которые повествуют о положении русского флота у Кроншлота.⁴⁹

Однако нам интересно, что государь, находясь на шняве «Лизетт» под командой Я. Валронта, 1 мая 1710 г. отправил депешу супруге, в которой трогательно вспомнил о 4-месячной Елизавет. Необычная корреспонденция началась с армейской сводки: «Матка, здравствуй. Мы со флотом» стоим, а «вчера везь день и ночь и сей день до половины» были «на крейсерваньи». И сразу с нескрываемой нежностью царь вспоминает, а «домашних маленьких поцалуй. А наипаче всех <...> поклонись» ползающей на четвереньках малолетней дочери Елизавете, которую ласково он назвал «четверная лапушка». Так с корабля «Лизетт» царь «Ритер»,⁵⁰ отдал дань юной Елизавете, которая позже вместе с матерью по просьбе «глав-

⁴⁸ Данков М.Ю. Вирази судьбы английского командора в Петровской России. С. 121–136.

⁴⁹ МИРФ. Ч. 1. СПб., 1865. С. 261, 364.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 4. Д. 8. Ч. 1. Л. 36 (подлинный автограф); См. также: Пуб. Т. 10. С. 120.

Письмо Петра I супруге Екатерине Алексеевне «о четверной лапушке».
1 мая 1710. РГАДА. Ф. 4. Д. 8. Ч. 1. Л.36;
Либ. Т. 10. М., 1956. С. 120

ного шкипера» страны, подавляя страх, будет подниматься на палубу «Лизетт».

Своеобразие корабля заключалось в том, что адмиралтейская шнява «Lisette» задумывалась не только для морского боя, но скорее для семейных прогулок в Финском заливе. Судно мгновенно завоевало репутацию плавающей резиденции первого лица страны с «конфиденцией» и царскими утехами. Датский посланник Ю. Юль одним из первых понял значение, которое царь Петр придавал любимому судну. В своей записке от 20 июля 1710 г. дипломат отметил: «лейб-шнява Лизета» вернулась в столицу, и государь к полудню дал сигнал чтобы «в крепости подняли штандарт», отслужили литургию и с бастионов и валов устроили «выстрелы из всех орудий».⁵¹

Это значит, общественная жизнь Петербурга не могла начаться ранее, чем отмашка с царской шнявы. Кроме того, корабль использовался как госпиталь или санаторий на воде. Голштинский граф Г.-Ф. Бассевич замечал, что при недомогании государь, чтобы «возстановлять здоровье <...> редкий день пропускал»,⁵² чтобы на «Ли-

⁵¹ [Юль Ю.] *Записки Юста Юля* ... Кн. 3, вып. 9. 1892. С. 11.

⁵² [Бассевич Г.-Ф.] *Записки графа Бассевича служащие к сведению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713–1725)* // *Русский*

зетт» не подышать «морским воздухом». Здесь, на пути к Кроншлоту Петр пытался «развлечься и отдохнуть от умственных занятий».⁵³

Также представляет интерес «дохтурская» депеша с борта шнявы «Лизетт» на имя А.Д. Меншикова от 27–28 июня 1710 г., в которой государь, озабоченный эпидемией чумы в Нарве, обязал Я.Н. Римского-Корсакова складировать провиант «на полях», чтобы «оной был некоторое время на ветре». При этом К.Г. Иваницкий обязывался поставить войска под Ревелем на удалении и «на карантине».⁵⁴

Однако «Лизетт» не раз оказывалась разгульным балтийским кабаком. Ю. Юль, дипломат короля Фредерика IV, с печалью 2 мая 1710 г. сообщал о бражной компании, когда захмелевший Петр полез за ним на «фокванты держа в зубах <...> стакан». Затем 21 мая посол в компании Р.В. Брюса, Ф.М. Апраксина и других, стал очевидцем «такой великой и здоровой попойки и пьянства», каких на «Лизетт» никогда «еще не бывало». Тогда датчанин не «успел отвалить» и ему в аффекте пришлось «выхватить из ножен шпагу». До кровопролития скандал не дошёл, но государь «в грубых выражениях пригрозил», и через сутки Юль извинялся, мол, дважды пытался съехать с «Лизеты» и «если меня отпустили тогда же, всего этого не случилось бы».⁵⁵

Самое неприятное, что «ариер-адмирал дворянин Михайлов»⁵⁶ не чурался использовать семейный корабль в качестве балтийского «эшафота». С «неистойвой жестокостью»⁵⁷ и хладнокровием он выносил смертельные приговоры, после которых провинившихся людей казнили прямо на борту шнявы. В августе 1710 г. Ю. Юль стал свидетелем судилища над тремя дезертирами. Тогда шаутбенахт «велел <...> метать жребий о виселице» и потребовал несчастного поднять «на веревке к палачу», который на фок-мачте ожидал экзекуцию. После приговора и «утешения» морским священником обречённый «без печали» крестился, точно не видел в повешении «ничего горького».⁵⁸

В ноябре 1710 г. «лейб-яхта, называемая “Лизетта”»,⁵⁹ как ни странно, способствовала укреплению династических традиций.

архив / Пер. с франц. И.Ф. Аммона, предисл. к русскому переводу П.И. Бартенева. Изд. 2. М., 1867. Стб. 197.

⁵³ [Юль Ю.] *Записки Юста Юля* ... Кн. 3, вып. 9. С. 14.

⁵⁴ *ПиБ*. Т. 10. № 3900. С. 256–257.

⁵⁵ [Юль Ю.] *Записки Юста Юля* ... Кн. 2, вып. 8. 1892. С. 505.

⁵⁶ [Юль Ю.] *Записки Юста Юля* ... Кн. 2, вып. 7. 1892. С. 327.

⁵⁷ Цит. по: Павленко Н.И. *Петр Первый и его время*. М., 1989. С. 36.

⁵⁸ [Юль Ю.] *Записки Юста Юля* ... Кн. 3, вып. 9. 1892. С. 16.

⁵⁹ [Вебер Ф.Х.] *Записки Вебера* // *Русский архив*. 1872. Вып. 9. Стб. 1687.

Событие связано со свадьбой царевны Анны Иоанновны и курляндского герцога Фридриха Вильгельма. Государь на правах «маршала» после зазданных чаш требовал производить «по 13 выстрелов»⁶⁰ из орудий с борта фамильной шнявы «Лизетт», стоящей на Неве напротив деревянного дворца Меншикова.

После Я. Валронта к штурвалу корабля в 1711–1712 гг. встал Х. Гельма, с весны 1712 до июля 1713 г. капитаном «Лизетт» в чине лейтенанта был И.А. Сенявин, а до 1716 г. голландец на русской службе, капитан-лейтенант К. фон Верден. В последний год, во главе судна находились Д. Башилов, лейтенант С.К. Фальк и капитан-командор П. Сиверс.

Безусловно, балтийский корабль «Лизетт», соотносимый с именем царевны, приносил государю не только увеселение, но также боевой фарт, достойно защищая интересы молодой России.

Особая роль шнявы связана с 1716 г., когда монарх возглавил русский, датский, голландский и английский флота, чтобы организовать интернациональный десант в низменной Сконии на юге Швеции. В этот момент шаутбенахт Петр Михайлов не раз стоял у штурвала «Лизетт». Однако нерешительность датчан сорвала десантную операцию и русский флот с царём, обидевшимся что «болтаемся туне», в октябре отошёл к Копенгагену и вскоре через Росток вернулся в Кроншлот. Тогда же шнява «Лизетт» в проливе Штральзунд была обстреляна, потеряла две реи и вынужденно встала на ремонт, чтобы «до льда» провести крейсерские манёвры.

Вплоть до печального финала на капитанском мостике «Лизетт» стоял герой «Осударевой дороги», вскоре шведский пленник и один из шаферов на свадьбе Петра и Екатерины I, человек несказанной отваги, капитан-поручик И.К. Муханов.

Адмиралтейский корабль с царским именем потерпел крушение 20 октября 1716 г. в районе датского Стефенсгофа (Стевенс). «Однако ж великий шторм» и шквальный ветер сорвал судно с якоря и швырнул «на подводные камни, где глубины было 8 ф., и на тех камнях разбило».⁶¹ Экипаж и капитан И. Муханов чудом выбрались из передраги и остались живы. Позже с «раскатанной» по брёвнышку «Лизетт» были «поддернуты» несколько пушек, но поднимать сам корпус не стали. Может быть сейчас, спустя три столетия, стоит задуматься о возможности спасательной операции в водах Дании, чтобы поднять мемориальную шняву «Лизетт»?

⁶⁰ [Юль Ю.] *Записки Юста Юля* ... Кн. 3, вып. 9. 1892. С. 36; См. также: Андреева Е.А., Тронь А.А. *Указ. соч.* С. 172. Упоминается, что со стоящей напротив дворца шнявы «Лизеты»... раздавалось от 11 до 14 выстрелов.

⁶¹ Елагин С.И. *Список судов Балтийского флота* ... С. 41.

Между тем, в петровском флоте существовало две однотипные шнявы «Лизетт». Второй корабль был заложен на Воронежской верфи в 1710 г. английским мастером С. Робинсоном и «первым из русских учеников» И. Немцовым.⁶² Судно для Азовской флотилии⁶³ спустили на воду в июне 1711 г., но воронежский корабль, возглавляемый капитан-командором П.П. Бредалем, показать себя в деле не успел. После расформирования в 1712 г. русского флота и неудачной попытки переправить «Лизетт» из Таганрога на Балтику, шнява с кораблями «Гото Предестенация», «Ласточка» и «Мункер», была продана туркам за 27 167 венецианских червонцев.⁶⁴

В завершение подтвердим, имя будущей императрицы Елизаветы Петровны в начале XVIII столетия действительно оказалось популярным и знаковым не только при дворе. Об этом свидетельствует трогательная тяга «ариер-адмирала» к красивому имени Елизавета, клички любимых животных и почти неизвестная история балтийской и воронежской шнявы «Лизетт».⁶⁵

Архивные источники

1. *Архив СПбИИ РАН* (микрофильм). Ларс Юхан Эренмальм: Состояние России при Петре I // *Ehrenmalm L.J. Rysslands tillstand under Peter I*. P. 63.
2. *Архив СПбИИ РАН*. Ф. 270. Оп. 1. Д. 82.
3. *РГА ВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 20.
4. *РГАДА*. Ф. 4. Д. 8. Ч. 1. Л. 36.

Литература

5. **Андреева Е.А., Тронь А.А.** *Рождение Петербурга*. СПб.: Лики России, 2011. 184 с.
6. **Анисимов Е.В.** *Елизавета Петровна*. М.: Молодая гвардия, 1999. 426 с. — (ЖЗЛ).
7. **Балязин В.Н.** *Петр Великий и его наследники*. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 224 с.
8. **[Бассевич Г.-Ф.]** Записки графа Бассевича служащие к сведению некоторых событий из времени царствования Петра Великого (1713–1725) //

⁶² **Богатырёв И.В.** Судостроительная база Азовского флота в 1700–1724 гг. // *Судостроение*, № 8. 1987. С. 57–60.

⁶³ *РГА ВМФ*. Ф. 233. Оп. 1. Д. 20. Л. 111–114.

⁶⁴ **Елагин С.И.** *История русского флота*: ... Ч. II. Прил. IV. С. 129, 131.

⁶⁵ Примеч. науч. ред.: Узнав о гибели «Лизетт», Петр предписал 22 ноября капитан-поручику Ивану Калинин: «если невозможно снять, вели ее разбить, также сними у ней заране с кормы фигуру собачки и потпись вели стесать» (*Архив СПбИИ РАН*. Ф. 270. Оп. 1. Д. 82. Л. 526).

- Русский архив* / Пер. с франц. И.Ф. Аммона, предисл. к русскому переводу П.И. Баргенева. Изд. 2. М., 1867.
9. [Бассевич Г.-Ф.] Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича // *Петр Великий: Воспоминания: Дневниковые записки: Анекдоты*. СПб., 1993.
 10. [Беляев О.П.] *Кабинет Петра Великого: Издано по Высочайшему повелению, Императорской Академии Наук унтер-библиотекарем Осипом Беляевым. В 3 отд.* Отд. 1.: содержащее в себе подробное описание воскового его величества изображения, военной и гражданской одежды, собственноручных его изделий, и всех вообще достопамятных вещей, лично великому сему монарху принадлежавших, и ныне в Санктпетербургской Императорской Академии наук Кунсткамере сохраняющихся, с присовокуплением к ним четырех гравированных фигур. 4 л. иллюстрации. СПб., 1800. [8], 215 с. 4 л. ил.
 11. [Беляев О.П.] *Указ. соч.* Отд. 1. Ч. 2. С. 122.
 12. [Берхгольц Ф.В.] *Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца: 1721–1715*. М.: Унив. тип., 1902. Ч. 1. С. 32.
 13. Беспятых Ю.Н. *Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм)*. СПб.: Блиц, 1998. 480 с.
 14. Богатырёв И.В. Судостроительная база Азовского флота в 1700–1724 гг. // *Судостроение*, № 8. 1987. С. 57–60.
 15. [Вебер Ф.Х.] Записки Вебера // *Русский архив*. 1872. Вып. 9.
 16. Веселаго Ф.Ф. *Общий морской список*. Ч. 1: *От основания флота до кончины Петра Великого*. СПб.: Тип. В. Демакова, 1885. 454 с.
 17. Горбатенко С.Б. Петровский Екатерингоф // *Памятники истории и культуры Петербурга: Исследования и материалы*. Вып. 4. СПб., 1997.
 18. Данков М.Ю. Балтийская «Sshnauwe Lisette» // *Труды ГЭ*. Т. 64: *Петровское время в лицах—2012*: Мат-лы научн. конф. СПб.: Изд. ГЭ, 2012. С. 124–132.
 19. Данков М.Ю. Виражи судьбы английского командора в петровской России // *Труды ГЭ*. Т. 58: *Петровское время в лицах—2011*: Мат-лы науч. конф. СПб.: Изд. ГЭ, 2011. С. 121–136.
 20. Данков М.Ю. Загадки семейного корабля государя Петра I // *Проблемы развития транспортной инфраструктуры Европейского Севера России*. Вып. 5: *Мат-лы межрегион. научно-практич. Конф. 6–7 апреля 2012 года*. Котлас, 2012. С. 88–100
 21. Данков М.Ю. Загадочная балтийская шнява «Лизет» // *Гангут: Сб. статей*. № 69. СПб., 2012. С. 109–125.
 22. Данков М.Ю. Судьба адмиралтейской шнявы царя Петра: О таинственном корабле «Лизет» на Балтике // *Краеведческие чтения: Мат-лы VI научн. конф. 16–17 февраля 2012 г.* Петрозаводск, 2012. С. 21–31.
 23. [Ден Дж.] *История российского флота в царствование Петра Великого* / Пер. с неиз. англ. рукописи гр. Е. Путятин. СПб., 1897.
 24. Дыгало В.А. *Флот государства Российского: Откуда и что на флоте пошло* / Под ред. капитана 1 ранга И.Ф. Цветкова. М.: Изд. группа Прогресс, Пангея, 1993. 352 с.

25. **Елагин С.И.** *История русского флота: Период Азовский: Приложения.* Ч. II. Прил.V. СПб., 1864.
26. **Елагин С.И.** *Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого, 1702–1725.* СПб.: Тип. Морского м-ва, 1867. 74 с.
27. **К.Н.В. [Карнович Е.П.]** Императрица Елизавета Петровна и король Людовик XV // *Исторический вестник*, 1884. Т. 16. № 8.
28. **Кейзерлинг Г.И., фон.** Делеши королю Фридриху: 1707 (Под загл.: Георг Иоганн фон-Кейзерлинг, представитель короля прусского при дворе Петра Великого) // *Русская старина*. Т. 5, № 6. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. С. 803–844.
29. **Кротов П.А.** Первая кораблестроительная программа Балтийского флота 1703 года // *История отечественного судостроения*. Т. 1: *Парусное и деревянное судостроение IX–XIX вв.* Гл. 9. СПб.: Судостроение, 1994.
30. **МИРФ.** Ч. 1. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1865. 716 с.
31. **МИРФ.** Ч. 3, отд. 2. № 3. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1866. 749 с.
32. **Наргов А.К.** Достопамятные повествования и речи Петра Великого // *Петр Великий: Воспоминания: Дневниковые записи: Анекдоты*. СПб., 1993.
33. Новая жизнь ошейника Лизетты // *Лев*. 2005. № 3. С. 11–13.
34. **Охлябинин С.Д.** *Из истории российского мундира*. М.: Владос, 1996. С. 27. 432 с.
35. **Павленко Н.И.** *Петр Первый и его время*. М.: Просвещение, 1989. 176 с.
36. **ПиБ.** Т. 7: *Январь и июнь 1708*. Вып. 1. Пг.: 1-я Гос. тип., 1918. [4], 640 с.
37. **ПиБ.** Т. 10: *Январь–декабрь 1710 года*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 869, [3] с.
38. **Попов Ю.М.** *Имяобразование кораблей Российского флота во времена царствования Петра I*. Воронеж. 2010. 229 с.
39. **Пчелов Е.В.** Имена в семье Петра Великого // *Труды ГЭ*. Т. 58: *Петровское время в лицах–2011: Мат-лы научн. конф.* СПб.: Изд. ГЭ, 2011. С. 307–316.
40. **Рыбакин А.И.** *Словарь английских личных имён*. М.: Астрель; Акт, 2000. С. 78. 224 с.
41. **Синдаловский Н.А.** *Легенды и мифы Санкт–Петербурга*. СПб.: Норинт, 2008. 224 с.
42. **Слепкова Н.В.** Рыжая лошадь государева седла // *Лев*. 2005. № 2. С. 22–26.
43. **Слепкова Н.В.** Тиран Петра Великого // *Лев*. 2005. № 1. С. 8–11.
44. **Смирнов С.А.** Ошейник Лизетты // *Наука и жизнь*. 2016. № 12. С. 66–70.
45. *Собрание писем Императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оные*. Ч. 1. СПб.: Печ. в Морской тип., 1829. [6], V, 343, [2] с.
46. **Типикина Е.Н.** Новая жизнь ошейника Лизетты // *Лев*. 2005. № 3.
47. **[Юль Ю.]** Записки Юста Юля, Датского посланника при Петре Великом: 1709–1710 г. / Пер. с датского Ю.Н. Щербачёва // *Русский архив*. 1892. Кн. 2, 3, вып. 5, 7, 9.

Валерий Валерьевич Двойников

Президент Международного фонда поддержки и развития научных и культурных связей им. Петра Великого, г. Льеж (Бельгия)

Елизавета Петровна — самая французская
из российских императриц:
Приход к власти и начало правления

Valéry V. Dvoïnikov

Elizabeth of Russia the most French
of the Russian Empresses: The arrival
to the power and the beginning of the reign

Аннотация: Елизавета Петровна, или Елизавета «российская», как её принято называть в Европе (в отличие от Елизаветы I, королевы Англии и Ирландии, последней из династии Тюдоров), занимает особенное место в франкоязычной культуре. Она является наследницей идеи своего великого отца и первой в Европе правительницей, отменившей смертную казнь, а также почитательницей «всего французского в России», сама прекрасно владевшая французским языком и выделявшая в России особое место для французской культуры. Стоит заметить, что именно посол Франции в России, маркиз де ла Шетарди, сыграл важную роль в её восхождении на престол, что именно за короля Франции Людовика XV мечтала выдать её замуж мать — императрица Екатерина I. Особенности отношения, сложившиеся между королём Франции и российской императрицей, станут основой для будущих франко-российских отношений, а также международного вектора политики России. Французский историк Альбер Вандаль в своей книге «Людовик XV и Елизавета российская — из истории российско-французских отношений XVIII столетия», написанной по материалам архива Министерства иностранных дел Франции, подтверждает, как и дру-

гие французские историки, что в России постепенно зарождалась франкофилия, родоначальницей которой была Елизавета Петровна.

Abstract: Elizaveta Petrovna or Elizabeth of Russia, as we usually call her in Europe (to make a difference with Elizabeth I, Queen of England and Ireland, the last of the Tudor's dynasty), occupies a special place in French speaking culture. She is a direct heiress to the ideas of her great father, Peter I, and also the first woman to abolish the death penalty in Europe, as well as a considerable promoter of «all French things», easily speaking the French language herself and trying to find a particular place for French culture in Russia. It is worth noting that it was the French ambassador to Russia, the Marquis de la Chetardie, who played an important role in her accession to the throne, and that it was the King of France himself, Louis XV, who Elizabeth's mother, Empress Catherine I, would dream of marrying her off. The special relationships developed between the King of France and the Russian Empress would become the basis of future French-Russian relations and the international vector of Russian Foreign Affairs policy. The French historian, Count Albert Vandal in his book «Louis XV and Elisabeth of Russia — the history of Russian-French relations in the 18th century» written on the basis of specially classified material from the archives of French Ministry of Foreign Affairs, confirms, like other famous French historians, the theory of gradual emerging of Francophilia in Russia, the true progenitor of which was Elizabeth.

Ключевые слова: Франция, Россия, эпоха преобразования, дом Романовых, императрица Елизавета Петровна.

Keywords: France, Russian Empire, Age of Enlightenment, House of Romanov, Empress Elizabeth of Russia.

*«Jamais on n'arrachera la France de mon coeur»
(Никто не вырвет Францию из моего сердца)*

Из прощальной записки Елизаветы Петровны
послу Франции в России, Маркизу де ла Шетарди.¹

«Российская императрица Елизавета Петровна должна была родиться француженкой!».² Так описывает «самую красивую женщину Европы тех времён» саксонский и польский посланник при русском дворе Лефорт. Её называют «царевной 15 000 нарядов» (Елизавета никогда не надевала платья из своей «коллекции» больше двух раз, меняя наряды от трёх до шести раз в день).

Уже в возрасте 12 лет любимым занятием Елизаветы были танцы (она прекрасно владела менуэтом, кадрилию и котильоном) и изу-

¹ Troyat H. *Terribles Tsarines*. Paris, 1998. P. 137.

² Vandal A. *Louis XV et Élisabeth de Russie*. Paris, 1903. P. 120.

чение иностранных языков (по словам французского посланника де Кампредона, писавшего 19 октября 1721 г. (н.ст.): «Дочери Петра Анна и Елизавета отменно владели французским и немецким уже в раннем возрасте и испытывали особенную симпатию по отношению к Франции».³ Уже тогда ходили слухи о возможном браке одной из дочерей Петра с сыном французского регента Филиппа II Орлеанского, с которым Петр I неоднократно встречался во время своего второго европейского путешествия в 1717 г. Конечно, у Петра I не было достаточно времени для повседневного воспитания своих дочерей, но их владение иностранными языками оставалось для него приоритетом. Любовь к Франции и её культуре воспитывались у дочерей с самого детства.

Французский историк и писатель Альбер Вандаль пишет: «Ещё будучи совсем молодой девушкой, Елизавет желала стать королевой Франции. Но при этом она чувствовала глубокую ответственность за развитие будущих франко-российских отношений».⁴ Это определило её жизненные приоритеты на всю жизнь, хотя свадьба ни с сыном французского регента, ни с самим Людовиком XV, так и не состоялась, несмотря на все усилия её отца, а затем и матери. Она никогда не забывала, что когда-то собиралась стать француженкой...

С Людовиком XV велись переговоры о возможной свадьбе вплоть до его венчания с испанской наследницей Марианной Викторией (дочерью испанского короля Филиппа V и его супруги Елизаветы). Екатерина I продолжила борьбу за воплощение петровской мечты после того, как испанская инфанта была отправлена к себе домой. Елизавета входила в список из семнадцати претенденток в жёны Людовика XV. Но и этот план сорвался, когда, к недоумению всех участников этой «любовной сделки», королевской избранницей стала польская принцесса Мария Лещинская. Это вызвало особое негодование у Екатерины, объявившей Францию, всё больше и больше поддерживающую к тому времени английскую корону, прямым врагом России, и примкнув таким образом к «антифранцузскому альянсу», состоявшему из Австрии и Испании. Поводом отказа стала принадлежность Елизаветы к православной вере, что прямо противоречило письму Екатерины I, в котором российская императрица заранее давала согласие на принятие её дочерью католической веры, если королевской избранницей станет именно она. Но Людовик XV выбрал польскую принцессу.

³ *Affaires étrangères, Correspondance de Russie: dépêches de Mr. de Campredon du 5 novembre 1721.*

⁴ **Vandal A.** *Op. cit.* P. 42.

Елизавете не достался даже герцог Бурбонский (предложенная Екатериной альтернатива), что расстроило Екатерину, подтолкнув на стратегический союз на 30 лет с Австрией, подписанный в Вене 26 августа 1726 г. (н.ст.), главной целью которого было совместное противостояние общему турецкому врагу. По словам А. Вандаля, «Россия настойчиво искала друзей среди врагов Франции»,⁵ что отдаляло её от французов и приближала к немцам, влияние которых особенно увеличилось с приходом к власти Анны Иоанновны. Вскоре немецкие представители войдут почти во все структуры власти в России.

Роль Франции позже вновь станет ключевой. Главным идеологом этого был приехавший в 1739 г. в Россию посол Франции маркиз де ла Шетарди («батюшка француз», как его позже будут называть гренадёры)⁶ и приехавшая с ним посольская делегация, состоявшая из 12 секретарей, 8 капелланов, 6 поваров и 50 слуг. Близ Риги посольство встречала пехота и кавалерия, артиллеристы более 30 раз палили из пушек. В Ригу посольство въехало на трёх роскошных каретах, в сопровождении 200 солдат, и остановилось около дома, охраняемого 50 гренадёрами. Таким же триумфальным был его путь до самого Санкт-Петербурга. Анну Иоанновну посол увидел сидящей на троне, с короной на голове, в окружении всей императорской свиты.

Следующим этапом его командировки в Россию был визит к «молодой красавице», принцессе Елизавете. Представитель короля Франции прекрасно знал, что Елизавета многими воспринималась «незаконно отстранённой от власти, полноправной наследницей российского престола», по словам всё того же Вандаля. «Ей было 28 лет, она имела восхитительную талию, голубые глаза, влажный взгляд и особенную привлекательность», описывает её Шетарди, а посол Польши Лефорт добавляет: «Игривый характер, которому всё равно, идёт дождь или светит солнце, постоянно бодрая, всегда с приподнятой ножкой и без единой серьёзной мысли. К тому же, Елизавета очень хорошо владела французским и немецким языками и казалась родившейся для Франции, так как особенно любила всё то, что блестит, как, впрочем, все французы».⁷ Особенно Шетарди не взлюбил Анну Леопольдовну, которая являлась полной противоположностью Елизавете, будучи по его словам «настолько же аморфной, насколько Елизавета была динамичной. К тому же,

⁵ Ibid. P. 153.

⁶ Troyat H. *Op. cit.* P. 120.

⁷ Vandal A. *Op. cit.* P. 119.

Маркиз де ла Шетарди, французский дипломат.
Гравюра И.М. Бернигерота. Wikimedia Commons

она ненавидела французов и не скрывала это, во всём предпочитая им немцев <...>».⁸

Но ещё больше расстроили французского посла новые правила царского двора. Времена великих петровских ассамблей, где рождались грандиозные идеи, были заменены «протокольным парадом», где визиты к императрице совершались исключительно по праздникам, остальные дни Анна посвящала своим личным развлечениям... «Я нигде и никогда не чувствовал себя так одиноко как на протяжении своих первых месяцев в России», скажет сам Шетарди.

⁸ *Affaires étrangères. Le secrétaire d'Etat Amelot à La Chétardie, le 28 février 1740.*

В России ходили слухи о новой войне со Швецией, которая мечтала снова отобрать у России завоёванные Петром территории, что не составило бы большого труда, настолько российская армия казалась уставшей от войны с турками. Именно для предотвращения этой ситуации и был вызван в Россию французский посол. Все надеялись на вмешательство французской стороны в шведско-русское противостояние.

Но приказ короля Франции для Шетарди был вне обсуждения: «<...> во всех вопросах действовать с исключительной пассивностью».⁹ После свержения ненавистного всем Бирона, как пишет французский историк А. Вандаля: «<...> будучи привыкшими к железной дисциплине, русский народ продолжал страдать но не жаловаться, всё равно надеясь на лучшее будущее <...> И только три российских полка, Преображенский, Семеновский и Измайловский никак не могли смириться с несправедливостью власти <...> Они продолжали с сожалением вспоминать о Петре Великом и сравнивать его величие с несчастьем новых времён <...> Многие из них хорошо знали Петра, служили в его армии и с большой любовью и уважением относились к его дочери, как продолжательнице его идей, оставленной без короны и без почестей».¹⁰ Впрочем, в отношении Измайловского полка, созданного Анной Иоанновной в 1730 г. и имевшего много иностранных офицеров, рассуждения Вандаля, мягко говоря, ошибочны.

Такой же настрой был у народа, чем и воспользуется Шетарди. По словам того же Вандаля, Елизавета имела главное качество государственного деятеля, которое привлекает к себе народ: она, как и её великий отец, была ДОСТУПНА и никогда не скрывалась в своём дворце, как делали это её предшественницы.¹¹ Когда её карета проезжала по Санкт-Петербургу, она любила общаться с народом, часто присутствовала на учениях военных отрядов, что очень импонировало армии. Солдаты имели право посещать её дворец в любое время, она знала многих по имени, легко соглашалась быть крёстной у их детей и даже иногда занимала денег у своего окружения, чтобы дарить многочисленные подарки. Единственного, чего не хватало будущей императрице, по словам маркиза, «это собственной партии и денег».¹²

⁹ Ibid.

¹⁰ Vandal A. *Op. cit.* P. 135.

¹¹ Ibid.

¹² *Affaires étrangères. Le secrétaire d'Etat Amelot à La Chétardie, le 28 février 1740.*

Что касается первого, дочь Петра была слишком легкомысленной и откровенной, поэтому не могла создать политического движения — ей для этого не хватало ни терпения, ни хитрости. Но и без финансовой поддержки невозможно выиграть никакую войну (по французской поговорке, деньги являются нервом войны — *l'argent est le nerf de la guerre*), не говоря уже о невозможности совершить государственный переворот.

Именно здесь роль Шетарди и станет ключевой. Французский посол был не только энергичен и умел, но ещё имел многочисленные связи по всему миру, а главное, поддержку от французского короля, цель которого была переманить Россию на свою сторону, вырвав её из-под немецкого господства. Важную роль в этом сыграет и другой француз, личный медик и конфиденцт Елизаветы, Иоганн Герман Лесток. Будучи человеком истинно преданным и скромным, он решится посетить Шетарди и пригласить его на личную встречу с Елизаветой, во время которой она произнесёт следующие решающие слова: «Я дочь Петра Великого и желаю оставаться во всем преданной памяти моего отца и дружбе, которая его связывала с Францией, обращаюсь к вам с просьбой повлиять на восстановление справедливости в России». ¹³ (Перевод дословный).

Елизавета часто вспоминала в разговоре про короля Франции Людовика XV, и французский посол легко понял, что история с неудавшемся замужеством отложила след сожаления на сердце будущей царицы, но не разочаровала её окончательно. По мнению французского посла, она оставалась в него влюблена до сих пор, словно в несбывшуюся девичью мечту молодости... После недолгих колебаний Шетарди заручится поддержкой французского правительства, не осмелившись разочаровать молодую принцессу своим отказом. Следует заметить, что XVIII век особенно отличался открытым вмешательством крупных держав в дела своих партнёров. Как пишет французский историк Элен Каррер Д'Анкос: «Все крупные европейские дворы сражались за своё влияние в России, пока её ситуация была не стабильной». ¹⁴

По мнению Вандаля, именно Франция воспользовалась этой возможностью и предоставила Елизавете в распоряжение «не только свою казну, но ещё и своё полное доверие, и свои тонкие советы» взамен на возвращение Швеции отвоёванных у неё Петром территорий. Стратегия была проста: переворот должен совпасть с началом новой войны со Швецией. И придя к власти, Елизавета

¹³ Vandal A. *Op. cit.* P. 138.

¹⁴ Carrère d'Encausse H. *Les Romanov*. Paris, 2013. P. 130.

должна была подписать со шведским соседом очередную мир, вернув ему часть завоёванных территорий. Шведский двор являлся старым союзником Франции, которая предпочитала «видеть Россию с её спрежними границами». Но французы не предусмотрели важного обстоятельства: патриотизма Елизаветы, её преданности отцовским принципам и своему народу. Поэтому она категорически откажет и Шетарди, и шведскому послу в России Нолькену после прихода к власти. По её словам, «Ни одного клочка российской территории не будет передано врагу!»¹⁵

Но французский план отчасти сработал. С одной стороны, убедив Швецию в необходимости напасть на Россию, а с другой — открыто действуя в поддержку Елизаветы, Шетарди полностью обезоружил неопытную Анну Леопольдовну, которая останется в проигрыше при любом раскладе. Рискуя жизнью и карьерой, французский дипломат заперся в своём посольстве и сжёг весь компромат. Так же хладнокровно будет себя вести и Елизавета, которую собирались сослать в монастырь или в лучшем случае выдать замуж за какого-нибудь «отдалённого» принца... По иронии судьбы спасти её от этого могла только успешная атака лютых петровских врагов, шведов. Но шведы 23 августа/3 сентября 1741 г. проиграли сражение у Вильманstrandта. Тогда французский маркиз убедил принцессу действовать решительно и быстро, самой возглавив поддерживающие её полки и взять власть в свои руки силой, не забывая при этом роль, которую сыграла Франция.

Это случится в морозную ночь с 24 на 25 ноября 1741 г. (5/6 декабря н. ст.) около полуночи. Остановив свою карету перед французским посольством и заявив, что она отправляется «к своей славе», Елизавета вместе с 300 преображенцами, без единой капли крови совершила переворот (коронация произошла 25 апреля/6 мая 1742 г.). В Елизаветинскую эпоху Россия, по примеру Франции, займёт место в числе лидеров европейской культуры и науки.

Но по словам уполномоченного британской миссии в России Финча, «Россия, которая достанется Елизавете будет похожа на некий сверхмощный механизм, в котором не хватает самых главных деталей».¹⁶

А вот что писал о российской власти тех времён скандально известный французский дипломат Шевалье Д'Эон:

¹⁵ Vandal A. *Op. cit.* P. 169.

¹⁶ Olivier D. *Élisabeth de Russie — la fille de Pierre le Grand.* Paris, 1962. P. 179.

«В России деспоты у власти
И рабство там цветёт везде».¹⁷

О русском народе он выразился следующими словами: «В основном, русские высокого роста, крепки, пропорциональны, но очень склонны к пьянству. Особую страсть они испытывают к водке. Они также жадно пародируют всё, что видят у других. Это касается и искусств, и наук, и мануфактурного производства <...> И уверены, что всё могут сделать сами так же талантливо, как и другие европейские народы <...> Что касается торговли, русские тонки, хитры, точны, беспокойны, но всегда способны обмануть. С ними нужно быть очень осторожными <...> Что касается духовности русского народа, её можно легко сравнить с верой карфагенцев».¹⁸

Французский историк и писатель русского происхождения Дарья Оливье, автор первой во Франции биографии Елизаветы пишет: «Если бы речь шла о сказке, то пришлось бы выдумать какого-то злого персонажа или джина, который постоянно бы портил отношения между Елизаветой и Людовиком XV, несмотря на то, что всё на первый взгляд способствовало их гармонизации».¹⁹ И это даже несмотря на то, что приход к власти Елизаветы вызывал чувство восхищения у жителей Франции. Вспомним известный случай приезда в Россию в мае 1744 г. французенки мадам Д'Аквиль (она же Монморен), супруги советника мэрии города Руана и сестры бригадира королевской армии, которая, бросив мужа и поместив своих детей в приют, прибыла на русско-польскую границу со служанкой и лакеем. В карете оказался огромный гардероб с платьями и женскими уборами. Причину приезда она объяснила глубоким чувством «восхищения и любви» к российской императрице (*elle avait été saisie d'admiration et d'amour*),²⁰ а также тем, что многочисленные поздравления, которые она посылала новой российской государыне, оставались без ответа. И если бы не официальное приглашение от посла Франции в России, то её, без малейшего сомнения, приняли бы за очередную французскую сумасшедшую... Мадам Д'Аквиль удалось не только переехать в Россию, но ещё и неоднократно встретиться с самой императрицей, так как по её словам «от этого будет зависеть счастье в её жизни» (*le bonheur de sa vie en dépendait*).

¹⁷ Liechtenhan F.-D. *En Russie au temps d'Élisabeth*. Paris, 2006. P. 68.

¹⁸ Ibid. P. 59.

¹⁹ Olivier D. *Op. cit.* P. 189.

²⁰ Цит. по: Waliszewski K. *La Russie au temps d'Élisabeth Ire, dernière des Romanov*. Paris, 1933. P. 13.

Что касается связей Елизаветы Петровны с Францией, они прослеживаются с самого детства. В течение долгих лет её гувернанткой была француженка мадам Лятур, которую также называли княгиней (comtesse) Де Лоне. Она возвратилась во Францию лишь в 1750 г. для вступления в брак с шевалье Де Марвилем. Присутствие французских гувернанток и учителей стало традицией не только в семье самой Елизаветы, но и в кругах всех сословий России. Благодаря этому Елизавета прекрасно владела французским языком и даже, как это было модно в те времена, писала стихи по-французски. Некоторые из них сохранились до сих пор, например, «Элегия об отъезде в Сибирь» (*Élégie sur le départ pour la Sibérie*). Восприимчивость к стихам у неё осталась на всю жизнь. Не зря ведь она так благосклонно отнеслась к «Оде на день восшествия на всероссийский престол Её Величества государыни Императрицы Елизаветы Петровны», написанной в конце 1747 г. М.В. Ломоносовым.

После Елизаветы переворот Екатерины 1762 г. откроет почти 40-летний период стабильности. Но подготовлен этот стабильный период был Елизаветой и всем её царствованием.

Елизавета любила праздники и маскарады. Её склонность к моде (особенно французской) не имела границ. После пожара одного из её московских дворцов, потеряв 4 000 платьев, она их заменит на 15 000 и почти столько же пар шёлковых чулок и столько же пар туфель. Причём не только женских, но и мужских (на маскарадах она часто появлялась переодетой то в голландского моряка, то в украинского казака, то во французского мушкетёра). Уже тогда французская мода ценилась по всей Европе, и Елизавета стремилась быть первой обладательницей последних образцов французских нарядов. По словам историка Казимира Валишевского, она провела много времени в питерском порту в ожидании прибытия очередного корабля с её заказами из Франции. Даже самым почтенным российским дипломатам иногда приходилось тратить время в Париже на покупки очередных тканей императрице.²¹

Елизавета Петровна, по словам Эндрю Грем-Диксона, осталась в нашей памяти как одна из самых энергичных и прогрессивных покровительниц искусства и архитектуры XVIII в. Она сумела внести в русское искусство новый дух шегольства и театрализации. В этом отразилась прежде всего её женственность и желание нравиться везде и всем. Ей удавалось быть женственной не только по отношению к искусствам или архитектуре, но и к самому человеку. Её юридическая деятельность, как и деятельность Петра, была на-

²¹ Waliszewski K. La Russie au temps d'Élisabeth Ire. P. 17.

Лейб-медик Иоганн Герман Лесток.
Портрет Г.Х. Гроота. 1740-е гг. Wikimedia Commons

правлена на благо своего народа. Именно при Елизавете Россия стала первой страной в мире, отменившей смертную казнь! Дочь Петра не любила жестокость с самого детства и презирала любые её проявления, тем более на государственном уровне, войдя таким образом в очень узкий круг «правителей-гуманистов».

Елизавета стала одним из первых европейских монархов, издавших декреты по защите прав женщин, а также по защите окружающей среды и гармонизации фискальных норм и правил градостроения.

В 1755 г., когда произошло лиссабонское землетрясение, разрушившее почти всю португальскую столицу, российская императрица стремилась восстановить город, и если бы не плачевное состояние российской казны и не советы самых близких соратников, ей бы удалось реализовать этот грандиозный проект реконструкции целого города.

По мнению французского историка Ф.-Д. Лиштенан, её приверженность к западному искусству, в том числе архитектуре, театру и

музыке, подтверждает стремление императрицы к гармонизации западноевропейских и русских ценностей.²² Елизавета отказывалась ставить свою подпись на указах о пытках и телесных наказаниях, а также на новой версии криминального права России со словами: «Там всё написано кровью». Во время Семилетней войны от неё часто скрывали число жертв, так как Елизавета ненавидела невинно пролитую кровь. В случае Елизаветы это была не только женская чувствительность, но и глубокая религиозность. По словам шеваля Д'Эона, «Все те привилегии, которые Пётр Первый изъял у Священного Синода, Елизавета ему вернула».²³ Дочь Петра посвящала паломничеству много времени, часто преодолевая огромные расстояния пешком, за несколько недель. Когда ей не удавалось достичь ближайшего посёлка из-за усталости или приближения темноты и её подвозила карета, она просила на следующее утро отвести её на то же место и продолжала свой путь...

В 1748 г. она посвятила паломничеству целое лето. В церквях молилась «до изнеможения» (в декабре 1757 г. даже потеряв сознание во время усердной молитвы), а посты соблюдала с таким усердием, что не делала исключений даже во время собственных болезней. Её личный медик, француз Пуассонье, однажды сказал: «Она предпочитает умереть от сердечного приступа, но при этом не съесть приписанный ей от этого бульон <...>».²⁴

В склонности Елизаветы к поискам удовольствия везде и во всём и приверженность принципам Эпикура отражалось нечто истинно французское. Ведь только французы способны сделать девизом своих судеб такие слова: «Жить только для себя и во имя себя» (*vivre pour soi et au nom de soi*).

Благодаря Елизавете французский язык стал популярен в России, а через него и вся великая французская культура. Из воспоминаний княгини Дашковой следует, что именно со времён правления Елизаветы Петровны Россия окончательно приобретёт статус цивилизованной державы в глазах иностранцев.²⁵

Не зря ведь Гавриил Державин сравнивает её с «беспечной весной», а другой поэт XVIII в. скажет: «Если Петр ввёл в России науки, то Его дочь привила желание их изучать!» (*Pierre a introduit les sciences chez nous, sa fille a introduit le goût...*).²⁶ Образ светлой и

²² Liechtenhan F.-D. *Élisabeth 1 de Russie: l'autre impératrice*, Paris, 2007. P. 528.

²³ Liechtenhan F.-D. *En Russie au temps d'Élisabeth*. P. 58.

²⁴ Waliszewski K. *La Russie au temps d'Élisabeth Ire*. P. 24.

²⁵ [Daschkoff, princesse]. *Mémoires de la princesse Daschkoff*. Paris, 1966. P. 10.

²⁶ Waliszewski K. *La Russie au temps d'Élisabeth Ire*. P. 30.

миросердной Елизаветы, покровительницы искусств, используется и по сей день как в национальной, так и в зарубежной лирической поэзии. Ведь и к этому виду искусства российская императрица была далеко не безразлична.

Литература

1. *Affaires étrangères, Correspondance de Russie: dépêches de Mr. de Campredon du 5 novembre 1721.*
2. *Affaires étrangères. Le secrétaire d'Etat Amelot à La Chétardie, le 28 février 1740.*
3. **Bonnet D.** *Élisabeth I de Russie, la tsarine aux 15 000 robes // Paris Match.* 28.08.2016. [Электронный ресурс] <https://www.parismatch.com/Royal-Blog/Elisabeth-I-de-Russie-la-tsarine-aux-15-000-robes-1047031> (дата обращения: 30.01.2022).
4. **Carrère d'Encausse H.** *Les Romanov.* Paris: Pluriel, 2013. 410 p.
5. **[Daschkoff, princesse].** *Mémoires de la princesse Daschkoff.* Paris: Mercure de France, 1966. 355 p.
6. **Dolgoroukow P.** *Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow.* Vol. 1. Genève: Cherbuliez et H.Georg, 1867. 511 p.
7. **Graham-Dixon A.** *The Art of Russia* (2009), documentary film. [Электронный ресурс]: <https://www.bbc.co.uk/> (дата обращения: 05.05.2022).
8. **Jalabert L.** *La France et la Russie, regards diplomatiques (XVII–XXI siècle).* Presses universitaires de Rennes, 2012. 118 p.
9. **Jubé J.** *L'ours et le coq: Trois siècles des relations franco-russes.* Presses Sorbonne Nouvelle, 2000. 365 p.
10. **Liechtenhan F.-D.** *Élisabeth I de Russie: l'autre impératrice,* Paris: Fayard, 2007. 528 p.
11. **Liechtenhan F.-D.** *En Russie au temps d'Élisabeth.* Paris: L'Inventaire, 2006. 193 p.
12. **Liechtenhan F.-D.** *La Russie entre en Europe: Élisabeth Ire et la Succession d'Autriche (1740–1750).* Paris: CNRS éditions, 1997, 245 p.
13. **Oldenbourg Z.** *Catherine de Russie.* Gallimard, 1966. 360 p.
14. **Olivier D.** *Élisabeth de Russie — la fille de Pierre le Grand.* Paris: Perrin, 1962. 381 p.
15. **Schnakenbourg E.** *L'aube des relations diplomatiques franco-russes: Les ambassades moscovites en France au XVII siècle.* Presses universitaires de Renne, 2012. 22 p.
16. **Troyat H.** *Terribles Tsarines.* Paris: Grasset, Fasquelle, 1998. 231 p.
17. **Vandal A.** *Louis XV et Élisabeth de Russie.* Paris: Plon, 1903. 435 p.
18. **Waliszewski K.** *La dernière des Romanov, Elisabeth I, Imp[?]ratrice de Russie 1741–1762.* Paris: Plon, 1902. 552 p.
19. **Waliszewski K.** *La Russie au temps d'Élisabeth Ire, dernière des Romanov.* Paris: Plon, 1933. 316 p.

АРХИТЕКТУРА, САДОВО-ПАРКОВОЕ ИСКУССТВО

Михаил Анатольевич Барашев

*Доцент кафедры истории, археологии и краеведения
Владимирского гос. университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир*

Архитектура Российской провинции елизаветинского времени: Архитектурный заказ и художественное мышление

Michael A. Barashev

Architecture of the Russian province of the Elizabethan time: Architectural order and artistic thinking

Аннотация: Статья посвящена архитектуре российской провинции елизаветинского времени. Автор рассматривает усадебное, монастырское и церковное строительство Владимирского края, описывает наиболее заметные памятники архитектуры барокко, рассматривает характерные черты и особенности художественного мышления елизаветинского времени.

Abstract: This article is devoted to the architecture of the Russian province of the Elizabethan epoch. The author analyses the country noble estate, monastery and church building of the Vladimir region, presents the well — known baroque buildings, describes the characteristic features and peculiarities of the artistic thinking of the Elizabethan epoch.

Ключевые слова: архитектура, елизаветинское барокко, художественное мышление.

Keywords: architecture, Elizabethan baroque, artistic thinking.

Елизаветинское барокко, столь ярко и мощно заявившее о себе в столичном Петербурге и явившее свои замечательные образцы в тех уголках Российской империи, где с поразительной силой проявилось мастерство придворного архитектора Ф. Растрелли, в архитектуре российской провинции воплощалось в своеобразной художественной обстановке.

Архитектура российской провинции елизаветинского времени рассматривается на примере Владимирского края, который в этот период в стилистическом отношении ориентировался прежде всего на московскую архитектуру, но был знаком и с художественной жизнью Санкт-Петербурга, где служила значительная часть местного дворянства и столичная аристократия, издавна владевшая здесь именьями и усадьбами. Представители столичного и местного дворянства выступали основными заказчиками усадебного строительства, хотя его масштабы в этот период оставались незначительными в силу введённого императором Петром Великим принципа обязательности государственной службы и следовательно невозможности провинциального дворянства жить и хозяйствовать в своих имениях. Получить дворянину отставку в 1730-е — 1750-е гг. было чрезвычайно трудно, а образ жизни дворянина и его художественное мышление нередко оставалось в рамках утвердившихся традиционных культурных форм и эстетического восприятия действительности. Круг провинциальных заказчиков был достаточно мал, но наряду с дворянством существенная роль в местном архитектурном заказе отводилась церкви. Особенно заметной эта роль становится с 1744 г., когда была учреждена Владимирская и Яропольская епархия и началось обустройство архиерейского дома во владимирском Богородице-Рождественском монастыре, а также ремонт и «поновление» церковных сооружений в новообразованной епархии. Ктиторийская деятельность купечества и городских обывателей Владимирского края в елизаветинское время сдерживалась их незавидным экономическим положением, т.е. местное «<...> купечество богатством средственно, а больше убого <...>». Доходы купечества в этот период были незначительными и определялись его основными занятиями — торговлей «мелочными товарами» и «съестными припасами», производством и продажей «юфтяного красного товара», «огородной работой».¹

¹ Топографическое описание Володимирской, Суздальской, Переславской-Залесской и Юрьев-Польской провинции городов в 1760 года // *Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии*. Т. 3. Владимир, 1880. С. 59–60.

В елизаветинское время в российскую провинцию столичные формы жизни и художественные вкусы проникали относительно медленно и во взаимодействии со сложившимися здесь традициями и архитектурными предпочтениями. Устойчивая архаизирующая тенденция отчётливо прослеживается в усадебном каменном храме в честь Покрова Пресвятой Богородицы, выстроенном в 1741 г. в старинном имении полковника И.В. Отяева его бывшим крепостным крестьянином Иваном Марковым, который «за добрые, усердные строительные дела» получил от своего господина вольную и уже как московский купец возглавлял строительную артель.² Интересным примером подобной тенденции в архитектуре провинциального города является нарядный каменный храм во имя святой Живоначальной Троицы, возведённый в 1740 г. во Владимире. Это — храм типа «восьмерик на четверике» с полукруглой апсидой и изящным завершением в виде двух последовательно уменьшающихся барабанчиков с луковичной главой, в котором стройные и гармоничные пропорции объёмной композиции сочетаются с декоративным убранством в духе «московского узорочья» середины XVII столетия. В 1746 г. к храму был пристроен северный придел в честь преподобного Сергия Радонежского.³

Во владимирском крае елизаветинское барокко приходит на смену аннинскому барокко, получившему распространение в местном усадебном строительстве по заказам, в основном представителей петербургской и московской знати, например крупная усадьба И.А. Салтыкова в селе Черкутине, недалеко от города Владимира. Этот усадебный комплекс с панорамно-фронтальной композицией включал в себя «дом каменный об одном этаже в нём 9 комнат», каменные флигеля, в одном из которых находилась «кухня с припешною избою», хозяйственные строения и восьмигранный двухсветный храм в честь Святителя Николая Чудотворца.⁴ Необычность черкутинского храма обратила на себя внимание владельцев усадьбы в селе Черниж Суздальского уезда, где в 1755 г. была выстроена восьмигранная двухсветная церковь в честь Святителя Нико-

² **Добронравов В.Г., Березин В.М.** *Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии*. Вып. 3: Суздальский и Юрьевские уезды. Владимир, 1896. С. 328–330.

³ **Добронравов В.Г., Березин В.М.** *Указ. соч.* Вып. 1: *Владимир и Владимирский уезд*. Владимир, 1893. С. 85–86; *Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Владимирская область*. Ч. 1. М., 2004. С. 455–458.

⁴ *Государственный архив Владимирской области*. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2553. Л. 68–69; **Добронравов В.Г., Березин В.М.** *Указ. соч.* Вып. 1. С. 141–144.

Владимирская область, село Черкутино. Усадьба Салтыковых.
1730-е гг. Фото начала XX в.

лая Чудотворца с пятигранной апсидой.⁵ Интересным примером аннинского барокко является грандиозная каменная церковь во имя Преображения Господня, начало возведения которой в имении генерал-майора, графа В.С. Салтыкова селе Смольневе относится к 1737 г.⁶ Этот храм явно отражал в своём архитектурно-художественном образе и символике освящения его во имя Преображения Господня события, связанные с возвышением этой ветви рода Салтыковых в первые годы царствования императрицы Анны Иоанновны. Композиция церкви, производящей впечатление небольшого замка и законченной постройкой лишь в 1780-х гг., характеризуется сочетанием узкой восьмигранной шатровой колокольни и храма типа «восьмерик на четверике», завершённого высокой шатровой восьмигранной башней. Сдержанный декор в духе аннинского барокко подчёркивал оригинальность композиционного решения и конструктивных особенностей храма.

⁵ Добронравов В.Г., Березин В.М. *Указ. соч.* Вып. 3. С. 133.

⁶ Добронравов В.Г., Березин В.М. *Указ. соч.* Вып. 4: *Меленковский, Муромский, Покровский и Судогодский уезды.* Владимир, 1897. С. 422–424.

Владимирская область, село Черниж.
Никольская церковь. 1755. Фото автора

Первые образцы собственно елизаветинского барокко появляются в архитектуре российской провинции в конце 1740-х — начале 1750-х гг., прежде всего в Москве и Подмосковье. Они были связаны здесь с дворцовым и усадебным строительством этого времени, в том числе по проектам Ф. Растрелли. Во Владимирском крае обращение к художественным формам елизаветинского барокко относится к концу 1740-х гг. В это время во владимирском Богородице-Рождественском монастыре начинается строительство архиерейских палат по заказу епископа Владимирского и Яропольского Платона (Петрункевича).⁷ Двухэтажное каменное здание с обширными подвалами, обращённое главным фасадом на монастырский

⁷ *Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Владимирская область*. С. 313–321.

Владимир. Богородице-Рождественский монастырь.
Архиерейские палаты. 1748. Фото В.Г. Кукушкина, 1876

двор, выстроено по типу дворца «в ризалитах». Центральную часть главного фасада подчёркивал ризалит большого выноса в три оси оконных проёмов, а фланкировали фасад боковые одноосевые ризалиты. Нарядный вид архиерейским палатам придавали вальмовая кровля с вогнутыми скатами и с переломом, контрастная окраска стен в два цвета и пышный фасадный декор, включающий в себя мощные рустованные лопатки нижнего этажа и гладкие пилястры верхнего этажа, выразительные и разнообразные по декору наличники с фигурными сандриками и полукруглыми фартуками или ушками в нижнем этаже. В верхнем этаже арочные оконные проёмы были также украшены наличниками с фигурными сандриками, но уже с подоконными прямоугольными филенками. Обустройство архиерейских палат продолжалось вплоть до смерти епископа Платона в 1757 г.

В 1750-е гг. елизаветинское барокко в архитектуре российской провинции не только запаздывает по отношению к столичному Петербургу, но местные заказчики и не стремятся наверстать упущенное время, предпочитая обращаться к хорошо знакомым, хотя уже и архаичным художественным формам и приёмам. Так, во

Владимирская область, село Молотицы.
Успенская церковь. 1754. Фото 1908

Владимирском крае в усадебной архитектуре середины XVIII столетия появляются художественные формы и приёмы ещё раннепетровского времени и петровского барокко, например каменный усадебный храм во имя Успения Божией Матери в селе Молотицы Муромского уезда, выстроенный в 1754 г. по заказу местного помещика С. Глебовского.⁸ В его архитектуре заказчик строительства отдал свой выбор нарядным ярусным храмам с композицией по типу «восьмерик на четверике» и декором в духе нарышкинского стиля. В интерьере усадебной церкви был устроен балкон-хоры, что встречается в храмах Владимирского края раннепетровского времени, связанных с художественным заказом столичной знати, возможно, из ближайшего окружения Петра Великого.

Интересным примером петровского барокко во Владимирском крае середины XVIII в. является крупная усадьба Рагозиных в селе Петрово-Городище Суздальского уезда. Усадебный комплекс имеет симметричную панорамную композицию с глубинным построением, где на главной композиционной оси последовательно размеща-

⁸ Добронравов В.Г., Березин В.М. *Указ. соч.* Вып. 4. С. 218–219.

лись въездные ворота, парадный двор, фланкированный хозяйственными строениями, в том числе сохранившимися каменными зданиями погребов и конюшни, и двухэтажный каменный дом. В архитектуре господского дома сочетаются традиции палатного строительства XVII столетия с декором в духе петровского барокко. Важное место в оформлении интерьера дома отводилось изразцовым печам с развитым архитектурным декором и выложенными из прямоугольных плиток сюжетно-орнаментальными изображениями зелёно-жёлто-коричневого цвета.⁹

В архитектуре российской провинции елизаветинское барокко находит своё выражение в дворцовом, усадебном, монастырском и церковном строительстве. Наиболее значительные образцы елизаветинского барокко во Владимирском крае появляются в начале 1760-х гг., например, приходская каменная церковь во имя Никиты Великомученика в городе Владимире, выстроенная в 1761–1765 гг. по заказу владимирского купца, ратмана магистрата С.А. Лазарева.¹⁰ В композиции двухэтажной церкви органично слиты в одно целое объёмы храма с рустованным полукружьем апсиды, трапезной и колокольни на общем подклетном этаже. Основной объём перекрыт четырёхгранной купольной кровлей с люкарнами и завершён двумя последовательно уменьшающимися гранёными барабанчиками с луковичной главой. Верхний ярус колокольни также завершён четырёхгранной купольной кровлей с небольшим гранёным барабаном. Пышный и выразительный декор храма, представленный разнообразными по очертаниям наличниками оконных проёмов, пилястрами, волютами, профилированными карнизами, подчёркивает характерная для барокко контрастная окраска стен в два цвета. Однако великолепный барочный декор этого храма не чужд и мотивов, восходящих явно к нарышкинскому стилю. Этот храм произвёл сильное впечатление на современников и послужил прототипом для постройки в подмосковном Дмитрове церкви в честь Тихвинской иконы Божьей Матери в 1795–1801 гг. на средства местных благотворителей Г.И. Ложкина и А.С. Фуфаева.¹¹

С елизаветинским временем связано и крупное каменное строительство казённых конных заводов в российской провинции.

⁹ *Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Ивановская область*. Ч. 2. М., 2000. С. 208–211.

¹⁰ **Добронравов В.Г., Березин В.М.** *Указ. соч.* Вып. 1. С. 79–84; *Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Владимирская область*. С. 445–448.

¹¹ *Памятники архитектуры Московской области*. Вып. 1. М., 1998. С. 130–131.

Владимир. Никитская церковь, 1762–1765 гг.
Открытка начала XX в.

Владимир. Никитская церковь, 1762–1765 гг.
Фото автора

Владимирская область, г. Александров.
Императорский конный завод. 1761–1781 гг.
План второй половины XVIII в.

В 1727 г. цесаревна Елизавета Петровна основала в Александровской слободе конный завод. В 1761 г. по воле императрицы здесь началось строительство комплекса казённого конного завода с каменными и деревянными зданиями и манежем. Строительство продолжалось вплоть до 1775 г.¹² Конный завод «длиною девяноста шести, шириною — сорока пяти сажен» представлял собой сомкнутое прямоугольное в плане каре, образованное одноэтажными корпусами со скруглёнными углами в виде небольшого сегментного ризалита. В пространственно-планировочную структуру завода входили: «большие въездные ворота» со «светелками», конюшни со стойлами, двух- и одноэтажные палатки, сараи, «житницы», «погреб с напогребницами», «каменные водогрейня с кузницей», «каменный дом смотрителя», «покои для жительства конюшенных служителей» и т.п.

¹² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 77. Д. 34717. Л. 124; *Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Владимирская область*. С. 544–546.

Владимирская область, г. Александров.
Императорский конный завод. 1761–1781 гг. Открытка начала XX в.

В елизаветинское время российская провинция ориентируется на Москву, где новые художественные формы и приёмы, связанные с архитектурой Ф. Растрелли и его школы, вплетались в живую и хорошо знакомую заказчикам и местным зодчим ткань архитектурных традиций и художественных поисков предшествующего времени. Москва и провинция остаются несколько в стороне от блистательной придворной архитектуры Санкт-Петербурга, они движутся своим самостоятельным путём, неторопливо и вдумчиво усваивая и переосмысляя новации елизаветинского барокко.

Архивные источники

1. *Государственный архив Владимирской области*. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2553. Л. 68–69.
2. *РГАДА*. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 77. Д. 34717. Л. 124.

Литература

3. **Добронравов В.Г., Березин В.М.** *Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии*. Вып. 1: *Владимир и Владимирский уезд*. Владимир: Типо-Литография В.А. Паркова, 1893. 282 с.
4. **Добронравов В.Г., Березин В.М.** *Указ. соч.* Вып. 3: *Суздальский и Юрьевские уезды*. Владимир: Типо-Литография В.А. Паркова, 1896. 526, VIII с.

5. **Добронравов В.Г., Березин В.М.** *Указ. соч.* Вып. 4: *Меленковский, Муромский, Покровский и Судогодский уезды.* Владимир: Типо-Литография В.А. Паркова, 1897. 594 с.
6. *Памятники архитектуры Московской области.* Вып. 1. М.: Стройиздат, 1998. 288 с.
7. *Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Владимирская область.* Ч. 1. М.: Наука, 2004. 752 с.
8. *Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Ивановская область.* Ч. 2. М.: Наука, 2000. 776 с.
9. Топографическое описание Володимирской, Суздальской, Переславской-Залесской и Юрьев-Польской провинции городов в 1760 года // *Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии.* Т. 3. Владимир, 1880.

Екатерина Сергеевна Епарина

Независимый исследователь, Санкт-Петербург

Сады Царского Села при Елизавете Петровне

Ekaterina S. Epariniva

Catherine and Alexander parks, Tsarskoye Selo

Аннотация: Елизавета Петровна владела Сарским селом (будущим Царским Селом) с 1727 г. После восшествия на престол она приказала провести реконструкцию и расширение дворца и сада. В этот период проектировались новые павильоны: Эрмитаж в Дикой роще, «Зал на острове», Грот на берегу Большого пруда по проекту Ф. Растрелли и Каталъная гора. В центре Зверинца С.И. Чевакинский возвёл охотничий павильон «Монбиджу». В статье рассматривается эволюция садов Царского Села в период правления Елизаветы, расширение их растительного состава.

Abstract: Elizabeth Petrovna owned Sarskoye Selo (the future Tsarskoye Selo) since 1727. After her accession to the throne she ordered the reconstruction and expansion of the palace and the garden. During this period, new pavilions were designed: the Hermitage in the Wild Grove, the «Hall on the Island», a Grotto designed by F. Rastrelli was erected on the shore of a Great pond and a Sliding Hill. In the center of the Menagerie, S.I. Chevakin erected a hunting pavilion «Monbijou». The article examines the evolution of the gardens of Tsarskoye Selo during the reign of Elizabeth, the expansion of their plant composition.

Ключевые слова: Екатерининский и Александровский парки, Царское Село.
Keywords: Catherine and Alexander parks, Tsarskoye Selo.

Изучению истории парков Царского Села посвящено значительное число исследований. И.Ф. Яковкин в своей работе «История села Царского» (1831) подробно описывает периоды создания

резиденции. Среди работ начала XX столетия выделяется книга А.Н. Бенуа «Царское Село в царствование Елизаветы Петровны» (1910), труды С.Н. Вильчковского «Царское Село» (1910) и А.И. Успенского «Императорские дворцы» (1912). Важно упомянуть и хорошо известные работы Т.Б. Дубяго «Русские регулярные сады и парки» (1963).¹ Заслуживает внимания широко известная книга Д.С. Лихачёва «Поэзия садов» (1982).²

Однако следует отметить, что в указанных работах не было уделено достаточно внимания иконографическим материалам середины XVIII в., представляющим парки Царского Села (следует отметить, что их сохранилось незначительное количество). В архиве Варшавы хранится план резиденции, исполненный Ф. Растрелли (1757–1759).³ Кроме того, известно, что зодчий исполнил план царскосельских садов в 1753 г., который передал императрице в Москве в декабре 1753 г.,⁴ об этом он пишет в одном из писем, но сохранился ли этот проект — не известно. В РГИА хранится план резиденции (1744–1762), также в разных организациях сохранились проекты построек Растрелли. Отчасти недостаток изобразительных материалов восполняют архивные документы, в частности многочисленные указы и сметы.⁵

Елизавета Петровна (1709–1761) владела Сарским селом (будущим Царским Селом) с 1727 г., которое ей завещала Екатерина I.⁶ После восшествия на престол в 1741 г. Елизавета повелела провести реконструкцию и расширение Большого дворца и Старого сада (ныне Екатерининский дворец и парк) и заложила Новый сад (ныне Александровский парк).

Как выглядело Царское Село в первой половине XVIII в., остаётся неясным. Вышеуказанные планы середины XVIII в. представляют резиденцию после перестройки Елизаветы Петровны, где на небольшом участке появляется великолепный дворец (1743–1756), который, как видно на планах середины столетия, становится цент-

¹ Дубяго Т.Б. *Русские регулярные сады и парки*. Л., 1967.

² В одной из глав книги затрагивается вопрос о видах деревьев и растений в парках. Ставится вопрос о целесообразности уничтожения деревьев при реставрации парка.

³ План дворца и парков Царского Села из альбома Ф. Растрелли, 1757–1759 гг. (*National Library in Warsaw*, inv. No. WAF 90 Rys. 5322).

⁴ РГИА. Ф. 487. Оп. 11. Д. 115. Л. 279.

⁵ В РГИА хранится также описание интерьеров дворца и павильонов В.И. Неелова, исполненная после завершения строительства дворца в 1758–1759 гг.

⁶ Петр I в 1710 г. даровал своей будущей супруге шесть мыз в Копорском уезде — среди них Сарская.

ром резиденции: здание фасадами обращено к парку и на парадный двор, это расположение было типичным для XVIII столетия. Главная ось ансамбля проходит через центр дворца, и она соответствует главной (средней) аллее в Старом Голландском саду. В это время расширяется пространство «Дикой роши», в центре которой в 1743–1753 гг. возводится павильон Эрмитаж. Система Каскадных прудов чётких геометрических очертаний, устроенных на месте бывшего Мельничного пруда, прежде перегороженных деревянными мостиками, становится новой границей сада (при Петре он был ограничен Рыбным каналом). Большой пруд в виде шестиугольника, не являвшийся частью Царскосельского сада при Елизавете Петровне, на плане изображён западнее дворца. На Рамповой аллее выстроена Каталная гора. На острове Большого пруда расположен павильон «Зал на острове», построенный на месте беседки. Грот находится на берегу Большого озера и его центр устроен перпендикулярно одной из поперечных аллей сада.

За парадным двором, ограниченным циркумференциями, устроен в правильном квадрате Новый (Верхний, Крестовый) сад, разделённый каналами и окружённый по периметру Крестовым каналом (автор неизвестен), за квадратом Нового сада располагается квадрат Зверинца, посередине которого был построен павильон «Монбизу».

Уже в 1742 г. к строительным работам в резиденции привлекается выдающийся архитектор М.Г. Земцов; летом 1743 г. он подготовил проект расширения каменных палат И. Браунштейна. 30 мая 1743 г. Елизавета приказала «по обе стороны от палат пристроить галереи на колоннах и на концах флигели».⁷ В первые годы правления Елизаветы Растрелли, бывший придворным архитектором в предыдущее царствование, не был приглашён ко двору, что привело к сокращению количества заказов, данных ему на проектирование; обязанности оберархитектора с 1742 г. до 1743 г. исполнял М.Г. Земцов.⁸

Следующий период истории строительства резиденции связан с А.В. Квасовым — одним из учеников Земцова, который кроме новых моделей дворца и Эрмитажа, представил также проект расширения парка в глубину, запроектировав в «Дикой роще» и в Зверин-

⁷ Малиновский К.В. *Бартоломео и Франческо Растрелли*. СПб., 2017. С. 25.

⁸ Он внёс значительный вклад в историю развития архитектуры Санкт-Петербурга. Несмотря на все почётные звания и разнообразную деятельность, материальное положение мастера до конца жизни не улучшилось, он умер в 1743 г., оставив после себя семью (жену и 4 детей), долги и недостроенный дом (Кедринский А.А. *Большой Царскосельский (Екатерининский) дворец: От пригородной усадьбы до парадной резиденции: 1710–1760*. СПб., 2013. С. 25).

це павильоны «Эрмитаж» и «Монбизу».⁹ В 1745 г. к работам приступил С.И. Чевакинский, по его проекту было велено ещё больше расширить дворец, но в 1748 г. он был отстранён от работ, а на его место в следующем году приглашён Ф. Растрелли.

Одновременно со строительством дворца проводятся работы в Старом Голландском саду, расположенном к югу от него. В 1742 г. Елизавета приказывает садовнику Кнуту Ламберти превратить «Дикую рошу» в регулярный сад, «Управительский огород» был отдан под садовые уступы для разведения на них цветов. 1 декабря 1743 г. Елизавета Петровна издаёт указ о постройке Эрмитажа с подробным его описанием.¹⁰

Эрмитаж в Дикой роще от Старого сада отделял Рыбный канал, начинавшийся у Большого пруда. Автором перепланировки водоёма мог быть архитектор Чевакинский, это подтверждает и текст распоряжения от 1747 г.: «Большой пруд вычистить, а о мере покажет архитектор Чевакинский»,¹¹ водоём получает чёткие очертания в виде шестиугольника.

В 1746 г. С.И. Чевакинский начал постройку павильона «Зал на острову» в центре пруда, работы были завершены в 1748 г. В начале 1749 г. Растрелли предложил проект нового декоративного убранства павильона, согласно которому предполагалось фасады и фронтоны украсить лепным декором.¹² Проект Грота¹³ работы Ф. Рас-

⁹ **Вишпер Б.Р.** *Архитектура русского барокко*. Л., 1978. С. 151. В 1748 г. Квасов уехал на Украину, где проектировал для К. Разумовского и застраивал новую столицу гетманства — Глухов.

¹⁰ «На персептивие в конце сада за городьбой построить каменный дом Арми-таж, а по краям его флигели двухэтажные (в 2 апартамента) вокруг него около первого этажа балкон и такой же к флигелям переход с балюстрадом. А внутри подъемный стул вместо лестницы, и подъемный стол, наподобие как в Петергофе». См.: **Батовский З.** *Архитектор Растрелли о своих творениях*. СПб., 2000. С. 19. В 1749 г. фасады были декорированы по проекту Растрелли, получив своё современное решение — сочетание белого, голубого и золотистого тонов.

¹¹ В 1749 г. работы были закончены. Яковкин пишет: «Большой пруд, которму длина 280, а ширина 119 саж., выемкою земли в надлежащей пропорции углублен и для спуска лишней воды сделан шлюз». **Яковкин И.Ф.** *История села Царского: В 3-х ч.* / Сост. из дел архива правл. Села Царского Ильею Яковкиным. Ч. 1. СПб., 1831. С. 5.

¹² Как пишет Бенуа: «всё это великолепиие не сохранилось не только в натуре, но даже нет, кажется, и чертежа и рисунка, по котормым можно было бы судить о том, какой вид он имел». (**Бенуа А.Н.** *Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны*. СПб., 1910. С. 191).

¹³ С 1749 по 1763 г. шли работы по сооружению Грота, который был задуман как павильон на воде. Растрелли в своём списке работ пишет о павильоне Грот:

трелли на берегу Большого пруда был одобрен в августе 1749 г., но строительные работы затянулись, и в 1761 г. после окончания сооружения Большого дворца он оставался в числе незаконченных парковых построек.¹⁴ По проекту Растрелли был построен в 1753–1757 гг. каменный высокий павильон в два этажа — Каталная гора на широкой берёзовой аллее с двумя скатами вдоль неё.¹⁵

Старый Голландский сад был расширен, перепланирован и украшен скульптурой, из небольшого приусадебного садика он превратился в парадный регулярный сад. Над практическим воплощением проекта работали садовые мастера Я. Рехлин и К. Шрейдер. Как известно, перед дворцом на первом уступе ещё в начале XVIII в. были цветочные клумбы. При Елизавете Петровне было велено садовые уступы продолжить и развести на них цветники, в партерах широко применялись брусника и «бушбом».

Первый уступ у дворца был около 10 м шириной; в 1748 г. по его краю вдоль второго уступа были посажены штамбовые липки, пересаженные из Нового сада (вырублены в 1928 г.). Склон имел три каменные лестницы, соответствующие трём основным аллеям парка. На месте цветников появились кружевные партеры; кто является автором проекта — неизвестно.

В Царскосельской усадьбе при Петре I при планировке сада и партеров применялись планы из книги А.-Ж. Désallier d'Argenville «La Théorie et la Pratique du Jardinage, ou l'on traite à fonds les beaux jardins apellés comunement les Jardins de Plaisance et de Propretés» (А.-Ж. Дезалье д'Аржанвиль «Теория и практика садоводства»);¹⁶ Ж.-Б.А. Леблон работал в Царском Селе, план мызы частично совпадает с чертежом из книги «Désposition générale d'un grand Jardin dont la pente est en face du Bâtiment» (Общая схема большого сада со склоном перед зданием),¹⁷ в котором присутствуют три характерные черты ленотровской системы: артикулированная центральная композиционная ось, водный канал и кружевные партеры.

В своей книге Леблон предлагал разные типы партеров. Первый тип — «партеры-вышивки» (вышитые (кружевные) партерные клумбы (broderie), второй тип — партеры, где узоры из инертных матери-

«с края этого здания я устроил большую террасу с балюстрадой». (Батовский З. Указ. соч. С. 10).

¹⁴ В 1771 г. архитектор А. Ринальди разработал новый проект внутренней отделки павильона.

¹⁵ Неелов составил описание павильона в 1759 г.

¹⁶ Ж.-Б.А. Леблон (1679–1719), ученик Ленотра, составил структуру этой книги, написал четвёртую главу, посвящённую партерам.

алов в сочетании с элементами стриженного газона и цветами располагались на фоне толчёной черепицы (*parterre en décourpés*), третий тип — газон (*parterres de gazon*), четвёртый тип — водные партеры (*parterre d'Eau*).¹⁸

Ф. Растрелли в перечне выполненных им работ не упоминает партеры. Он указывает, что в парке устроил ограду Зверинца, Грот с террасой, Эрмитаж, Монбизу и Каталную гору. Как полагает Т.Б. Дубяго, архитектор мог поправить существующие партеры, либо эту работу сделали другие, например, С.И. Чевачинский.¹⁹

Садовнику Ламберти²⁰ предписывалось «по обе стороны палат цветники вновь сделать» в 1743 г.²¹ 20 ноября того же года в «Заявке на материалы для ремонтных работ» в Царском-Сельском саду отмечено: «к будущей весне выписать из-за моря в цветники цветной лук и семени цветнова».²² В 1749 г. «Ее Императорское Величество изволила указать в саду усадить цветники белыми нарциссами и одинако-

¹⁷ **Dézallier d'Argenville A.-J.** *La Theorie et la Pratique du Jardinage, ou l'on traite a fonds les beaux jardins apelles comunement les Jardins de Plaisance et de Propretes.* Nage, 1715. С. 40.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ В основу проекта восстановления парка, выполненного архитектором Н.Е. Тумановой и утверждённого в 1961 г., легла существующая регулярная планировка, которая во всех частях кроме Верхнего сада хорошо сохранилась (**Туманова Н.Е.** *Екатерининский парк: История развития и методы восстановления.* СПб., 1997. С. 80). Общая композиция партеров была взята с плана Растрелли, а более мелкие детали — из книги д'Аржанвиля. Кружевной партер выполнен из сыпучих материалов: песка, битого кирпича, каменного угля и газона. Поскольку букс в наших условиях вымерзает, был применён металлический каркас для разделения границ узоров, созданных из разных сыпучих материалов. «В результате реставрации Голландского сада, раскрыт фасад, срублены маскировавшие его деревья, сняты древние липы на “Эрмитажной аллее”, расширены аллеи, и в частности, “Генеральская аллея”, чтобы сделать их доступными группам посетителей, и тем самым, несомненно, изменено назначение сада, его “идея” и стиль». Деревья середины XVIII столетия, среди которых гулял А.С. Пушкин, были вырублены. Д.С. Лихачёв писал: «Сад голландского барокко, который должен был служить местом уединения для обитателей загородного дворца, превращён в парадную площадку для обзора дворца-музея в стиле французского классицизма, места для которого оказалось недостаточное». (**Лихачёв Д.С.** *Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации.* М., 1981. С. 111).

²⁰ Известно, что в 1744 г. на устройство партера в Царском Селе садовый мастер затребовал «кирпича самого красного, обломков полсажени». (**Дубяго Т.Б.** *Указ. соч.* С. 243).

²¹ *РГИА.* Ф. 487. Оп. 11. Д. 30. Л. 165.

²² Там же. Д. 3. Л. 8.

вою с кронами смородину. На что требовалось нарциссов белых 1000, розеновых отростков — 40, смородины с кронами — 30».²³

В композиции садовых партеров главную роль играли стриженный букс и различные строительные материалы, которые создавали на земле своеобразную мозаику, в число этих материалов входили песок разных оттенков, битый кирпич, уголь и даже толчёное стекло «белой, жёлтой и зелёной воды».²⁴

В Старом саду были устроены водные партеры: силуэт двух симметричных Зеркальных прудов, расположенных на третьем уступе, не уникален, подобной формы водоёмы были устроены в Версале, Петергофе, они представлены в книге Леблона, планы из которой использовались для проекта сада на мызе при Петре. Возможно, прототипом для царскосельских прудов стал «Водный партер» Версаля, он изображён на одноимённой картине Ж. Котелля (1693), на которой показаны водоёмы, расположенные параллельно, а не на одной линии, как в Царском Селе, в этих садах они были устроены недалеко от дворца.²⁵

23 августа 1743 г. сады Царского Села были украшены статуями, Елизавета повелела мраморные и свинцовые статуи, присланные от комиссии описи имения Остермана и прочих, а также из сада бывшего маршала Левенвольде, расставить мраморные в регулярном саду, а свинцовые золочёные и не золочёные — за каналом в партере, но неизвестно, были ли доставлены свинцовые статуи.²⁶

9 мая 1746 г. Елизаветой предписно напротив вновь построенных флигелей по обеим сторонам посадить деревья,²⁷ а 7 августа — между церковью и правым флигелем сделать четыре беседки.²⁸

Как становится ясно из архивного дела, в 1754 г. было заготовлено до шести тысяч деревьев для посадки в Старом Царскосельском саду.²⁹ Деревья также покупались за границей, что подтверждает дело о возврате садовому мастеру Я. Рехлину денег, «израсходованных им из своих средств на покупку за границей дерев 1756 г.».³⁰ Сад был расширен и перепланирован, в его композиции сохранилось

²³ Там же. Л. 5.

²⁴ Дубяго Т.Б. *Указ. соч.* С. 251.

²⁵ В центре водоёмов Версаля расположены фонтаны, в царскосельских — их не было из-за недостатка воды.

²⁶ Бенуа А.Н. *Указ. соч.* С. 225.

²⁷ РГИА. Ф. 487. Оп. 12. Д. 63: О поставке липовых и кленовых деревьев в 1757 г.

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 640. Л. 1.

³⁰ Там же. Д. 714. Л. 2.

принципиальное решение предыдущего периода, но привнесены новые элементы барокко, отвечавшие архитектуре зданий и назначению ансамбля того времени.

Единое целое с центральной постройкой — дворцом составляло пространство Старого и Нового (Верхнего) садов, последний был разбит в 1740-е гг., наряду со Зверинцем он составил основу регулярной и пейзажной частей будущего Александровского парка.

Ещё в начале XVIII в. Зверинец огородили тыном, устроив решётчатые столярной работы ворота с калиткой посередине.³¹ В 1750-е гг. территория Зверинца была огорожена каменной стеной. Судя по плану из Варшавской коллекции, центр Зверинца был представлен плотным лесным хвойным массивом с небольшими полянами и участками редколесья.

В центре Зверинца С.И. Чевакинский возвёл на месте беседки охотничий павильон «Монбижу»³² (от франц. *mon bijou* — моя драгоценность) — один из лучших проектов, отделанный снаружи и внутри по чертежам и под руководством Ф. Растрелли. Монбижу был окрашен в зелёный цвет с белыми архитектурными деталями, купол — зелёный, лепное убранство — золотое, верх купола был увенчан фигурой Славы на шаре. Как было отмечено выше, Зверинец был обнесён каменной стеной с бастионами в углах,³³ в двух из которых были построены увеселительные павильоны — люстгаузы.³⁴ В уже упоминавшемся письме от 1753 г. Растрелли пишет о том, что «в нынешнем году Ее Императорское Величество соизволило указать о двух люстгаузах, которые имеются около ограды в зверинце, что выломать и перестроить посреди бастионов построив каждого, итого четыре, таким же образом как в натуре; хотя я Ее Императорскому Величеству представлял что оныя люстгаузы уже сделаны».³⁵ Таким образом, не только дворец, но и павильоны перестраивались несколько раз.

«Планировка Зверинца с чертежа Растрелли <1757–1759 г. — Прим. Е.Е.> в виде квадрата с диагональными аллеями, направлен-

³¹ Бенуа А.Н. *Указ. соч.* С. 33.

³² На пересечении радиальных и перпендикулярных аллей-плезиров в августе 1749 г. последовал приказ Чевакинскому построить каменный дом, в котором вместо деревянной беседки на том же месте построить каменный дом (Вильчковский С.Н. *Царское Село*. СПб., 1911. С. 14).

³³ При Петре просеки называли «блезир» — место приятного времяпровождения. Именно аллеи вводили вдаль взгляд, преодолевая границы.

³⁴ Вильчковский С.Н. *Указ. соч.* С. 23.

³⁵ РГИА. Ф. 487. Оп. 11. Д. 115. Л. 279.

ными в углы, замыкающиеся бастионами, не совпадает с имеющимися натурными остатками этой планировки».³⁶

Не доходя до ворот, к Зверинцу были вырыты два пруда, берега которых укреплялись по откосам «топорными» досками.³⁷ Они предназначались для осушения территории и разведения рыбы, наполнялись поверхностной и родниковой водами. Эти пруды послужили основой для устройства Крестового канала.

Верхний сад, названный так в противовес Нижнему саду у Большого Царскосельского дворца, возник на территории, вплотную примыкавшей к Зверинцу. Кто является автором его создания — не известно.³⁸

По предположению Т.Б. Дубяго, первые разработки планировки регулярного сада выполнил А. Квасов, а с 1745 г. в проектировании активно участвовал С.И. Чевакинский. По мнению А.Н. Петрова, в его составлении участвовали С.И. Чевакинский и Н. Жирар, о чём свидетельствует копия проекта, выполненная садовым учеником Петром Родионовым и опубликованная в альбоме «Историческая выставка архитектуры», проект так и не был осуществлён.³⁹

Ф. Растрелли, судя по его записям, лично в проектировании Нового сада не участвовал. Сад создавался под руководством мастеров К. Шрейдера и М.А. Кондакова.

Парадная часть парка состоит из четырёх боскетов, которые представляют квадраты со сторонами 183 x 183 м (600 футов, аналогично размерам боскетов Версаля), очерченные аллеями. Пропорции и масштаб парка был значительно больше, чем в Старом саду. Каждый квадрат отличался увеселительным сооружением, такими как: Скарпир,⁴⁰ Экс-плац,⁴¹ театр,⁴² гора Парнас.⁴³

³⁶ Туманова Н.Е. *Указ. соч.* С. 36.

³⁷ Бенца А.Н. *Указ. соч.* С. 335.

³⁸ Дубяго Т.Б. *Указ. соч.* 1967. С. 7.

³⁹ Петров А.Н. *Пушкин: Дворцы и парки.* Л., 1964. С. 10.

⁴⁰ На круглой насыпной площадке с откосами, отделанными дёрном, и с лестницами находилась галерея, состоявшая из соединённых друг с другом «наподобие сот» беседок или «кабинетов» с позолоченными куполами.

⁴¹ В центре куртины проектировалось крытое сооружение (вероятно, карусель). Как видно на плане, малые дорожки соединяли прямоугольные площадки, образуя квадрат, параллельный сторонам куртины.

⁴² Куртина «Зелёный театр» состояла из сцены и зрительного зала, расположенных на возвышении.

⁴³ Название горы заимствовано из греческой мифологии: на горе Парнас жили бог Аполлон и музы — покровительницы искусств. Парнас возвели в 1755 г. при расширении и углублении двух ныне исчезнувших прудов и Крестового канала; тогда же на горе были посажены деревья.

В Верхнем саду крестообразные аллеи имели четырёхрядную обсадку с зелёным ковром в центре; периметральные аллеи с северо-запада и юго-востока были обсажены двумя рядами деревьев, две противоположные аллеи имели лишь один ряд деревьев; каждый из четырёх боскетов оформляла шпалерная стриженная стена из липы и вишни.⁴⁴

«Типичным для растреллиевского периода осталось стремление отдавать дань не только Флоре с её цветами, но и Помоне с её плодовыми произрастаниями».⁴⁵ В частности, в 1747 г. повелено: «в Новом саду внутрь шпалер разсадить вишнями, яблоками и другими плодовыми деревьями, имеющимися в вишневом саду, который в Пулкове».⁴⁶

19 февраля 1750 г. «по докладу садовника Шрейдера, в высочайшее присутствие в Петербургском новом зимнем доме последовало <...> повеление березы, годные для посадки в новом саду в Царском, поискать в лесах дач царскосельских, а плодовые деревья и кусты вытребовать из Канцелярии строений из Петербургских садов; а именно яблоневых дерев 400, вишневых 200, сливовых 100, молодых вишен на шпалерник 1000, диких ореховых кустов 1000, розановых кустов также на шпалерник 500, малины 500 кустов, смородины 500, крыжовнику 300, барбарису 300, сирени 200, берез 1500 <...>».⁴⁷

Из документа 1750 г. становится известно о перевозке в Царское Село из Петергофа и из «Левенвольдова»⁴⁸ сада заморских деревьев. К концу 1750-х гг. интерес к регулярным садам постепенно утрачивается, и замысел Нового парка так и не был осуществлён в полном объёме.

Время Елизаветы Петровны было одним из плодотворных периодов в истории парков. Как отмечает А.Н. Бенуа: «Подобно Верса-

⁴⁴ Указом от 26 августа 1748 г. предписывалось произвести посадки на аллеях Нового сада: «садить по назначенным в чертеже аллеям в Новом саду штамбовые березовые деревья, а для копания ям, подвоза в них черной земли и для выкапывания деревьев употребить солдат до 1000 человек», но из-за нехватки берёз их пришлось заменить липами, посаженными в 1749 г. (РГИА. Ф.487. Оп. 1. Д. 22).

⁴⁵ Лихачёв Д.С. *Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей*. Л., 1982. С. 56.

⁴⁶ Бенуа А.Н. *Указ. соч.* С. 21.

⁴⁷ РГИА. Ф. 487. Оп. 11. Д. 3. Л. 8.

⁴⁸ Макаров Б.С. Садовый мастер Царского Села Якоб Рехлин // *XVI Царско-сельская научная конференция. Царское Село на перекрестке времён и судеб*. СПб., 2010. С. 234.

лю, Царскосельский дворец возник из загородного дома, служившего, главным образом, охотничьим павильоном, превратился затем в изящную дачу, предназначенную для небольших летних праздников и прогулок, развился до настоящего дворца, до резиденции, вмещавшей весь блестящий двор роскошнейшей из эпох». ⁴⁹ А на месте леса был разбит прекрасный сад, наполненный множеством цветов и деревьев. В современном парке растут совсем немногие деревья и кустарники, перечисленные в приведённых документах. Современный облик старейшей части Екатерининского парка очень далёк от первоначального несмотря на то, что сохранилась геометрически правильная регулярная планировка — частая и сложная сеть прямых аллей.

Сегодня уже нет тех садов, которые были созданы в XVIII в.: уничтожена Катальная гора и павильон «Монбизу», а также стены Зверинца. И только иконографические материалы середины XVIII в. дают представление об образе парков того периода.

Архивные источники

1. План дворца и парков Царского Села из альбома Ф. Растрелли, 1757–1759 гг. (*National Library in Warsaw*, inv. No. WAF 90 Rys. 5322).
2. РГИА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 640, 714; Оп. 11. Д. 3, 30, 115; Оп. 12. Д. 63.

Литература

3. **Dézallier d'Argenville A.-J.** *La Theorie et la Pratique du Jardinage, ou l'on traite a fonds les beaux jardins apelles comunement les Jardins de Plaisance et de Propretes.* Hage, 1715.
4. **Батовский З.** *Архитектор Растрелли о своих творениях.* СПб.: Студия Александра Зимина, 2000. 118 с.
5. **Бенуа А.Н.** *Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны.* СПб.: Изд. Тов-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1910. 22, 262, 4, XLVI, 59 с.
6. **Вильчковский С.Н.** *Царское Село.* СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. 386 с.
7. **Виппер Б.Р.** *Архитектура русского барокко.* Л.: Наука, 1978. 232 с.
8. **Дубяго Т.Б.** *Русские регулярные сады и парки.* Л.: Стойиздат, 1967.
9. **Кедринский А.А.** *Большой Царскосельский (Екатерининский) дворец: От пригородной усадьбы до парадной резиденции: 1710–1760.* СПб.: Историч. иллюстрация, 2013. 272 с.
10. **Лихачёв Д.С.** *Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации.* М.: Искусство, 1981. 232 с. 59 л. ил.

⁴⁹ Бенуа А.Н. Указ. соч. С. 33.

11. **Лихачёв Д.С.** *Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей.* Л.: Наука, 1982. 341 с.
12. **Макаров Б.С.** Садовый мастер Царского Села Якоб Рехлин // *XVI Царскосельская научная конференция. Царское Село на перекрестке времён и судеб.* СПб., 2010. С. 59–85.
13. **Малиновский К.В.** *Бартоломео и Франческо Растрелли.* СПб.: Левша, 2017. 272 с.
14. **Петров А.Н.** *Пушкин: Дворцы и парки.* Л.: Искусство, 1964. 232 с.
15. **Туманова Н.Е.** *Екатерининский парк: История развития и методы восстановления.* СПб.: Стройиздат СПб, 1997. 196 с.
16. **Яковкин И.Ф.** *История села Царского: В 3-х ч. / Сост. из дел архива правл. Села Царского Ильею Яковкиным. Ч. 1.* СПб.: Тип. Деп. нар. прос., 1831.

Елена Игоревна Жерихина

*Ведущий специалист Института историко-культурных проектов,
Санкт-Петербург*

Влияние Елизаветы Петровны на
проектирование и строительство ансамбля
Воскресенского Новодевичьего монастыря

Elena I. Zherikhina

Influence of Elizabeth I on the design and
construction of the Ensemble the Resurrection
Novo-Devichi Convent in Smolny

Аннотация: Значительнейшим архитектурным комплексом Елизаветинской эпохи является ансамбль Воскресенского Новодевичьего монастыря в Смольном. Из Протоколов заседаний и приказов Конторы известно о сроках строительства, приходе и расходе материалов, припасов и выплате денег. Рапорты Конторы строения монастыря сообщают о ходе строительства, применявшихся материалах, о нравах елизаветинского времени. Из отчётов известны имена работавших здесь строителей: каменных дел мастеров, скульпторов, живописцев, столяров, кровельщиков и резчиков.

Abstract: The most significant architectural complex of the Elizabeth time is the Ensemble of the Resurrection Novo-Devichi Convent in Smolny. From the Minutes of board meetings and Orders of the Building Office, it is known about the timing of the construction, the arrival and consumption of materials, supplies and payment of money. The reports of the Building Office inform about the progress of the construction, the materials which were used and the customs of the Elizabeth time. The names of the builders, stone craftsmen, sculptors, painters, carpenters, roofers and carvers working there are known from the reports.

Ключевые слова: Смольный, Воскресенский Новодевичий, монастырь.
Keywords: Smolny, Resurrection Novo-Devichi, monastery.

Значительнейшим архитектурным комплексом Елизаветинской эпохи является ансамбль Воскресенского Новодевичьего монастыря в Смольном. О нём написано немало, но редко используются материалы Конторы строения монастыря,¹ поскольку находятся в фонде Воскресенского монастыря XIX в. Рапорты Конторы сообщают о ходе строительства, о работавших мастерах, применявшихся материалах, о нравах елизаветинского времени.

«Смольный дворец» царевны Елизаветы Петровны, наследованный ею от матери, представлял длинную, с флигелями, постройку, стоящую вдоль берега Невы.² Пожар, в 1744 г. повредивший часть здания, ускорил решение Елизаветы увековечить любимое место, построив женский монастырь.³

О намерении Елизаветы провести последние годы жизни по древнерусскому обычаю в обители свидетельствуют заказ строительства монастыря придворному архитектору; невиданная нарядность построек; многократные её «апробации» проекта; изготовление макета монастыря, его демонстрации почётным гостям, и первый вклад: венцы, приготовленные ею для своей свадьбы. С тех пор эти венчальные венцы хранились в Новодевичьем монастыре, а по его расформировании, в Воскресенском соборе.

Подготовка к строительству монастыря велась с 1746 г.: рассчитали территорию и заготавливали строительные материалы. В мае 1748 заложили восточные кельи, а 30 октября того же года — собор. В основание собора и угловых церквей при освящении монастыря положили камни с надписью титулования императрицы Елизаветы.⁴ Ф. Растрелли работал над проектом монастыря с 1744 г., и к 1748 приготовил различные планы комплекса, но августейшей заказчице не нравился рокайльный план собора.

12 июля 1749 г. Елизавета Петровна полностью отвергла проект Смольного монастыря, и архитектор заново переработал фасад и

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1. Оп. 1: Контора строения Воскресенского Новодевичьего монастыря. Переписка по строительству ... монастыря, 1749–1790-е.

² План Санкт-Петербурга 1738 года, инж. И.Б. Зихгейм, публ. П.Н. Петрова.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49: С указами императрицы для сведения и руководства, 1750; Д. 141, 217, 270. Протоколы заседаний конторы. 1750-е.

⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 475: Дело о докончании собора Воскресения Христа Спасителя, 1826–1840. Л. 150–151.

план собора, спроектировал надвратную колокольню. Воскресенский собор завершён куполом и луковичными главками башенок-колоколен. Четыре угловые домовые церкви монастыря ритмически повторяют симметрию боковых соборных глав, и фланкируются парами часовен, акцентирующих внешние углы ограды. Ритм пронизывает ансамбль: соподчинённость пространства и объёмов основана на форме греческого креста, правиле «золотого сечения»; пропорциональных зависимостях рядов Фибоначчи, приведённых к русской сажени. Собор воспринимается как центральная глава четырёхглавого монастырского каре, вписанного в звезду часовен ограды. Общая композиция монастыря представляла собой гигантский пятиглавый храм-корабль — идеал православного храмостроительства.

В конце 1750-х гг. из-за отсутствия средств на постройку колокольни Растрелли изменил форму собора, увеличив его высоту. Он вмонтировал угол башенки в барабан купола, усиливая его. С помощью невидимых на фасаде внутренних арок-аркбутантов, находящихся под кровлей собора, распор барабана купола перенесён на внешние грани башен, усиленные пучками колонн и работающие как контрфорсы. Архитектор зрительно расчленил верхнюю и нижнюю части собора. Широкая нижняя часть вписана в разрыв боковых корпусов, зрительно составляя с ними единое целое, акцентируя центр фасада монастыря, а лёгкое пятиглавие собора устремляется в небо.⁵

В 1749 г. начала работу Контора по возведению Воскресенского Новодевичьего монастыря.⁶ Указ Елизаветы в Сенат от 7 июля 1749 г. гласил: «Повелеваем нашему Сенату отписные от нас по межевании Ингерманландских земель <...> деревню с пустошами в которых крестьян 199 душ, так же пустые земли приписать к ново строящемуся в Петербурхе на Смольном дворе Воскресенскому Новодевичю монастырю и оные отписные на нас земли со всеми угоды и людей отдать в ведомство определенному по нашему указу к строению оногo монастыря бригадира Якова Мордвинова».⁷

⁵ Там же. Ф. 1293 (СПб. губ., МВД). Оп. 167. Д. 376. 1832. Л. 3, 14. Проект оформления собора.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1: Распоряжения Конторы о доставке материалов, инструментов и проведении строительных работ, 1749.

⁷ Там же. Д. 442: С докладом императрице о расходах по смете и сумме, необходимой для окончания строительства монастыря, 1750. (*Рапорты, подписанные Ее Величеством*). Л. 1: Генерал-майора Якова Мордвинова всеподданнейший доклад: «Данная мне в прошлый 1749 год <...> марта с 1 из Соляной конторы на подпись обер-архитектора Дерастрелия <...> сумма в 70 000 рублей

Ф. Растрелли контролировал разработку чертежей и надзирал за строительством. Работы на месте вёл присланный Гоф-интендантской конторой архитектор Х. Кнобель, разбиравший, сверяя с моделью, проекты и рисунки. Поскольку тогда работники чертежи читать не умели, для них выполнили макет постройки.⁸ Под непосредственным наблюдением Ф. Растрелли мастер Якоб Лоренцо «с лучшими столярами»⁹ создал модель монастыря. Для демонстрации её императрице и гостям устроили «Модельную» во втором этаже северо-западной башни, украсив зал обильным лепным декором (Ф.-М. Ламони?).

Средства на строительство сначала выдавали щедро: к выданным в 1753 г. 53 574 рублям и 128 000, поступившим из Соляной конторы, «обещано еще 10 тысяч по императорскому указу».¹⁰ Зарплатные ведомости оформлял капитан Василий Перекусихин, работавший на строительстве почти 20 лет. С 1755 г. строительством руководил Ф. Бертулиатти, зять Растрелли, с помощником В. Петровым.¹¹

Сваи в основание собора начали забивать в 1749 г., в сентябре 1751 заложили каменный фундамент, вывели стены и столбы. К 1753 цоколь собора выложили гранитными плитами. Тогда уже начали изготовление церковной утвари для храмов, и императрица пожелала, чтобы иконостасы облицевали кованым серебром. Растрелли закончил новые эскизы иконостасов собора и малых церквей к 1761 г.¹² К 1756 собор возвели до первого карниза, в 1759 свели

на исходе, а в монастыре соборная церковь, колокольня и ограда к окончанию не пришли». «К окончанию всего такого знатного здания и соборной церкви наружного украшения и иконостаса <...> требуется сумма 368 088 руб., да на экстраординарные расходы <...> по 10 000 рублей»; Д. 419: Переписка Конторы строения <...> 1751. Указы о награждениях от имени ее императорского величества <...>. Л. 3: Промемория о награждении мастеров при строении Воскресенского монастыря.

⁸ Там же. Д. 399: Об изготовлении по заказу <...> Растрелли деревянной модели монастыря, 1750. Л. 15.

⁹ Там же. Д. 120: С распоряжениями Конторы о приходе и расходе материалов, инструментов, припасов и о выплате денег мастерам и солдатам. 1750-е гг. (*Копии высочайших указов, касающихся хозяйственной жизни конторы строения Воскресенского монастыря*). 1753. Л. 44.

¹⁰ Там же. Л. 18. Среди первых каменных дел мастеров упоминается Томас Галл. Л. 32.

¹¹ Там же. Д. 49: С указами императрицы для сведения и руководства, 1750 г.; Д. 196: Указы императрицы по хозяйственным вопросам Конторы. 1756 и др.

¹² **Шумигорский Е.С.** Основание Смольного монастыря // *Русская старина*. Т. 159. СПб., 1914. С. 130.

его своды, потом выложили до окон барабан купола. В 1761 «свели» центральный купол и покрыли его кровлей. Фасады собора украсили 56 колонн с чугунными капителями и базами. Здание восточного корпуса монастыря выстроили ещё в 1749 г.; северные кельи закончили к 1752, южные — к 1753, западные — в 1754 г. Центральные ризалиты келейного (южного), настоятельского (восточного) и трапезного (северного) корпусов выделялись высокими барочными крышами с переломом. Фронтоны их предполагали украсить золочёным барельефом с монограммой «ЕІ» под императорской короной. В корпусах Смольного монастыря впервые в русской архитектуре предусмотрен светлый коридор: застеклённая монастырская аркада, опоясывающая соборный двор. Решение сделать его тёплым приняли до 1751 г.: «Оным галереям ее императорское величество указала быть с окнами».¹³ Видимо, так она пожелала зимой проходить в церкви и трапезную.

Восточный корпус, по свидетельству К.И. Знаменского и других авторов XIX в., предназначался для келий Елизаветы Петровны.¹⁴ Его начали строить на полгода раньше собора и закончили к 1751. На фасаде корпуса в 13 осей произвольно расположены ложные окна, декорирующие простенки между комнатами. Асимметричная композиция корпуса в плане и по фасаду, авторская неравномерная закладка окон бельэтажа и небольшие размеры комнат не характерны для других работ Ф. Растрелли. Удобства помещения, план которого при переработках проекта монастыря оставался неизменным, интересовали заказчицу больше, чем красота фасада, поскольку с Невы скрытые стеной и садом ложные окна не заметны. Планировка интерьера соответствует планам конца 1740-х гг.: парадная и служебная лестницы, два зала и две крошечные анфилады по три комнаты каждая. В этих апартаментах начали лепные и декоративные работы. «Обер-архитектор граф де Растрелли генваря 28 дня 1753 году» писал в Канцелярию от строений: «<...> Мастера Джания в службу Ея Императорского Величества принять и приказать. <...> к зделанию в Воскресенском Новодевичьем монастыре игуменьи в зале плафона против сообщенного от меня при сем чертеже. Поне-

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 383: О производстве работ по строительству монастыря и здания Училища мешанских девушек, 1760-е гг. Л. 42–42об.; Д. 401: Об изготовлении стекол на Лавинских и Петербургском стеклянных заводах.

¹⁴ Знаменский К.И. *Краткие исторические сведения о церкви Св. Екатерины ...* СПб., 1894. С. 4.

же о оном Джани засвидетельствовать могу, что он в своем искусстве весьма достаточен».¹⁵

Парадная лестница украшена коринфскими пилястрами, лепными наличниками и десюдепортами растительных орнаментов. Арки окон и «зеркала» стен отделаны изображениями раковин и рогов изобилия с цветами. Центральный пилон декорирован композицией из роз, своды — корзинами и гирляндами. На своде площадки изображены корзины плодов, на пилоне — повешенная на пальмовую ветвь корона (знак мирного отречения от власти). Окаймлённые пальмовыми ветвями десюдепорты увенчаны рокайлями. Лепнина, выполненная И. Финстервальтером, отличается от декора других помещений монастыря: «Архитектор Кнобель рапортом объявил: оной мастер исправлял при строении монастыря штукатурную работу особо, где вход в игуменские покои, против лестницы в сенях, июня с 7 по августа 1».¹⁶

В большом зале корпуса сохранился лепной плафон с четырьмя парами ангелов и с монограммами «ЕІ» (Елизавета I, самодержица) — единственный подтверждённый образец лепнины И. Джани по рисунку Растрелли в монастыре.¹⁷ Мощные рокайли связаны гирляндами роз и крыльями невидимых небесных сил. В интерьерах монастыря, в комнатах и в помещениях домовых храмов встречаются характерные для лепщика детали: сочетание тонких рокайльных линий с мощными завитками раковин. Плафоны проходных комнат украшены корзинами цветов, ангелами; рокайли «расцветают» ангельскими крыльями. Здесь плотная лепнина обрамляла живописные вставки, написанные К. Легреном и П. Градищи.¹⁸ В последней комнате невской анфилады (в спальне?) на плафоне изображены четыре пары юношей. В комнате, её предвещающей (молельне?), плафон украшен каноническими головками херувимов.

¹⁵ РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 105: Материалы Комиссии от строения императорских дворцов и садов. Л. 2, 3: «1753 году февраля 1 дня Штукатурного дела мастер Яган Джани в службу Ея Императорского Величества вступить желает и с Комиссией о строении контракт учинить на нижеписанных кондициях на пять лет. Обязуется реченный Джани делать всякую штукатурную работу <...> Джани по представлению обер-архитектора весьма потребен по исправлению по его художеству работ в монастыре». (Сообщено М.А. Павловой). Лепнина в основном сохранилась.

¹⁶ Там же. Л. 6. 1754 г.

¹⁷ Рисунок Ф. Растрелли с изображением, напоминающим плафоны аванзала и третьей комнаты дворовой анфилады, хранится в Вене, в Альбертине.

¹⁸ Три живописных плафона (дополненные по месту) ныне находятся в залах Гатчинского дворца: «Вера и Милосердие» украшает аванзал.

Планировочное решение Восточного корпуса монастыря подобно общим планам дворцов, построенных Растрелли для Елизаветы I, отличались лишь размерами. Продуманный декор интерьера, монограммы императрицы на плафоне аванзала подтверждают многочисленные свидетельства о предназначении этого помещения.

Двусветная церковь в северо-восточной башне Смольного строилась как домовая при кельях настоятельницы монастыря. Этим объясняются роскошь интерьера, щедрые денежные «отпуска» и высочайшее внимание к храму. Вчерне церковь закончили к середине 1750-х гг. 4 мая 1764 на «главу и свод церкви, стоящей между игуменскими покоями и трапезной», установили вызолоченные орнаменты.¹⁹ Уже после смерти Елизаветы I храм освятили в честь тезоименитной святой новой императрицы — Св. великомученицы Екатерины. В 1762 г. по указанию Екатерины II из её личной казны отпустили для позолоты 22 000 золотых. Стены храма до самого купола, по свидетельству священника церкви К. Знаменского, украсила «богате́йшая по замыслу и изящнейшая по отделке золоченая червонным золотом лепная работа». По его словам, сонмы поющих ангелов воплощали основной замысел Смольного монастыря — Стихиру Воскресения Христова.²⁰ В храме находился балдахин — сень над престолом на 12 золочёных столбах и Царское место, как в кафедральных соборах, что подчёркивало придворный и мемориальный с елизаветинских времён характер церкви. Резной иконостас сделали по эскизу Растрелли братья Колокольниковы. Его украшали головки поющих ангелов и символы причастия — виноградные гроздья и колосья пшеницы. Писали иконы братья Бельские и И.Я. Вишняков.

Сюжеты образов иконостаса посвятили событиям жизни императорской семьи при Елизавете I и Екатерине II. Малые иконы в форме медальонов, представлявшие обычно 12 церковных праздников, изображали: в центре, над иконой Спаса, — св. мученика Севастиана — день рождения императрицы Елизаветы (18 декабря 1709); над Божией Матерью — свв. Климента и Петра Александрийского на день её восшествия на престол (25 ноября 1741) и евангелиста Марка — день коронования (25 апреля 1742). С левой стороны иконостаса — Рождество Иоанна Предтечи, над ним — свв. Захария и Елизавета. Над северной дверью — Рождество Христово (25 декабря 1761) — день смерти Елизаветы I. На правой

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 441: О золочении куполов, крестов, яблук и медных украшений на угловых малых церквях, 1756–1769.

²⁰ Знаменский К.И. Указ. соч. С. 8–9.

стороне над храмовой иконой св. Екатерины — св. Януарий (день рождения Екатерины II), 21 апреля 1729 и ещё один образ св. Екатерины. Далее — свв. Харлампий и Евстафий (дни рождения Петра III и Павла I — 10 февраля 1728 и 20 сентября 1754), над ними апостолы Петр и Павел (дни тезоименитств). На парусах храма написали святых мучениц Дарью, Анастасию, Агафью и Екатерину.²¹

В северном корпусе выстроили трапезную залу, с лепниной, включавшей монограммы «ЕІ», и с большим живописным плафоном.²² Парадная лестница к ней отделана лепным сюжетным плафоном и лопатками. Церковь свв. Захарии и Елисаветы на 3 этаже северо-западной башни, над Модельной, предназначалась для монахинь Воскресенского монастыря. Сохранилась лепнина: выразительные лица поющих ангелов, парные рога изобилия, наполненные цветами и гирлянды плодов, прекрасный наборный паркет рокайльного рисунка. В парусах свода написаны лики митрополитов московских и святых русской церкви.²³

Ранее предполагалось, что с 1754 г. работы в монастыре прекратились, но это не соответствует материалам Конторы. Действительно, выводились сначала землекопы, каменщики, но мастера-строители и декораторы продолжали работу. Уменьшились выплаты, но доклады о необходимых суммах Я. Мордвинов регулярно высылал на подпись императрице, более занятой теперь строительством Зимнего дворца.²⁴ Производитель работ В. Перекусихин писал 16 июня 1765 г.: «Весь монастырь построен каменным, что почитается преимуществом, и подобного оному едва обрести можно <...> Соборная церковь может за примерную во многих государствах почитаема

²¹ Художники И. Бельский и М. Колокольников.

²² *ЦГИА СПб.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 69 об.: «Находящийся при строении монастыря у письма плафона живописного дела ученик Андрей Ерошевский со товарищи...», 1753.

²³ Там же. Л. 84: Оплата «крестьянину Григорию Рысакову при строительстве двух малых церквей и при них келий за писание образов».

²⁴ *ЦГИА СПб.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 442. Л. 3–5: «Сентября 15. Ведомость денежной казны, материалов: осталось <...> всего на 85602,47 руб. <...> К достройке соборной церкви кроме иконостаса и пола требуется 197114,87 руб. К окончанию малых церквей — 95696,58. На строение не сделанной на фундаменте колокольни, кроме литья колоннад — 154 008,61, к делу внутри ограды пруда — 11147,70; на строение каменной ограды — 61772,55. Итого 519 740 руб., 33 коп., а взамен вышеписанной суммы имеется при строении Новодевича монастыря остаток от прежней сметы, на лицо денег 1012 руб., да приготовленных материалов по разным ценам на 75 тысяч... всего 151 651,87. За исключением оных потребно 368 088,45, да сверх того, на экстраординарные расходы в <...> год требуется 10 000 рублей».

быть <...> Строение еще не dokonчено, а именно нет части ограды, главная колокольня с ее большими башнями и в ограде пруд с банями не сделан, також соборная церковь еще не dokonчена. Причиной считаю недостаток смет <...>».²⁵

После основания Воспитательного общества благородных девиц в монастыре под руководством Ю.М. Фельтена активизировалась работа каменных дел мастера Э. Казасопра, писавшего, что он: «<...> При строении монастыря находился с апреля 1750 года <...> по квадратурному и каменному искусству один без малейшего упущения <...> От чего немалый ущерб получен в здравии, а особенно будучи приведен еженедельно по несколько раз всходить, проходить, проезжать немало».²⁶ В 1762–1765 гг. под руководством Э. Казасопра выложили купол; фасады собора оштукатурили, выполнив все лепные украшения, и окрасили; заново перекрыли кровли собора, где «после великого дождя нашли немало течи».²⁷ Модели скульптурных украшений фасадов собора по рисункам Растрелли исполнил из глины П. Цег, а скульптор Ф. Ре²⁸ выполнил модели украшений церковных глав, по которым их чеканили из меди и вызолотили «через огонь».

В 1765 г. Казасопра устроил полноценный третий этаж в монастырских корпусах, пробив окна по садовым фасадам, построил новые лестницы, начал строительство Мещанского училища. Инспектируя монастырские печи после пожаров 1764 г., Казасопра обнаружил, что печи устроены плохо, из половинного кирпича, что пожары произошли от труб, «устроенных каменных дел мастером Ягном Батистом Трезином для просушки построенных помещений еще при графе де Растрелли в 1752 или 1753»,²⁹ и сделал цветной

²⁵ Там же. Д. 383: О производстве работ по строительству монастыря и здания Училища мещанских девиц, 1760-е гг. (*Переписка по строительству <...> монастыря, 1765*). Л. 18, 98. Л. 11.

²⁶ Там же. Д. 530: С рапортами директору Конторы строения монастыря И.И. Бецкому... 1760-е. Книга комитета строений (1769–1773). «Челобитная Эрколе Казасопра (Casasopra)». 1770. Л. 56, 75. Оклад его, при квартире, дровах и выезде составлял значительную сумму 700 руб. в год.

²⁷ *ЦГИА СПб.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 364: Распоряжения, протоколы заседаний и приказы Конторы о приходе и расходе строительных материалов, припасов и выплате денег, 1763. Л. 247.

²⁸ Там же. Д. 441: О золочении куполов, крестов, яблок и медных украшений на угловых церквях, 1756–1769.

²⁹ Там же. Д. 383: Переписка по строительству ... монастыря. 1764. Л. 63. Цветной чертеж печи.

чертёж современной печи, кровли и труб в башне. Он писал: «Каменных работ ныне имеется много, кои производятся в разных местах, а каменного дела мастер находится один при производстве всех тех работ <...>»,³⁰ и вызвал с родины своего племянника Ф.-А. Лукини. В эти годы ещё строили монастырские стены, оформляли монастырские корпуса и храмы,³¹ не прекращая работы до конца 1770-х гг.

Архивные источники

1. РГА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 105; Ф. 560. Оп. 6. Д. 475; Ф. 1293. Оп. 167. Д. 376.
2. ЦГА СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1, 49, 120, 141, 196, 217, 270, 364, 383, 399, 401, 419, 442, 530, 727.

Литература

3. **Знаменский К.И.** *Краткие исторические сведения о церкви Св. Екатерины ...* СПб., 1894.
4. **Шумигорский Е.С.** Основание Смольного монастыря // *Русская старина*. Т. 159. СПб., 1914.

³⁰ Там же. Л. 63–67.

³¹ Там же. Д. 727: Счета представленные <...> Бецкому, сколько для окончания соборной церкви потребно денежной казны. 1779.

Борис Михайлович Соколов

*Профессор факультета истории искусства
Российского государственного гуманитарного университета, Москва*

Франческо Бартоломео Растрелли и садовое искусство его времени: К постановке вопроса

Boris M. Sokolov

Francesco Bartolomeo Rastrelli and garden art of his time: Actual issues

Аннотация: В статье поднимается вопрос об авторстве и европейском контексте садового искусства эпохи императрицы Елизаветы. В Европе этого времени сложился тип сада, сочетающий в себе элементы итальянского и французского стилей, примерами этого типа могут служить сады в Херренхаузене и Нимфенбурге (Германия), Эстерхази (Австро-Венгрия). Основы садового ансамбля обычно определял архитектор дворца, но не всегда он был профессиональным садовым мастером. На фоне профессиональных, логичных и эффектных проектов Александра Леблona многие планы Франческо Растрелли кажутся не очень удачными. Лучшие его садовые работы — Рундале, где была возможность начать с нуля, и Царское Село, в котором Растрелли развивал планировочную систему, заложенную в эпоху Петра Великого.

Abstract: The article raises the question of authorship and of the European context of the Russian garden art of the Empress Elizabeth's era. Typical European gardens of this time combined elements of Italian and French styles, e.g. in Herrenhausen and Nymphenburg (Germany), Esterhaza (Austria-Hungary). The layout of the garden were usually determined by the architect of the palace, but he was not always a professional garden master. As compared with Alexander Leblon's professional, logical and spectacular projects, many of Francesco Rastrelli's plans do not seem very successful. His best garden works are Rundale,

where he started from scratch, and Tsarskoye Selo, where Rastrelli developed the layout laid down in the era of Peter the Great.

Ключевые слова: Русское барокко, русские сады, Леблон, Растрелли.
Keywords: Russian Baroque, Russian garden, Leblond, Rastrelli.

Садовое искусство России эпохи Елизаветы Петровны документировано и сохранилось лучше, чем облик резиденций эпохи Петра Великого и Анны Иоанновны. Мы не можем увидеть воочию «голландский» сад Монплезира, а каскады Петергофа и Стрельны претерпели с начала XVIII в. множество изменений. В отличие от этих ансамблей, план, перспективы и объёмы садов Царского Села эпохи Елизаветы в настоящее время хорошо читаются. Парк и партер Кускова проходят поэтапную реставрацию и сейчас близки к первоначальному состоянию. Однако важнейшие вопросы истории и авторства остаются дискуссионными. Их постановке и посвящена данная статья.

Первый вопрос, который возникает у историка ландшафтного искусства — место елизаветинских садов в европейском контексте. Ситуация здесь не менее сложная, чем с садовым творчеством эпохи Петра I, а материалов даже меньше. Это связано с местом барочного сада в системе архитектурных заказов. Первый этап садового искусства барокко в Италии и классицизма во Франции был связан с авторским началом — Андре Ленотр, создатель Версаля, при дворе Людовика XIV, Даниэль Маро, создатель Хет Лоо в Голландии и Собственного сада в Хемптон Корте, при дворе Уильяма III. Затем происходит смешение двух художественных систем, барокко и классицизма, возникает множество ансамблей самого разного очертания и композиции. Авторская воля в этих садах не столь сильно выражена, главное в них — подчинение композиции архитектуре дворца и вкусам заказчика.

Голландский тип сада является производным от французской партерной системы, но в нём движение вдаль остановлено, границы закрыты оградой или земляным валом, ботанические посадки доминируют.¹ Эти особенности хорошо видны на примере воссозданного парка в Хет Лоо и на топографически точных изображениях, таких как пейзаж с садами Флитзорг (Vlietzorg) и Зоргвлит (Zorgvliet) возле Харлема (Музей Амстердама).

¹ Jong E., de. *Nature and Art: Dutch Garden and Landscape Architecture 1650–1740*. Philadelphia, 2001.

Сады многих резиденций XVIII в. за пределами Франции ориентированы на подражание мощи, перспективной красоте и планировке Версаля. Трезубец версальских дорог и длинная ось ансамбля в этих парках нередко варьировались либо менялись местами. К ансамблю баварского Нимфенбурга со стороны Мюнхена идёт длинный канал, а полукруглый парадный двор напоминает Площадь Армий в Версале. От паркового фасада дворца расходятся три длинные аллеи, которые кончаются архитектурными акцентами — центральным каскадом, павильонами Баденбург и Пагоденбург. В австро-венгерской Эстерхазе трёхлучие обращено в парк, а в его гуще располагались боскеты и зелёные кабинеты.

В европейских резиденциях эпохи барокко, созданных по образцу Версаля, стилистическая чистота французского ансамбля, ради которой его авторы работали четыре десятилетия, соблюдалась редко. Вместо сдержанных скульптур и архитектурных форм парки насыщались барочными статуями и постройками. В основе парка Херренхаузена в Ганновере — огромный партер французского типа, но его строгость нарушают многочисленные патетические скульптуры. В Европе возникает феномен своеобразного «версальского барокко», который можно видеть почти в каждом парке Германии этой эпохи. Примерами могут служить Вильгельмсхойе в Касселе и Эрмитаж в Байройте.

В середине XVIII в. к трём стилистическим элементам европейских парков — итальянское барокко, французский классицизм, голландский замкнутый сад — прибавляются принципы рококо. Прихотливые, извилистые формы этого стиля накладываются на строгую «версальскую» основу, дробят крупные поверхности, приносят камерную атмосферу. Яркие примеры садов такого типа — Файтсхёхсхойе возле Вюрцбурга и Шветцинген близ Гейдельберга. В последнем саду круглый план партера сочетается с выраженной осью «версальского» типа, а садовые кабинеты окружены пейзажными участками.

При столь большом стилистическом многообразии, которое усиливалось ещё и влиянием печатных образцов, авторскому, индивидуальному началу проявиться было трудно. Дворец и основные планировочные оси обычно проектировал главный архитектор, а подробности устройства (и постоянного переустройства) парка оставались на усмотрение садовых мастеров. Бывали случаи, когда при загородном дворце не возникало соответствующего его величию сада. При ансамбле Сан-Суси и Нового дворца в Потсдаме, каким он сложился в эпоху Фридриха II, были намечены оси и

произведены минимальные посадки. Великолепный парк, включающий в себя и пейзажную и регулярную части, был создан Петером Йозефом Ленне гораздо позже, в 1830–1840-е гг.

Таким образом, в Европе XVIII столетия было создано множество образцов сада смешанного стиля, где можно встретить элементы барокко, классицизма, рококо и даже пейзажного парка. Единого стиля не существует, и художественные достоинства ансамбля определяются творческой волей архитектора. В этих условиях ищут свои решения создатели садов эпохи Елизаветы Петровны.

Разнообразие стилей в парках императорских резиденций было частью плана Петра Великого. Он постепенно сменял предпочтения, переходя от садов голландского типа к монументальному барокко, а после посещения Франции в 1717 г. — к идеям Ленотра.² Борьба мнений, школ и национальных традиций была частью творческой и жизненной ситуации, в которой работали иноземные специалисты. Бартоломео Растрелли-старший в результате конфликта с Жан-Батистом Леблонем перешёл из архитекторов в скульпторы.³ Леблон, отстаивая свои проекты, вступил в конфликт со всеми участниками архитектурного процесса, от Никколо Микетти до А.Д. Меншикова и самого Петра.⁴ Именно в этой атмосфере выработались итоговые проекты парков Стрельны, Петергофа, Царского Села. Компромиссные, коллективно найденные черты сохранились в этих ансамблях и в ходе дальнейшей их истории.

После эпохи Петра заказчики и архитекторы по-прежнему ориентируются на смешанный стиль и на европейские образцы. Однако столь крупных садовых архитекторов, какими были Леблон и Микетти, мы в этот период не видим. Т.Б. Дубяго и К.В. Малиновский, собравшие материалы по садовому искусству эпохи Елизаветы Петровны, указывают ряд имён садовых мастеров, от которых остались один-два проекта, а часто — ни одного. В то же время такие крупные ансамбли, как городская усадьба Ф.М. Апраксина, остаются без авторства.⁵ Показательно, что Растрелли-сын, перечисляя свои проекты в Царском Селе, не упоминает среди них

² См.: Горбатенко С.Б. *Архитектурные маршруты Петра Великого*. СПб., 2015; Соколов Б.М. *Наследие Андре Ленотра и французское путешествие Петра I // Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию: Мат-лы IX Междунар. петровск. конгр.: Париж — Реймс 20–22 апреля 2017 года*. СПб., 2018. С. 223–232.

³ Малиновский К.Б. *Бартоломео и Франческо Растрелли*. СПб., 2017. С. 57–68.

⁴ Соколов Б.М. *Жан-Батист Александр Леблон и садовое искусство его времени* (в печати).

⁵ Дубяго Т.Б. *Русские регулярные сады и парки*. М., 1963. С. 247–248.

устройство сада.⁶ Это тоже коллективная работа, начатая архитекторами эпохи Петра I. Имеющиеся материалы по устройству садов и парков эпохи Елизаветы Петровны показывают большое разнообразие планировок и деталей без явно выраженного индивидуально-го начала.

Франческо Бартоломео Растрелли родился в Париже в 1697 г. и в молодости около пяти лет жил и совершенствовался во французской столице.⁷ Его первые работы проникнуты духом «версальского барокко», обобщённого стиля парадных резиденций Европы. Однако в архитектуре и садовых планах Растрелли видна сильная авторская воля и опора на французские прототипы. Наиболее интересна для историка работа в Рундале (Руентале), летней резиденции Э.И. Бирона. Первые планы относятся к 1735 г. Разбивка «большого сада, окружённого большим каналом», судя по списку работ, составленному архитектором, произведена тогда же.⁸ Планировка садов и парка Рундале похожа на схему, применённую в Нимфенбурге и Эстерхази. Прямая перспективная дорога издали подходит к парадному двору, а от садового фасада дворца расходится веер аллей. Необычно их количество — вместо трезубца здесь пять одинаковых по значению осей. Они выглядят достаточно эффектно, но при взгляде из дворца чувствуется чрезмерность этого решения — виды измельчены, партер разрезан на небольшие участки.⁹

Работы в садах Петербурга, проведённые Растрелли в эпоху Елизаветы Петровны, известны нам по планам дополнений в Летнем саду и в его продолжении, окружавшем Третий Летний дворец. Проект Леблона, не утверждённый Петром I, предусматривал укрупнение аллей Летнего сада и разбивку на месте Большого луга парка с центральной «звездой» из восьми аллей. Растрелли в своём проекте предлагает разбить Большой луг тремя продольными аллеями и на каждом углу устроить по диагональному ходу с садовым

⁶ Там же. С. 221–222.

⁷ **Малиновский К.Б.** *Указ. соч.* С. 97–104.

⁸ Там же. С. 221.

⁹ Показательно для нынешней ситуации с изучением садового наследия эпохи барокко, что сад Рундале остался без анализа в исследованиях Т.Б. Дубяго и К.Б. Малиновского. В книге о Рундале созданию парка посвящена одна страница (**Ланцманис И.** *Рундальский дворец.* Рига, 2009. С. 185), а принципы и исторические основы многолетней реставрации, проведённой под руководством автора издания, вообще не пояснены. В подробнейшей книге латвийской исследовательницы Ильзе Янелис (**Janelis I.M.** *Manor gardens and parks of Latvia.* Riga, 2010. P. 51), приведены одна фотография и один не аннотированный план ансамбля.

кабинетом. Это решение было монотонным, а множество диагональных коротких путей разбило бы перспективы на мелкие части. Проект нельзя признать работой профессионала, умеющего распределять массы и открытые плоскости, строить масштабные виды.

Растрелли окружил Третий Летний дворец массивом зелени с параллельными аллеями, а партер с двумя расширяющимися бассейнами направил в гушу сада-лабиринта.¹⁰ Недостатки этого плана очевидны. Во-первых, ось партера упирается в зелёную стену, за которой центральная беседка не видна. Во-вторых, шпалерный сад состоит из длинных «огибных» аллей, проходящих по краю участка в четыре ряда, путешествие по которым занимало очень много времени. При этом они не предлагают ни одного интересного вида. Умозрительный характер проекта виден из парных участков, похожих по очертаниям на французский партер. Они состоят из шпалерных стен, поэтому широких видов в этом саду не было. Несмотря на изъяны проекта, он был осуществлён, и хорошо виден на плане, созданном в мастерской Сент-Илера.¹¹

План Нижнего сада Царского Села, красивый и хорошо обозримый, в большой степени определяется постройками и общим замыслом Растрелли. Здесь нет ошибок, тесных мест, бесконечных лабиринтов. По-видимому, причиной этому было наличие планировочной основы петровского времени, в которой намечено даже существующее и поныне трёхлучие. Поэтапное расширение парка позволило достичь гармонии пропорций, а Новый сад (нынешний Александровский парк) получил крупные формы, напоминающие план Леблona для Большого луга.

Татьяна Борисовна Дубяго, наиболее проникательный исследователь русского садового барокко, отмечала, что в своих композициях Растрелли «не мог подняться до того высокого профессионального мастерства, которым отличались произведения Леблona. Растрелли меньше интересовался композицией садов и парков, уделяя внимание проектированию садовых зданий. <...> В них иногда проявлялась монотонность, в особенности, когда в качестве основного мотива он применял повторяющуюся диагональную систему планировки».¹² Однако не только постройки, но и сады императорских резиденций, в которых работал итальянский архитектор, воспринимались как образцовые «сады Растрелли», которым следует подражать.

¹⁰ Дубяго Т.Б. Указ. соч. С. 87.

¹¹ Аксонометрический план Санкт-Петербурга 1765–1773 гг.: В 2 т. (план П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова и др.). Т. 2. СПб., 2003. С. 23–24.

¹² Дубяго Т.Б. Указ. соч. С. 45.

В эпоху Елизаветы смесь разнородных стилистических элементов переплавляется в единый тип «версальского барокко», образцом которого является Нижний сад в Царском Селе. Однако в крупном регулярном парке определяющую роль всегда играет замысел его создателя. Не будучи профессионалами уровня Леблон, Микетти и М. Земцова, создатели садов этой эпохи неоднократно делают ошибки, нарушают баланс элементов ансамбля.¹³ Главные работы елизаветинского времени связаны с именем Растрелли. Здесь можно выделить два наиболее удачных его ансамбля. Один из них — простой и ясный парк Рундале, при строительстве которого молодого архитектора не связывала существующая планировка. Второй — Царское Село, в котором идеи архитекторов петровской эпохи были развиты при проектировании Нижнего и Нового садов.

Современное состояние исследований в сфере садов елизаветинской эпохи явно неудовлетворительно. У этого есть несколько причин. С одной стороны, роль садового архитектора становится существенно меньшей, чем в эпоху Петра I. Мы знаем множество проектов без имён и имён без проектов.¹⁴ С другой стороны, архитекторы и чиновники упоминают садовые работы в последнюю очередь, отдавая предпочтение постройкам. И наконец, сады России этой эпохи следует рассматривать в общем европейском контексте, сравнивая их как с типичными, так и с выдающимися авторскими решениями. Примером может служить применение «версальского» трёхлучия в садах Европы и России — Нимфенбурга, Эстерхази, Рундале и Царского Села.

Литература

1. **Janelis I.M.** *Manor gardens and parks of Latvia*. Riga: Neputns, 2010. 303 p.
2. **Jong E., de.** *Nature and Art: Dutch Garden and Landscape Architecture 1650–1740*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. 264 p.
3. *АксонOMETрический план Санкт-Петербурга 1765–1773 гг.*: В 2 т. (план П. де Сент-Илера, И. Соколова, А. Горихвостова и др.). Т. 2. СПб.: Крига, 2003. 248 с.
4. **Горбатенко С.Б.** *Архитектурные маршруты Петра Великого*. СПб.: Историческая иллюстрация, 2015. 440 с.
5. **Дубяго Т.Б.** *Русские регулярные сады и парки*. М.: Стройиздат, 1963. 344 с.

¹³ Подобные примеры можно видеть в городских садах Петербурга, показанных на плане Сент-Илера (С. 26, 34, 41–42, 50).

¹⁴ Доклад А.Л. Реймана «Садовое искусство в эпоху Елизаветы Петровны в Санкт-Петербурге», конференция «Великая Елисавет дела Петровы совершает...». СПб., 19.06.2021.

6. **Ланцманис И.** *Рундальский дворец*. Рига: Юмава, 2009. 263 с.
7. **Малиновский К.Б.** *Бартоломео и Франческо Растрелли*. СПб.: Левша, 2017. 272 с.
8. **Соколов Б.М.** *Жан-Батист Александр Леблон и садовое искусство его времени* (в печати).
9. **Соколов Б.М.** Наследие Андре Ленотра и французское путешествие Петра I // *Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию: Мат-лы IX Междунар. петровск. конгр.: Париж — Реймс 20–22 апреля 2017 года*. СПб.: Европейский Дом, 2018. С. 223–232.

Михаил Витальевич Шкаровский

*Главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербург*

Александро-Невский монастырь в царствование Елизаветы Петровны

Mikhail V. Shkarovsky

Alexander Nevsky Monastery in the reign of Elizabeth Petrovna

Аннотация: Императрица Елизавета I отличалась ярко выраженным благочестием и внесла значительный вклад в развитие церковной жизни Санкт-Петербурга и, прежде всего, Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря. К концу царствования императрицы Елизаветы Петровны его значение в деятельности Российской Православной Церкви существенно выросло. Монастырь перешёл под руководство архиереев учреждённой в 1742 г. Санкт-Петербургской епархии. В обители более активно стали проводиться строительные работы, улучшилось его материальное положение, достигла определённого расцвета Александро-Невская семинария. Всё это подготовило почву для возведения монастыря в конце XVIII в. в статус Лавры.

Abstract: The Empress Elizabeth I was distinguished by her pronounced piety and made a significant contribution to the development of the church life of St. Petersburg and, above all, the Holy Trinity Alexander Nevsky Monastery. By the end of the reign of Empress Elizabeth Petrovna, its importance in the activities of the Russian Orthodox Church had grown significantly. The monastery came under the leadership of the bishops of the Diocese of St. Petersburg, established in 1742. Construction work began to be carried out more actively in the monastery, its financial situation improved, and the Alexander Nevsky Seminary reached a certain flourishing. All this prepared the ground for the construction of the monastery at the end of the XVIII century in the status of the Lavra.

Ключевые слова: императрица Елизавета I, Русская Православная Церковь, Санкт-Петербург, Александро-Невская Лавра, святой князь Александр Невский.

Keywords: Empress Elizabeth I, Russian Orthodox Church, St. Petersburg, Alexander Nevsky Lavra, Holy Prince Alexander Nevsky.

Императрица Елизавета I отличалась ярко выраженным благочестием и внесла значительный вклад в развитие церковной жизни столицы Российской империи. Именно она 1 сентября 1742 г. учредила самостоятельную Санкт-Петербургскую епархию. 29 сентября столичным Духовным правлением были получены указ Святейшего Синода об открытии епархии и предписание о поминовании епископа за богослужением. 8 ноября первый глава епархии — епископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский Никодим (Сребницкий) издал указ об изготовлении её печати по предложенному им описанию.¹ Тогда же владыка Никодим занял должность священноархимандрита Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря, которому императрица уделяла особое внимание. При нём на территории обители находилась домовая архиерейская контора, вскоре заменённая консисторией.²

10 марта 1745 г. на место владыки Никодима был назначен первый настоятель Александро-Невского монастыря архимандрит Феодосий (Яновский). Вместе с Санкт-Петербургской кафедрой он получил и управление Александро-Невским монастырём. Хиротония отца Феодосия во архиепископа Санкт-Петербургского и Шлиссельбургского состоялась в придворной церкви, в присутствии императрицы Елизаветы 10 марта 1745 г. Его преемником в 1750 г. стал архиепископ Сильвестр (Кулябка) — известный просветитель, первый из Санкт-Петербургских иерархов, назначенный членом Святейшего Синода. Занимая столичную кафедру, владыка часто проносил проповеди, некоторые из них были напечатаны в 1751–1753 гг. Он скончался 17 апреля 1761 г. и был погребён в Благовещенской церкви.³

¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2178. Л. 1.

² *Очерки истории Санкт-Петербургской епархии* / Ред.-сост. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). СПб., 1994. С. 48; Фирсов С.Л. Архиереи, занимавшие кафедру епископов, архиепископов и митрополитов в XVIII–XX веках // *Руководители Санкт-Петербурга*. СПб., 2003. С. 287–288.

³ Рункевич С.Г. *Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1713–1913: Историческое исследование. В 2-х кн.* СПб., 2001. Кн. 2. С. 13–18; Фирсов С.Л. Указ. соч. С. 288–289.

В 1743 г. Елизавета Петровна учредила в день перенесения мощей святого благоверного великого князя Александра Невского в Александро-Невский монастырь Санкт-Петербурга 30 августа / 12 сентября крестный ход из церкви Рождества Богородицы в обитель. С тех пор ежегодно, 30 августа по окончании литургии, всё столичное духовенство во главе с Санкт-Петербургским архиепископом (позднее митрополитом) крестным ходом направлялось из кафедрального храма по Невскому проспекту к Лавре. Сама Елизавета Петровна несколько раз шла с крестным ходом и после литургии обедала в монастыре, который ежегодно чем-либо жаловала. Этот праздник стал более значимым для города, чем день кончины святого князя Александра.⁴

В 1752–1753 гг. пребывавшие в верхнем Александро-Невском храме Благовещенской церкви монастыря мощи святого князя Александра Невского поместили в новую великолепную раку в стиле барокко, ставшую лучшим и самым прославленным произведением серебряных дел мастеров России XVIII в. В 1750 г. на раку по указу Елизаветы были пожалованы первые 90 пудов серебра, добытые за год на Кольванских рудниках на Алтае, а общий её вес составил 300 пудов.

Это уникальное произведение было изготовлено на петербургском Монетном дворе по эскизу Г.Х. Гроота при участии скульптора И.Ф. Дункера, живописца Л. Каравака, лепщика А. Мартелли и др. Длина раки составила около 3 метров, ширина — 1,3 метра. Справа по кругу были вырезаны стихи учёного и поэта М.В. Ломоносова. По сторонам надписи находились ангелы (один трубил, другой указывал на надпись) и женские фигуры, которые держали книгу, факел, меч и весы. Для перенесения мощей в новую раку была устроена временная деревянная лестница с запада храма, вместо ещё не готовой пирамиды сделано её изображение на холсте. Для усиления прочности нижняя церковь была укреплена четырьмя колоннами. Всеми приспособлениями распоряжался швейцарский архитектор Пьетро Антонио Трезини, назначенный руководить работами 10 сентября 1742 г. Рака со святыми мощами находилась в Александро-Невском храме до 1790 г.⁵

В царствование императрицы Елизаветы Петровны в Свято-Троицком Александро-Невском монастыре активно велись строитель-

⁴ Рункевич С.Г. *Указ. соч.* Кн. 1. С. 295–297.

⁵ «Святыи и храбрый князь здесь телом почивает...» // *Православные монастыри: Путешествие по святым местам.* 2009. № 36: *Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра.* С. 22–23; *Исторические кладбища Петербурга / Сост. А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко.* СПб., 1993. С. 169.

ные работы. Значительную роль в создании ансамбля Лавры сыграл П.А. Трезини, который разработал и частично воплотил проект возведения обрамляющих монастырский двор корпусов. Трезини завершил восточную линию монастырского каре возведением корпуса, впоследствии получившего название Федоровский. С юго-востока корпус замкнула новая двухэтажная церковь. Строительство храма во имя святых Иоанна Златоуста и Феодора Новгородского началось по проекту П.А. Трезини в 1743 г. В 1751 г. архитектор уехал, и завершал работы уже архитектор Игнатий Росси, который с 1753 г. около 15 лет возглавлял Контору строения монастыря.

В 1752 г. церковь святых Иоанна Златоуста и Феодора Новгородского была закончена вчерне, кроме купола, в следующем году возвели и вызолотили главу, в 1754 г. поставили на неё крест, а в 1755–1761 гг. к церкви пристроили широкую каменную лестницу в верхний храм по проекту архитектора М.Д. Расторгуева. К 1767 г. отделка храмов была закончена, но их освящение произошло в 1770 г., верхний храм освятили во имя св. кн. Феодора, брата Александра Невского, а нижний — во имя свт. Иоанна Златоуста.⁶

В рамках доработанного архитекторами И.Я. Росси, М.Д. Расторгуевым и М.Е. Мелентьевым проекта П.А. Трезини велось строительство: в 1753–1754 гг. — новой деревянной колокольни, в 1756–1764 гг. — Митрополичьего и Семинарского корпусов, в 1761–1771 гг. — Просфорного корпуса. Первым — в 1755–1756 гг. был построен Митрополичий корпус, в котором находились личные покои петербургских архиереев, парадный приёмный зал, и позднее оказались устроены три домовые церкви — Крестовая митрополичья Успенская, святого Архангела Михаила и трапезная церковь во имя Покрова и преподобного Палладия.

К 1750-м гг. было вчерне завершено строительство Свято-Троицкого собора в формах южно-немецкого барокко по проекту архитектора Л.Т. Швертфегера. Он переработал проект главного храма монастыря, так как по первоначальному проекту архитектора Доменико Трезини главный вход в собор предполагался с востока, с Невы, алтарь же был обращён на запад, что не отвечало православ-

⁶ **Пирютко Ю.М.** Лаврские кладбища и усыпальницы // *Санкт-Петербургские епархиальные ведомости*. 2000. Вып. 23. С. 65; **Антонов В.В., Кобак А.В.** *Святые Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия: В 3 т.* Т. 1. СПб., 1994. С. 41–42; **Шульц С.С.** *Храмы Санкт-Петербурга (история и современность): Справочное издание.* СПб., 1994. С. 18–19.

ной традиции. Однако вскоре после окончания строительства в стенах и сводах храма образовались трещины, и по указу императрицы Елизаветы от 20 марта 1753 г. собор с 20 октября 1753 по 16 июля 1755 гг. был разобран под наблюдением И. Росси до основания, а щебень пошёл на «усыпку» Невского проспекта.⁷

В царствование Елизаветы Петровны самым привилегированным кладбищем в Санкт-Петербурге было Лазаревское Александро-Невского монастыря, получившее название по устроенной в 1717–1718 гг. каменной церкви Воскрешения Праведного Лазаря, в которой хоронили прежде всего представителей графского рода Шереметевых. Для Лазаревского кладбища изначально были характерны семейные участки представителей купечества и дворянства, в частности, здесь был погребён приближённый Елизаветы генерал-фельдмаршал Петр Иванович Шувалов. Также здесь есть захоронения видных деятелей науки и культуры XVIII в., таких как учёный М.В. Ломоносов, писатель Д.И. Фонвизин, поэт-сатирик А.С. Хвостов и др. Памятники для кладбища создавали знаменитые скульпторы. В 1756–1758 гг. на Лазаревском кладбище была построена деревянная пятиглавая с галерей у входа Благовещенская церковь, служившая приходским храмом и разобранная через 30 лет.⁸

Важнейшим по значению некрополем являлась Благовещенская церковь. В 1746 г. здесь была похоронена скончавшаяся в ссылке правительница Анна Леопольдовна, мать свергнутого императора Иоанна VI Антоновича (прах которой доставили из Холмогор), в том же году — президент Военной коллегии генерал-фельдмаршал В.В. Долгоруков, в 1750 г. — архиепископ Санкт-Петербургский и Новгородский Феодосий (Яновский), в 1755 г. — принцесса Анастасия Ивановна Гессен-Гомбургская, в 1756–1757 гг. — двоюродные сёстры Елизаветы Петровны — жена обер-прокурора Сената Мария Симоновна Глебова и жена генерал-полицмейстера Екатерина Карловна Корф. В 1771 г. в ней произошло захоронение тайного супруга императрицы Елизаветы графа Алексея Григорьевича Разумовского. Позднее в церкви появилось погребение ещё одного фаворита Елизаветы Петровны — основателя Московского университета и Академии художеств Ивана Ивановича Шувалова.⁹

⁷ **Чистович И.А.** Свято-Троицкая Александро-Невская лавра // *Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии*. СПб., 1884. Вып. 8. С. 477–513; **Тихон (Покровский), архим.** *К столетию Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры*. СПб., 1890; *Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси: Санкт-Петербургская епархия*. Вып. 1. СПб., 1908. С. 49–59.

⁸ *РГИА*. Ф. 815. Оп. 5. Д. 74. 1756 г. Л. 23.

⁹ *Исторические кладбища Петербурга*. С. 169–170.

Дальнейшее развитие при Елизавете Петровне получила помещавшаяся в стенах монастыря Александро-Невская семинария. Получив пополнение из закрытой бывшей духовной школы архиепископа Феофана (Прокоповича), количество учащихся Александро-Невской семинарии в 1740 г. достигло 85, в том числе 40 детей священников, 23 — монастырских служителей, 10 — причетников, 6 — диаконов. В 1742 г. в семинарии числилось и 25 псковских студентов, содержавшихся на средства Псковского Архиерейского дома. Среди преподавателей семинарии были принявший постриг в Александро-Невском монастыре выдающийся учёный-медик, филолог, историк и богослов, которого привели к Православию многолетние занятия историей Русской Церкви, монах Никодим (датчанин А. Селлий); Амвросий (Зертис-Каменский), впоследствии архиепископ Московский, переводчик Псалтыри и святых отцов, составитель службы святителю Димитрию Ростовскому, и будущий митрополит иеромонах Гавриил (Кременецкий). В 1739 г. наместник Александро-Невского монастыря архимандрит Стефан вместе с братией решили построить новый семинарский дом вне слобод, на особо отделённом месте за монастырским конюшенным двором. В 1740 г. было завершено строительство нового деревянного, на каменном фундаменте, здания семинарии с домовою церковью святого апостола Иоанна Богослова.¹⁰

Развитию духовных школ способствовало то обстоятельство, что по указу Петра I от 13 декабря 1719 г. при монастыре была создана одна из первых в Санкт-Петербурге типографий. Вершиной её деятельности стало издание в 1736—1741 гг. исправленного текста Славянской Библии (её печатание было закончено в Москве в 1752 г.). При обители также существовали словолитня, книжный склад и библиотека. Среди особенно значительных поступлений в неё можно назвать книжные собрания архиепископа Феофана (Прокоповича) (1741), бывшего преподавателя семинарии монаха Никодима (Селлия) (1745) и архиепископа Феодосия (Яновского) (1750). С 1720 г. библиотека относилась к типографии монастыря и, помимо своего фонда, хранила выпускаемые тиражи. Она предназначалась как для братии и сочинителей проповеди слова Божия, так и для семинаристов. Хранителем библиотеки в 1737—1741 гг. был иеродиакон Епифаний; размещалась она в середине XVIII в. в ше-

¹⁰ Рункевич С.Г. *Указ. соч.* Кн. 1. С. 543—552; *Очерки истории Санкт-Петербургской епархии.* С. 35.

сти покоях второго этажа монастырского корпуса. 15 марта 1742 г. был устроен особый монастырский архив.¹¹

Именно при императрице Елизавете Петровне — указом от 20 сентября 1743 г. был назначен первый официальной ректор Александро-Невской семинарии. Им стал иеромонах Гавриил (Григорий Федорович Кременецкий). Будущий митрополит родился 20 ноября 1711 г. в местечке Носовка Киевской губернии, обучался в Киево-Могилянской и Московской Славяно-греко-латинской Академиях. С 1 апреля 1736 г. он служил учителем Александро-Невской семинарии, в 1739 г. принял монашеский постриг, и в 1743—1748 гг. был ректором семинарии. После назначения 5 апреля 1748 г. архимандритом Новоспасского монастыря и членом Синода, отец Гавриил 17 сентября 1749 г. был посвящён во епископа Коломенского, а 8 октября 1755 г. переведён в Казань. 25 июля 1762 г. Владыка Гавриил занял столичную кафедру и 29 июля был возведён в сан архиепископа Санкт-Петербургского и Шлиссельбургского.

Святительское служение архиепископа Гавриила на Санкт-Петербургской кафедре проходило в заботах об упорядочении церковной жизни и церковном просвещении. В 1769 г. последовало распоряжение Владыки, чтобы все духовного чина люди, обучавшиеся в школах, говорили проповеди. С его именем было также связано расширение распространения синодальных изданий и строительство новых зданий Александро-Невского монастыря. 29 мая 1764 г. Владыка получил титул архиепископа Санкт-Петербургского и Ревельского. 29 сентября 1770 г. Владыка Гавриил был назначен митрополитом Киевским и Галицким. Скончался митрополит Гавриил в Киеве 9 августа 1783 г. и был погребён в Софийском соборе.¹²

Первым префектом Александро-Невской семинарии стал иеромонах Амвросий (Зертис-Каменский), его назначение также состоялось 20 сентября 1743 г., одновременно с назначением иеромонаха Гавриила (Кременецкого) ректором. 10 мая 1748 г. отец Амвросий был произведён во архимандрита в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь и назначен членом Синода. Его перу принадлежат переводы Псалтири, посланий св. Игнатия, епископа Антиохийского, огласительных поучений св. Кирилла, епископа Иерусалимского, изложения православной веры св. Иоанна Да-

¹¹ См.: *Библиотеки дореволюционного Петербурга: Справочник / Отв. сост. И.Г. Матвеева.* СПб., 2005; *Обращение братьев Лавры // Вестник Александро-Невской Лавры.* 2007. № 4—6. С. 7.

¹² **Рункевич С.Г.** *Указ. соч.* Кн. 2. С. 22—24; **Фирсов С.Л.** *Указ. соч.* С. 291.

маскина, рассуждений против атеистов Гуго Гроция. Им же была составлена служба святителю Димитрию Ростовскому.

В числе последующих ректоров семинарии в XVIII в. были известные деятели Российской Православной Церкви: иеродиакон Никодим (Пученков) (1748–1756) и иеромонах Сильвестр (Страгородский) (1756–1761). Ректор Александро-Невской семинарии иеродиакон Никодим (Пученков) и архимандрит Иоасаф (Маткевич), ректор Новгородской семинарии, подготовили переиздания Киево-Печерского патерика и «Житий святых», составленных свт. Ростовским Димитрием (Туптало).¹³ Многие преподаватели были насельниками Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря. С развитием учебного дела в столице монастырь стал нести ещё один вид церковно-общественного служения — законоучительство, к которому привлекли, прежде всего, учителей семинарии.¹⁴

Число воспитанников Александро-Невской семинарии длительное время оставалось почти неизменным: в 1740 г. — 85, в 1741 г. — 108, в 1744 г. — 74, в 1758 г. — 82, в 1762 г. — 73.¹⁵ Учебный процесс был построен так, что во вторник, четверг и субботу ученики приходили утром к литургии, а затем после обеда обучались нотному пению. Ученики классов философии и риторики каждую субботу в присутствии ректора, учителей и своих сверстников с кафедры читали русские и латинские речи. Отдельный преподаватель вёл обучение немецкому и французскому языкам, арифметике и геометрии. Большое внимание уделялось церковному ораторскому искусству, когда не только преподаватели, но и студенты должны были говорить проповеди по воскресеньям и праздничным дням в храмах Александро-Невского монастыря.¹⁶

Главной задачей Александро-Невской семинарии была подготовка достойных кандидатов во священство для церковно-приходского служения. При императрице Елизавете Петровне среди учащихся преобладающим окончательно становится священническое сословие. Обучение на латинском языке, при всех своих недостатках, имело и положительные стороны. Изучая латинский язык, воспитанники семинарии знакомились с богатой классической литературой Западной Европы. Однако по-прежнему небольшими

¹³ *Очерки истории Санкт-Петербургской епархии*. С. 79.

¹⁴ Рункевич С.Г. *Указ. соч.* Кн. 2. С. 71–72.

¹⁵ Там же. С. 163–164.

¹⁶ Там же. С. 163–174.

были оклады семинарских преподавателей, что неблагоприятным образом отражалось на учебном процессе.¹⁷

Указом 1741 г. было разрешено постригать в монашество только тех семинаристов, которые завершили обучение. В 1747 г. императрица Елизавета указала согласно с каноническими правилами рукополагать в священники не ранее 30 лет, а в диаконы — не ранее 25 лет. Прошедшие семинарский курс имели право на лучшие места в епархиях.¹⁸

Из учителей и студентов Александро-Невской семинарии многие поступали священниками к церквам заграничных миссий. Некоторые выпускники Духовной школы продолжали обучение в других высших и средних учебных заведениях. Так, когда по регламенту Академии наук в 1747 г. при ней был учреждён университет, в его первый набор предполагалось взять 30 студентов из воспитанников Московской Духовной Академии, Александро-Невской и Новгородской семинарий. Из Александро-Невской семинарии для университета было выбрано 10 человек из богословского, риторического и пиитического классов. Некоторые из них в дальнейшем приобрели известность в учёном мире. В частности, С.Я. Разумовский, поступивший в университет из риторического класса, стал адъюнкт-профессором Академии наук.¹⁹

При императрице Елизавете Петровне в Александро-Невском монастыре пребывало много известных старцев и замечательных подвижников благочестия. Одним из них был будущий апостол язычников, свт. Софроний Иркутский (Кристалевский-Назаревский). Он родился в Украине, в январе 1742 г. в сане иеромонаха поступил в Александро-Невский монастырь из Переяславского Архиерейского дома, сперва служил казначеем, а с 1745 г. — наместником обители. По рекомендации императрицы Елизаветы в 1753 г. в московском Большом Успенском соборе он был рукоположен во епископа Иркутского и Нерчинского. Миссионер и подвижник Софроний скончался 30 марта 1771 г., а на Всероссийском Поместном Соборе в апреле 1918 г. был канонизирован.

Старший брат известного митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Гавриила (Петрова) — архиепископ Тобольский

¹⁷ **Константин (Горянов), архиеп.** История Санкт-Петербургских Духовных школ от основания до реформы: 1721–1808 годы // *Христианское чтение*. 2006. № 27. С. 134.

¹⁸ **Чистович И.А.** *История Санкт-Петербургской Духовной Академии*. СПб., 1857. С. 49–50.

¹⁹ **Константин (Горянов), архиеп.** *Указ. соч.* С. 133.

и Сибирский Варлаам (Петров), на кафедре с 5 октября 1768 г., снискавший любовь и уважение подвижнической жизнью, был постриженником Александро-Невского монастыря при императрице Елизавете. Духовным наставником будущего Владыки являлся схимонах Досифей.

В Александро-Невском монастыре начинал свой монашеский подвиг знаменитый старец Феодор (Ушаков), происходивший из старинного дворянского рода, давшего России великого флотоводца. В молодости он служил сержантом Преображенского полка в Санкт-Петербурге, но ему не суждена была офицерская карьера. Однажды Ушаков стал свидетелем внезапной смерти своего приятеля. Этот трагический случай заставил его увидеть всю ненадёжность жизни в миру. Он решил удалиться от мира и поселился на берегах Северной Двины, в пустынных северных лесах, где провёл три года в посте и молитве. Затем И. Ушаков перешёл в Орловскую губернию, в 1745 г. был захвачен при ревизии населения и отправлен в Санкт-Петербург. Елизавета Петровна простила ему побег и разрешила поступить в Александро-Невский монастырь, где он в 1747 г. принял постриг с именем Феодор. Здесь старец вёл строгую подвижническую жизнь и вскоре стал известен в столице своей праведностью. Многие из петербургских жителей всех слоёв общества стали обращаться к отцу Феодору за духовными наставлениями. Десять лет провёл старец в Александро-Невском монастыре. 17 декабря 1756 г. императрица Елизавета повелела объявить архиепископу Сильвестру (Кулябке), чтобы монаха Феодора, по его прошению, отпустили в Саровскую пустынь, где он в дальнейшем трудился, восстанавливая Санаксарский монастырь и Арзамасскую Алексеевскую женскую общину.²⁰

Богослужение в Александро-Невском монастыре отличалось красотой и торжественностью. Хор певчих в обители ничем не уступал придворным певчим. Ещё по указу Петра Великого от 16 января 1725 г. здесь было введено «стройное нотное пение». Император велел списать у певчих копии «со всех знаменного напеву переводов, для знания в Невском монастыре клирошанам». Эта традиция была продолжена и развита при Елизавете Петровне. 31 марта 1759 г. по замыслу архиепископа Сильвестра (Кулябки) в обители был учреждён архиерейский хор.

В середине XVIII в. сформировался монастырский богослужебный устав. Дисциплина, положенная в основание монастырской

²⁰ Рункевич С.Г. Указ. соч. Кн. 2. С. 74–76; *Жизнеописания отечественных подвижников XVIII и XIX веков, [расположенные по месяцам памяти их]: Февраль*. М., 1907. С. 252–261.

жизни, с течением времени создала её строго определённый уклад. Экономическое состояние обители в 1740-е — 1750-е гг. было в основном благополучным. Вместе с Епархиальным управлением Александро-Невскому монастырю выделили ежегодное содержание в 10 070 рублей, что почти в пять раз превосходило финансирование обителей первого класса. Численность братии стабильно составляла около 80 человек. Продолжая ещё одну петровскую традицию, иеромонахи обители служили флотскими священниками на кораблях Российской империи. Они распределялись по Кронштадтской и Ревельской эскадрам, а также в госпитали и на корабельный двор в столице. Кроме того, Александро-Невские иеромонахи служили при заграничных русских православных церквях.²¹

Таким образом, значение Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря в церковной жизни России к концу царствования императрицы Елизаветы Петровны существенно выросло. Он перешёл под руководство архиереев учреждённой в 1742 г. Санкт-Петербургской епархии. В обители более активно стали проводиться строительные работы, улучшилось его материальное положение, достигла определённого расцвета Александро-Невская семинария. Всё это подготовило почву для возведения монастыря в конце XVIII в. в статус Лавры.

Архивные источники

1. РГИА. Ф. 815. Оп. 5. Д. 74. 1756 г.
2. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2178.

Литература

3. **Антонов В.В., Кобак А.В.** *Святые Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия: В 3 т. Т. 1.* СПб.: Изд. Чернышёва, 1994. 288 с.
4. *Библиотеки дореволюционного Петербурга: Справочник* / Отв. сост. И.Г. Матвеева. СПб., 2005.
5. *Жизнеописания отечественных подвижников XVIII и XIX веков, [расположенные по месяцам памяти их]: Февраль.* М.: Типолит. И. Ефимова, 1907.
6. *Исторические кладбища Петербурга* / Сост. А.В. Кобак, Ю.М. Пириютко. СПб.: Изд. Чернышёва, 1993. 639 с.
7. **Константин (Горянов), архиеп.** *История Санкт-Петербургских Духовных школ от основания до реформы: 1721—1808 годы // Христианское чтение.* 2006. № 27. С. 114—144.

²¹ Рункевич С.Г. *Указ. соч.* Кн. 2. С. 68—71.

8. *Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси: Санкт-Петербургская епархия*. Вып. 1. СПб.: Тип. училища глухонемых, 1908. 980 с.
9. Обращение братии Лавры // *Вестник Александро-Невской Лавры*. 2007. № 4–6. С. 7.
10. *Очерки истории Санкт-Петербургской епархии* / Ред.-сост. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). СПб.: «Андреев и сыновья», 1994. С. 48. 284 с.
11. **Пириютко Ю.М.** Лаврские кладбища и усыпальницы // *Санкт-Петербургские епархиальные ведомости*. 2000. Вып. 23. С. 61–72.
12. **Рункевич С.Г.** *Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра: 1713–1913: Историческое исследование. В 2-х кн.* СПб.: Logos, 2001. (631) (589) с.
13. «Святой и храбрый князь здесь телом почивает...» // *Православные монастыри: Путешествие по святым местам*. 2009. № 36: Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. С. 22–23.
14. **Тихон (Покровский), архим.** *К столетию Свято-Троицкого собора Александро-Невской лавры*. СПб., 1890.
15. **Фирсов С.Л.** Архиереи, занимавшие кафедру епископов, архиепископов и митрополитов в XVIII–XX веках // *Руководители Санкт-Петербурга*. СПб.: Олма-Пресс, Нева, 2003. С. 287–312.
16. **Чистович И.А.** *История Санкт-Петербургской Духовной Академии*. СПб.: Тип. Я. Трея, 1857. [8], 458, IV с.
17. **Чистович И.А.** Свято-Троицкая Александро-Невская лавра // *Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии*. СПб.: С.-Петербург. епарх. ист.-стат. ком., 1884. Вып. 8. С. 477–513.
18. **Шульц С.С.** *Храмы Санкт-Петербурга (история и современность): Справочное издание*. СПб.: Глаголь, 1994. 320 с.

Юлия Борисовна Демиденко

*Заведующая отделом декоративно-прикладного искусства
Государственного Русского музея, Санкт-Петербург*

Песни императрицы: О двух памятниках елизаветинской эпохи

Julia B. Demidenko

Songs of the Empress: Two Masterworks of the Elizabethan Era

Аннотация: Статья посвящена широко известной любви императрицы Елизаветы Петровны к пению. Автору удалось обнаружить два памятника декоративно-прикладного искусства елизаветинского времени, напрямую связанные с этим увлечением государыни. Это 16 нотных книг — поголосников, исполненных к первой годовщине коронации Елизаветы, и фарфоровая табакерка, сделанная на Императорском фарфоровом заводе. Оба памятника лишь недавно были атрибутированы как предметы, связанные с певческой практикой императрицы, и представляют репертуар Елизаветы.

Abstract: The article is devoted to the well-known passion of Empress Elizabeth Petrovna for singing. The author managed to find two masterpieces of applied art of the Elizabethan time, directly related to this interest of the empress. These are 16 music books — pogolosniks, made for the first anniversary of the coronation of Elizabeth, and a porcelain snuff-box, made at the Imperial Porcelain Factory in 1755–1756. Both items have only recently been attributed as objects related to the singing practice of the Empress, and represent Elizabeth's repertoire.

Ключевые слова: Елизавета, музыка, табакерка, нотные книги, пение.

Keywords: Elizabeth, music, snuff box, music books, singing.

*Веселая царица была Елизавет,
поет и веселится...*
А.К. Толстой

Известные строки Алексея Толстого определённо говорят о любви императрицы Елизаветы Петровны к развлечениям, в особенности к музыке. Эта любовь привела к тому, что в Петербурге лучше всех в Европе танцевали менуэт, исполнялась опера на итальянском и русском языках, появились первые публичные концерты, зародилась придворная певческая капелла и возник жанр городского романса. Вокальная музыка была предметом особенного внимания государыни, недаром правление дщери Петровой Гавриил Державин метко назвал «веком песен».

Однако Елизавета Петровна была не просто любительницей пения и певчих. Она писала стихи, по отзывам многих современников, любила и умела петь и часто пела «для себя». Ей приписывали авторство как минимум двух песен, одна из которых — исполняемая до сих пор «Во селе, селе Покровском»... Эти сочинения считаются первыми русскими городскими романсами — лирическими песнями для голоса, воспринявшими традиции и народного творчества, и старинного духовного многоголосия, с которым Елизавета была превосходно знакома.

Будучи ещё царевной, императрица «ревностно относилась к церковной службе и испытывала большое удовольствие от церковной музыки, которой была обучена с юности», — указывал Якоб Штелин.¹ Обучение церковному пению считалось обязательным для царских детей с допетровского времени. Штелин сообщал также, что во дворце к комнатам императрицы примыкала небольшая капелла, где государыня «концертировала с искуснейшими певцами». ² «Императрица, в часы досуга, сама изволила петь в хорах с певчими, и своим вкусом и знанием музыки много способствовала к усовершенствованию сего Искусства», — такие сведения приводит Ф.В. Булгарин в некрологе на смерть Д.С. Бортнянского.³

Впору задаться вопросом: что именно, как и когда пела императрица? Каковы были её голос, репертуар, аудитория?

¹ Известия о музыке в России / Пер. Б.И. Загурского // **Я. Штелин. Музыка и балет в России XVIII века.** Л., 1935. С. 59.

² Там же.

³ **Ф.Б.** [Некролог Д.С. Бортнянскому] // *Северная пчела.* 1825. № 118.

Книги нот. Мастер Н. Дон. СПб. 1743.
Серебро, чеканка, гравировка, канфарение.
© ГРМ. Инв. №№ Сер.-99-112 (14 ед. хр.)

Информация о голосе государыни неожиданно обнаруживается в известном труде Дмитрия Мордовцева «Русские женщины нового времени». В нём историк приводит примеры из перехваченной Тайной канцелярией переписки, где Елизавета подписывалась «первым дишкантистом».⁴ На устроенном допросе её корреспондент Андрей Горленко показал, что цесаревна любит церковное пение и «изволит она, для забавы, сама петь первым дишкантом».⁵ «Дишкант» же в терминологии XVIII в. не что иное как сопрано. Партии первого дисканта она пела в концертах с придворными певчими, которые были предметом её большого интереса и забот.

Атрибуция двух памятников прикладного искусства XVIII в., хранящихся в Русском музее, проведённая пару лет назад, помогает ответить на вопрос о репертуаре царственной певицы.

Штелин сообщал о том, что она «участвовала в исполнении труднейших мотетов», т.е. духовных многоголосных песнопений.

⁴ Мордовцев Д.Л. *Русские женщины нового времени: Биографические очерки из русской истории: Женщины второй половины XVIII века.* СПб., 1874. С. 24.

⁵ Там же.

В самом деле, нам удалось обнаружить 16 рукописных нотных книг, находящихся ныне в разных собраниях (14 томов — в ГРМ, по одному тому — в ГЭ и ГТГ), но некогда хранившихся в Русском музее.

Их серебряные переплёты принадлежат ювелирному мастеру Никола (Николя, Николай) Дону (Дом, Тум). Он начинал ещё в петровскую эпоху, в 1714 г. вошёл в иностранный цех, выполнял крупные заказы двора, особенно в аннинское время, в частности — серебряный с золочением столовый сервиз императрицы Анны Иоанновны (ГЭ). Переплёты украшены богатыми орнаментальными композициями, в которые наряду с чисто декоративными мотивами ормушля и раковины, вензелем «дщери Петровой» и двуглавым орлом, включены ещё и многочисленные символы христианства, причём характерные как для православного, так и для западного религиозного искусства: колосья, потиры с облатками, херувимы в виде детских головок с крылышками, виноградные лозы, голубь, всевидящее око, горящий факел, венки из роз, лампада и пр.

Содержимому серебряных переплётных крышек до сих пор не уделялось внимания. Между тем внутри оказалась рукопись, исполненная на дорогой голландской бумаге с филигранью *ProPatria / S&IHonig*,⁶ где последняя часть — обозначение бумагоделательной мануфактуры. Эту бумагу включают все 16 томов, тогда как множество рукописных книг (и нотных, и богослужебных) той же эпохи содержали бумагу разных видов. Книги имеют золотой обрез, дополнительно украшенный тиснёным орнаментом, и нарядные форзацы из цветной тиснёной узорчатой бумаги. Эти детали подчёркивают, что нотным книгам придавалось особое значение.

Примечательна и сама рукопись. Это ноты пятилинейной квадратной мензуральной киевской нотации (так называемые топорики), в XVII столетии принятой русской православной церковью. Содержание самой рукописи — многоголосные русские духовные концерты, так называемые партесные (жанр, получивший широкое распространение в России в царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны) — отражено уже в оглавлении этой рукописи, реестре концертов, данном в начале одного из томов. Концерты на

⁶ Рисунок филиграни, представляющий собой герб свободной республики Нидерланды, использовался, согласно указателю историка искусства W. Churchill, в 1683–1799 гг. (Churchill W.A. *Watermarks in paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnection*. Amsterdam, 1935).

Верхняя крышка переплёта
тома с партией первого
дисканта.

© ГРМ. Инв. № Сер.-102

Задняя крышка переплёта
одного из томов.

© ГРМ. Инв. № Сер.-100

16, 12, 8 и 6 голосов (духовные, но не литургические), а также задостойники и киноники (богослужebные). Всего — более 70 произведений отечественных композиторов XVII—XVIII вв. Это певчий дьяк Василий Титов (ок. 1650 — ок. 1715), начинавший свою деятельность при дворе царя Фeдора III Алексеевича и прославившийся сочинением концерта «На Полтавскую победу», автор более 200 многоголосных концертов, что дало основание считать его «одним из наиболее крупных разносторонних композиторов своей эпохи»;⁷ «композитор пения» Герасим (Гордей) Завадовский (1681—1745), начавший карьеру монахом петербургского Александрo-Невского монастыря, а закончивший архимандритом киевской Межигорской обители. Сочинения Завадовского, входившие в репертуар хора Александрo-Невской лавры и придворных певчих, получили, по его имени, название Герасимовского распева. В числе авторов музыки также монах Леонтий и иеродиакон Исавр.

Сами партии обозначены (прочеканены) на серебряных корешках книг, причём нумерация голосов даётся римскими цифрами (Бась I, Теноръ II и т.д.), что характерно для рукописей концертов более позднего времени — конца XVIII — начала XIX столетия, а в более раннее время встречается, скорее, как исключение.

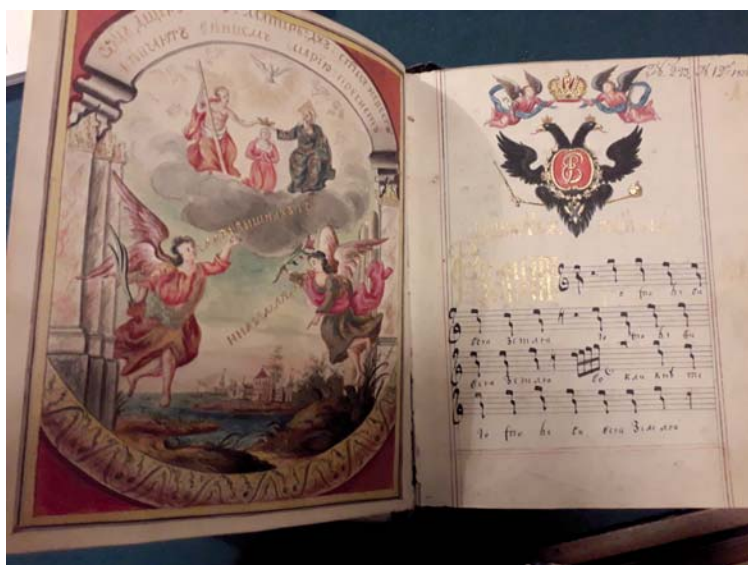
Один из томов не имеет цифры на корешке, но на одной из первых страниц книги творёным золотом написано «Дишкант первый». Этот том отличается от прочих роскошным оформлением переплёта, украшенного не только изображением вензеля императрицы под императорской короной, рокайльными мотивами, херувимами и т.д., но и тщательно воспроизведёнными другими изображениями-символами — лестницы, агнца, лампы, хоругви, дерева, креста с венком из роз и проч. На корешке, вместо орнаментальных полос с цветочными мотивами (как на остальных книгах), помещены изображения раковин. Даже застёжка-замок переплёта имеет иной рисунок, нежели замки на других книгах.

Номера страниц, инициалы, первые строки концертов в рукописи этого тома даны не киноварью, как в других томах, а творёным золотом. Более того, сразу же за реестром концертов идёт цветная страничная иллюстрация — своего рода шмуцтитул. На этой миниатюре изображена сцена Коронавания богородицы — Саваоф и Христос в багрянице, венчающие Марию — сюжет, получивший распространение в православной иконографии с XVII в., но особенно — во времена женского правления XVIII столетия. Непо-

⁷ Финдейзен Н.Ф. *Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века*. Т. 1, вып. 3. М.; Л., 1928. С. 297.

ВОИНА СТЫА		нѣдѣля	двѣдѣ
РЕЕСТРЪ КАНЦЕРТЪ			
16	Божанскитѣ Гдѣя	1	1
16	Молитѣхъ проше по Гдѣ	2	4
16	Днѣхъ Гдѣ рѣдѣтѣ	3	5
12	Идѣтѣ ма влѣце	4	8
12	Бгѣ ма прѣбѣжице	5	10
12	Вѣголюбѣнѣ Гдѣ бгѣ мой	6	12
12	Прѣидѣтѣ вѣдѣ ма вѣрѣнѣ	7	17
12	Ко бгѣ прѣбѣжице	8	19

Реестр концертов из тома с партией первого дисканта.
© ГРМ. Инв. № Сер.-102

Разворот с миниатюрой из тома с партией первого дисканта.
© ГРМ. Инв. № Сер.-102

средственно нотам предшествует и изображение двуглавого орла с вензелем императрицы, а над ним — поддерживающие императорскую корону ангелы. Этот мотив венчающих ангелов напрямую заимствован из иконы «Вертоград заключенный» работы мастера Оружейной палаты Никиты Павловца (в собрании ГТГ). Т.е. мотив венчания на царство на развороте страниц повторен дважды.

Последнее не случайно — сам памятник связан с коронованием Елизаветы Петровны. В конце апреля 1743 г. при дворе отмечалось «тридневное торжество коронования Ея Императорского Величества». В апреле того же года были созданы и сами книги.⁸ Работа была начата 15 апреля и завершена в кратчайшие сроки. За работу Никола Дон запросил 480 рублей (по 30 за книгу), что было немалой суммой, оправданной срочностью работы. Срочностью объясняются особенности книги: они включают большое число чистых листов, а рукопись выполнена разными почерками. Очевидно, переплеталась не готовая рукопись, а наоборот — сначала были изготовлены книги, а потом в них вписывали ноты силами разных переписчиков, чтобы ускорить процесс. С подготовкой книг спешили к определённой дате, а партия «первого дишканта» предназначалась, очевидно, для самой императрицы.

В литературе обнаружилось подтверждение того, что сборник был исполнен для государыни. «Императрица Елисавета Петровна <...> часто сама певала в хорах с певчими, и для нее написаны были великолепные ноты, в которых слова означены золотом; ноты сии, переплетенные в серебряные доски, сохраняются до ныне», — такие сведения приводит известный историк и статистик XIX в. Иван Ильич Пушкарёв в своём описании Петербурга.⁹

Пушкарёв не указал, где именно хранились упомянутые ноты, однако в сборнике «Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии» приводится описание Большой и малой церкви Зимнего дворца с «Указанием святынь и достопримечательностей в придворном большом соборе»,¹⁰ где в разделе «Евангелия и

⁸ Счета Н. Дона, в частности, датированный апрелем 1743 г. счёт в Придворное ведомство на изготовление 16-ти певческих книг, обнаружила в РГАДА научный сотрудник Музеев Московского Кремля Ю.И. Быкова (*РГАДА*. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 115. Д. 61734. Л. 3).

⁹ **Пушкарёв И.И.** *Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии*. СПб., 1839. С. 212. Статский советник Пушкарёв в 1837–1838 гг. получил специальное разрешение на вход в придворные церкви Петербурга и окрестностей для обозрения имеющихся в них примечательных памятников (*РГИА*. Ф. 805. Оп.1. Д.98), так что, надо полагать, видел ноты своими глазами.

¹⁰ *Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии*. Вып. 3. СПб., 1873.

другие богослужебные книги» за № 8 числятся «16 книг нотного пения, содержащие духовные концерты шестнадцатиголосные, в серебряных чеканных досках с гербом и вензелем императрицы Елизаветы Петровны».¹¹ Так что памятник, ныне находящийся в собраниях трёх музеев, в XIX в. находился в ризнице собора Зимнего дворца. К сожалению, в сохранившихся описях ризницы дворцовой церкви памятник не упомянут, однако в фонде Канцелярии заведующего придворным духовенством Министерства императорского двора в РГИА содержится целый ряд документов с информацией о певческих книгах. Так, в 1835 г. 12 из них были выданы в Певческую капеллу инспектору П.Е. Беликову, который в эту пору, будучи сам знатоком духовной музыки, занимался разбором старинных нот.

Следующее упоминание о нотных книгах относится уже к 1910-м гг. Недоступность придворных храмов (и в особенности, их ризниц) даже для учёных, привела к тому, что информации о хранящихся в них реликвиях было мало. Так, об этой работе Н. Дона не знал хранитель Императорского Эрмитажа А.Е. Фелькерзам, когда занимался составлением «Описей серебра Двора его императорского величества».¹² Не знали о поголосниках и организаторы выставки «Ломоносов и елизаветинское время» (1911), хотя на ней был целый раздел «Театр и музыка». О них не знали историки музыки, в частности, Н.Ф. Финдейзен, не упомянувший об этом памятнике в своём фундаментальном труде «Очерки по истории музыки в России...».¹³ Книги были обнаружены при подготовке историко-художественной выставки к 300-летию Дома Романовых, которую в 1913 г. планировала Императорская Академия художеств, однако их связь с пением императрицы не прослеживалась, а выставка так и не состоялась. Так что поголосники Елизаветы Петровны так и остались неизвестны и широкой публике, и специалистам.

Дата и источник поступления книг в Русский музей неизвестны, вероятно, это произошло в 1920-е гг. В 1930-е все 16 книг ещё находились в ГРМ. Книга с партией второго альта в 1930-е поступила из ГРМ в Третьяковскую галерею (инв. 23058), где в это время шло формирование фондов древнерусского искусства и драгметаллов. В Эрмитаж книга с партией четвёртого альта (инв. № ЭРО-5690) попала в 1950 г. из Музея этнографии народов

¹¹ Там же. С. 375.

¹² **Фелькерзам А.Е.** *Описи серебра Двора его императорского величества: в 2-х т.* СПб., 1907.

¹³ **Финдейзен Н.Ф.** *Указ. соч.* Т. 1–2. М.; Л., 1928–1929.

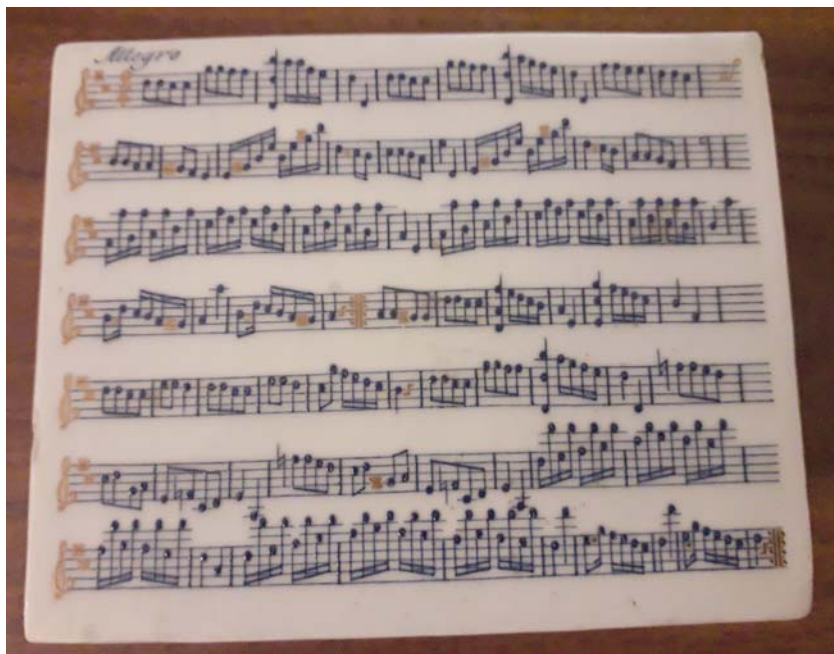
Табакерка. XVIII век (1756?). Фарфор, роспись надглазурная, позолота по фарфору; золото, резьба. Боковая сторона. ИФЗ (без марки).
© ГРМ. Инв. № Сер.-1125

СССР с пометой «бывший Исторический отдел».¹⁴ Уникальный памятник, таким образом, оказался разделён между разными собраниями.

Если нотные книги содержат произведения духовной музыки, исполнявшиеся Елизаветой Петровной, то характерный для эпохи пример светского вокального произведения демонстрирует многократно публиковавшаяся фарфоровая в золотой оправе табакерка, украшенная живописью «с нотами». Переданная в Русский музей в 1936 г. из Эрмитажа, она входила в так называемую Галерею драгоценностей и была описана С.Н. Троицким.¹⁵ Её особенностью является декор в виде нот, который покрывает крышку, боковые стенки и донце табакерки. Внутренняя сторона крышки украшена

¹⁴ Вероятно, попала в Историко-бытовой отдел ГРМ, созданный в 1918, в 1934 г. выделенный в самостоятельный музей, а в 1941 — переданный в ГЭ.

¹⁵ Первоначально текст монографии о фарфоровых табакерках Императорского Эрмитажа опубликован в журнале «Старые годы» (1913, № 12), а в 1915 г. он вышел отдельным изданием в принадлежавшем Троицкому издательстве «Сириус».

Донце табакерки.
© ГРМ. Инв. № Сер.-1125

сценой с изображением пяти путти с рогом, контрабасом и нотами — аллегория музыки, выполненная, как считается, по гравюре Йозефа Вагнера с картины Якопо Амикони (Амигони), автора портрета Петра I с Минервой, украшающего Петровский зал Зимнего дворца.¹⁶ Один из путти держит в руках ноты, и в декоре табакерки ноты отличаются от тех, что изображены на гравюре Вагнера. Музыкальный текст в них представляет арию Авроры из второго акта оперы «Цефал и Прокрис» Ф.Д. Арайи.

Композитор Франческо Доменико Арайя (ок. 1709 — не ранее 1767), приглашённый в Петербург ещё Анной Иоанновной, в 1755 г. в оперном театре на Царицыном лугу представил столичной публике первую оперу на русском языке «Цефал и Прокрис». Её либретто было написано А.П. Сумароковым на сюжет из «Мета-

¹⁶ Местонахождение и воспроизведение оригинальной картины Амикони обнаружить не удалось. Между тем в 2014 г. аналогичная композиция, но атрибутированная как работа Франсуа Эйзена, была продана в аукционном доме Доротеум в Вене.

Композиция «Аллегория музыки» на внутренней стороне крышки табакерки.
© ГРМ. Инв. № Сер.-1125

морфоз» Овидия, декоратором выступал Джузеппе Валериани, исполнителями — певцы из придворной капеллы и певчие графа А.Г. Разумовского.

Нотами из увертюры к опере Арайи украшена и крышка табакерки, на что обратили внимание известные музыковеды Н.Ф. Финдейзен¹⁷ и А.А. Гозенпуд¹⁸, знакомые с предметом по репродукциям. Крышка декорирована фрагментом второй части увертюры к опере, а донце — третьей.

Однако ноты имеются и на боковых частях фарфоровой безделушки. Их сопровождает текст на итальянском языке, не соответствующий либретто:

¹⁷ Финдейзен Н.Ф. *Указ. соч.* Т. 2, вып. 6. М.; Л., 1929. С. 208 (рис. 122). Помещённое в книге воспроизведение табакерки взято из упомянутой выше работы С.Н. Тройницкого, без указания на место хранения табакерки (на тот момент — Эрмитаж).

¹⁸ Гозенпуд А.А. *Музыкальный театр в России: От истоков до Глинки: Очерк.* Л., 1959.

Mio bel nume ah! dove sei dove sei infelice in ti predeu e rimango
a sospirar in felice in te perdei e rimango a sospirar / Rimango a
sospirar mio bel nume ah dove sei ah dove sei in felice in ti perdei
e rimango a sospirar / A sospirar in felice ce in ti perdei e rimango
a sospirar rimango a sospirar luce oi me degli occhi misi tu restati
allombre e terne e per me senzaituoi rai ombra il / Giorno il sole
apparil sole oppar ombra il giorno il sole appar il sole appar...

Остаётся лишь вздыхать, моё прекрасное божество, ах! где ты?
ах! где ты? я, несчастный, потерял тебя,
и остаётся лишь вздыхать.
Свет моих очей,
ты осталась в царстве вечной ночи,
и без твоих лучистых взоров
сумрачным кажется солнечный день.¹⁹

Нам удалось установить, что ноты и текст относятся к опере «Орфей» немецкого композитора Карла Грауна (1704—1759), созданной для Фридриха II Великого. Либретто было написано придворным поэтом Фридриха Леопольдо да Виллати.²⁰ Приведёнными выше строками завершается второй акт оперы.

Премьера оперы состоялась в марте 1752 г. в Берлине. Но на петербургских подмостках она не ставилась, Граун в России не бывал, а Штелин полагал, что знакомство с этим композитором русской публики началось лишь при Екатерине II.²¹ Т.е. на русской табакерке оказалась ария из практически неизвестной оперы.

Познакомить с ней Петербург мог исполнитель партии Орфея итальянский певец-кастрат Джованни Карестини (1704—1760), известный также под прозвищами Кузанино, Кузанелло или Кузанини (по имени влиятельного миланского семейства Кузани, оказывавшего молодому человеку покровительство) и обладавший голосом редкой красоты и силы. Благодаря артистизму и благородству исполнения он был настоящей оперной звездой XVIII столетия. Многие композиторы, например, Г.Ф. Гендель и тот же Граун писали музыку в расчёте на его исполнение.

Карестини был зван в Петербург, где служил в Итальянской опере Арайи и «камер-музыкантом» при дворе Елизаветы Петров-

¹⁹ Перевод с итальянского М.Г. Талалая.

²⁰ Либретто сразу же было издано в Берлине: **Villati L.** *Orpheus ein Musicalisches Trauerspil.* Berlin, 1752.

²¹ **Штелин Я.Я.** *Музыка и балет в России XVIII века.* Л., 1935. С. 127.

ны, и удостоился мадригала, написанного А.П. Сумароковым.²² По сообщению Штелина, Карестини прибыл в российскую столицу в том же 1755 г., когда состоялась премьера «Цефала и Прокрис», сменив в труппе Арайи кастрата Салети, и ушёл в отставку в 1758 г. Другие источники приводят иные даты, но в любом случае познакомиться столицу с арией мог только он, её первый и главный исполнитель.

В Галерее драгоценностей Эрмитажа, откуда происходит табакерка, демонстрировались предметы из личных коллекций российских императоров и императриц. Заказ на табакерку с необычным декором, хронологически одновременно связанный и с постановкой «Цефала и Прокрис», и с пребыванием Карестини в Петербурге, мог появиться в 1755–1756 гг. Текст же арии, ясно читаемый на табакерке и связанный с прощанием с любовью, заставляет предположить в связи с подобным декором какую-то личную, романтическую историю, точно так же, как и опера «Цефал и Прокрис» была посвящена трагедии верной любви, связанную с императрицей. Более того, саксонский посланник в Петербурге увидел в персонажах оперы и саму государыню, и И.И. Шувалова, и А.Г. Разумовского, а в сюжете — сложные перипетии реальной истории взаимоотношений императрицы с двумя фаворитами — старым и новым.²³

Из сохранившейся в РГИА переписки по делам Императорского фарфорового завода между бароном И.А. Черкасовым и И.А. Шлатером за 1756 г. известно, что граф Алексей Григорьевич (Разумовский) настаивал на скорейшем окончании работы над некоей табакеркой, которую живописец И.Т. Крылов расписывал почти целый год «весьма прилежно», причём писал лица.²⁴ Установить, о какой точно табакерке идёт речь, вряд ли возможно. Но ария Орфея, написанная Грауном для альта (хотя Карестини с лёгкостью пел и сопрановые партии), в декоре табакерки представляет собой переложение для сопрано, так что можно предположить, что Разумовский заказал табакерку с «прощальной» арией в подарок императрице, снабдив её к тому же нотами романса, который государыня могла сама исполнить...

²² См.: Сумароков А.П. *Избранные произведения («Библиотека поэта»)*. Л., 1957. С. 181–182.

²³ Об этом см.: Гозенпуд А.А. *Указ. соч.* С. 73 со ссылкой на немецкий источник.

²⁴ См. письма от И.А. Черкасова к И.А. Шлатеру и от И.А. Шлатера к И.А. Черкасову: *РГИА*. Ф. 468. Оп. 45. Д. 620. Л.639, 640.

Архивные источники

1. РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 115. Д. 61734.
2. РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 620; Ф. 805. Оп. 1. Д. 98.

Литература

3. **Churchill W.A.** *Watermarks in paper in Holland, England, France etc. in the XVII and XVIII centuries and their interconnection.* Amsterdam: M. Hertzberger, 1935.
4. **Villati L.** *Orpheus ein Musicalisches Trauerspiel.* Berlin, 1752.
5. **Гозенпуд А.А.** *Музыкальный театр в России: От истоков до Глинки: Очерк.* Л.: Музгиз, 1959. 781 с.
6. *Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии.* Вып. 3. СПб., 1873.
7. **Мордовцев Д.Л.** *Русские женщины нового времени: Биографические очерки из русской истории: Женщины второй половины XVIII века.* СПб.: Изд. А. Черкесова и Ко, 1874.
8. **Пушкарёв И.И.** *Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии.* СПб., 1839.
9. **Сумароков А.П.** *Избранные произведения («Библиотека поэта»).* Л.: Советский писатель, 1957. 612 с.
10. **Ф.Б.** [Некролог Д.С. Бортнянскому] // *Северная пчела.* 1825. № 118.
11. **Фелькерзам А.Е.** *Описи серебра Двора его императорского величества: в 2-х т.* СПб.: Изд. Гофмарш. части Имп. Двора, Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. ([8], XXX, [2], 110 с.) (IV, 760 с.).
12. **Финдейзен Н.Ф.** *Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века.* Т. 1–2, вып. 1–7. М.; Л.: Государственное изд-во, 1928–1929.
13. **Штелин Я.Я.** *Музыка и балет в России XVIII века.* Л.: Тритон, 1935.

Евгения Владимировна Еремина-Соленикова

*Главный специалист Санкт-Петербургского
Городского Туристско-информационного бюро,
аспирант Академии Русского Балета им. А.Я. Вагановой, Санкт-Петербург*

Бальные танцы
в период правления Елизаветы Петровны

Evgeniia Eremina-Solenikova

Ballroom dance
at the reign of Elizaveta Petrovna

Аннотация: В книге Шарля Паули, написанной в 1756 г., говорится, что в Петербурге танцуют те же танцы, что и в Версале, но спустя четыре недели. Это очень важный показатель развития российской танцевальной культуры. Такое положение сложилось именно во времена Елизаветы Петровны. Но при этом больше танцевали полонезы и менуэты, у них были своеобразные формы, а контрдансы, наоборот, были распространены меньше. Также в России были известны танцы стиля *Danse noble*, но только как учебные. Исполнялись на балах и показательные композиции, представлявшие собой обработанные русские национальные танцы.

Abstract: Charles Pauli said in his book in 1756 that the same dances were danced in Versailles and in Saint Petersburg but four weeks later. This is a very important indicator of the development of Russian dance culture. This situation developed precisely during the reign of Elizaveta Petrovna. Russian ball traditions differed a little from European. More polonaises and minuets were danced at our country, they had peculiar forms, and country dances, on the contrary, were less common. Also in Russia *Danse noble* style was known, but only as training dances. Russian national dances were also performed at balls but as a special demonstration dances.

Ключевые слова: Бальные танцы, Елизавета Петровна, полонез, менуэт, контрданс, свадебные танцы.

Keywords: Ballroom dance, Elizaveta Petrovna, polonaise, minuet, country dance, contredanse, wedding dance.

История бальных танцев в России начинается с Петра Великого. Именно он ввёл в России регулярные собрания, где могли исполняться бальные танцы — балы (в том числе свадебные), и ассамблеи. Уже во время правления дочери Петра, Елизаветы Петровны, в России бальные танцы оказываются на европейском уровне. Так, Шарль Паули пишет: «Мы танцевали в Петербурге тот же танец, что танцевали в Версале четыре недели назад».¹ С этим сопоставимо мнение Галлини, что «русские не позволяют себе ничего примечательного в своих танцах, которые они теперь в основном берут из других стран».²

Какие же танцы бытовали в бальных залах России во времена Елизаветы Петровны? Существовали ли отличия от европейской традиции и если да, то в чём?

Надо отметить, что исследование бальных танцев XVIII в. в России затруднено отсутствием собственной танцевальной литературы. Так, начиная с 1700 г., в разных странах Европы издавались руководства для изучения танцев и труды танцмейстеров, которые подробно освещали общую методику преподавания танцев, репертуар, технические детали исполнения и вопросы танцевальной моды. С 1651 г. в европейских странах публиковались книги, содержавшие схемы танцев и музыку к ним.³ Этих двух важных видов источников в России нет: первый теоретический труд — перевод «Танцевального словаря» Шарля Компана — выйдет в 1790 г.,⁴ первый учебник — «Танцевальный учитель» Ивана Кускова — в 1794 г.,⁵ первый сбор-

¹ Pauli C. *Elemens de la danse treshumblement dediés à tous ceux de quelque rang et qualité qu'ils soient qui lui font l'honneur de se servir de son instruction et qui frequentent ses leçons pour la danse*. Leipsic, 1756. P. 56.

² Gallini G.-A.B. *A Treatise on the Art of Dancing*. London, 1762. P. 194.

³ Об этом см.: Еремина-Соленикова Е.В. Английские контрдансы на ранних этапах своего развития // *Мат-лы III конф. по вопросам реконструкции европейских историч. танцев XIII–XX вв. 6–7 февраля 2010 г.* СПб., 2011. С. 24–64.

⁴ Компан Ш. *Танцевальный словарь, содержащий в себе историю, правила и основания танцевального искусства с критическими размышлениями и любопытными анекдотами, относящимися к древним и новым танцам*. М., 1790.

⁵ Кусков И. *Танцевальный учитель, заключающий в себя правила и основания сего искусства к пользе обоого пола, со многими гравированными фигурами и частю музыки*. СПб., 1794.

ник танцев — «Nouvelle Terpsichore, ou recueil de nouvelles danses angloises» (не сохранился) — в 1799 г.⁶ В российских библиотеках и архивах пока не обнаружены ни рукописи с описаниями танцев (во Франции и Англии они представлены),⁷ ни западные книги, которые могли попасть к нам в первой половине XVIII в. Сложности есть и с нотами, так как регулярное нотопечатание в России было развёрнуто только в 1785 г.⁸

На этом фоне вопрос восстановления балльных танцев Российской империи становится очень интересной задачей для исследования.

Решение видится в тщательном сопоставлении косвенных источников, созданных на территории России — мемуаров, художественной литературы, различных канцелярских документов — с западными танцевальными руководствами. А благодаря тому, что мы знаем о происхождении многих преподавателей танца, работавших в России, можно очертить круг иностранных источников, на которые имеет смысл ориентироваться в первую очередь.⁹

В ходе исследования были выделены пять видов танцев, которые исполнялись в России во времена Елизаветы Петровны. Это польские (полонезы), менуэты, контрдансы, русские национальные танцы и танцы из сценической традиции *Danse Noble*. За исключением наших национальных танцев, все эти группы исполнялись по всей Европе. Также известно о существовании свадебных танцев. Рассмотрим эти группы подробнее.

Польские (полонезы) — это самые первые европейские балльные танцы, которые появились в России. Традиция их исполнения гораздо лучше известна для времени Петра Великого (благодаря дневникам Фридриха Вильгельма Берхгольца) и Екатерины Великой (благодаря нотам произведений Осипа Козловского). Но то, что

⁶ [Ferau. *Nouvelle Terpsichore, ou recueil de nouvelles danses angloises*. 50 k.]. Сведения об издании опубликованы: *Московские ведомости*. 1799. № 10; **Вольман Б.Л.** *Русские печатные ноты XVIII века*. Л., 1957. С. 233.

⁷ Исключениями являются работы Тауберта, привезённые в Россию Софией Ангальт-Цербской. См.: **Шабалина Т.В.** Открытие двух трактатов Готфрида Тауберта // *Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой*. 2018. № 6 (59). С. 266–286.

⁸ **Вольман Б.Л.** *Указ. соч.* С. 48.

⁹ Подробно вопрос о танцмейстерах, работавших в Санкт-Петербурге во время правления Анны и Елизаветы, был разобран в докладе автора на семинаре Ассоциации исторического танца 26.10.2019. Видеозапись доклада размещена в интернете, см.: [Электронный ресурс]. https://www.youtube.com/watch?v=_Q8Zz64Wd0A& (дата обращения: 21.05.2021).

полонезы исполнялись и во времена Елизаветы Петровны, не вызывает никакого сомнения. А вот формы, в которых они существовали, на данный момент не могут быть восстановлены. Дело в том, что хоть полонезы и были распространены в сопредельных польских и немецких землях, танцмейстеры их не описывали, либо потому, что в полонезах доминировал принцип «следуй за ведущим», когда фигуры (если они были, так как полонез мог состоять из простого шествия под музыку) задавала первая пара, либо потому, что их считали общеизвестными танцами. В Германии сохранилось всего два описания, относящихся к 1755¹⁰ и 1758¹¹ гг., и фиксирующих одну и ту же схему с некоторыми разночтениями. В этих описаниях представлен танец на колонну из неограниченного количества пар, в котором сочетаются фигуры, характерные как для процессионного танца, так и для контрдансов, исполнявшихся в неподвижной колонне. Если же анализировать детально русские мемуары, можно найти глухие упоминания фигур, скорее характерных для танцев в квадратном сете (четыре пары, стоящие по сторонам квадрата).¹² Учитывая то, что во второй половине XVIII в. в России будут распространены две формы полонеза — длинный (доживший до нашего времени) и круглый — можно осторожно предположить, что начало формирования «круглого» полонеза в России относится ко времени Елизаветы Петровны и может быть связано с фигурами контрдансов в квадратном сете, включающимися в полонезы. Однако для прояснения этого вопроса необходимы новые источники.

А вот в программы обучения танцу (которые нам известны по документам Сухопутного шляхетного корпуса) полонезы вошли поздно, только по инициативе Николая Пелина в 1758 г.¹³ Возможно, это было связано с тем, что прежние программы были сочинены ещё Жаном-Батистом Ланде, ориентировавшимся на подготовку танцоров для исполнения спектаклей при дворе.¹⁴

¹⁰ Hänsel C.G. *Allerneueste Anweisung zur Moral*. Leipzig, 1755. P. 138?156.

¹¹ Winterschmid A.W. *Kurze und leichte Anweisung*. Altdorf, 1758. P. 56. Видео реконструкции танца размещено в интернете, см.: [Электронный ресурс] <https://youtu.be/3JxOIQT6Vk> (дата обращения: 17.05.2021).

¹² Порошин С. *Записки, служащая к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престола российского*. СПб., 1844. С. 471.

¹³ РГИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 2957. Л. 5-5об.

¹⁴ Еремина-Соленикова Е.В. К вопросу о программе обучения танцам в Шляхетском корпусе и Танцевальной Школе Ж.-Б. Ланде // *II Междунар. научно-практич. конфер. «Хореографическое образование: Россия и Европа: Состояние и перспективы» (13–15 марта 2013 г., Санкт-Петербург, Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой)*. СПб., 2014. С. 566–577.

В петровское время специфическими свадебными танцами, начинавшимися и завершавшимися свадебный бал, были полонезы на три и на пять пар. Такие полонезы упоминаются на многих свадьбах в Петербурге и не только. Полонезы не потеряли места танцев, связанных со свадебной традицией, и в середине века, так, один из балов на праздновании свадьбы будущих Петра III и Екатерины II состоял из одних полонезов.¹⁵ Но уже со времён Анны Иоанновны формировалась и при Елизавете Петровне расцвела традиция, предполагавшая, что бал (по крайней мере, на придворной свадьбе) открывает всего одна пара, что для полонезов не характерно.

Во дворце праздновались свадьбы как придворных, так и дворцовых служащих. Их описания приводятся в камер-фурьерских журналах. Празднование свадьбы в первый день начиналось с пира после венчания, одновременно в разных комнатах могли находиться две свадьбы. После стола все шли в галерею, где были танцы (две свадьбы танцевали вместе). Танцы в первый день начинала пара из невесты и маршала свадьбы (либо двух невест и двух маршалов, но нигде не оговаривается, танцевали ли они вместе или по очереди).¹⁶ Исключение было сделано только для танцев на свадебном пиру великокняжеской четы, которые исполняли Петр и Екатерина.¹⁷ Если свадьба праздновалась два дня подряд, второй день уже специальным танцем не начинался.

Надо отметить, что полонез остаётся открывающим бал танцем в России и в XX–XXI вв. В Европе в XVIII в. бал открывался менуэ-

¹⁵ [Екатерина II]. *Записки императрицы Екатерины II*. М., 1989. С. 71.

¹⁶ См.: 1746, 10 ноября, свадьбы Сумарокова и Беляева при дворе: «И по окончании столов отведены маршалами же в галерею, и начали маршалы обыкновенно с невестами свадебные танцы, и потом продолжались между всеми танцы, за полночь». (*КФЖ 1746 г.* С. 101–102); 1750, 11 ноября, свадьба лекаря Верле: «По окончании столов новобрачные отведены маршалом в галерею, и начали маршал с невестою обыкновенный свадебный танец танцевать, между всеми танцами за полночь продолжилось, а по окончании новобрачные отвезены на двор в придворных каретах». (*КФЖ 1750 г.* С. 126); 1751, 28 января, свадьба Волоской и Голицина: «По окончании последнего здоровья из-за стола встали, и новобрачные маршалом и шаферами препровождены в галерею, где началась музыка, и маршал зачал танцевать с невестою обыкновенный танец, затем жених с невестою и прочие гости, и танцы продолжались до 2-го часа полночь». (*КФЖ 1751 г.* С. 22); 1751, 3 февраля, свадьба Возжинского: «В галерею, где началась музыка, и маршал зачал с невестою обыкновенный свадебный танец танцевать, потом жених с невестою и прочие гости, и продолжались танцы до 2-го часа пополуночи». (*КФЖ 1751 г.* С. 27–28); 1755, 12 октября, свадьба Михаила Тихомирова: «После стола новобрачные и все гости вступили в зал, и в присутствии ее императорского величества, продолжались свадебные танцы и бал». (*КФЖ 1755 г.* С. 96).

том. Эта традиция связана с историей бального церемониала при французском дворе, она восходит к обязательной для Франции эпохи барокко идеологической составляющей — демонстрации себя как выражения идеи совершенного человека — человека галантного, что выражалось в изысканных движениях. В России также сохранились упоминания о балах, начинавшихся менуэтом, например, во время приёма депутатов из города Гданьска в 1735 г.¹⁸ и на балу в Москве в 1752 г., где А.Т. Болотов исполнял менуэт.¹⁹ Особо интересно свидетельство Болотова, так как он не просто открывал бал, а танцевал показательную, специально поставленную композицию, а это полностью укладывается в рамки европейской традиции. Что касается форм менуэта, скорее всего они были близки к тем, которые бытовали во Франции и Германии, так как нет ни одного упоминания, что русские при иностранных дворах либо иностранцы в России встречались с непривычными им формами. Минуэт в середине XVIII в. — это танец на одну пару, состоящий из фиксированной последовательности фигур: выход пары, движение по траектории буквы Z, кружение за правую и левую руки, повторение фигуры Z, кружение за две руки с возвращением на исходную позицию. Для него использовались специфические шаги менуэта, часто комбинировавшие распространённые движения демикупе и падебурре.²⁰ Минуэт и на западе, и в России был танцем, с которого начиналось обучение, в процессе которого ещё и вырабатывалась стать, что было важно для репрезентации человека. Минуэт упоминается во всех известных нам танцевальных программах в России. Появился он у нас в 1710 г. (на свадьбе Анны Иоанновны, всего через семь лет после начала распространения в немецких княжествах) и вскоре стал одним из самых любимых бальных танцев. Во времена Елизаветы Петровны роль менуэта на балах была значительной. Сама она, по отзывам танцмейстера Жана-Батиста Ланде, превосходно его танцевала, что стимулировало двор. Ланде говорил: «Кто хотел бы видеть, как верно, по правилам, изящно и непринужденно нужно танцевать менуэт, тот должен был бы посмотреть этот танец при

¹⁷ 1745, 19 августа: «В вечеру в галерее быть балом, который начнется государем великим князем с государыней великой княгиней» (*КФЖ* 1745 г. С. 217).

¹⁸ *Церемониал отпускнуи аудиенции, которую депутаты города Гданска при руссийском императорском дворе мая 16 дня 1735 года имели.* СПб., 1735. С. 227.

¹⁹ **Болотов А.Т.** Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: 1738—1793 // *Русская старина. Приложение.* Т. 1. СПб., 1870. С. 204—205.

²⁰ См., напр.: **Tomlinson K.** *The art of dancing... In 2 books.* London: Printed for the author, 1735. P. 126—128.

русском императорском дворе».²¹ Сохранились сведения, что при русском дворе менуэты могли танцевать несколько пар одновременно, что выбивается из общеевропейской традиции.²² Кроме того, менуэт — это единственный танец, упомянутый в камер-фурьерских журналах по названию. Всё это свидетельствует о том, что в России времени Елизаветы Петровны менуэты были любимы и занимали значительную часть бального репертуара.

Второе место в обучении танцам в системе Ланде отводилось танцам *Danse Noble*. Это стиль, созданный во Франции и распространившийся по Европе в начале XVIII в., представлял собой специально сочинённые показательные танцы на пару (иногда сольные или на 3–4 танцора), которые включались в бал как дивертисменты. К середине XVIII в. эта традиция угасла по всей Европе, немногочисленные оставшиеся в репертуаре танцы *Danse Noble* использовались, прежде всего, в учебных целях (до 1760-х). В России такие танцы в качестве учебных бытовали до конца 1750-х гг., что подтверждает соответствие европейским традициям.²³

С культурой показательного танца были связаны и русские национальные танцы, представленные на балах, по крайней мере, в высшем свете. Несомненно, в народе традиции сохранялись и передавались, но все свидетельства о времени правления Елизаветы Петровны упоминают русские танцы при дворе только как показательные, возможно, сочинённые ведущими танцмейстерами — Жаном-Батистом Ланде и Антонио Ринальди (Фузано).²⁴ Как и в случае с менуэтом, Елизавета Петровна ещё со времён юности прекрасно исполняла русские танцы.²⁵ О том, что это не было массовым увлечением, свидетельствует Галлини: «Танец карликов, которым царь Петр Великий торжественно отмечал свадьбу своей племянницы с герцогом Курляндским, был, вероятно, более его собственной прихотью, чем народным обычаем».²⁶

²¹ Штелин Я.Я. Известия об искусстве танца и балетах в России // Я.Я. Штелин. *Музыка и балет в России XVIII века*. Л., 1935. С. 150.

²² *Культура университетского бала*. Екатеринбург, 2018. С. 26.

²³ Еремина-Соленикова Е.В. К вопросу о программах обучения танцу в XVIII веке // *Вестник русского балета имени А.Я. Вагановой*. 2014 № 35 (6). СПб., 2014. С. 38–50.

²⁴ Берк К.Р. Путевые заметки о России / Пер. Ю.Н. Беспятовых // Ю.Н. Беспятовых. *Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение: Тексты: Комментарий*. СПб., 1997. С. 158; Об этом см.: Еремина-Соленикова Е.В. Русские национальные танцы при императорском дворе в первой половине XVIII века // *Труды ГЭ*. СПб., 2021. (в печати).

²⁵ Штелин Я.Я. *Указ. соч.* С. 148, 150.

²⁶ Gallini G.-A.B. *Op. cit.* P. 194.

Роль массовых танцев отводилась при Российском дворе английским контрдансам. Эти танцы исполняются в колонну, традиционно начинает первая пара, после однократного повторения всех фигур она меняется со второй и танцует с третьей, дальше с четвёртой и так далее, вовлекая остальные. Вторая пара в свою очередь тоже танцует с третьей и так пока все пары не вернуться на свои места. Тип танца сложился в Англии во второй половине XVII в., отсюда был экспортирован во Францию, а из Франции — в другие страны. Английские контрдансы бытовали в России с 1720-х по 1820-е гг., иногда под разными наименованиями. В России во времена Елизаветы Петровны эти танцы в колонну назывались контратанцами. Судя по мемуарам, их часто танцевали в разных собраниях, но о конкретных фигурах и даже о названиях тех или иных танцев сведений не сохранилось. Зато Андрей Болотов рассказывает примечательный случай, дающий понимание, как исполнялись контрдансы в России: «Мы услышали вдруг голос одного молодого человека, кричащего музыкантам, чтоб играли режуисанс, и подающего им несколько денег. Не успел он сего вымолвить, как по всей зале раздалось эхо, множество голосов начали говорить: “Режуисанс! Режуисанс!” — и все молодые люди начали себе искать подруг и, поднимая молодых женщин, ранжироваться в две линии. Как мне имя сего контратанца довольно было известно, потому что я видел, как его несколько раз танцевали на балах у генерала, и мне он так понравился, что я и голос, и фигуру его затвердил твердо, то воскипел я тогда желанием танцевать его. <...> Сердце вострепетало во мне, как скоро стал я в порядок, и те минуты, которые надлежало мне дожидаться, покуда дошла до меня очередь, были для меня наимучительнейшия. <...> Меня подхватили, потащили и заставили также бегать, прыгать и вертеться, и сия минута решила все мое сомнение и к самому себе недоверчивость. Я протанцовал весь контратанец без малейшей ошибки и так исправно, что товарищ мой не мог довольно расхвалить меня».²⁷ Этот эпизод происходит в Кёнигсберге. Важно отметить то, что Болотов, учившийся танцевать в Москве, с лёгкостью встраивается во все танцы вечера, то есть российская культура исполнения контрдансов не отличалась от европейской. Также контрданс для исполнения выбирался прямо на балу (из тех, что были в этом году в моде), в ходу были те же фигуры и тот же принцип, что начинает лишь первая пара, а остальные за счёт этого получают возможность вспомнить (и даже выучить) танец. В Европе контрдансы были очень любимы за то,

²⁷ Болотов А.Т. *Указ. соч.* С. 831–835.

что были не сложными и разнообразными. Наверняка, то же самое привлекало и русских людей. С 1740-х гг. контрдансы входили в состав учебных программ. Однако там могли преподавать как бальные варианты, так и сложные сценические танцы того же типа.

Таким образом, российская бальная культура времени правления Елизаветы Петровны, как писали Паули и Галлини, находилась в русле основных европейских тенденций. Однако у танцев русского двора были и свои особенности — это активное использование полонезов (их практически не знали к западу от немецких земель), большая доля в программе балов менуэтов (которые в России не заняли места обязательного открывающего бал танца), незначительный интерес к национальным танцам (в других странах региональный компонент был гораздо более выражен).

Архивные источники

1. РГИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 2957.

Литература

2. Gallini G.-A.B. *A Treatise on the Art of Dancing*. London, 1762. 292 p.
3. Hänsel C.G. *Allerneueste Anweisung zur Moral*. Leipzig, 1755. 198 p.
4. Pauli C. *Elemens de la danse treshumblement dediés a tous ceux de quelque rang et qualité qu'ils soient qui lui font l'honneur de se servir de son instruction et qui frequentent ses leçons pour la danse*. Leipsic, 1756. 96 p.
5. Tomlinson K. *The art of dancing... In 2 books*. London: Printed for the author, 1735. 181 p.
6. Winterschmid A.W. *Kurze und leichte Anweisung*. Altdorf, 1758. 56 p.
7. Берк К.Р. Путевые заметки о России / Пер. Ю.Н. Беспятовых // Ю.Н. Беспятовых. *Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии*. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 111–302.
8. Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: 1738–1793 // *Русская старина*. Приложение. Т. 1. СПб., 1870. 1017 с.
9. Вольман Б.Л. *Русские печатные ноты XVIII века*. Л.: Гос. Муз. изд-во, 1957. 291 с.
10. [Екатерина II]. *Записки императрицы Екатерины II*. М.: Орбита, 1989. 743 с.
11. Еремина-Соленикова Е.В. Английские контрдансы на ранних этапах своего развития // *Мат-лы III конф. по вопросам реконструкции европейских исторических танцев XIII–XX вв. 6–7 февраля 2010 г.* СПб.: Культ Информ Пресс, 2011, С. 24–64.
12. Еремина-Соленикова Е.В. К вопросу о программах обучения танцу в XVIII веке // *Вестник русского балета имени А.Я. Вагановой*. 2014 № 35 (6). СПб., 2014. С. 38–50.

13. **Еремина-Соленикова Е.В.** К вопросу о программе обучения танцам в Шляхетском корпусе и Танцевальной Школе Ж.-Б. Ланде // *II Международ. научно-практич. конф. «Хореографическое образование: Россия и Европа. Состояние и перспективы»*. СПб.: Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой, 2014. С. 566–577.
14. **Еремина-Соленикова Е.В.** Русские национальные танцы при императорском дворе в первой половине XVIII века // *Труды ГЭ*. СПб., 2021. (в печати).
15. *КФЖ 1745 г.; КФЖ 1746 г.; КФЖ 1750 г.; КФЖ 1751 г.; КФЖ 1755 г.* СПб., 1853–1916. (239 с.) (131 с.) (156 с.) (136 с.) (128 с.).
16. **Компан Ш.** *Танцевальный словарь, содержащий в себе историю, правила и основания танцевального искусства с критическими размышлениями и любопытными анекдотами, относящимися к древним и новым танцам*. М.: В тип. В. Окурокова, 1790. 437 с.
17. *Культура университетского бала*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 420 с.
18. **Кусков И.** *Танцевальный учитель, заключающий в себя правила и основания сего искусства к пользе обоего пола, со многими гравированными фигурами и частию музыки*. СПб.: Тип. Имп. Сухопутного Шляхетного Корпуса, 1794. 44 с.
19. *Московские ведомости*. 1799. № 10.
20. **Порошин С.** *Записки, служащая к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престола российского*. СПб., 1844. 563 с.
21. *Церемониал отпускнуи аудиэнции, которую депутаты города Гданска при российском императорском дворе мая 16 дня 1735 года имели*. СПб.: При Императорской Академии наук, 1735. 762 с.
22. **Шабалина Т.В.** Открытие двух трактатов Готфрида Тауберта // *Вестник Академии Русского балета им. А.Я. Вагановой*. 2018. № 6 (59). С. 266–286.
23. **Штелин Я.Я.** Известия об искусстве танца и балетах в России // **Я.Я. Штелин.** *Музыка и балет в России XVIII века*. Л.: Муз. издат., 1935. С. 147–171.

Наталья Валентиновна Казанина

Научный сотрудник Государственного Русского музея, Санкт-Петербург

Конный портрет
императрицы Елизаветы Петровны,
как символ женского правления:
Портретное собрание Мраморного дворца
XVIII века

Nataliya V. Kazanina

Horse portrait of Empress Elizabeth Petrovna
as a symbol of female rule: Portrait collection
of the Marble palace of the XVIII century

Аннотация: В статье отражена роль Конного портрета Императрицы Елизаветы Петровны из собрания картинной галереи Мраморного дворца XVIII в. как символа женского правления. Сохранившийся «Каталог картин Мраморного дворца с указанием их расположения» 1786 г. позволяет увидеть, где именно находился портрет, и подчеркнуть впечатление, которое он производил на посетителей портретной галереи.

Abstract: The article reflects the role of the Equestrian portrait of Empress Elizabeth Petrovna from the collection of the picture gallery of the Marble Palace of the 18th century, as a symbol of female rule. The surviving «Catalog of paintings of the Marble Palace with an indication of their location» in 1786 allows you to see exactly where the portrait was located, and to emphasize the impression it made on visitors to the portrait gallery.

Ключевые слова: Портретное собрание Мраморного дворца, Мраморный дворец, галерея, конный портрет.

Keywords: Portrait collection of the Marble Palace, Marble Palace, gallery, equestrian portrait.

Среди множества портретов, принадлежавших картинной галерее Мраморного дворца XVIII в., особое место занимал Конный портрет Императрицы Елизаветы Петровны с арапчонком.

Портрет всегда привлекал к себе внимание путешественников, осматривающих достопримечательности Мраморного дворца. Французский путешественник Форсия де Пилес, посетивший Санкт-Петербург в 1790-х гг., упоминает это полотно в своих мемуарах.¹

Традиция изображения монархов на коне как доблестных воинов и полководцев, пришла в Россию из Европы. Хорошо известны конные портреты Петра I — «Петр I в Полтавской битве» художника Иоганна Готфрида Таннауэра² и «Конный портрет Петра I» работы неизвестного художника (в настоящее время находится в Государственном историко-художественном музее «Новый Иерусалим»).

Супруга Петра I, Екатерина Алексеевна, была умелой наездницей и сопровождала своего мужа в Персидском походе. Их дочь, Елизавета Петровна, с юных лет любила верховую езду и считалась великолепной наездницей. Б.Х. Миних вспоминал, что девочка «полна здоровья и живости <...>, уверенно чувствуя себя на прогулках верхом <...>».³

Испанский посол Герцог Лирийский отмечал в своих записках, что «Принцесса Елисавета, дочь Петра I и царицы Екатерины, такая красавица, каких я никогда не видывал. Цвет лица её удивителен, глаза пламенные, рот совершенный, шея белейшая и удивительный стан. Она высокого роста и чрезвычайно жива. Танцует хорошо и ездит верхом без малейшего страха. В обращении её много ума и приятности, но заметно некоторое честолюбие».⁴

Все эти качества художники стремились отобразить в портретах Елизаветы Петровны. Во время её правления Россия была одной из значимых держав в Европе, она участвовала во многих военных конфликтах и одерживала победы. Поэтому представление о монархе как об успешном полководце имело большое значение, осо-

¹ **Форсия де Пилес.** *Прогулки по Петербургу Екатерины Великой: Записки французского путешественника* / Сост. и коммент. А.Н. Спащанского, СПб., 2014. С. 55.

² Таннауэр Иоганн Готфрид. *Петр I в Полтавской битве.* Государственный Русский музей, инв. № Ж-4901.

³ *Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы)* / Вступ. статья, ком. Е.В. Анисимова. Л., 1991. С. 72.

⁴ **Герцог Лирийский.** *Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII века глазами иностранцев.* Л., 1989. С. 247.

бенно для правительницы-женщины. Сама Елизавета не участвовала в сражениях и стала императрицей в результате дворцового переворота и поддержки гвардии. Она понимала шаткость своего положения и всячески старалась обосновать легитимность своего правления.

Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны — самый большой портрет в галерее Мраморного дворца, размером 330 x 290 см. В «Каталоге картин Мраморного дворца с указанием их расположения», составленном в 1786 г., он значился как работа Г.Х. Гроота «Императрица Елизавета на лошади (в натуральную величину)».⁵

В этом уникальном документе даётся не только опись картин, но и прилагаются графические листы с изображением стен с развешенными полотнами. Схематичные изображения выполнены очень тщательно и отображают все детали картины. В правом нижнем углу располагался номер белой краской, соответствующий номеру в каталоге. Всё это позволяет обнаружить полотна, ранее принадлежавшие галерее, в собраниях современных музеев.

В настоящее время «Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны» находится в собрании Государственного Эрмитажа и считается работой неизвестного художника с оригинала Г.Х. Гроота.⁶ Номер белой краской утрачен. Тем не менее, полотно в 1905 г. экспонировалось на Историко-художественной выставке русских портретов в Таврическом дворце, и на сохранившихся исторических фотографиях виден номер белой краской.

Полотно написано с оригинала Г.Х. Гроота «Портрет Елизаветы Петровны на коне с арапчонком» 1743 г., в данное время хранящегося в Государственной Третьяковской галерее и являющегося самым известным изображением императрицы на коне.⁷ Портрет создан в изящной манере. В центре картины — императрица Елизавета Петровна на коне в мундире Преображенского полка со шпагой и маршалским жезлом в руке. Красивый конь тёмной масти нарядно украшен и изображён в позе «рыси на месте»,⁸ как это было принято в европейской традиции. Рядом с конём на фоне живописной растительности маленький изящный арапчонок в элегантном кос-

⁵ РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 285.

⁶ Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны. Неизвестный художник XVIII в. с живописного оригинала Г.Х. Гроота, 1743 г. Инв. № ЭРЖ-3286.

⁷ Гроот Георг Христоф (Кристоф). Портрет Елизаветы Петровны на коне с арапчонком, 1743. Инв. № 4584.

⁸ Чежина Ю.И. «Конная Библия» и парадный портрет // 250 историй про Эрмитаж: «Собрание пестрых глав...». Кн. 1. СПб., 2014. С. 140.

Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны.
Неизвестный художник XVIII в. С живописного оригинала Г.Х. Гроота, 1743.
ГЭ. Инв. № ЭРЖ-3286

тюме того времени, со вскинутой рукой, с восхищением смотрящий на императрицу. На дальнем плане водная гладь и корабли — символ морского флота России.

Портрет из галереи Мраморного дворца отличается от оригинала Г.Х. Гроота не только размерами, но и по композиции и деталям.

В центре полотна так же изображена императрица Елизавета Петровна на коне в мундире Преображенского полка и с маршаль-

ским жезлом. Конь на картине не тёмной, а белой масти, грива украшена голубыми цветами, и в отличие от оригинала, животное смотрит на зрителя. Арапчонок — не изящный и хрупкий ребёнок, с восхищением смотрящий на Елизавету, а вполне взрослый человек, внимающий приказам своей повелительницы. На дальнем плане с правой стороны изображена водная гладь с кораблями, на одном из них развевается Андреевский флаг. С другой стороны хорошо видны архитектурные строения дворцовых ансамблей со скульптурами на крыше.

Большая схожесть по композиции у портрета Елизаветы Петровны из Мраморного дворца с конным портретом её матери, императрицы Екатерины I, из Кадриоргского художественного музея, также являющейся работой неизвестного художника.

На полотне императрица Екатерина I в Преображенском мундире с жезлом в руке и той же позе, что и Елизавета Петровна. Белый конь так же украшен. Сопровождающий её арапчонок в такой же позе, и на дальнем плане водная гладь с кораблём.

В портретах много сходства. Оба полотна созданы примерно в одно время. Велика вероятность, что портреты написаны одним и тем же автором и являлись заказом императрицы Елизаветы Петровны.

Портрет «Императрица Елизавета на лошади» являлся центром экспозиции западной стены самого большого зала живописной галереи Мраморного дворца. С обеих сторон от большого конного изображения Елизаветы Петровны располагались двенадцать небольших погрудных портретов, по шесть с каждой стороны, с изображением представителей династии Романовых от родоначальников до царствующих особ. Эти изображения составляли логические пары. На самом верху находились портреты Екатерины II и Петра III, следом шли изображения родоначальников династии Романовых: патриарха Филарета и его жены Марфы, под ними располагались портреты молодых императоров: Петра I в юности и Петра II, за ними следовали изображения супружеской четы царевича Алексея Петровича и Шарлотты Кристины Софии. Далее находилась пара детских портретов «Елизаветы Петровны в детстве» и «Петра I в детстве». Завершали серию портреты Анны Петровны и царя Ивана V Алексеевича.

Серия небольших погрудных портретов, прославляющая древность и величие рода Романовых, имела одинаковый размер, и, вероятно, была заказана именно для этой экспозиции художникам А. Антропову, Г. Бухгольцу и Г. Молчанову, все работы были выполнены в 1772 г. Кроме того, Г. Молчанов также выполнял работы

Южная стена портретного зала галереи Мраморного дворца XVIII в.
Графический лист. РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 285. Л.6

по оформлению комнат в парадной анфиладе второго этажа Мраморного дворца.

Картинная галерея Мраморного дворца существовала в екатерининскую эпоху, когда личность императрицы Елизаветы Петровны была очень популярна и значима. Екатерину II считали продолжательницей политики дочери Петра I, Елизаветы, что всячески подчёркивалось. В галерее дворца находилось четыре портрета Елизаветы Петровны — от изображения её в детстве до коронационного и конного портретов, подчёркивающих славу императрицы как мудрой правительницы.

В том же портретном зале напротив большого конного портрета императрицы Елизаветы Петровны находился конный портрет «Ее Величества императрицы Екатерины II на лошади в гвардейском мундире» работы В. Эриксона. Художник изобразил императрицу в день совершённого ею дворцового переворота. Она запечатлена со шпагой в мундире Семеновского полка на коне Бриллианте. Это изображение неоднократно копировалось и было гравировано. Номер белой краской не сохранился, но по композиции и размерам портрет из галереи Мраморного дворца

близок полотну «Портрет Екатерины II верхом» из собрания Государственного Эрмитажа.⁹

В XVIII в. изображение царствующих особ на коне являлось символом мудрой внешней политики и защиты своего народа. Образ передавал мужественность и храбрость правителя. Изображая его как доблестного воина, художник подчёркивал значимость монарха как гаранта безопасности государства. Поэтому королей и императоров так часто изображали в воинских доспехах и сидящих на коне, в частности французских королей, погрудные портреты которых находились в этом же зале.

Портретное собрание Мраморного дворца имело официальный представительский характер, на посетителей со стен смотрели русские цари и коронованные особы Европы. Конный портрет Елизаветы Петровны выделялся среди полотен в галерее Мраморного дворца и отражал почитание императрицы Елизаветы в екатерининскую эпоху как продолжательницы дела Петра, а также подчёркивал законность правления её преемницы Екатерины II и право на престол России.

Конные портреты коронованных особ писались, чтобы показать их героями и воителями. Императрицы XVIII в. лично не участвовали в военных действиях, но их конные портреты создавались, чтобы поставить их вровень с императорами мужчинами и подчеркнуть легитимность их правления.

Архивные источники

1. РГИА. Ф. 539. Оп. 1. Д. 285.

Литература

2. *Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760-е годы)* / Вступ. статья, ком. Е.В. Анисимова. Л.: Художественная литература, 1991. 376 с.
3. **Герцог Лирийский.** *Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII века глазами иностранцев.* Л.: Лениздат, 1989. С. 189–260.
4. **Форсия де Пилес.** *Прогулки по Петербургу Екатерины Великой: Записки французского путешественника* / Сост. и коммент. А.Н. Спащанского, СПб.: Паритет, 2014. 384 с.
5. **Чежина Ю.И.** «Конная Библия» и парадный портрет // *250 историй про Эрмитаж: «Собрание нестрых глав...».* Кн. 1. СПб.: Изд. ГЭ, 2014. С. 137–143.

⁹ Эриксен Вигилиус. Портрет Екатерины II верхом. ГЭ. Инв. № ГЭ-1312.

Татьяна Николаевна Лехович

*Старший научный сотрудник Отдела европейского прикладного искусства
Государственного Эрмитажа,
хранитель коллекции тканей и шпалер, Санкт-Петербург*

«Нижеописанные товары взяты в комнаты
Вашего Императорского Величества...»:
Роскошные ткани для нужд
Елизаветы Петровны:
Анализ архивных материалов
в контексте стиля эпохи

Tatiana N. Lekhovich

«The goods described below have been taken
to the rooms of Your Imperial Majesty...»:
Luxurious fabrics for the needs
of Elizabeth Petrovna:
An analysis of archival materials
in the context of the style

Аннотация: Елизавета Петровна очень интересовалась хорошими тканями, как в costume, так и в отделке интерьеров. Она охотно приобретала текстиль русского и иностранного производства, сделала многое для того, чтобы на протяжении её царствования русская текстильная промышленность, заложенная Петром I, укрепилась и выросла. Архивные документы и мемуары современников дают возможность увидеть детали заказов на костюмы императрицы, ткани в её интерьерах, объёмы и стоимость закупок текстиля ко двору.

Abstract: Elizabeth Petrovna had a weakness for good textiles: in costume, and in interior decoration. She not only loved and acquired textiles, both Russian and foreign, she did a lot to ensure that during her reign the Russian textile industry, founded by Peter I, would strengthen and triple. Archive documents and memoirs make it possible to see the details of orders for the Empress's costumes, fabrics in her interiors, the volume and cost of textiles for the court. The relationship of suppliers with the Russian court, the use of luxury fabrics at the court, interior decoration is the range of the research.

Ключевые слова: Елизавета Петровна, ткани, шёлк, текстильная промышленность, заказы двора.

Keywords: Elizabeth Petrovna, fabrics, silk, textile manufacturing, court orders.

В исторических источниках, мемуарах, письмах неоднократно упоминается любовь Елизаветы Петровны к хорошему текстилю во всех его видах: в костюме, в отделке интерьеров, театре, церкви. Несмотря на поражающие воображения цифры о количестве вещей в её гардеробе, дошедшие до нас в мемуарах современников, сегодня достоверно известен лишь один сохранившийся предмет костюма Елизаветы — коронационное облачение, хранящееся в Оружейной палате.

Документы, сохранившиеся в архивах России, и мемуары современников дают возможность увидеть заказы на костюмы императрицы, ткани в её интерьерах, объёмы и стоимость закупок текстиля ко двору в елизаветинскую эпоху.

В середине XVIII в. французская текстильная промышленность заняла лидирующую позицию на рынке люксовых шёлковых тканей. Не случайно именно в Париже Елизавета Петровна держала специальных торговых агентов, доставлявших к русскому двору сведения о новинках моды, постоянно закупавших и отправлявших в Петербург ткани, кружева, ленты, шёлковые чулки и прочие произведения французских ткачей и галантерейщиков. Елизавета требовала от таможи показывать ей первой модные товары, привезённые иностранными купцами в Петербург. В случае, если же товар был уже куплен у негоцианта, сошедшего в петербургском порту, она могла приказать «отобрать и деньги заплатить и все прислать ко мне».¹

О личном щёгольстве, элегантности и расточительстве Елизаветы много писала в своих дневниках великая княгиня Екатерина Алексеевна, будущая императрица Екатерина II. Общее впечатле-

¹ Павленко Н.И. *Елизавета Петровна: В кругу муз и фаворитов*. М., 2005. С. 162.

Ткань шёлковая – парча с узором, затканым фиолетовым, розовым, голубым и зелёным шелками по золотому фону. Франция, Лион, 1740–1750-е гг. Шёлк, серебряная нить; брошировка. 53x51 см.

© ГЭ, Санкт-Петербург. Инв. № Т-1437.

Фото: Д.В. Сироткин

ние от дошедших до нас исторических свидетельств создаёт образ «весёлой царицы», легкомысленной модницы. Однако личная склонность к модам, свойственная Елизавете Петровне, не отражалась на отношении к государственным проблемам.

Вскоре после коронации, в 1742 г., Елизавета издаёт указы, направленные на поддержание и развитие собственной текстильной промышленности, а также регулирование цен в области импорта тканей. 15 июня 1742 г. публикуется «Привилегия», данная Елизаветой Петровной жителю Санкт-Петербурга Луке Ширванову

Ткань шёлковая голубого цвета, затканная серебром и цветными шелками.

В узоре – крупные симметричные цветы и завитки в обрамлении из кружевного узора. Шёлк, серебряная нить; брошировка. 53x55 см.

© ГЭ, Санкт-Петербург. Инв. № Т 1523.

Фото: Д.В. Сироткин

(Гукасу Ширваняну) для создания шёлковой и хлопчатобумажной фабрики² и разведения шелковичных червей в Астрахани.

Из указа мы узнаём, что на фабрике к 1742 г. уже успешно выращивают шёлк-сырец и собираются запускать производство шёлковых тканей, для чего Ширванову было дано разрешение ввозить беспошлинно шёлк-сырец из Персии, а также вывозить свою

² Восканян В.К., Галустян О.Д., Мартиросян В.М. *Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII века*. Т. 3. Ереван, 1978. См.: [Электронный ресурс] http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1720-1740/Arm_russ_otn_18v_III/101-120/115.htm (дата обращения 12.06.2021).

Sysang Johann Christoph. Портрет Елизаветы Петровны,
Царицы России. Между 1740 и 1757 г. Бумага, офорт, 22,0см x 33,5см.
Государственный Архив Австрии. Инв. № PORT_00033793_01

продукцию для продажи. Особенно интересно здесь упоминание о производстве хлопчатобумажных и тканей из шёлка с хлопком. Хлопок-сырец в это время ввозился в Европу из Индии или Персии и стоил очень дорого, хлопковые ткани в итоге получались дороже шёлка. Из-за давления шелкоткацкого лобби во Франции, Англии и Германии с конца XVII в. было запрещено производство набивных ситцев. У русского производства хлопковых тканей не было ограничений, известны также хлопчатобумажные фабрики в Петербурге. До конца XVIII в. российское ситценабивное производство не достигло больших оборотов и качества, но сам факт, что сохранилась информация о столь раннем хлопчатобумажном производстве в России, интересен для понимания становления отечественной текстильной промышленности.

11 декабря 1742 г. Елизавета Петровна издала очень важный для русской промышленности указ, ограничивающий роскошь костюма своих подданных. Помимо регулирования стоимости платья и тканей согласно принадлежности к классам, в документе декларировано ограничение импорта дорогих иностранных тканей (кроме китайских). Ответом на ограничение импорта роскошных шелков должно было стать увеличение отечественного производства: «и для того старание иметь Мануфактур-Коллегии чтобы тех шелковых парчей на российских мануфактурах делано было с довольством и добротой против иностранных, дабы со временем можно было довольствоваться своими не выписывая из иностранных государств».³

Этот указ — не простая прихоть властной женщины, желавшей быть самой нарядной при своём дворе, как часто можно понять из исторических текстов. Это заявка на серьёзную поддержку собственной текстильной промышленности. Импорт иностранных тканей, хоть и очень дорогих, составлял значительную конкуренцию молодым российским ткацким мануфактурам, большинство из которых появилось только в эпоху Петра I. Фабрики П.П. Шафирова и П.А. Толстого к 1740-м гг. производили узорчатые шёлковые ткани, бархаты и ткани с золотыми и серебряными нитями. Важно, что одновременно указ не накладывал ограничение на экспорт шёлка-сырца.

При Елизавете перестраивались и закладывались новые дворцы, которые требовали огромного количества тканей для отделки инте-

³ Лехович Т.Н. «О неношении никому богатых платьев...»: Что стоит за указами Елизаветы Петровны против роскоши? // *Труды ГЭ. Т. 67: М.В. Ломоносов и елизаветинское время: Мат-лы конф., состоявшейся 23–25 нояб. 2011 г. в ГЭ / Науч. ред. Н.Ю. Гусева. СПб., 2013. С. 169–180.*

рьеров. Сведения об убранстве дворцов этого периода крайне скудны и обобщены. Однако в целом известно, что интерьеры периода позднего барокко и рококо изобиловали самым изящным и изощрённым декором, в том числе текстильным.

Одно из самых ранних свидетельств, описание интерьера в деревянном Зимнем дворце Елизаветы Петровны, оставила мать будущей императрицы Екатерины II Иоганна Елизавета Гольштейн-Готторпская (в замужестве принцесса Ангальт-Цербстская). В одном из своих писем она рассказывала об убранстве покоев новобрачных великого князя и княгини, подготовленных к их бракосочетанию в Зимнем дворце (?): «Оставим покоиться новобрачных, чтобы описать покои, в которых они опочивали. Эти покои состоят из четырех больших комнат, одна прелестнее другой. Большой кабинет есть самый богатый из них. Обит он серебряною парчею, затканною шелком с переливами удивительного вкуса; вся мебель ей соответствует: стулья, занавесы и пр. Спальня обита алым бархатом, который выдавался в яркий красный цвет. На нем вышиты столбы и гирлянды из серебра, вышитого выпукло, а на кровати гладкой бархат; меблировка согласована с этим убранством. Она так прекрасна, имеет такой особенный вид, так величественна, что ея нельзя видеть без изумления».⁴

Построенные в правление Елизаветы дворцы в стиле барокко были пышно декорированы, одновременно с этим они были довольно скудно меблированы. Казалось, Елизавета интересовалась только своим гардеробом, и ей было почти безразлично, насколько удобны её дворцы. Великая княгиня Екатерина Алексеевна писала в дневнике, что в 1750-е гг. при дворе был такой недостаток мебели, что её приходилось возить из дворца во дворец при переездах двора.

В мемуарах этого времени сохранились жалобы придворных на то, что в новом Зимнем дворце была нехватка мебели (1761). В воспоминаниях Андрея Болотова мы читаем: «Для меня зрелище сие было новое, но любопытнейшее дождалось меня во внутренности дворца самага, в котором я до того времени еще не бывал. И самая уже огромность и пышность здания сего приводила меня в некоторое приятное изумление, а когда вошел я с генералом внутрь сих новых императорских чертогов и увидел впервые еще отроду всю

⁴ [Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская]. Известия, писанные княгиней Иоанною-Елисаветою Ангальт-Цербстскою, матерью императрицы Екатерины, о прибытии ея с дочерью в Россию и о торжествах по случаю присоединения к православию и бракосочетания последней: 1744—1745 годы // *Сб. РИО*. Т. 7. 1871. С. 58.

Диван с фигурной спинкой, изогнутыми локотниками, обивка вышита шерстью в технике полукрест, с фигурами людей и животных. Россия, около 1750 г. Дерево, позолота, шерсть; резьба, вышивка. 129x194x54 см.
© ГЭ, Санкт-Петербург. Инв. № ЭРМб-30.
Фото: А.Я. Лаврентьев

пышность и великолепие дворца нашего, то пришел в такое приятное восхищение, что сам себя почти не вспомнил от удовольствия».⁵ «Но во дворце было дело совсем иное: тут не только что о чтанье таком и помыслить было не можно, но та пуще всего была нам напасть, что сидеть было вовсе не на чем. Я уже упоминал, что во всех тех комнатах, где мы бывали, не было тогда ни единого стульца, а стояли только в одной проходной комнате одни канапе, но и те были обиты богатым штофом и такая, на каких мы сначала не смели и помыслить, чтоб садиться».⁶

Роскошь дворцового убранства соседствовала с постоянной необходимостью в ремонте из-за протечек, сырости или мышей. Рапорт 1752 г. Московского дворцового управления сообщает о необходимости срочной реставрации к приезду императрицы парадной

⁵ Болотов А.Т. *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: В 3 т. Т. 1. М., 2013. С. 910.*

⁶ Там же. С. 917.

кровати в Московском дворце дабы «невоследовало впредь ее императорского величества высочайшего гнева».⁷

Для подобных ремонтов требовалось быстро приобрести необходимые материи, что не всегда было возможно сделать в местных лавках. Ткани ручной работы стоили очень дорого и на складах, как правило, не хранились, а поставлялись партиями под специальный заказ.

Для понимания стиля деловых отношений русского двора и поставщиков тканей в середине XVIII в. интересен случай, зафиксированный в рапорте Елизавете Петровне 1750 г. В это время в её спальне меняли шёлковые обои, белые с зелёными бордюрами, для чего потребовалось срочно приобрести 30 аршин белого атласа. Такой шёлк был только у купца Саввы Собакина, который категорически отказался отпустить ткань ко двору. Вероятно, такое твёрдое нежелание идти на сделку было вызвано неаккуратной оплатой его предыдущих поставок: «По указу вашего величества повелено было сделать в спальню вашего величества обои отласным белым с зелеными столбами к которым в приборе потребно было атласу белого 30 аршин которого подобный колер сыскать нигде не могли как у одного купца и питейного поставщика Савы Сабакина, но у оного через три дни по посылке от него получить не можем. И сидельцам запретил он Сабакин без приказа своего никому не давать. И хотя ему объявлено что то надобно для Вашего Величества, однако он не отпустил и ни с кем не прислал. Приходили к нему дважды, но он не допустил, в течении трех дней. И того ради он в Кабинет задержан. А атлас велено принесть, да и потому он до самого вечера того не учинил, но как просил свободы и ему сказано что без того освобожден не будет пока атлас в кабинет принесть не велит тогда и принесли: и обоим ваше величество что повелите».⁸

Заказы на костюмы, платья и туфли для императрицы в 1745–1750-х гг. содержат внушительные цифры изготовленных предметов, поставки исчислялись десятками и даже сотнями единиц.⁹ Для примера обратимся к документу 1753 г. о доставлении в Зимний дворец предметов гардероба императрицы, внесённых в её парадную спальню в Зимнем дворце,¹⁰ всего 1452 предмета зимнего гар-

⁷ 16 июня – 26 июля 1752 г. Рапорт о ремонте парадной кровати «ее императорского величества парадная штофная зеленая кровать с золотым позументом коя поедена мышами». См.: *РГАДА*. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 81. Д. 41231. Л. 33.

⁸ *РГАДА*. Ф. 14. Оп. 1. Д. 127: «Об арестовании купца Саввы Яковлева неотпустившего из лавки атласа для двора 1750 г.».

⁹ Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 109. Д. 53716. 1742 г. «Счета мастеров и купцов за сделанные вещи и забранные материи 1742 года».

¹⁰ Там же. Ф. 14: Придворное ведомство. Оп. 1. Д. 88. Л. 9–9об.

дероба. Нужно заметить, что понятие «платье» в XVIII в. включало в себя не один предмет, а целый ансамбль из нижних и верхних его частей, корсетов, фижм разного размера, обручей или «булочек».

Реестр разному платью, которое внесено в парадную опочивальню Кафтанов с юбками 2 Кафтанов зашивных 3 Шлафоров с юбками на большую фижбенную 15 Шлафоров зашивных с фальшивыми юбками 16 Шлафоров одинаких 4 Полшлафоров с юбками на малую фишбену 21 Полшлафоров с юбками на обручик 20 Бострогов с юбками 5 Шубок с юбками 12 Шубок одинаких долгих 6 Шубок одинаких 13 Полшлафоров с юбками тафтяные волнистых на фижбену, на обручик, и на булочки 24 пары Юбок одинаковых цветных 111 Исподних юбок 84 полшлафоров и кофт одинаких 121 Юбок одинаких грезетовых черных 95 Траурного платья 11 пар Траурного одинакого платья 28	Стеганых юбок одинаких 23 Стеганого парного 10 пар Кофт одинаких стеганых 6 Карсетов 373 Ливреи 24 и 24 Мужского платья: Кавалерского 15 пар Офицерского 18 пар Амазонских юбок одинаких 3 Оставлено в казенной Полшлафоров с юбками атфты белых на фишбену и на булочки 62 пары Полшлафору одинаких 88 Шлафоров и шубок одинаких 16 Больших фишбеньных юбок 36 Фишбеньных маленьких юбок 40 Обручиков 28 И зописных Самар и юбок парчевых по пунцовой земле серебром 2 Робной шлеф малиновой с золотом 1 Юбка гарнитуровая голубая 1 Всего 1452

В ноябре 1753 г. в пожаре в Московском Зимнем дворце — Головинском доме императрица потеряла всё, что привезла в Москву из её огромного гардероба. Екатерина Алексеевна писала: «Я имела честь услышать от нее <Елизаветы>, что она лишилась четырех тысяч пар платьев и что из всех она жалеет только платье, сделанное из материи, которую я ей послала и которую я получила от матери. Она потеряла тут еще другие ценные вещи, между прочим, таз, осыпанный резными камнями, который граф Румянцев купил в Константинополе и за который он заплатил 8 тысяч дукатов. Все эти вещи помещались в гардеробной, находившейся под залом, где начался пожар».¹¹

¹¹ [Е.И.В. Екатерина II]. *Мемуары*. Ч. II. Раздел 1. С. 603. Цит. по: *Российский мемуарий*. [Электронный ресурс] http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Ekaterina/Ek_mem_II_1.htm (дата обращения: 15.05.2021).

Судя по счетам иностранных поставщиков тканей, галантерейных товаров и костюмов за 1753–1755 гг., ущерб в рублёвом исчислении составлял сотни тысяч.¹² Так, в этот период за шёлковые ткани — гризет, тафты, кисеи, парчовые золотые и серебряные ткани, галуны из шёлка и золочёных нитей, камзолы, веера, померанцевую воду, чулки, страусовые перья — поставщикам из-за границы было заплачено «228 838 руб. 55 коп. с пошлиной». Чтобы понимать уровень дороговизны шёлковых штофов и парчи, закупаемых для двора по цене от 6 до 12 руб. за аршин, можно сравнить их со средним заработком квалифицированного мастерового в Петербурге 1740-х гг. — около 30 руб. в год. Высококвалифицированные ткачи на шёлковых мануфактурах получали в первой половине XVIII в. 25–30 руб. в год.¹³

Среди имён поставщиков тканей и прочих изящных товаров в начале 1750-х гг. появляется имя Иоганна Вейнахта (J. Weynach Warney & Cop.), швейцарца. Начиная с этого времени и до 1780-х гг., ежегодно он поставлял к русским императрицам — сначала Елизавете Петровне, а затем Екатерине предметы роскоши.

Это имя, забытое последующими поколениями, известно лишь узкому кругу историков, работавших с архивными документами XVIII в. Сведений о нём сохранилось крайне мало: швейцарец Иоганн (иногда в документах встречалось имя «Ятан» или «Яган») Вейнахт состоял на службе при императрице и ежегодно привозил в Петербург разные предметы роскоши — серебро из Франции и Аугсбурга, ювелирные изделия с бриллиантами, табакерки, узорные шелка. Объёмы партий его товаров поражают. Можно уверенно утверждать, что Иоганн Вейнахт был в это время самым крупным поставщиком, ежегодно привозившим в Петербург во дворец произведения прикладного искусства. Его сорокалетнее сотрудничество, как поставщика русских императриц, началось, судя по документам, в первой половине 1750-х гг., когда он доставлял в Дворцовое управление партии шёлковых тканей: тафты разных цветов, гризета, флера, кисеи, штофу, золотой и серебряной парчи с шелками, и даже 15 кусков «ситцев с пукетами, по 16 руб. кусок»,¹⁴ камзолы муж-

¹² РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 113: «О товарах, забранных для двора Елизаветы Петровны и заключающихся преимущественно в тканях и предметах дамского туалета 1748 г. и др.». Л. 3–12.

¹³ Шипилов А.В. Уровень жизни рабочих в России в первой половине XVIII века // *Вопросы истории*. 2008. № 11. С. 110–118.

¹⁴ Ситец в середине XVIII в. был ещё редкой, экзотической и довольно дорогой тканью. Трудно сказать, сколько аршин составлял «кусок ситца» в этом документе, вероятно, он равнялся тому, что в русском языке называли «штука».

кие, позумент с золотом, пуговицы, перья страусовые и бутылки воды «шешменной» (жасминовой) и померанцевой.

Щёгольство императрицы и её придворных распространялось вниз по сословной лестнице русского общества, что приводило с одной стороны, к постепенной европеизации всего обихода и моды, с другой — стимулировало внешнюю торговлю и собственное текстильное производство.

Вслед за своим отцом Петром I Елизавета проводила поддержку недавно запущенной в России промышленности текстильного производства шёлковых тканей, шёлка-сырца, галунов, сукна, льняных тканей. Она интересовалась не только привозными текстильными товарами. В фонде Московского Дворцового управления сохранилась «Опись хранящимся в Кабинете разным вещам, составленная статским советником Бахиревым. 1764 октября 15го».¹⁵ В числе этих

Средняя длина штуки — 48 локтей или 7 сажений, что составляло примерно 21 аршин. Таким образом, можно предположить, что один аршин ситца стоил меньше 1 рубля.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 115. Д. 61757: «Образцов российских фабрик представленные в 750 году при докладе от правительствующего сената о том что нижепоназванные тех фабрик содержателя обяжутся шелковые и прочие товары против вывозу из за моря делать соизлишеством, а имянно:

1. Фабрики содержателя Илья Пайфилста 9 образцов, в том числе платков разных цветов под номерами 1.2.3, черных гризетных под номером 4, лент разных цветов
2. Фабрики содержателя Дмитрия Кукова 9 образцов, в том числе... грезету черного, афт пунцового, платков, полу италианская, булавчатых, тафтяной, лент шелковых
3. Фабрики содержателя Ивана Демидова: грезетов, тафтяных, кофейной грогре полосатая, градитуру, тафтяной клетчатой
4. Фабрики содержателя Мины Иконникова 6 образцов, в том числе грезетовыя, тафты белой, платок тафтяной клетчатый, лент
5. Санкт Петербурхской позументной фабрики Алексея Милютина гасам, позументам т.п.
6. Волоченного и плашеного золота и серебра фабрики содержателя Илья Докучаева с товариши — бятному и пряденому золоту 4, да плашеному и пряденому серебру 2 катушечки маленькие
7. Фабрики ассесора Ивана Евреинова: бархатных кофейных, один травчатый, другой гладкой, штофных п белой земле с разными цветами, по желтой земле с синим цветами, осиновой одноцветной, гарнитуру по белой земле с фиолетовыми цветами, люстрину розового, грогре с фиолетовыми цветами. Грезету двоичного, грогре голубого, шагрину черного, тафты разных цветов, мору с серебром, грезету с серебряными травами, тафтам с зелеными травами и серебром
8. Фабрики Ивана Старцова 7 образцов: штофа малинового, грезету кофейного, грезету померанцового тафты белой полосатой, сатину синего, тафты белая и кофейная

вещей в Кабинет во время правления Елизаветы Петровны поступали образцы шёлка-сырца от разных производителей, галуны и ткани российских фабрик. Благодаря этому документу мы сегодня знаем давно утраченные имена русских фабрикантов тканей, а также выпускаемый ими ассортимент, предназначенный заменить импортные товары.

Елизавета не просто любила и охотно приобретала текстиль, как русского, так и иностранного производства, она сделала многое для того, чтобы на протяжении её двадцатилетнего царствования русская текстильная промышленность, заложенная Петром I, укрепилась и выросла втрое. Вынужденное балансирование между европейским импортом и поощрением собственных производителей тканей заставляло императрицу принимать соответствующие законы.

Архивные источники

1. РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 88, 113, 127; Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 81. Д. 41231; Ч. 109. Д. 53716.

Литература

2. **Бологов А.Т.** *Жизнь и приключения Андрея Бологова, описанные самим им для своих потомков: В 3 т.* Т. 1. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013.
 3. **Восканян В.К., Галустян О.Д., Мартиросян В.М.** *Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII века.* Т. 3. Ереван, 1978. Изд-во АН АрмССР, 1978. См.: [Электронный ресурс] http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVIII/1720-1740/Arm_russ_otn_18v_III/101-120/115.htm (дата обращения 12.06.2021).
 4. **[Е.И.В. Екатерина II].** *Мемуары.* Ч. II. Раздел 1. См.: *Российский мемуарий.* [Электронный ресурс] http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Ekaterina/Ek_mem_II_1.htm (дата обращения: 15.05.2021).
-
9. Алексея Милютина 32 образца: бархата синяго, косматого пунцового, шитых по голубой земле с разными травами, малиновой, грезетовой, дымчатой, платков
 10. Игнатия Ширимана 22 образца бархатных травчатого дымчатого, черного гладкого, белого косматого, штофных. По желтой земле с разными травами, по белой с разными травами, дамаску кармазинного, люстрину голубого, грезетовых, грогре- разных цветов и маниров
 11. Даниила Земского 13 образцов:грезетовых, бархату
 12. Панкрата Полосова 11 образцов
 13. Андрея Евреинова 16 образцов: штофных разных цветов с травами гродитутру белого с фиолетовыми и зелеными травочками, бархатных малинового клетчатого, черного, пунцового косматого, грезетовых, померанцовых, кофеинового
 14. Михаила Совина 8 образцов: бархатных один косматого, грезетов разных
 15. Петра Филатова 7 образцов».

5. [Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская]. Известия, писанные княгиней Иоанною-Елисаветою Ангальт-Цербстскою, матерью императрицы Екатерины, о прибытии ея с дочерью в Россию и о торжествах по случаю присоединения к православию и бракосочетания последней: 1744–1745 годы // *Сб. РИО*. Т. 7. 1871. С. 7–67.
6. Лехович Т.Н. «О ношении никому богатых платьев...»: Что стоит за указами Елизаветы Петровны против роскоши? // *Труды ГЭ*. Т. 67: *М.В. Ломоносов и елизаветинское время: Мат-лы конф., состоявшейся 23–25 нояб. 2011 г. в ГЭ* / Науч. ред. Н.Ю. Гусева. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. С. 169–180.
7. Павленко Н.И. *Елизавета Петровна: В кругу муз и фаворитов*. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. 320 с.
8. Шипилов А.В. Уровень жизни рабочих в России в первой половине XVIII века // *Вопросы истории*. 2008. № 11. С. 110–118.

Сергей Алексеевич Мезин
*Заведующий кафедрой истории России и археологии
Саратовского национального исследовательского
государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов*

Вольтер и елизаветинская Россия¹

Sergey A. Mezin

Voltaire and Elizabethan Russia

Аннотация: На основе корреспонденции Вольтера в статье представлен обзор личных и творческих контактов просветителя с Россией елизаветинского времени. Наиболее тесное общение Вольтера с государственными деятелями, представителями аристократии и академиками происходило в период написания «Истории Российской империи при Петре Великом» (с начала 1757 г. до смерти императрицы). В центре внимания находится переписка Вольтера с И.И. Шуваловым, отразившая сложные, подчас детективные подробности работы просветителя над историей Петра в союзе с российским Двором. В статье показано, что Вольтер не смог реализовать первоначальный план изобразить в своём труде картину «цветущего состояния» елизаветинской России.

Abstract: Based on Voltaire's correspondence, the article presents an overview of the enlightener's personal and creative relationship with Russia of the Elizabethan time. Voltaire's closest communication with statesmen, representatives of the aristocracy and academicians took place during the writing of «The History of the Russian Empire under Peter the Great» (from the beginning of 1757 until the death of the Empress). In the center of attention is the correspondence of Voltaire with I.I. Shuvalov, which reflected the complex, sometimes detective details of the enlightener's work on the history of Peter in alliance with the

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-42006.

Russian Court. The article shows that Voltaire was unable to implement the original plan to depict a picture of the «flourishing state» of Elizabethan Russia in his work.

Ключевые слова: Вольтер, Елизавета Петровна, Петр I, И.И. Шувалов, история России.

Keywords: Voltaire, Elizabeth Petrovna, Peter I, I.I. Shuvalov, history of Russia.

Интерес к России проходил через всю жизнь знаменитого просветителя, писавшего: «Моя судьба — всегда быть немного выдвинутым на Север».² Из всех стран «Севера» Вольтер, кажется, более всего был привязан к России. Он был историком Петра I и корреспондентом Екатерины II.³ Установление постоянных личных и творческих контактов просветителя с Россией приходится на елизаветинское время. Обзор этих контактов, имевших существенное влияние на творчество Вольтера и получивших широкий резонанс в Европе и в России, является предметом настоящей статьи. Она базируется в первую очередь на переписке Вольтера.

Возможно, первая случайная встреча Вольтера с Петром I произошла в мае 1717 г. во время парижского визита царя. Позже, 11 июня 1759 г.,⁴ Вольтер писал: «Когда я его видел сорок лет тому назад, ходящим по парижским лавкам, ни он, ни я ещё не подозревали, что я однажды сделаюсь его историком».⁵ Однако вероятность такой встречи мала: Петр I прибыл в Париж 7 мая, первые дни пребывания посвятил дипломатическим формальностям и официальным встречам, а уже 16 мая Вольтер был арестован и помещён в Бастилию. Правда, парижская резиденция царя особняк Ледигьер находился под окнами тюрьмы.

О России и о Петре I Вольтер впервые серьёзно задумался в 1727–1728 гг., когда работал над «Историей Карла XII», но при этом черпал информацию исключительно из западноевропейских источников.

² **Voltaire.** Correspondence and related documents / Definitive edition by Th. Besterman // *Oeuvres complètes de Voltaire*. Т. 85–135. Geneve; Oxford, 1968–1977. (далее: Best. D с указанием номера письма), № 17774.

³ Большая тема «Вольтер и Россия» неоднократно привлекала внимание исследователей, таких как Е.Ф. Шмурло, М.П. Алексеев, А. Лортолари, В.С. Люблинский, К. Уилбергер, М. Мерво, А.Ф. Строев, Н.А. Копанев и др.

⁴ Все даты даны по новому стилю, но там, где речь идёт о письмах из России, указаны двойные даты.

⁵ Best. D 8348.

В середине 1730-х гг. историк Карла XII получил предложение вступить на службу к герцогу Гольштейн-Готторпскому Карлу Фридриху, считавшемуся претендентом как на шведский, так и на русский трон, отцу будущего Петра III. Вежливо отказавшись, Вольтер для себя решил, что не покинул бы Сирей (замок маркизы Э. дю Шатле) «даже ради трона России».⁶

Новые сведения о России понадобились Вольтеру для переиздания «Истории Карла XII», и он писал в 1737 г. прусскому принцу Фридриху: «У меня в моём Сирейском уединении нет записок о Московии».⁷ Историк послал Фридриху вопросы, на которые ответил долго живший в России прусский дипломат И.Г. Фоккеродт.⁸ Переосмысление сочинения Фоккеродта обогатило характеристику Петра I в новом издании «Истории Карла XII» 1739 г.⁹ Вольтер обращался с вопросами и к русскому послу в Париже А.Д. Кантемиру,¹⁰ однако их общение не было плодотворным.

Приход к власти Елизаветы Петровны, которому способствовал французский посол де Ла Шетарди, был отмечен налаживанием двусторонних отношений, которые в предыдущее десятилетие деградировали до состояния военного столкновения. В 1745 г. Франция признала императорский титул Елизаветы Петровны. В мае того же года министр иностранных дел друг Вольтера маркиз Р.Л. д'Аржансон просил писателя составить «кокетливое письмо» Елизавете Петровне от имени короля с благодарностью за возможное посредничество и поддержку в войне за Австрийское наследство. По словам Ф.-Д. Лиштенан, «французский король “заигрывал” с Елизаветой, надеясь “поразить” её честолюбивый ум».¹¹ Суть письма сводилась к одной фразе: «Благородный замысел Вашего Величества быть посредницей воюющих держав достоин вашего великого сердца и чувствительно трогает моё». Далее

⁶ Best. D 974; **Mervaud M.** Introduction // **Voltaire.** *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand* / Éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // *Oeuvres complètes de Voltaire.* Т. 46. Oxford, 1999. P. 6–9.

⁷ Best. D 1334.

⁸ **Voltaire.** *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand* / Éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // *Oeuvres complètes de Voltaire.* Т. 46–47 (далее: V 46–47). Oxford, 1999. P. 1044–1164.

⁹ См.: **Voltaire.** *Histoire de Charles XII* / Éd. critique par G. von Proschwitz // *Oeuvres complètes de Voltaire.* Т. 4 (далее — V 4). Oxford, 1996. P. 188–191.

¹⁰ См.: **Майков Л.Н.** *Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира.* СПб., 1903. С. 136–142.

¹¹ **Лиштенан Ф.-Д.** *Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750.* М., 2000. С. 52.

следовал поток тонкой лести в адрес «благотельницы народов и королей».¹²

Это письмо, так и не отправленное Елизавете, стало для Вольтера лишь поводом установить более прочные контакты с Россией.¹³ Он обратился к д'Аржансону с просьбой разрешить передать пакет с книгами для французского посла в России графа д'Альона.¹⁴ Последнего философ «умолял» передать русской императрице экземпляры «Генриады» и «Поэмы о битве при Фонтенуа», а также два экземпляра «Элементов философии Ньютона». К посылке был приложен стихотворный панегирик Елизавете Петровне, названной «Семирамидой Севера».¹⁵

Второй экземпляр научно-популярной книги предназначался секретарю Петербургской Академии наук. В письме к д'Альону Вольтер выражал желание быть принятым в члены Академии, основанной Петром Великим, и собирался приехать в Петербург «на несколько тёплых летних месяцев», чтобы видеть «знаменитую Елизавету» и получить новые записки по истории петровского времени. «Если бы достойная дочь императора Петра, обладающая всеми добродетелями своего отца, а также своего пола, соблаговолила пойти навстречу моим намерениям и сообщила мне какие-либо интересные и славные обстоятельства жизни покойного императора, то она помогла бы мне воздвигнуть памятник во славу его на языке, на котором говорят почти при всех европейских дворах».¹⁶ Вольтер прямо предлагал императрице все имеющиеся у него сведения «отлить в историю Петра Великого». Как видим, уже в 1745 г. Вольтер готов был приняться за написание истории Петра I. Однако «достойная дочь» не соблаговолила ответить на его комплименты и предложения.

В Петербургскую Академию наук знаменитого француза приняли в качестве почётного члена в марте 1746 г.¹⁷ О предстоящем приёме было доложено императрице, однако её ответа не последовало, и канцлер А.П. Бестужев-Рюмин согласился на приём

¹² [Voltaire]. *Oeuvre complètes de Voltaire*. Т. 23. Paris, 1879. P. 197–198.

¹³ Mervaud M. *Introduction*. P. 21–22.

¹⁴ Best. D 3111.

¹⁵ [Voltaire]. *Oeuvre complètes de Voltaire*. Т. 10. Paris, 1877. P. 530. Этот эпитет Вольтер уже применял к русской императрице в 1742 г. (Best. D 2609).

¹⁶ Best. D 3146. Впервые Вольтер проявлял желание побывать в Петербурге ещё в 1743 г. Mervaud M. *Introduction*. P. 22.

¹⁷ См.: Князев Г.А. Вольтер — почетный член Академии наук в Петербурге // *Вольтер: Статьи и материалы*. М.; Л., 1948; Lizé E. Quand Voltaire était élu à l'Académie de Saint-Pétersbourg // *Dix-huitième siècle*. 1984. № 16. P. 207–210.

«без испрошения на то высочайшего соизволения».¹⁸ О состоявшемся приёме академик Г.Ф. Миллер сообщил Вольтеру в письме от 14/25 апреля 1746 г.¹⁹ Но иметь в лице Вольтера историографа Петра I русские власти ещё не были готовы. Его научно-дипломатические демарши были сурово пресечены противником русско-французского сближения канцлером Бестужевым-Рюминым, который полагал, что Вольтер просто хочет дополнить свою «Историю Карла XII»: «Сходнее со высочайшим достоинством государя императора Петра Великого в особливой истории описывать дела его и не примешивать к ним посторонних <Карла XII. — Прим. С.М.>, сверх того лучше поручить сей труд здешней Академии наук, нежели удостоить оным иностранца».²⁰

Затем Вольтер в 1750 г. обращался к президенту Академии наук К.Г. Разумовскому с просьбой разрешить ему приехать в Россию, чтобы поработать в архивах, но опять получил отказ. В ответном письме 1751 г. Разумовский писал Вольтеру: «Путешествие, которое Вы, по вашим словам, еще желаете предпринять, на мой взгляд, будет слишком долгим и утомительным для человека Вашего возраста и Вашего сложения».²¹ Кроме того, Разумовский полагал, что визит может оказаться «бесполезным», поскольку сам он будет отсутствовать в Петербурге. Знаменитому французскому автору ничего не оставалось делать, как ждать «лучших времён».

Поскольку без дополнительных русских материалов Вольтер не решался браться за написание полноценной истории Петра, он ограничился изданием «Анекдотов о царе Петре Великом» (1748).²² Образ Петра I в «Анекдотах» далёк от идеала просвещённого монарха, но в целом они выдержаны в благожелательном к России тоне. Как показал М. Мерво, Вольтер таким образом демонстрировал российским властям свою заинтересованность и готовность к написанию истории Петра Великого. Он даже соглашался при переиздании «Анекдотов» убрать пассажи, чернящие облик Петра, о чём писал своему берлинскому издателю Г.К. Вальтеру 1 апреля 1752 г.: «Вы можете просить русского посла указать, что должно быть убра-

¹⁸ Пекарский П.П. *История имп. Академии наук в Петербурге*. Т. 1. СПб., 1870. С. 384.

¹⁹ Best. D 3368a.

²⁰ Цит. по: Шмурло Е.Ф. *Вольтер и его книга о Петре Великом*. Прага, 1929. С. 38.

²¹ См.: Пекарский П.П. *Указ. соч.* С. 384–385; Best. D 4352.

²² *Voltaire*. *Anecdotes sur le czar Pierre le Grand* // V. 46. P. 51–84; Mervaud M. Les «Anecdotes sur le czar Pierre le Grand» de Voltaire: genèse, sources, forme littéraire // *Studies on Voltaire and the eighteenth century*. 1996. T. 341. P. 89–126.

но в анекдотах, и представить то, что может служить к славе его нации». ²³ В этой связи трудно согласиться с оценкой «Анекдотов» Н.А. Копаневым как сочинения «явно антипетровского» и с описанием реакции на него императрицы: «Гнев Елизаветы Петровны после публикации “Анекдотов” был столь велик, что в Петербурге долго искали и так и не нашли чиновника, виновного в избрании Вольтера в 1746 г. почётным членом Петербургской Академии наук». ²⁴ Нет никаких свидетельств знакомства Елизаветы с «Анекдотами». Известно лишь, что в начале 1754 г., по-видимому, в связи со скандальным разрывом Вольтера с Фридрихом II, при русском Дворе заинтересовались, каким образом Вольтер был избран почётным российским академиком. Секретарь академической канцелярии И.Д. Шумахер послал письмоводителю К.Г. Разумовского протоколы академического собрания, которые свидетельствовали, что академики «сделали помянутого Вольтера почетным членом» своей властью. ²⁵ По позднему (1773) свидетельству Г.Ф. Миллера, впрочем, не имеющему документального подтверждения, философ был исключён из списка почётных членов Академии наук «по особому указу», а затем был принят вторично. ²⁶

С 1748 по 1756 г. русско-французские дипломатические отношения были прерваны, а послы отозваны, что, однако, не помешало Вольтеру посетить в 1750 г. русского резидента в Берлине Г. Гросса, обмениваться единичными письмами с А.Г. Разумовским, получать из России книги и географические карты и... насмехаться над «противным Бестужевым — толстым московитским буйволом». ²⁷

Пик интереса Вольтера к елизаветинской России приходится на время написания «Истории Российской империи при Петре Великом» (с начала 1757 г. до смерти императрицы). В этот период не только были восстановлены дипломатические отношения между двумя странами, но Россия и Франция впервые стали реальными, хотя и не очень близкими, союзниками в Семилетней войне.

Вкратце история общения Вольтера с российскими государственными деятелями елизаветинского времени и представителя-

²³ Mervaud M. Les «Anecdotes sur le czar Pierre le Grand»... P. 124; Best. D 4857.

²⁴ Копанев Н.А. Петр I и Ф. Лефорт в исторических сочинениях Вольтера // *Петровское время в лицах*. СПб., 1998. С. 23–25; Он же. Петербургские отклики на конфликт Вольтера с Фридрихом II // *Вольтеровские чтения*. Вып. 1: *Материалы международных конференций*. СПб., 2009. С. 29–38.

²⁵ Пекарский П.П. *Указ. соч.* С. 385.

²⁶ *Письма к Вольтеру: Новые тексты переписки Вольтера* / Публ., введ. ст. и примеч. В.С. Люблинского. Л., 1970. С. 223.

²⁷ См.: Mervaud M. *Introduction*. P. 89–93; Best. D. 3952.

ми российской аристократии во время работы над книгой о Петре I такого.

В начале 1757 г. Вольтер получил предложение русского Двора заняться написанием истории Петра Великого и для этого приехать в Петербург. Об оказанном ему царицей почёте Вольтер, по словам Е.Ф. Шмурло, «трубит на весь мир, давая полный простор своему тщеславию».²⁸ Тогда же философ получил «ласковое» письмо Фридриха II с предложением возобновить дружеское общение. Однако Вольтер решил для себя: «Я останусь в Делис... Я не хочу ни короля, ни самодержицы. Я их испробовал, этого достаточно».²⁹ «Моё маленькое убежище в Делис приятней, чем летний дворец самодержицы».³⁰ В письме к сестре прусского короля он даже позволил себе антирусский выпад: «Я не поеду в страну, армию которой разобьёт король, ваш брат».³¹

Тем не менее, Вольтер уже сделал выбор в пользу России. Ему явно льстило предложение, которое он считал исходящим от самой Елизаветы. Набросав первоначальный план работы, он просил сообщить, одобряет ли императрица его старания,³² а в послании к другу высказывал опасение, как бы болезнь Елизаветы не навредила истории Петра I.³³ Обстоятельства Семилетней войны создавали трудности в сообщении между Женевой и Петербургом (письма и пакеты с документами пропадали по дороге) и в то же время придавали политическую остроту диалогу Вольтера с русской стороной. Победы русской армии над прусскими войсками не оставались без внимания корреспондентов; философ из Делис приветствовал победу генерала П.С. Салтыкова над войсками Фридриха II при Кунерсдорфе и «не уставал воздавать похвалы <...> империи за все её успехи».³⁴ «Вы меня сделали русским»,³⁵ — писал он Шувалову в августе 1760 г. Он поздравлял своего петербургского корреспондента с взятием Берлина русскими войсками, которое обошлось без человеческих жертв и грабежа. «Я натурализовался как русский, и ваша августейшая императрица должна будет, по совести, выслать мне охрану против пруссаков».³⁶ В работе над историей Петра Вели-

²⁸ Шмурло Е.Ф. *Указ. соч.* С. 43.

²⁹ Best. D 7154; 7153.

³⁰ Best. D 7143.

³¹ Best. D 7151.

³² Best. D 7169.

³³ Best. D 7433.

³⁴ Б.М. Салтыков — И.И. Шувалову 17/28 октября 1760 года // Best. D 9364.

³⁵ Best. D 9111.

³⁶ Best. D 9406.

кого Вольтер явно находил некоторый элемент утончённой мести прусскому королю — врагу России и обличителю Петра I. Философ не забывал об оскорбительном разрыве с «Соломоном Севера» в 1753 г., хотя и возобновил с ним переписку. «Король Пруссии очень недоволен тем, что я работаю над историей Петра Великого ради славы вашей империи, — сообщал историк Шувалову. — Лышу себя надеждой, что дочь Петра Великого столь же довольна, сколь раздражён прусский король».³⁷ Русская сторона также сознавала значение благоприятного для России печатного слова Вольтера в ситуации, когда враги распространяли в Европе антирусские пасквилы и настроения. «Ваше перо стоит армии»,³⁸ — писал Шувалов.

Завершив первый том «Истории Российской империи при Петре Великом» и послав его в Петербург, автор вопрошал, «довольна ли достойная дочь Петра Великого статуей её отца, высеченной в Делис»? И.И. Шувалов отвечал: «моя августейшая монархиня выказывает удовлетворение в отношении вашего труда».³⁹ Великий француз, дороживший перепиской с коронованными особами, так и не получил личного послания от русской императрицы. Ему был направлен миниатюрный портрет Елизаветы Петровны с большими бриллиантами, но пакет был похищен по дороге. Вольтер находил утешение в том, что среди его сторонников теперь имеется правительница страны протяжённостью в 2 тысячи лёв. «Это компенсирует крики бездельников»,⁴⁰ — писал Вольтер в апреле 1761 г., имея в виду критиков его нового сочинения.

Впрочем, это воображаемое покровительство императрицы продолжалось недолго. Уже в начале следующего года в Ферне пришло письмо Шувалова, который «со слезами на глазах» сообщал, что «Елизаветы, которая на протяжении 20 лет была отрадой своих народов и которой восхищалась вся Европа, больше нет».⁴¹ Вольтер в ответном письме, «оплакивая» покойную императрицу, желал долгой жизни новому императору и его августейшей супруге.⁴²

Обращение к Вольтеру с просьбой о написании истории Петра Великого, конечно, состоялось с согласия императрицы Елизаветы Петровны. Однако инициатором и организатором этого предприятия был фаворит императрицы, известный государственный дея-

³⁷ Best. D 9441.

³⁸ Best. D 9612.

³⁹ Best. D 9406.

⁴⁰ Best. D 9717.

⁴¹ Best. D 10281.

⁴² Best. D 10372.

тель, меценат и франкофил Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Он написал российскому поверенному в делах при версальском дворе Федору Дмитриевичу Бехтееву, который в свою очередь поручил находившемуся на лечении в Женеве Федору Павловичу Веселовскому передать просьбу Вольтеру. Сначала просьба была сообщена устно, а затем последовало официальное письмо Веселовского,⁴³ на которое Вольтер также письменно ответил согласием: «Вы предлагаете мне то, к чему я стремился тридцать лет». Здесь же он изложил план своей работы, требуя представить ему различные материалы о России, записки о событиях, карты и, наконец, сведения обо всём, «что могло бы способствовать прославлению вашей страны».⁴⁴

Не только недруги Вольтера, но и серьёзные авторы называли «Историю Российской империи при Петре Великом» заказным, «случайным и далеко не первостепенным»⁴⁵ сочинением. Сегодня уже не надо доказывать, что идея написания истории вовсе не была внушена Вольтеру из России, но органически выросла из его собственных историко-философских исканий и литературных интересов.⁴⁶ Даже такой скептик, как А. Лортолари, констатировал, что «История России» не была «ни халтурной работой, ни работой навязанной».⁴⁷ Эти соображения, впрочем, не снимают вопроса о «заказе» или официальном поручении. Точнее было бы говорить о взаимовыгодном союзе, который заключили Вольтер и русское правительство. Вольтер был не из тех авторов, кому можно было навязать какие-либо идеи. Крупнейший историк своего времени, он не собирался писать свой труд ни по указке русского правительства, ни по подсказке Петербургской Академии наук. При этом Вольтер, как и Шувалов, понимал, что реализация сложившегося у него замысла истории Петра выгодна русскому правительству. Он показал себя готовым идти на некоторые компромиссы, вполне отвечавшие просветительским представлениям о пользе истории. А поощрения и подарки русского Двора Вольтер воспринимал как должное, как справедливую оценку своего труда.⁴⁸

⁴³ Best. D 7160.

⁴⁴ Best. D 7169.

⁴⁵ Шмурло Е.Ф. *Указ. соч.* С. 1.

⁴⁶ Алексеев М.П. Вольтер и русская культура // *Вольтер: Статьи и материалы.* Л., 1947. С. 20–21.

⁴⁷ Lortholary A. *Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle.* Paris, 1951. P. 51.

⁴⁸ Немецкий историк и журналист А.Ф. Бюшинг, подготовивший немецкое издание «Истории» Вольтера, писал: «Эти подарки были столь неслыханно

Переписка Вольтера с И.И. Шуваловым, включающая в издании Т. Бестермана 61 послание знаменитого француза и 46 писем русского вельможи, отражает сложные, подчас детективные перипетии работы просветителя над «Историей Российской империи при Петре Великом» в союзе с российским Двором. Письма наполнены взаимными комплиментами. Русский корреспондент превозносил литературный гений и авторитет Вольтера, который в свою очередь не уставал хвалить способность Шувалова руководить работой по написанию истории. Вызывали неумеренную похвалу француза и государственные таланты камергера: «После Петра Великого вы — человек, доставивший больше всего блага вашей родине».⁴⁹ Историк объявил себя «секретарём» Шувалова и выстраивал диалог так, что его собственные соображения о методах написания истории и оценках, вызывавших сомнения, находили поддержку в «инструкциях» его вельможного покровителя. Оба корреспондента сходились в том, что главной идеей «Истории» является творение новой нации и основание грозной империи единственно собственным гением царя. Немногие замечания Шувалов высказывал в деликатной форме пожеланий, но и они не всегда учитывались автором. Вольтер часто сетовал на задержки с присылкой необходимых ему источников, на их нехватку, а Шувалову приходилось извиняться и ссылаться на беспорядок в архивах и медлительность переводчиков.

В письмах к фавориту императрицы Вольтер смело поносил петербургских академиков, критиковавших его труд, как он считал, несправедливо и мелочно, и дававших неуместные советы. Шувалов стремился смягчить остроту нападок русских учёных на французского писателя, призывал его учитывать лишь те замечания, «которые сочтёт важными». «Это не ваши ошибки. Вы не способны их допускать. Они происходят от неточности записок, которыми вы пользовались».⁵⁰ Обер-камергера императрицы волновала главным образом корректность «Истории» с точки зрения российских политических интересов, а в остальном он полагался на «просвещённость и дружбу» автора.⁵¹

шедры, что можно сказать — никогда ещё в мире плохая книга не была так хорошо оплачена». Бюшинг сообщал, что Вольтером были получены 10 тыс. червонцев и коллекция золотых медалей в 6 тыс. рублей. См.: **Белковец Л.П.** *Россия в немецкой журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг.* Томск, 1988. С. 201–202.

⁴⁹ Best. D 9970.

⁵⁰ Best. D 7755.

⁵¹ Best. D 9545.

Переписка с Шуваловым проливает свет на историю о том, как пропал пакет с уже напечатанным первым томом «Истории», направленный в Петербург в октябре 1759 г. для апробации, что в конечном счёте позволило Вольтеру выпустить книгу в свет, избежав русской «цензуры».⁵² Впрочем, оценка первого тома, наконец дошедшего до Шувалова, оказалась ожидаемо высокой: «Прислав ваш труд, — писал он 6/17 июня 1760 года, — вы меня поразили; он намного превосходит то, что я мог бы ожидать. Это великолепное здание, которое вы возвели из простых кирпичей».⁵³

Имея в лице Шувалова далёкого покровителя и помощника, Вольтер в Делис и Ферне имел возможность в необходимых случаях пользоваться помощью выходцев из России, проживавших в Швейцарии. «В Женеве есть старый министр, служивший России 20 лет, который распузает всё, что вы мне пришлёт»,⁵⁴ — писал Вольтер графине Бентинк, обращаясь к ней с просьбой о присылке «анекдотов» о русском царе. В данном случае речь шла об Аврааме Павловиче Веселовском (1685–1783), бывшем русском резиденте в Вене, отказавшемся возвратиться на родину⁵⁵ и эмигрировавшим сначала в Англию, а затем в Швейцарию.⁵⁶ Находившийся много лет при Петре I и А.Д. Меншикове, он предложил свои услуги Вольтеру.⁵⁷ Последний высоко оценивал своего сотрудника: «Он очень умён, знает все языки, он учит меня многим полезным вещам».⁵⁸

Весной 1759 г. И.И. Шувалов направил в Женеву выпускника гимназии при Московском университете Бориса Михайловича Салтыкова (1739–1808).⁵⁹ Юноша должен был продолжить своё образо-

⁵² См.: Mervaud M. *Introduction*. P. 125; Best. D 9111.

⁵³ Best. D 8987; см.: Платонова Н.С. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом» // *Литературное наследство*. Т. 33/34. М., 1939. С. 18. Автор ошибочно датировала письмо 1761 годом.

⁵⁴ Best. D 6771.

⁵⁵ По-видимому, в связи с делом царевича Алексея. См.: Бушкович П. *Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725)*. СПб., 2008. С. 400.

⁵⁶ Серов Д.О. Загадки жизни резидента Авраама Веселовского // Д.О. Серов. *Администрация Петра I*. М., 2007. С. 215–232.

⁵⁷ Возможно, при содействии своего брата Федора Павловича, которому было поручено передать французскому писателю официальную просьбу о написании истории Петра Великого. Примечательно, что А.П. Веселовский приходился тестем Габриэлю Крамеру — издателю вольтеровской «Истории Российской империи».

⁵⁸ Best. D 7349.

⁵⁹ См.: Костышин Д.Н. Б.М. Салтыков, И.И. Шувалов и Вольтер в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» // *Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования: Сборник памяти Г.С. Кучеренко*. М., 2001. С. 100–131.

вание, одновременно на него возлагалась роль агента Шувалова при Вольтере. Молодой Салтыков, подававший большие надежды в изучении наук и языков, происходил из старинного разветвлённого рода, тесно связанного с династией Романовых. Он приходился двоюродным племянником генералу П.С. Салтыкову, победителю Фридриха II при Кунерсдорфе, одновременно был внуком вице-канцлера петровского времени П.П. Шафирова, семья которого имела старинные дружеские связи с кланом Веселовских.⁶⁰

Судя по переписке Салтыкова с Шуваловым, главная задача молодого человека состояла в том, чтобы держать под контролем написание Вольтером «Истории Российской империи» и служить посредником в пересылке материалов от Шувалова Вольтеру и обратно. Иногда Вольтер обращался к Салтыкову за разъяснением русских слов, беседовал с ним о смущавших его сюжетах истории петровского времени. Пребывание Салтыкова при Вольтере свидетельствует о том, что в отношениях последнего с Шуваловым не было полной доверительности. В частности, Салтыкова приводила в недоумение история с пропажей первого тома, которая тем не менее не привела к появлению пиратских изданий. Из разговоров с издателями Крамерами Салтыков узнал, что Вольтер дал разрешение на продажу первого тома «Истории» до того, как получил официальное разрешение из Петербурга. Это противоречило утверждениям Вольтера. «Я не могу разгадать эту загадку»,⁶¹ — доносил Салтыков в Петербург. Подводя итог своему пребыванию рядом с Вольтером, Салтыков писал Шувалову в марте 1762 г.: «Я стою старался, сколько сил моих было, чтоб она <история Пера Великого. — Прим. С.М.> была написана в угодность нашего двора и в удовольствие Вашей целой нации. До того Волтера довел, что он обещал ничего не внести в свою историю без апробации Вашей, и для того все к Вам пересылал в тетрачах писменных».⁶²

Молодой русский аристократ часто бывал у Вольтера, который как раз в это время построил «маленький замок» в Ферне. Салтыков не только присутствовал на спектаклях, которые там разыгрывались, но и сам играл на сцене. В письмах к Шувалову Вольтер постоянно упоминал о своих контактах с Борисом Михайловичем, при этом каждый раз не скупился на похвалы уму, образованности и личным качествам своего собеседника, подчёркивал своё к нему расположение: «Мы его считали в нашем доме за своего сына».

⁶⁰ Серов Д.О. Указ. соч. С. 226.

⁶¹ Best. D 9236.

⁶² Цит. по: Костышин Д.Н. Указ. соч. С. 118.

«В один прекрасный день, — писал Вольтер Шувалову, — в вашем распоряжении окажется человек, способный содействовать во всех ваших планах сделать вашу родину столь же преуспевающей в искусствах, сколь она успешна в военном деле».⁶³ Однако пророчество великого философа не сбылось. Весной 1762 г. оба «благодетеля» Салтыкова узнали о его намерении не возвращаться на родину и обосноваться в Англии. Впрочем, уже в июле того же года он всё-таки вернулся в Россию, но столкновение с российскими реалиями породило у него самые мрачные впечатления, которыми он поделился со своим фернейским учителем.⁶⁴ Карьера Салтыкова на родине не удалась. Екатерина II писала, что он «нигде не уживается». Истоки его конфликта с окружающим миром современники и историки видели в его вольтерьянстве.⁶⁵

Обычно Вольтер высоко отзывался о посещавших его молодых русских аристократах. Однако один эпизод с не доехавшим до него кузеном Б.М. Салтыкова разочаровал и опечалил фернейского старца. Речь идёт о Сергее Алексеевиче Пушкине, который был специально послан летом 1760 г. к Вольтеру, чтобы передать 2 тысячи дукатов в качестве возмещения затрат на издание первого тома «Истории», а также пакет с ценными документами для второго тома. Долго ожидая посылку, Вольтер шутил, что дворянин, который должен был приехать из Вены, «наверное влюбился в какую-нибудь немку».⁶⁶ Но дело обстояло хуже: Пушкин либо потерял, либо похитил ценный груз и скрылся.⁶⁷ Он был арестован в Париже. Позже «за воровской умысел к подделыванию ассигнаций» он вместе с братом Михаилом⁶⁸ был лишён чинов, дворянства, права именоваться Пушкиным и содержался в крепости, а затем в Соловецком монастыре в отдельной камере, где и умер в 1794 г.⁶⁹

В отличие от И.И. Шувалова, петербургские академики (И.К. Тауберт, М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер), готовившие материалы для вольтеровской истории, писавшие замечания на его труд

⁶³ Best. D 7160.

⁶⁴ Best. D 10818.

⁶⁵ Костышин Д.Н. *Указ. соч.* С. 114–115.

⁶⁶ Best. D 9481.

⁶⁷ Best. D 9612.

⁶⁸ Как следует из письма И.И. Шувалова к Вольтеру, Михаил Алексеевич Пушкин, воспитанник Московского университетского Благородного пансиона, поэт и переводчик, был ранее представлен французскому писателю. См.: Best. D 9612.

⁶⁹ Старк В.П. Пушкины в «Истории Петра» и «Истории Пугачева» // *Пушкин: Исследования и материалы.* СПб., 2004. С. 196.

и отвечавшие на вопросы автора, не щадили самолюбия великого французского писателя.⁷⁰ «Мне кажется, что меня пытаются уязвить, досадить мне и найти в моём труде ошибки, которых там нет»,⁷¹ — жаловался Вольтер своему петербургскому покровителю. Взаимная неприязнь Вольтера и российских учёных зародилась ещё до того, как француз взялся за написание истории Петра I. Так, Ломоносов в 1752 г. с нескрываемой неприязнью отзывался о «полоумном остроумии, бессовестной честности и ругательной хвале»,⁷² которые Вольтер демонстрирует в своих сочинениях. Поэтому получив письмо Шувалова о поручении французскому писателю написания истории Петра I, русский учёный в обратном послании от 2 сентября 1757 г. неоднозначно оценил этот уже свершившийся шаг: «К сему делу, по правде, г. Волтера никто не может быть способнее, только <...> он человек опасный и подал в рассуждении высоких особ худые примеры своего характера».⁷³ Ломоносова явно смущало вольнодумство Вольтера и он, конечно, знал о скандальном разрыве философа с прусским королём.

Со своей стороны Вольтер а priori не питал симпатии к петербургским учёным. Ещё до начала заочной дискуссии с ними 23 июня 1757 г. он в письме к Н.К. Тьерю, перечисляя достижения России в военном деле, сделал ироничную «описку»: «Прибавьте к этим чудесам итальянскую оперу, французскую комедию и *комедию наук (comédie des sciences)*».⁷⁴ Философ свысока судил труды своих петербургских коллег. Получив от Шувалова перевод ломоносовского «Похвального слова Петру Великому», он сухо ответил в том смысле, что панегирик, напоминающий хвалу Богу, свидетельствует о том, что «ваш народ скоро так же прославит себя в литературе, как в военном деле», но он не может служить в качестве источника для его труда.⁷⁵ В научной литературе принято относить к переводу «Краткого Российского летописца» М.В. Ломоносова колкое замечание Вольтера: «Мы так писали историю тысячу лет назад».⁷⁶ Однако М. Мерво считает, что эти слова относятся к другому, более архаичному тексту, хранящемуся ныне во Французской националь-

⁷⁰ Подробнее см.: Шмурло Е.Ф. Указ. соч. С. 115–159.

⁷¹ Best. D 9819.

⁷² Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 473–474.

⁷³ Там же. С. 524–525.

⁷⁴ Best. D 7324.

⁷⁵ Best. D 6486.

⁷⁶ Best. D 9819. См.: Прийма Ф.Я. Ломоносов и «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век: Сборник 3. М.; Л., 1958. С. 181.

ной библиотеке.⁷⁷ Он является переводом восходящей к позднему русскому летописанию рукописи, позже изданной Н.А. Львовым под названием «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» (СПб., 1798).

Вольтер в штыки воспринял критику своего труда «учёными Архангельска и Камчатки». В этом сказалась не только капитальная разница в понимании задач истории и методов исторического исследования и повествования у Вольтера и его русских оппонентов, но и ревнивое отношение автора к своей славе писателя и историка. С высоты своего величия он пренебрежительно третировал «меньшую братию» и раздражался ругательствами в адрес «плохо обученных критиков» с «ослиной кожей».⁷⁸ Блестящего писателя и стилиста особенно раздражали попытки русских критиков учить его правильному написанию отдельных понятий и имён. Он отбивался: «Я желаю этому человеку больше ума и меньше согласных».⁷⁹

Петербургские учёные не оставались в долгу и наряду с добросовестным стремлением указать на фактические ошибки и неточности Вольтера подчас желали направить мысли автора истории в «правильное» русло. Кроме того, как заметил Е.Ф. Шмурло, петербургские критики в своих замечаниях «не всегда свободны от задней мысли: уколоть автора книги, намеренно выискать ошибку, чтобы потом иметь право бросить её ему в лицо и сказать: «хорош препрославленный сочинитель»».⁸⁰

Автор истории нередко высказывал претензии к полноте и содержанию присланных ему записок. Американская исследовательница К. Уилбергер даже считает, что Вольтер в конечном счёте утратил приверженность к русским источникам, а его русских «цензоров» упрекает в сокрытии ценной информации.⁸¹ Следующее высказывание Г.Ф. Миллера как будто даёт к этому некоторое основание: «Господин Вольтер говорит, что присланный ему очерк о законах и церкви не вдаётся ни в какие подробности. Вероятно, мы не посчитали удобным вдаваться в большие подробности, и господину Вольтеру следует довольствоваться тем, что мы ему предоставляем».⁸² Однако крупнейшие знатоки вопроса Кристиан и Мишель

⁷⁷ Mervaud M. *Introduction*. P. 140.

⁷⁸ V 47. P. 985.

⁷⁹ Best. D 9819.

⁸⁰ Шмурло Е.Ф. *Указ. соч.* С. 145.

⁸¹ Wilberger C.H. *Voltaire's Russia: window on the East // Studies on Voltaire and eighteenth century*. Vol. CLXIV. Oxford, 1976. P. 53.

⁸² Шмурло Е.Ф. *Указ. соч.* С. 216.

Мерво в итоге отдают должное профессионализму, работоспособности и добросовестности тех, кто снабжал французского историка материалами из русских архивов.⁸³

Наконец, следует обратить внимание на тот факт, что свою «Историю Российской империи» Вольтер планировал начать с описания «цветущего состояния, в котором ныне находится Российская империя, с того, что в Петербурге вызывает уважение иностранцев, с перемен, произошедших в Москве, с описания императорской армии, торговли, искусств и всего того, что послужило бы к чести нынешнего правительства».⁸⁴ В этом намерении нарисовать картину елизаветинской России историка поддерживали его русские покровители. Канцлер М.И. Воронцов писал И.И. Шувалову в 1758 г. (?) о желательности привлечения знаменитого французского автора к опровержению клеветнических антирусских памфлетов, инициированных Фридрихом II: «Было бы уместным <...> дать в истории России, над которой он работает, представление о нашем правительстве, о наших нравах, законах и учреждениях».⁸⁵ Примерно тогда же сам Вольтер просил Шувалова, чтобы его помощники не забыли прислать сведения о том, что «ваша знаменитая нация делает сегодня». Далее в письме следует любимая вольтеровская идея о необыкновенно быстрой цивилизации России: «Нет примера на земле, чтобы нация сделалась столь значительной за такой короткий срок. Вам не понадобилось и полвека, чтобы овладеть всеми полезными и приятными искусстваами».⁸⁶ Однако материал для наполнения этой идеи конкретным содержанием Вольтер так и не получил⁸⁷ и не смог реализовать этот план, работая над первым томом. Позже он писал о возможности завершить весь свой труд главой о судьбе начинаний великого преобразователя вплоть до времени правления Елизаветы Петровны,⁸⁸ но эта глава так и не появилась. Как справедливо полагал Е.Ф. Шмурло, «уяснить тот жизненный нерв, что связывал Россию времён императрицы Елизаветы с деятельностью Петра, причинную связь между ними —

⁸³ Mervaud C., Mervaud M. *Le Pier le Grand et la Russie de Voltaire: histoire ou mirage? // Le Mirage russe au XVIII-e siècle / Textes publiés par S. Karp & L. Wolff. Ferney-Voltaire, 2001. P. 14–22.*

⁸⁴ Best. D 7169.

⁸⁵ *Архив князя Воронцова. Кн. 32: Бумаги графов Воронцовых. М., 1886. С. 33–35.*

⁸⁶ Best. D 7715.

⁸⁷ Вольтер не получил подробных сведений ни о составе населения России, ни о размере её вооружённых сил. См.: Шмурло Е.Ф. *Указ. соч.* С. 116.

⁸⁸ Best. D 8388.

было не по плечу поколению», к которому принадлежал Вольтер. У него не было ни материалов, ни терпения и охоты, чтобы трудиться над полной картиной современной ему России.⁸⁹ Первоначальный замысел историка дать картину цветущего состояния елизаветинской России на деле вылился в довольно слабое географическое описание российских губерний, городов и народов середины XVIII в., составляющее первую главу вольтеровского труда.

Тем не менее, письма Вольтера и отдельные экскурсы в современность, имеющиеся в «Истории Российской империи», позволяют в общем виде ответить на вопрос, какой виделась Вольтеру елизаветинская Россия.

Вольтер был буквально загипнотизирован громадными размерами страны и часто упоминал «империю протяжённостью 2 тысячи льё, о которой едва было слышно пятьдесят лет назад».⁹⁰ Быстрота преобразования России — ещё один предмет восхищения просветителя. «Русские явились поздно и, вводя у себя вполне усовершенствованные искусства, они достигли больших успехов за пятьдесят лет, чем другая нация могла достичь сама по себе за пятьсот лет».⁹¹ Своеобразным символом прогресса являлся для историка Петербург, который «был когда-то бесформенной кучей домов, а сегодня он красивее Берлина и имеет более 300 тысяч жителей, всё усовершенствовалось примерно в такой пропорции».⁹² Автор «Истории» преувеличил численность населения столицы и так расхвалил его архитектурные красоты, что петербургским академикам пришлось в этом случае умерять его пыл.⁹³ Иноверческие церкви Петербурга Вольтер называл храмами, «воздвигнутыми веротерпимости», и ставил их в пример другим народам.

В целом новая Россия, созданная Петром I и усовершенствованная его «августейшей дочерью», виделась Вольтеру страной просвещённой, в короткий срок добившейся несомненных успехов в военном и морском деле, в строительстве городов и мануфактур, в развитии коммерции, в усовершенствовании нравов. В некоторых отношениях, как, например, мораторий на смертную казнь, положение церкви в государстве, возможность подняться по служебной лестнице благодаря личным достоинствам, унификация мер и весов, — французский автор ставил Россию впереди Европы. Отмечая

⁸⁹ Шмурло Е.Ф. *Указ. соч.* С. 93.

⁹⁰ Best. D 7349, 7412, 8363, 8898, 9717 и др.

⁹¹ V 46. P. 480.

⁹² Best. D 7412.

⁹³ Шмурло Е.Ф. *Указ. соч.* С. 128.

успехи «полезных и приятных искусств», Вольтер тем не менее давал понять, что в этой сфере в России предстоит ещё немало сделать.

Благожелательный тон Вольтера, подчас переходивший в откровенную лесть в адрес российских монархов и вельмож, не исключал трезвого взгляда на реальное положение дел в России, на трудности и недостатки её цивилизации. Одно из препятствий в этом деле виделось Вольтеру в многообразии народов, стоящих на разных уровнях культуры: «Когда народы так смешиваются, требуется много времени, чтобы их цивилизовать, и даже, чтобы сформировался их язык: одни просвещаются быстрее, другие позже. Просвещение и искусства водворяются так трудно, перевороты так часто разрушают начатое здание».⁹⁴ Ещё одна трудность крылась, по его мнению, в культурной неоднородности общества, лишь верхний слой которого воспринял блага европейской цивилизации. Наконец, Вольтер считал, что огромная территория при низкой плотности населения также создаёт трудности для прогресса: «Чтобы сделать Россию такой же населённой, обильной, покрытой городами, как наши полуденные земли, потребуются ещё целые века и такие же государи, как Петр Великий».⁹⁵ В этих словах выразился скепсис просветителя в оценке уровня цивилизации елизаветинской России.

Рассмотрение личных и творческих контактов Вольтера с елизаветинской Россией вводит нас в ситуацию культурного диалога. В данном случае русская сторона выступала в роли принимающей, признавая культурное лидерство Франции в лице Вольтера — признанного корифея европейского Просвещения. В конкретных культурно-политических условиях проявилась личная заинтересованность великого француза в союзе с Россией, породившей феномен Петра Великого. Главным результатом этого союза было написание «Истории Российской империи при Петре Великом», которая сделала русского царя знаковой фигурой европейской просветительской мысли. Книга Вольтера до конца XVIII в. выдержала 42 издания на основных европейских языках.⁹⁶ Однако русский перевод труда, написанного по заказу российского правительства, был опубликован лишь в 1809 г. Полное научное издание «Истории» на русском языке и сегодня остаётся актуальной задачей.

⁹⁴ V 46. P. 479.

⁹⁵ V 46. P. 419.

⁹⁶ V 46. P. 347–372.

Литература

1. **Lizé E.** Quand Voltaire était élu à l'Académie de Saint-Pétersbourg // *Dix-huitième siècle*. 1984. № 16.
2. **Lortholary A.** *Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle*. Paris: Boivin, 1951. 313 p.
3. **Mervaud C., Mervaud M.** Le Pier le Grand et la Russie de Voltaire: histoire ou mirage? // *Le Mirage russe au XVIII-e siècle / Textes publiés par S. Karp & L. Wolff*. Ferney-Voltaire, 2001. P. 11–35.
4. **Mervaud M.** Introduction // **Voltaire**. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / Éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // *Oeuvres complètes de Voltaire*. T. 46. Oxford, 1999. P. 89–379.
5. **Mervaud M.** Les «Anecdotes sur le czar Pierre le Grand» de Voltaire: genèse, sources, forme littéraire // *Studies on Voltaire and the eighteenth century*. 1996. T. 341. P. 89–126.
6. **Voltaire**. Correspondence and related documents / Definitive edition by Th. Besterman // *Oeuvres complètes de Voltaire*. T. 85–135. Geneva; Oxford, 1968–1977.
7. **Voltaire**. Histoire de Charles XII / Éd. critique par G. von Proschwitz // *Oeuvres complètes de Voltaire*. T. 4. Oxford, 1996.
8. **Voltaire**. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / Éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // *Oeuvres complètes de Voltaire*. T. 46–47. Oxford, 1999.
9. [**Voltaire**]. *Oeuvre complètes de Voltaire*. T. 10. Paris, 1877.
10. [**Voltaire**]. *Oeuvre complètes de Voltaire*. T. 23. Paris, 1879.
11. **Wilberger C.H.** Voltaire's Russia: window on the East // *Studies on Voltaire and eighteenth century*. Vol. CLXIV. Oxford: Voltaire Foundation, 1976. 287 p.
12. **Алексеев М.П.** Вольтер и русская культура // *Вольтер: Статьи и материалы*. Л.: ЛГУ, 1947. С. 13–56.
13. *Архив князя Воронцова*. Кн. 32: *Бумаги графов Воронцовых*. М.: Университ. тип., 1886. 550 с.
14. **Белковец Л.П.** *Россия в немецкой журналистике XVIII в.: Г.Ф. Миллер и А.Ф. Бюшинг*. Томск: Изд. Том. ун-та, 1988. 286 с.
15. **Бушкович П.** *Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725)*. СПб.: Дм. Буланин, 2008. 542 с.
16. **Князев Г.А.** Вольтер — почетный член Академии наук в Петербурге // *Вольтер: Статьи и материалы*. М.; Л., 1948.
17. **Копанев Н.А.** Петербургские отклики на конфликт Вольтера с Фридрихом II // *Вольтеровские чтения*. Вып. 1: *Материалы международных конференций*. СПб.: Российская национальная библиотека, 2009. С. 29–38.
18. **Копанев Н.А.** Петр I и Ф. Лефорт в исторических сочинениях Вольтера // *Петровское время в лицах*. СПб., 1998. С. 23–25.
19. **Костышин Д.Н.** Б.М. Салтыков, И.И. Шувалов и Вольтер в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» // *Русско-фран-*

- цузские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования: Сборник памяти Г.С. Кучеренко. М., 2001. С. 100–131.*
20. **Лиштенан Ф.-Д.** *Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750.* М.: ОГИ, 2000. 412 с.
 21. **Ломоносов М.В.** *Полн. собр. соч.* Т. 10. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1957.
 22. **Майков Л.Н.** *Материалы для биографии кн. А.Д. Кантемира.* СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. 355 с.
 23. **Пекарский П.П.** *История имп. Академии наук в Петербурге.* Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1870. LXVIII, 774 с.
 24. *Письма к Вольтеру: Новые тексты переписки Вольтера /* Публ., введ. ст. и примеч. В.С. Люблинского. Л.: Наука, 1970. 452 с.
 25. **Платонова Н.С.** *Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом» // Литературное наследство.* Т. 33/34. М.: Изд. АН СССР, 1939. С. 1–24.
 26. **Прийма Ф.Я.** *Ломоносов и «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера // XVIII век: Сборник 3.* М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. С. 170–186.
 27. **Серов Д.О.** *Загадки жизни резидента Авраама Веселовского // Д.О. Серов. Администрация Петра I.* М.: ОГИ, 2007. С. 215–232.
 28. **Старк В.П.** *Пушкины в «Истории Петра» и «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы.* Т. 16/17. СПб.: Наука, 2004. С. 188–197.
 29. **Шмурло Е.Ф.** *Вольтер и его книга о Петре Великом.* Прага: Орбис, 1929. 489 с.

Мария Львовна Меньшикова

*Старший научный сотрудник, хранитель
Отдела Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург*

Ростислав Владимирович Берёзкин

*Старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований
при Фуданьском Университете, Шанхай, Китай,
Старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва*

Изделия китайского прикладного искусства
при дворе Елизаветы Петровны
в 1740–1750-х годах

Maria L. Menshikova, Rostislav V. Berezkin

Chinese Objects of Decorative Arts
at the Court of Elizaveta Petrovna
in 1740–1750s.

Аннотация: Китайские коллекции Елизаветы Петровны мало известны и изучены. Но дочь Петра считала себя продолжателем политики отца и, конечно, увлечение Востоком сказалось и в архитектуре, и в интерьерах, и в собирательстве. Императрица унаследовала коллекции, оказавшиеся во дворцах Петербурга до её правления (1741–1761), а также приобретала в эти годы китайские раритеты, что было связано с развитием русско-китайских отношений, караванной торговли и с личными интересами царицы. В статье сделана попытка представить китайские изделия из разных материалов, которые поступили в царские собрания при Елизавете.

Abstract: Chinese collections of Elizaveta Petrovna are still not well known and not properly researched. But the daughter of Peter the Great continued the policy of the father, and of course the interest in the Oriental cultures can be seen in the architecture, interiors, and in the history of the collecting. She inherited the art

and precious objects assembled in St. Petersburg palaces prior to her reign (1741–1761) and during those years the Chinese rarities were also acquired. That was thanks to the development of Chinese-Russian relations, caravan trade and privy interests of the Empress. In this article we have attempted to identify some of the Chinese art objects in mass media that entered the tsars' collections at Elizabeth time.

Ключевые слова: Китай, Россия, прикладное искусство, царские коллекции, императрица Елизавета Петровна.

Keywords: China, Russia, Decorative Arts, Tsars' Collection, Empress Elizaveta Petrovna (Elizabeth).

О коллекциях изделий китайского искусства у Елизаветы Петровны (1709–1761) мы знаем значительно меньше, чем о подобных собраниях Петра I или Екатерины II. Тем не менее, в её правление было собрано достаточно много китайских предметов. Увлечение Китаем можно рассматривать как общую моду при дворах европейских правителей в середине XVIII в., которая существовала и в Санкт-Петербурге.

Отделка дворцовых интерьеров в стиле «шинуазри» в 1740–1750-х гг. привлекла больше внимания исследователей, начиная с работы А.Н. Бенуа.¹ В то же время следует отметить, что «китайские коллекции» Елизаветы Петровны не ограничивались восточными интерьерами и экспонатами Екатерининского дворца в Царском Селе.² При этом памятники в современных коллекциях в основном трудно идентифицировать, так как до сих пор не выявлены описи китайских вещей в дворцовых кладовых середины XVIII в. В данной работе сделана попытка описать и атрибутировать некоторые предметы китайского искусства, которые поступили в дворцовые собрания в правление императрицы. Вещи сопоставлялись с информацией из архивных источников, среди которых особенно важны сведения о привозах экзотики государственными караванами того времени.

¹ Бенуа А.Н. *Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны*. СПб., 1910. С. 108–109; Федосеева О.А. Китайские комнаты царскосельского дворца при Елизавете Петровне // *Образ Поднебесной, взгляд из Европы*. СПб., 2015. С. 431–442; Еремеева Е.А. Дальневосточный фарфор в китайских интерьерах Большого Царскосельского Дворца // *Там же*. С. 108–114.

² Об увлечении Китаем при «малом дворе» вел. кн. Петра Федоровича и о реконструкции его собрания восточных редкостей в Ораниенбауме, которое сформировалось в годы правления Елизаветы, см.: Меньшикова М.Л. Опыт реконструкции кунсткамеры Петра III в Ораниенбауме // *Реликвия*. № 24 (2011). С. 34–38. В настоящей статье эти коллекции при «малом дворе» не рассматриваются.

Китайские товары при дворе Елизаветы Петровны и её предшественников

Широко известно увлечение китайскими редкостями при Петре I, который способствовал расширению русско-китайской торговли. С того времени китайские товары доставляли ко двору государственные караваны, причём и царь, и члены его семьи могли выбирать в казну и для своих нужд понравившиеся предметы. За организацию караванов и снабжение двора китайскими раритетами отвечал Сибирский приказ. Супруга Петра I Екатерина Алексеевна, мать Елизаветы, также проявляла интерес к китайским ценностям, включая шёлковые ткани, украшения, драгоценности, фарфоровую посуду. Таким образом, Елизавета Петровна была с детства знакома с предметами китайского искусства, так как они широко использовались в обиходе семьи. Царевна даже получала китайские вещи в подарок: в Оружейной палате Московского Кремля, например, хранится кожаный кошелек на китайском шёлковом плетёном шнурке, который Петр I подарил своей дочери как игрушку.³

Большую роль в развитии русско-китайской торговли сыграло подписание по заветам Петра I Кяхтинского договора в 1727 г., который утвердил новые правила для присылки в Пекин русских государственных караванов. Немалое количество китайских вещей было собрано при императорском дворе в правление Анны Иоанновны (1730–1740). Это были подарки китайских посольств 1731 и 1732 гг.,⁴ а также многочисленные покупки из государственных караванов. Появляется практика аукционов, которые устраивали при дворе после прибытия товаров из Китая. Многие отбирали в казну, остальное отдавали в продажу.⁵ Возможно, что какие-либо китайские редкости и драгоценные камни покупала для себя и молодая Елизавета.

Интересно сравнить перечень предметов с аукционов 1738 и 1739 гг., отобранных для себя Анной Иоанновной, с теми, что были взяты Елизаветой Петровной в личное пользование в 1743 г. из каравана Е.В. Фирсова. В заказах 1738 и 1739 гг. упоминаются

³ **Меньшикова М.Л.** Китайский шёлк в России в XVII–XVIII вв. // *Шёлковый путь: 5000 лет искусства шёлка: Каталог выставки в ГИМ*. СПб., 2007. С. 53.

⁴ *Русско-китайские отношения в XVIII веке* / Сост., ред. В.С. Мясников. Т. 5: 1729–1733. М., 2016. С. 266–267, 271.

⁵ **С-кий.** Материалы для истории торговли русских с Китаем // *Сын отечества*. Т. 9. 1839. С. 71–72. Орфография и пунктуация документов сохранены в том виде, в котором они представлены в оригинале или в публикациях (здесь и далее).

изделия: из эмали — «медная финифтяная посуда», лаковые шкафы, шелка, драгоценные камни, а также многочисленные «медные фигуры». ⁶ Караван отправился в путь в 1740 г. при Анне Иоанновне, и списки предметов отражали вкусы царицы и её ближнего круга, но вернулся Фирсов с товарами в Петербург только в 1742 г. ⁷ уже при Елизавете.

В старом дворце Екатерины I в Царском Селе, в котором Елизавета жила в 1730-х гг., хранилось немало китайских ценностей. Согласно описям 1733 и 1735 гг., опубликованным в книге Бенуа, там были: «столлик уборной» китайской работы, «шкафец китайской работы черный расписной угольный», «стол складной расписной китайской работы» и т.д. ⁸ Очевидно, что речь идёт о китайской лаковой мебели, столь популярной в то время. Здесь же описано значительное количество китайской фарфоровой посуды в покоех царевны. ⁹

Важнейшую роль в пополнении придворных китайских коллекций в правление Елизаветы Петровны продолжали играть государственные караваны и заказы с государственной символикой. ¹⁰ Всего в её время успешно осуществились и вернулись в Россию три каравана: упоминавшийся Е.В. Фирсова в 1740–1742 гг.; Г.К. Лебратовского в 1745–1747 гг. и А. Владыкина в 1753–1756 гг.

В «Указе обретающемуся при Китайском караване Директору Фирсову», датированном 16 марта 1743 г., сказано, что императрица взяла в свою комнату привезённые им «каменья, состоящие в яхонтах красных, желтых, синих, в лалах разных цветов и шпинелях», «китайское золото, состоящее ж в разных штуках» и «серебряную посуду 8 чарочек с блюдишками плетеных, 6 дюжин чарочек же, с репьями и круглых гладких с ручками, да 12-ть подносов серебряных под финифтом». ¹¹ Этот документ показывает, какие китайские товары особенно ценились при дворе в начале 1740-х гг. К их числу относятся драгоценные камни, эмали и изделия из золота и сереб-

⁶ Там же. С. 68–72.

⁷ **Болотина Н.Ю.** Еду я для торговаго своего промыслу: Китайские товары в России XVIII в. // *Исторический архив*. 2006. № 4. С. 194–195; см. также: **Березницкий С.В.** *Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII в.* СПб., 2017. С. 71–75.

⁸ **Бенуа А.Н.** *Указ. соч. Приложение 2.* С. 3–5.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Это был последний период в истории «государственных караванов» в Пекин, т.к. в 1762 г. Екатерина II отменила государственную монополию на торговлю с Китаем.

¹¹ **С-кий.** *Указ. соч.* С. 73.

ра — в соответствии с традицией эти предметы заказывали в казну и в XVII, и в первой трети XVIII в.

Не все памятники удаётся пока определить, но про некоторые мы можем говорить с уверенностью. Например, под «финифтяными» (эмалевыми. — *Прим. М.М.*) подносами имеются в виду изделия расписной глушёной эмали на медной основе или ценные серебряные вещи, украшенные и инкрустированные цветной прозрачной эмалью, которые составляли важный предмет русско-китайской торговли в середине XVIII в.,¹² и сегодня они представлены в дворцовых коллекциях.¹³ В Эрмитаже хранится значительное собрание китайской «посуды» из серебра и плетёной, и декорированной эмалью, а именно: чайников, кувшинов-«кумганов», чарочек, блюдец и иных сосудов. Изделия представляются редкими, так как в других музеях нам подобные предметы не встречались. Самое раннее, известное нам, упоминание о них есть в «Описи драгоценным вещам взнесенным в Эрмитаж» 1789 г.,¹⁴ составленной при Екатерине Великой — но эта коллекция сформировалась раньше. Многие из неё прослеживаются уже у Петра I, Анны Иоанновны и у Елизаветы Петровны. Позднее собрание из дорогих материалов находилось в Галерее драгоценностей. Ныне в Особой кладовой Отдела Востока, в частности, описаны двенадцать серебряных маленьких подносов под эмалью.

Ещё более подробный перечень приведён в «Приказе Сибирского приказу» (1746) о зачислении в расход взятых и купленных на аукционе китайских товаров для нужд императорского двора в 1743–1745 гг. Упомянуты шёлковые ткани различных видов, мебель и другие изделия из лака, посуда: «медная под финифтом <расписной эмали. — *Прим. М.М.*>, ценинная <фарфоровая. — *Прим. М.М.*>, каменная, вещи из восточного хрусталя, медные вещи». Среди них были достаточно редкие произведения искусства, в том числе изделия из резного камня, включая «жид» или нефрит, яшму и мыльный камень, хрустальные вещи: «статуев девять, левигов восемь, лягушка одна, конь один, статуя, стоящая на местечке, одна <...>». В эти товары входила и группа медных китайских скульптур, которые описываются так: «мужик на корове, при нем мужик, стоящей с

¹² См.: Миллер Г.Ф. *Описание о торгах сибирских*. СПб., 1756. С. 149–150.

¹³ Примерами могут служить: настольный прибор Венской фарфоровой мануфактуры 1730–1740-х гг., принадлежавший Елизавете Петровне, в виде фарфорового слона, и фигур, держащих китайские расписные эмалевые чашечки, ГЭ инв. № Э-3272; а также эмалевые изделия в Ораниенбауме.

¹⁴ *Архив ГЭ*. Ф. 1. Оп. VI, 3, № 9, т. 1.

Подносик с изображением пары птиц и деревьев тунга. Китай.
Первая четверть XVIII в. Серебро, эмаль; гравировка, полировка.
© ГЭ, Санкт-Петербург. Инв. № ЛС-2552021.
Фотограф В.С. Тербенин

фонтаном, мужик на корове ж, в руках держит цепь медную, две статуи стоящих в руках держит кумиры; медные девять статуев».¹⁵

Представляется, что несколько из этих бронзовых скульптур сохранились в Кунсткамере, другие оказались в коллекции Царского Села. В «Ведомости о лаковых вещах, принятых от бывшего камерцалмейстера Симонова», датируемой около 1780 г., есть запись: «<...> фигур китайских небольших разных сортов медных мужских женских и скотских с сидящими на них личинами 33 штуки». Известно, что Д. Симонов сдавал вещи в связи с уходом в отставку в декабре 1764 г., значит, упомянутые скульптуры к тому времени уже

¹⁵ РГАДА. Ф. 14. Д. 8. Л. 67–69об. Цит. по: **Болотина Н.Ю.** *Указ. соч.* С. 197–200.

Мальчик на быке. Курильница с
крышкой. Китай. Первая четверть
XVIII в. Бронза, патина; литье.
© Музей-заповедник Царское Село.
Инв. № ЕД-178/1,2-IV

находились в царских собраниях. Интересно, что их укрепили на беломраморных подставках с бронзовой окантовкой, и с 1780-х гг. они стояли на камине в Китайском зале Екатерининского дворца.¹⁶ Одна из фигур узнаётся даже по краткому описанию: «мужик на корове ж, в руках держит цепь медную». Это бронзовая курильница конца XVII — начала XVIII в. в виде мальчика на буйволе; мальчик играет на дудочке и держит животное на цепи.

Уже в самом начале своего правления Елизавета Петровна оказалась обладательницей большой коллекции китайских вещей, в том числе заказанных ещё её предшественниками. Елизавета Петровна продолжала собирать китайские изделия и в более позднее время. Так, караван Лебратовского в 1747 г. доставил в Петербург лаковые шкатулки, ящички, подносы, столики, кабинетцы, шёлковые ткани, обои для дворца Е.И.В., две башенки и два «яблока» из слоновой кости. Внутри каждого «яблока» были искусно вырезаны ещё восемь, одно в другом.¹⁷ Известно, что такие «шары-в-шаре» со сквозным орнаментом в виде лотосов были и в коллекции Петра Федоровича в Ораниенбауме (малая Кунсткамера), причём четыре шара-в-шаре в 1792 г. были переданы в Эрмитаж, а один — остался в Ораниенбауме. По особенностям стиля и резьбы изделия относятся к середине XVIII в., так что можно предположить, что именно их привёз в Россию Лебратовский.¹⁸ Китайские шёлковые обои и лаковые ширмы были непременным атрибутом украшения интерьеров царских дворцов, начиная со времени Петра I, и Елизавета их использовала, но пока найти указания на новую покупку не удалось.

Обычай устраивать в столице аукционы привезённых китайских товаров, не взятых в казну, сохранялся вплоть до конца 1750-х гг. Приводим чрезвычайно важное «объявление»: «Сего Июня с 7 числа на Васильевском острове в Соловьевском доме по полудни с 3 часа чрез аукциониста Сугова продажа начнется привезенным на Китайском караване лаковым, костяным и медным под финифтью вещам, разного звания чаю, шелковым материям разных цветов, канфам, гродетурам, голям, полуголям, флерам, просекным и редким, о чем сим объявляется».¹⁹ Из заметки мы узнаём, что аукцион,

¹⁶ **Лебединская М.** *Декоративный металл и буддийская практика Китая и Японии XVII — начала XX века: Каталог коллекций.* Т. IV, кн. 2. СПб., 2019. С. 10–11, 24–37.

¹⁷ **Березницкий С.В.** *Указ. соч.* С. 91.

¹⁸ **Меньшикова М.Л.** *Опыт реконструкции кунсткамеры...* С. 35–36.

¹⁹ *Санкт-Петербургские ведомости.* 4 июня 1756. № 45. С. 386.

«Яблоко», или «шары-в-шаре». Китай. 1740–1750-е гг.
Слоновая кость, рельефная и сквозная резьба, полировка.
© ГЭ, Санкт-Петербург. Инв. № ЛН-42.
Фотограф Л.Г. Хейфец

доступный для горожан, проходил несколько дней, на Васильевском острове; какие товары и ткани разного типа были выставлены; и что имя продавца — Сутов! Такие аукционы способствовали распространению китайских изделий не только в придворных кругах, но и в быту зажиточных жителей столицы.

Оформление дворцовых интерьеров лаками и китайский фарфор

В продолжение традиции Петра I Елизавета Петровна заказала создание «китайских кабинетов» в своих дворцах. Больше других известен Китайский зал в Екатерининском дворце Царского села, созданный по проекту архитектора Ф. Растрелли в 1750-х гг. и украшенный китайскими панно из створок ширм резного полихромного (коромандельского) и расписанного золотом лака, а так-

же фарфоровыми предметами, выставленными на специальных полочках между панно.

Принцип организации «китайского интерьера», украшенного лаковыми панно и фарфоровой посудой, можно рассматривать как заимствованный из китайского кабинета в Монплезире Петергофа, созданного по приказу Петра I в 1720-х гг.²⁰ Однако Китайский зал Царского Села соответствовал новым вкусам елизаветинского времени, когда при дворе преобладал стиль развитого барокко.²¹ В зале, в отличие от кабинета Монплезира, использовали подлинные китайские лаковые панно, взятые из кладовых, а не только их имитации, хотя русские мастера «лакирного дела» также принимали участие в отделке. В этом смысле он может быть сопоставлен с «китайскими кабинетами» Большого дворца в Петергофе, оформленными Ж.-Б. Валлен-Деламотом створками подлинных китайских ширм в начале 1760-х гг., но уже в правление Екатерины II.

Китайский зал Елизаветы Петровны до нашего времени не дошёл и известен по немногочисленным описаниям и копии проекта Ф. Растрелли. Его разобрали, а ранние панно и фарфор из интерьеров были перенесены в новый «китайской зал», интерьер которого был создан в 1780–1783 гг. и «освидетельствован» вместе с другими помещениями дворца в 1784 г.²² Этот проект принадлежал Ю.М. Фельтену. Окончательная отделка была разработана Ч. Камероном, прибывшим в Россию в 1779 г. Дальнейшие значительные преобразования в Китайском зале были проведены в 1856–1858 гг., но оригинальные лаки сохранялись, и в этом облике интерьер существовал до войны. Китайский зал, как и весь Екатерининский дворец, погиб в 1944 г., и из первоначального убранства покоя сохранилась только часть экспонатов, эвакуированных в 1941 г.²³ Без упоминания Китайского зала, построенного Растрелли, обзор восточных влияний времени Елизаветы Петровны был бы неполным. Но этот интерьер настолько важен, что заслуживает отдельного подробного исследования.

Увлечение фарфором в России отразилось в коллекциях, как при дворе, так и в аристократической среде. При этом, начиная с 1740-х гг. на первый план в импорте фарфора выходят изделия

²⁰ **Тройницкий С.Н.** *Фарфор и быт*. Л., 1924. С. 26–32.

²¹ **Бенуа А.Н.** *Указ. соч.* С. 108–109; **Федосеева О.А.** *Указ. соч.* С. 435–436.

²² **Бенуа А.Н.** *Указ. соч.* Приложение 3: *Опись фарфора из китайского зала* (1784).

²³ **Еремеева Е.А.** *Указ. соч.* С. 108–109.

центров производства в Саксонии и Франции.²⁴ Но китайские изделия оставались востребованными в России даже после развития собственной технологии и основания Императорского фарфорового завода в Петербурге в 1744 г.; посуду и вазы продолжали закупать на Дальнем Востоке и в 1740–1760-х гг.

По сведениям Г.Ф. Миллера, китайский фарфор, включая «куклы» для «китайских интерьеров», составлял значительную часть товаров, привозимых из Китая в Кяхту, но при этом он стоил там чуть ли не дороже фарфора, который доставляли в Санкт-Петербург на кораблях из Голландии.²⁵ Видимо, и в середине XVIII в. китайские изделия продолжали импортировать в Россию через европейские торговые компании, как и при Петре I.

Особую статью заказов в Китае составляли изделия с государственной символикой. Примером могут служить китайские фарфоровые аптекарские сосуды с двуглавым орлом 1700-х гг.²⁶ Важно, что в 1740–1750-х гг. заказы ещё размещали в Китае,²⁷ и это были дорогие, статусные и демонстрационные предметы для двора. Изготовление таких предметов в правление Елизаветы Петровны было продолжением традиции времён Петра I и Анны Иоанновны. Бесценным образцом заказных тканей этого периода является фрагмент камки — китайского двуцветного голубого узорчатого шёлка с русскими двуглавыми орлами и китайскими бабочками между ними, хранящийся в ГИМ (№ 61838 А-374).²⁸

Один из самых неожиданных предметов, который стал известен недавно, это китайская фарфоровая чашечка для кофе середины 1740-х гг. с изображением Елизаветы Петровны, двуглавым орлом и лентами с надписью «Б.М. ЕЛИСАВЕТЪ. I. ИМП: I САМОД: ВСЕРОС. МОНЕТА. РУБЛЬ. 1742».²⁹ Точное копирование мастером в Гуанчжоу надписи и портрета указывает на источник: роспись выполнена с серебряного рублевика 1742 г. Это пока един-

²⁴ Сиповская Н.В. *Фарфор в России XVIII века*. М., 2008. С. 50.

²⁵ Миллер Г.Ф. *Указ. соч.* С. 148–149.

²⁶ ГЭ, инв. № ЛИ-84–91.

²⁷ Бантыш-Каменский Н.Н. *Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год*. Казань, 1882. С. 310, 313. Екатерина II вела протекционистскую политику для изделий с государственной символикой российского производства, запретив, например, привозить в Россию китайские камки — шёлковые узорчатые ткани с русским гербом.

²⁸ *Воображаемый Восток: Китай по-русски: XVIII — начало XX века* / Сост., ред. О.А. Соснина. М., 2016. С. 61.

²⁹ Welsh J. *Through Distant Eyes: Exhibition catalogue* / Ed. J. Welsh. London, 2018. P. 086–091. № 20.

Чашечка кофейная с портретом Елизаветы Петровны и двуглавым орлом. Китай. 1740–1750-е гг. Фарфор, надглазурная роспись цветными красками и золотом. © Jorge Welsh Works of Art. London & Lisbon

ственный известный подобный памятник, но нельзя исключить, что был заказан китайский фарфоровый чайно-кофейный сервиз, который не достиг стола Елизаветы Петровны. Но фарфор привозили: до сих пор в Эрмитаже и некоторых музеях находятся китайские сервизные тарелки с двуглавым орлом 1740-х гг., возможно, привезённые Лебратовским. На дне на обороте на них сохранились старые литеры «Г.Ч.» и номера, что свидетельствует об их хранении во дворце в Гофмаршальской Части. Судя по номерам Г.Ч. на пред-

Тарелка с двуглавым орлом. Лицевая сторона и оборот.
Китай. 1740–1750-е гг. Фарфор, надглазурная роспись цветными красками
и золотом. © ГЭ, Санкт-Петербург. Инв. № ЛИ-947.
Фотограф А.Я. Лаврентьев

метах в разных коллекциях, в наборе было не меньше 30 тарелок. Следует обратить внимание, что они сделаны именно для Елизаветы Петровны, а не для Екатерины II, как указывают некоторые зарубежные авторы.³⁰

Китайская лаковая мебель

Во времена Елизаветы Петровны китайские предметы из лака украшали не только «Китайский зал» в Екатерининском дворце Царского Села, но и другие дворцовые интерьеры. Особенно ценилась мебель, которую создавали в Китае на экспорт по европейским образцам и декорировали чёрным и золотым лаком. Многие привозили государственные караваны, и вещи сохранились в музеях города.

Так, в описи лаковых вещей из каравана Фирсова, которые были взяты в дворцовое собрание в 1743–1745 г., значатся: «три шкафа, в том числе один с выдвигаемыми ящиками з дверцы, с крюками, с петли, с наугольниками и с внутренними замками, один шкаф большей, один шапошник, одно лукошко круглое, один ящик треугольной, два ящика с раковинами и каменными травки, два ящичка с выдвигаемыми ящички и с решетки, один ящичек плоской под золотом, в нем семь ящичков малых, на нем подносец и ящичек с крышкою, такой же работы один столик на ношках малой и на нем лукошечко круглое з золотыми травки»³¹ и т.д.

Китайские собрания при дворе Елизаветы Петровны постоянно пополнялись. В 1753 г. врач Ф.-Л. Елачич был послан с караваном Владыкина в Пекин с заданием приобрести вещи для этнографической коллекции Кунсткамеры, взамен утраченных во время пожара 1747 г.³² Ему был дан каталог предметов с рисунками.³³ Елачич выполнил свою миссию; он привёз в Петербург 273 экспоната, в их числе лаковые вещи, изделия из меди (бронзы), резного камня, слоновой кости, бамбука; образцы китайского платья, картины на

³⁰ Corbellier С. *China Trade Porcelain: Patterns of Exchange*. New York, N.Y., 1974. Met. Acc. № 59.90.1/2. Буквы Г.Ч. в каталоге были прочитаны как Г.4.

³¹ Болотина Н.Ю. *Указ. соч.* С. 198.

³² Шафрановская Т.К. Из истории китайских коллекций Кунсткамеры // *Культура народов зарубежной Азии и Океании*. Сборник МАЭ. Т. 25. Л., 1969. С. 5–23.

³³ Меньшикова М.Л. Рисунки китайских вещей из собрания кунсткамеры Петра I // *«Нарисованный музей» Петербургской Академии Наук: 1725–1760*. Т. 1. СПб., 2003. С. 271–315; Хартанович М.Ф. и др. *Летопись Кунсткамеры: 1714–1836*. СПб., 2014. С. 583–592.

Кабинет настольный. Китай. 1740–1750-е гг. Дерево, черный лак, роспись золотым лаком и полихромными красками; бронза.
© ГЭ, Санкт-Петербург. Инв. № ЛН-9042021.
Фотограф Л.Г. Хейфец

щёлке, книги на китайском и маньчжурском языках.³⁴ Изделия прикладного искусства пополнили музейные собрания, и до сих пор многие из них хранятся в Кунсткамере.

Существуют сведения, что Елачич покупал в Пекине не только «редкости» для музейной коллекции, но и лаковую мебель для дворцов Елизаветы.³⁵ Так, в списке числятся «пара лаковых кабинетов небольших, разными колерами малеванной», «пара лаковых кабинетцев с раковинною оправою по краям, на ножках», «лаковый шкапчик с выдвигаемыми ящичками», «столик лаковый, по нем разноцветного камня травы», «пара лаковых катулек» и т.д.³⁶ Особенно редкой была китайская мебель «разными колерами малеванная» — с золотой и полихромной росписью с фигурами в пейзаже,

³⁴ Хартанович М.Ф. и др. *Указ. соч.* С. 592–603; Рудь П.В. Китайские редкости в Кунсткамере Петра Великого // *Воображаемый Восток: Китай по-русски: XVIII — начало XX века* / Сост., ред. О.А. Соснина. М., 2016. С. 24–34.

³⁵ Меньшикова М.Л. Лаки // *Китайское экспортное искусство из собрания Эрмитажа, конец XVI–XIX в.* // Научн. ред. Т.Б. Арапова. СПб., 2003. С. 155–156.

³⁶ Хартанович М.Ф. и др. *Указ. соч.* С. 596–597.

цветами и птицами. Из таких предметов сохранились настольный кабинет в Эрмитаже, стол в коллекции Петергофа, два шкафа в Царском Селе.

Выводы:

В правление Елизаветы Петровны продолжалась политика дипломатических отношений и государственной караванной торговли с империей Цин (1644–1911), за которую в своё время радел Петр I. Заказы и закупки китайских вещей для двора, существовавшие в 1700–1730-х, практиковались и в 1740–1750-х гг.

Императрица унаследовала царские коллекции, и мы видим на примере приведённых изделий, что китайские «раритеты»: фарфор, лаковые ширмы и мебель, предметы из бронзы и резного камня, шёлка, — пополняли хранения музеев, использовались в оформлении новых интерьеров дворцов и в её правление. Изделия из Китая служили показателем знатности, богатства и просвещённости русского двора. Судьба памятников была сложной, позже они оказались рассеянными, и многие экспонаты были уничтожены, но некоторые восточные редкости сохранились, и их историю удаётся проследить в собраниях Эрмитажа, Петергофа, Царского Села и даже у частных владельцев.

Интерес к «китайщине» при дворе Елизаветы Петровны в 1740–1750-х гг. сыграл важную роль в формировании вкусов «малого двора» и великой княгини Екатерины Алексеевны, которая известна своим увлечением Поднебесной и собирательством восточных коллекций. В этом можно видеть черты преемственности придворной культуры в течение всего XVIII в.: от времени Петра Великого и Анны Иоанновны до правления Елизаветы и Екатерины II.

Архивные источники

1. *Архив ГЭ*. Ф. 1. Оп. VI, 3, № 9, т. 1.
2. *РГАДА*. Ф. 14. Д. 8.

Литература

3. **Corbellier C.** *China Trade Porcelain: Patterns of Exchange*. New York, N.Y.: Metropolitan Museum of Art, 1974. 134 p.
4. **Welsh J.** *Through Distant Eyes: Exhibition catalogue* / Ed. J. Welsh. London: Jorge Welsh Research & Publishing, 2018. 248 p.
5. **Бантыш-Каменский Н.Н.** *Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год*. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1882. XII, 565 с.

6. **Бенуа А.Н.** *Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны*. СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. [22], 262, [4], XLVI, 59 с.
7. **Березницкий С.В.** *Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII в.* СПб.: МАЭ РАН, 2017. 266 с.
8. **Болотина Н.Ю.** Еду я для торгового своего промыслу: Китайские товары в России XVIII в. // *Исторический архив*. 2006. № 4. С. 172–210.
9. *Воображаемый Восток: Китай по-русски: XVIII — начало XX века* / Сост., ред. О.А. Соснина. М., 2016. 216 с.
10. **Еремеева Е.А.** Дальневосточный фарфор в китайских интерьерах Большого Царскосельского Дворца // *Образ Поднебесной, взгляд из Европы*. СПб.: Серебряный век, 2015. С. 108–114.
11. **Лебединская М.** *Декоративный металл и буддийская практика Китая и Японии XVII — начала XX века: Каталог коллекций*. Т. IV, кн. 2. СПб., Пушкин, ГМЗ «Царское Село», 2019. 132 с.
12. **Меньшикова М.Л.** Китайский шёлк в России в XVII–XVIII вв. // *Шёлковый путь: 5000 лет искусства шёлка: Каталог выставки в ГИМ*. СПб.: Славия, 2007. С. 52–58.
13. **Меньшикова М.Л.** Лаки // *Китайское экспортное искусство из собрания Эрмитажа, конец XVI–XIX в.* // Научн. ред. Т.Б. Арапова. СПб.: Славия, 2003. С. 155–161.
14. **Меньшикова М.Л.** Опыт реконструкции кунсткамеры Петра III в Ораниенбауме // *Реликвия*. № 24 (2011). С. 34–38.
15. **Меньшикова М.Л.** Рисунки китайских вещей из собрания кунсткамеры Петра I // «Нарисованный музей» *Петербургской Академии Наук: 1725–1760*. Т. 1. СПб.: Европейский Дом, 2003. С. 271–315.
16. **Миллер Г.Ф.** *Описание о торгах сибирских*. СПб.: Изд. Имп. Академии наук, 1756. 172 с.
17. **Рудь П.В.** Китайские редкости в Кунсткамере Петра Великого // *Воображаемый Восток: Китай по-русски: XVIII — начало XX века* / Сост., ред. О.А. Соснина. М., 2016. С. 24–34.
18. *Русско-китайские отношения в XVIII веке* / Сост., ред. В.С. Мясников. Т. 5: 1729–1733. М.: Памятники ист. мысли, 2016. 910 с.
19. *Санкт-Петербургские ведомости*. 4 июня 1756. № 45.
20. **Сиповская Н.В.** *Фарфор в России XVIII века*. М.: Пинакотека, 2008. 392 с.
21. **С-кий**. Материалы для истории торговли русских с Китаем // *Сын отечества*. Т. 9. 1839. С. 65–74.
22. **Тройницкий С.Н.** *Фарфор и быт*. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1924. 75, [5] с.
23. **Федосеева О.А.** Китайские комнаты царскосельского дворца при Елизавете Петровне // *Образ Поднебесной, взгляд из Европы*. СПб.: Серебряный век, 2015. С. 431–442.
24. **Харганович М.Ф. и др.** *Летопись Кунсткамеры: 1714–1836*. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 740 с.
25. **Шафрановская Т.К.** Из истории китайских коллекций Кунсткамеры // *Культура народов зарубежной Азии и Океании. Сборник МАЭ*. Т. 25. Л.: Наука, 1969. С. 5–23.

Светлана Владимировна Моисеева

*Ведущий научный сотрудник отдела живописи
XVIII — первой половины XIX века
Государственного Русского музея, Санкт-Петербург*

Вновь обнаруженные в собрании
Русского музея портреты
императрицы Елизаветы Петровны
кисти Л. Каравака

Svetlana V. Moiseeva

Portraits of Empress Elizabeth Petrovna
by L. Caravak newly discovered in the collection
of the Russian Museum

Аннотация: В статье рассматривается творческая биография Луи Каравака, работавшего в России с 1716 по 1754 г. и ставшего одним из крупнейших живописцев в русском искусстве первой половины XVIII в. В качестве первого придворного художника Караваку довелось писать портреты всех российских монархов этого времени. Портреты Елизаветы Петровны он писал, начиная с 1717 г. В собрании Русского музея находятся несколько её изображений разного времени, но, за редким исключением, они либо считались произведениями современников Каравака, либо числились среди произведений неизвестных художников. В результате исследований кисти Каравака был атрибутирован знаменитый овальный портрет цесаревны Елизаветы (ГРМ), почти весь XX в. публиковавшийся как произведение И. Никитина и являющийся этюдом портрета из собрания Государственного Эрмитажа, также написанного Караваком. В процессе реставрации большого портрета императрицы Елизаветы Петровны (ГРМ) была обнаружена авторская подпись художника. Кроме того, в собрании

Русского музея был обнаружен ещё один этюд портрета императрицы Елизаветы Петровны в военном мундире, датированный второй половиной 1740-х — началом 1750-х гг.

Abstract: The article examines the creative biography of Louis Caravac, who worked in Russia from 1716 to 1754 and became one of the largest painters in Russian art in the first half of the XVIII century. As the first court artist, Karavak had the opportunity to paint portraits of all Russian monarchs of that time. He painted portraits of Elizabeth Petrovna starting in 1717. In the collection of the Russian Museum there are several of her images of different times, but, with rare exceptions, they were either considered works of contemporaries of Karavak, or were listed among the works of unknown artists. As a result of research, the famous oval portrait of Tsarevna Elizabeth (GRM) was attributed to Karavak's brush, which was published almost in the XX century as a work of I. Nikitin, and is a sketch of a portrait from the collection of the State Hermitage Museum, also painted by Karavak. During the restoration of a large portrait of Empress Elizabeth Petrovna (GRM), the artist's signature was discovered. In addition, in the collection of the Russian Museum, another sketch of a portrait of Empress Elizabeth Petrovna in a military uniform was discovered, dated to the second half of the 1740s — early 1750s.

Ключевые слова: Петр I, Каравак, портрет, царевна, цесаревна, императрица, Елизавета Петровна, Государственный Русский музей, Государственный Эрмитаж.

Keywords: Peter I, Karavak, portrait, Tsarevna, Tsarevna, Empress, Elizabeth Petrovna, State Russian Museum, State Hermitage.

Каравак — художник явно недооценённый.¹ Лишь в наши дни, внимательнее всматриваясь в его произведения, исследователи постепенно приходят к выводу, что его творчество — гораздо более яркое и значительное явление в русской культуре первой половины XVIII в., чем принято считать. Сегодня мы располагаем гораздо более достоверными и полными сведениями о Караваке, нежели историки искусства второй половины XIX и XX в., однако вопро-

¹ Автор выражает искреннюю признательность коллегам, так или иначе причастным к исследовательским мероприятиям: заведующему отделом живописи XVIII — первой половины XIX в. Г.Н. Голдовскому, хранителям Е.И. Столбовой и Л.В. Вихоревой; отделу технологических исследований и персонально С.В. Римской-Корсаковой и В.Н. Петровой, заведующему отделом реставрации и консервации экспонатов Е.С. Солдатенкову, мастерской реставрации масляной живописи Русского музея, а также заведующей Научно-справочным отделом фотокиноматериалов Государственной Третьяковской галереи Н.В. Окурenkовой. Без их участия некоторые заявленные сегодня результаты этой работы были бы невозможными. Особое спасибо заведующему отделом технологических исследований С.В. Сирро за предоставленные изобразительные материалы.

сов, связанных с наследием художника, по-прежнему немало. И по-прежнему они самым тесным образом связаны с творчеством современников Каравака.

В русской службе Каравак числился с первого ноября 1715 г. Сведений о предшествующем периоде его жизни почти нет, известно лишь, что родился он 31 января 1684 г. в Марселе и был представителем третьего поколения французских резчиков по дереву и скульпторов, работавших в Марселе и Тулоне. Свою деятельность он также начинал в Арсенале галер в Марселе. Чья именно рекомендация содействовала приглашению Каравака в русскую службу, также остаётся неизвестным, но его рекомендатель, видимо, был хорошо осведомлён о творческих возможностях художника.

Согласно контракту, заключённому в Париже с агентом Петра I «коммерц советником» Иваном Лефортом 13 ноября того же 1715 г., он обязывался «езжать в Санкт-Петербург и работать в службе Царского Величества три года в живописи на масле для гисторических картин, портретов, баталей, деревьев и цветов, зверей, как в больших, так и малых размерах, также в самой малой суптельной живописи». Вменялось Караваку в обязанность «взять в свою службу тех людей русского народа, которых Его Величество изволит ему дать для научения и обучения во всем, что касается до живописного художества».²

Каравак не только сделал всё, что обещал, написав портреты Петра I и членов его семьи, картины «Полтавская баталия» (1718), «Взятие Шлиссельбурга» (1721) и ещё двадцать семь полотен с изображением «баталей и взятия городов» для «Залы славных торжествований» и Летнего дворца Екатерины I в Петербурге, но и несколько раз продлевал контракты, навсегда оставшись в России.

В 1720-е и 1730-е гг. круг его обязанностей был существенно расширен. Под его руководством и при его участии живописцы Канцелярии от строений создавали плафоны в Летнем и Зимнем дворцах (1725–1727) и в Петергофе (1720–1727). Каравак был одним из немногих иностранных живописцев, писавших образа — для церкви Зимнего дворца (1725), Исаакиевской церкви (1727) и церкви Рождества Богородицы на Невском проспекте (1747). С 1732 г. — директор Шпалерной мануфактуры, написал картон для шпалеры «Полтавская баталия» (1717, ГЭ). В 1718–1724 гг. «по приказу князя Алексея Михайловича Черкасского» делал «двенадцать портретов чертежей триумфальной колонны совершенных, которую моделировал господин Растрелли».

² РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 25. Л. 522; Веретенников В.И. «Придворный первый моляр» Л. Каравак // *Старые годы*. 1908. Июнь. С. 325.

В царствование Анны Иоанновны Каравак по-прежнему «придворный первый живописец» с чином полковника. Ему приходится расписывать знамёна, исполнять эскизы оформления празднеств, иллюминаций, фейерверков, эскизы костюмов и карет императрицы. В 1740 г. руководил оформлением «печальной церемонии» похорон Анны Иоанновны. В ведении Каравака находились вышивальщицы и обойщики, обивавшие мебель парчой, изготовленной по его рисункам. По некоторым сведениям, по его рисункам производилась и мебель. Занимался Каравак и миниатюрой, но в настоящее время известна лишь одна его работа, представляющая Елизавету в виде Флоры (ГЭ).³

Успешной была и педагогическая деятельность Каравака. В 1723 г. он представил Петру I и в 1727 г. Петру II проекты создания в Петербурге «академии живописного художества, какая учреждена в Париже». Впервые в России он организовал копирование картин европейских мастеров и рисование с обнажённой модели, сохранились прошения Каравака о добавочной порции дров для «школы академической на постоялом дворе», в которой рисовали с «нагова человека» — натурщика Фомы Быкова. Обучал живописному мастерству русских учеников — И.Я. Вишнякова, М.А. Захарова, А.П. Антропова и многих других.⁴ Даже такая не слишком подробная биографическая справка даёт представление о масштабе таланта Каравака, многообразии его творческих интересов и необыкновенном трудолюбии.

Не оставлял Каравак и главного своего занятия — создания императорских портретов. Прожив в России тридцать восемь лет, он написал портреты всех российских монархов первой половины XVIII столетия, начиная с пригласившего его Петра I. Я. Штелин отмечал, что в эпоху Анны Иоанновны «он начал писать так много больших и малых портретов этой монархини, а также герцогини и герцога Бирона, что все стены в Петербурге кишели ими».⁵

Однако современники сдержанно оценивали собственно живописные достоинства портретов Каравака. Я. Штелин, называя его

³ Малиновский К.В. *Материалы Якоба Штелина*. Т. 1: *Записки и письма Якоба Штелина об изящных искусствах в России*. СПб., ММХV. С. 63. Примечание 23.

⁴ *Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь: В 6 т. Т. 4, кн. 2 (Каев — Кобозев)*. СПб., 1995. С. 203–205; *Государственный Русский музей: Живопись: XVIII век: Каталог*. Т. 1. СПб., 1998. С. 93; *Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания: «Живопись XVIII века»*. Т. 2. 2-е изд., дополн. и перераб. М., 2015. С. 134–135.

⁵ Малиновский К.В. *Указ. соч.* С. 63.

«универсальным живописцем», считал, что они «всегда немножко похожи, но никогда полностью».⁶ Как бы то ни было, несмотря на значительное число исполненных произведений, имя художника оказалось в середине — второй половине XIX в. основательно забытым. Подтверждением этому может служить известный «Каталог исторической выставки портретов лиц XVI—XVIII вв., устроенной Обществом поощрения художников», опубликованный в 1870 г. П.Н. Петровым.

Почти все упомянутые в каталоге портреты Петра I, в том числе овальный портрет из собрания ГРМ, сопровождаются пометкой — «тип Амикони»,⁷ хотя, насколько известно, Я. Амикони исполнил картину «Петр I с аллегорической фигурой Славы» (ГЭ) лишь между 1732 и 1734 гг.⁸

Можно с уверенностью говорить о том, что в качестве иконографического образца российский дипломат, князь А.Д. Кантемир мог предложить Я. Амикони портрет Петра I в жёлтом кафтане и кирасе (ныне — Рейксмузеум, Амстердам). Однако автор оригинального изображения П.Н. Петрову известен не был.

Заинтересовался Караваком лишь Н.П. Собко, опубликовавший в 1882 г. в «Историческом вестнике» небольшую статью о художнике, в которой изложил все известные на тот момент факты.⁹ Материалы Собко были дополнены В.И. Веретенниковым, напечатавшим в июньском номере «Старых годов» за 1908 г. статью «“Придворный первый моляр” Л. Каравак».¹⁰

В советское время краткая характеристика творчества Каравака была включена во все труды по истории русского искусства XVIII столетия, исключением стала лишь книга Г.Е. Лебедева «Русская живопись первой половины XVIII века» (1938), в которой все имеющиеся на тот момент сведения о художнике были проанализированы более подробно и с привлечением новых данных.¹¹

⁶ Там же.

⁷ *Каталог исторической выставки портретов лиц XVI—XVIII вв., устроенной Обществом поощрения художников* / Сост. П.Н. Петров. 2-е изд. СПб., 1870. С. 38. № 121.

⁸ *Государственный Эрмитаж: Западноевропейская живопись: Каталог 1: Италия, Испания, Франция, Швейцария*. Л., 1976. С. 68. № 2754.

⁹ **Собко Н.** Французские художники в России в XVIII веке: Живописец Людовик Каравак (1716–1752) // *Исторический вестник*. Т. 8. 1882. С. 139–148.

¹⁰ **Веретенников В.И.** *Указ. соч.* С. 323–332.

¹¹ **Лебедев Г.Е.** *Русская живопись первой половины XVIII века*. Л.; М., 1938. С. 23, 41–48.

В конце XX — начале XXI в. информация о художнике была обобщена в биографических справках и комментариях к произведениям, приведённых в каталогах ГРМ и ГТГ.¹²

Основное препятствие на пути создания объективной картины творчества художника заключалось в том, что принадлежащие кисти Каравака портреты часто приписывались либо другим иностранным художникам, работавшим в России, либо русским художникам, в которых историки искусства непременно хотели видеть мастеров европейского уровня. Традиция такого рода атрибуций порой насчитывала столетия.

Первым в этом списке должен быть назван знаменитый овальный портрет Петра I в преображенском мундире (Ж-1). Число сохранившихся изображений Петра I убеждает, что Каравак писал царя, а затем и императора неоднократно. В собрании Русского музея находится портрет (Ж-8634), на обороте которого имеется чрезвычайно интересная наклейка с надписью: «[Port]rait de Pier[re] le Grand Louis Caravac, peintre de la Cour Imperiale de Russie en 1717» (Портрет Петра Великого, выполненный Луи Караваком, художником российского Императорского Двора в 1717 году).¹³ Тем не менее, существует документ — «Прошение придворного живописца Каравакка о выдаче ему жалованья и о делаемых им портретах и проч.» от 8 ноября 1723 г., в котором имеется «Роспись всем делам, что я нижеименованный делал по указу Его Императорского Величества». Первый упомянутый в документе портрет Петра относится к 1722 г., ко времени астраханского похода.¹⁴

Овальный портрет Русского музея, на котором Петр представлен в любимом мундире бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка, также не отмечен в «Росписи» Каравака. При дублировании холста на обороте была воспроизведена старая надпись: «Pierre I-ier Emprer de Russie Seul peint d'apres nature venant du cabinet de Statue a Petersburg. 954» (Петр I, российский император. Единственный, писанный с натуры, поступил из кабинета статуй в Петербурге). На подрамнике наклейка с надписью: «Venant de Mde Falconet. 954» (Поступил от мадам Фальконе. 954).¹⁵

В 1971 г. в одном из сборников под редакцией Т.В. Алексеевой была опубликована статья А.Л. Вейнберг «Два неизвестных портре-

¹² *Государственный Русский музей: ...* С. 93; *Государственная Третьяковская галерея: ...* С. 126, 134–135.

¹³ *Государственный Русский музей: ...* С. 93. № 191.

¹⁴ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 266 (1723). Л. 7. Документ цитируется с любезного разрешения П.Ю. Новбари.

¹⁵ *Государственный Русский музей: ...* С. 95. № 198.

Луи Каравак. Портрет Петра I. Конец 1717. Реконструкция.
© ГРМ

та работы Луи Каравака», в которой она изложила восстановленную ею историю бытования этого изображения. Из процитированной А.Л. Вейнберг переписки Екатерины II и Э.М. Фальконе следует, что портрет был обнаружен самой императрицей в Царскосельском дворце и вместе с овальным же изображением самой Екатерины, писанным Караваком в 1745 г., в бытность её великой княгиней, был подарен скульптору в 1773 г. Фальконе увёз портреты во Францию, о чём Екатерина II часто сожалела. После смерти Фальконе в 1791 г. они стали собственностью М.-А. Колло, затем в качестве наследства перешли к её дочери, в замужестве

баронессе Янкович. В 1866 г. баронесса Янкович вернула портреты в Россию, подарив их Александру II. Они были переданы в Гатчинский дворец, откуда портрет Петра I в 1925 г. и поступил в Русский музей.¹⁶

В отношении овального портрета издавна существовала авторская дилемма Никитин — Каравак, но А.Л. Вейнберг на основании сходства живописной манеры и иконографии с другими портретами Петра I работы Л. Каравака как будто бы убедительно доказала авторство последнего. Однако год спустя, в 1972 г. в свет вышла монография Н.М. Молевой «Иван Никитин», в которой была подтверждена версия, высказанная Н.М. Молевой и Э.М. Белютиным ещё в книге «Живописных дел мастера», о принадлежности портрета кисти И.Н. Никитина.¹⁷

Эта точка зрения не нашла сторонников: в 1977 г. в сборнике «Культура и искусство петровского времени» С.В. Римской-Корсаковой была опубликована статья «Атрибуция ряда портретов петровского времени на основании технико-технологического исследования». Автором портрета Римская-Корсакова безоговорочно назвала Каравака.¹⁸

Расхождения существовали и в вопросе датировки изображения. Н.М. Молева и Э.М. Белютин связывали её с записью об исполнении художником портрета Петра I в 1721 г. «на Котлине острове».¹⁹ А.Л. Вейнберг считала портрет тем самым, который был написан в 1722 г. в Астрахани.²⁰ Эта версия нашла отражение и в каталоге живописи Русского музея 1998 г.²¹

Тем не менее, трудно не согласиться с С.В. Римской-Корсаковой, которая датировала портрет временем исполнения двойного изображения Анны и Елизаветы, т.е. 1716–1717 гг.²² Но технологическая идентичность произведений — это лишь одна сторона вопроса. Исследователи, в том числе А.Л. Вейнберг в упоминавшейся выше статье и Н.П. Шарандак в небольшой книге 1987 г. «Русская

¹⁶ Вейнберг А.Л. Два неизвестных портрета работы Луи Каравака // *Русское искусство XVIII — первой половины XIX в.* М., 1971. С. 234–236.

¹⁷ Молева Н.М. *Иван Никитин.* М., 1972. С. 144–146; Молева Н.М., Белютин Э.М. *Живописных дел мастера.* М., 1965. С. 45–47.

¹⁸ Римская-Корсакова С.В. Атрибуция ряда портретов петровского времени на основании технико-технологического исследования // *Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования.* Л., 1977. С. 191–199.

¹⁹ Молева Н.М., Белютин Э.М. *Указ. соч.* С. 45–47.

²⁰ Вейнберг А.Л. *Указ. соч.* С. 235–236.

²¹ *Государственный Русский музей: ...* С. 95. № 198.

²² Римская-Корсакова С.В. Атрибуция ряда портретов ... С. 197, 199.

портретная живопись петровского времени» неоднократно отмечали, что на овальном портрете Петр представлен без ленты и звезды ордена св. Андрея Первозванного. Римская-Корсакова установила, что первоначально он был прямоугольного формата и сравнительно небольшого размера (53 x 45 см).²³ И, поскольку он был оплечным, изображение ленты и звезды не предусматривалось. Надпись на обороте, по-видимому, не случайно называла портрет единственным, писанным с натуры. В XIX в., вероятно, по аналогии с поступившим вместе с ним в Гатчинский дворец портретом Екатерины II, он был надставлен до овала (69 x 55 см).

Каравак приехал в Россию сложившимся мастером, хорошо знакомым с классической системой подготовки и ведения картины. Этюд как таковой был в этой системе обычным делом, но в советском и российском искусствознании это понятие по отношению к русской живописи XVIII в. почти не применялось. Произведения этюдного характера чаще всего назывались незаконченными.

Пересматривая портретное собрание Русского музея с целью выявления таких портретов, нельзя было не обратить внимания на известнейшее произведение первой четверти XVIII в. — овальный портрет Елизаветы Петровны в молодом возрасте (Ж-4910). В Русский музей он поступил в 1923 г. из Академии художеств.²⁴

Авторство этого портрета оставалось под вопросом более двухсот лет. Провенанс его до конца не изучен, по-прежнему неизвестно, когда и откуда он попал в собрание академического музея.

Н.М. Молева в монографии о Никитине писала, что портрет поступил в Академию художеств в 1765 г. из Зимнего дворца как работа французского живописца Луи-Жозефа Ле Лоррена (1715–1759).²⁵

Но картины поступили в Академию из Зимнего дворца не в 1765, а в 1762 г., и К.И. Головачевский не мог быть причастен к рождению традиции, согласно которой весь XIX в. автором портрета назывался Л.-Ж. Ле Лоррен. Он совершенно точно знал, что Ле Лорреном был исполнен «портрет профильной Ея ж Императорского Величества поесной в раме», который он и указал в «Описи» под № 133/134.²⁶

²³ Там же. С. 196.

²⁴ *Государственный Русский музей: ...* С. 135. № 198.

²⁵ Молева Н.М. *Указ. соч.* С. 31.

²⁶ Моисеева С.В. «Опись неподвижных вещей, бывших в смотре Кириллы Головачевского» 1773 года — первый полный каталог музея Санкт-Петербургской Академии художеств // *Русское искусство Нового времени: Исследование и*

Луи Каравак. Портрет цесаревны Елизаветы Петровны.
Этюд. 1724 (?) © ГРМ

Однако овальный портрет Елизаветы Петровны также находил-ся в Академии: в каталоге живописи, составленном С.К. Исаковым в 1915 г., указано, что «портрет значился в одной из списных книг музея работой Ле-Лоррена. С такой атрибуцией он был в 1887 году передан в Эрмитаж и в 1914 году возвращён в Академию».²⁷

Тем не менее, родившийся в 1715 г. Ле Лоррен ни при каких обстоятельствах не мог писать портрет Елизаветы Петровны в начале 1720-х гг. — в каталоге исторической выставки портретов 1870 г.

материалы: Сб. статей. Вып. 12. По итогам Всероссийской научной конференции. Императорская Академия художеств и художественная жизнь России / Ред.-сост. И.В. Рязанцев. М., 2009. С. 56. № 133/134.

²⁷ *Императорская Академия Художеств: Музей: Русская живопись: Каталог / Сост. С.К. Исаков. Пг., 1915. С. 189. № 1436.*

профильное изображение из музея Академии художеств было датировано 1759 г.²⁸

Но в каталоге С.К. Исакова 1915 г. автором портрета назван И.Н. Никитин.²⁹ Под авторством И.Н. Никитина прошёл весь XX в., не поставили под сомнение это авторство и составители каталога живописи Русского музея 1980 г.³⁰

Сомнения появились лишь в конце века: в каталоге живописи ГРМ XVIII в., изданном в 1998 г., портрет был выведен из числа бесспорных работ художника, и автором его предположительно названы либо И.Н. Никитин, либо И.Г. Таннауэр.³¹

Перейти к уверенному и доказательному определению автора позволило приобретение Эрмитажем в 1995 г. портрета Елизаветы Петровны в белом платье. Первоначально он также считался работой И.Н. Никитина, однако старший научный сотрудник отдела научно-технической экспертизы Эрмитажа Л.П. Вязьменская после консультаций с отделом технологических исследований ГРМ атрибутировала его как портрет Каравака и датировала 1724(?) г.³² Изучение изобразительного материала позволило сделать однозначный вывод о том, что наш портрет является этюдом к портрету из собрания Эрмитажа. В этом убеждали и его подчёркнутая незавершённость, и почти «дословное» повторение в эрмитажном произведении. Естественно, что в этюде поворот головы выглядел чуть живее, и украшения отсутствовали.

Портрет цесаревны Елизаветы Петровны из собрания Государственного Эрмитажа был датирован Л.П. Вязьменской на основании письма обер-полицмейстеру А.М. Девиеру от 31 марта 1724 г. В нём говорилось, что «Его Императорское Величество указал живописцу французу Караваке с лутчих оригинальных портретов их высочеств Гдрнь цесаревен Анны Петровны и Элизабет Петровны написать нне поодному портрету поясному [что называется буст]». Однако из текста документа не вполне ясно, были ли эти оригинальные портреты работами Каравака или принадлежали кисти других мастеров. Нельзя не отметить и тот факт, что копии с порт-

²⁸ *Каталог исторической выставки портретов лиц XVI–XVIII вв., ...* С. 62. № 205.

²⁹ Там же. С. 189. № 1436.

³⁰ *Государственный Русский музей: ...* С. 215. № 3800.

³¹ Там же. С. 135. № 340.

³² **Вязьменская Л.П.** Новая атрибуция: Портрет Елизаветы Петровны кисти Каравака // *Мат-лы II научн. конф. «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства»: 27–31 мая 1996, Москва.* М., 1998. С. 60–63.

Луи Каравак. Портрет цесаревны Елизаветы Петровны.
Этюд. 1724 (?). Фрагмент. © ГРМ

ретов Анны Петровны и Елизаветы Петровны было приказано написать также и живописцу Ивану Адольскому.³³

Упоминавшаяся выше «Роспись всем делам, что я нижеименованный делал по указу Его Императорского Величества» от 8 ноября 1723 г. не содержит упоминаний о персональных изображениях Елизаветы Петровны, но Каравак не мог не писать тогда её портреты: 9 февраля 1722 г. Елизавета была объявлена совершеннолетней, и начались переговоры о замужестве, одним из первых проектов Петра I был брачный союз Елизаветы Петровны и Людовика XV. Видевший Елизавету в то время Б.Х. Миних вспоминал впоследствии: «Она была хорошо сложена и очень красива, но весьма дородна, полна здоровья и живости, и ходила так проворно, что все, особенно дамы, с трудом за ней поспевали, уверенно чувствуя себя на прогулках верхом и на борту корабля. У неё был живой, прони-

³³ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 53 (1724). Л. 593. Документ цитируется с любезного разрешения П.Ю. Новбари.

цательный, весёлый и очень вкрадчивый ум, обладающий большими способностями. Кроме русского, она превосходно выучила французский, немецкий, финский и шведский языки, писала красивым почерком».³⁴

Портретов Елизаветы Петровны требовалось много, и писал их не только Каравак. Датировка портретов Елизаветы из собрания ГРМ и ГЭ последними годами жизни Петра I выглядит логичной: после его смерти ни Екатерине I, ни Петру II, за которого правили или А.Д. Меншиков, или Долгоруковы, ни тем более Анне Иоанновне, портреты Елизаветы были не особенно нужны. Во всём многообразии иконографических типов они появляются в начале 1740-х гг., после восшествия на престол. В числе самых первых, по-видимому, оказался знаменитый «портрет Елизаветы Петровны в мужском костюме» из собрания ГРМ.³⁵

А.Л. Вейнберг связывала появление портрета Русского музея с указом Караваку от 7 января 1745 г. Согласно этому указу к приезду императрицы в Петербург, который предполагался в конце января, Каравак должен был исполнить два её портрета. Одним из них, по мнению А.Л. Вейнберг, мог быть портрет в мужском костюме.

В «Записках» Екатерины II есть указание, что осенью и зимой 1744 г. «императрице вздумалось в Москве заставлять всех мужчин являться на придворные маскарады в женском платье, всех женщин — в мужском <...> Как-то на одном из этих балов, — продолжала Екатерина, — я смотрела, как она танцует менуэт; когда она кончила, она подошла ко мне; я позволила себе сказать, что <...> один ее портрет, написанный в таком виде, мог бы вскружить головы многим женщинам».³⁶ Скорее всего, тогда и возникла идея такого портрета.

Датировка «портрета в мужском костюме» серединой 1740-х гг. подтверждается и сопоставлением его с этюдом 1722–1724 гг. (ГРМ) и портретом 1730-х гг. («Кусково») — разница в возрасте явно ощутима. В некоторых источниках «портрет в мужском костюме» называется портретом «неизвестной персоны».³⁷ Однако на левой планке подрамника портрета Русского музея сохранились остатки бумажного ярлыка с надписью: «L.Caravac ... de imp. Elisabet en costume masculine», подтверждающая и авторство, и личность изоб-

³⁴ Анисимов Е. *Елизавета Петровна*. М., 2005. С. 46.

³⁵ *Государственная Третьяковская галерея: ...* С. 285. № 382.

³⁶ *Сочинения Екатерины II*. М., 1990. С. 113.

³⁷ Новбари П.Ю. *Каталог произведений Луи Каравака (1684–1754)*. Дипломная работа. Без пагинации. I–13.

Луи Каравак. Портрет императрицы Елизаветы Петровны в мужском костюме. 1745. © ГРМ

ражённой.³⁸ На обороте изображения из собрания ГТГ также имеется надпись, удостоверяющая личность Елизаветы Петровны.³⁹ Ещё один подобный портрет, но вновь под авторством И.Н. Никитина, был заявлен в начале 2010-х гг. на одном из антикварных аукционов.

В каталоге живописи ГРМ 1980 г. портрет Елизаветы Петровны в мужском костюме был помещён в число произведений с предположительным авторством Каравака.⁴⁰ Однако в середине 1980-х гг. С.В. Римская-Корсакова попыталась окончательно отвести авторство художника. В статье «Исследование техники живописи

³⁸ *Государственный Русский музей: ...* С. 96. № 201

³⁹ *Государственная Третьяковская галерея: ...* С. 307. № 384.

⁴⁰ *Государственный Русский музей: ...* С. 129. № 2075.

Д.Г. Левицкого», опубликованной в каталоге выставки, посвящённой 250-летию выдающегося русского портретиста, ею было высказано убеждение, что «портрет в мужском костюме» является одной из самых ранних работ Д.Г. Левицкого, написанных в пору ученичества у А.П. Антропова. На основании бесспорных, как тогда казалось, технологических признаков Римская-Корсакова усомнилась в оригинальности изображения, отметив, без указания источника, упоминание в литературе и копии, исполненной Д.Г. Левицким.⁴¹

Составители каталога живописи XVIII в. ГРМ 1998 г. заняли в этом отношении более осторожную позицию, оставив портрету предположительное авторство Каравака и указав в аннотации точку зрения А.Л. Вейнберг и С.В. Римской-Корсаковой.⁴²

Решению этой непростой проблемы и атрибуции «портрета в мужском костюме» как произведения Каравака во многом способствовало исследование ещё одного этюдного портрета Елизаветы Петровны из фонда живописи ГРМ (Ж–4720), определённого как работа Каравака автором настоящей статьи совместно со С.В. Римской-Корсаковой и В.Н. Петровой. Именно Римская-Корсакова пришла к заключению, что он является абсолютной технологической аналогией «портрета в мужском костюме». Истории вопроса в данном случае не существовало: поступивший в 1925 г. из Эрмитажа портрет считался в каталоге живописи 1980 г. работой неизвестного художника.⁴³ Судя по всему, он был подготовительным материалом для портрета Елизаветы Петровны в мундире или в мундирном платье — воротник на портрете виден отчётливо. Императрице часто приходилось носить воинское одеяние: «всемилоостивейшая государыня» непременно присутствовала на всех полковых праздниках и парадах, поскольку была, по выражению Е.В. Анисимова, «всех лейб-гвардии полков господин полковник».⁴⁴

Работы подобного плана не были для первой половины и середины XVIII в. чем-то необычным: в каталоге выставки 1905 г. в Таврическом дворце под № 392 значился этюд портрета Елизаветы Петровны работы Г.К. Гроота⁴⁵ (местонахождение неизвестно), на-

⁴¹ **Римская-Корсакова С.В.** Исследование техники живописи Д.Г. Левицкого // *Государственный Русский музей: Дмитрий Григорьевич Левицкий: 1735–1822: Каталог.* Л., 1987. С. 27–28.

⁴² *Государственный Русский музей: ...* С. 96. № 201.

⁴³ Там же. С. 371. № 6612.

⁴⁴ **Анисимов Е.В.** *Указ. соч.* С. 244.

⁴⁵ *Каталог состоящей под высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством историко-художественной выставки русских*

Луи Каравак. Портрет императрицы Елизаветы Петровны.
Этюд. Около 1750. © ГРМ

Луи Каравак. Портрет императрицы Елизаветы Петровны.
Этюд. Около 1750. Фрагмент. © ГРМ

писанный не позднее 1749 г. Иконография нашего портрета заметно отличалась от гроотовской, но время исполнения произведений приблизительно совпадало. В обоих случаях Елизавета Петровна выглядела старше, чем на портрете в мужском костюме 1745 г., но облик императрицы на портретном этюде Русского музея иконографически хорошо соотносился с портретом, датированным Караваком 1750 г. (ГРМ). Стилистическая и технологическая идентичность этих изображений, равно как и датировка этюда второй половиной 1740-х или даже началом 1750-х гг. также не вызывала сомнений.

Таким образом, овальные этюды портрета цесаревны и императрицы из собрания ГРМ разделяет временной отрезок не менее двадцати пяти лет. Принято считать, что живописная манера Л. Каравака с годами «обрусела», рокайльная живость ранних произведений уступила место «торжественной чопорной репрезентативности», чуть ли не «парсунности».⁴⁶ Но так ли это, и какие изменения мог внести Л. Каравак в утверждённую всеми европейскими дворами схему большого парадного портрета?

Один из таких портретов императрицы Елизаветы Петровны (Ж-5810) был обнаружен недавно в собрании Русского музея. В процессе реставрации слева в середине была найдена не вызывающая сомнений подпись «L. Caravaque». Вполне вероятно, что именно об этом портрете идёт речь в переписке барона И.А. Черкасова с кабинет-секретарём Елизаветы Петровны Л.И. Бахиревым. Одно из писем свидетельствует, что «1744 февраля 16-го, императрица приказала прислать в Москву три портрета Ея Величества: один, написанный по колени, и один — весь стоящий, написанный живописцем Караваком из числа тех портретов (во весь рост), которые ему приказано написать для всех министров наших при чужестранных дворах, всего 14 портретов».⁴⁷ Но, по-видимому, «стоящий» портрет так и остался в Москве и, оказавшись, в конце концов, в собрании великого князя Сергея Александровича, поступил в его составе в 1908 г. в Русский музей.⁴⁸

До настоящего времени в собрании ГРМ числился лишь один портрет императрицы в рост (Ж-5811), подписанный и датированный художником 1750 г. Он был передан в Русский музей в 1929 г.

⁴⁶ Коваленская Н. *История русского искусства XVIII века*. М.; Л., 1940. С. 33.

⁴⁷ Гаврилова Л.М. Произведение французского ювелира Жана Жоржа в собрании Оружейной палаты // *Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования*. Вып. 2. М., 1976. С. 139. Прим. 12.

⁴⁸ *Государственный Русский музей: ...* С. 371. № 6623.

из Ленинградского отделения Академии наук СССР и до 1827 г. находился в собрании Императорского Эрмитажа.⁴⁹

Таким образом, можно констатировать, что собрание живописи первой половины XVIII в. Русского музея пополнилось за последнее время сразу несколькими произведениями Л. Каравака.

Архивные источники

1. РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Д. 53 (1724); Отд. II. Д. 25; Ф. 17. Оп. 1. Д. 266 (1723).

Литература

2. **Анисимов Е.** *Елизавета Петровна*. М.: Молодая гвардия, 2005. 626 [6] с. — (ЖЗЛ. Вып. 938).
3. **Вейнберг А.Л.** Два неизвестных портрета работы Луи Каравака // *Русское искусство XVIII — первой половины XIX в.* М.: Искусство, 1971. С. 229–237.
4. **Веретенников В.И.** «Придворный первый моляр» Л. Каравак // *Старые годы*. 1908. Июнь. С. 323–332.
5. **Вязьменская Л.П.** Новая атрибуция: Портрет Елизаветы Петровны кисти Каравака // *Мат-лы II научн. конф. «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства»: 27–31 мая 1996, Москва*. М.: Объединение Магnum Арс, 1998. С. 60–63.
6. **Гаврилова Л.М.** Произведение французского ювелира Жана Жоржа в собрании Оружейной палаты // *Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования*. Вып. 2. М.: Советский художник, 1976. С. 132–139.
7. *Государственная Третьяковская галерея: Каталог собрания: «Живопись XVIII века»*. Т. 2. 2-е изд., дополн. и перераб. М.: Изд. «Государственная Третьяковская галерея», 2015. 408 с. — (Живопись XVIII–XX веков).
8. *Государственный Русский музей: Живопись: XVIII век: Каталог*. Т. 1. СПб.: Palace Editions, 1998. 206 с.
9. *Государственный Эрмитаж: Западноевропейская живопись: Каталог I: Италия, Испания, Франция, Швейцария*. Л.: Аврора, 1976. 344 с.
10. *Императорская Академия Художеств: Музей: Русская живопись: Каталог* / Сост. С.К. Исаков. Пг.: Унион, 1915. 348 с.
11. *Каталог исторической выставки портретов лиц XVI–XVIII вв., устроенной Обществом поощрения художников* / Сост. П.Н. Петров. 2-е изд. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1870. XXIII, 232 с.
12. *Каталог состоящей под высочайшим Его Императорского Величества Государя Императора покровительством историко-художественной выставки русских портретов, устраиваемой в Таврическом дворце, в пользу вдов и сирот, павших в бою воинов*. Ч. 2. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1905. 23, [1] с.

⁴⁹ Там же. С. 94. № 193.

13. **Коваленская Н.** *История русского искусства XVIII века.* М.; Л.: Искусство, 1940. 260 с.
14. **Лебедев Г.Е.** *Русская живопись первой половины XVIII века.* Л.; М.: Искусство, 1938. 132 с.
15. **Малиновский К.В.** *Материалы Якоба Штелина.* Т. 1: *Записки и письма Якоба Штелина об изящных искусствах в России.* СПб.: Крига, ММХV. 529 с.
16. **Моисеева С.В.** «Опись неподвижных вещей, бывших в смотрении Кириллы Головачевского» 1773 года — первый полный каталог музея Санкт-Петербургской Академии художеств // *Русское искусство Нового времени: Исследование и материалы: Сб. статей.* Вып. 12. По итогам Всероссийской научной конференции. Императорская Академия художеств и художественная жизнь России / Ред.-сост. И.В. Рязанцев. М.: Памятники историч. мысли, 2009. С. 39—67.
17. **Молева Н.М.** *Иван Никитин.* М.: Искусство, 1972. 280 с.
18. **Молева Н.М., Белютин Э.М.** *Живописных дел мастера.* М.: Искусство, 1965. 336 с.
19. **Новбари П.Ю.** *Каталог произведений Луи Каравака (1684—1754).* Дипломная работа. Без пагинации. 1—13.
20. **Римская-Корсакова С.В.** Атрибуция ряда портретов петровского времени на основании технико-технологического исследования // *Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования.* Л.: Аврора, 1977. С. 191—199.
21. **Римская-Корсакова С.В.** Исследование техники живописи Д.Г. Левицкого // *Государственный Русский музей: Дмитрий Григорьевич Левицкий: 1735—1822: Каталог.* Л., 1987. С. 16—28.
22. **Собко Н.** Французские художники в России в XVIII веке: Живописец Людовик Каравак (1716—1752) // *Исторический вестник.* Т. 8. 1882. С. 139—148.
23. *Сочинения Екатерины II.* М.: Советская Россия, 1990. 382 с.
24. *Художники народов СССР: Библиографический словарь: В 6 т.* Т. 4, кн. 2 (Каев — Кобозев). СПб.: Гуманитарн. агентство Академический проект, 1995. 624 с.

Михаил Григорьевич Талалай

*Ассоциированный сотрудник Института всеобщей истории
Российской Академии наук, Москва*

Жизнеописание Петра Великого,
поднесённое его августейшей дочери
Стефаном Писаревым

Mikhail G. Talalay

The biography of Peter the Great,
presented to his august daughter
by Stefan Pisarev

Аннотация: В 1743 г. чиновник Коллегии иностранных дел, полиглот Стефан Писарев преподнёс императрице Елизавете Петровне выполненный им по её повелению сложный труд — перевод на русский язык обширной биографии Петра I, написанной венецианским эрудитом Антонио Катифоро и изданной в Венеции в 1736 г. на итальянском, а в 1737 г. на греческом (для перевода была взята греческая версия). «Житие Петра Великого» получило заслуженный успех у русского читателя, сначала — в рукописных списках, а с 1772 г. в печатном виде. Этому успеху сопутствовал высокий профессионализм переводчика, его связи с дипломатической средой и доступ к документам петровской эпохи.

Abstract: In 1743 an official of the Collegium of Foreign Affairs, polyglot Stefan Pisarev presented to the Empress Elizaveta Petrovna a complex work he had done following her will: the Russian translation of the extensive biography of Peter the Great, written by Venetian abbat Antonio Catiforo and published in Venice in 1736 in Italian, and in 1737 in Greek (the Greek version was taken for Pisarev's translation). «The Life of Peter the Great» had a deserved success with the Russian reader (first — in manuscript copies, and from 1772 in printed form)

due to high professionalism of the translator, his ties with diplomatic environment and access to the documents of Peter's epoch.

Ключевые слова: Биография Петра I, российская историография, перевод на русский.

Keywords: Biography of Peter the Great, Russian historiography, translation into Russian.

Начало елизаветинского правления ознаменовалось, помимо прочего, новой историографией: императрица и российская элита стремились осмыслить и перенять главные характеристики петровской эпохи. Восхождение на трон дочери Петровой, вне сомнения, послужило мощным толчком к росту национального самосознания и связанному с ним развитию гуманитарных наук, в том числе исторической.

Отечественных печатных книг о Петре тогда ещё не существовало. «Гистория Свейской войны», начатая им самим, при Анне Иоанновне лежала без движения и была возвращена к «прежним делам» только в 1742 г.¹ В том же году историк-любитель П.Н. Крекшин, увлечённо собиравший материалы по петровской эпохе, преподнёс Елизавете Петровне начало своего исследования (оставшееся в рукописи).² К петровской теме в те же годы подбирался историк другого уровня — В.Н. Татищев, но в тот момент он стоял ещё на пороге своей великой историографии.

Вместе с тем на Западе уже годами циркулировали разные публикации, посвящённые деяниям царя-реформатора: это были и сухие хроники, и аналитические очерки, и мемуары (разного качества и направленности). Европа с интересом, не без настороженности, а то и с враждебностью, наблюдала и комментировала усилия Петра I по созданию новой сверхдержавы.

На этом фоне своими литературными достоинствами и прорусской ориентацией выделялась книга «Vita di Pietro il Grande, Imperador della Russia, estratta da varie memorie pubblicate in Francia

¹ Пештич С.Л. *Русская историография XVIII века*. Ч. 1. СПб., 1961. С. 102. Современное издание см.: *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): В 2 вып.* / Сост. Т.С. Майкова. М., 2004.

² Поднесённое Елизавете Петровне сочинение П.Н. Крекшина «Краткое описание блаженных дел государя императора Петра Великого» содержало биографию царя, доведённую до 1706 г., См.: Мезин С.А. Первый биограф Петра Великого Пётр Никифорович Крекшин // *Труды государственного Эрмитажа*. Т. 43: *Петровское время в лицах — 2008: К 10-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2008): Мат-лы научн. конф.* СПб., 2008. С. 169–176.

e in Olanda» («Жизнь Петра Первого, составленная по извлечениям из различных записок, опубликованных во Франции и в Голландии»), вышедшая в 1736 г. в Венеции на итальянском языке, сперва — как анонимная, а при следующих переизданиях — с указанием автора. Им был венецианский «аббат»³ Антонио Катифоро (1685–1763), уроженец о. Занте, который после католической семинарии в Риме обосновался как священнослужитель при венецианской православной общине, плодотворно занимаясь при этом историческими изысканиями. В 1715 г. он был приглашён в Россию А.Д. Меншиковым, но корабль, на котором он плыл, потерпел крушение у берегов Голландии, и Катифоро вернулся в Венецию.⁴

В 1737 г. в той же Венеции вышел перевод «Vita di Pietro il Grande» на новогреческий, опять-таки без имени автора. При этом, однако, был указан переводчик — некий Александр Канкеллариос, венецианский грек-медик (нельзя исключить, что переводом занимался сам автор, тоже этнический грек и высокообразованный филолог).

Книга Катифоро стала одной из первых, пусть и компилятивных, попыток дать цельную историю эпохи Петра, который представлен не только как просвещённый монарх-реформатор, но и как создатель государства, способный освободить эллинов и балканские народы от турецкого ига — отсюда крупный успех книги в Юго-Восточной Европе: она была сразу переведена, помимо греческого, на сербохорватский («иллирийский») и трижды (!) на валашский.⁵

Вне сомнения, Елизавета, её приближённые и вообще просвещённые россияне осознавали необходимость *русской* печатной книги о Петре, пусть и переводной.

В 1742 г. за это назревшее дело берётся молодой чиновник при Коллегии иностранных дел Стефан (Степан Иванович) Писарев. Неизвестно, рассматривал ли он другие варианты, но на его стол

³ Так его титуловали в итальянской среде; в греко-православной, вероятно, это соответствовало сану архимандрита.

⁴ Об Антонио Катифоро и его книге о Петре см.: Талалай М.Г. «Жизнь Петра Великого» Антонио Катифоро // *Мат-лы XII междунар. петровск. конгр. Санкт-Петербург, 31 мая — 1 июня 2019 года* / Сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, В.В. Лихачёва. СПб., 2020. С. 45–55.

⁵ В 1749 г. за книгу взялся дворянин из Валашского княжества Матей Фарцашану; в 1750-е гг. начинает циркулировать второй перевод, выполненный священником из Яссы (Молдавское княжество) о. Космой Влахом. И, наконец, третий перевод был сделан неизвестным переводчиком из Брашова (Трансильвания).

итоге попадает именно трактат Катифоро.⁶ Много позднее, в печатном издании своего перевода он указал, что принялся за свой труд после «изустного повеления» императрицы Елизаветы Петровны.⁷ Такая расплывчатая формулировка многих не убеждала: высказывалось предположение, что это была личная инициатива самого Писарева.⁸ Однако сохранившаяся в Библиотеке Академии наук рукопись 1743 г. имеет пространное посвящение императрице Елизавете Петровне, с упоминанием её августейшего «соизволения»,⁹ и поэтому сомнения в реальности высочайшего интереса отпадают.

Итак, в 1743 г. Елизавета Петровна получает, спустя всего семь лет после выхода оригинала, профессионально подготовленный перевод жизнеописания её знаменитого отца. Однако публикации пришлось ждать тридцать лет: она вышла уже в правление Екатерины II, причём за собственный счёт уже вконец отчаявшегося автора перевода.

Причины такой впечатляющей задержки неизвестны. Высказывалось предположение, что в правительственных кругах по получении рукописи Писарева вызрело решение иметь трактат какого-то более престижного западного автора, каковым в итоге, спустя годы, стал Вольтер.¹⁰ Сам переводчик в напечатанной книге в 1772 г. невинно обвиняет, спустя тридцать лет, неких «недоброхотов». Кто были эти «недоброхоты»? Нельзя исключить, что ими были ещё жившие в те годы современники Петра, как-то неллицеприятно упомянутые (или наоборот забытые) в книге Катифоро.

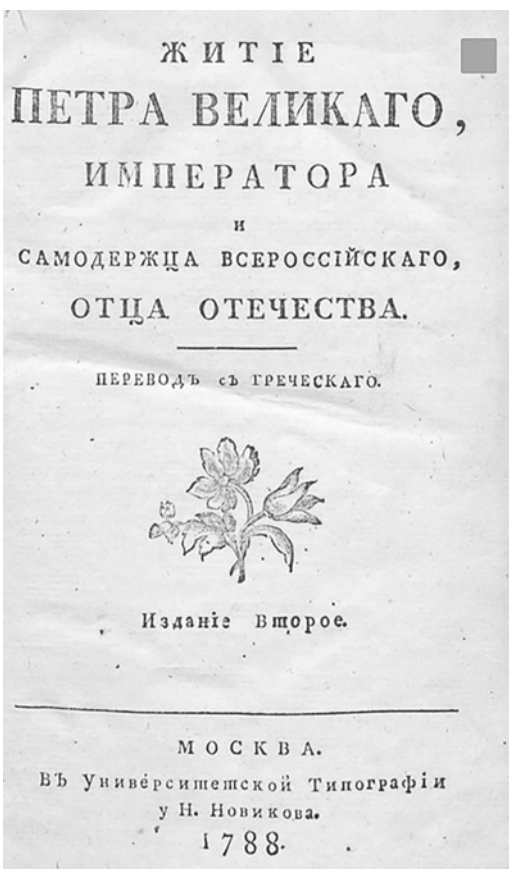
⁶ Не исключено, что в русских дипломатических кругах знали о политических симпатиях автора: он выпускал популярный в Европе ежегодный альманах «La storia dell'anno» (История года), с обзором важнейших событий в разных странах, и в альманахе за 1741 г. в хвалебных тонах описал восшествие на престол Елизаветы Петровны.

⁷ [Катифор Антоний]. *Житие Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского, Отца Отечества, собранное из разных Книг, во Франции и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте Италианском, а потом и на Греческом: с коего на Российской язык перевел статский советник Стефан Писарев.* СПб., 1772 («К читателю», без пагинации).

⁸ Пештич С.Л. *Указ. соч.* С. 203.

⁹ Буш В.В. «Житие Петра Великого» Стефана Писарева // *Журнал Министерства Народного просвещения.* Новая серия. Ч. LIX, окт. 1915. С. 289–291. При этом заметим, что между «соизволением» царицы (как в рукописи), т.е. пожеланием, и её «повелением» (как в печатной книге) разница всё-таки есть.

¹⁰ См.: Шмурло Е.Ф. *Вольтер и его книга о Петре Великом* / Подг. текста к публ. М.В. Ковалёва и А.Е. Кулакова. СПб., 2021.

Титульный лист второго издания перевода С.И. Писарева (М., 1788)

В целом в тот момент, в начале 1740-х гг., Писареву как публикатору сопутствовали неудачи: законченный им до биографии Петра его первый большой перевод (духовной греческой литературы) застрял в цензуре и вышел только спустя двадцать лет.¹¹

¹¹ [Илия Минятей]. *Поучения во Святую и Великую Четыредесятницу, то есть Велико-Постныя Недели сочиненныя, и проповеданныя Керникским и Калавритским что в Пелопонисе епископом Илиею Минятием, кефалонитянином. С греческаго, на российский язык Коллегии иностранных дел переводчиком (что ныне тояж Коллегии секретарь) Стефаном Писаревым в 1741 году переведенныя.* Т. I—II. СПб., 1759—1760.

Но нельзя сказать, что дело пропало втуне: на Руси стали широко циркулировать рукописные варианты «Жития Петра Великого». Сохранившихся списков много: сегодня их насчитывают в Российской Национальной библиотеке — более 35, в Библиотеке Академии наук — более 20, в Российской Государственной библиотеке — более 10 экземпляров и т.д. Биография монарха «заслуженно приобрела широкую популярность. Это объяснялось интересом к личности великого государственного деятеля, ясностью и простотой авторского изложения, мастерством переводчика».¹² В итоге трактат «Vita di Pietro il Grande» в русском переводе лёг в основу многих рукописных компиляций Елизаветинской эпохи: заинтересованные люди не только его переписывали, но и добавляли свои собственные предисловия, новые фрагменты, комментарии. Можно с уверенностью говорить, вслед за исследователем С.Л. Пештичем, о серьёзном «влиянии произведения Катифоро на развитие русской исторической мысли».¹³ Пештич также полагает, что именно преподнесение писаревского перевода Елизавете Петровне подтолкнуло Татищева на решение предложить ей в 1744 г. свои услуги в качестве официального историографа: скорей всего, он ознакомился и с самим текстом Писарева.¹⁴ Любопытно, что даже после выхода «Жития...» из печати, его продолжали переписывать от руки.

Стефан Писарев в самом деле отличался высоким профессионализмом. Даровитый студент московской Славяно-греко-латинской академии, он, ещё до её окончания, в 1725 г. был включён графом С.Л. Владиславичем-Рагузинским в важнейшую дипломатическую миссию в Китай. По сути дела, он становится канцеляристом при русском посольстве в Пекине и вместе с ним возвращается в 1728 г. в Россию. Сперва он преподаёт греческий язык в родной Славяно-греко-латинской академии, а в 1731 г. переезжает в Петербург и поступает на службу чиновником в Коллегию иностранных дел, поднимаясь по служебной лестнице до чина статского советника и посвящая свой досуг переводам — преимущественно с итальянского и греческого.¹⁵

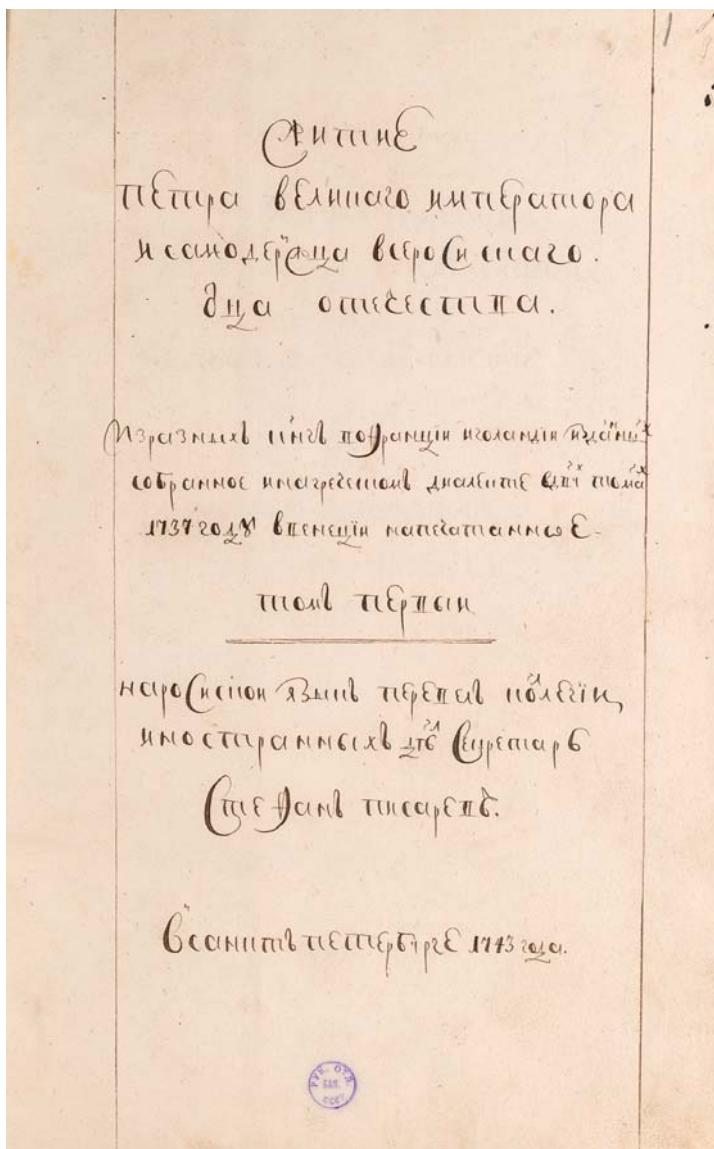
Каким же образом книга «Vita di Pietro il Grande» попала в Петербург, кто первым обратил на неё внимание? Вероятно, её — в итальянском или греческом варианте — мог приобрести выходец с

¹² Пештич С.Л. *Указ. соч.* С. 203.

¹³ Там же. С. 204.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Обзор его творчества см. Николаев С.И. Писарев Стефан // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 (К-П). СПб., 1999. С. 437–438.

«Житие Петра Великого, Императора и Самодержца, Всероссийского Отца Отечества. Из разных книг во Франции и Голландии изданных, собранное и на греческом диалекте в шести томах в 1737 году в Венеции напечатанное.

Том первый. На российский язык перевел коллегии иностранных дел секретарь Стефан Писарев». НИОР БАН. № 31.4.29, л. 1.

Публикуется впервые

Балкан, граф С.Л. Владиславич-Рагузинский, собравший богатейшую библиотеку. (После его кончины в 1738 г. Писарев получил по завещанию часть библиотеки своего патрона).

Венецианскую книгу мог знать и ценить другой знакомец Писарева из высоких кругов — Семен Кириллович Нарышкин, которому он посвящает один из своих переводов греческой духовной литературы. Хотя это посвящение относится к позднему периоду (1773), высказывается убедительное предположение, что два ровесника — эрудированный аристократ-эллинофил и культурный чиновник при дипломатическом ведомстве уже общались в Петербурге в 1730-е гг.¹⁶ При этом Нарышкин, как известно, имел весьма близкие отношения с Елизаветой Петровной — сразу по её восшествии на престол он начинает блестящую дипломатическую карьеру.

Нельзя исключить и некую роль князя Антиоха Дмитриевича Кантемира, тоже дипломата-эллинофила и тоже ровесника Писарева, хотя сведений об их возможном знакомстве нет.

В любом случае, представляется, что именно в кругу этих молодых «русских европейцев» (в момент восхождения Елизаветы на престол им чуть более 30 лет), с их связями на Западе (при особом внимании к средиземноморским и греческим делам) и осуществился выбор венецианской книги в качестве первой биографии Петра на русском, и ими же было сформировано благожелательное мнение только что воцарившейся императрицы.¹⁷

Писарев с энтузиазмом берётся за «Житие Петра Великого». Давно замечено, что его труд — это больше, чем простой перевод. Первый исследователь этого текста пишет: «Сравнивая рукописи русского “Жития” с итальянским оригиналом и с русскими печатными изданиями, я пришёл к выводу, что “Житие” — не простой перевод *sine ira et studio*¹⁸, а до некоторой степени переделка, приносившая к потребностям и взглядам русского читателя XVIII века»,¹⁹ поясняя далее: «Такая “переделка” вместо перевода

¹⁶ Об этом см.: Кагарлицкий Ю.В. К вопросу об издании переводных религиозных книг в России XVIII века: Переводы Стефана Писарева и их издательская судьба // *Век Просвещения*. Вып. 2: *Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения: В 2 кн.* Кн. 1. М., 2008. С. 470–497.

¹⁷ В.В. Буш, убедительно предполагая, что Елизавета Петровна вряд ли сама могла указать на книгу Катифоро, категорично заявляет, что «выбор был предоставлен Писареву»; см.: Буш В.В. *Указ. соч.* С. 268. Однако думается, что в таком ответственном деле участвовали более высокопоставленные лица, нежели молодой сенатский чиновник.

¹⁸ Без гнева и пристрастия (лат.).

¹⁹ Буш В.В. *Указ. соч.* С. 263.

книги сама по себе ничего оригинального не содержит — <...> такие «переделки» были широко распространены». ²⁰

Автор этих строк, завершив, вслед за Писаревым, перевод венецианской биографии Петра, с таким форсированным выводом согласиться не может: всё-таки это была не «переделка вместо перевода», а верный добросовестный перевод, с некоторыми (редкими) изъятиями и дополнениями. Действительно, пользуясь своими знакомствами и положением при дипломатическом ведомстве, Писарев порой подключает документы (всегда с указанием источников), уточняет, комментирует. Он приспособливает терминологию Катифоро к отечественной, исправляет личные имена, топонимы, чины и звания, в которых венецианский автор иногда путался, но никаким «приноровлением к потребностям и взглядам русского читателя» елизаветинской эпохи Писарев отнюдь не занимался.

Приведём некоторые замеченные нами характерные отличия оригинала от перевода.

Катифоро в местах с церковным дискурсом для паствы Русской Православной Церкви употребляет западный, католический термин «рутену», а саму Церковь именует как Церковь Рутении, так как в католическом обиходе долго использовалось латинское обозначение Руси как *Ruthenia*. Стефан Писарев везде переводит «рутену» как «россияне», и соответственно Церковь Рутении — Российская. Иллирийцев, как тогда в Италии именовали балканских славян, входивших в юрисдикцию Римских Пап, переводчик обозначает просто как «славян». Императора Священной Римской империи Писарев титурует «цесарем Римским», а его подданных — «цесарцами», как это было принято в Московии. Катифоро часто использует звание «маршал», которого тогда в русской армии не было, и Писарев иногда по смыслу переводит это как «вождь», а иногда уточняет звание — для Б.П. Шереметева, называя его «фельд-маршал». «Вице-канцлер» П.П. Шафиров у Писарева становится подканцлером, «атаман» Мазепа — гетманом. В одном рассказе про казаков он добавляет «запорожские». Там, где Катифоро говорит о подмосковном «замке» Петра, Писарев ставит топоним — Преображенское; *Livonia* он переводит как Лифляндия и т.п.

Ряд хронологических неточностей венецианского автора, неизбежных при таком обширном труде, Писарев исправляет — например, в одном месте, где описываются европейские войны с Османской империей, 1686 год он меняет на 1688-й; в других случаях просто деликатно опускает ошибочные даты. К примеру, Второй

²⁰ Там же.

Крымский поход венецианец отнёс к 1688 г., а не к 1689-му, и Писарев ставит — «следующий Крымский поход», без даты, и т.д.

Он опустил поверхностную справку Катифоро об утверждении патриаршества на Руси, избыточную для русского читателя. Радикальную коррекцию он делает с цифрой погибших при строительстве Петербурга — у Катифоро, внесшего свою лепту в миф «города на костях» — 200 тыс., у Писарева — 20 тыс., в десять (!) раз меньше.

Особенно переводчик внимателен к сведениям о Доме Романовых, учитывая адресат своей работы. В рассказе о первом царе из этой династии, Михаиле Федоровиче, вместо ошибочного определения его отца как «патриарха» он ставит «митрополит Ростовский». Он выпускает обстоятельный биографический рассказ об Екатерине I (включая сведения о её низком происхождении), лапидарно поставив: «Сия есть достоивная жена, которая, произшедши от рода Скавронских, знатного Лифляндского Шляхетства, достигла быть Самодержавною Императрицею Всероссийскою». Там, где Катифоро ошибочно пишет, что царь Иоанн V «оставил после себя только двух дочерей», он исправляет цифру — «трех дочерей», добавляя про не упомянутую дочь: «меньшая Параскева Иоанновна в девицах скончалася»²¹. В ряде случаев, когда венецианец преждевременно называет Петра императором,²² Писарев находит близкие определения — «царь», «государь», «самодержец». Автор часто называет своего героя, ещё до официального присуждения титула, «Петром Великим», и переводчик, дабы избежать анахронизма, остроумно делает в таких случаях инверсию: «великий Петр». Фаворит Меншиков из «сын пироженщика» у Писарева становится «сыном мельника», и т.п.

В ряде случаев Писарев, как уже сказано, дополняет сюжеты Катифоро документами. Он вставляет в перевод грамоту к нидерландскому правительству (1697): «Высокомочные Господа Генеральные Статы достохвальных, превосходительных и вольных соединенных провинций!» и т.д. В одном военном эпизоде Северной войны 1702 г. он внедрил пространный текст «ведомости, присланной к великому Петру от генерала-фельдмаршала Шереметева». В описание 1705 г. включена «Ведомость о сем действии, присланная от вице-адмирала

²¹ Однако и это ошибка: после смерти матери Параскева Иоанновна тайно вышла замуж за генерала и сенатора Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова. — Сообщено Д.Ю. Гузевичем.

²² Хотя в оригинале присутствует непереводаемая тонкость: Катифоро, говоря об официальных императорах, вместо «*imperatore*» употребляет архаичную, «высокую» версию «*impeadore*».

Крейса к генералу Роману Брюсу», а в сюжете об одном дипломатическом инциденте с Англией в 1708 г. — пространный текст «речи, говоренной Посланником <Чарльзом Уитвортом>», а также «ответ от великого Петра оному Посланнику данный».

Уже после кончины Елизаветы Петровны, при Екатерине II, готовя рукопись к печати, Писарев прорабатывает свежую русскую историографию и в своих комментариях ссылается на эти более поздние источники — «В Летописце г. Ломоносова»²³ и «В российской истории, называемой Ядро»²⁴.

Однако все эти случаи лишь показывают мастерство переводчика и его прекрасное знание предмета. Он никогда не меняет ни оценки, ни структуру оригинала. Вопреки выводу В.В. Буша о «переделке» текста, Писарев, вероятно, не мог пойти на отсебятину: в конце концов, он сформировался на канцелярской работе в Коллегии иностранных дел, занимаясь переводами официальных документов, и отдавал себе отчёт в важности следования документу.

В целом обстоятельная статья В.В. Буша, посвящённая труду Писарева, страдает серьёзным изъяном: исследователь посчитал предуведомление переводчика о том, что он переводил венецианский трактат не с итальянского, а с греческого, «выдумкой», характерной для «литературных нравов XVIII века» и понадобившейся Писареву для ублажения цензоров. Полагая, что греческого перевода книги Катифоро вообще нет, Буш тщательно сравнивал русский текст с итальянским, а не с греческим, который несколько отличается.²⁵ Особенно дурную услугу эта его ошибка оказала в части, посвящённой делу царевича Алексея: Буш составляет перечень корреспонденции между Петром и царевичем, которая отсутствует у Катифоро, но наличествует у Писарева. Это позволяло последующим исследователям думать, что переводчик якобы имел доступ к делу царевича и активно им пользовался. См. к примеру, такое утверждение: «Писарев значительно дополнил книгу Катифоро фактами и документами, в частности материалами по “делу царевича Алексея”».²⁶ В действительности, он просто переводил греческий

²³ Ломоносов М.В. *Краткой российской летописец с родословием*. М., 1760.

²⁴ Хилков А.Я. *Ядро российской истории*. М., 1770.

²⁵ В.В. Буш был введён в заблуждение существованием другой греческой книги о Петре Великом, удивительным образом вышедшей в той же Венеции, в том же 1737 г. (что и греческий перевод Катифоро) — книги Афанасия Скъяды. См. подробнее об этом статью: Талалай М.Г. О переводах трактата Антонио Катифоро *Vita di Pietro il Grande* // *Петр Великий: Исследования и открытия*. Отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2022. С. 661–667.

²⁶ Николаев С.И. *Указ. соч.* С. 437.

текст, который в этой части был намного более пространным, чем итальянский...

В заключение обратимся к писаревскому тексту посвящения Елизавете Петровне, который начинается таким обращением: «Всепресветлейшая Августа всероссийская Государыня всемилостивейшая».²⁷ Из дальнейшего следует, что рукопись была преподнесена к тезоименитству императрицы, что позволяет её датировать не только годом — 1743 (который указан), но даже и днём (по крайней мере, днём «приношения») — 5 сентября ст.ст.

Переводчик включает свою рукопись в общий поток праздничных дарений к именинам: скромно сообщая, что «сие приношение хотя и всех меньшее», он тем не менее заявляет о его высокой значимости в свете преемственности Елизаветы с деяниями её отца, — «бессмертной памяти достойное имя Петра Великого вселюбезнейшего Вашего Величества государя-родителя, паче всего дражайше преславные героичные дела его Вашему Августейшеству паче всех наследственны».

Полагая, что «чадам» естественным образом свойственно горячее желание узнать «достохвальное житие своих родителей», Писарев провозглашает «коронованных родителей» Елизаветы Петровны «зерцалом всего света христианского и образом к подражанию». Он убеждён в пользе «Жития Петра Великого» и для наследника престола, племянника императрицы — «благоверного великого князя Петра Федоровича», будущего Петра III (в тот момент ему было 15 лет).

Возводя Петра на уровень великих монархов древности — Александра, Августа, Константина, Писарев напоминает об интересе самой Елизаветы Петровны к проекту: «Высочайшее Вашего Императорскому Величеству к сему бывшее соизволение, с которым сей труд мой и начал». Далее переводчик посчитал возможным напомнить о своём предыдущем переводе — «премудрых в греческом вероисповедании проповедей», тогда пребывавшем без движения у цензоров, и выразил надежду на грядущее своё «блаженство», когда дела «преславного монарха на пользу света издадутся».

Как мы знаем, «блаженство» к Писареву пришло не скоро, но «Житие Петра Великого» с той поры стало весьма востребовано, пусть первоначально и в рукописных версиях. Обескураженный неудачей с публикацией обширной историографической работы, Писарев позднее переводил преимущественно духовную литературу: это «Процветание христианской веры» анонимного грека, про-

²⁷ НИОР БАН. № 31.4.29.

2.

Богом избранной
и
Богом утвержденной.
победами и миром славнейшей,
и
Удивительной в свете
России.
всех России
всепредательнейшей,
Самодержавнейшей
великой,
и
Истинно наследной Государыне нашей
Императрице
Елизавете Петровне
Самодержице Всероссийской
всеподданнейшее прошение.

«Богом избранной и Богом утвержденной, победами и миром славнейшей и удивительной в свете героине Всея России Всепредательнейшей Самодержавнейшей Великой и истинно наследной Государыне нашей Императрице Елизавете Петровне Самодержице Всероссийской, всеподданнейшее прошение». НИОР БАН. № 31.4.29, л. 2.
Публикуется впервые

поведи Иоанна Златоуста, Василия Великого и иерусалимского патриарха Хрисанфа, «Священная история Нового и Ветхого Завета» того же Катиоро. Любопытно, что он занимался этим на посту чиновника в Сенате. Спустя двадцать лет этой деятельности он испросил разрешения на перевод в Синод, который более подходил его религиозным интересам, однако продержался там всего три года и подал прошение на возвращение в Сенат, где, получив чин статского советника в 1764 г., и закончил свою профессиональную деятельность.

На могильной плите Стефана Писарева в Александро-Невской лавре о нём говорится как о переводчике «полезных книг».²⁸ Среди них — и жизнеописание монарха-реформатора, созданное в Венеции, но достигшее, благодаря Писареву, далёкого русского читателя.

Архивные источники

1. *НИОР БАН.* № 31.4.29.

Литература

2. **Буш В.В.** «Житие Петра Великого» Стефана Писарева // *Журнал Министерства Народного просвещения.* Новая серия. Ч. LIX, окт. 1915. С. 262–291.
3. *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): В 2 вып. /* Сост. Т.С. Майкова. М.: Кругъ, 2004. (631) (655) с.
4. **[Илия Минятий].** *Поучения во Святую и Великую Четырдесятницу, то есть Велико-Постныя Недели сочиненныя, и проповеданныя Керникским и Калавертским что в Пелопонисе епископом Илиею Минятием, кефалонитянином. С греческаго, на российский язык Коллегии иностранных дел переводчиком (что ныне тояж Коллегии секретарь) Стефаном Писаревым в 1741 году переведенныя.* Т. I–II. СПб., 1759–1760.
5. **Кагарлицкий Ю.В.** К вопросу об издании переводных религиозных книг в России XVIII века: Переводы Стефана Писарева и их издательская судьба // *Век Просвещения.* Вып. 2: *Цензура и статус печатного слова во Франции и России эпохи Просвещения: В 2 кн.* Кн. 1. М.: Наука, 2008. С. 470–497.
6. **[Катифор Антоний].** *Житие Петра Великаго, Императора и Самодержца Всероссийскаго, Отца Отечества, собранное из разных Книг, во Франции*

²⁸ Изучение эпитафии поставило проблему: в ней чётко стоит год смерти С.И. Писарева — «1773», в то время как в литературе везде указано «1775». С одной стороны, дата на могильной плите вызывает большее доверие, с другой стороны, в 1774–1775 гг. продолжали выходить его переводы (возможно, что и посмертные). Для выяснения точной даты нужны дополнительные архивные поиски.

Могила С.И. Писарева на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.
Эпитафия: «Статский советник / Стефан Иванович / Писарев, послуживший / церкви переводом / полезных книг / жил 67 лет, преставился / 1773 года / мая 9 дня / и погребен на сем / месте».
Фото М.Г. Талалая, октябрь 2021

и Голландии изданных, и напечатанное в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте Италианском, а потом и на Греческом: с коего на Российской язык перевел статский советник Стефан Писарев. СПб., 1772 («К читателю», без пагинации).

7. **Ломоносов М.В.** *Краткой российской летописец с родословием.* М.: Имп. Акад. наук, 1760. [12], 75 с.
8. **Мезин С.А.** Первый биограф Петра Великого Пётр Никифорович Крекшин // *Труды государственного Эрмитажа.* Т. 43: *Петровское время в лицах — 2008: К 10-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2008): Мат-лы научн. конф.* СПб.: Изд-во ГЭ, 2008. С. 169–176.
9. **Николаев С.И.** Писарев Стефан // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2 (К-П). СПб.: Наука, 1999. С. 437–438.

10. **Пештич С.Л.** *Русская историография XVIII века*. Ч. 1. СПб.: Изд-во ЛГУ, 1961. 276 с.
11. **Талалай М.Г.** «Жизнь Петра Великого» Антонио Катифоро // *Мат-лы XII междунар. петровск. конгр. Санкт-Петербург, 31 мая — 1 июня 2019 года* / Сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, В.В. Лихачёва. СПб.: Европейский Дом, 2020. С. 45–55.
12. **Талалай М.Г.** О переводах трактата Антонио Катифоро «Vita di Pietro il Grande» // *Петр Великий: Исследования и открытия: К 350-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра в новой и новейшей истории России»*. Москва, 17–19 мая 2022 г. / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 661–667.
13. **Хилков А.Я.** *Ядро российской истории*. М.: Имп. Московск. ун-т, 1770. 420 с.
14. **Шмурло Е.Ф.** *Вольтер и его книга о Петре Великом* / Подг. текста к публ. М.В. Ковалёва и А.Е. Кулакова. СПб.: Нестор-История, 2021. 320 с.

Дмитрий Яковлевич Северюхин

*Профессор кафедры графики Высшей школы печати
и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург*

Три Академии художеств

Dmitry Y. Severyukhin

Three Academies of Arts

Аннотация: Статья посвящена строительству художественно-образовательной системы в России, которое было инициировано Петром I, получило развитие в годы правления императрицы Елизаветы Петровны и обрело законодательное оформление при Екатерине II. Шаги, предпринятые на этом пути монархами и их сподвижниками, оказали значительное влияние на европеизацию отечественной культуры, заложили основу для расцвета русского изобразительного искусства, что положительно отразилось на материальном и социальном положении художников.

Abstract: The article is devoted to the construction of an art and educational system in Russia, which was initiated by Peter I, was developed during the reign of Empress Elizabeth Petrovna, and was legislatively formalized under Catherine II. The steps taken on this path by the monarchs and their associates had a significant impact on the Europeanization of Russian culture, laid the foundation for the flourishing of Russian fine arts, positively reflected on the material and social situation of the artist.

Ключевые слова: Академия художеств, Академия наук, художник, художественное образование, Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина II.

Keywords: Academy of Arts, Academy of Sciences, artist, art education, Peter I, Elizabeth Petrovna, Catherine II.

Строительство художественно-образовательной системы, начатое при Петре I и получившее активное развитие в годы правления Елизаветы Петровны, оказало значительное влияние на европеизацию отечественной культуры, заложило основу для последовавшего расцвета русского изобразительного искусства, положительно отразилось на материальном и социальном положении художников.

В 1715 г. по инициативе Петра I при Санкт-Петербургской типографии основали Рисовальную школу. Она имела штат иностранных и русских преподавателей и располагалась в одном здании с типографией — на Троицкой площади вблизи моста Петровских ворот Петропавловской крепости (здание не сохранилось). Общее руководство заведением осуществлял цейх-директор типографии Михаил Абрамов, практическими занятиями руководил художник Григорий Адольский (Одольский), а затем его брат Иван. Школа была светским учебным заведением, нацеленным преимущественно на подготовку мастеров книжной графики. Между тем организаторы заведения мыслили его как Академию (так оно именовалось в некоторых документах); здесь учащиеся не только копировали оригиналы, но и рисовали с натуры. Сознавая ограниченные возможности школы, М.П. Абрамов планировал в 1719 г. расширить её, чтобы она «не именем только, но и делом соответствовала бы названию Академии», однако этот план не осуществился — школа прекратила существование вместе с упразднением Санкт-Петербургской типографии в 1727 г.

В 1718 г. статский советник Генрих фон Фик, один из разработчиков реформы государственного управления, подал царю доклад «об обучении молодых людей искусных из русских купеческих детей в художники, ремесленники и т.д.», на котором Петр I собственноручно наложил резолюцию «Сделать Академию, а ныне прискакать из русских, кто учен и к тому склонность имеет».¹ Сходные идеи разрабатывались и некоторыми другими деятелями Петровской эпохи, однако наиболее определённые черты обрели в докладе лейб-медика Лаврентия Блюментроста, положенного в основу Императорского «определения об Академии» от 13 января 1724 г. и проекта положения об учреждении «Академии Наук и Художеств и Университета при ней». Последний проект был утверждён императором 22 января 1724 г., а 28 января, ровно за год до его кончины, опубликован в виде Сенатского указа. Этот указ положил начало строительству Академии наук и художеств, торжественное откры-

¹ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств: 1764–1914 / Сост. С.Н. Кондаков. Ч. 1. СПб., 1914. С. 2.

тие которой состоялось 27 декабря 1725 г. (7 января 1726 г.), уже в царствование Екатерины I. Между тем новое учреждение, президентом которого стал 33-летний Л.Л. Блюментрост, а секретарём, библиотекарем и заведующим художественной частью — 35-летний Иван Данилович (Иоганн Даниэль) Шумахер, ещё долго не имело чётко прописанного регламента и штата. После смерти Петра I внимание Академии к искусству долгое время ограничивалось в основном сферой прикладного рисования да оформления увеселительных мероприятий Двора. «Две основные черты характеризуют деятельность художественного отделения Академии Наук в последующие царствования, до открытия самостоятельной Академии Художеств, — писал С.Н. Кондаков, — Это — явно служебная роль в ней искусства и преобладание иностранцев, в ущерб русскому элементу».²

Царствование Елизаветы Петровны открыло новую страницу в деле развития художественного образования. 23 сентября 1747 г. императрица подписала регламент Академии наук, возглавляемой гр. К.Г. Разумовским, в котором, в соответствии с забытым к тому времени Петровским указом, за ней закреплялось название «Академия наук и художеств», поскольку, как гласил этот документ, «к благосостоянию всякого государства науки и художества есть дело необходимо потребное».

Художественный департамент Академии, получивший, согласно регламенту, название «Академия художеств» (впрочем, редко применяемое), включил в себя Гравировальную палату (создана в 1724 г. одновременно с Академией наук как мастерская для обслуживания научных и прочих изданий) и Рисовальную палату (создана в Академии наук в 1738 г. для обучения служащих рисунку). Департамент существенно расширили, ввели новые должности архитектора, живописца, резного мастера. Фактически он стал главным государственным органом, ведавшим официальными художественными заказами и профессиональной подготовкой художников. Здесь проходили обучение служащие многих государственных учреждений России: Синода, Монетной канцелярии, Придворной конюшенной конторы, Шпалерной мануфактуры, Канцелярии от строений, Гранильной фабрики в Петергофе. В числе преподавателей были живописец И.Э. Гриммель, скульптор И.Ф. Дункер, гравёр Г.Ф. Шмидт и др.

В 1741 г. Художественный департамент Академии возглавил гравёр, картограф, медальер, «мастер фейерверков», а позже мемуа-

² Там же.

рист Якоб Штелин, уроженец Швабии, которому в то время было 32 года. Летом 1748 г. под его руководством при департаменте было создано «Совещание по делам художественным», которое собиралось раз в неделю (позже — раз в две недели и раз месяц; первое собрание состоялось 8 июня 1748 г.) и рассматривало произведения искусства, создававшиеся в Академии, проводило экзамены и аттестации учеников и подмастерьев.³

Около 1756 г. был составлен новый проект «Правил и штата» Академии художеств при Академии наук за подписью гр. К.Г. Разумовского и Я. Штелина. В первом параграфе этого документа говорилось: «Главное Академии художеств намерение в том состоит, что споспешествовать и распространять искусства, происходящие из рисовального искусства, которые без оногo не могут приведены быть в настоящее цветущее состояние, а именно, искусства: Живописное, Боссирование <лепка> и Резное <скульптура>, Гридировальное <гравюра>, Медальерное на камне и на стали, Архитектура».⁴ Согласно предполагаемому штату, ежегодные расходы на содержание Академии определялись в 3 444 рубля, включая должностные оклады «ординарных членов и профессоров».

Проект этот, однако, остался неосуществлённым, а деятельность Художественного департамента стала затухать, хотя продолжалась ещё десять лет — вплоть до его упразднения в 1766 г. по решению нового президента Академии наук гр. В.Г. Орлова. К этому времени его образовательные функции полностью перешли к основанной в 1757 г. Академии художеств. Гравировальная же палата продолжала существовать как ведомственная мастерская до упразднения в 1805 г.⁵

Скрытая причина провала Штелинского проекта состояла в том, что, с одной стороны, он не был достаточно энергично поддержан Разумовским, не желавшим видеть при Академии наук нечто вроде «художественной фабрики», а с другой — встретил противодействие соперника Разумовского в придворном стане — генерал-адъютанта И.И. Шувалова, молодого фаворита императрицы, который обладал широкими взглядами на искусство и активно проводил соб-

³ Несколько любопытных протоколов этого совещания в переводе с немецкого приведено в незаслуженно забытой публикации Д.А. Ровинского: Р-ий Д. [Ровинский Д.А.] Академия художеств до времен императрицы Екатерины II-й // *Отечественные записки*. 1855. Т. СII. (Отд. II, сент.). С. 47–58.

⁴ Р-ий Д. [Ровинский Д.А.] Указ. соч. С. 47–63.

⁵ Стецкевич Е.С. *Петербургская Академия наук и становление художественного образования в России: Рисовальная палата, 1724–1766 гг.: Автореф. дисс. канд. ист. наук*. СПб., 2001.

ственную линию в художественно-образовательной сфере. Возможно, здесь, помимо всего, сыграло роль и противостояние русской и немецкой группировок, боровшихся за влияние при Дворе. С.Н. Кондаков пишет: «<...> Штелин в 1756 году, когда И.И. Шувалов ездил за границу приглашать профессоров искусств во вновь учреждаемую Академию Художеств, составил подробно разработанный проект нового штата и правил Академии художеств при Академии Наук, даже более обширный и детальный, чем Шуваловский. Это была последняя попытка сосредоточить при Академии Наук дело насаждения художеств в России. Проект Штелина не получил осуществления, и не ему, а Шувалову принадлежит честь образования особой Академии Художеств, специально посвящённой искусствам».⁶

Решением Сената от 6 ноября 1757 г. по проекту Шувалова в Санкт-Петербурге была основана новая академия — «Академия трех знатнейших художеств», числившаяся при созданном двумя годами ранее Московском университете (в связи с этим первоначально её открытие предполагалось в Москве, но большинство приглашённых для преподавания иностранных художников соглашались на жительство только в столице). Новая Академия, в отличие от Художественного департамента Академии наук, обладала широкой автономией, а главное — пользовалась поддержкой и вниманием императрицы и приближённых к ней вельмож. Будучи заведением «партикулярным», она, тем не менее, находилась на государственном содержании. В 1757 г. из казны на неё было отпущено 6 тыс. руб. Когда в следующем году выяснилось, что эта сумма недостаточна, то по ходатайству Шувалова отпустили ещё 20 тыс. руб. из доходов портовой таможни.⁷

Первый набор учеников Академии составили 36 юношей в возрасте от 14 до 19 лет — 16 из них были переведены из Московского университета, остальных набрали в столице из солдатских семей. К 1761 г. число учеников возросло до 68. Занятия первоначально проводились в незадолго до того построенном дворце И.И. Шувалова (современный адрес: Итальянская ул., 25) под руководством там же поселившегося живописца графа Священной Римской империи Пьетро Антонио Ротари, уроженца Вероны, который приехал в российскую столицу в 1756 г. по вызову императрицы Елиза-

⁶ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств ... Ч. 1. С. 3.

⁷ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России: В 2 т. / Сост., пер. с нем. и прим. К.В. Малиновского. Т. 1. М., 1990. С. 153.

веты, пожелавшей заказать ему свой портрет.⁸ В числе других преподавателей были приглашены Н.Ф. Жилле, Л.-Ж. Ле Лоррен и Г.Ф. Шмидт. В 1758 г. Шувалов передал Академии свой дом на углу Вознесенского проспекта и речки Кривуши (нынешнего канала Грибоедова). По данным краеведа П.Н. Петрова, в течение определённого времени Академия располагалась в доме на Вознесенском проспекте, принадлежавшем кн. П.В. Хованскому — её первому хозяйственному распорядителю.⁹ С января 1759 г. занятия шли в бывшем доме гр. Г.И. Головкина на углу набережной Большой Невы (ныне Университетской) и 3-й линии Васильевского острова (ранее в этом доме по Высочайшему именному указу от 30 августа 1756 г. был учреждён первый русский государственный публичный театр под руководством актёра Ф.Г. Волкова). Вскоре к этому дому присоединили другой, размещавшийся на набережной между 3-й и 4-й линиями и принадлежавший французскому купцу Ж. Мишелю, который продал его казне за 2 000 рублей. Ранее (с 1733) этот дом принадлежал послу Священной Римской империи гр. Вратиславу Лобковицу, отдавшему его при отъезде из России Мишелю в счёт погашения долгового векселя. Позже дом Лобковица перестроили по проекту французского архитектора П.Х. Валуа и объединили с бывшим домом Г.И. Головкина. В 1765 г. к этим домам присоединили с помощью деревянных конструкций бывшее здание Адмиралтейской аптеки и типографии, переданное под нужды Академии, и включили их в строящееся новое здание Академии художеств.¹⁰ Преподаватели Академии с 1760 г. селились в доме кн. С.М. Мещерского на 7-й линии Васильевского острова, отданного им в аренду на 3 года.

Штат новообразованной академии предполагал довольно щедрую оплату преподавателям. Один из первых, французский живописец Луи-Жозеф Ле Лоррен в 1758–1759 гг. получал жалованье 1 000 рублей в год (но сверх того — за каждую картину и скульптуру отдельно), профессор 1-го класса скульптор Никола Франсуа Жилле с 1758 г. — 1 200 рублей, живописец Луи Жан-Франсуа Лагрене Старший с 1760 г. — 2 000 рублей и 350 рублей на дрова, свечи,

⁸ Бройтман Л.И. «Шуваловский квартал» // *Невский архив: Историко-краеведческий сб.* Вып. IV. СПб., 1999. С. 177–187.

⁹ Петров П.Н. *История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях: 1703–1782.* СПб., 1884. С. 583.

¹⁰ Арсеньева Е.Н. *Домовая церковь св. Екатерины в Академии художеств в Санкт-Петербурге.* СПб., 2005. С. 13.

карету и лошадей, живописец Стефано Торелли с 1763 г. — 1 500 рублей, архитектор Ж.-Б. Вален-Деламот с 1759 г. — 1 000 рублей, с 1763 г. — 1200 рублей, а позже — 1 500 рублей, гравёр Георг Фридрих Шмидт с 1761 г. — 750 рублей в год. Профессор 2-го класса гравёр Е.П. Чемесов с 1759 г. получал годовой оклад 400 рублей, а с 1763 г. — 800 рублей, К.И. Головачевский и И.С. Саблуков с 1760 г. — по 178 рублей, а с 1763 г. — по 300 рублей, профессора 3-го класса В.И. Баженов и А.П. Лосенко с 1763 г. — по 400 рублей. Архитектор и инспектор Академии художеств А.Ф. Кокоринов, фактически исполнявший должность её директора, получал 700 рублей в год.¹¹ Содержание вышеупомянутого гр. П.А. Ротари было оговорено специальным Высочайшим указом (в качестве придворного художника, вне штата Академии) и, вместе с сопутствующими расходами, оценивалось в 2 000 рублей в год.¹²

4 ноября 1764 г. взошедшая на престол (официально 6 /17 июля 1762 г.) Екатерина II даровала Академии художеств устав («Устав Императорской Академии трёх знатнейших художеств, живописи, скульптуры и архитектуры с Воспитательным при оной Академии училищем в Санкт-Петербурге»), в основу которого фактически лёг проект, представленный императрице Шуваловым годом ранее.¹³ При этом сам Шувалов, как бывший фаворит императрицы Елизаветы Петровны, был отстранён от государственных дел и вынужден выехать за границу, где провёл четырнадцать последовавших лет. Он продолжал меценатскую деятельность, присылая из Италии произведения для Музея Академии художеств.

«И, хотя вселюбезнейшею Нашею Теткой, Великой Государыней Императрицею Елисавет Петровною, — гласил Высочайший указ, — в 1758-м [в 1757-м, как было сказано выше] году заведена Императорская Академия трех знатнейших художеств, Живописи, Скульптуры и Архитектуры, с подробными к тому мастерствами, но надлежащего узаконения за кончиною Ея о том не учинено, того ради Мы оную Академию сим утверждаем и сею Нашею Привилегиею и Уставом отныне и впредь пользоваться всемилостивейше ей

¹¹ *Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования* / Под ред. П.Н. Петрова. Ч. 1. СПб., 1864. С. 14–21, 70–72; *Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России ...* Т. 1. С. 139; *Мюллер А.П. Быт иностранных художников в России.* Л., 1927. С. 75–76.

¹² **Брук Я.В.** Ротари в России // *Советское искусствознание*—78. Вып. 2. М., 1979. С. 315–325.

¹³ [Проект Шувалова] // *Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования...* С. 72–75.

дозволяем».¹⁴ День появления указа было велено считать днём основания Академии,¹⁵ которая отныне превращалась в государственное учреждение, регламентирующее художественную жизнь России, распределяющее официальные заказы и присуждающее академические звания.

По уставу состав Академии включал 12 «почетных любителей художеств — знатнейших особ», 12 «почетных членов» и 6 «советников». Для преподавательского состава и выпускников училища устанавливались чины в соответствии с Табелью о рангах: президенту Академии присуждался чин IV класса, соответствующий тайному советнику или генерал-майору в армейской иерархии, ректорам (руководителям отделений) — VI (коллежский советник или, по терминологии XVIII в., «советник в коллегиях»), адъюнкт-ректором — VII (надворный советник; соответствовал майору, полковнику-инженеру или капитану 2-го ранга во флоте; изначально давал потомственное дворянство, с 1856 — только личное), профессорам и секретарю — VIII (коллежский асессор; это соответствовало чинам капитана, ротмистра и есаула), адъюнкт-профессорам и инспекторам — IX класса (титулярный советник); «а происходящим из сей Академии художникам и мастерам при выпуске их в четвертый-на-десять класс» (регистратор при коллегиях; низший чин по Табели о рангах, имевший, однако, высокое значение для выходцев из не привилегированных сословий).¹⁶ Штат Академии художеств предусматривал должностные оклады: президенту назначалось годовое жалованье 2 200 рублей («ежели из другога места не получает»), трём ректорам — по 1 000 рублей, старшим профессорам — по 700, младшим — по 600, адъюнктам — по 400 рублей, плюс казённые квартиры, дрова и свечи.¹⁷

Всего согласно утверждённому в 1764 г. штату «на жалование разным чинам, служителям и на содержание воспитанников в Училище и учеников в Академии и пенсионеров» ежегодно отпускалось 60 000 руб. Эта сумма оставалась неизменной вплоть до 22 октября

¹⁴ Там же. С. 148.

¹⁵ Устав Императорской Академии трех знатнейших художеств, живописи, скульптуры и архитектуры с Воспитательным при оной Академии училища в Санкт-Петербурге 1764 года // Там же. С. 152–160.

¹⁶ Там же. С. 153.

¹⁷ Отметим для сравнения, что годовое жалование армейского полковника в начале царствования Екатерины II составляло 300 рублей. Подробнее см.: **Северюхин Д.Я.** Художник в Санкт-Петербурге XVIII века // *Petro primo Catharina secunda: Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы: Мат-лы VIII Междунар. петровск. конгр.* СПб., 2017. С. 379–390.

1802 г., когда император Александр I утвердил дополнительные статьи к Уставу, увеличившие годовое содержание Академии до 146 000 руб., что диктовалось увеличением штата и существенным изменением цен, вызванным в не малой степени введением бумажных денег, заменявших серебряную монету.¹⁸

Постановление академического Совета от 11 мая 1766 г. определяло: «Привилегия Императорской Академии художеств повелевает принимать художников в академики, которых академия к принятию в свое сообщество за достойных признает, как подданных Её Величества, так и иностранных; чего для по общему согласию собрания определено всех российских художников, состоящих на службе Её Императорского Величества, исключая одних крепостных, которые представят свою работу в академию и по рассмотрению найдутся достойными к принятию в академики, таковых в силу конформированной Её Императорским Величеством привилегии принимать и в дипломах давать им право и преимущество академиком, дабы они равенство с чужестранными имели».¹⁹

Первыми академиками стали В.И. Баженов, К.И. Головачевский, Г.И. Козлов, М.В. Ломоносов, Ф.С. Рокотов, И.С. Саблуков, иностранцы И.Ф. Гроот, Л. Роллан, Г.Ф. Шмидт, почётными любителями — высшие сановники и военные чины: кн. А.М. Голицын, А.В. Олсуфьев, Г.Н. Теплов, гр. Г.Г. Орлов, гр. Н.И. Панин, гр. И.Г. Чернышев. «Академического собрания почётным любителем художеств» был признан и наследник-цесаревич Павел Петрович, приславший накануне в Академию художеств собственный рисунок — копию с «головки» Франсуа Буше.²⁰ Позже в правление Екатерины II «почетными членами» и «почетными любителями» Академии художеств стали кн. Д.А. Голицын, гр. А.С. Строганов, кн. П.Н. Трубецкой, Ф. Растрелли, Э.М. Фальконе, Д. Дидро, И.Б. Лампи (старший), П. ди Гонзага, Э. Виже-Лебрен, Г.-Ф. Дуайен и др.

Важно отметить, что по Екатерининскому указу художники, исключая крепостных, выводились из податного сословия, освобождались от любых налогов и получали свободу от выполнения каких-либо государственных обязанностей. «Всех наших подданных, —

¹⁸ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств ... Ч. 1. С. 167, 171.

¹⁹ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования... Ч. 1. С. 114–115.

²⁰ Врангель Н.Н. Император Павел I // Свойства века: Статьи по истории русского искусства барона Николая Николаевича Врангеля / Сост., коммент. и подгот. текста И.А. Лаврухиной. СПб., 2001. С. 27; Записки Якоба Штеллина об изящных искусствах в России... Т. 1. С. 151, 156.

говорилось в уставе, — как ныне в Академии членов, Адъюнктов, Академиков и учеников обучающихся, так и впредь происходящих из воспитательного при Академии Училища, которые отличат себя честным и похвальным поведением и благонаравием (что паче всего прилежно рассматривать), а при том в Художестве и мастерствах окажут изрядные успехи, когда по засвидетельствованию от Собрания получат о том аттестаты, всемилоостивейше жалуем и утверждаем с их детьми и потомками в вечны роды быть совершенно свободными и вольными, и никакому правительству ни в военную, ни в штатскую Нашу службу их не принуждать, и без добровольного с ними договору ни к какой работе не приневоливать, но во всем непременно поступать с ними, как с вольными и свободными людьми; а в случаях оказывать им всевозможное защищение и вспомоществование во всей Нашей Империи».²¹

Вместе с тем вплоть до отмены крепостного права (1861) в России сохранялся тип крепостного художника. Так И.П. Аргунов — один из первых выдающихся русских портретистов — был крепостным графов Шереметевых, что, впрочем, не мешало ему получить широкую известность в Санкт-Петербурге, иметь свою мастерскую и давать уроки многим ученикам.

«Учреждение в Санкт-Петербурге Императорской Академии художеств, — писал позднее её будущий вице-президент П.П. Чекалевский (“забывший” о достижениях Елизаветинского царствования), — показывает намерение премудрой нашей Законоподательницы, чтобы изящные искусства, распространившиеся по всей Её Империи, служили побуждением к населению в сердцах Её подданных любви и добродетели: ибо с преподаванием в помянутой академии учения искусствам, совокуплено и воспитание, какого заведения ни в котором государстве еще не находится, дабы, приготавливая художников, вперить в юных их еще сердца благонаравие и склонность к добру, и тем выполнить настоящий предмет изящных искусств. С другой стороны, Великая Екатерина, изливая щедроты свои на искусства, к вящему ободрению художников постановила государственным узаконением, чтобы они пользуются званием именитого гражданина, наслаждаясь при том и разными соединенными с таковым наименованием выгодами <...>».²²

²¹ *Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования ...* Ч. 1. С. 154.

²² **Чекалевский П.П.** *Рассуждения о свободных искусствах с описанием некоторых произведений Российских художников.* СПб., 1792. С. 37–38.

Литература

1. **Арсеньева Е.Н.** *Домовая церковь св. Екатерины в Академии художеств в Санкт-Петербурге*. СПб.: Знаки, 2005. 93 с.
2. **Бройтман Л.И.** «Шуваловский квартал» // *Невский архив: Историко-краеведческий сб.* Вып. IV. СПб.: Изд. Чернышёва, 1999. 167–194.
3. **Брук Я.В.** Ротари в России // *Советское искусствознание—78.* Вып. 2. М.: Советский художник, 1979. С. 315–325.
4. **Врангель Н.Н.** Император Павел I // *Свойства века: Статьи по истории русского искусства барона Николая Николаевича Врангеля* / Сост., коммент. и подгот. текста И.А. Лаврухиной. СПб.: Журн. «Нева», Летний сад, 2001.
5. *Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России: В 2 т.* / Сост., пер. с нем. и прим. К.В. Малиновского. Т. 1. М.: Искусство, 1990. 445, [1] с.
6. **Мюллер А.П.** *Быт иностранных художников в России*. Л.: Academia, 1927. 157 с.
7. **Петров П.Н.** *История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях: 1703–1782*. СПб.: Тип. Глазунова, 1884. XXIII, 848, 246 с.
8. [Проект Шувалова] // *Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования* / Под ред. П.Н. Петрова. Ч. 1. СПб.: Академия художеств, 1864. С. 72–75.
9. **Р-ий Д. [Ровинский Д.А.]** Академия художеств до времен императрицы Екатерины II-й // *Отечественные записки*. 1855. Т. СII. (Отд. II, сент.). С. 47–63.
10. *Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования* / Под ред. П.Н. Петрова. Ч. 1. СПб.: Академия художеств, 1864. 782 с.
11. **Северюхин Д.Я.** Художник в Санкт-Петербурге XVIII века // *Petro primo Satharina secunda: Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы: Мат-лы VIII Междунар. петровск. конгр.* СПб.: Европейский Дом, 2017. С. 379–390.
12. **Стецкевич Е.С.** *Петербургская Академия наук и становление художественного образования в России: Рисовальная палата, 1724–1766 гг.: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук*. СПб., 2001.
13. Устав Императорской Академии трех знатнейших художеств, живописи, скульптуры и архитектуры с Воспитательным при оной Академии училища в Санкт-Петербурге 1764 года // *Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования* / Под ред. П.Н. Петрова. Ч. 1. СПб.: Академия художеств, 1864. С. 152–160.
14. **Чекалевский П.П.** *Рассуждения о свободных художествах с описанием некоторых произведений Российских художников*. СПб.: Тип. Сухопут. кадет. Корпуса, 1792. 231 с.
15. *Юбилейный справочник Императорской Академии художеств: 1764–1914* / Сост. С.Н. Кондаков. Ч. 1. СПб.: Р. Голике и А. Вильборг. 1914. IV, [6], 353 с.

Маргарита Фёдоровна Хартанович

*Заведующая отделом истории Кунсткамеры и российской науки XVIII века
(музей М.В. Ломоносова) музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург*

Императорская Академия наук в елизаветинское время

Margarita F. Khartanovich

Imperial Academy of Sciences in the time of Empress Elizabeth Petrovna

Аннотация: Статья посвящена истории Академии наук в период правления императрицы Елизаветы Петровны. Трудные годы формирования Академии в середине XVIII в. как государственного научного учреждения, создание научного коллектива как зарубежных, так и отечественных учёных, деятельность великого М.В. Ломоносова являются основным направлением работы. Заслугой Елизаветы Петровны в области организации науки явилось принятие Регламента 1747 г. и попытка организации Университета при Академии наук.

Abstract: The article is devoted to the history of the Academy of Sciences during the reign of Empress Elizaveta Petrovna. The difficult years of the Academy formation in the middle of the XVIIIth century as a state scientific institution, establishment of a scientific team of both foreign and domestic scientists, the activities of the great M.V. Lomonosov are the main focus of the work. The merit of Elizabeth Petrovna in the field of the organization of science was the adoption of the Regulations of 1747 and the attempt to organize the University at the Academy of Sciences.

Ключевые слова: Академия наук, Елизавета Петровна, М.В. Ломоносов, устав, Университет Академии наук, Регламент Академии наук, финансы.

Keywords: Academy of Sciences, Elizabeth Petrovna, M.V. Lomonosov, Academy's of Sciences University, Regulations of Academy of Sciences, finances.

Уже в XVIII в. Академии наук и художеств (именно так она именовалась в «Положении об учреждении Академии, составленном Л.Л. Блюментростом, лично проработанном, выправленном и одобренном императором Петром I» и действовавшим вплоть до 1747 г.) удалось встать в один ряд с крупными научными объединениями Европы. Почти всё, что было достигнуто в области науки и образования в России середины XVIII в., непосредственно исходило из Петербургской Академии наук. Очевидно, что без формирования собственной науки с соответствующими организационными структурами невозможно было развитие промышленности, транспорта, торговли, укрепления обороноспособности России и её внешнеполитических позиций.

26 ноября 1741 г. состоялась присяга Елизавете Петровне как императрице.¹ Европейские учёные, трудившиеся по договорам в Академии наук, принесли России свои международные связи и обеспечили Академии наук и художеств вхождение в мировое научное сообщество. Возникло новое профессиональное государственное научное учреждение, включённое в мировую науку, которое стало быстро приносить практическую пользу изучением природных ресурсов и населения России. Так, участники Великой Северной экспедиции (1733–1743) провели съёмки морского побережья Сибири, проложили морские пути к северо-западным берегам Америки и Японии, занимались изучением флоры и фауны Восточной Сибири. С.П. Крашенинников и Г.В. Стеллер были пионерами систематического изучения Камчатки, Аляски и Алеутских островов.

Публикации экспедиционных материалов в трудах И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера и И.Э. Фишера открыли европейским учёным малоизвестные территории. Мировую науку обогатили также 62 уникальные географические карты обследованных районов. Был изучен их животный и растительный мир, выявлены полезные ископаемые, описаны история, этнография, хозяйственная деятельность живших там народов и начато изучение их языков.

Учёные совместно с моряками выяснили вопрос о проливе между Азией и Америкой и о северо-восточных рубежах России, определили положение Японских и Курильских островов. Академик Ж.Н. Делиль, возглавлявший Географический департамент, подготовил профессиональных геодезистов и картографов для будущей триангуляционной сети России, дважды измерил базис, проложенный по льду Финского залива. Многолетняя работа в области кар-

¹ *Летопись Российской Академии наук: В 3 т. Т. 1: 1724–1803.* СПб., 2000. С. 271.

тографии завершилась созданием в 1745 г. первого «Атласа Российской империи».

Середина 1740-х гг. была отмечена важными для Академии наук событиями. 21 мая 1746 г. президентом Академии наук был назначен К.Г. Разумовский, человек влиятельный, дипломатичный и доброжелательный, который не всегда следовал линии И.Д. Шумахера.

Следующем шагом к урегулированию положения в Академии наук стало создание первого Регламента. К созданию документа не был привлечён ни один из академиков. Его авторами являлись Разумовский, Шумахер и Г.Н. Теплов. В создании регламента мог участвовать М.В. Ломоносов, но он также не был приглашён. Елизавета Петровна подписала Регламент 24 июля 1747 г.²

Главным критиком и обличителем Регламента стал именно М.В. Ломоносов. Прежде всего возражения касались огромной власти, данной президенту. В § 12 говорилось, что «Президент имеет совершенную власть выписать или отпустить надлежащим порядком всякого академика». В § 10 отмечалось, что «<...> определение им <академиком> жалования отдается на волю и рассуждение президента». Президент мог издавать указы именем Её Императорского Величества.

В Регламенте (§ 13) была сделана робкая попытка к русификации Академии наук. В разделе о требованиях к адъюнктам сказано, что следует «стараться, чтобы адъюнкты были все из русских». Однако общий перевес иностранцев в Академии наук сохранялся. О публичных собраниях, где в прежнее время звучала только латынь, указано, что один оратор должен читать доклад на латинском языке, а другой на русском.

Печальное событие постигло Академию наук в декабре 1747 г. В ночь на 5 декабря произошёл большой пожар, почти целиком уничтоживший находящуюся в башне Кунсткамеры астрономическую обсерваторию, уникальный Готторпский глобус, коллекции и экспонаты Кунсткамеры. Правление Академии действовало оперативно. В соседних домах распределили Библиотеку и уцелевшие коллекции Кунсткамеры, подготовили дом для университетских лекций и для проживания студентов, построили сарай, в котором велась реставрация Готторпского глобуса. В Обсерватории установили уцелевшие приборы и 3 июля 1748 г. провели наблюдение солнечного затмения, а 29 июля — лунного. 14 июля 1748 г. в

² Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, 1747 г. // *Уставы Академии наук СССР*. М., 1974. С. 40–61.

Петербурге и Ораниенбауме проводилось наблюдение солнечного затмения. По приглашению Ж.Н. Делиля было разослано «Обращение к астроному о кольцеобразном солнечном затмении 25 июля 1748 г.». Наблюдения проводились на башне астрономической обсерватории, только что восстановленной после пожара 5 декабря 1747 г. Елизавета Петровна вместе с придворными наблюдала затмение в Ораниенбауме.³

Не до конца оценённым явлением в русской культуре середины XVIII в. является фигура Михаила Васильевича Ломоносова с его фантастической биографией. Сама жизнь Ломоносова произвела ошеломляющее впечатление стремительностью взлёта «архангельского мужика» к вершинам современной ему науки.⁴ Признанным всеми деятелями русской науки был его энциклопедизм, позволявший профессионально разрабатывать широкий круг естественно-научных, технических и социально-гуманитарных проблем.

Ломоносов ощущал значительную поддержку правительства. Елизавета Петровна ценила его не только как поэта, автора од, но и как блестящего химика. 1 июля 1746 г. она подписала указ о необходимости построить для Академии наук Химической лаборатории.⁵

Научные работы Ломоносова, его выступления на заседаниях Академии наук, их публикация на русском языке и издание учебников объективно послужили внедрению рационализма в русскую культуру. В этом отношении заслуги Ломоносова невозможно переоценить.

Правительство Елизаветы Петровны было заинтересовано в изучении просторов России. 5 апреля 1753 г. вышел указ об отправлении Ф.-Л. Елачича в Москву, в Сибирский приказ для воссоединения с торговыми караванами в Китай,⁶ а 13 ноября 1761 г. по указу Елизаветы Петровны Канцелярия Академии наук распорядилась отправить в Иркутск, Якутск и Нерчинск две астрономические экспедиции для наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца.

Академия наук и художеств выделила из своих недр в 1757 г. Академию художеств. Возникновение последней прямо связано с деятельностью академических Художественных палат, к которым относились Гравировальная, Рисовальная, Ланкартно-словорезная,

³ Харганович М. Ф. и др. *Летопись Кунсткамеры: 1714–1836*. СПб., 2014. С. 211.

⁴ Карпеев Э. П. О роли М. В. Ломоносова в русской культуре // *Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках*. СПб., 2003. С. 73.

⁵ Харганович М. Ф. и др. *Указ. соч.* С. 327.

⁶ Там же. С. 234.

Пунсонная, Инструментальная, Оптическая, Фигурная, Словолитная, Переплётная, Токарная и Слесарная. Этот комплекс палат, или мастерских, стал кузницей отечественных мастеров и художников-приборостроителей, оптиков, гравёров, рисовальщиков.

Правительственная политика в середине XVIII в. сыграла направляющую роль в формировании русской науки и культуры. Благодаря поддержке правительственных кругов Елизавета Петровна на протяжении всего своего правления смогла поддержать традиции в области развития Академии наук, заложенные её отцом — Петром I.

Литература

1. **Карпеев Э.П.** О роли М.В. Ломоносова в русской культуре // *Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках*. СПб.: Наука, 2003. С. 73–82.
2. *Летопись Российской Академии наук: В 3 т. Т. 1: 1724–1803*. СПб.: Наука, 2000. 994 с.
3. Регламент Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, 1747 г. // *Уставы Академии наук СССР*. М.: Наука, 1974. С. 40–61.
4. **Харганович М.Ф. и др.** *Летопись Кунсткамеры: 1714–1836*. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 740 с.

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЕЛИЗАВЕТИНСКУЮ ЭПОХУ

Александр Николаевич Акиншин

Председатель Воронежского историко-культурного общества, Воронеж

Воронежские имения елизаветинских вельмож
Романа Илларионовича Воронцова
и Александра Борисовича Бутурлина

Aleksandr N. Akinshin

Chairman of the Voronezh Historical
and Cultural Society
Voronezh estates of Elizabethan nobles
Roman Illarionovich Vorontsov
and Alexander Borisovich Buturlin

Аннотация: Статья посвящена истории возникновения и заселения имений графа А.Б. Бутурлина (сл. Бутурлиновка) и графа Р.И. Воронцова (сл. Воронцовка, Александровка, Семёновка) на реке Осередь на северной окраине Шипова леса. Земли в Добренском (впоследствии Павловском) уезде Воронежской губернии приобретены Воронцовыми у местных однодворцев и заселены приглашёнными на определённых условиях малороссиянами (черкасами). Рассмотрена последующая жизнь крупных помещичьих латифундий: Воронцовки до 1917 г., Бутурлиновки до рубежа 1830–1840-х гг., когда её жители были освобождены от крепостной зависимости по указу о вольных хлебопашцах.

Abstract: The article is devoted to the history of the origin and settlement of the estates of Count A.B. Buturlin (settlement Buturlinovka) and Count R.I. Vorontsov (settlement Vorontsovka, Aleksandrovka, Semenovka) on the Osered River on the northern outskirts of the Shipov forest. The lands in the Dobrensky (later Pavlovsky) district of the Voronezh province were acquired by the Vorontsovs

from local *odnovorets* and settled by Malorussians (Cherkassians) invited on certain conditions. The subsequent life of large landowners' *latifundia* is considered: Vorontsovka until 1917, Buturlinovka until the turn of the 1830s — 1840s, when its inhabitants were freed from serfdom by the decree on free farmers.

Ключевые слова: Бутурлины, Воронцовы, землевладение, малороссияне, вольные хлебопашцы.

Keywords: Buturlins, Vorontsovs, land ownership tenure, MaloRussians, free farmers.

В Воронежской области шесть населённых пунктов до сего дня носят названия, отсылающие к именам и фамилиям государственных деятелей времён императрицы Елизаветы Петровны. Это сёла Александровка и Воронцовка Павловского района, село Семёновка Калачеевского района, районный центр город Бутурлиновка, сёла Дмитриевка и Елизаветино Бутурлиновского района. Ключевыми для нашего сюжета являются Бутурлиновка и Воронцовка. Первоначально они имели статус слобод и появились в середине XVIII в. История возникновения Бутурлиновки с окрестными селениями и Воронцовки (Александровка и Семёновка связаны с нею общей историей) долгое время воспринималась традиционно: земли подарены Елизаветой Петровной своим вельможам Александру Борисовичу Бутурлину (1694—1767) и Роману Илларионовичу Воронцову (1717—1783).

Обстоятельства появления крупного земельного массива в верховьях реки Осереда в руках А.Б. Бутурлина в полной мере не выявлены. Это связано в первую очередь с отсутствием семейного вотчинного архива, аналогичного воронцовскому. Ревизские сказки по имениям Бутурлиных отсутствуют полностью, кроме четвёртой ревизии 1782 г. При этом особой ценности следовало ожидать от материалов второй (1743—1747) и третьей (1762—1767) ревизий, в которых могла быть отражена история заселения земель. Дата елизаветинского указа о пожаловании земель А.Б. Бутурлину остаётся неизвестной. Наиболее вероятно, что это произошло в середине — второй половине 1740-х гг., когда на А.Б. Бутурлина посыпался град царских милостей: в 1747 г. пожалован в генерал-адъютанты, в 1749 г. — в подполковники Преображенского полка, в 1751 г. награждён орденом св. Андрея Первозванного.

Мемуарист Михаил Дмитриевич Бутурлин так писал о своём прадеде: «Сверх почестей она [Елизавета Петровна] наградила его 40 000 десятинами в Воронежской губернии Бобровского уезда; на

этих землях поселились мало-помалу от 10 до 12 тысяч малороссийских выходцев».¹ Ещё 40 тысяч десятин сам Александр Борисович Бутурлин или его сын могли купить у однодворцев Добренского уезда (детали покупки неизвестны). Позднее семейные владения оценивались в 80 тысяч десятин (что составляет немногим менее половины современного Бутурлиновского района). Подаренные и купленные земли локализуются на левом берегу реки Осередь, притока Дона, и примыкают с юга к Шиповой дубраве. При этом ниже по течению Осереды уже обитало великорусское население в сёлах Гвазда, Клеповка и Пузево, на северной окраине Шипова полвека существовало село Верхние Острожки (Козловка). Безусловно, слобода не могла появиться сразу же после приобретения земель, по крайней мере, в «Атласе российском, состоящем из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями» (СПб., 1745), она ещё не показана. Самое раннее упоминание о приобретении земель сыном А.Б. Бутурлина Петром относится к 1759 г., когда он приобрёл у помещика Добренского уезда С.И. Фролова 20 десятин земли.²

Традиционно считается, что населявшие бутурлинские земли малороссы были выходцами с Полтавщины. Так возникла слобода Петровская, затем названная Бутурлиновкой. Первые упоминания о численности поселённых на землях сына основателя слободы, П.А. Бутурлина (1734—1789), относятся к июню 1782 г., когда в его владениях проходила четвёртая ревизия.³ Помимо самой Бутурлиновки, в этот момент существовали сёла Васильевка, Колодеевка и Толучеево, и хутора Бражников, Великий, Кучерявый, Макогонов, Патокин, Сериков, Терехов, Хорольский — в общей сложности 2583 двора и 13315 душ обоего пола.

В 1782—1783 гг. у жителей Бутурлиновки (их интересы представлял управляющий имением Андрей Зацепин) возник конфликт из-за пастбищ на правом берегу Осереды, у Шипова леса, с однодворцами соседнего села Козловки, истоки которого восходили к середине 1760-х гг.⁴ В 1785 г. поверенный П.А. Бутурлина претендовал на то, чтобы «для сбережения казённого Шипова леса» туда были назначены объездчики не только от однодворцев соседних сёл, но и от черкас сл. Бутурлиновки.⁵ В 1794 г. Граф Дмитрий

¹ *Записки графа М.Д. Бутурлина*. Т. 1. М., 2006. С. 15.

² ГАВО. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 287. Л. 10.

³ Там же. Д. 136. Л. 1—299.

⁴ Там же. Ф. И-263. Оп. 1. Д. 32. Л. 4-9.

⁵ Там же. Д. 74.

Петрович Бутурлин (1763—1829) безуспешно пытался расширить свои владения за счёт земельных угодий однодворцев села Гвазды.⁶

По ревизии 1795 г. в Бутурлиновке значится 7509 душ мужского пола черкас и 41 ревизская душа великороссов, помимо этого — в Колодеевке 98 душ мужского пола и в Толучеевке 59 душ мужского пола великороссов. Ряд хуторов отдельно не упомянуты, их жители включены в число бутурлиновцев. Итого за графом Дмитрием Петровичем числились 15414 душ обоего пола.⁷ Численность населения мало менялась к началу XIX в.: 1425 дворов, помещичьих крестьян 61, подданных черкас 7622 души мужского пола.⁸

Бутурлины редко бывали в своём воронежском имении (хотя в самой слободе ещё с 1770-х гг. имели дом), доверив управление полковнику Лизандеру, а с 1816 г. — И.А. Кавецкому, затем В.С. Мирец-Имшенецкому, потом А.Ф. Дербергу. Семья провела в Бутурлиновке зиму 1812 г., когда калужское село Белкино оказалось на театре военных действий, а московский дворец сгорел. Помимо Д.П. Бутурлина, его жены и детей, в имении в этот момент оказались графиня Елизавета Петровна Чернышёва с дочерьми Софьей и Александрой (впоследствии жена декабриста Никиты Муравьёва), Елизавета Ивановна Нарышкина с дочерью Софьей. Барский дом был «одноэтажный и деревянный, но очень вместительный, с ротондой или круглым фонарём на крыше. Фонарь этот носил название бельведера и был в то время в большом употреблении даже в городских постройках. А что до бутурлиновского бельведера, то навряд ли приходило кому-нибудь желание взобраться на эту высоту, чтобы полюбоваться непривлекательной панорамой голой степи. В цветнике, при самом спуске в сад, наделаны были из дерновых пластов затейливым садовником-немцем вензеля наших родителей».⁹

Потерявший при нашествии Наполеона своё громадное книжное собрание и номинально числившийся директором Эрмитажа, граф Д.П. Бутурлин с семьёй (жена Анна Артемьевна, урождённая графиня Воронцова, дети Петр, Михаил, Мария, Елизавета и Елена) в 1817 г. поселился во Флоренции. В 1829 г., при очередном представлении имения в залог, было составлено его описание: 11291 ревизская душа, 78285 десятин пашни, 16916 десятин сенокос-

⁶ Там же. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 287. Л. 1—3, 10—11об.

⁷ Там же. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 173. Л. 212.

⁸ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18669. Л. 5; Д. 18672. Л. 11.

⁹ Записки графа М.Д. Бутурлина. Т. 1. С. 39.

са, 5675 десятин под поселениями, 5776 десятин неудобий, 1025 десятин леса.¹⁰ Сама слобода Бутурлиновка делилась на три части, названия которых сохраняются и ныне: Березовская, Красная и Нижняя.

После смерти главы семейства, 14 февраля 1833 г. был утверждён раздел владений. Вдове на её одну седьмую часть было выделено 2596 душ мужского пола в слободе Васильевке и хуторах, оценённых в 916 658 рублей. Незамужней дочери Елене на одну четырнадцатую часть выделено 1116 душ мужского пола с центром в хуторе Филиппенково, оценённых в 395 354 рубля. Вся слобода Бутурлиновка (5611 душ мужского пола, из них около 700 дворовых на господском содержании) и окрестные хутора (ещё 1968 душ мужского пола) достались старшему сыну Петру Дмитриевичу. Его владения были оценены в 2 684 936 рублей. Младшему сыну Михаилу достались костромские имения и дом во Флоренции. И хотя всё воронежское имение оценивалось в 4054 тысячи рублей, над ним висел долг Опекунскому совету в 2650 тысяч рублей. 77 868 десятин земли должны были разделить позднее пропорционально численности крестьян.¹¹ По словам мемуариста, имение его брата давало 32 тысячи рублей годового дохода.

В 1837 г. Елена Дмитриевна продала свою часть имения старшему брату за 380 тысяч рублей.¹² Постепенно у Анны Артемьевны и Петра Дмитриевича Бутурлиных созрело желание освободить крепостных на основе закона 1803 г. По этому закону помещики имели право предложить крестьянам выкупиться на волю с землёй за договорную цену. Пример подала Анна Артемьевна, освободившая в январе 1838 г. 5918 душ обоего пола с 15 тысячами десятин земли за 1 213 190 рублей ассигнациями. Единновременно бутурлиновцы внесли графине 138 215 рублей. За выплатой 656 174 рублей Московскому опекунскому совету (в течение 37 лет с процентами) ей оставалось 418 800 рублей с уплатой в четыре года.¹³

В 1842 г. примеру матери последовал Петр Дмитриевич. Он освободил 24 тысячи душ обоего пола (из них в самой Бутурлиновке — 16 тысяч) с 62 тысячами десятин земли за 1 430 645 рублей серебром. За выплатой долга Московскому опекунскому совету в

¹⁰ ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 1474. Л. 1–3.

¹¹ Там же. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 1583; Бунеева Е.Н. *Крупное помещичье хозяйство в конце XVIII–первой половины XIX вв.* Воронеж, 2002. С. 36–38; *Записки графа М.Д. Бутурлина*. Т. 1. С. 324.

¹² ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 1810; Бунеева Е.Н. *Указ. соч.* С. 46–47.

¹³ ГАВО. Ф. И-167. Оп. 1. Д. 1815. Л. 2–5; Бунеева Е.Н. *Указ. соч.* С. 53–55.

959 440 рублей серебром оставшуюся сумму надлежало выплатить графу в течение пяти лет.¹⁴

Таким образом, в течение пяти лет Бутурлины освободили 30 тысяч крепостных обоего пола, что позволило Воронежской губернии оказаться на первом месте в Российской империи по числу вольных хлебопашцев. Кстати сказать, этот закон был принят Александром I в 1803 г., и лишь историческим беспамятством можно объяснить тот факт, что 3 мая 1912 г. бутурлиновцы открыли «самый лучший и ценный» в губернии памятник Александру II, отлитый по модели скульптора А.М. Опекушина. На пьедестале была надпись: «Благодарные крестьяне сл. Бутурлиновки 1861–1911 гг.»,¹⁵ хотя Александру II жители слободы ничем не были обязаны. Разрушенный после революции, монумент изготовлен вновь и установлен на прежнем месте в 2014 г.

В дальнейшем слобода превратилась в один из центров кожевенного производства, в 1917 г. приобрела статус города. В 2017 г. в центре города открыт бюст Александра Борисовича Бутурлина работы скульптора Максима Дикунова.

Воронцовка находится на том же левом берегу реки Осередь в 25 верстах от Бутурлиновки в сторону Павловска. Ситуация с основанием Воронцовки более изучена, поскольку сохранился большой личный архив Воронцовых в РГАДА и в ОПИ ГИМ (в 40-томный «Архив князя Воронцова» хозяйственные документы не вошли). Один из священников воронцовской церкви в полном соответствии с тогдашними представлениями основание слободы излагал так: «Один из предков рода князей Воронцовых граф Роман Иларионович за разные заслуги по военной и дипломатической должностям Импер[атрицей] Елизаветою Петр[овной] награжден был в Добренском уезде на реке Осереде, недалеко от Павловской крепости, землю в количестве до 30.000 дес., со всеми угодьями и лугами, на ней находящимися».¹⁶ Священник же Покровской церкви сл. Александровки И. Сергиев, повествуя о повседневной жизни слободы и

¹⁴ Бунеева Е.Н. *Указ. соч.* С. 67–76.

¹⁵ Литвинов В.В. Памятники императору Александру II, открытые в Воронежской губернии // *Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 г.* Воронеж, 1915. Отд. IV. С. 35–36.

¹⁶ С.-овъ. Слобода Воронцовка (Павловского уезда) // *Воронежские епархиальные ведомости.* 1872. № 7. С. 301. В целом эта статья очень интересна в этнографическом и демографическом плане. Она опубликована в четырёх номерах газеты (№ 7. С. 300–308; № 8. С. 335–352; № 9. С. 385–395; № 10. С. 433–438).

своего храма, вообще обошёл вниманием ранний период её истории.¹⁷

Однако московский историк Н.П. Воскобойникова документально установила, что земли, на которых расположена слобода, Роман Илларионович Воронцов стал приобретать у однодворцев Добренского уезда с 1751 г. Первую просьбу узаконить покупку Роман Илларионович подал Елизавете Петровне 22 ноября 1756 г. Основание Воронцовки Н.П. Воскобойникова отнесла к 1757 г.¹⁸ Уже в 1758 г. в слободе строится деревянная церковь во имя святых Захария и Елизаветы. Воронцовка росла очень быстро, уже в 1759 г. в ней насчитывалось двести дворов.¹⁹ Граф стремится расширить владения, обязав управляющего приобретать все земли, продающиеся в окрестностях, и не гнушаясь захватывать свободные, ещё не заселённые земли — во второй половине XVIII в. только шло освоение южных уездов Воронежского края.

«Накликанные» на эти земли, а иногда жившие здесь прежде вольные украинские переселенцы (черкасы) из западной части Воронежской, Курской, Киевской, Харьковской и Черниговской губерний заключали договор на определённых условиях: денежный и натуральный оброк, выполнение работ по экономии, но с правом перехода к другому владельцу. По ревизии 1763 г. значилась, помимо Воронцовки, уже и Александровка, «подданные черкасы» платили владельцу по 44 копейки в год. Малороссияне имели своё мирское самоуправление, которое возглавлял избираемый на один год атаман, владелец назначал также управителя, первым из них был Алексей Слесарев.²⁰

Крестьянские волнения 1766 г. были вызваны слухами о переводе черкас в дворцовое ведомство, они были подавлены военной силой под командованием воронежского губернатора А.М. Маслова в феврале 1767 г. 13 февраля 1767 г. черкас вынудили дать подписку «быть им за графским сиятельством в подданстве и послуша-

¹⁷ **Сергиев И.** Слобода Александровка (Павловского уезда) // Там же. 1886. № 12. С. 491–504; № 20. С. 772–779; № 21. С. 785–799.

¹⁸ **Воскобойникова Н.П.** К истории слободы Воронцовки Павловского уезда Воронежской губернии с середины XVIII по XIX век // *Воронцовы — два века в истории России: Труды Воронежского общества*. Вып. 5. СПб., 2000. С. 39–40; **Она же.** Первые страницы жизни слобод Воронцовки и Александровки Добренского уезда // Там же. Вып. 9. Петушки, 2004. С. 33–35.

¹⁹ **Воскобойникова Н.П.** К истории имения графов Воронцовых в Павловском уезде Воронежской губернии // *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронежского общества*. Вып. 6. Петушки, 2001. С. 43.

²⁰ *ГАВО*. Ф. И-6. Оп. 3. Д. 12.

нии».²¹ Незначительно повысив оброк, кое в чём А.Р. Воронцов пошёл на уступки: в слободе прекращено скотоводство и все выпасы отданы жителям. Население занималось хлебопашеством, промыслами, связанными с обработкой дерева, торговлей. В 1770–1772 гг. в Воронцовке был построен деревянный господский дом по проекту владимирского губернского архитектора Николая Петровича фон Берха, который распланировал и господский парк. Чуть позднее в имении упоминаются плодовый и виноградный сады, винокуренный и конный заводы. В 1780-е гг. был построен каменный дом, а в деревянном разместилась вотчинная контора и управляющий имением. Со временем деревянные церкви уступили место каменным. В 1797–1808 гг. на главной базарной площади была выстроена Введенская церковь с приделами св. Захарии и Елизаветы, и архангела Михаила (в эту церковь во время своего приезда в 1849 г. М.С. Воронцов подарил икону Иисуса Христа в окружении 12 апостолов в серебряной ризе с драгоценными камнями), в 1805–1822 гг. — Зачатьевская церковь и, наконец, в 1822–1844 гг. — Петропавловская церковь.²²

После смерти отца владельцем всех воронежских имений стал Александр Романович (1741–1805). По ревизии 1795 г. в Воронцовке 82 души мужского пола великороссов и 3675 мужского пола черкас, в Семеновке — 1614 мужского пола черкас, в Александровке — 2416 мужского пола черкас, всего примерно 15 тысяч 600 человек обоего пола.²³ Земли насчитывалось около 45 тысяч десятин. Воронцовка и Александровка были отмечены Е.А. Болховитиновым в числе примечательных населённых пунктов Воронежской губернии.²⁴

В 1805 г. император Александр I пожаловал Воронцовым три тысячи десятин казённого Шипова леса, прилегающего к Воронцовке. По 9-й ревизии в 1850 г. в Воронцовке имелось 1846 дворов, проживали 4806 мужчин и 5045 женщин, в Александровке — 2406 душ мужского пола и 2466 душ женского пола, в Семеновке — 665 душ мужского пола и 733 души женского пола, а всего со

²¹ **Воскобойникова Н.П.** Волнения в малороссийских слободах Воронежского уезда в 1767–1768 гг.: Хроника событий // *Из истории воронежского края*: Сб. статей. Вып. 8. Воронеж, 2000. С. 40.

²² **Димитрий (Самбкин), архим.** *Указатель храмовых празднеств Воронежской епархии*. Вып. I–IV. Воронеж, 1884–1886. Вып. I. С. 269–272; Вып. II. С. 98; Вып. IV. С. 59.

²³ *ГАВО*. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 173. Л. 362.

²⁴ **Болховитинов Е.А.** *Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии*. Воронеж, 1800. С. 122.

всеми хуторами в имении было 9783 ревизские души и 10201 женщин.²⁵

В канун отмены крепостного права Воронцовы владели примерно 22 тысячами душ, из которых половина проживала в Воронцовке. Село было самым крупным в Павловском уезде, но значительно уступало соседней Бутурлиновке в Бобровском уезде и Алексеевке графа Д.Н. Шереметева в Бирюченском уезде. Помимо трёх слобод, в имение входили деревня Садовая, хутора Данильский, Гаврильский, Юнаков, Арнаутов, Пирогов, Морозов, Шляховский и Россоватский.

Надо сказать, что все Воронцовы, за исключением брата бездетного Александра Романовича, Семёна Романовича, часто бывали в Воронцовке и уделяли большое внимание ведению хозяйства и благоустройству слободы, о чём свидетельствуют их многочисленные инструкции управляющему имением. Кстати сказать, уже в конце XVIII в. в Воронцовке была устроена богадельня на господском содержании. В 1800 г. было основано училище для обучения крестьянских детей ремёслам, а в 1820 г. Михаил Семёнович учредил в Воронцовке ланкастерское училище для обучения грамоте детей.²⁶

В 1829–1830 гг. в Воронежских губернских присутственных местах долго тянулось дело по жалобе крестьянина Боровикова о жестоком обращении управляющего имением майора Б.И. Геске с жителями Воронцовки: четыре человека умерли после наказаний, один сошёл с ума.²⁷ В 1834 г. по просьбе М.С. Воронцова его воронежское имение становится майоратом «с оставлением навсегда во владении его сиятельства наследников его в полном составе без дробления и отчуждения». Этнографическим особенностям повседневной жизни жителей слободы посвящена обширная анонимная статья в одном из первых местных альманахов.²⁸

После смерти в 1856 г. Михаила Семёновича майорат перешёл к его сыну Семёну Михайловичу (1823–1882). При выходе из крепостной зависимости крестьяне Воронцовки отвергли весьма разумное предложение помещика о выкупе высшего земельного надела (4 дес.) и вышли на бесплатный дарственный надел (1 дес. на душу).

²⁵ ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 469. Л. 1230–1233; Д. 475. Л. 1635–1638.

²⁶ С.-овъ. Указ. соч. // *Воронежские епархиальные ведомости*. 1872. № 10. С. 433–438.

²⁷ ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 940.

²⁸ Свадебные обряды малороссиян слободы Воронцовки Павловского уезда // *Воронежская беседа на 1861 год*. СПб., 1861. 2-я паг. С. 167–178.

Сорок лет спустя жители слободы, лишившиеся доходов из-за резкого падения спроса на свою продукцию (колёса, телеги, тарантасы, сундуки и другие изделия из дерева) и нуждавшиеся в пашне, безуспешно пытались приобрести 10 тысяч десятин земли у новых владельцев имения (не сошлись в цене).²⁹ После смерти бездетного князя Семёна Михайловича имение унаследовал его племянник по женской линии Михаил Андреевич Шувалов (1850–1903), получивший по повелению императора Александра III титул «светлейший князь Воронцов, граф Шувалов». В 1903 г. и он умер, не оставив потомства. Последней хозяйкой воронцовских земель стала его сестра, графиня Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова (1845–1924), жена влиятельного царедворца Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова. В канун революции в Воронцовке проживало около 17 тысяч человек.

Воронцовка в 1928–1962 гг. была центром одноимённого района Воронежской области. Ныне это самое крупное село в Павловском районе с населением более пяти тысяч человек. Церкви и дом Воронцовых не сохранились, уцелело лишь двухэтажное здание волостного правления и несколько каменных жилых домов, не сохранилась церковь и в Александровке.³⁰

Бутурлиновка и Воронцовка не были имениями, предназначенными для постоянного проживания владельцев. Они воспринимались Бутурлиновыми и Воронцовыми как экономии, способные приносить им существенный доход.

Архивные источники

1. *ГАВО*. Ф. И-14. Оп. 1. Д. 287, 136; Ф. И-18. Оп. 1. Д. 173, 469, 475; Ф. И-30. Оп. 1. Д. 940; Ф. И-167. Оп. 1. Д. 1474, 1583, 1810, 1815; Ф. И-263. Оп. 1. Д. 32, 74;
2. *РГВИА*. Ф. ВУА. Д. 18669, 18672.

Литература

3. **Болховитинов Е.А.** *Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии*. Воронеж: Тип. Губернского правления, 1800. [5], 225 с.
4. **Бунеева Е.Н.** *Крупное помещичье хозяйство в конце XVIII– первой половины XIX вв.* Воронеж, 2002. 181 с.

²⁹ **Карпачёв М.Д.** Эпизод из жизни крестьян слободы Воронцовки // *Из истории воронежского края: Сб. статей*. Вып. 24. Воронеж, 2017. С. 52–62.

³⁰ **Кригер Л.В.** *Павловская летопись: Осенние времена*. Воронеж, 2011. С. 40–43, 54–60.

5. **Воскобойникова Н.П.** Волнения в малороссийских слободах Воронежского уезда в 1767–1768 гг.: Хроника событий // *Из истории воронежского края: Сб. статей.* Вып. 8. Воронеж, 2000. С. 57–63.
6. **Воскобойникова Н.П.** К истории имения графов Воронцовых в Павловском уезде Воронежской губернии // *Воронцовы — два века в истории России: Труды Воронежского общества.* Вып. 6. Петушки, 2001. С. 42–52.
7. **Воскобойникова Н.П.** К истории слободы Воронцовки Павловского уезда Воронежской губернии с середины XVIII по XIX век // Там же. Вып. 5. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 39–47.
8. **Воскобойникова Н.П.** Первые страницы жизни слобод Воронцовки и Александровки Добренского уезда // Там же. Вып. 9. Петушки, 2004. С. 31–43.
9. **Димитрий (Самбкин), архим.** *Указатель храмовых празднеств Воронежской епархии.* Вып. I–IV. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1884–1886. Вып. I. С. 269–272; Вып. II. С. 98; Вып. IV. С. 59.
10. *Записки графа М.Д. Бутурлина.* Т. 1. М.: Любимая книга, Русская усадьба, 2006. 651 с.
11. **Карпачёв М.Д.** Эпизод из жизни крестьян слободы Воронцовки // *Из истории воронежского края: Сб. статей.* Вып. 24. Воронеж, 2017. С. 52–62.
12. **Кригер Л.В.** *Павловская летопись: Осенние времена.* Воронеж: Творческое объединение «Альбом», 2011. 128 с.
13. **Литвинов В.В.** Памятники императору Александру II, открытые в Воронежской губернии // *Памятная книжка Воронежской губернии на 1915 г.* Воронеж, 1915. Отд. IV. С. 33–42.
14. **С.-овъ.** Слобода Воронцовка (Павловского уезда) // *Воронежские епархиальные ведомости.* 1872. № 7. С. 300–308; № 8. С. 335–352; № 9. С. 385–395; № 10. С. 433–438.
15. **Сергиев И.** Слобода Александровка (Павловского уезда) // Там же. 1886. № 12. С. 491–504; № 20. С. 772–779; № 21. С. 785–799.
16. Свадебные обряды малороссиян слободы Воронцовки Павловского уезда // *Воронежская беседа на 1861 год.* СПб., 1861. 2-я паг. С. 167–178.

Игорь Михайлович Гостев

*Заведующий отделом военной истории Архангельского краеведческого музея,
Архангельск*

Развитие Архангельского порта
и адмиралтейства
в царствование Елизаветы Петровны

Igor M. Gostev

The Arkhangelsk port
and naval yard development
during the reign
of the empress Yelizaveta Petrovna

Аннотация: Архангельск в годы царствования Елизаветы Петровны благодаря новой судостроительной программе получил дополнительный импульс развития. Архангельское адмиралтейство стало крупнейшей парусной судовой верфью страны. Развивалась система образования. Активизировалась разработка полезных ископаемых. Совершенствовалась система береговой обороны.

Abstract: Arkhangelsk during the reign of the empress Yelizaveta Petrovna had got an additional impact for its development owing to the new shipbuilding program. The Arkhangelsk naval yard had become Russia's the largest sailing shipbuilding yard. The system of education has developed. The development of minerals has intensified. The coastal defense system was improved.

Ключевые слова: Архангельское адмиралтейство. Судостроение. Полезные ископаемые. Новодвинская крепость. Гарнизонная школа.

Keywords: Arkhangelsk naval yard. Shipbuilding. Minerals. Novodvinskaya fortress. Garrison school.

Архангельск — город, который стал одним из ключевых пунктов событий, происходивших в царствование Петра I, после победоносного завершения Северной войны утратил своё значение, на что была монаршая воля. Основная часть международной торговли была переориентирована на балтийские порты, где навигация была более продолжительной, нежели на севере. Военное судостроение, которое зарождалось в Архангельске,¹ оказалось сконцентрировано на невских верфях.

Начало возрождению Архангельска как военного порта и центра военного парусного судостроения после его забвения в двадцатые годы XVIII в. было положено в 1732—1734 гг., в царствование Анны Иоанновны. Потребовалось принять срочные меры по восстановлению пришедшего в упадок Балтийского флота, но необходимых для этого производственных мощностей не хватало, как не было в необходимом количестве и качественных запасов леса. Для реализации судостроительной программы, по принятому в 1732 г. новому судовому штату, необходимо было срочно возобновить военное судостроение в Архангельске. Для этого была построена новая судоверфь Архангельского адмиралтейства, обустроена Лапоминская гавань Архангельского военного порта с самостоятельной системой обороны. Уже в 1733—1740 гг. в Архангельске было построено 13 судов всех рангов, тогда как на двух верфях Санкт-Петербурга построили всего 7.²

Следующие два десятилетия XVIII в. — годы правления Елизаветы Петровны — дочери Петра I — прошли под лозунгом возрождения «отеческого духа». Восстановление петровских традиций было заявлено главной целью её правления. В центре всё началось с перестановки кадров и перемены властных полномочий. До северных окраин страны эхо столичных событий докатилось лишь к осени 1744 г., когда в Холмогоры было привезено в ссылку семейство Антона Ульриха принца Брауншвейгского — родителей и сестры свергнутого малолетнего императора Ивана VI Антоновича. Была образована так называемая «Холмогорская секретная комиссия». Местом их заточения стала резиденция холмогорского архиепископа, который в свете новых обстоятельств вынужден был пе-

¹ Гостев И.М. Колыбель российского флота: Архангелогородский период // *Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: Сборник статей с 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беснятых*. СПб., 2019. С. 33—63.

² Пальмин В.А. *Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота*. Архангельск, 2008. С. 172.

План Архангельского адмиралтейства. Фрагмент чертежа. 1741.
РГА ВМФ. Ф. 926. Оп. 2. Д.30

ребраться на другой берег Северной Двины в Спасо-Прилуцкий Козьмеручевский монастырь.³

Преобразования при императрице Елизавете коснулись армии и флота. В армии, как и в чиновничьей среде, естественным образом происходила смена поколений — по старости уходили люди, начинавшие службу при Петре I. На их место приходили не только новые рекруты, но и солдатские дети, прошедшие обучение в трёх-классной гарнизонной школе, которая открылась в 1732 г. со 160 учениками. «Архангелогородская гарнизонная словесно-российская школа» находилась на территории Солдатской слободы, в ней были дети военнослужащих Архангелогородского и Устюжского полков,

³ Левин Л.И. *Холмогорская секретная комиссия*. Архангельск. 1993.

а также артиллерийской и инженерных команд.⁴ Возраст учеников был разный — от 10 до 18 лет. Срок обучения на практике был неограничен, некоторые ученики проводили в одном классе по несколько лет. Количество обучающихся постоянно росло и к концу царствования Елизаветы Петровны превысило штатную численность почти на 500 человек.⁵

Состояние, до которого был доведён военно-морской флот, требовало немедленных действий. Усиление флота планировалось осуществить за счёт увеличения численности судов. Строительство активизировалось уже в 1740-е гг., когда Архангельское адмиралтейство стало крупнейшим государственным центром военного парусного судостроения в России.

За период 1741–1761 гг. в Архангельске было построено 27 кораблей и 8 фрегатов, что более чем вдвое превысило производство судов на верфях столицы империи. Учитывая, что суда, произведённые Архангельским адмиралтейством, при сопоставимых качественных и прочностных характеристиках обходились дешевле, чем в Санкт-Петербурге, большинство судов II и III рангов (66 и 54-пушечные) и фрегаты строились в Архангельске. Кроме крупных судов на стапелях адмиралтейства было построено ещё семнадцать 12-пушечных пинков и брандер. В то же время со стапелей верфей столицы империи сошло 13 кораблей I и II ранга, из них два 100-пушечных, шесть 80-пушечных и пять 66-пушечных, а также пять бомбардирских кораблей и три прама.

Только в первые годы царствования Елизаветы Петровны в Архангельском адмиралтействе были построены такие известные корабли, как 66-пушечные «Счастье», «Благополучие», «Лесной» и «Полтава», «Св. Гавриил» и «Св. Уриил»; 54-пушечный «Св. Николай», «Св. Варахаил» и другие. Суда строились сериями, фактически на потоке за минимальное время. Корабли строились за 12 месяцев, фрегаты — за 8–11 месяцев. Такая интенсивность свидетельствовала о высокой организации процесса строительства судов на непрерывной плановой основе.⁶

Ежегодно суда, построенные на Соломбальской верфи Архангельского адмиралтейства, составляли Архангелогородскую эскадру, которая уходила на Балтику.

⁴ Шперк Ф.Ф. *Краткий очерк народного образования в Архангельске*. Архангельск, 1905.

⁵ ГААО. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 3. Л. 16 об; Хребтов Н.А. Архангелогородская гарнизонная школа в XVIII веке // *Защитники Отечества*. Вып. 15: *Мат-лы научн. конференций 35, 36, 37, 38 общественно-научных чтений по военно-исторической тематике 2016–2019 гг.* Архангельск, 2019. С. 184–192.

⁶ Пальмин В.А. *Указ. соч.* С. 113–114.

Параллельно с расширением производства на адмиралтейской верфи складывался и весьма значительный частный судостроительный кластер, включавший верфи русских купцов: Крылова, Бажениных, Бармина, Амосова и англичанина Гома, расположенных выше г. Архангельска; а также верфи Н. Зыкова и П. Пругавина ниже города по течению Северной Двины.

Кроме традиционного судостроения и лесопиления в то же время в Архангелогородской губернии продолжает развиваться горнорудное дело. Ещё в бытность Петра I, в 1721 г. рудознавец Григорий Черепанов обнаружил в Пустозерском уезде на р. Ухте нефтяной ключ. Со смертью Петра интерес к месторождению угас. Двенадцать лет спустя Федор Прядунов, Егор Собинский и Федор Чирцов развернули на острове Медвежий добычу самородного серебра и серебряной руды, месторождение которого быстро иссякло, хотя именно из него были отчеканены в 1736 г. серебряные рубли Анны Иоанновны.⁷

С 1742 г. поморы организовали добычу меди на р. Выг в Карелии. В этой же руде были включения золота. За описание этого рудника мы должны быть благодарны П.И. Челищеву, который посетил его в 1791 г.⁸

В 1745 г. Ф.С. Прядунов первым в России начал промышленную добычу нефти на р. Ухте. Здесь же он организовал первый нефтеперегонный завод, на котором получал до 1000 пудов нефтепродуктов в год.⁹ В 1746 г. Прядунов отправил добытую нефть в Гамбург для экспертизы. По полученным отзывам, белая и чёрная нефть оказалась высочайшего качества.¹⁰

Рост судостроительной базы, развитие добывающей промышленности потребовали вернуться к вопросу обеспечения безопасности города и порта от нападения противника со стороны моря, тем более что солонбальская верфь Архангельского адмиралтейства была слабо укреплена в фортификационном отношении, и в случае нападения противника не имела возможности для самостоятельной полноценной обороны. Поэтому с середины 1730-х гг. возобновились строительные работы в Новодвинской крепости, которая за десять лет, минувших со смерти Петра I, значительно потеряла своё обо-

⁷ Данилов М.А. *Богатство северных недр: Краткий научно-популярный очерк о геологическом строении и полезных ископаемых Архангельской области.* Архангельск, 1977. С. 67.

⁸ Челищев П.И. *Путешествие по северу России в 1791 году.* СПб., 1886. С. 28.

⁹ Данилов М.А. *Указ. соч.* С. 11.

¹⁰ РГАДА. Ф. 271. Кн. 1094. Л. 178–182.

ронительное значение. Вместо 215 орудий артиллерийский парк крепости уменьшился до 80 стволов, что привело к тому, что нечем было вооружать береговые батареи в речной дельте, т.е. было невозможно перекрыть все возможные подступы к городу из Белого моря для судов с малой осадкой.

До 1740 г. не было никаких распоряжений по исправлению старых береговых укреплений в дельте Северной Двины. Это потребовало активизировать фортификационные работы, чтобы защитить Архангельск от возможного нападения противника со стороны моря.

В Петербурге осознали опасность нападения на Архангельск во время очередного обострения русско-шведских отношений в 1740 г. Угроза шведского реваншизма усилилась ещё в 1738 г., когда в риксдаге к власти пришла «партия шляп», несогласная с мирной политикой в отношении России. Когда в декабре 1739 г. Швеция заключила с Турцией союз, направленный против России, стало понятно, что войны не избежать. В самом начале 1741 г. было принято решение о подготовке к обороне Новодвинской крепости и о запрете отпусков для инженерных служащих.¹¹ В Архангельск из Санкт-Петербурга был направлен военный инженер-гидротехник майор Виттиг, который в течение года привёл в порядок валы Новодвинской крепости, каменного Архангельского города и батарею в Лапоминской гавани Архангельского военного порта.¹² Швеция объявила войну России в июле 1741 г., однако боевые действия не вышли за пределы Балтийского моря, юга Финляндии и приграничных районов юга Карелии.

Учитывая, что майор Виттиг был не только военным инженером, но и гидротехником, в его отчёте, представленном в Инженерной конторе, содержалось предложение о сооружении судоходного канала, который бы решил возникшие затруднения из-за частичного обмеления судоходного фарватера у стен Новодвинской крепости, обеспечив свободный проход судов с большой осадкой. Конечно, проблемы в дельте Северной Двины были не столь масштабны, как в Санкт-Петербурге, где корпуса судов требовалось грузить на камели и выводить их в Кронштадт для достройки, но трудности всё-таки были. Решены они могли быть довольно просто — необходимо было прокопать или провести дноуглубительные работы на участке менее полуверсты.¹³ Но это требовало денег и политической воли. Пока это предложение обсуждалось в столице, природа сама

¹¹ Там же. Ф. 403. Оп. 1. Д. 182. Л. 1; Д. 231. Л. 1.

¹² Там же. Ф. 827. Оп. 1. Д. 32. Л. 11–12, 16–36.

¹³ *РГВИА*. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1685.

Новодвинская крепость с прилегающей территорией, с показанием
 прежнего и нового судоходного русла и предлагаемой трассой
 судоходного канала. Фрагмент чертежа. 1742.
 РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1685

исправила свою ошибку, восстановив прежнее судоходное русло реки.

29 января 1742 г. архангельские власти послали в Военную коллегию рапорт и карту, в которых изложили соображения по обороне Пудожемского и Мурманского устьев Северной Двины. Ранней весной 1743 г., за три месяца до окончания войны со Швецией, главная канцелярия артиллерии и фортификации решила начать проектирование редутов, но в столице не нашлось подробного плана местности. Действительно ли в этом была причина или это была обычная бюрократическая отговорка, мы сейчас сказать не можем.

29 марта 1743 г. Архангелогородская губернская канцелярия послала в Николо-Корельский монастырь инженер-кондуктора Федора Неелова с поручением «осмотреть и учинить тому монастырю план с профили, со облегающей ситуацией до взморья и до устья реки».¹⁴

В июне 1743 г. был подписан мирный договор со Швецией, и это отодвинуло строительство укреплений на неопределённый срок.

¹⁴ **Шаляпин С.О.** Три столетия Ягорского острова // *Северодвинск: Испытание на прочность: Очерки, воспоминания, исследования.* Архангельск, 1998. С. 85.

В 1744 г. была проведена ревизия вооружения Соловецкого монастыря, Сумского и Кемского острогов.¹⁵ В 1751 г. в крепости были проведены масштабные ремонтные работы под руководством инженер-капитана Прокофия Окулова.¹⁶

В 1756 г. в Архангельск был командирован инженер-поручик Алексей Васильевич Тучков¹⁷, на которого было возложено поддержание существующих фортификационных сооружений и создание новых укреплений для обороны дельты Северной Двины. Он обследовал переданную в его ведение крепость и уже на следующий год произвёл в ней необходимые ремонтные работы.¹⁸

Возродив заложенную ещё при Петре I идею создания береговой «большой крепости», Алексей Тучков спроектировал и построил в 1757 г. береговые батареи в местечке Красном и на острове Лицком, а также усовершенствовал Лапоминскую батарею. Новые укрепления представляли собой прямоугольники с реданными выступами посередине, окружённые сухим рвом, прикрытые палисадом и гласисообразным валом с внешней стороны. Ф.Ф. Ласковский указывал на особо выгодное место размещения этих батарей.¹⁹ Впервые эти места были избраны ещё при Петре I и впоследствии использовались для возведения береговых укреплений вплоть до Крымской войны.

Даже такой краткий обзор событий, происходивших в Архангельске и на территории губернии, со всей очевидностью показывает, что город, утративший своё значение после победоносного завершения Северной войны (1700–1721), сумел оправиться от экономического краха, последовавшего за переносом торговли в балтийские порты, получил новый импульс своего развития.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1707. Л. 311–315.

¹⁶ РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1693.

¹⁷ А.В. Тучков (1729–1799) в царствование Екатерины II — генерал-поручик и управляющий инженерной и артиллерийской частью, член Военной коллегии; в царствование Павла I — действительный тайный советник, сенатор.

¹⁸ РГВИА. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1702.

¹⁹ Там же. Д. 1705; Ласковский Ф.Ф. *Материалы для истории инженерного искусства в России*. Ч. 3: *Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II*. СПб., 1865. С. 160.

Архивные источники

1. *ГААО*. Ф. 1587. Оп. 1. Д. 3. Л. 16 об.
2. *РГАДА*. Ф. 271. Кн. 1094; Ф. 403. Оп. 1. Д. 182, 231; Ф. 827. Оп. 1. Д. 32; Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1707.
3. *РГВИА*. Ф. 349. Оп. 3. Д. 1685, 1693, 1702, 1705.

Литература

4. **Гостев И.М.** Колыбель российского флота: Архангелогородский период // *Петр Великий, российская власть и общество в эпоху перемен: Сборник статей с 70-летию со дня рождения Юрия Николаевича Беснятых*. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. С. 33–63. — (*Труды Санкт-Петербургского института истории РАН*; вып. 5 (21)).
5. **Данилов М.А.** *Богатство северных недр: Краткий научно-популярный очерк о геологическом строении и полезных ископаемых Архангельской области*. Архангельск, 1977. 119 с.
6. **Ласковский Ф.Ф.** *Материалы для истории инженерного искусства в России*. Ч. 3: *Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II*. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1865. [4], 1016 с.
7. **Левин Л.И.** *Холмогорская секретная комиссия*. Архангельск. 1993.
8. **Пальмин В.А.** *Военно-морское судостроение на Севере России в эпоху парусного флота*. Архангельск: Поморский ун-т, 2008. 189 с.
9. **Хребтов Н.А.** Архангелогородская гарнизонная школа в XVIII веке // *Защитники Отечества*. Вып. 15: *Мат-лы научн. конференций 35, 36, 37, 38 общественно-научных чтений по военно-исторической тематике 2016–2019 гг.* Архангельск, 2019. С. 184–192.
10. **Челишев П.И.** *Путешествие по северу России в 1791 году*. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1886. 339 с.
11. **Шаляпин С.О.** Три столетия Ягорского острова // *Северодвинск: Испытание на прочность: Очерки, воспоминания, исследования*. Архангельск, 1998.
12. **Шперк Ф.Ф.** *Краткий очерк народного образования в Архангельске*. Архангельск, 1905.

Сергей Александрович Иванюк

*Заместитель директора по научно-музейной и образовательной деятельности
Государственного историко-мемориального
музея-заповедника «Сталинградская битва», Волгоград*

Оксана Николаевна Иванюк

*Архивариус отдела научно-исторической документации
и библиотечных фондов Государственного историко-мемориального
музея-заповедника «Сталинградская битва», Волгоград*

Организация добычи соли на Нижней Волге при императрице Елизавете Петровне

Olga N. Ivanyuk, Sergey A. Ivanyuk

Organization of salt extraction on the Lower Volga under the Empress Elizabeth

Аннотация: В царствование Петра I усиливалось стремление казны к монополизации продажи соли. При императрице Елизавете принципы соледобычи в Российском государстве, которые установились при её отце и его последователях, коренным образом изменились. Началась более активная монополизация добычи соли и закрепление её за государством с систематизацией и ужесточением правил торговли. Важным решением правительства Елизаветы стал поиск новых месторождений по добыче природной соли. Одним из таких мест стало соляное озеро Эльтон на левом берегу Волги. В кратчайшие сроки уполномоченным лицам императрицы удалось организовать добычу и транспортировку эльтонской соли.

Abstract: During the reign of Peter I, the treasury's desire to monopolize the sale of salt increased. Under Empress Elizabeth, the principles of salt production in the Russian state, which were established under her father and his followers, changed radically. A more active monopolization of salt production and its consolidation with the state began, with the systematization and tightening of

trade rules. An important decision of the Elizabeth government was the search for new deposits for the extraction of natural salt. One of these places was the salt lake Elton on the left bank of the Volga. In the shortest possible time, the authorized persons of the Empress managed to organize the extraction and transportation of Elton salt.

Ключевые слова: Эльтон, XVIII век, Волгоградская область, соль, соледобыча.

Keywords: Elton, XVIII century, Volgograd region, salt, salt production.

До 1705 г. торговля солью в России находилась в частных руках, и её мог продавать любой желающий при условии оплаты установленной пошлины. Именно в царствование Петра I усилилось стремление к монополизации продажи соли казной, что было закреплено царским указом 8 февраля 1705 г. После создания Правительствующего Сената в 1711 г. наблюдение за торговлей солью было поручено ему.¹

Основными поставщиками соли были владельцы имений в Пермском крае — Строгановы, возведённые за свою службу в 1722 г. в баронское достоинство. Несмотря на то, что они неоднократно ходатайствовали перед Петром I об освобождении их от поставок соли ввиду крайней тяжести и убыточности производства, государь был непреклонен и требовал: «Соль ставить им, баронам Строгановым, по-прежнему без всякого отрицания».²

С приходом к власти «дщери Петровой» — Елизаветы принципы соледобычи в Российском государстве, установившиеся при её отце и его последователях, коренным образом изменились. В первую очередь началась более активная монополизация добычи соли и закрепление её за государством с систематизацией и ужесточением правил торговли. Ещё одним важным решением правительства Елизаветы стало изменение в подходе к добыче соли. Она поставила под сомнение перспективность процесса получения соли вываркой, долгое время практикуемой Строгановыми, ради которой уничтожались тысячи десятин товарного леса. К тому же доставка этого ценного продукта в центральные регионы страны представляла определённые трудности. В связи с этим принимается решение о поиске новых месторождений природной соли.³

¹ 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904: Историческое исследование. СПб., 1911. С. 102–103.

² РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 68. Л. 302–307.

³ Малюта Е.В. Одиссея полковника Чемодурова // *Заволжье*. № 81 (14202). 15 окт. 2016 г. С. 4.

Фрагмент карты «Течение реки Волги от Самары до Царицына» из Атласа Российской империи. 1754

Одним из таких мест для соледобычи стало озеро Эльтон, которое находилось в 170 км от Царицына на левом берегу Волги в безлюдной степи. Имеющее почти правильную форму, похожую на эллипс, Эльтонское озеро впечатляло своими размерами и запасом соли. Оно и сейчас занимает площадь 187 км². Калмыки и татары называли озеро Алтан-Нор, что в переводе на русский язык означало «золотое дно» или «золотое озеро». Такое название озеро получило, видимо, потому что в солнечные дни его пурпурно-красная вода с высокой концентрацией соли («рапы») светилась золотистым цветом.⁴

Одно из первых достоверных упоминаний об Эльтоне разместил в 1744 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев в историко-географическом труде «Введение к историческому и географическому описанию Великороссийской империи».⁵ Активные же процессы по развитию месторождений соли на Эльтонском озере начались в

⁴ Монилов С.Н., Судаков А.В. Историко-географическая уникальность озера Эльтон // *Псковский регионологический журнал*. 2011. № 12. С. 113.

⁵ Татищев В.Н. *Избранные труды по географии России*. М., 1950. С. 150.

1746 г. Именно в августе этого года по указу Правительствующего Сената «сообща с саратовским воеводой Дурасовым и подпоручиком Родионовым на соленое озеро Элдон для достоверного свидетельства и описи того соляного озера» был направлен вятский воевода подполковник Н.Ф. Чемодуров, который считался человеком, знающим «о качестве соляных росолов и о протчих соляных потребностях». В эту же команду «для снятия плана озера» был прикомандирован геодезист И. Лебедев.⁶

Исследовательская группа провела масштабную работу на Эльтоне, и к концу года подполковник представил Правительствующему Сенату её результаты — описание и план озера. Кроме этого, он привёз в Санкт-Петербург образцы эльтонской соли и рапы, которые были направлены в Медицинскую коллегию для исследования их «по всем химическим регулам». В итоге коллегия констатировала: «оная соль <...> к человеческому употреблению не вредна», «экономической потребе без всякой опасности», «в пищу и к солению мяса и рыбы полезна быть имеет».⁷ Кроме своего доклада подполковник Н.Ф. Чемодуров высказал объективные предложения по дальнейшему социальному и экономическому развитию соледобычи на Эльтоне. Он предложил построить промысловый городок при «луговой стороне» озера (Левобережье Волги. — *Прим. авт.*) и разместить в нём военный гарнизон для пресечения контрабандного вывоза соли и обеспечения безопасности от «кочующих инородцев». Выбрать пути на Дмитриевск (сейчас Камышин) и Саратов как наиболее выгодные для складирования соли, а для сокращения расходов на её перевозку через Волгу построить на Левобережье несколько казённых судов.

Предложения подполковника были услышаны, и в феврале 1747 г. вышел указ Правительствующего Сената с инструкциями. В нём предписывалось подполковнику Н.Ф. Чемодурову вновь отправиться на Эльтон для организации разработки соляного озера. Пункты этого указа гласили: 1) Направить в учреждённое «о Эльтонской соли Комиссарство» в помощь Н.Ф. Чемодурову отставных: майора Б. Соболева, асессора А. Арцыбашева, а также поручиков Ф. Каракозова и Н. Амачкина, подпоручика П. Вырубова, прапорщика С. Соловдова; 2) Для строительства специальных амбаров для хранения соли на берегах Волги набрать работных людей не более 500 человек из «Сибирского и Пензенского уездов»; 3) Для «смотрения тайного провоза соли, и караула, и защищения будущих при

⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 24. Кн. 1602. Л. 360; Кн. 1615. Л. 267 об., 283.

⁷ Малюта Е.В. Указ. соч. С. 4.

строении городка и анбаров, на Луговой стороне работников, и для всяких случающихся потребностей» направить из Военной Коллегии к уже находящимся при Н.Ф. Чемодурове 100 казакам ещё 50 человек; 4) Для приёма привозимой в магазины из Эльтона соли и контроля её отправки в «Верховые городки» определять «погодно» специальных целовальников из купечества Саратова и Дмитриевска; 5) Выделить для обороны «от набегов степных народов» из саратовского гарнизона 4 чугунные пушки «с надлежащими к тому потребностями»;⁸ 6) «Для караула денежной казны и привозимой с Эльтонского озера соли <...> из Астраханского гарнизона скомандировать достойных, в полном комплекте солдат, одну роту, с пристойным числом обер и унтер — офицеров», а кроме этого для работ по заготовке леса на строительство судов из Казанского гарнизона выделить 2-х обер-офицеров и 50 солдат. В этом же указе разъяснялся порядок ценовой политики при расчётах за соль и другие финансовые вопросы.⁹

Таким образом, Саратов и Дмитриевск стали главными пунктами для сбора эльтонской соли. Отсюда на судах она отправлялась вверх по Волге — в Нижний Новгород, Чебоксары, Казань и другие города Российской империи.¹⁰ Для удобства транспортировки соли на левом берегу Волги были образованы слободы: напротив Дмитриевска — Никольская (сейчас Николаевск), а напротив Саратова — Покровская (сейчас Энгельс).

Процесс добычи и поставки эльтонской соли можно разделить на три основных этапа. Это выломка соли со дна озера и складирование её на берегу, транспортировка гужевым транспортом от озера в Саратовские и Дмитриевские магазины, а затем её доставка из магазинов в «Верховые города» к потребителю.

Добывание соли производилось вольнонаёмными людьми. Число их зависело от количества предполагаемой добычи соли. Например, для выломки одного миллиона пудов были необходимы не менее 125 человек, а для вывоза соли на берег и укладки её в «бурги» ещё 60 человек.¹¹ Рабочими орудиями соледобытчиков были

⁸ Ввиду отсутствия в Саратове необходимого количества пушек, решением Канцелярии главной артиллерии и фортификации требуемое число орудий было собрано в городах Казанской губернии: «в Свяжску, в Чебоксарах, в Кузмодемьянску, в Саранску и в Синбирску» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 24. Кн. 1615. Л. 900).

⁹ ПСЗ. Т. 12. СПб., 1830. С. 661–663.

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 24. Кн. 1615. Л. 1355.

¹¹ Мишин Г.А. *И соль города строит*. См.: [Электронный ресурс] <http://volgafoto.ru/photo/15-january-2015-i4715-i-sol-goroda-stroit> (дата обращения 27.02.2022).

Добыча соли на озере Эльтон. Рисунок, 1834

тяжёлые ломы («пешни»), специальные лопаты, сделанные наподобие черпаков и лодки-дошаники, на которых соль перевозилась к берегу. Работа солеломов была одной из самых тяжёлых в России. В любую, даже самую жаркую погоду они должны были трудиться стоя в солёной рапе. В таких условиях она сильно разъедала тело, а жаркий климат вызывал язвенные болезни.

Не менее сложной была транспортировка соли от Эльтона к берегам Волги. Она требовала большого количества подвод и выносливого тягла для преодоления степных безводных пространств. Для этой работы правительством были приглашены украинские чумаки, привычные к дальним перевозкам в степях Таврии и Крыма. На основании печатных приглашений заняться транспортировкой соли со своими семьями и волами к Эльтону пришли чумаки из будущих Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний, с желанием переселиться поближе к Эльтонскому озеру. Обращаясь к Н.Ф. Чемодурову, чумаки желали «оставаться тамо зимовать» и «зажить там поселением».¹²

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 24. Кн. 1615. Л. 1313–1314; Шульга И.И. Поволжские солевозчики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 5. С. 156.

В сентябре 1747 г. чумаки солевозчики «Иван Осипов с товарищи» доставили в Саратов первый транспорт эльтонской соли.¹³

Расстояние от Эльтонского озера до Дмитриевских соляных магазинов составляло 135 км, и весь этот тракт был разбит на 12 станций, как называли их чумаки «уповод». Расстояние между ними составляло 13–16 км. Весь путь от Эльтона до Дмитриевска составлял 6 дней, а обратный путь с порожними фурами укладывался в 5 дней. В общей сложности полная ходка за солью у возчиков составляла 11 дней, без учёта времени, потраченного на загрузку фур солью. За сезон чумаки на одной фуре с парой волов делали примерно до 12 ходок. Путь же от Эльтонского озера к Саратову был более чем в два раза длиннее и составлял 292 км, и для преодоления этого расстояния за сезон чумаки совершали 6 ходок к озеру и обратно.¹⁴

Масштабы добычи, вывоза и продажи соли постепенно возрастали, а промысел на Эльтоне приобретал всероссийское значение. В 1747 г. (с августа) с Эльтонского озера было вывезено в магазины 13 275 пудов, в 1748 г. вывоз поднялся до 881 578 пудов, в 1749 г. 1 640 976 пудов, в 1750 г. 2 211 431 пуд, а в 1751 г. (по ноябрь) 3 253 759 пудов. Всего же к 1882 г., когда на Эльтоне прекратилась соледобыча, было вывезено более 540 млн пудов соли.¹⁵ Как следствие, заслуги подполковника Н.Ф. Чемодурова в организации добычи соли на Эльтоне были отмечены правительством. Указом за подписанием руки Ее Императорского величества от 29 июня 1749 г. он был произведён в полковники за свои труды «при отправлении с Эльтона озера соли» и определено «жалованье давать ему из прибыльных денег от той соли по тысяче по двести рублей на год другим не в образец».¹⁶

При этом не стоит забывать, что организация работ по добыче и перевозке соли с Эльтонского озера в магазины на Правобережье Волги в середине XVIII в. была близка к военной операции. На соледобытчиков и караваны чумаков часто нападали проживавшие в регионе кочевые народы. Возчикам соли для безопасности даже приходилось возить с собой на каждую артель «огненное ружье», рогатины и насаженные на древки лезвия кос, а Соляная контора для охраны чумаков выделяла по одному солда-

¹³ **Акимова Т.М.** *Поволжские чумаки: Исторический очерк о поволжских украинцах.* Саратов, 1936. С. 8.

¹⁴ **Шульга И.И.** *Указ. соч.* С. 157.

¹⁵ **Моников С.Н., Судаков А.В.** *Указ. соч.* С. 115; **Малюта Е.В.** *Указ. соч.* С. 5.

¹⁶ **РГАДА.** Ф. 248. Оп. 24. Кн. 1615. Л. 1605.

УКАЗЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ, изъ Правительствующаго Сената

Въ именномъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указѣ, состоявшемся сего Юня 20 дня, 1749 года, за подписаніемъ собственнаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА руки, въ Правительствующій Сенатѣ написано: ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО всемилостивѣйше пожаловали Подполковника Николая Чемадурова, за его при отправленіи съ Элмондъ овера соли пруды въ Полковники, и указали быть ему и впродъ у того дѣла, а жалованье давать ему изъ прибыльныхъ денегъ оной соли по тысячѣ по двѣсти рублевъ на годъ другимъ не въ образецѣ. И во исполненіе онаго высочайшаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указа, Правительствующій Сенатѣ ПРИКАЗАЛИ: о томъ для вѣдома въ коллегіи, канцеляріи, приказы, и въ губерніи послать указы.

о томъ вѣдать,

Указ о пожаловании Н.Ф. Чемадурова в полковники.
29 июня 1749

ту на 100 подвод.¹⁷ Кроме этого, вдоль маршрута движения караванов с солью выставлялись казачьи пикеты, которые вели разведку обстановки и в случае необходимости могли вступить в бой с налётчиками.¹⁸ Особые правила поведения при нападении кочевников определялись и для чумаков. По указу Соляной конторы они должны были воспрепятствовать дальнейшему использованию захваченной у них соли в перепродаже: «соль становить на дороге, оную, выгребая из возов, в бугры не ссыпать, а разбрасывать врознь и смешивать с пылью и песком, чтоб охочие люди, набрав её, не отвезли и не продали бы».¹⁹

Но все эти меры не мешали кочевникам («барантчам») регулярно совершать нападения на транспорты: отнимать соль, имущество, оружие, а иногда и амуницию у солдат. Так, в июле 1749 г. чумаки сообщали о таких налётах: «К нашим населенным местам по близости Эльтонского озера наезжает многая калмыцкая орда и чинит

¹⁷ Акимова Т.М. Указ. соч. С. 17, 20.

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 24. Кн. 1615. Л. 721; Курьшев А.В. Волжское казачье войско (1730–1804): Создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград, 2011. С. 83, 264.

¹⁹ Акимова Т.М. Указ. соч. С. 21.

нам не малые обиды отгоном скота, волов и лошадей, и грабит всякий наш экипаж, и баб и девок уводят в свои улусы».²⁰

Ещё одной проблемой была контрабанда соли. В 1746 г. в свой первый приезд к Эльтону Чемодуров заметил, что за неделю до его прибытия оттуда неизвестные вывезли не менее 100 возов соли. Правительство пыталось ликвидировать незаконное пристрастие к наживе. Указы Елизаветы Петровны определяли строжайшие наказания для контрабандистов. Так, один из них от 15 декабря 1749 г. гласил: «Наижесточайше подтверждается, чтобы соляные промышленники и их поверенные и прикащики и работники, и никто б с варниц и из анбаров, а подрядчики и их прикащики ж и работники идучи с судами с солью, соли ни тайно ни явно никому, мимо Нашей казенной продажи, отнюдь не употребляли, и никому в отвоз для продажи ж не отпускали, также и с озер и из степей ломая соль, где казенная продажа соли есть, не возили», а «кто противно сему поступать будет <...> Таковым по подлинному свидетельству и изобличению чинить наказание, бить кнутом, и движимое и недвижимое их имение отписывая на Нас, отдавать тем, кои на них о том донесут».²¹

Для контроля за соблюдением требований указов и жёсткой борьбы с контрабандой в район Эльтона выделялись специальные «конные и оружные» казачьи разъезды, которые действовали «водяным и сухим путем».²²

Но, несмотря на все принимаемые меры, долгое время контрабанда соли на Эльтоне являлась неискоренимым злом, и ликвидировать её так до конца и не удалось. Даже спустя десятилетие после начала активного развития соледобычи на «золотом» озере Соляной конторе приходилось разбираться с хищениями и перепродажей соли. Так, в ноябре 1753 г. проходило следствие сразу по нескольким нарушениям правил добычи соли. В частности, о «вынятой у отставного казака Абызова на реке Волге на ватаге в яме пятидесяти пудах подвозной соли, которая, де, покупана в улусе у калмык против их рыболовного стану <...> об отысканной не покупной искизны за Волгою рекою против Астрахани и при Астрахане на бугре называемом Киселевым у калмык и у татарки соли ж <...> об астраханском купце Дылдине в отдаче им тайно на довольствие в Гурьеве городке из вывозной с яйцких озер к тамошним рыбным промыслам переведенцу Аршинову каптенармусу Горохову и бургомистру

²⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 24. Кн. 1615. Л. 1716–1719.

²¹ ПСЗ. Т. 13. СПб., 1830. С. 175–176.

²² Государственный архив Астраханской области. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1991. Л. 1, 3.

Монастырскому соли, о покупке салдатом Соболевым у драгуна Соболева ж соли <...> о покупке воровской малороссиянином Элховиченком соли»²³.

Н.Ф. Чемодуров хорошо понимал, что только военные меры позволят успешно решить мирные задачи по промышленной добычи соли на Эльтоне и её безопасной транспортировке. Поэтому для обеспечения «предосторожности и защиты людей от набегов калмыцких и протчих народов», а также «чтоб мимо казенной поставки никто с того озера тайно соли не вывозили» 1 апреля 1747 г. к нему был направлен указ о строительстве в районе посёлка соледобытчиков при Эльтонском озере небольшой крепости. Вместимость её должна была составить до 200 человек солдат, направленных сюда из гарнизонов Астрахани и Казани.²⁴ Для организации строительства крепости в распоряжение Н.Ф. Чемодурова был направлен из Пензенского гарнизона военный инженер кондуктор Федор Менц.²⁵

Крепость удалось отстроить в короткие сроки, и в декабре 1748 г. полковник Н.Ф. Чемодуров сообщил, что её строительство окончено.²⁶ Укрепление представляло собой четырёхугольный бастионный шанец, окружённый с трёх сторон (западного, северного и восточного фронтов) сухим рвом. Южный фронт защищался естественной преградой — берегом озера Эльтон. Шанец состоял из двух бастионов правильной формы и двух полубастионов неправильной формы. Между бастионом и полубастионом западного фронта внутрь крепости вёл мост с деревянными воротами. На плане Эльтонской крепости, составленном Ф. Менцем в декабре 1748 г., от ворот в степь уходят две дороги, одна на Дмитриевск, другая на Саратов.²⁷

Для подъёма на крепостную оборонительную линию, где в случае атаки размещался гарнизон и артиллерия, были оборудованы специальные подъёмные насыпи — аппарели, которые вели на два правильных бастиона и один полубастион в западном фронте укрепления. На территории крепости сразу за куртиной северного фронта располагался сигнальный маяк, состоящий из четырёх столбов с сигнальной площадкой сверху. В шаговой доступности от оборонительного рва крепости размещался источник питьевой воды.

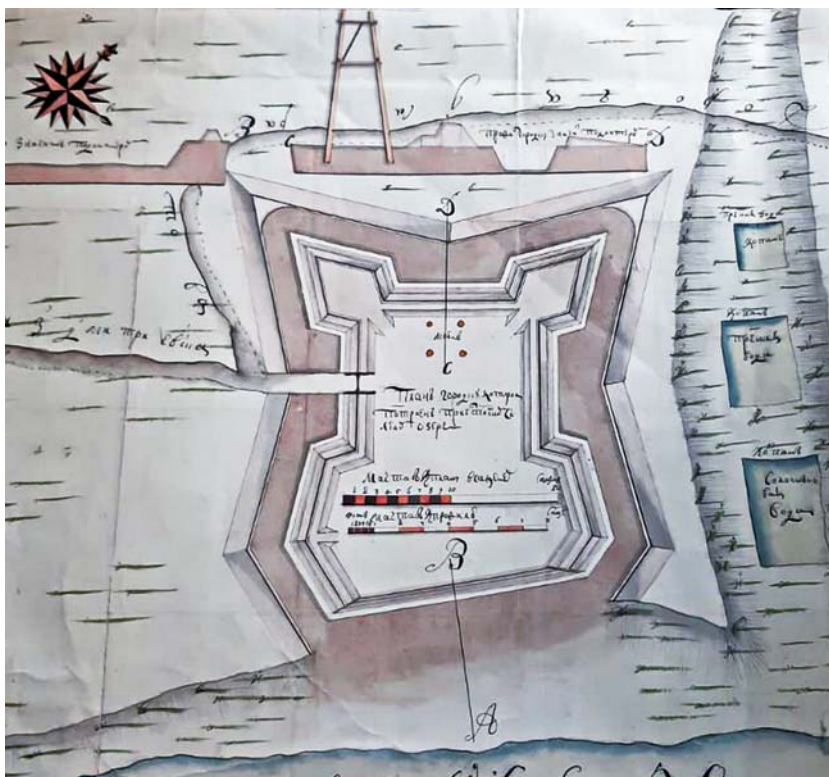
²³ Там же. Д. 1724. Л. 1–1 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 24. Кн. 1615. Л. 1357.

²⁵ Там же. Л. 1014.

²⁶ Там же. Л. 1357.

²⁷ Там же. Л. 1358.

План крепости на озере Эльтон. 1748

Летом 2020 г. авторам удалось выехать в место расположения остатков этого оборонительного сооружения на озеро Эльтон, чтобы сверить его с сохранившимися планами укрепления, хранящимися в фондах РГАДА.

Дело в том, что современный посёлок Эльтон находится на противоположном берегу озера, напротив исторического места, где располагались первые жилые постройки соледобытчиков. Сейчас эта территория находится в труднодоступной для исследователей и путешественников местности. Безлюдная степь, бездорожье и аномально жаркий летний климат ограничивают посещение этой части берега озера, но возможно, именно это обеспечило и хорошую сохранность остатков исследуемых оборонительных сооружений. Проведённый визуальный осмотр показал сохранение целостности этого объекта в границах XVIII в. В настоящее время хорошо прослеживаются линия вала и рва крепости, очертания её бастионов и

Остатки укреплений на озере Эльтон.
Фото авторов, 2020

вход внутрь укрепления. Их форма и расположение на местности полностью совпадают с планом укрепления 1748 г.²⁸ Примечательно, что в месте, указанном на плане как «колонка» с пресной водой, и сейчас находится колодец с питьевой водой.

В настоящее время Эльтонское озеро это один из самых интересных природных объектов на территории Волгоградской области, а также один из старейших в России санаторно-курортных центров со статусом грязевой и бальнеологической здравницы. Ещё древние кочевники знали о лечебных свойствах эльтонской грязи, которую совсем не надо было обрабатывать, так как природа сама подготовила её для лечебных ванн и компрессов. Минеральная грязь Эльтона по своим лечебным свойствам не уступает знаменитой грязи Мёртвого моря, а территория, прилегающая к озеру, является сейчас одним из трёх национальных парков, расположенных в волгоградском регионе.

²⁸ Там же.

Архивные источники

1. *Государственный архив Астраханской области*. Ф. 394. Оп. 1. Д. 1724, 1991.
2. *РГАДА*. Ф. 9. Отд. II. Кн. 68; Ф. 248. Оп. 24. Кн. 1602, 1615.

Литература

3. *200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904: Историческое исследование*. СПб., 1911.
4. **Акимова Т.М.** *Поволжские чумаки: Исторический очерк о поволжских украинцах*. Саратов: Саратов. краев. изд-во, 1936. 33, [1] с.
5. **Курьшев А.В.** *Волжское казачье войско (1730–1804): Создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки*. Волгоград: Издатель, 2011. 352 с.
6. **Малюта Е.В.** Одиссея полковника Чемодурова // *Заволжье*. № 81 (14202). 15 окт. 2016 г.
7. **Мишин Г.А.** *И соль города строит*. См.: [Электронный ресурс] <http://volgafoto.ru/photo/15-january-2015-i4715-i-sol-goroda-stroit> (дата обращения 27.02.2022).
8. **Моников С.Н., Судаков А.В.** Историко-географическая уникальность озера Эльтон // *Псковский регионологический журнал*. 2011. № 12.
9. *ПСЗ*. Т. 12, 13. СПб.: В тип. II отд-я Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
10. **Татишев В.Н.** *Избранные труды по географии России*. М.: Географгиз, 1950. 248 с.
11. **Шульга И.И.** Поволжские солевозчики // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2008. № 5.

Ирина Александровна Серова

*Старший научный сотрудник Музея истории города Ярославля,
Ярославль*

Пошехонские лейб-компанцы, ссыльный герцог
и «отец русского театра»: Ярославские
страницы в истории царствования дочери
Петра Великого

Irina A. Serova

The Life Guard company members
from Poshekhonye, the exiled duke and
«the father of the Russian theater»: Yaroslavl
pages in the history of the Peter the Great
daughter's reign

Аннотация: Статья посвящена конкретным событиям из истории Ярославского края в эпоху правления Елизаветы Петровны: пожалованию поместий в Пошехонском уезде участникам переворота 25 ноября 1741 г., 20-летней ссылке в Ярославль герцога Бирона, театральной деятельности Федора Волкова, положившей начало созданию первого общедоступного театра в России.

Abstract: The article is devoted to specific events from the history of the Yaroslavl Region during the reign of Elizabeth Petrovna: grants of estates in the Poshekhonsky district to the participants of the coup on November 25, 1741, Duke Biron's 20-year exile to Yaroslavl, Fyodor Volkov's theatrical activity, which marked the beginning of the first public theater in Russia creation.

Ключевые слова: Петр I, Елизавета Петровна, лейб-компанцы, пошехонские дворяне, Бирон, Федор Волков, театр.

Keywords: Peter I, Elizabeth Petrovna, the Life Guard company members, Poshekhonsky nobles, Biron, Fyodor Volkov, theater.

История царствования Елизаветы началась глухой ноябрьской ночью 1741 г., когда гренадёры буквально на своих плечах вознесли дочь Петра I на вершину власти. По образному определению историка Е.В. Анисимова, это был истинный «переворот любви», плод давнего «романа» «весёлой Елизавет» и гвардейцев.¹ Новая императрица тотчас же осыпала «любимцев» своими милостями. Рота была переименована в лейб-компанию — особое элитное подразделение внутри гвардии для охраны дворца и государыни. Сами же удачливые гренадёры получили грамоты на потомственное дворянство и деревни в Пошехонском уезде Ярославской губернии. Эти земли издавна относились к разряду Дворцовых вотчин. Главная их ценность заключалась в уникальных природных богатствах реки Шексны и её притоков, славившихся обилием ценных пород рыб: белуги, осетра, знаменитой «золотой» стерляди.

Помимо основного назначения — снабжения продовольственными припасами дворца, дворцовые земли имели ещё одно: ими награждали тех, кто службой и трудами своими оказал важные услуги престолу российскому. При Петре I из этих земель 9 волостей, включавших 2667 дворов с 8429 душами, были пожалованы светлейшему князю А.Д. Меншикову.² После его опалы и ссылки они вновь вернулись в казну. Правда, ненадолго.

Эти «отписные» (конфискованные) вотчины А.Д. Меншикова, в которых, согласно ведомости Дворцовой Канцелярии, было показано 8773 души, по Именному Указу от 25 ноября 1742 г. как раз и разделили между гвардейцами Елизаветы Петровны:

6 вице-сержантам — по 50 душ,
подпрапорщику и квартирмейстеру — по 45 душ,
12 капралам — по 40 душ,
12 вице-капралам — по 35 душ,
258 рядовым — по 29 душ.³

¹ Анисимов Е.В. *Елизавета Петровна*. М., 2005. С. 18.

² Аракчеев В.А. Вотчины А.Д. Меншикова на северо-западе России // *Меншиковские чтения — 2015: Мат-лы Российской научн. конф.: Берёзово, 27–28 ноября 2015 г.* Вып. 10. СПб., 2015. С. 33–36.

³ ПСЗ. Т. 11. СПб., 1830. № 8666.

Е.Е. Лансере. Цесаревна Елизавета Петровна и преображенцы в кордегардии Зимнего дворца в ночь на 25 ноября 1741 года. 1913. Тверская областная картинная галерея

«Земли раздавались не только офицерам, но и простым солдатам. Благодаря такой случайности возникли пошехонские помещики, вскоре прославившиеся своими нравами и вкусами, своими солдатскими анекдотами»⁴ — отмечал дореволюционный критик В.В. Чуйко. Далеко не все эти новоявленные дворяне дали начало новым родам. Поместья тех, кто не обзавёлся потомством, которому могли бы передать и дворянское звание, и земли, впоследствии вновь вернулись в Дворцовое ведомство.

Среди обласканных фортуной гвардейцев были также и представители служилого обедневшего дворянства, пожалованные «в признание и воздаяние верных, полезных и знатных заслуг» дворянством повторно. Это рядовые Иван Титович Ельчанинов из Ржевско-Владимирского уезда, Андрей Давыдович Шуринов из Орловской губернии и Григорий Фадеевич Черносвитов из Тульской губернии. В частности, ярославская ветвь Черносвитовых умелым хозяйствованием со временем значительно расширила свои

⁴ Чуйко В.В. Несколько слов об «Андронах» г. Щедрин // *Новости и Биржевая газета*. 1883, 22 сентября. № 252.

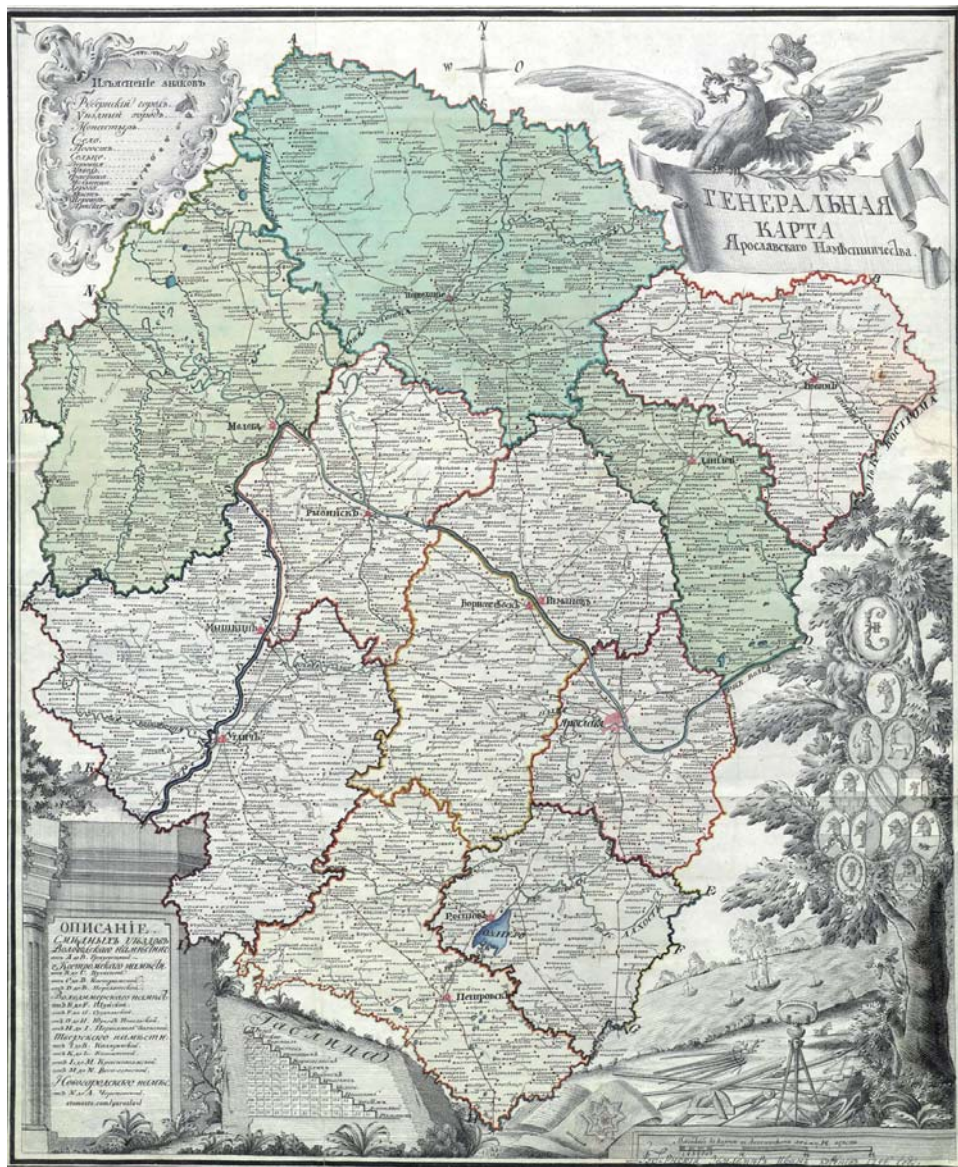

Гренадёр.

Илл. из ст.: Лейб-компания // *Военная энциклопедия*. СПб., 1914

пошехонские владения. В XIX в. им принадлежало в уезде несколько крупных поместий, в том числе Ермаково, сельцо Климовское с 19 деревнями; сельцо Григорьевское с 5 деревнями. В их имениях было начато производство знаменитого пошехонского сыра. Земли свои они почти целиком сохранили вплоть до крушения Российской империи.

Буквально сразу же по восшествии на престол Елизаветы Петровны была организована кампания по оправданию насильственного захвата ею власти. Официальная идеология провозглашала её преемницей петровских заветов, которая обещала освободить русскую нацию от притеснения иноземцев.

Пошехонский уезд на генеральной карте Ярославского Наместничества, составленной губернским землемером И. Корневым в 1794 году.

Из кн.: *Топографическое описание Ярославскаго наместничества: Сочиненное в Ярославле в 1794 году.* Ярославль, 1794

Герцог Эрнст Иоганн Бирон. Копия XIX века с портрета неизвестного художника (Л. Каравакка?). 1730-е гг. Рундальский дворец, Латвия

В этой связи особую услугу суждено было оказать Ярославлю. Речь идёт о 20-летней ссылке в этот город герцога Бирона, который стал символом эпохи царствования Анны Иоанновны, впоследствии названной «бириновщиной». Само представление о том, что при Э.И. Бироне Россия изнемогала под гнётом иностранцев, было сформулировано и распространено в царствование дочери Петра I.

В недолгий период своего регентства Бирон неоднократно принимал попытки завоевать её симпатии. Вот что об этом писал Х.Г. Манштейн: «Регент имел с царевною Елисаветою частые сошествия, продолжавшиеся по несколько часов».⁵ В своё время он

также покрыл из казны её огромный долг в 50 тысяч рублей. Поэтому у герцога, отбывавшего вместе с семейством ссылку в Пелыме Тобольской губернии, были основания ожидать облегчения своей участи. Надежды его оправдались, но лишь отчасти.

Сама Елизавета Петровна не держала зла на Бирона и его семью и готова была отпустить их в родную Курляндию. Однако советники убедили её не делать глупостей. Конкретных «виновников», повлиявших на решение императрицы, называет саксонской резидент Иоганн Зигмунд Пецольт. По его мнению, произошло это «вследствие настояний князей А.М. Черкасского и Н.Ю. Трубецкого, руководивших при этом личными интересами и враждой к Бирону».⁶

Счастье поманило и исчезло. 26 марта 1742 г. Бирон прибыл в Ярославль. Разочарованию герцога не было предела. Поначалу он ещё надеялся на кратковременность пребывания в провинциальном городе, но это ярославское «сидение» бывшего правителя России затянулось на долгие годы.

Опалу герцога разделила и его семья. Прежде всего, это супруга герцогиня Бенигна Готлиба, урождённая Тротта фон Трейден, о которой жена английского консула леди Рондо писала: «Маленькая, очень изящная, лицо её так изрыто оспой, что всё рябое, но такой красивой шеи я никогда не видела».⁷ В ссылке вместе с родителями находились и их взрослые дети: принцы Петр и Карл, а также дочь — принцесса Гедвига Елизавета. Про младшего сына, Карла Эрнеста, ходили упорные слухи, что его истинной матерью была не супруга Бирона Бенигна, а императрица Анна Иоанновна. И хотя убедительных доказательств нет, версия эта вполне согласуется с нравами эпохи правления фаворитов.

Вслед за герцогом из Сибири в Ярославль летом 1742 г. были отправлены и его братья — Карл и Густав, а также генерал Лудольф Август фон Бисмарк, женатый на сестре супруги герцога — Текле Тротта фон Трейден.

Для жительства семейства Бирона в Ярославле отвели дворы купцов Мякушкина и Федора Коровайникова на берегу Волги в

⁵ Манштейн Х.Г. *Записки Манштейна о России: 1727–1744*. СПб., 1875. С. 196.

⁶ Шубинский С.Н. Арест и ссылка Бирона // *Русская старина*. Т. III. 1871, май. С. 547.

⁷ Рондо Д.У. Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию // *Безвременье и временщики: Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е–1760-е годы)*. Л., 1991. С. 211.

Ф. Липпольд. Герцогиня Бенигна Готлиба Бирон. 1730-е гг.
Рундальский дворец, Латвия

приходе Николо-Надеинской церкви. Городской магистрат в одном из своих «Доношений...» сообщал: «герцог Курляндский с фамилиею в 1742 году квартиру имел в купленном ярославским магистратом и гражданством на приборные 1200 рублей в каменном доме, в котором на безопасных и каменных железными затворами и решетками выходах и кладовых палатах состояло теплых четыре, да неподалеку от оных, об одном апартаменте несколько покоев и немалое ж число купеческих каменных для делания кож <...> палаты с печьюми, все с каменными сводами и особливо выходы и погребя <...> и несколько жилых палаток из амбаров, выломав своды, в

Ф.Г. Баризьен. Принц Петр Эрнст Бирон. 1781.
Рундальский дворец, Латвия

другие потребности <...> переделаны, <...> сверх каменного строения в разные времена деревянные покои построены».⁸

Вскоре по прибытии герцог тяжело занемог и слёг, о чём немедленно было доложено императрице, которая тут же отдала распоряжение отправить в Ярославль своего личного врача и ближайшего советника И.Г. Лестока. «Первый лейб-медик» на месте должен был убедиться в действительном положении дел, так как смерть курлянд-

⁸ Цит. по: **Землянская Н.С.** Палаты герцога Бирона в Ярославле // *Ярославская старина*. Вып. 2. 1995. С. 65.

Принц Карл Эрнст Бирон. Неизвестный художник. 1790-е гг.
Местонахождение не известно.

ского герцога, пусть и опального, в самом начале царствования Елизаветы Петровны могла стать пятном на её репутации.

Благодаря хлопотам Лестока положение Бирона в Ярославле значительно улучшилось. Государыня дозволила ему принимать всех, кого он пожелает, распорядилась выдать ему «материальную помощь» в размере пяти тысяч рублей, а сверх того определила содержание из местных таможенных доходов по 15 рублей в день. На эти деньги Бирон занялся обустройством и даже расширением дома, в котором проживал со своей семьёй.⁹ «Как мы в Ярославль приехали, то сперва здесь высочайшая милость нашей всемилости-

⁹ Двор Бирона сгорел во время пожара, случившегося 11 мая 1760 года.

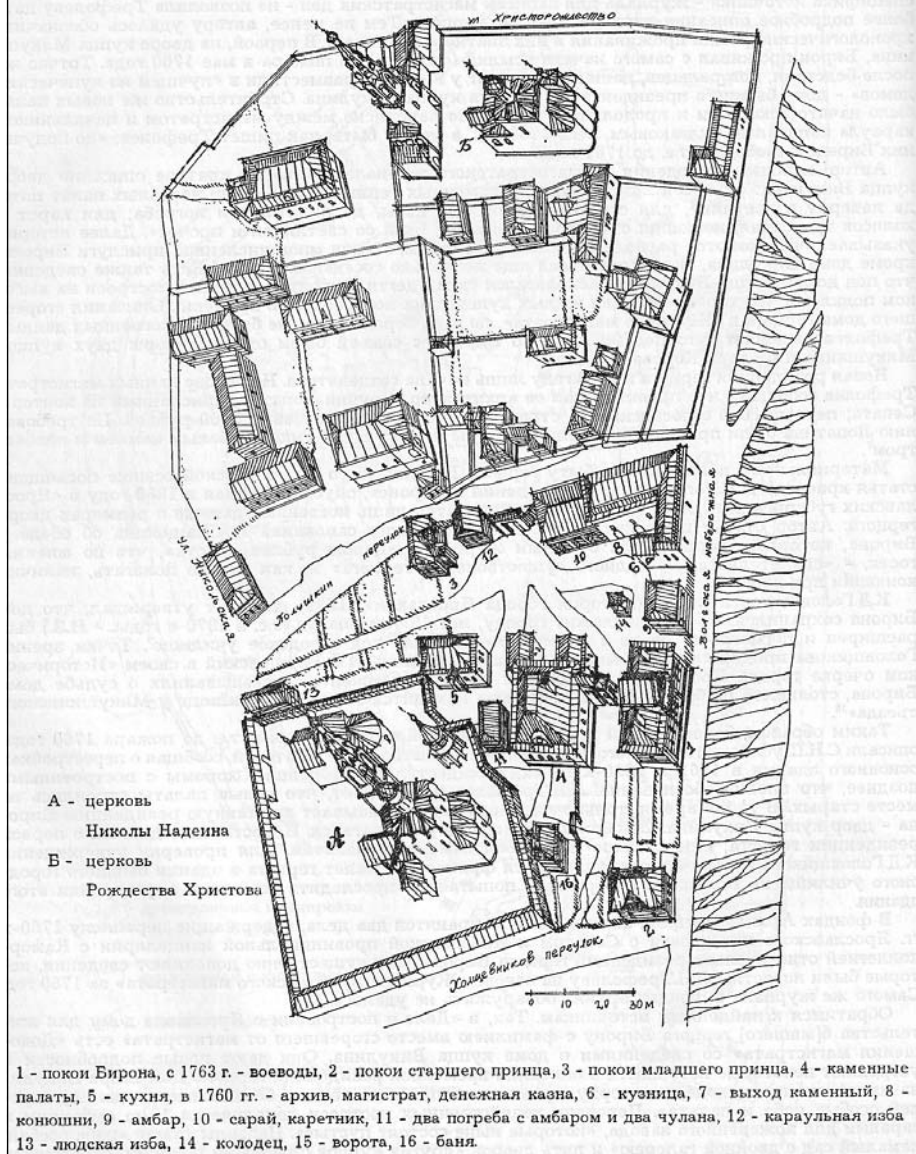
И.-Ф. Дарбес. Баронесса Екатерина Ивановна Черкасова
(урожд. принцесса Бирон). 1781.
Государственная Третьяковская галерея

вейшей императрицы присланным указом объявлена, чтобы нам хорошая квартира дана была, что так и учинено, однако дом магистральский, <...> я всегда починивать приказывал, многое к тому пристроил и нашим коштом 11 лет содержан»,¹⁰ — жаловался герцог Елизавете Петровне.

Вскоре из Петербурга прибыли конфискованные у него после ареста библиотека, мебель, посуда, многочисленные сундуки с костюмами. Бирону как страстному лошадику, наезднику и охотнику, императрица распорядилась вернуть не только лошадей и экипажи, но также охотничьих собак и ружья.

¹⁰ Шубинский С.Н. *Указ. соч.* С. 551–552.

Покои Бирона по дореволюционному плану Ярославля 1760 г.

Покои Бирона по плану Ярославля 1760 г.
Реконструкция из ст.: Н.С. Землянская. Указ. соч.

В распоряжении Бирона находился целый штат прислуги: служитель Александр Кубанец, два повара — Афанасий Палкин и Прохор Красоткин, «хлебник» Иван Федоров и слуга Илья Степанов, а при жене и дочери «девка арапка Софья» и «девка турчанка Катерина». Все они служили герцогу ещё в Петербурге. Кроме того, поскольку все члены семьи были лютеранами, то ещё со времён пельымской ссылки при них состоял пастор, получавший из казны «по 100 рублей ежегодного жалования».¹¹

Наконец-то ссыльный герцог смог позволить себе жить в окружении привычной обстановки, облачаться в любимые наряды, выезжать на породистых лошадях и охотиться «на 8 французских лье в окрестностях».¹² Ему дозволено было принимать гостей и свободно писать своим друзьям.

В 1744 г. Ярославль посетил курляндский дворянин Эвальд фон Клопман, доставивший братьям Бирона и Бисмарку весть об их полном прощении с торжественным возвращением шпаг и разрешением служить в России или отбыть в Курляндию.

После их отъезда герцог особенно сблизился с полковником Ливеном, присланным с командой в Ярославль «для ловли воров и разбойников». Они вместе охотились в окрестностях города. Часто в этих охотничьих развлечениях принимал участие и старший сын Бирона — Петр, который так же, как и его не утративший прежней заносчивости отец, вёл себя достаточно вольно, не особо считаясь с горожанами. Весной 1746 г. Сенат рассматривал дело по жалобе ярославского купца Ивана Анисимова, публично выражавшего недовольство поведением Бирона, который «имеет с полковником частую компанию и забавляютца де со псовою охотою, отъезжая от Ярославля по несколькои верст; а з большим де того Бирона сыном ездит в городе Ярославле в разные дома, и оной большой Бирона сын незнамо по какой злобе травил его, Анисимова, своими собаками».¹³

Зимой 1747 г. в Ярославле проездом побывал со своим многочисленным семейством Василий Александрович Нащокин. Здесь он не только приятно провёл время в обществе Бирона, но и получил от него дорогой подарок. «Февраля 7 числа приехал я в Ярославль с моею фамилиею и стал в квартире содержателя полотняной фабрики г-на Дмитрия Максимовича Затрапезного, а 8 числа обедал у бывшего в России регента Курляндского и Семигальского

¹¹ Там же. С. 545.

¹² Манштейн Х.Г. Указ. соч. С. 248—249.

¹³ Цит. по: Курукин И.В. *Бирон*. М., 2006. С. 376—377.

герцога фон Бирона, который в Ярославле со своей фамилией живет в аресте. Оный герцог подарил меня буланым жеребцом ценою рублей до ста, весьма годным к заводу, и февраля 10 числа мы с герцогом обедали в доме г. Затрапезного, а после обеда отправился я в свою костромскую деревню»,¹⁴ — отметил В.А. Нащокин в своих «Записках».

Наиболее тесные отношения у герцога сложились с семьёй Д.М. Затрапезнова — владельца Ярославской Малой мануфактуры. В своё время императрица Анна Иоанновна не осталась безучастна к прошению братьев Затрапезновых — Ивана и Дмитрия, когда дела на их полотняной фабрике пошли плохо, и оказала им государственную поддержку. Этой услуги Д.М. Затрапезнов не забыл и свою благодарность распространил на опального герцога. Бирон часто бывал у него в доме на Рождественской улице, а супруга Бенигна и старший сын Петр, несмотря на лютеранское вероисповедание, стали крёстными двух внуков и двух внучек фабриканта, что вызвало возмущение Ростовского митрополита Арсения Мацевича. С нечестивыми «немцами» владыка сделать ничего не мог, но младенцев велено было перекрестить, а проводившего обряд священника отправить в монастырь на покаяние. Чтобы подобное впредь не повторялось, митрополит издал указ о недопущении «иноверцев» быть восприемниками при крещении православных младенцев.¹⁵

Жизнь в провинциальном городе, несмотря на некоторую свободу, которой пользовался Бирон, мало напоминала столичную и не могла не угнетать как самого герцога, так и его семью. Вслед за сыновьями Ярославль удалось покинуть его дочери — принцессе Гедвиге Елизавете. Некрасивая и нелюбимая своим отцом, но такая же, как он, упрямая и честолюбивая, Гедвига не могла смириться с тем, что её молодость проходит в ссылке в провинции, и впереди её ждут только тоска и одиночество. Все её помыслы и желания были устремлены к нахождению возможности возвратиться в Петербург, и она задумала пойти на отчаянный шаг — побег из опостылевшего отцовского дома. Удобный случай представился в апреле 1749 г., когда императрица переехала со всем Двором в Москву, чтобы посетить Троице-Сергиеву Лавру. Не более полутораста вёрст отделяли Гедвигу от столь желанной цели — лично ходатайствовать перед Елизаветой Петровной, и принцесса решилась. «15 апреля,

¹⁴ *Записки Василия Александровича Нащокина*. СПб., 1842. С. 77.

¹⁵ *Ярославские Епархиальные ведомости*. 1890. № 6. С. 81–95; 1893. № 27. С. 419–422.

ночью, она явилась к жене ярославского воеводы, Бобришевой-Пушкиной, и, обливаясь слезами, объяснила ей, что давно уже чувствует душевную потребность принять православие, но ее отец, не желая допустить до этого, подвергает ее таким жестоким преследованиям, которые она не в силах более переносить».¹⁶

Уступив настоянию Гедвиги, Бобришева-Пушкина в ту же ночь отправилась с ней в Лавру. По прибытии в монастырь дочь Бирона была представлена первой статс-даме Двора графине Мавре Егоровне Шуваловой, имевшей большое влияние на императрицу. Графиня прониклась горячим участием и взялась ходатайствовать перед государыней, выставив принцессу «несчастной жертвой родительских преследований, будто бы навлеченных ею усердием к православной вере».¹⁷ Расчёт Гедвиги оправдался. Публичное обращение дочери поверженного врага за защитой к законной государыне и склонение иноземки в стенах святой обители перед истиной верой возымело должное действие. Она была крещена в православную веру, получив имя Екатерина Ивановна, взята ко Двору и вскоре стала гофмейстериной императрицы.

Сам Бирон также не оставлял попыток заслужить милость императрицы. Из Ярославля он отправил пространное сочинение, так называемую «Записку». В ней он рассказал о своей роли при Дворе и прежде всего о распоряжении Анны Иоанновны насчёт престолонаследия, а также о том, как его «уговаривали» стать регентом. В довершение он напомнил Елизавете Петровне, что всегда с уважением относился к ней, не пытался вредить её интересам, и когда после ареста его допрашивали о ночных беседах с цесаревной и якобы имевших место планах возведения на престол её племянника, то «отвечал вкратце, что хотя у меня отнято все, кроме чести и совести, которых не дам никому похитить, но не знаю ничего того, о чем меня спрашивают, отроду не замышлял ничего подобного; никогда не посещал цесаревну ночью; был у ея высочества всего один раз, и то среди белаго дня, когда цесаревна благосклонно позволила мне явиться к ней с соболезнованием о кончине императрицы».¹⁸

Кроме расчёта на милость императрицы, была у Бирона ещё надежда на поддержку из Курляндии. Ведь это в России он вслед за званием регента лишился всех чинов, а там герцогский титул за ним

¹⁶ Шубинский С.Н. Указ. соч. С. 548.

¹⁷ Там же. С. 549.

¹⁸ Бирон Э.-И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского // *Время*. 1861. Т. 6. № 12. С. 542.

А.П. Лосенко. Федор Григорьевич Волков. 1763.
Государственная Третьяковская галерея

формально сохранился. Сторонники Бирона несколько раз ставили перед монархами России и Речи Посполитой вопрос о его возвращении в Курляндию. Канцлер А.П. Бестужев-Рюмин даже просил императрицу выпустить Бирона и отправить его на родину, а сыновей принять на русскую службу и сделать их гарантами беспрекословного подчинения отца. Свободный курляндский трон вызывал множество притязаний и создавал проблемы для России. Однако, как вспоминал канцлер, государыня «сказать изволила, что его не освободит».¹⁹

Сегодня можно только предполагать, по какой именно причине Елизавета Петровна 20 лет держала Бирона под охраной в Ярославле. Не подлежит сомнению то, что герцог являлся знаковой фигу-

¹⁹ Цит. по: **Анисимов Е.В.** *Указ. соч.* С. 182.

рой предшествующего царствования, олицетворяя собой все его негативные стороны. Кроме того, пусть и недолго, но он был официальным регентом свергнутого законного императора Иоанна VI, память о котором императрица пыталась навсегда «похоронить». Тайные указы её повелевали изъять все документы и отменить все законы периода регентства 1740—1741 г. В истории России целый год как бы перестал существовать. Может, именно поэтому не следовало освобождать из ярославской ссылки официально проклинаемого герцога, ведь на него можно было возложить вину за «неудобное» прошлое.

Официальное помилование герцога состоялось 4 марта 1762 г., после смерти Елизаветы Петровны. Эту долгожданную весть доставил в Ярославль барон Александр Иванович Черкасов, ставший к тому времени мужем сбежавшей дочери Бирона — Гедвиги. Сразу же начались сборы, и вскоре обоз из 118 подвод тронулся в столицу. Томительная ярославская ссылка завершилась. «Он хотел присвоить себе корону, но погиб при первом заговоре. Три недели верховной власти стоили ему двадцатилетней ссылки. Он возвратился оттуда под старость лет, не потеряв ни прежней красоты, ни силы, ни черт лица, которые были грубы и суровы»,²⁰ — писал К.К. Рюльер.

Пребывание Бирона в Ярославле совпало и с первыми театральными опытами Федора Волкова, который в мае 1748 г. после длительного отсутствия возвратился из Петербурга. Семья Волковых-Полушкиных жила на Пробойной улице в приходе Николо-Надеинской церкви, неподалёку от резиденции Бирона. Документов или воспоминаний, свидетельствующих об их знакомстве, не выявлено. Однако скучающий опальный герцог вряд ли обошёл своим вниманием спектакли Волковской труппы, которые ставились в частных домах рядом с местом его проживания. Известно, что по крайней мере одно представление Ф. Волков 8 января 1750 г. устраивал в доме купца Серова, в котором как раз и квартировал со своею командою лейб-гвардии Измайловского полка поручик Дурново, охранявший семью Бирона ещё со времени пелымской ссылки и сопровождавший его в Ярославль.

Спектакли Ф. Волкова пользовались в Ярославле большим успехом. Слава о его труппе, в которой играли известные впоследствии актёры Яков Шумский и Иван Дмитриевский, дошла до Петербурга. В 1752 г. восьмерых ярославских комедиантов за казённый счёт

²⁰ Рюльер К.К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // *Россия XVIII в. глазами иностранцев*. Л., 1989. С. 274.

Церковь Николая Надеина в Ярославле.
Фото нач. XX века

Дом купца Ф.В. Полушкина, отчима Ф.Г. Волкова,
на Пробойной улице в Ярославле. Фото автора

пригласили представлять трагедию «Хорев» в Царском Селе перед самой Елизаветой Петровной.

Спектакль, по всей видимости, произвёл благоприятное впечатление. Императрица решила завести театр, отличный от придворного, который был бы рассчитан на широкие слои городской публики. Её Указ об учреждении «Русского для представления трагедий и комедий театра» (1756) положил начало созданию Императорских театров России. Федора Волкова назначают в нём «первым русским актёром».

Так в эпоху правления Елизаветы Петровны, вознесённой на российский престол в результате гвардейского заговора, Ярославский край хотя и не был ареной главного действия, оказался не просто свидетелем, но и невольным соучастником тех событий, сыграв свою роль в создании мифа о легитимности власти, а также внёс весомый вклад в культурную политику императрицы.

Литература

1. **Анисимов Е.В.** *Елизавета Петровна*. М.: Молодая гвардия, 2005. 426, [6] с. — (ЖЗЛ).
2. **Аракчеев В.А.** Вотчины А.Д. Меншикова на северо-западе России // *Меншиковские чтения — 2015: Мат-лы Российской научн. конф.: Берёзово, 27–28 ноября 2015 г.* Вып. 10. СПб.: Изд. «XVIII век», 2015. С. 33–36.
3. **Бирон Э.-И.** Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского // *Время*. 1861. Т. 6. № 12. 522–622.
4. *Записки Василия Александровича Нащокина*. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1842. [2], VI, [2], 385 с.
5. **Землянская Н.С.** Палаты герцога Бирона в Ярославле // *Ярославская старина*. Вып. 2. 1995. С. 61–68.
6. **Курукин И.В.** *Бирон*. М.: Молодая гвардия, 2006. 426, [6] с. — (ЖЗЛ. Вып. 968).
7. **Манштейн Х.Г.** *Записки Манштейна о России: 1727–1744*. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. 399 с.
8. *ПСЗ*. Т. 11. СПб.: В тип. II отд-я Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
9. **Рондо Д.У.** Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию // *Безвременье и временщики: Воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720-е–1760-е годы)*. Л.: Художественная литература, 1991. С. 189–253.
10. **Рюльер К.К.** История и анекдоты революции в России в 1762 г. // *Россия XVIII в. глазами иностранцев*. Л.: Лениздат, 1989. С. 261–312.
11. **Чуйко В.В.** Несколько слов об «Андронах» г. Щедрина // *Новости и Бирж. газета*. 1883, 22 сентября. № 252.
12. **Шубинский С.Н.** Арест и ссылка Бирона // *Русская старина*. Т. III. 1871, май. 537–561.
13. *Ярославские Епархиальные ведомости*. 1890. № 6; 1893. № 27.

Игорь Николаевич Юркин

*Главный научный сотрудник Института истории естествознания
и техники имени С.И. Вавилова РАН, Москва*

«...Птичек... песни раздаются
по зеленому леску»
(Петровская лесная политика
в зеркалах елизаветинской эпохи)

Igor N. Yurkin

«...Bird... songs sound in the green forest»
(Peter's forest policy in the mirrors
of the Elizabethan era)

Аннотация: Охарактеризована политика Петра Великого в области охраны и использования лесных ресурсов. Отмечены сходства и различия в законодательстве о лесе, каким оно было при Петре Великом и Елизавете Петровне. Констатирована разница отношения отца и дочери к природе. На примере А.И. Шувалова и событий вокруг сенатского указа 1754 г. о ликвидации подмосковных металлургических заводов показано влияние царедворцев на реализацию лесной политики.

Abstract: The policy of Peter the Great in the field of protection and use of forest resources is characterized. It is noted that in the legislation on the forest, as it was under Peter the Great and Elizabeth Petrovna, there are similarities and differences. The difference in the attitude of father and daughter to nature has been established. On the example of A.I. Shuvalov and the events around the Senate decree of 1754 on the liquidation of metallurgical plants near Moscow, the influence of the courtiers on the implementation of forestry policy is shown.

Ключевые слова: А.И. Шувалов, леса, лесная политика, лесное законодательство, уничтожение подмосковной металлургии.

Keywords: A.I. Shuvalov, forests, forest policy, forest legislation, destruction of the Moscow region metallurgy.

Петровская эпоха — время, когда вырабатывалась, получая законодательное оформление, государственная лесная политика, когда были созданы государственные учреждения, обеспечивавшие её реализацию — учёт лесных ресурсов и управление их использования. Это явилось прямым следствием того, что, по верному наблюдению Э.Г. Истоминой, «в начале XVIII в. впервые лесная проблема — отношение к лесной собственности, охрана и использование лесов — из проблемы народно-хозяйственной превратилась в политическую».¹

Лес принадлежал к числу важнейших ресурсов, необходимых для строительства военного флота, нового для России, но сразу показавшего свою эффективность инструмента внешней политики. Большинство именных указов Петра I, касавшихся лесов, было направлено, по сути, на решение одной задачи — обеспечения лесоматериалами постройки кораблей.² С первых лет нового столетия один за другим выходили законодательные акты,³ закреплявшие за государством право распоряжаться лесами, находившимися в транспортной доступности от верфей — вдоль рек, по которым можно было осуществлять сплав. В указе от 27 марта 1702 г. все леса «от Орла до Нижнего по обе стороны Оки-реки со стороны по пятидесяти верст» для семи древесных пород, «которые на корабельное и на мачты и иных морских судов на строение надобны», объявлялись заповедными. Иное их использование запрещалось: «тех лесов отнюдь никому не рубить и рубленнаго, который до сего великого государя указа срублен и с корени свалился, а на корабельное строение годно <...> не иметь и беречь накрепко».⁴

Важную часть отраслевого законодательства составляют акты 1722 и 1723 гг., связанные с созданием вальдмейстерской службы.

¹ Истомина Э.Г. *Леса России: Экологическая и социо-экономическая история (XVIII — начало XX в.)*. М., 2019. С. 45.

² Там же.

³ Их обзор у Э.Г. Истоминой (Указ. соч. С. 46–56) начинается с указа Петра I от 19 ноября 1703 г. Указ от 27 марта 1702 г. в нём упущен.

⁴ Постановления Петра Великого о заповедных лесах // *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым*. 1859. Кн. 6, отд. 9. СПб., 1859–1861. С. 1–2.

В инструкции, данной вальдмейстерам, заповедные породы в 50-вёрстной от больших рек полосе частным лицам не разрешалось использовать ни в каком виде — даже брать валежник. Заповедная зона в этой инструкции шире установленной указом 1702 г.: дополнительно к полосам вдоль больших рек в неё включили леса по 20 вёрст от малых, если те в «большие реки впали, а плавному ходу по них быть мочно».⁵

В ведении вальдмейстеров оказались и засечные леса. В Тульском уезде, который пересекала широкая их полоса, засечный (государственный) и принадлежавший частным владельцам лес описали ещё в 1702 г. Работой — «те леса измереть в версты и в десятины» — руководил «опищик» Г.О. Данилов. Под его руководством было выявлено около двух с половиной сотен лесных участков, как малых, так и больших, протяжённостью в нескольких вёрст.⁶ Леса засечные занимали среди них особое место — их оберегали с момента создания Большой Засечной черты. Хотя оборонное значение последней отошло в прошлое, в новой обстановке воспользоваться этим лесом для любых нужд, помимо тех, ради которых устанавливались ограничения, было столь же трудно, как и прежде. Обращают внимание действия властей в связи с обеспечением лесом Тульского завода Никиты Демидова, предпринимателя, который пользовался доверием и поддержкой царя, благодаря чему находился в сравнении со многими в привилегированном положении. Он в начале 1701 г. для заготовки необходимого его металлургическому заводу древесного угля получил от казны довольно большой участок засечного леса.⁷ Но это разрешение было отозвано уже через полгода, непосредственно в преддверии описания тульских лесов, за которым вскоре последовало масштабное ограничение лесопользования. Сохранить лес для флота казалось монарху и его правительству важнее, чем обеспечить им потребности промышленной отрасли, хотя она, в свою очередь, обеспечивала и военные нужды.

Недоступность лесных ресурсов превратилась в проблему, которую ощутили и другие их потребители. Разрешить её долго не удавалось даже в рамках инновационного проекта, непосредственно

⁵ Цитируется по инструкции, данной тульскому вальдмейстеру О.В. Стрекалову 1 февраля 1723 г. (*ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 601. Л. 2 об.*).

⁶ *РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 3. Кн. 14241. Л. 508 об., 510 об., 528 об. (маленькие участки), 501, 545 об. (большие).*

⁷ Указ тульскому воеводе И.А. Игнатьеву (**Кафенгауз Б.Б.** *История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии.* Т. 1. М.; Л., 1949. С. 495–496).

связанного с развитием судоходства, ради которого (в части, связанной с военным флотом) вводились ограничения. Проект — начатое в 1701 г. строительство Ивановского канала — претендовал на решение крупной задачи: создать воднотранспортный путь, связывающий центр Европейской России с её южными окраинами. Возведение в Тульском, Епифанском и прилегающем уездах многочисленных гидротехнических сооружений требовало привлечения значительных ресурсов, в том числе лесных. Руководивший строительством князь М.П. Гагарин получил разрешение брать из засек любой необходимый для канальных нужд лес. Несмотря на это, а также на значительные приложенные им усилия, решить задачу долгое время не удавалось. Даже группа числом 500 человек, посланная им для лесозаготовки в район реки Угры, вернулась оттуда ни с чем — валить лес ей там не позволили.

Не станем отрицать того, что Петр I беспокоился об организации рационального лесоустройства и лесопользования. Но сводить к этому всё, что при нём происходило с лесным фондом Европейской России, значило бы исказить реальность. Так интерпретировать ситуацию можно только при искусственном выпячивании одних черт и смягчении, вплоть до игнорирования, других. Регулятора лес интересовал не сам по себе, а лишь в качестве ресурса, важного для приоритетного потребителя. Любопытно, что апологетически настроенные историографы XIX в., отмечая заботу царя об охране леса, неудобные факты, связанные с его использованием, подчас не замечали или, замечая, некорректно перетолковывали. Показательна трактовка цели, которую преследовал посетивший Куликово поле царь — он, как рассказывает предание, распорядился клеймить деревья старого леса Зелёная Дубрава, помнившего воевод и ратников Дмитрия Донского. Историки и краеведы подчас усматривали в этом распоряжении стремление сохранить исторические дубы.⁸ В действительности практика клеймения преследовала иную цель: отличить законно срубленное или подготовленное к рубке дерево от дерева, поваленного незаконно.⁹

⁸ Самая ранняя известная нам публикация, в которой присутствует такое объяснение повелению царя, содержится в статье историка-краеведа П.В. Нарциссова (**Нарциссов П.В.** Памятники времен татарщины // *По Тульскому краю: Пособие для экскурсий.* Тула, 1925. С. 557–558). Впоследствии такая его трактовка в краеведческой литературе стала общим местом.

⁹ **Юркин И.Н.** *Петр Железный: Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы.* СПб., 2012. С. 159–163; **Юркин И.Н.** *Водный тракт Куликова поля: Страницы истории Ивановского канала.* Тула, 2020. С. 117–121.

Петр сажал лес, больше того, требовал сохранять пни срубленных деревьев, если они могли дать отпрыски. И он же дававший лучшую древесину лес валил, создавая свой стремительно собиравший победы военный флот. Эта контроверза — одна из многих, определявших лицо эпохи. В ней — её щедрая и безжалостная в этой щедрости энергия, хлещущая из пассионарного источника как кипяток из гейзера.

Черты петровской лесной политики отразились в том, что пришло ей на смену. Можно согласиться с наблюдениями исследователей, полагающих, что в послепетровскую эпоху данная тема «наиболее ярко обозначилась» в годы пребывания на престоле императрицы Елизаветы Петровны. По заключению Э.Г. Истоминой, её указы содержали «буквально повторы исходных позиций петровского законодательства, не отличаясь собственным видением “предмета”». Единственное отличие в подходах к этим вопросам у Петра и его дочери Истомина усмотрела в том, что при последней всё же признавалось право частных владельцев на собственный лес.¹⁰

Но в период пребывания на престоле Елизаветы Петровны история лесного фонда России определилась не только содержанием законодательства, регулировавшего охрану и использование лесных богатств. Определённую роль играло, во-первых, личное отношение Елизаветы Петровны к лесам и, шире, к природе, во-вторых, влияние на реализацию лесной политики (в своей основе оставшейся близкой к петровской) ближайшего окружения императрицы.

Дщерь Петрова была равнодушна к «красотам естества» — вспомним хотя бы роскошные дворцовые сады её эпохи. Впрочем, Петр о садах заботился едва ли меньше (хотя о том, насколько значима в их восприятии была для него эстетическая составляющая, говорить затрудняемся). Но существовало занятие — охота, самая суть которого состояла в теснейшем контакте человека с природой, и отношение к охоте отца и дочери различалось радикально.

Петр считал охоту делом бесполезным и недостойным государя. Свидетельства о его участии в охотах относятся преимущественно к позднему времени, а также к заграничным путешествиям.¹¹

В отличие от него юную принцессу Елизавету видим в длительном и тесном общении с природой. По выражению Л.А. Маркиной,

¹⁰ Истомина Э.Г. Указ. соч. С. 58.

¹¹ Кутепов Н.И. Царская и императорская охота на Руси: Конец XVII и XVIII век: Исторический очерк. СПб., 1902. С. 7–11.

«бесстрашная наездница и неутомимая охотница», она вместе с юным Петром II часто участвовала в охотах, продолжавшихся иногда много дней.¹² Её восприятие природы, сформировавшееся, вероятно, и благодаря им, отразилось в стихах, ею сочинённых. Вот строки одной из её песен:

«Чистый источник! всех цветов красивей, / Всех приятней мне лугов / Ты и рощ всех, ах! и меня счастливей, / Гор, долинок и кустов;
Но не тем, что лишь струйки тихо льются / По сыпучему песку / И что птичек в слух песни раздаются / По зеленому леску.
Нет, не тем; но прекрасно умывала / Нимфа что лицо тобой, / С брегу белыя ноги опускала / И ток украшала твой».¹³

В этом тексте гармонично слились чистота, красота, счастье, душевный покой... Нимфа источника — внешним обликом человек, она же часть уподобленного волшебному саду ландшафта — наполненных птичьим щебетом гор, долинок и кустов.

Можно, конечно, оспорить связь с автором этого мотива в цитированном тексте (во всяком случае, ослабить степень этой связи), сославшись на то, что леса, ручьи и птицы — органичный элемент многих жанров в мировой народной и профессиональной художественной культуре. Но народная песня не исчерпывается темами и образами, источником которых является мир природы. Органичный — не значит обязательный. Сочиняя стихи, перекликающиеся с фольклорной традицией, можно было обойтись и без «зелёной» тематики. Поэтесса Елизавета не обошлась. Всё, окрашенное этим цветом, было ей близко в силу душевной к нему склонности. Это проявлялось и в других, подчас необычных, сферах и формах. Также в неожиданных местах.

11 мая 1744 г. императрица, находясь в Сенате, высказала сожаление о том, что вокруг Москвы исчезают леса. Одновременно поделилась соображением, как с этим бороться: для их сбережения дома в столице следует строить не деревянные, а каменные. Учитывая, что вклад в исчезновение лесов вносило не только жилищное строительство, но и выжигание древесного угля, Сенат постановил запросить ведомства, сколько вокруг Москвы существует заводов,

¹² **Маркина Л.А.** Придворная охота: Императрицы-охотницы: лики и лица // [Электронный ресурс] <http://history-gatchina.ru/owners/hunt/imper.htm> (дата обращения: 04.09.2021).

¹³ **Императрица Елизавета.** Стихи // [Электронный ресурс] www.poesis.ru/poetia-poezia/elizaveta/frm_vers.htm (дата обращения: 11.06.2021).

этот уголь потреблявших. После того как сведения получили, началась вялая выработка решения, как поступить с действующими вокруг Москвы «огнедействующими» (винокурными, стекольными, «горными», т.е. металлургическими) заводами.

Работа ускориалась, когда к ней подключился граф Александр Иванович Шувалов. Список горных заводов и их владельцев за десять лет изменился, в их число вошёл со своими предприятиями и Шувалов. Его стараниями Сенат на основании своих же определений 22 августа 1754 г. отправил в Берг-коллегию указ, которым повелел «состоящая от Москвы в 200-х верстах <...> заводы <...> для сохранения лесов уничтожить, а имеющиеся на них наличные материалы в год переделать и более заготовлять не допускать». Императрица запущенную этим кампанию реновации промышленной зоны вокруг Москвы не остановила.

Как видим, прислушиваясь к трепету листьев и песням птиц, Елизавета Петровна слушала и тех, кто, стоя у трона, высказывал мнения по поводу среды, в которой те ворковали. А они вмешивались в политику куда смелее, чем это позволял своей «компанией» Петр Великий. В политику лесную — в том числе.

Сенатский указ послужил толчком масштабной акции, затронувшей большинство металлостроителей центра Европейской части России. Требование закрытия заводов в округе старой столицы распространялось на полтора десятка названных в указе предприятий. Некоторые из них (заводы Городищенские и Тульский Демидовых) уже не действовали, но прочие исправно функционировали. Все, исключая Тульский оружейный завод (казённый) и три предприятия А.И. Шувалова, приговаривались к ликвидации.

История реализации этого указа в литературе уже рассматривалась,¹⁴ хотя многие её детали всё ещё требуют более внимательного изучения и интерпретации. Особый интерес представляет участие в ней Шувалова, оценка его действий и их последствий. По большей части эти действия сводились к борьбе с конкурентами реальными и потенциальными и безжалостному вытеснению их с рынка. Так, он сумел устранить со своего пути Мосоловых, при этом добившись закрытия их Архангельского завода, позднее настоял на его передаче себе, а ещё позже получил разрешение открыть полуразрушенный завод заново.¹⁵ Инспирированный Шуваловым указ доставил

¹⁴ К ней на страницах своей монографии неоднократно обращается Н.И. Павленко. См.: Павленко Н.И. *История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводладельцы*. М., 1962. С. 129–132, 464, 467 и др.

¹⁵ Там же. С. 132.

немало хлопот и крепким заводовладельцам. Даже первому из них, Никите Никитичу Демидову, пришлось защищать подпавший под его действие Дугнинский завод, доказывая его важность для государства и то, что на среду его работа не влияет. При этом находившиеся в освобождаемой зоне предприятия самого Шувалова без каких-либо для их хозяина проблем продолжали сжигать лес ещё долго.¹⁶

При Елизавете Петровне предпринимались шаги в области экономики, давно назревшие и выгодные для государственного хозяйства, например отмена внутренних таможен. Вместе с тем, для периода её царствования известны случаи регулирующего вмешательства в экономические процессы, не слишком полезные для государства, но полезные для частных лиц, среди которых нередко видим влиятельных царедворцев. Примером может служить начатая в 1750-х гг. приватизация казённых металлургических заводов. Имевший возможность наблюдать и профессионально оценивать итоги этого опыта, бывший глава Канцелярии Главного заводов правления А.С. Ярцов в написанной им в конце жизни «Российской горной истории» (1810-е гг.) подверг его уничтожающей критике, сопроводив оценки убедительными экономическими расчётами.

Приватизация приносила в жертву частному предпринимательскому интересу вполне налаженное казённое хозяйство. Указ 1754 г. для удовлетворения интересов конкретного лица обрекал на уничтожение большую группу частных заводов. Убедительную оценку предпринимательской деятельности А.И. Шувалова в сфере горно-металлургической промышленности дал уже после смерти Елизаветы Петровны и последовавшего за этим отстранения от власти её окружения доклад Сената, высочайше подтверждённый 5 августа 1765 г.¹⁷ В нём подчёркивалась неприемлемость передачи в чужие руки уничтоженных заводов для их возобновления новым собственником. Приводился пример: «как по сему делу оказалось, что построенные в Московской губернии разные заводы у других заводчи-

¹⁶ Подмосковьем дело не ограничилось. В 1757 г. А.И. Шувалов в компании с купцом Г.И. Глазовым построил на Урале Покровский медеплавильный завод (Павленко Н.И. Указ. соч. С. 236–240; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. *Из истории южноуральских горных заводов XVIII XIX веков*. Ч. 1. Уфа, 1985. С. 272–273). В 1754 г. на Урал проник и Петр Иванович Шувалов — он на выгодных условиях приватизировал Гороблагодатские заводы (Павленко Н.И. *Указ соч.* С. 342–343).

¹⁷ Цитируем положения этого документа по датированному 13 июня 1777 г. обширному доношению заводовладельца А.М. Мосолова, содержащему подробное изложение этого доклада (ЛАО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 21–27 об.).

ков для збереження лесов уничтожены, а после те¹⁸ самые отданы, а иные якобы самовольно <добровольно. — *И.Ю.*> от заводчиков во время уничтожения их графу Шувалову в одне руки уступлены». В этом Сенат не усмотрел ни казённой прибыли, ни общественной пользы. Больше того, нашёл «казенной повсягодной убыток»: если б те заводы оставались во владении прежних заводчиков, они бы платили с чугуна подати, «а за ним, графом Шуваловым, все состоящие в Московской губернии заводы никакой подати не платят».

На фоне продолжавшей усиливаться бюрократизации хозяйственного быта страны вскрылось ещё одно обстоятельство, неожиданное и особенно неприятное: выяснилось, что правительство даже «не знает, сколько за ним, графом Шуваловым, заводов состоит». «По определению Сената 1752 году генваря 9 дня заводам ево в ведомстве Берг-коллегии быть не велено», поэтому «он от своих заводов никаких ведомостей во оную коллегия не присылает», соответственно и Сенат таких сведений не имеет. И, если заводы по-прежнему останутся у Шувалова, их «и впредь иметь не может».

Какой-либо пользы от предпринимательской деятельности лично Шувалова Сенат, подводя итог начатого в 1754 г. разгрома частных заводов, не усмотрел. И высказался по этому поводу однозначно: «ежели он, граф Шувалов, столько, сколько уничтожено, себе заводов присовокупил или построил, то и *збережения лесов тем, что у других отнято, а ему во одне руки отдано, нимало не произошло*».

Сенатский указ коснулся и давнего события, с которого началась эта история — с мнения, высказанного императрицей. По его заключению, сказанное императрицей уничтожения заводов не подразумевало: «Записанное ея величества 1744 году мая 11 дня в Сенате разсуждение, по которому единственно Сенат спустя десять лет <...> приступил определение сделать о уничтожении реченных заводов, содержит в себе что то толко, чтоб леса зберегать деланием в Москве каменнаго, а не деревяннаго строения, а отнють не то, чтоб горные и заведенные по обнародаванному Берг-привиллегии и Берг-регламента заводы <...> уничтожить убытками и раззорением партикулярных людей, употребленных в них свои собственныя капиталы». Рассуждение императрицы, постулировал Сенат, «*совсем до горных заводов не касается*».¹⁹

Не знаем ничего, чем можно было бы опровергнуть цитированные умозаключения и выводы из них. В указе 1765 г., по нашему

¹⁸ В копии, с которой мы работали — «тех». Предполагая ошибку, исправляем по смыслу.

¹⁹ Там же. Л. 23 об.—25. Выделения наши.

мнению, всё верно. Хотя и с опозданием, он даёт взвешенную объективную оценку тому, что произошло. Этот факт ещё раз показывает, что разбиравшиеся в экономике государственные деятели на высших постах в то время в России были, что они возможность приложить свою квалификацию к практическому государственному управлению получали, хотя и не всегда. Впрочем, начатый при Елизавете Петровне эксперимент с частным содержанием вчерашних казённых заводов при новой правительнице длился ещё долго, хотя постепенно и он сворачивался.

Итак, трактовать указ 1754 г. как преследовавший природоохранные цели не приходится. Н.И. Павленко отмечал, что он был издан в угоду Шувалову, а тот, организуя «разгром подмосковной металлургии», руководствовался исключительно корыстными мотивами.²⁰ Другой вопрос — помогло ли всё это сохранению лесов. Результатом действий Шувалова стало локальное торможение развития одной из наиболее развитых отраслей российской промышленности. Мы не можем сравнить результаты деятельности Шувалова с теми результатами, которых могли достичь заводчики, вытесненные им из зоны, которую он стремился контролировать. Но можно достаточно уверенно утверждать, что стратегия развития у него, победителя, и у них, побеждённых, была разной. Они расширяли действующие заводы и строили новые. Он закрывал действующие и, эксплуатируя свои, заботился о расширении производства. Из десяти заводов, закрытых по сенатскому указу 1754 г., не был восстановлен ни один. Из числа пострадавших две семьи заводладельцев (Карасевы и Золотаревы) были полностью разорены.²¹ Таким образом, тормозящее воздействие на отрасль, оказанное вельможей, налицо. Но, тормозя развитие, деятельность Шувалова в центре Европейской части Российской империи ослабляла антропогенное влияние на природную среду. Замедлялось развитие металлургии — меньше страдали леса.

Мы знаем петровскую лесную политику, которая провозгласила «преимущественное право государства на леса» (корабельные. — *И.Ю.*) и установила «постоянный контроль над остальными лесными угодьями».²² Знаем и екатерининскую политику в их отношении. Можно ли говорить о промышленной политике в области лесного хозяйства, относящейся ко времени царствования остающейся в тени двух великих властителей императрицы Елизаветы Петровны?

²⁰ Павленко Н.И. *Указ. соч.* С. 464, 467.

²¹ Там же. С. 467.

²² Истомина Э.Г. *Указ. соч.* С. 56.

Нимфа, под пенью птиц омывавшая лицо в лесном источнике, она в букочической неге вспоминала ли о валке леса, сплаве, пилке, теске, рубке?

Этим риторическим вопросом и закончим статью.

Архивные источники

1. ГАТО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300; Ф. 55. Оп. 1. Д. 601.
2. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ч. 3. Кн. 14241.

Литература

3. Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. *Из истории южноуральских горных заводов XVIII XIX веков*. Ч. 1. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1985. 423 с.
4. Императрица Елизавета. Стихи // [Электронный ресурс] www.poesis.ru/poeti-poezia/elizaveta/frm_vers.htm (дата обращения: 11.06.2021).
5. Истомина Э.Г. *Леса России: Экологическая и социо-экономическая история (XVIII — начало XX в.)*. М.: Квадрига, 2019. 358 с. — (Исторические исследования).
6. Кафенгауз Б.Б. *История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии*. Т. 1. М.; Л.: Изд. Академ. наук СССР, 1949. 524 с.
7. Кутепов Н.И. *Царская и императорская охота на Руси: Конец XVII и XVIII век: Исторический очерк*. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. XXXII, 299, [1], 283, [1] с., [26] л. ил.
8. Маркина Л.А. Придворная охота: Императрицы-охотницы: лики и лица // [Электронный ресурс] <http://history-gatchina.ru/owners/hunt/imper.htm> (дата обращения: 04.09.2021).
9. Нарциссов П.В. Памятники времен татарщины // *По Тульскому краю: Пособие для экскурсий*. Тула: Изд. Тульского губисполкома, 1925. С. 557–558.
10. Павленко Н.И. *История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы*. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 566 с.
11. Постановления Петра Великого о заповедных лесах // *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым*. 1859. Кн. 6, отд. 9. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1859–1861. Приложение. 1861. С. 1–19.
12. Юркин И.Н. *Водный тракт Куликова поля: Страницы истории Ивановского канала*. Тула: ГМЗ «Куликово поле», 2020. 181 с.
13. Юркин И.Н. *Петр Железный: Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы*. СПб.: Европейский Дом, 2012. С. 352 с.

Список сокращений

НSSAA	— Historiography and Source Studies of Asia and Africa
АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи
БАН	— Библиотека Академии наук
ВМФ	— Военно-морской флот
ВШЭ	— Высшая школа экономики
ГААО	— Государственный архив Архангельской области
ГАВО	— Государственный архив Воронежской области
ГАТО	— Государственный архив Тульской области
ГИМ	— Государственный исторический музей, Москва
ГРМ	— Государственный Русский музей
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ЖЗЛ	— Жизнь замечательных людей
ИИСАА	— Историография и источниковедение стран Азии и Африки
КФЖ	— Камер-фурьерские церемониальные журналы, 1695–1816 гг. СПб., 1853–1916; Камер-фурьерские церемониальные журналы, 1739–1779 гг. СПб., б.г.—1883
МГОМЗ	— Московский государственный объединённый музей-заповедник
МИРФ	— Материалы для истории русского флота
НИОР	— Научно-исследовательский отдел рукописей
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ПиБ	— Письма и Бумаги императора Петра Великого
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собр. 1-е. СПб.: В тип. II отд-я Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив
Сб. РИО	— Сборник Императорского Русского Исторического Общества

- СЗ — Свод законов Российской империи
- СПБНИИ РАН — Санкт-Петербургский Институт истории РАН
- ФГН НИУ ВШЭ — Факультет гуманитарных наук Национально-исследовательского университета Высшая школа экономики
- ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете

Указатель имён¹

- Abelmann Eberhard Jürgen — см. Абельманн Эберхард Юрген
- Baugh Daniel Albert — см. Боуг Даниэл Альберт
- Besterman Theodore — см. Бестерман Теодор
- Bolotow Andrej — см. Болотов Андрей Тимофеевич
- Bonnet Dominique*, французская журналистка — 205
- Brown Andrew*, французский специалист по французской литературе XVIII века — 308, 324
- Büsching Anton Friedrich — см. Бюшинг Антон Фридрих
- Campredon Jacques, de — см. Кампредон Жак, де
- Carrière d'Encausse Hélène — см. Каррер д'Анкокс Элен
- Churchill William Algernon* (1865–1947), британский историк искусства, дипломат — 263, 274
- Corbellier Clare* (1931–2003), американский искусствовед, специалист по фарфору — 339, 341
- Danley Mark H. — см. Данли Марк
- Daschkoff, princesse — см. Дашкова Екатерина Романовна, кн.
- Dézallier d'Argenville Antoine-Joseph — см. Дезалье д'Аржанвиль Антуан-Жозеф
- Dixon Simon* (втор. пол. XX / нач. XXI в.), английский историк — 117, 125
- Dolgoroukow Pierre* (*Долгоруков Пётр Владимирович*, кн.; 1816–1868), историк и публицист — 205
- Ehrenmalm L.J. — см. Эренмальм Ларс Юхан
- Ekhtiar Maryam*, американский специалист в области персидского искусства и культуры — 30
- Evans Richard John* (р. 1947), британский историк — 86, 88
- Fraanje Maarten* (р. 1965), нидерландский литературовед — 117, 125
- Füssel Marian — см. Фюссель Мариан
- Gallini Giovanni-Andrea Battista — см. Галлини Джовани-Андреа
- Graff Harvey J.* (р. 1949), американский социолог, историк — 86, 88
- Graham-Dixon Andrew — см. Грем-Диксон Эндрю
- Hänsel Christoph Gottlieb* (сер. XVIII в.), немецкий танцмейстер университета в Лейпциге, автор учебника танцев — 278, 283
- Hartmann Hans*, немецкий историк — 140, 149
- Jalabert Laurent*, французский историк — 205
- Janelis Ilze Māra* — см. Янелис Ильза Мара
- Jong Eric, de*, нидерландский историк садов — 241, 246

¹ Курсивом выделены авторы публикаций, чьи имена встречаются только в ссылках. Жирным шрифтом выделены имена авторов данного сборника.

- Jubé Jacques*, французский историк — 205
- Karp Serguei* — см. Карп Сергей Яковлевич
- Klein Jaachim* (втор. пол. XX / нач. XXI в.), немецкий литературовед — 117, 125
- Koelving Ulla*, французский специалист по французской литературе XVIII века — 308, 324
- Lerche Johann Jakob* — см. Лерх Иван Яковлевич
- Liechtenhan Francine-Dominique* — см. Лиштенан Франсин-Доминик
- Lizé Emile*, канадский литературовед — 309, 324
- Lortholary A.* — см. Лортолари Альбер
- Mahler Raphael* (1899–1977), еврейский историк, польского происхождения — 127, 137
- Manstein Christoph Hermann, von* — см. Манштейн Христоф/Кристоф Герман, фон
- Martschukat Jürgen* (р. 1965), немецкий историк — 86, 88
- Mervaud Christiane* — см. Мерво Кристиан
- Mervaud Michel* — см. Мерво Мишель
- Oldenbourg Zoé* (*Ольденбург Зоя Сергеевна*; 1916–2002), французский писатель, историк русского происхождения — 205
- Olivier Daria* — см. Оливье Дарья
- Pauli Charles* — см. Паули Шарль
- Proschwitz Gunnar, von* (1922–2005), шведский романист, литературовед, специалист по XVIII в. — 308, 324
- Raeff Marc* (*Раев Марк Исаевич*; 1923–2008), американский историк русского происхождения — 55–56
- Ranke Leopold, von* — см. Ранке Леопольд, фон
- Schnakenbourg Eric*, французский историк — 205
- Speelman Patrick J.* — см. Спилман Патрик
- Sysang Johann Christoph* (1703–1757), немецкий гравёр — 296
- Tāhirī Shihāb Muḥammad* (1916/1917–1971/1972), иранский поэт, писатель, исследователь — 30
- Tomlinson Kellom* (ок. 1690 — после 1753), английский хореограф — 280, 283
- Troyat Henri* (1911–2007), французский писатель — 194, 196, 205
- Vandal Albert* — см. Вандаль Альбер
- Vasilyeva D.* — см. Васильева Дарья Олеговна
- Villati Leopold* — см. Виллати Леопольдо, да
- Voltaire* — см. Вольтер
- Waliszewski Kazimierz* — см. Валишевский Казимир
- Welsh Jorge*, британский и португальский галерист, антиквар, издатель — 336, 341
- Wilberger Carolyn H.*, американский специалист по французской и русской литературе XVIII века — 320, 324
- Winterschmid Albert Wolfgang* (сер. — втор. пол. XVIII в.), немецкий танцмейстер университета в Альтдорфе, книгоиздатель — 278, 283
- Wolff Larry* (р. 1957), американский историк — 321, 324
- Абельманн Эберхард Юрген (Abelmann Eberhard Jürgen; 1703–1765), пекарь-мастер, мэр города Ганновер с 1763 — 140, 149
- Абрамов Михаил Петрович (1680–1752), директор Санкт-Петербургской типографии — 379
- Абызов (сер. XVIII в.), отставной казак, в 1753 проходивший по следствию о нарушении правил добычи соли — 422

- Август (Октавиан Август, Octavianus Augustus; 63–14 до н.э.), древнеримский император — 373
- Август II Сильный (August II Мосну; 1670–1733), с 1694 курфюрст Саксонии (под именем Фридрих Август I), в 1697–1704 и в 1709–1733 король польский и великий князь литовский — 173
- Август III (August III; 1696–1763), король польский и великий князь литовский с 1734, курфюрст Саксонский с 1733 как Фридрих Август II — 79, 145
- Агеева Ольга Гениевна** (р. 1956), историк — 17, 24, 26
- Адолский (Одольский) Григорий Николаевич? (ок. 1681 — после 1725), иконописец, орнаментальный живописец — 379
- Адолский Иван Николаевич? (ок. 1686 — ок. 1758), живописец, гравёр — 354, 379
- Адолф Фредрик (Adolf Fredrik; 1710–1771), с 1727 князь-епископ Любека, с 1739 управляющий Гольштейна при малолетнем Карле Петере Ульрихе (будущем Петре III), с 1751 король Швеции — 48
- Акимова Татьяна Михайловна* (1898–1987), фольклорист, литературовед, этнограф, краевед — 420–421, 426
- Акиншин Александр Николаевич** (р. 1955), историк — 394
- Александр I Павлович (1777–1825), российский император с 1801 — 22, 386, 399, 401
- Александр II Николаевич (1818–1881), российский император с 1855 — 350, 399, 404
- Александр III Александрович (1845–1894), российский император с 1881 — 403
- Александр Македонский (Александр III Великий; 356–323 до н.э.), выдающийся полководец — 373
- Алексеев Михаил Павлович (1896–1981), литературовед — 307, 314, 324
- Алексеева Татьяна Васильевна (1920–1991), искусствовед — 348
- Алексей Петрович, царевич (1690–1718), сын Петра I — 40, 165–166, 169, 174, 289, 316, 372
- Альон (Алион) д'Юссон Жан Луи, граф д', гр. (Alion d'Usson Jean Louis, d'; 1705–1760), французский посол в России — 309
- Амати Николо (Amati Nicola; 1596–1684), итальянский мастер по изготовлению музыкальных инструментов — 53
- Амачкин Н. (сер. XVIII в.), поручик, направлен в помощь Н.Ф. Чемодурову для разработки соляного озера Эльтон — 417
- Амвросий (Зертис-Каменский; 1708–1771), с 1768 архиепископ Московский — 253–254
- Амвросий (Юшкевич Андрей)*; ок. 1690–1745), с 1740 архиепископ Новгородский и Великолуцкий — 10–11, 16
- Амикони (Амигони) Якопо (Джакопо) (Amigoni Jacopo; 1675–1752), итальянский исторический и портретный живописец — 270, 347
- Аммон Иван (Герман) Фёдорович* (1822–1874), юрист, публицист, переводчик — 188, 191
- Амосов Афанасий Иванович (втор. пол. XVIII в.), архангельский купец 2-й гильдии — 409
- Анастасия Ивановна Гессен-Гомбургская, принцесса (урожд. кнж. Трубецкая; 1700–1755), в первом браке кн. Кантемир, с 1741 статс-дама при дворе Елизаветы Петровны — 252
- Андреева Екатерина Александровна* (р. 1975), историк — 185, 189–190
- Анисимов Евгений Викторович** (р. 1947), историк — 9, 15–16, 81, 88, 144–145, 149, 166, 174, 177, 190, 286, 291, 355, 357, 360, 428, 442, 445
- Анисимов Иван (сер. XVIII в.), ярославский купец — 439

- Анисимов Максим Юрьевич (р. 1974), историк — 140, 147, 149
- Анна Иоанновна, царица (1693–1740), герцогиня Курляндская, российская императрица (1730–1740), племянница Петра I — 11–15, 28–30, 43, 46, 56, 127–128, 131, 136, 168, 189, 196–198, 209, 241, 263, 270, 277, 279–281, 283, 328–330, 336, 341, 346, 355, 363, 406, 409, 432–433, 440–441
- Анна Леопольдовна, принцесса Мекленбург-Шверинская (1718–1746), российская правительница (1740–1741) при малолетнем императоре Иоанне VI Антоновиче — 23, 29, 31, 33, 44, 78, 196, 200, 252
- Анна Петровна, царица (1708–1728), дочь Петра I и Екатерины I, герцогиня Голштинская, мать имп. Петра III — 23, 25, 40, 44, 46–47, 154, 161, 166–174, 182, 195, 289, 350, 353–354
- Анташов Петр (пер. четверть XVIII в.), плотник, руководитель плотничной артели — 154
- Антон Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский, принц (Anton Ulrich Prinz von Braunschweig-Wolfenbüttel; 1714–1774), муж Анны Леопольдовны, отец Иоанна VI — 44, 406
- Антонов Виктор Васильевич* (1938–2014), церковный историк, искусствовед, краевед — 251, 258
- Антропов Алексей Петрович (1716–1795), живописец — 97, 289, 346, 357
- Апраксин Степан Федорович (1702–1758), генерал-майор с 1739, в 1741 встречал персидское посольство, в 1742 посол в Персии, с 1756 генерал-фельдмаршал — 30, 32–33, 59, 62, 113–114, 140, 145–149
- Апраксин Федор Матвеевич (1661–1728), гр. с 1709, гос. деятель, генерал-адмирал с 1708, брат царицы Марфы Матвеевны — 183–184, 188, 243
- Арайя Франческо Доменико (Araija Francesco Domenico; ок. 1709 — не ранее 1767), итальянский композитор и придворный капельмейстер — 270–273
- Аракчеев Владимир Анатольевич* (р. 1964), историк — 428, 445
- Арапова Татьяна Борисовна* (р. 1938), искусствовед, японист, синолог — 340, 342
- Аргунов Иван Петрович (1729–1802), живописец — 97, 387
- Аржансон Рене Луи, маркиз де Пальми, д' (Argenson René Louis, marquis de Paulmy, d'; 1694–1757), в 1744–1747 министр иностранных дел Франции — 308–309
- Арсений (Мацевич; 1697–1772), в 1742–1763 митрополит Ростовский — 440
- Арсеньева Екатерина Николаевна*, петербургский краевед — 383, 388
- Артамонов Владимир Алексеевич* (р. 1940), историк — 62, 66
- Арцыбашев А. (сер. XVIII в.), ассессор, направлен в помощь Н.Ф. Чесмодурову для разработки соляного озера Эльтон — 417
- Аршинов (сер. XVIII в.), переведенец, в 1753 проходивший по следствию о нарушении правил добычи соли — 422
- Ачаркан Дмитрий-Мирон Исаакович* (1888–1971), историк — 158–159, 162
- Баженины Осип и Федор Андреевичи (кон. XVII — сер. XVIII в.), братья, холмогорские купцы гостиной сотни, основатели отечественного промышленного лесопиления и купеческого судостроения — 409
- Баженов Василий Иванович (1737–1799), архитектор — 384, 386
- Базилевич Константин Васильевич* (1892–1950), историк — 61, 66

- Балязин Вольдемар Николаевич* (1931–2005), историк — 182–183, 190
- Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич* (1788–1850), историк и гос. деятель — 30, 36
- Бантыш-Каменский Николай Николаевич* (1737–1814), историк — 19–20, 26, 336, 341
- Баранов Платон Иванович* (1827–1884/1885), историк, архивист — 129, 137
- Баранова Светлана Измайловна** (р. 1950), историк — 151, 159, 161–162
- Барашев Михаил Анатольевич** (р. 1966), искусствовед, историк, краевед — 206
- Баризьен Фридрих Гартман* (Barisien Friedrich Hartmann; 1724–1796), немецко-балтийский художник-портретист — 435
- Бармин Александр Гаврилович* (1900–1952), прозаик, детский писатель — 61, 66
- Бармин Антон Афанасьевич* (сер. XVIII в.), архангельский купец 1-й гильдии — 409
- Барр Жан* (Barг Jean; 1640–1731), французский историк — 51
- Барсов Павел Петрович* (1819–1881), юрист, переводчик — 154
- Бартнев Пётр Иванович* (1829–1912), историк, литературовед, зачинатель пушкиноведения — 54, 56, 128, 137, 188, 191
- Бартольд Василий Владимирович* (1869–1930), востоковед, историк, филолог — 28, 37
- Бассевич Геннинг-Фридрих, фон, граф* (Bassewitz Henning Friedrich, von; 1680–1749), президент тайного совета герцога Шлезвиг-Гольштинского Карла Фридриха, будущего зятя Петра I, автор воспоминаний — 182, 187, 190–191
- Батовский Зигмунт* (пер. пол. XX в.), польский историк, искусствовед — 221–222, 228
- Бахирев Л.И.* (сер. XVIII в.), статский советник, кабинет-секретарь Елизаветы Петровны — 303, 359
- Башилов Д.*, до лета 1716 капитан лейб-шнывы «Лизетт» — 189
- Бегров Карл Петрович* (1799–1875), художник, литограф — 184
- Безобразов Никита Семенович* (ок. 1703 — ?), с 1741 прокурор Сысского приказа, полковник, с 1753 статский советник, главный судья Сысского приказа, в 1767 был избран депутатом Уложенной Комиссии — 82
- Бейль Пьер* (Baule Pierre; 1647–1706), французский мыслитель, философско-богословский критик — 51
- Бекетов Никита Афанасьевич* (1729–1794), с 1742 сержант, позже генерал-поручик, в 1763–1780 астраханский губернатор — 116
- Беккариа Чезаре* (Beccaria Wonesana Cesare; 1738–1794), итальянский мыслитель, публицист, правовед — 76, 86–88
- Беликов Петр Егорьевич* (1793–1859), сын дьякона, инспектор придворной певческой капеллы — 268
- Белковец Лариса Прокопьевна* (р. 1941), историк — 315, 324
- Белозерская Надежда Александровна* (урожд. Ген; 1838–1912), переводчица, историк, литератор, педагог, журналист — 156, 162
- Бельские, братья*, художники — 236
- Бельский Иван Иванович* (1719–1799), художник, иконописец — 237
- Белютин Элий Михайлович* (1925–2012), художник, педагог, историк искусства — 350, 361
- Беляев Осип Петрович* (ок. 1763–1807), писатель — 179–180, 191
- Беляев* (сер. XVIII в.), его свадьба праздновалась в 1746 в императорском дворце — 279
- Бентинк Шарлотта-София, графиня фон Альтенбург* (Bentinck Charlotte-Sophie von Altenburg; 1715–1800), немецкая аристократка, корреспондент Вольтера — 316

- Бенуа Александр Николаевич (1870–1960), художник, историк искусства — 219, 221, 224–228, 327, 329, 335, 342
- Бердников Лев Иосифович* (р. 1956), русско-американский писатель, филолог, культуролог — 130, 137
- Березин Василий Маркович* (1857–1912), преподаватель Владимирской духовной семинарии, краевед — 208–209, 212–213, 216–217
- Берёзкин Ростислав Владимирович** (р. 1982), китаист — 326
- Березницкий Сергей Васильевич* (р. 1959), этнограф — 329, 333, 342
- Беринг Витус Ионассен (Bering Vitus Jonassen, Иван Иванович; 1681–1741), датский мореплаватель, офицер русского флота — 72–73
- Берк Карл Рейнгольд (Berch Carl Reinhold; 1706–1777), шведский нумизмат, путешественник — 281, 283
- Берни Франсуа Иоаким Пьер, де (Bernis François-Joachim Pierre, de; 1715–1794), французский кардинал, с 1755–1758 министр иностранных дел, посол Франции в Риме (1769) — 95
- Бернигерот Иоганн Мартин (Bernigeroth Johann Martin; 1713–1767), немецкий гравёр по меди — 197
- Бертулатти Франческо (сер. XVIII в.), архитектор, зять Ф. Растрелли — 233
- Берх Николай Петрович, фон (втр. пол. XVIII в.), личный архитектор Воронцовых с 1770 — 401
- Берхгольц Фридрих Вильгельм, фон (Бергхольц, Берхольц, Bergholtz Friedrich Wilhelm von; 1699–1765), голштинский дворянин, автор дневника о пребывании в России, который он вёл в 1721–1725 гг. — 158, 179, 185, 191, 277
- Бескровный Любомир Григорьевич* (1905–1980), военный историк — 15–16
- Беспярых Юрий Николаевич* (1949–2021), историк — 184, 191, 281, 283, 406, 413
- Бестерман Теодор (Besterman Theodore; 1904–1976), английский библиограф, биограф, переводчик, основал Институт и музей Вольтера — 307, 315
- Бестужев-Рюмин Алексей Петрович (1693–1766), гр. с 1742, гос. деятель, дипломат, канцлер Российской империи при имп. Елизавете Петровне — 14, 21, 48, 144, 309–311, 442
- Бехтеев Федор Дмитриевич (1716–1761), дипломат, церемониймейстер Высочайшего двора, первый воспитатель и учитель цесаревича Павла Петровича — 314
- Бецкой Иван Иванович (1704–1795), деятель русского Просвещения, личный секретарь Екатерины II в 1762–1779, президент Академии художеств в 1763–1794 — 238–239
- Бирон Бенигна Готлиба, герцогиня (урожд. баронесса Тротта фон Трейден; 1703–1782), супруга герцога Курляндского Э.И. Бирона, статс-дама при Анне Иоанновне — 433–434, 440
- Бирон Гедвика Елизавета Курляндская, принцесса (в замужестве баронесса Черкасова Екатерина Ивановна; 1727–1797), дочь Э.И. Бирона, гофмейстера имп. Елизаветы Петровны — 433, 437, 440–441, 443
- Бирон Густав (Biron (Bühren) Gustav, von; 1695–1746), брат герцога курляндского Э.И. Бирона, муж дочери А.Д. Меншикова — 433
- Бирон Карл Карлович (Biron (Bühren) Karl, von; 1684–1746), старший брат герцога курляндского Э.И. Бирона — 433
- Бирон Карл Эрнст, принц (Biron Karl, von; 1728–1801), сын курляндского герцога Э.И. Бирона, генерал-майор — 433, 436

- Бирон Петр Эрнст, герцог (Biron Peter, von; 1724—1800), сын и преемник Э.И. Бирона, герцог Курляндии и Семигалии с 1769 по 1695 — 433, 435, 439—440
- Бирон Эрнст Иоганн (Biron Ernst Johann, von; 1690—1772), герцог Курляндии и Семигалии — 13, 44, 101, 128, 198, 244, 346, 427—428, 432—433, 435—443, 445
- Бисмарк Лудольф Август, фон (Bismarck Ludolf August, von; 1683—1750), русский генерал-аншеф прусского происхождения — 433, 439
- Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич (Blumentrost Laurentius; 1692—1755), первый президент Академии наук и художеств, лейб-медик имп. Петра I — 379—380, 390
- Бобрищева-Пушкина (сер. XVIII в.), жена ярославского воеводы Михаила Ивановича Бобрищева-Пушкина — 441
- Богатырёв И.В.*, петербургский историк флота — 190—191
- Бодянский Осип Максимович* (1808—1877), филолог, историк, археограф — 46, 57, 154
- Болотина Марина Олеговна** (р. 1991), историк, архивист — 164
- Болотина Наталья Юрьевна** (р. 1969), историк — 154, 162, 164, 167, 171, 174, 329, 331, 339, 342
- Болотов Андрей Тимофеевич (1738—1833), писатель, мемуарист, ботаник, агроном — 60, 140—141, 149, 280, 282—283, 298—299, 304
- Болховитинов Евфимий Алексеевич (1767—1837), церковный историк, археограф, библиограф, с 1800 принял монашество с именем Евгений — 401, 403
- Бонде Нильс, гр. (Bonde Nils; 1685—1760), шведский военный, с 1721 голштинский обер-камергер — 47
- Боровиков (пер. треть XIX в.), крестьянин слободы Воронцовки Воронежской губернии — 402
- Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825), композитор, дирижёр, певец — 261, 274
- Ботта д'Адорно Антонио Отто, маркиз (Botta Adorno Antoniotto; 1688—1774), венгеро-богемский министр, дипломат Габсбургской монархии, в 1738—1740 и вновь в 1741—1742 был австрийским посланником при русском Дворе — 19, 93
- Богг Даниэл Альберт (Vaugh Daniel Albert; р. 1931), британский военный историк — 141, 149
- Братишев Василий Федорович (сер. XVIII в.), состоял с 1736 при посольстве в Персии, сначала студентом, затем переводчиком, после смерти И.П. Калушкина в 1742 был назначен русским резидентом в Дербенте — 32
- Браувер Адриан (Brouwer Adriaen; 1605/1606—1638?), фламандский художник — 53
- Браунштейн Иоганн Фридрих (Braustein Johann Friedrich; 1678 или нач. 1680-х — после 1728), немецкий архитектор, ученик арх. и скульптора А. Шлютера, с которым приехал в Россию в 1713, в 1728 вернулся в Германию — 220
- Бредаль Петр Петрович (Питер Христиан, Bredal Peter; 1683—1756), вице-адмирал русской службы норвежского происхождения, руководитель работ по восстановлению Таганрогского порта — 69, 70—71, 190
- Бретейль Луи Огюст, барон (Breteuil Louis Auguste, de; 1730—1807), французский дипломат, полномочный министр Франции при российском Дворе — 94
- Брикнер Александр Густавович (Brückner Alexander; 1834—1896), русский историк немецкого происхождения — 49—50, 56, 62, 66
- Бройтман Лариса Ильинична* (1928—2014), историк Петербурга, краевед — 383, 388

- Броун Максимилиан, фон (Browne Maximilian Ulysses, von; 1705–1757), австрийский фельдмаршал ирландского происхождения — 145
- Бруин (Брюйн) Корнелис*, де (Vгuijn/Vгuyn/ Cornelis, de; ок. 1652 — ок. 1727), нидерландский художник, путешественник, писатель — 154, 162
- Брук Яков Владимирович* (р. 1939), искусствовед — 384, 388
- Брюс Роман Вилимович (Роберт; 1668–1720), российский генерал-лейтенант шотландского происхождения, старший брат Якова Брюса — 188, 372
- Буженинов Моисей (Михаил) Степанович (втор. пол. XVII в.), архитектор — 166
- Булгарин Фаддей Венедиктович (Тадеуш Кшиштоф, Bułhagyn Jan Tadeusz Krzysztof; 1789–1859), русский писатель, журналист, критик, издатель — 261
- Бунеева Елена Николаевна* (р. 1964), историк — 398–399, 403
- Бурбонский герцог — см. Людовик (Луи Анри) де Бурбон, герцог
- Бутурлин Александр Борисович (1694–1767), гр. с 1760, с 1756 генерал-фельдмаршал — 394–396, 399
- Бутурлин Дмитрий Петрович, гр. (1763–1829), библиофил, поэт, сенатор, директор Эрмитажа — 396–397
- Бутурлин Михаил Дмитриевич, гр. (1807–1876), переводчик, историк и мемуарист — 395–398, 404
- Бутурлин Петр Александрович (в крещении Иона; 1734–1789), гр. с 1760, тайный советник, камергер — 396
- Бутурлин Петр Дмитриевич, гр. (1794–1853), участник войны 1812 г., дипломат — 397–398
- Бутурлина Анна Артемьевна, гр. (урожд. гр. Воронцова; 1777–1854), жена гр. Дмитрия Петровича Бутурлина — 397–398
- Бутурлина Елена Дмитриевна, гр. (1813–1881), замужем за ломбардским князем Видониа Сорреджиа-но — 397–398
- Бутурлина Елизавета Дмитриевна, гр. (1803–1879), замужем за ломбардским маркизом Соммариной — 397
- Бутурлина Мария Дмитриевна, гр. (1795–1879), замужем за тосканским графом Диньи — 397
- Бутурлины, графский и древний дворянский род — 397, 399, 403
- Бухвальд Фридрих (сер. XVIII в.), чрезвычайный посланник герцога Голштинского при русском Дворе, с 1742 чрезвычайный посланник герцога Голштинского при шведском Дворе — 93
- Бухгольц Генрих (Buchholz Heinrich; 1735–1780/1781), немецкий портретист — 289
- Буш Владимирович* (1888–1934), филолог — 365, 369, 372, 375
- Буше Франсуа (François Boucher; 1703–1770), французский живописец, гравёр, декоратор — 386
- Бушкович Пол (Bushkovitch Paul;* р. 1948), американский историк — 316, 324
- Быков Фома (пер. пол. XVIII в.), натурщик — 346
- Быкова Юлия Игоревна*, искусствовед — 267
- Бюшинг Антон Фридрих (Büsching Anton Friedrich; 1724–1793), немецкий теолог, географ, педагог, историк, журналист — 36, 314–315, 324
- Вагнер Алексей Васильевич (сер. XVIII в.), сын Василия Алексеевича Вагнера, придворный паж — 131
- Вагнер Василий Алексеевич (сер. XVIII в.), еврей, перешёл в православие в 1744, в 1745 возведён вместе с детьми в потомственное дворянское сословие — 130–131

- Вагнер Йозеф (Wagner Joseph; 1706–1780), немецкий гравёр и рисовальщик — 270
- Вагнеры, дворянский род — 131
- Валериани Джузеппе (Valeriani Giuseppe; 1708 (?)–1761), итальянский худ. — 51, 271
- Валишевский Казимир (Waliszewski Kazimierz; 1849–1935), польский историк, экономист, социолог — 165, 175, 201–202, 204–205
- Валлен-Деламот Жан-Батист-Мишель (Vallin de la Mothe Jean-Baptiste; 1729–1800), французский архитектор — 335, 384
- Валронт Ян (Вальронд, Вальронт, Валрант, Walront Jan; ок. 1670–1729), английский военный моряк, на русской службе с 1698 — 176–177, 185–186, 189
- Валуа Пьер Христоф (втор. пол. XVIII в.), французский архитектор — 383
- Вальтер Георг Конрад (Walther Georg Conrad; 1710–1778), немецкий издатель — 310
- Вандаль Альбер (Vandal Albert; 1853–1910), французский историк — 193–196, 198–200, 205
- Варлаам (Петров; 1728–1802), архиепископ Тобольский и Сибирский, в 1984 причислен к лику святых — 257
- Васильев Иван (пер. пол. XVIII в.), медальер Московского монетного двора — 97
- Васильев Осип (пер. четверть XVIII в.), подьячий Приказа Большого двorca — 154–155
- Васильева Дарья Олеговна** (р. 1980), историк-востоковед — 27–29, 37
- Вебер Фридрих Христиан (Weber Friedrich Christian; 1690/1695–1739), ганноверский резидент при русском дворе, автор записок о состоянии России в 1714–1719, позже представлявший в Санкт-Петербурге интересы ганноверского и английского двора — 188, 191
- Вейнахт Иоганн (Weynach J.; втор. пол. XVIII в.), швейцарский купец, поставлявший предметы роскоши в Петербург — 302
- Вейнберг Анна Лазаревна (1887–1970), искусствовед — 348–350, 355, 357, 360
- Вейч Кирилл (Сугил; сер. XVIII в.), английский чрезвычайный и полномочный министр при русском Дворе — 19, 93
- Верден Карл (Клаус), фон (Верден Карл Петрович; ум. 1731), офицер русского флота, выходец из Голландии — 189
- Веретенников Василий Иванович (1880–1942), историк, архивист — 345, 347, 360
- Верле (сер. XVIII в.), лекарь, его свадьба праздновалась в 1750 в императорском дворце — 279
- Верто Рене Обер, де (Vertot René Aubert, de; 1655–1735), французский священник и историк — 51
- Веселаго Феодосий Фёдорович* (1817–1895), историк военно-морского флота — 64, 66, 184, 191
- Веселовские, братья-дипломаты, выдавшие внешней политикой России — 317
- Веселовский Авраам Павлович (1685–1783), дипломат, переводчик, родственник и протеже П.П. Шафирова — 130, 316, 325
- Веселовский Исаак Павлович (1689/1690–1754), дипломат, тайный советник, в 1716–1717 сопровождал Петра I в поездке по Европе, в 1718–1720 возглавил канцелярию Коллегии иностранных дел, преподавал русский язык Петру Федоровичу, будущему Петру III — 130
- Веселовский Федор Павлович (ок. 1690 — после 1762), дипломат, тайный советник, церемониймейстер, брат Авраама Павловича Веселовского, куратор Московского университета — 21, 130, 314, 316

- Веселовский Яков (втор. пол. XVII в.), крещёный еврей — 130
- Вестфален Ханс-Георг, фон (Westphalen Hans-Georg, von; 1674–1733), датский дипломат — 42
- Виже-Лебрен Элизабет-Луиза (Vigée-Le Brun Élisabeth-Louise; 1755–1842), французская художница, мемуаристка — 386
- Виллати Леопольдо, да (Villati Leopoldo, de; 1701–1752), итальянский либреттист, прусский придворный поэт — 272, 274
- Вильгельм III, принц Оранский или Виллем ван Оранье-Нассау (William III; 1650–1702), правитель Нидерландов с 1672, король Англии с 1689, король Шотландии (под именем Вильгельм II) с 1689 — 241
- Вильюа Франсуа де Нёвиль, герцог (Villeroi François de Neufville, duc de; 1644–1730), маршал Франции, воспитатель короля Людовика XV, команд. французскими войсками в войне за испанское наследство — 172
- Вильчковский Сергей Николаевич (1871–1928), полицмейстер дворцовых зданий в Царском Селе — 219, 225, 228
- Винтер Борис Робертович* (1888–1967), историк искусства, педагог, музейный деятель — 221, 228
- Витворт Чарльз — см. Уитворт Чарльз
- Виттиг, фон (Wittich, von; сер. XVIII в.), военный инженер-гидротехник, майор Ладожского канального батальона — 410
- Вишляев Иван Иванович (сер. XVIII в.), купец, фабрикант, позже бургомистр главного магистрата — 82
- Вихорева Лада Валентиновна (р. 1966), искусствовед — 344
- Вишняков Иван Яковлевич (1721–1761), художник, иконописец — 97, 236, 346
- Владиславич-Рагузинский Савва Лукич, гр. (1669–1738), дипломат, торговый агент — 367, 369
- Владыкин Алексей Матвеевич (сер. XVIII в.), сопровождающий китайский торговый караван в 1753–1756, переводчик «китайских и маньчжурских дел» — 329, 339
- Влах Косма (сер. XVIII в.), священник, переводчик — 364
- Возжинский (сер. XVIII в.), его свадьба праздновалась в 1751 в императорском дворце — 279
- Волков Дмитрий Васильевич (1727–1785), драматург, тайный советник, сенатор, впоследствии губернатор Оренбургской губернии, смоленский наместник, генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга — 55
- Волков Федор Григорьевич (1729–1763), актёр и театральный деятель, создатель первого постоянного русского театра — 383, 427–428, 442–445
- Волковы-Полушкины, семья, в которой рос и воспитывался будущий основатель русского театра Федор Волков — 443
- Волоская (сер. XVIII в.), её свадьба праздновалась в 1751 в императорском дворце — 279
- Вольман Борис Львович* (1895–1971), музыковед, пианист, педагог — 277, 283
- Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ, Voltaire; 1694–1778), французский философ-просветитель, поэт, историк — 15, 51, 306–325, 365, 377
- Вольф Христиан, фон (Wolff Christian, von; 1679–1754), немецкий учёный-энциклопедист, философ, юрист, математик, учитель М.В. Ломоносова — 51
- Воронцов Александр Романович (1741–1805), гр. с 1760, сын графа Романа Илларионовича Воронцова, с 1802 государственный канцлер и глава Комиссии по составлению законов — 401–402
- Воронцов Михаил Илларионович (1714–1767), гр. с 1744, дипломат, с 1744 вице-канцлер, в 1758–1765

- канцлер Российской империи — 14, 16, 20, 33, 35–36, 45, 54, 56, 77–78, 88, 128, 137, 321, 324, 399
- Воронцов Михаил Ларионович — см. Воронцов Михаил Илларионович
- Воронцов Михаил Семёнович, гр. (1782–1856), кн с 1845, светл. кн. с 1852, гос. и военный деятель, герой войны 1812 года — 401–402
- Воронцов Роман Илларионович (1717–1783), гр. с 1760, генерал-аншеф (1761), сенатор (1760) — 82, 394–395, 399–400
- Воронцов Семён Михайлович, гр. (1823–1882), светл. кн. с 1852, военный деятель, последний представитель Воронцовых по мужской линии — 402–403
- Воронцов Семён Романович (1744–1832), гр. с 1760, сын гр. Романа Илларионовича Воронцова, дипломат, посол в Великобритании — 402
- Воронцова-Дашкова Елизавета Андреевна, гр. (урожд. гр. Шувалова; 1845–1924), фрейлина, позднее статс-дама — 403
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович, гр. (1837–1916), министр имп. Двора и уделов (1881–1897), наместник Кавказа (1905–1916), канцлер Капитула российск. имп. и царск. орденов (1904–1905), личный друг Александра III — 403
- Воронцов-Шувалов Михаил Андреевич, гр. (1850–1903), светл. кн. Воронцов с 1866, унаследовавший имение в Воронцовке — 403
- Воронцовы, княжеский, графский и древний дворянский род — 321, 324, 399–400, 402–404
- Восканян В.К.* (втор. пол. XX в.), советский и армянский историк — 295, 304
- Воскобойникова Наталья Петровна (1921–2012), историк, археограф, источниковед — 400–401, 404
- Востоков Александр Александрович* (1857–1891), историк, археограф, архивист — 83, 89
- Врангель Николай Николаевич*, барон (1880–1915), искусствовед — 386, 388
- Всеволодский-Гернгросс Всеволод Николаевич* (1882–1962), актёр, театровед, искусствовед — 53, 56
- Вукотич (сер. XVIII в.), черногорский губернатор — 93
- Вырубов П. (сер. XVIII в.), подпоручик, направлен в помощь Н.Ф. Чемодурову для разработки соляного озера Эльтон — 417
- Вяземская Мария Федоровна, кнж. (кон. XVII — пер. треть XVIII в.), состояла в штате царевны Натальи Алексеевны — 166
- Вязьменская Лилия Петровна, искусствовед — 353, 360
- Гавриил (Кременецкий; 1708?/1711–1783), иеромонах, ректор Александро-Невской семинарии, с 1770 митрополит Киевский и Галицкий — 253–254
- Гавриил (Петров; 1730–1801), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский — 25
- Гаврилова Людмила Михайловна* (р. 1956), историк — 359–360
- Гагарин Матвей Петрович, кн. (ок. 1659–1721), глава оружейной палаты (1706), комендант Москвы (1707), в 1711–1719 глава Сибирской губернии — 153–154, 166, 449
- Гагарина Анна Алексеевна, кнж. — см. Матюшкина Анна Алексеевна, гр.
- Галл Томас (сер. XVIII в.), каменных дел мастер — 233
- Галлини Джовани-Андреа (Gallini Giovanni-Andrea Battista; 1728–1805), итальянский танцор, хореограф, импресарио — 276, 281, 283
- Галустян О.Д.* (втор. пол. XX в.), советский и армянский историк — 295, 304
- Гельма Х., морской капитан, в 1707 командир первой балтийской шнявы «Мункер», в 1711–1712 капитан шнявы «Лизетт» — 189

- Гендель Георг Фридрих (Händel Georg Friedrich; 1685–1759), немецкий композитор — 272
- Георг II (Георг Август, Georg II.; 1683–1760), курфюрст Ганновера с 1727, король Великобритании с 1727, сын короля Георга I — 19
- Герасимова Виктория Александровна*, историк, культуролог — 130, 137
- Герман Э.* (втор. пол. XIX в.), историк — 30, 37
- Гердорф Николаус, барон (Gersdorf Nikolaus Willibald, von; 1713–1765), саксонский дипломат, с 1742 посланник в России — 94
- Герцог Лирийский — см. Лириа Джеймс Фрэнсис Фитцджеральд Стюарт
- Герцог Орлеанский — см. Филипп II Орлеанский
- Геске Б.И. (пер. треть XIX в.), майор, управляющий имением слободы Воронцовки Воронежской губернии — 402
- Гессен Владимир Юльевич* (1901–1963), историк, литератор — 128, 137
- Гестрих Андреас (Gestrich Andreas; р. 1952), немецкий историк — 142, 149
- Гинцбург Давид Горациевич (1857–1910), российский востоковед, гебраист, арабист, писатель, общественный деятель и предприниматель — 131, 137
- Глазов Герасим Иванович (17?? — не ранее 1784), сибирский купец — 453
- Глебов Александр Иванович (1722–1790), обер-секретарь Сената, с 1760 генерал-майор, с 1761 генерал-прокурор Сената — 82
- Глебова Мария Симоновна — см. Чоголова Мария Симоновна
- Глебовский Сергей Леонтьевич (сер. XVIII в.), помещик села Молотицы Муромского уезда — 212
- Глинка Михаил Иванович (1804–1857), композитор — 271, 274
- Гмелин Иоганн Георг (Gmelin Johann Georg; 1709–1755), немецкий естествоиспытатель, с 1727 по 1747 на русской службе, ботаник, врач, этнограф, путешественник, исследователь Сибири и Урала — 390
- Гозенпуд Абрам Акимович (1908–2004), литературовед, музыковед, переводчик, искусствовед — 271, 273–274
- Голдовский Григорий Наумович (р. 1944), искусствовед, музейный деятель — 344
- Голиков Иван Иванович (1735–1801), историк, предприниматель — 152–153, 162
- Голицын Александр Михайлович, кн. (1723–1807), дипломат, меценат, коллекционер — 386
- Голицын Дмитрий Алексеевич, кн. (1734–1803), дипломат, камергер, химик, минералог, почётный член Петербургской Академии наук с 1778 — 386
- Голицын Михаил Михайлович, кн. (1684–1764), военный деятель, дипломат, в 1745–1748 возглавил посольство к персидскому шаху, с 1756 генерал-адмирал — 35
- Голицын Николай Николаевич*, кн. (1836–1893), писатель, историк и библиограф — 128, 130–131, 136–137
- Голицын (сер. XVIII в.), его свадьба праздновалась в 1751 в императорском дворце — 279
- Голицыны, княжеский род — 43
- Головачевский Кирилл Иванович (1735–1823), художник и график — 351, 361, 384, 386
- Головин Николай Федорович, гр. (1695–1745), адмирал с 1733, командующий Балтийским флотом в русско-шведскую войну (1741–1743), президент Адмиралтейств-коллегии — 69
- Головины, дворянский род — 127
- Головкин Гавриил Иванович (1660–1734), гр. с 1707, канцлер — 383

- Гом (сер. XVIII в.), английский купец — 409
- Гомер (VIII в. до н.э.), древнегреческий поэт-сказитель — 51
- Гонзага Пьетро, ди (Петр Федорович, Gonzago, Gonzago Pietro, di; 1751–1831), итальянский декоратор, архитектор, с 1792 работавший в России — 386
- Горбатенко Сергей Борисович* (р. 1950), историк архитектуры — 182, 191, 243, 246
- Горихвостов Авксентий* (втор. пол. XVIII в.), помощник архитектора, в 1763 был переведён в Комиссию о каменном строении Петербурга и Москвы, в 1766 числился помощником П. Сент-Илера — 245–246
- Горленко Андрей (сер. XVIII в.), корреспондент царевны Елизаветы по переписке — 262
- Горохов (сер. XVIII в.), каптенармус, в 1753 проходивший по следствию о нарушении правил добычи соли — 422
- Горчаков Иван Романович, кн. (1716–1801), генерал-провиантмейстер русской армии — 132–133
- Гостев Игорь Михайлович** (р. 1960), историк — 405–406, 413
- Градищи Пьетро (сер. XVIII в.), итальянский художник, приехавший из Венеции в Санкт-Петербург в начале 1750-х — 235
- Градовский Николай Дмитриевич* (1829–1907), правозащитник, автор сочинений в защиту прав евреев в России — 129, 137
- Граун Карл (Graun Carl Heinrich; 1704–1759), немецкий композитор — 272–273
- Грем-Диксон Эндрю (Graham-Dixon Andrew; р. 1960), британский искусствовед — 202, 205
- Гриммель Иоганн Элиас (Grimmel Johann Elias; 1703–1758), немецкий рисовальщик и живописец, с 1741 преподавал в Рисовальной палате Петербургской Академии наук — 380
- Гроот Георг Христоф / Кристоф (Grooth Georg Christoph; 1716–1749), немецкий художник-портретист, с 1741 в Ревеле, через два года в Санкт-Петербурге — 94, 203, 250, 287–288, 357
- Гроот Иоганн Фридрих (Иван Федорович, Grooth Johann Friedrich; 1717–1801), немецкий живописец-анималист, с 1742 в Петербурге, в 1749–1761 придворный художник — 386
- Гросс Генрих Готфрид (Генрих Иванович, Gross Heinrich Gottfried; 1714–1765), российский дипломат германского происхождения, в 1748–1750 посланник в Пруссии — 311
- Гроций Гуго (лат. Grotius Hugo; 1583–1645), голландский юрист, философ, поэт, драматург, христианский апологет, заложил основы международного права — 255
- Грунд Георг*, резидент, чрезвычайный и полномочный посол датского короля Фредерика IV, автор трактата «Доклад о России в 1705–1711 годах» — 184, 191
- Гудков Георгий Фёдорович* (1916–1995), строитель, башкирский краевед — 453, 456
- Гудкова Зинаида Ивановна* (урожд. Трунина; 1933–2008), строитель, башкирский краевед — 453, 456
- Гузевич Дмитрий Юрьевич (р. 1955), инж. путей сообщения, историк — 364, 371, 377
- Гульга Арсений Владимирович* (1921–1996), историк философии, литературовед — 140, 149
- Гусева Наталья Юрьевна*, искусствовед — 297, 305
- Давыдов Денис Васильевич (1784–1839), поэт, мемуарист, командир партизанского движения во время Отечественной войны 1812 года — 63

- Д'Аквиль (сер. XVIII в.), француженка, супруга советника мэрии г. Руана — 201
- Д'Альон (д'Аллион) Дюссон Бонак (сер. XVIII в.), французский дипломат, служивший в России в 1738—1744 и 1745—1748 — 20
- Д'Алмодавэр, маркиз (втор. пол. XVIII в.), испанский полномочный министр — 20
- Данилов Гурий (Гур) Осипович (нач. XVIII в.), тульский «опищик» (составляющий опись) леса — 448
- Данилов Иван (втор. четверть XVIII в.), комиссар Главной дворцовой канцелярии, управитель села Коломенского — 159
- Данилов Михаил Александрович* (1937—2011), политик, геолог, публицист — 409, 413
- Даниэль Габриэль (Daniel Gabriel; 1649—1728), французский иезуит, историк — 51
- Данков Михаил Юрьевич** (р. 1954), историк — 176—177, 186, 191
- Данли Марк (Danley Mark H.), американский военный историк — 141, 149
- Данте Алигьери (Dante Alighieri; 1265—1321), итальянский поэт, мыслитель, богослов — 178
- Дарбес Иосиф-Фридрих (Darbes Joseph-Friedrich-August; 1747—1810), немецкий художник — 437
- Дассье Жак-Антуан (Dassier Jacques-Antoine; 1715—1759), швейцарский медальер, с 1756 работавший на Петербургском монетном дворе — 97
- Дашкова Екатерина Романовна, кн. (урожд. гр. Воронцова; 1743—1810), директор Петербургской Академии наук — 204—205
- Двойников Валерий Валерьевич** (р. 1978), политолог, поэт, переводчик — 193
- Де Лануа (пер. пол. XVIII в.), статс-дама, француженка, супруга принятого на российскую службу графа Франсуа де Лануа, наставница во французском языке царевен Анны и Елизаветы Петровны — 168, 172
- Девиер (Дивьер) Антон Мануилович (de Vieira António Manuel; 1682?—1745), гр. (1726), в 1697 привезён Петром из Голландии в Россию, сподвижник Петра I, с 1718 генерал-полицмейстер — 50, 130, 168, 353
- Дезалье д'Аржанвиль Антуан-Жозеф (Dézallier d'Argenville Antoine-Joseph; 1680—1765), французский учёный в области садоводства, малякологии — 222—223, 228
- Делиль Жозеф Никола (Жозеф-Николя, Жозеф-Никола, Осип Николаевич, Иосиф Николаевич, Иосиф Николай, De L'Isle Joseph Nicolas; 1688—1768), французский астроном, картограф — 390, 392
- Демиденко Юлия Борисовна** (р. 1964), историк искусства, культуролог, журналист — 260
- Демидов Иван (сер. XVIII в.), фабрикант — 303
- Демидов Никита (Антуфьев Никита Демидович; 1656—1725), промышленник, основатель династии Демидовых — 448
- Демидов Никита Никитич (1688—1758), промышленник, служащий Берг-коллегии, статский советник, младший сын Никиты Демидова — 453
- Демидов Павел Павлович*, князь Сан-Донатто (1839—1885), промышленник, благотворитель — 137
- Демидовы, семья предпринимателей (заводчиков, землевладельцев), выдвинувшихся при Петре I — 452, 456
- Ден Джон (Dean John; 1679—1761)*, в 1711—1722 офицер военно-морского флота в России, с 1723 служил в Великобритании — 185, 191
- Депрерадович Родион Степанович (Райко де Прерадович, Прерадовић; сер. XVIII в.), австрийский под-

- полковник, российский генерал-майор, начальник Славяносербии в России — 134
- Дерберг А.Ф. (сер. XIX), управляющий именем Бутурлиных — 397
- Державин Гавриил Романович (1743–1816), поэт, министр юстиции 1802–1803 — 204, 261
- Дешварц Иоганн (сер. XVIII в.), голландский резидент — 93
- Джани Яган/Иоганни? (Gianni; сер. XVIII в.), итальянский лепщик — 234–235
- Джордано Лука (Giordano Luca; 1634–1705), итальянский живописец — 53
- Дивов Иван Иванович (1706–1773), генерал-майор (1748), тайный советник (1755), президент юстиц-коллегии и сенатор (1764) — 82
- Дидро Дени (Diderot Denis; 1713–1784), французский писатель, философ-просветитель — 386
- Дикунов Максим Иванович (р. 1973), скульптор — 399
- Дмитрий (Самбикин; 1839–1908), магистр богословия, с 1887 епископ, с 1896 архиепископ Казанский и Свяжский — 401, 404
- Дмитрий (Сеченов Даниил Андреевич; 1709–1767), с 1740 архимандрит, с 1752 епископ, с 1762 митрополит Новгородский и Великолуцкий — 11, 16
- Дмитрий Ростовский (Туптало; 1651–1709), митрополит Ростовский и Ярославский, духовный писатель, в 1757 причислен к лику святых — 255
- Длугош Ян (Długosz Jan; 1415–1480), польский историк, дипломат, католический иерарх — 177
- Дмитревский Иван Афанасьевич (1734–1821), актёр, переводчик, драматург, педагог — 443
- Дмитриев Иван Иванович (1760–1837), поэт, баснописец, гос. деятель — 110, 124
- Дмитриев Лукьян (пер. пол. XVIII в.), медальер Московского монетного двора, ученик А. Шульца, с 1736 резного штемпельного дела подмастерье — 97
- Дмитриев Сергей Сергеевич* (1906–1991), историк, историограф — 91, 98
- Дмитриев Сидор (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 135
- Дмитриев-Мамонов Иван Ильич (1680–1730), генерал и сенатор — 371
- Дмитрий Иванович Донской (1350–1389), князь Московский и великий князь Владимирский — 449
- Добронравов Василий Гаврилович* (1861–1919), педагог, музейный деятель, краевед — 208–209, 212–213, 216–217
- Докучаев Илья (сер. XVIII в.), фабрикант — 303
- Долгоруков Василий Владимирович, кн. (1667–1746), военный и гос. деятель, с 1728 генерал-фельдмаршал — 50, 252
- Долгоруков Василий Лукич, кн. (ок. 1670–1739), гос. деятель, дипломат — 172
- Долгоруковы, княжеский род — 43, 355
- Дон / Тум / Дом Никола (Николая, Николай, Charles Nicolas Dooms / Nicolas Doom; ?–1749), французский ювелир, работавший при русском дворе в петровское, аннинское и елизаветинское время — 262–263, 267–268
- Досифей (сер. XVIII в.), схимонах, духовный наставник будущего Владыки Варлаама (Петрова) — 257
- Драшкович (сер. XVIII в.), черногорский воевода — 94
- Дуайен Габриэль-Франсуа (Doyen Gabriel-François; 1726–1806), французский живописец — 386
- Дубасов Иван Иванович* (1843–1913), тамбовский историк, педагог, краевед — 30, 37
- Дубровин Николай Фёдорович (1837–1904), историк — 59

- Дубяго Татьяна Борисовна (1899–1959), ландшафтный архитектор — 219, 223–224, 226, 228, 243–246
- Дункер Иоганн Франц (Dunker; ок. 1718–1795 или 1798), австрийский скульптор и резчик по дереву, работавший в Петербурге — 250, 380
- Дурасов Степан (пер. пол. XVIII в.), воевода, в 1745–1749 комендант Саратова — 417
- Дурново Степан (сер. XVIII в.), лейб-гвардии Измайловского полка поручик — 443
- Дыгалo Виктор Ананьевич* (1926–2011), контр-адмирал, писатель-маринист — 183, 191
- Дылдин (сер. XVIII в.), купец, в 1753 проходивший по следствию о нарушении правил добычи соли — 422
- Дьяков Николай Николаевич* (р. 1953), востоковед — 28, 37
- Д'Эон, шевалье — см. Эон Шарль, де Бомон д'
- Дюбуа Гийом (Dubois Guillaume; 1656–1723), аббат, премьер-министр Франции в 1718–1723, с 1721 кардинал — 172–173
- Евреинов Андрей (сер. XVIII в.), фабрикант — 304
- Евреинов Иван (сер. XVIII в.), фабрикант — 303
- Евреинов Петр Алексеевич (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 132
- Екатерина I Алексеевна (1684–1727), российская императрица с 1721, с 1725 как правящая государыня — 10, 25, 40, 43, 56, 61, 88, 128, 136, 152–156, 161–162, 164, 166–175, 189, 193, 195–196, 219, 286, 289, 328–329, 345, 355, 371, 380
- Екатерина II Алексеевна (урожд. принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, Sophie Auguste Friederike von Anhalt-Zerbst-Dornburg; 1729–1796), российская императрица с 1762 — 16, 23, 25, 48, 54, 56, 58–59, 61, 65, 69, 71, 81–82, 88–89, 109–112, 114–115, 117–127, 135–136, 161, 202, 236, 272, 277, 279, 283, 289–291, 293, 298, 301–302, 305, 307, 318, 327, 329–330, 334, 336, 339, 341, 349, 351, 355, 361, 365, 372, 378, 384–386, 412–413
- Екатерина Великая — см. Екатерина II Алексеевна, императрица
- Елагин Сергей Иванович* (1824–1868), историограф Российского флота, капитан 1-го ранга — 184–185, 189–190, 192
- Елачич/Йеллачич Франц-Лука (сер. — втор. пол XVIII в.), российский штаб-лекарь хорватского происхождения, трижды ездивший в Китай (в 1744–1747, 1753–1756, 1757–1764) для пополнения коллекций Кунсткамеры — 339–340, 392
- Елизавета I (Elizabeth I; 1553–1603), королева Англии и Ирландии с 1558, дочь Генриха VIII от брака с Анной Болейн — 193
- Елизавета Петровна (1709–1761/1762), российская императрица с 1741 — 9–35, 37, 39–56, 59, 65, 67–79, 81–88, 90–98, 99–100, 106, 108–115, 117–124, 126–131, 134–136, 139–140, 142–145, 148, 151–153, 156–158, 160–161, 163–178, 181–183, 186, 190, 192–196, 198–205, 215, 218–222, 224, 227–228, 230–232, 234–236, 240–241, 243–244, 246, 248–250, 252–258, 260–261, 263, 267–269, 272, 275–283, 285–294, 296–298, 300–305, 307–309, 311–313, 321, 326–330, 333–337, 339–344, 346, 350–360, 362–365, 367, 369, 372–374, 378–380, 382–384, 389–393, 395, 399–400, 405–408, 414–415, 422, 427–430, 432–433, 436–437, 440–443, 445–446, 450–453, 455–456
- Елизавета Фарнезе (Elisabetta Farnese; 1692–1766), вторая жена короля

- Испании Филиппа V, королева-консорт Испании с 1714 — 195
- Ельчанинов Иван Титович (сер. XVIII в.), из дворян Ржевско-Владимирского уезда, в 1741 Высочайше подтвержден в потомственном дворянском достоинстве России — 429
- Епарина Екатерина Сергеевна** (р. 1982), независимый исследователь — 218
- Епифаний (Пенковский; 1701—?), иеродиакон, в 1731—1741 хранитель библиотеки в Александро-Невском монастыре — 253
- Еремеева Елена Алексеевна*, искусствовед — 327, 335, 342
- Еремина-Соленикова Евгения Владимировна** (р. 1973), искусствовед — 275—276, 278, 281, 283—284
- Еропкин Алексей Михайлович (1716—1764), член Комиссии для возвращения долгов, с 1762 действительный статский советник — 82
- Ерошевский Андрей (сер. XVIII в.), художник — 237
- Ефимовская Елизавета Осиповна, гр. (в замужестве гр. Чернышева; 1734—1755), фрейлина имп. Елизаветы Петровны с 1743, дочь двоюродного брата императрицы — 113
- Жерихина Елена Игоревна** (р. 1950), историк, краевед — 230
- Жилле Никола Франсуа (Gillet Nicolas-François; 1709—1791), французский скульптор, работавший с 1757 по 1777 в России — 383
- Жирар Никола (Girard (Gérard) Nikolas; кон. XVII в.), французский рисовальщик — 226
- Жорж Жан (сер. XVIII в.), французский ювелир — 359—360
- Жуков Георгий Константинович (1896—1974), советский полководец — 62
- Жукова Мария Петровна (сер. XVIII в.), горничная вел. кн. Екатерины Алексеевны — 115
- Забелин Иван Егорович (1820—1908), историк — 159, 162
- Завадовский Герасим (Гордей) (1681—1745), архимандрит, головщик (бас), автор партесных концертов — 265
- Загурский Борис Иванович* (1901—1968), музыковед — 261
- Затрапезнов Дмитрий Максимович (ок. 1703—1756), содержатель полотняной фабрики в Ярославле, в 1750 открыл в Ярославле колокольный завод — 439—440
- Затрапезнов Иван Максимович (1695—1741), ярославский купец, создатель полотняной фирмы в 1720 — 440
- Захаров Виктор Николаевич (р. 1951), историк — 372, 377
- Захаров Михаил Александрович (1701—1739), живописец, художественный критик — 346
- Защепин Андрей (втор. пол. XVIII в.), управляющий имением в Бутурлиновке — 396
- Землянская Наталья Сергеевна*, историк-краевед — 435, 438, 445
- Земский Данила (сер. XVIII в.), фабрикант — 304
- Земцов Михаил Григорьевич (1688—1743), архитектор — 220, 246
- Зихгейм Иоганн Бенъямин (пер. пол. XVIII в.), полковник Шляхетного кадетского корпуса, с 1756 генерал-майор — 231
- Знаменский Константин Иванович (?—1938), священник — 234, 236, 239
- Золотаревы (сер. XVIII в.), семья заводладельцев — 455
- Зон Гаврила Гаврилов/Гаврилович (сер. XVIII в.), иностранный серебряных дел мастер, в 1740—1760-е работавший в Москве — 35
- Зыков Никифор Сергеевич (сер. XVIII в.), архангельский купец 2-й гильдии, судостроитель — 409
- Ибрахим-хан** (1717—1749), племянник

- Надир-шаха, третий шах династии Афшаридов (правил под именем Ибрахим-шах; имя при рождении — Мухаммад 'Али) — 34
- Иван V Алексеевич (1666—1696), русский царь, единокровный брат Петра I — 168, 289, 371
- Иван VI Антонович — см. Иоанн VI Антонович
- Иваницкий (Эваницкий) Карлус Густав Иванович (нач. XVIII в.), полковник — 188
- Иванов Иван (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 132—133
- Иванов Самойла (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 135
- Иванов Тимофей Иванович (1729—1803), медальер Петербургского монетного двора, автор штемпелей многих медалей и монет — 97
- Иванюк Оксана Николаевна** (р. 1972), историк-архивист — 414
- Иванюк Сергей Александрович** (р. 1974), историк — 414
- Игнатъев Иван Артемьевич (нач. XVIII в.), тульский воевода (1701—1702), стольник — 448
- Измайлова Анастасия Михайловна (урожд. Нарышкина; 1703—1761), статс-дама при дворе имп. Елизаветы Петровны — 121
- Измайлова Анна Михайловна (урожд. Голицына; 1701—1786), генеральша (на 1748) — 133
- Иконников Мина (сер. XVIII в.), фабрикант — 303
- Илия Минятий (Ἠλίας Μηνιάτης; 1667—1714), греческий епископ, проповедник и богослов — 366, 375
- Индова Екатерина Иосифовна* (1916—1995), историк — 100, 108
- Иоанн (Снычев; 1927—1995)*, митрополит Санкт-Петербургский и Ладонский, публицист, историк церкви, магистр богословия — 249, 259
- Иоанн V — см. Иван V Алексеевич
- Иоанн VI Антонович, вел. кн. (1740—1764), российский император с 1740 по 1741 — 19—20, 29—30, 37, 43—44, 46, 252, 406, 443
- Иоасаф (Маткевич; сер. XVIII в.), архимандрит, ректор Новгородской семинарии — 255
- Иоганна Елизавета Гольштейн-Готторпская, принцесса (в замужестве принцесса Ангальт-Цербстская, Johanna Elisabeth von Schleswig-Holstein-Gottorf; 1712—1760), мать Екатерины II — 48, 298, 305
- Исавр (пер. пол. XVIII в.), иеродиакон, автор духовной музыки — 265
- Исаев Михаил Михайлович* (1880—1950), юрист, переводчик — 76, 88
- Исаков Сергей Константинович (1875—1973), историк искусства — 352—353, 360
- Исколь Сергей Николаевич** (р. 1946), историк — 39—40, 46
- Истомина Энецца Георгиевна (р. 1934), историк — 447, 450, 455—456
- Кавецкий Иван Антонович (нач. XIX в.), управляющий имением Бутурлиных — 397
- Кагарлицкий Юрий Валентинович* (р. 1967), филолог — 369, 375
- Казанина Наталия Валентиновна** (р. 1963), искусствовед — 285
- Казасопра Эрколе (Casasopra; втор. пол. XVIII в.), итальянский каменных дел мастер, в 1745—1780-е работавший в России — 238
- Калачов Николай Васильевич* (1819—1885), юрист, историк, археограф, архивист, писатель — 447, 456
- Калашников Осип (монограмма О.К.?, не позднее 1690-х — не ранее 1730), медальер Московского монетного двора — 97
- Калинин Иван (нач. XVIII в.), капитан-поручик — 190
- Калушкин Иван Петрович (ум. 1742), дипломат, с 1735 российский резидент в Персии — 31—32, 34
- Камерон Чарльз (Cameron Charles; 1745/1746—1812), шотландский ар-

- хитектор, в Петербурге с 1779 — 335
- Кампредон Жак, де (Campredon Jacques, de; 1672–1749), французский дипломат, представитель Франции в России — 172–173, 175, 182, 195
- Канкеллариос Александр (Kankellarios Alexander; пер. пол. XVIII в.), венецианский грек-медик, переводчик — 364
- Кантемир Антиох Дмитриевич, кн. (1708–1744), поэт, дипломат — 308, 325, 369
- Кантемир Мария Дмитриевна, кнж. (1700–1754), дочь молдавского господаря, кн. Дмитрия Константиновича Кантемира, фрейлина — 92
- Каравак Луи (Каравакк, Caravaque Louis; 1684–1754), французский художник, работавший с 1716 в России — 92, 94, 97, 121, 174, 250, 343–361, 432
- Каракозов Ф. (сер. XVIII в.), поручик, направлен в помощь Н.Ф. Чемодурову для разработки соляного озера Эльтон — 417
- Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), историк, литератор — 110, 124
- Карасевы (сер. XVIII в.), семья заводладельцев — 455
- Карестини Джованни (Carestini Giovanni; 1704–1760), итальянский певец-кастрат, в 1754–1756 служил придворным певцом в России — 272–273
- Карл III (Carlos III; 1716–1788), король Испании с 1759, герцог Пармский (под именем Карл I) в 1731–1734, король Неаполя и Сицилии (под именем Карл VII) в 1734–1759, сын короля Испании Филиппа V, двоюродный брат Людовика XV — 20
- Карл VI (Karl VI; 1685–1740), король Испании с 1703 под именем Карл III, император Священной Римской империи с 1711 — 18
- Карл VII Альбрехт (Karl VII. Albrecht; 1697–1745), курфюрст Баварии с 1726, король Чехии с 1741, император Священной Римской империи с 1742 — 18–20
- Карл XII (Karl XII; 1682–1718), король Швеции с 1697 — 47, 307–308, 310
- Карл Август Гольштейн-Готторпский, принц (Karl August von Schleswig-Holstein-Gottorf; 1706–1727), принц Гольштейн-Готторпского дома, жених Елизаветы Петровны, умерший в преддверии свадебной церемонии — 48
- Карл Гольштейн-Эйтинский — см. Карл Август Гольштейн-Готторпский, принц
- Карл Петер Ульрих, герцог Гольштейн-Готторпский — см. Петр III Федорович
- Карл Фридрих, герцог Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский (Karl Friedrich, Herzog zu Holstein-Gottorp; 1700–1739), племянник Карла XII, зять Петра I, отец Петра III — 40–42, 47, 173, 308
- Карнович Евгений Петрович* (1823 или 1824–1885), писатель, историк, журналист — 178, 192
- Карп Сергей Яковлевич* (р. 1959), историк — 142, 149, 321, 324
- Карначёв Михаил Дмитриевич* (р. 1943), историк, педагог — 403–404
- Карпеев Энгель Петрович* (1925–2016), инженер, педагог, историк науки — 392–393
- Каррер д’Анкосс Элен (урожд. Зурабишвили, Carrère d’Encausse Hélène; р. 1929), постоянный секретарь Французской академии, историк, политолог — 199, 205
- Катерина (сер. XVIII в.), турчанка, служанка жены и дочери герцога курляндского Э.И. Бирона — 439
- Катифоро Антонио (Catiforo Antonio; ок. 1685–1763), аббат, историк, автор первого жизнеописания Петра Великого на итальянском языке,

- изданном в Венеции — 362, 364–365, 367, 369–372, 375, 377
- Кафенгауз Бернгард (Борис) Борисович* (1894–1969), историк — 153, 163, 448, 456
- Каценельсон Лев Израилевич (1847–1917), российский медик, востоковед-гебраист, прозаик, общественный деятель — 131, 137
- Каченовский (сер. XVIII в.), певчий, фаворит имп. Елизаветы Петровны — 116
- Квасов Алексей Васильевич (нач. 1720-х–1777), архитектор — 220–221, 226
- Квашнин-Самарин Александр Петрович (1732–1816), гос. и военный деятель, в 1796–1797 первый губернатор Орловской губернии — 82
- Кедринский Александр Александрович* (1917–2003), архитектор — 220, 228
- Кейзерлинг Георг Иоганн, фон (Keyserlingk; ум. 1711), прусский посланник при дворе Петра I — 183, 192
- Кейзерлинг Герман Карл, фон (Keyserlingk Hermann-Karl von; 1695/1696–1764), гр. с 1742, курляндский дипломат на русской службе — 19, 147
- Кирилл (Флоринский; ум. 1744), архимандрит Заиконоспасского монастыря, позже Троице-Сергиева монастыря — 10, 16
- Клаубер Игнац Себастьян (Klauber Ignaz Sebastian; 1753–1817), немецкий гравер на меди, педагог, с 1796 работавший в Санкт-Петербурге — 180
- Клевещкий А.* (втор. пол. XVIII в.), переводчик с персидского языка — 35, 37
- Клиер Джон Дойл (Klier John Doyle; 1944–2007)*, американско-британский историк — 127, 129, 136–137
- Клименко Сергей Васильевич* (р. 1969), историк архитектуры — 159, 162
- Клопман Эвальд, фон (1734–1804), курляндский дворянин — 439
- Кнобель Христиан (Knobel Christian Ludwig Eberhard; 1719–1793), архитектор немецкого происхождения, работавший в Петербурге под руководством Растрелли — 233, 235
- Князев Георгий Алексеевич* (1887–1969), историк, архивист — 309, 324
- Кобак Александр Валерьевич* (р. 1952), историк, краевед, общественный деятель — 250–251, 258, 364, 377
- Ковалёв Михаил Владимирович*, историк — 365, 377
- Коваленская Наталья Николаевна* (1892–1969), историк искусства, педагог — 359, 361
- Коваленский Михаил Николаевич* (1874–1923), историк, педагог — 81, 89
- Ковальченко Иван Дмитриевич* (1923–1995), историк — 91, 98
- Ковригина Вера Александровна*, историк — 168, 175
- Кожина Василиса (ок. 1780 — ок. 1840), крестьянка, участница Отечественной войны 1812 года — 63
- Козлов Гавриил Игнатьевич (1738–1791), исторический и портретный живописец — 386
- Козловский Осип Антонович (1757–1831), композитор — 277
- Козловский Пётр Борисович, кн. (1783–1840), писатель и дипломат — 76, 89
- Козмин Иван (пер. пол. XVIII в.), резчик Московского монетного двора, ученик А. Шульца — 97
- Кокоринов Александр Филиппович (1726–1772), архитектор — 384
- Колесников Пётр Андреевич* (1907–1996), историк, археограф, архивист — 134, 138
- Коллегорский Виктор* (р. 1951), поэт, переводчик
- Колло Мари-Анн (Collot Marie-Anne; 1748–1821), французский скульптор — 349
- Колокольников Мина Лукич (ок. 1707–1775), художник — 237
- Колокольниковы (Мина Лукич и Федот Лукич), братья, художники — 236

- Компан Шарль (Compan Charles; 1732–1818), французский юрист, писатель и драматург, автор первого в истории танцевального словаря — 276, 284
- Кондаков (Кандаков) Михаил Абросимович (не позднее 1703 — 1759 или 1760), садовый мастер — 226
- Кондаков Сергей Николаевич (1878–1940), искусствовед, библиограф — 379–380, 382, 388
- Константин (Горянов;* р. 1951), с 1990 архимандрит, с 2003 архиепископ, с 2015 митрополит Петрозаводский и Карельский — 256, 258
- Константин (Константин) I Великий (272–337), римский император — 373
- Копанев Николай Александрович (1957–2013), историк — 307, 311, 324
- Коренев И. (кон. XVIII в.), Ярославский землемер — 431
- Коробков Николай Михайлович* (1897–1947), военный историк, археолог, краевед — 15–16, 61, 66–67, 145, 150
- Коровайников Федор (сер. XVIII в.), ярославский купец — 433
- Корсаков Дмитрий Александрович* (1843–1919), историк — 43, 56
- Корф Екатерина Карловна (урожд. Скавронская; ум. 1757), двоюродная сестра имп. Елизаветы Петровны, жена генерал-полицмейстера Н.А. Корфа — 44, 252
- Корф Иоганн Альбрехт, фон, барон (1697–1766), русский дипломат, родом из Курляндии, в 1734–1740 возглавлял Петербургскую Академию наук, с 1740 был русским посланником в Копенгагене — 44
- Корф Николай Андреевич, барон (1710–1766), премьер-майор, с 1742 камергер, с 1744 сенатор — 44
- Костышин Дмитрий Никанорович* (1950–2020), историк — 316–318, 324
- Котелль Жан (Cotelle Jean; 1642–1708), французский художник и гравёр — 224
- Кошка Пётр Маркович (1828–1882), матрос, участник Крымской войны 1853–1856, герой обороны Севастополя — 63
- Крамер Габриэль (Cramer Gabriel; 1704–1752), швейцарский математик, издатель — 316
- Крамеры Габриэль и Филибер, братья (Cramer Gabriel и Philibert; сер. XVIII в.), швейцарские издатели — 317
- Красоткин Прохор (сер. XVIII в.), повар герцога курляндского Э.И. Бирона — 439
- Крашенинников Степан Петрович (1711–1755), ботаник, этнограф, географ, путешественник, исследователь Сибири и Камчатки — 390
- Крейс Корнелий Иванович — см. Крюйс/Крейс Корнелий Иванович
- Крекшин Петр Никифорович (1684–1763), историк, один из первых учёных в области генеалогии — 165, 363, 376
- Кригер Лариса Валерьевна* (р. 1961), архитектор, историк архитектуры, педагог — 403–404
- Кротов Павел Александрович (р. 1961), историк — 184–185, 192
- Крылов И.Т. (сер. XVIII в.), живописец Императорского фарфорового завода виноградовского периода — 273
- Крылов Никита Саввич (кон. XVII — сер. XVIII в.), архангельский купец 1-й гильдии, судостроитель — 409
- Крюйс/Крейс Корнелий Иванович (Корнелиус, Нильс Ульсен, Olsen Nils, Srøys Kornelius; 1655–1727), русский адмирал (1721) норвежского происхождения — 184–185, 372
- Крючков Козьма Фирсович (1890–1919), донской казак, герой Первой мировой войны — 63

- Кубанец Александр (сер. XVIII в.), служитель герцога курляндского Э.И. Бирона — 439
- Кудрявцев Иван (сер. XVIII в.), медалиер, ученик Б. Скотта, работавший в Петербургском Монетном дворе — 97
- Кузани (Cusanino; сер. XVIII в.), итальянская семья в Милане, покровительствующая музыканту Джаванни Карестини — 272
- Куков Дмитрий (сер. XVIII в.), фабрикант — 303
- Кукушкин Василий Гаврилович (втор. пол. XIX в.), фотограф, работал в 1876–1884 во Владимире — 211
- Кулаков Андрей Евгеньевич* (р. 1953), историк, культуролог, религиовед, педагог — 365, 377
- Купии Иоганн/Яган (Купи, Копии, Копий; 1687/1688–?), голландский медалиер, с 1717 до 1760-х работавший в России — 93
- Куракин Борис Иванович, кн. (1676–1727), дипломат, посол России в Париже — 172–174
- Курукин Игорь Владимирович* (р. 1953), историк — 156, 162, 439, 445
- Курьшев Андрей Витальевич*, историк Волжского казачьего войска — 421, 426
- Кусков Иван (втор. пол. XVIII в.), преподаватель танцев в Сухопутном Шляхетском Корпусе и Академии Художеств, переводчик, автор первого учебника танцев на русском языке — 276, 284
- Кутепов Николай Иванович* (1851–1907), заведующий хозяйством Императорской охоты, генерал-лейтенант — 450, 456
- Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), гр. (1811), светл. кн. (1812) полководец, дипломат, генерал-фельдмаршал — 62
- Кучеренко Геннадий Семёнович* (1932–1997), историк — 316, 325
- Лави Анри, де (Lavie, La Vie Henry de; 1678–1738), французский морской комиссар, дипломатический представитель Франции в России — 171–172, 175
- Лаврентьев Александр Я. (р. 1980), фотограф — 299, 338
- Лаврухина Ирина Александровна*, искусствовед, художественный критик — 386, 388
- Лагрене Луи Жан-Франсуа (Lagrenée Louis Jean-François; 1725–1805), французский художник — 383
- Лазарев Семен Андреевич (втор. пол. XVIII в.), Владимирский купец, ратман магистрата — 213
- Ламберти Канудус (пер. пол. XVIII в.), шведский садовый мастер, на российской службе с 1723, в 1735–1746 работал в Царском Селе — 221, 223
- Ламони Ф.-М. (Lamoni; сер. XVIII в.), итальянский лепщик, скульптор — 233
- Лампи Иоганн Батист, старший (Lampi Johann Baptist, von; 1751–1830), австрийский художник — 386
- Ланде Жан-Батист (Landé Jean-Baptiste; 1697–1748), французский танцовщик, балетмейстер, педагог — 278, 280–281, 284
- Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946), художник — 429
- Лануа, де — см. Де Лануа
- Ланцманис Имантс (Lancmanis Imants; р. 1941)*, латвийский живописец и искусствовед — 244, 246
- Лапин Владимир Викентьевич* (р. 1954), историк — 58
- Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич* (1863–1919), историк — 51, 56
- Ласкарь Прокопий (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 132
- Ласковский Фёдор Фёдорович (1802–1870), воен. инж., преподаватель фортификации — 412–413
- Лебедев А.А.*, историк — 62, 66
- Лебедев Георгий Ефимович (1903–1958), искусствовед — 347, 361
- Лебедев И. (сер. XVIII в.), геодезист — 417

- Лебединская Марина Петровна*, искусствовед — 333, 342
- Леблон Жан-Батист Александр (Le Blond Jean-Baptiste Alexandre; 1679–1719), французский архитектор, с 1716 на русской службе — 222, 224, 240–241, 243–247
- Лебратовский Герасим Кириллович (сер. XVIII в.), директор китайского торгового каравана — 329, 333, 337
- Левенвольде Рейнгольд Густав (Loewenwolde Reinhold Gustaw von; 1693–1758), гр. с 1726, немец, фаворит Екатерины I, влиятельный придворный в правление Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны, обер-гофмаршал (1730) — 224, 227
- Левин Леонид Иосифович*, строитель, историк — 407, 413
- Левицкий Дмитрий Григорьевич (1735–1822), живописец — 357, 361
- Левкин Иоганн Тимофеевич (Lefken Johann; 1714–?), сын минцмейстера Московского монетного двора Тимофея Лефкена, учился в Швейцарии в мастерской Ж.-А. Дасье, с 1737 в России — 96
- Легрен К. (сер. XVIII в.), художник — 235
- Ленне Петер Йозеф (Lenné Peter Joseph; 1789–1866), прусский садовый художник и ландшафтный архитектор — 243
- Ленотр Андре (Le Nôtre André; 1613–1700), французский ландшафтный архитектор — 222, 241, 243, 247
- Леонардо да Винчи (Leonardo di ser Piero da Vinci; 1452–1519), итальянский худ., учёный, изобретатель — 178
- Леонтий (пер. пол. XVIII в.), монах, автор духовной музыки — 265
- Лерх Иван Яковлевич (Lerche Johann Jakob; 1703–1780)*, немецкий врач, с 1731 на военной службе в России, путешественник — 35–37
- Лесток Иоганн Герман (Lestocq Johann Hermann; 1692–1767), гр. с 1743, хирург немецко-французского происхождения, с 1713 работавший в Петербурге, придворный лейб-медик — 77, 199, 203, 435–436
- Лефорт Иван Исаевич (Жан, Lefort, Le Fort Jean; 1685–1739), торговый агент и консул России в Париже, затем — саксонский и польский чрезвычайный посланник при русском дворе, племянник генерала и адмирала Франсуа Лефорта — 194, 196, 345
- Лефорт Франсуа (Франц Яковлевич, Lefort, Le Fort Franz / François Jakob; 1655/1656–1699), генерал и адмирал русской службы швейцарского происхождения, дипломат — 311, 324
- Лехович Татьяна Николаевна** (р. 1968), искусствовед — 292, 297, 305
- Лещинский Лев Михайлович* (сер. XX в.), военный историк — 61, 66
- Ливен (сер. XVIII в.), полковник, сблизившийся с герцогом Э.И. Бироном в Ярославле — 439
- Лизандер (кон. XVIII в.), полковник, управляющий имением Бутурлиных — 397
- Линней Карл (Linné Carl, Linnaeus Carl; 1707–1778), шведский естествоиспытатель и медик — 143
- Липпольд Франц (Lippold Franz; 688–1768), немецкий портретист — 434
- Лириа Джеймс Фрэнсис Фитцджеральд Стюарт (1796–1738), испанский аристократ, военный и дипломат — 287, 291
- Лисавета Ярославна (Олисава, Эллисив, Эллисива, Элисабет; 1025–1066 или 1067), дочь Ярослава Мудрого — 177
- Литвинов Василий Васильевич* (1873–1941), краевед, библиограф — 399, 404
- Лихачёв Дмитрий Сергеевич (1906–1999), филолог, культуролог, искусствовед — 219, 223, 227–229

- Лихачёва Валентина Владимировна* (р. 1995), составитель сборника петровского конгресса — 364, 377
- Лиштенан Франсина-Доминик** (Liechtenhan Francine-Dominique; р. 1956), французский историк, славист — 201, 203, 205, 308, 325
- Лобковиц Вратислав, гр. (Йозеф Мария Карл; 1725–1802)**, имперский посол в России с 1764 по 1777 г. — 383
- Ложкин/Лошкин Григорий Иванович** (1760–1837), купец подмосковного Дмитрова — 213
- Ломоносов Михаил Васильевич** (1711–1765), учёный-естествоиспытатель, энциклопедист, физик, химик, астроном, приборостроитель, географ, металлург, геолог — 11, 15, 52, 56, 73, 202, 250, 252, 268, 297, 305, 318–319, 325, 372, 376, 386, 389, 391–393
- Л’Опиталь (Лопиталь) Поль-Франсуа де Галюсси, де, маркиз (L’Hopital P.-F.; 1697–1767)**, в 1757–1760 французский посол в России при дворе Елизаветы Петровны — 95
- Лоренцо Якоб** (сер. XVIII в.), резчик — 233
- Лоррен Луи-Жозеф, Ле (Lorrain Louis-Joseph, Le; 1715–1759)**, французский художник и гравёр — 351–352, 383
- Лортолари Альбер (Lortholary A.; сер. XX в.)**, французский историк — 307, 314, 324
- Лосенко Антон Павлович** (1737–1773), живописец — 97, 384, 442
- Лукин Емельян** (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 135
- Лукин Николай Дмитриевич** (до крещения Вульф; сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 132
- Лукини Ф.-А.** (втор. пол. XVIII в.), итальянский каменных дел мастер, племянник Э. Казасопа, в 1764–1795 работавший в России — 239
- Львов Николай Александрович** (1753–1803), архитектор, график, историк, ботаник, геолог, поэт, драматург, переводчик, музыкант, в 1798 опубликовал «Подробную летопись от начала России до Полтавской баталии» — 320
- Люблинский Владимир Сергеевич** (1903–1968), историк-медиевист, книговед, палеограф, поэт, педагог и прозаик — 307, 325
- Людовик (Луи Анри) де Бурбон, герцог (Louis Henri, prince de Condé, duc de Bourbon; 1692–1740)**, член регентского совета при малолетнем Людовике XV — 172–174, 196
- Людовик XIV (Louis XIV; 1638–1715)**, король Франции с 1643 — 241
- Людовик XV (Louis XV; 1710–1774)**, король Франции с 1715, правнук Людовика XIV — 95, 172–174, 178, 182, 192–193, 195, 199, 201, 354
- Людовик Орлеанский, герцог (Louis d’Orleans; 1703–1752)**, сын Филиппа II Орлеанского — 172
- Ляпунов Василий** (сер. XVIII в.), коллежский ассessor — 82
- Лятур (Лоне, де; пер. пол. XVIII в.)**, гувернантка царевны Елизаветы Петровны — 202
- Мазепа Иван Степанович** (1639–1709), украинский военный и политический деятель, гетман обеих сторон Днепра — 370
- Мазур Тамара Петровна** (р. 1942), историк — 68
- Майков Леонид Николаевич** (1839–1900), историк литературы, этнограф, фольклорист — 308, 325
- Майкова Татьяна Сергеевна** (1918–1991), историк — 153, 162, 363, 375
- Макаров Алексей Васильевич** (1674 или 1675–1740), кабинет-секретарь Петра I — 174
- Макаров Борис Сергеевич** (р. 1953), историк — 227, 229
- Макаров Исай** (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 133
- Макиавелли Никколо (Machiavelli Niccolò; 1469–1527)**, итальянский мыслитель, философ, писатель — 51

- Малиновский Константин Владимирович (1937–2020), историк искусства — 52–53, 56, 220, 229, 243–244, 246, 346, 361, 382, 388
- Малюта Евгений Васильевич* (р. 1945), краевед, журналист, писатель-документалист — 415, 417, 420, 426
- Манштейн Христоф/Кристоф Герман, фон (Manstein Christoph Hermann, von; 1711–1757), мемуарист, генерал-майор прусской службы, в 1736–1744 на русской службе — 29–30, 36–37, 77, 88, 432–433, 439, 445
- Марасинова Елена Нигметовна** (р. 1962), историк — 75
- Марвиль, де, шевалье (сер. XVIII в.), муж гувернантки царевны Елизаветы Петровны — 202
- Мардефельд Аксель, фон, барон (Mardefeld A.; 1691 или 1692–1748), прусский посланник в России — 93, 168, 175
- Марианна Виктория (Mariana Victoria de Borbón; 1718–1881), испанская инфанта, старшая дочь короля Филиппа V — 195
- Мария Лещинская (польск. Maria Leszczyńska; 1703–1768), королева Франции, супруга короля Людовика XV — 174, 195
- Мария Терезия Вальбурга Амалия Кристина (Maria Theresia Walburga Amalia Christina; 1717–1780), эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии с 1741, королева Богемии с 1740, супруга, а затем вдова Франца I Стефана Лотарингского, избранного императором в 1745, основательница Лотарингской ветви династии Габсбургов — 18–19, 145, 147
- Маркина Людмила Алексеевна (р. 1951), искусствовед — 450–451, 456
- Марков Иван (пер. пол. XVIII в.), купец, строитель, бывший крепостной крестьянин полковника И.В. Отяева — 208
- Маро Даниэль (Marot Daniel; 1661–1752), французский протестант, архитектор, гравёр, дизайнер интерьеров, паркостроитель — 241
- Мартелли Алессандро (1712–1780), итальянский скульптурный мастер — 250
- Мартиросян В.М.* (втор. пол. XX в.), советский и армянский историк — 295, 304
- Марфа (Ксения Иоанновна Романова, урожд. Шестова; ум. 1631), инокиня, мать царя Михаила Фёдоровича — 289
- Маслов Алексей Михайлович (ок. 1717–1773), генерал-поручик, Воронежский губернатор с 1766 — 400
- Масловский Дмитрий Фёдорович (1848–1894), военный историк, генерал-майор — 59–60, 66, 140, 147–148, 150
- Матвеев Александр Сергеевич* (р. 1966), востоковед, историк — 28, 37
- Матвеев Андрей Матвеевич (1701–1739), художник, портретист — 92
- Матвеева Ирина Германовна*, филолог, историк библиотечного дела — 254, 258
- Матюшкина Анна Алексеевна, гр. (урожд. кнж. Гагарина; 1722–1804), фрейлина имп. Елизаветы Петровны, статс-дама двора Екатерины II — 116
- Медынцев Федор (пер. пол. XVIII в.), медальер, ученик Готфрида Хаупта, в 1710–1725 работал на Московском монетном дворе — 97
- Мезере Франсуа Эд, де (Mézeray François Eudes, de; 1610–1683), французский историк — 51
- Мезин Сергей Алексеевич** (р. 1958), историк — 306, 363, 376
- Мелентьев Михаил Е. (1727–1797), «архитекторский помощник», один из строителей ансамбля Александро-Невской лавры — 251
- Менц Федор (сер. XVIII в.), военный инженер — 423
- Меншиков Александр Данилович (1673–1729), гр. (1702), кн. (1705), светл. кн. (1707), генералиссимус,

- адмирал, первый С.-Петербургский генерал-губернатор — 130, 151–152, 154–156, 160–161, 165–166, 168, 170–171, 173, 175, 178, 183–186, 188–189, 243, 316, 355, 364, 371, 428, 445
- Меншикова Дарья Михайловна** (урожд. Арсеньева; 1682–1728), светл. кн. с 1707, жена А.Д. Меншикова — 156
- Меньшикова Мария Львовна**, историк искусства — 326–328, 330, 333, 339–340, 342
- Мерво Кристиан** (Mergaud Christiane), французский вольтеровед — 308, 320–321, 324
- Мерво Мишель** (Mergaud Michel; р. 1929), французский историк русской культуры и литературы — 307–311, 316, 319–321, 324
- Местр Жозеф-Мари, де, гр.** (Maistre Joseph, de; 1753–1821), подданный Сардинии, католический философ, литератор, политик, дипломат — 76, 89
- Мещерский Степан Михайлович**, кн. (1699–1775), адмирал, член Адмиралтейств-коллегии — 383
- Микетти Николо** (Michetti Nicolo; 1675–1759), итальянский архитектор, в 1718–1723 работавший в Петербурге — 243, 246
- Миллер (Мюллер) Герард Фридрих** (Müller Gerhard Friedrich; 1705–1783), российский историограф немецкого происхождения — 310–311, 315, 318, 320, 324, 330, 336, 342, 390
- Милютин Алексей** (сер. XVIII в.), фабрикант — 303–304
- Миних Бурхард Христоф / Кристоф** (Христофор Антонович), фон (Münnich, Burkhard Christoph, von; 1683–1767), гр. (1728), инженер-гидравлик немецкого происхождения с 1721 работавший в России, гос. деятель, с 1732 генерал-фельдмаршал — 286, 354
- Миних Христиан Вильгельм** (Münnich Christian Wilhelm, von; 1688–1768), барон (1726), брат фельдмаршала Б.К. Миниха, обер-гофмейстер (1743) — 30
- Минихи**, графский и дворянский род — 127
- Мирец-Имшенецкий Василий Семёнович** (пер. пол. XIX в.), управляющий именем Бутурлиных — 397
- Михаил Федорович** (1596–1645), русский царь с 1614 — 166, 174, 371
- Михайлов Андрей** (сер. XVIII в.), новокрещённый еврей — 135
- Михайлов Петр** — см. Петр I Алексеевич
- Мичурин Иван Федорович** (1700–1763), архитектор — 159–160, 162
- Мишель Жан** (Михель Иван, Michel Jean; нач. XVIII в.), французский придворный мебельный мастер, в России с 1718 — 383
- Мишин Геннадий Алексеевич** (1943–2011), писатель, краевед — 418, 426
- Моисеев Сергей Петрович** (сер. XX в.), военный историк — 64, 66
- Моисеева Светлана Владимировна** (р. 1957), искусствовед — 343, 351, 361
- Молева Нина Михайловна** (р. 1925), писательница, историк, искусствовед — 350–351, 361
- Молчанов Григорий** (ок. 1729 — не ранее 1772), портретист, театральный художник — 289
- Монастырский** (сер. XVIII в.), бургомистр, в 1753 проходивший по следствию о нарушении правил добычи соли — 423
- Мошков Сергей Николаевич** (р. 1958), географ — 416, 420, 426
- Монс Анна Ивановна** (Mons Anna; 1672 или 1675–1714), дочь немецкого винодела, жившая в Москве, в Немецкой слободе, фаворитка Петра I — 183
- Монферран Огюст** (Montferrand Henri Louis Auguste Ricard, de; 1786–1858), французский архитектор, работавший в России — 181

- Мопертюи Пьер Луи Моро (Maupertuis Pierre-Louis Moreau, de; 1698–1759), французский математик, механик, естествоиспытатель, астроном, физик — 51
- Морвиль Шарль-Жан-Батист Флёрьо, де, граф (Morville Charles-Jean-Baptiste Fleury, de; 1686–1732), государственный секретарь иностранных дел Франции — 173
- Мординов Яков Андреевич (сер. XVIII в.), бригадир, затем генерал-майор, в 1748–1759 начальник строительства Воскресенского монастыря — 232, 237
- Мордовцев Дмитрий Лукич (1830–1905), писатель, историк, публицист — 262, 274
- Мосолов Антип Максимович (ок. 1730 — не ранее 1788), тульский заводовладелец — 453
- Мосоловы, семья промышленников, основателей металлургической династии в Тульской области — 452
- Муравьёв М.А.*, военный историк, член Московского клуба историков флота — 62, 66
- Муравьёв Никита Михайлович (1795–1843), офицер, декабрист — 397
- Мухаммад Хусейн-хан (сер. XVIII в.), посол Ирана в России, ранее состоял в должности главного конюшего при шахском дворе — 28, 31–35
- Муханов Ипат Калинович (1677–1729), контр-адмирал, сподвижник Петра I — 189
- Мушников Андрей (пер. пол. — сер. XVIII в.), медальер, ученик А. Шульца, затем продолжил ученичество к классу Б. Скотта — 97
- Мыльников Степан (сер. XVIII в.), медальер, ученик Б. Скотта — 97
- Мюллер Александра Петровна* (1889/1890–1941), искусствовед, литературовед — 384, 388
- Мякушкин (сер. XVIII в.), ярославский купец — 433
- Мясников Владимир Степанович* (р. 1931), историк, востоковед — 328, 342
- Надир-шах Афшар (1688–1747), шах Персии в 1736–1747, основатель династии Афшаридов, полководец — 27–32, 34, 36–37
- Наполеон I Бонапарт (Napoléon Bonaparte; 1769–1821), император французов в 1804–1814 и 1815 — 397
- Нартов Андрей Константинович (1693–1756), учёный, механик и скульптор, изобретатель токарно-винторезного станка с механизированным суппортом и набором сменных зубчатых колёс — 177, 179, 183, 192
- Нарциссов Пётр Вениаминович* (1885 — не ранее 1925), историк, археолог, архивист — 449, 456
- Нарышкин Семен Кириллович (1710–1775), генерал-аншеф, обер-егермейстер, в 1741–1743 посол России в Великобритании — 369
- Нарышкина Елизавета Ивановна (1787–1861), родственница Бутурлиных — 397
- Нарышкина Мария Павловна (урожд. Балк-Полева; 1728–1793), фрейлина имп. Елизаветы Петровны с 1743, жена Семена Кирилловича Нарышкина в последствии обер-егермейстера — 113
- Нарышкина Софья Ивановна (1810–1820-е), дочь Е.И. Нарышкиной — 397
- Насрулла-мирза, персидский принц (до 1725–1747), сын Надир-шаха — 32
- Наталья Алексеевна, вел. кжн. (1714–1728), дочь царевича Алексея Петровича — 171
- Наталья Алексеевна, царевна (1673–1716), родная сестра Петра I — 151, 153–154, 161, 165–168
- Наталья Петровна, царевна (1718–1725), дочь Петра I — 170
- Наумов Владимир Наумович* (р. 1950), поэт, переводчик — 86, 89
- Нахимов Павел Степанович (1802–1855), флотоводец, адмирал — 62

- Нашокин Василий Александрович (1707–1760), генерал-поручик, ме-
муарист — 133, 138, 439–440, 445
- Неелов Василий Иванович (1722–
1782), архитектор создатель пейзажных парков — 219, 222
- Неелов Федор (сер. XVIII в.), инже-
нер-кондуктор Архангелогород-
ской губернии — 411
- Нейгауз Иосиф Мария Николаус Иг-
нац, фон (1698–1758), полномоч-
ный министр императора Карла
VII — 19
- Немцов Иван (1665–1747), корабле-
строитель, галерный мастер — 190
- Неплюев Иван Иванович* (1693–1773),
адмирал, дипломат, автор мемуар-
ов — 133, 138
- Никитин Иван Никитич (ок. 1690 —
не ранее 1742), живописец-порт-
ретист — 92, 343, 350–351, 353, 356,
361
- Никитин Роман Никитич (1691–
1753), художник — 92
- Никифоров Федор (пер. пол. XVIII в.),
медальер, ученик А. Шульца — 97
- Никодим (Пученков; 1726–?), иеро-
диакон, в 1748–1756 ректор Алек-
сандро-Невской семинарии — 255
- Никодим (Селлий Адам Бурхард;
1695–1746), православный монах,
русский библиограф, богослов, исто-
рик, писатель и философ датс-
кого происхождения — 253
- Никодим (Сребницкий; кон. XVII в.
— 1751), епископ Санкт-Петербур-
гский и Шлиссельбургский, архи-
мандрит Александро-Невского мо-
настыря — 249
- Николаев Сергей Иванович* (р. 1952),
литературовед — 367, 372, 376
- Нихимов Павел Степанович (1802–
1855), флотоводец, адмирал — 62
- Новбари Патрис Юрьевич*, арт-кон-
сультант — 348, 354–355, 361
- Нолькен Эрик Маттиас, фон (Nolcken
Eric Mathias friherre von; 1694–
1755), шведский дипломат — 200
- Обухов Василий Саввич (1700 — пос-
ле 1766), архитектор — 160
- Овидий (43 до н.э. — 17 или 18 н.э.),
древнеримский поэт — 50, 271
- Окулов Прокофий (сер. XVIII в.),
инженер-капитан — 412
- Окурenkova Надежда Владимировна,
искусствовед — 344
- Оливье Дарья (Olivier Daria, по мужу
Caueux Daria, de; 1908–1998), фран-
цузский историк, писательница,
переводчица российского проис-
хождения — 200–201, 205
- Олсуфьев Адам Васильевич (1721–
1784), кабинет-министр, личный
секретарь имп. Елизаветы Петров-
ны, статс-секретарь имп. Екатери-
ны II — 84, 386
- Омельченко Олег Анатольевич*, исто-
рик права — 82, 84, 89
- Опекушин Александр Михайлович
(1838–1923), скульптор — 399
- Орлов Владимир Григорьевич (1743–
1831), гр. (1762), президент Акаде-
мии наук в 1766–1774, с 1775 гене-
рал-поручик — 381
- Орлов Григорий Григорьевич (1734–
1783), гр. (1762), светл. кн. (1772),
генерал-фельдцейхмейстер с 1765,
фаворит имп. Екатерины II — 386
- Оршанский Илья Григорьевич* (1846–
1875), учёный-правовед, историк
еврейства — 129, 136–137
- Осипов Иван (сер. XVIII в.), перевоз-
чик соли с Эльтонского озера к
Волге — 420
- Осипов Константин* (1900–1955), пи-
сатель — 61, 66
- Остаде Адриан, ван (Ostade Adriaen,
van; 1610–1685), нидерландский
художник и гравёр — 53
- Остерман Андрей Иванович
(Ostermann Heinrich Johann
Friedrich; 1686–1747), гр. (1730),
выходец из Вестфалии, фактически
руководивший внешней политикой
России в 1720-е — 1730-е гг., с 1740
генерал-адмирал — 30, 224
- Отяев Иван Васильевич (ок. 1668 —
после 1741), стольник царицы

- Прасковья Федоровны (1692), позже прокурор надворного суда, вышел в отставку в чине полковника — 208
- Охлябинин Сергей Дмитриевич*, военный историк, автор монографии «Из истории российского мундира» — 179, 192
- Павел I Петрович (1754–1801), российский император с 1796 — 23–24, 56, 91, 117, 125, 143, 237, 278, 284, 386, 388, 412
- Павел Петрович, вел. кн. — см. Павел I Петрович, российский император
- Павел Петрович, царевич (1717–1717), младенец, сын Петра I — 169
- Павленко Николай Иванович (1916–2016), историк — 188, 192, 293, 305, 452–453, 455–456
- Павлов Иван (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 132
- Павлова Марина Анатольевна* (р. 1962), искусствовед, историк архитектуры — 235
- Павловец Никита (ум. 1677), иконописец Оружейной палаты — 267
- Пайфилст Илья (сер. XVIII в.), фабрикант — 303
- Палкин Афанасий (сер. XVIII в.), повар герцога курляндского Э.И. Бирона — 439
- Пальмин Виктор Андреевич*, историк — 406, 408, 413
- Панин Никита Иванович, гр. (1718–1783), дипломат, гос. деятель, наставник вел. кн. Павла Петровича — 386
- Параскева Иоанновна (Ивановна), царевна — см. Прасковья Ивановна, царевна
- Паули Шарль (Pauli Charles; 1711–1756), французский хореограф, танцмейстер университета в Лейпциге, автор учебника «Elémens de la danse» (Элементы танца) — 275–276, 283
- Пекарский Пётр Петрович (1827–1872), исследователь русской литературы и истории, библиограф — 29, 37, 77–78, 89, 168, 175, 310–311, 325
- Пелин Никола (Николай Николаевич, Reslin Nicolas; втор. пол. XVIII в.), француз, танцовщик труппы Сереньи, в 1754–1766 преподаватель танцев в Сухопутном Шляхетском Корпусе — 278
- Перг Александр (сер. XVIII в.), живописец — 97
- Перекусихин Василий Савич (1724–1788), секунд-майор, начальник строительства Воскресенского монастыря в 1759–1770, тайн. сов., сенатор — 233, 237
- Пересвет Александр (ум. 1380), русский монах-воин, инок Троице-Сергиева монастыря — 63
- Петерс Дмитрий Игоревич* (1949–2008), историк, специалист по наградным медалям Российской империи втор. пол. XVIII в. — гражданской войны — 92–93, 96, 98
- Петерс Татьяна Павловна** (р. 1950), историк — 90
- Петр I Алексеевич (1672–1725), русский царь (с 1682), первый российский император (с 1721) — 9–15, 18–19, 21–23, 25–26, 31–32, 40, 43–44, 47, 49–50, 54–55, 58–59, 61–62, 64–66, 68–70, 73, 79, 81, 91–93, 109–111, 124, 127, 130, 135, 152–156, 158, 161–162, 164–183, 187–192, 195, 198–199, 202–204, 207, 212, 219–220, 222, 224–225, 240–241, 243–244, 246–247, 253, 257, 270, 276–277, 281, 286, 289–292, 297, 303–304, 306–319, 321–328, 330, 333–336, 339–341, 344–348, 350–351, 354–355, 362–373, 375–380, 390, 393, 406–407, 409, 412–415, 427–428, 432, 446–447, 449–450, 452, 456
- Петр II Алексеевич, царевич (1715–1730), российский император с 1727, сын царевича Алексея Пет-

- ровича — 40, 56, 130, 171, 289, 346, 355, 451
- Петр III Федорович (урожд. Карл Петер Ульрих, Karl Peter Ulrich, von Schleswig-Holstein-Gottorf; 1728–1762), российский император с 1761 — 22, 24, 39–41, 43–57, 59, 82, 91, 109, 115, 118–121, 123, 125, 135, 148, 166, 174, 237, 279, 289, 308, 327, 333, 342, 373
- Петр Великий — см. Петр I Алексеевич
- Петр Петрович, царевич (1715–1719), сын Петра I — 169
- Петр Феодорович, вел. кн. — см. Петр III Федорович
- Петров Анатолий Николаевич (1906–1983), историк архитектуры — 226, 229
- Петров Василий (сер. XVIII в.), каменных дел мастер на строительстве Воскресенского монастыря — 233
- Петров Пётр Николаевич (1827–1891), историк искусств, писатель, генеалог, библиограф, краевед — 231, 347, 360, 383–384, 388
- Петрова Вероника Николаевна (р. 1958), искусствовед — 344, 357
- Пецольд Иоганн Сигизмунд/Зигмунд (Pezold; 1704–1783), с 1736 секретарь саксонского посольства, в 1742–1749 польско-саксонский резидент в России — 79, 433
- Пештич Сергей Леонидович (1914–1972), историк, историограф — 363, 365, 367, 377
- Пикарт Питер (Picart Pieter; 1668–1737), голландский гравёр, с 1702 работал в России — 185
- Пикуль Валентин Саввич (1928–1990), писатель — 64
- Пирютко Юрий Минаевич (1946–2014), историк, краевед, искусствовед — 250–251, 258–259
- Писарев Стефан (Степан) Иванович (ок. 1708 — не позже 1775), переводчик — 362, 364–373, 375–376
- Писаренко Константин Анатольевич (р. 1971), историк — 95, 98
- Пламенац (сер. XVIII в.), черногорский воевода — 939
- Платон (Петрункевич; 1700–1757), с 1748 епископ Владимирский и Яропольский — 210–211
- Платонова Наталья Сергеевна (1894–1942), историк и литературовед — 316, 325
- Подольский Рувим Петрович (1895–1978), архитектор, реставратор, историк архитектуры — 155, 163
- Познанцов Афанасий Иванович (сер. XVIII в.), новокрещённый еврей — 132
- Позье Иеремия (Pauzié Jérémie; 1716–1779), франко-швейцарский ювелир, худ., мемуарист, с 1729 в России — 92
- Половцов (Половецев) Александр Александрович (1832–1909), гос. и общественный деятель, промышленник, меценат, один из основателей ИРИО — 153, 162
- Полосин Иван Иванович (1891–1956), историк, библиограф — 61, 66–67
- Полосов Панкрат (сер. XVIII в.), фабрикант — 304
- Полушкин Федор Васильевич (пер. пол. XVIII в.), ярославский купец и заводчик, отчим театрального деятеля Федора Волкова — 444
- Пономарев С.Т. (сер. XVIII в.), казак, участвовавший в плавании в Тихом океане и открытии островов Умнак и Уналакша (1759) — 72
- Попов Юрий Митрофанович, капитан 1-го ранга запаса, педагог, историк — 178, 192
- Порошин Семен Андреевич (1741–1769), публицист, мемуарист, писатель, один из воспитателей цесаревича Павла Петровича — 278, 284
- Поуфлер (пер. пол. XVIII в.), учитель немецкого языка царевен Анны и Елизаветы Петровны — 168
- Прасковья Ивановна (Иоанновна), царевна (1694–1731), младшая дочь

- Ивана V Алексеевича, племянница Петра I, младшая сестра Анны Иоанновны — 168, 371
- Прасковья Федоровна (урожд. Салтыкова; 1664—1723), русская царица, супруга царя Ивана V, мать императрицы Анны Иоанновны — 23
- Преннер Георг Каспар Иосиф, фон (1720—1766), живописец, сын и ученик придворного австрийского художника А.И. фон Преннера, с 1750 работал в России — 94, 97
- Прийма Фёдор Яковлевич* (1909—1993), филолог, историк литературы — 319, 325
- Проц Диана Анатольевна** (р. 1986), историк — 176
- Пругавин Прокопий Федорович (сер. XVIII в.), архангельский купец 2-й гильдии, судостроитель — 409
- Прудовский Пётр Игоревич* (р. 1981), историк, архивист — 169—171
- Прядунов Федор Савельевич (1694—1753), землепроходец, рудоискатель, архангелогородский купец — 409
- Пуассонье Пьер-Исаак (1720—1798), французский врач, химик, в 1758—1760 лейб-медик имп. Елизаветы Петровны — 204
- Пугачев Емельян Иванович (1742—1775), донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773—1775, самозванец, выдававший себя за Петра III — 318, 325
- Пуятин Евгений Евфимьевич*, гр. (1852—1908), полковник, учредитель Императорского православного палестинского общества (ИППО) в 1882 — 185
- Пуффендорф Самуэль, фон (Pufendorf Samuel, von; 1632—1694), немецкий юрист, историк, философ — 50—51
- Пушкарёв Иван Ильич (1803—1848), историк, краевед, статистик — 267, 274
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), поэт, драматург, прозаик, историк, публицист — 110, 124, 223
- Пушкин Михаил Алексеевич (ум. 1791 или 1792), офицер Преображенского полка, в 1772 лишён чинов и дворянства и отправлен в Енисейск — 318, 325
- Пушкин Сергей Алексеевич (ум. 1794), капитан-поручик гвардии, в 1772 лишён чинов и дворянства и заточён в крепость — 318, 325
- Пчелов Евгений Владимирович (р. 1971), историк — 166, 175, 177, 192
- Пыляев Михаил Иванович* (1842—1899), писатель и журналист — 49, 56
- Рагозины, дворянская семья в селе Петрово-Городище Суздальского уезда — 212
- Радищев Александр Николаевич (1749—1802), прозаик, поэт, философ — 77, 89
- Разумовский Алексей Григорьевич (1709—1771), гр. с 1744, фаворит имп. Елизаветы Петровны, генерал-фельдмаршал — 22, 45, 116, 130—131, 144, 252, 271, 273, 311
- Разумовский Кирилл Григорьевич (1728—1803), гр. с 1744, в 1750—1764 гетман Войска Запорожского, с 1764 генерал-фельдмаршал, с 1746 по 1798 президент Российской Академии наук — 144, 221, 310—311, 380—381, 391
- Разумовский Степан Яковлевич (1734—1812), астроном, математик, с 1767 академик Петербургской Академии наук — 256
- Ралль Кристани, фон, барон (Rall Christiani, von; 1729—1796), австрийский фельдмаршал, участвовавший в Семилетней войне, в 1757—1758 как австрийский сержант находился в ставке русской армии среди наблюдателей — 148—149
- Рамбух (Рамбурт) Стефан (пер. пол. XVIII в.), француз, учитель царевен Анны и Елизаветы Петровны, преподаватель танцев — 168
- Ранке Леопольд, фон (Ranke Leopold, von; 1795—1886), немецкий историк — 140, 149

- Рапен де Туара Поль (Rapin de Thougais; 1661–1725), французский историк — 51
- Раскин Давид Иосифович** (р. 1946), историк — 99
- Рассторгуев Михаил Дмитриевич (1728–1767), архитектор — 251
- Растрелли Бартоломео, гр. (Rastrelli Bartolomeo; 1667–1744), итальянский скульптор и архитектор, с 1716 работавший в России — 15, 220, 229, 243–244, 246–247, 345
- Растрелли Франческо, гр. (Растрелли Варфоломей Варфоломеевич, Rastrelli Francesco Bartolomeo; 1697–1771), архитектор итальянского происхождения — 15–16, 74, 207, 210, 216, 218–223, 225–226, 228–229, 231–236, 238, 240–241, 243–247, 334–335, 386
- Ратлегод (сер. XVIII в.), саксонский резидент — 94
- Ре Ф. (сер. XVIII в.), скульптор — 238
- Рейшиш Георг Фридрих (Гот Фрит, Готфрид, Reibsch Georg Fridrich; пер. пол. XVIII в.), уроженец Чехии, резной и токарный мастер, не позднее 1712 в Петербурге — 93, 96
- Рейман Андрей Леопольдович* (р. 1959), искусствовед — 246
- Репин Николай Николаевич* (р. 1935), историк — 13, 16
- Репнина Прасковья Васильевна, кнж. (в замужестве Нарышкина; ум. 1793), фрейлина имп. Елизаветы Петровны — 113
- Рехлин Яков/Яков (ум. 1764), немецкий садовник, в 1735–1764 работал в России — 222, 224, 227, 229
- Римская-Корсакова Светлана Викторовна (р. 1938), искусствовед — 344, 350–351, 356–357, 361
- Римский-Корсаков Яков Никитич (1679–1734), ландрихтер Ингерманландии, в 1703 работал на Олонецкой верфи, с 1711 петербургский вице-губернатор — 188
- Ринальди Антонио (Rinaldi Antonio; 1709–1794), итальянский архитектор, работавший с 1751 в Петербурге — 222
- Ринальди Антонио, по прозвищу Фузано (Rinaldi Antonio; до 1715 — после 1759), итальянский танцовщик, хореограф, в 1742–1759 возглавлявший балетную труппу в Петербурге — 281
- Ришелье Арман Жан дю Плесси (Richelieu Armand-Jean du Plessis, de; 1585–1642), кардинал Римско-католической церкви — 51
- Робинсон (Робертсон) Самуэль (Robinson; нач. XVIII в.), английский кораблестроитель на Воронежской верфи — 190
- Ровинский Александрович* (1824–1895), юрист, историк искусства, составитель справочников по русским портретам и гравюре, меценат, благотворитель — 381, 388
- Родионов Петр (сер. XVIII в.), садовый ученик, работавший в Царском Селе — 226
- Родионов (сер. XVIII в.), подпоручик — 417
- Рокотов Федор Степанович (1730–е–1808), живописец — 97, 386
- Роллан Людвиг (Rolland Louis; 1711–1791), французский скульптор, с 1746 работавший в России — 386
- Романовы, царствующая династия в России с 1613 — 17, 22–24, 161, 166, 174, 176–177, 194, 268, 289, 317, 371
- Рондо Джейн Уорд (Rondeau; 1699–1783), жена английского консула при русском дворе в царствование Анны Иоанновны — 433, 445
- Росси Игнатий Яковлевич (1706–1680), архитектор — 251–252
- Росси, де, Кавалер (Rossi Chevalier, de; втор. пол. XVIII в.), друг и постоянный корреспондент Жозефа де Местра, министр Виктора Эммануила I, короля Сардинии — 76, 89
- Ротари Пьетро Антонио (Rotari Antonio Pietro; 1707 или 1710 — 1762), итальянский придворный

- живописец-портретист, работавший после 1756 в России — 94, 97, 157, 382, 384
- Руджери Франческо (Ruggieri Francesco; ок. 1630–1698), итальянский скрипичный мастер — 53
- Рудь Полина Викторовна* (р. 1982), китаист — 340, 342
- Руммель (Rummel; сер. XVIII в.), комендант крепости Мемеля, подполковник прусской армии — 147
- Румянцев Александр Иванович (1680–1749), гр. с 1744, военачальник, дипломат — 301
- Румянцева Анна Никитична (в замужестве Нарышкина; 1730–1820), фрейлина имп. Елизаветы Петровны, в 1749 вышла замуж за А.А. Нарышкина, троюродного брата Елизаветы, позже статс-дама при дворе Екатерины II — 113
- Рункевич Степан Григорьевич* (1867–1924), церковный писатель-историк — 249–250, 253–255, 257–259
- Рыбакин Анатолий Иванович (1918–1991), филолог — 178, 192
- Рысаков Григорий (сер. XVIII в.), крестьянин, иконописец — 237
- Рюльер Клод Карломан (Rulhière Claude Carloman, de; 1735–1791), французский поэт, писатель, историк — 443, 445
- Рязанцев Игорь Васильевич* (1932–2014), историк искусства — 352, 361
- Сабат Карл Фридрих (Sabath Karl Friedrich; 1782–1843), художник — 184
- Сабенина Алла Вадимовна*, музейный деятель — 159, 162
- Саблуков Иван Семенович (1735–1777), художник-портретист украинского происхождения — 384, 386
- Салети Лоренцо (сер. XVIII в.), итальянский певец-кастрат, в 1742–1754 и в 1755–1758 служил в придворным певцом в России — 273
- Салтыков Борис Михайлович (1739–1808), литератор, служил агентом И.И. Шувалова в Женеве при Вольтере — 312, 316–318, 324
- Салтыков Владимир Семенович (1705–1751), гр. (1733), московский вице-губернатор с 1741, генерал-майор, владелец усадьбы Смольнево — 209
- Салтыков Иван Алексеевич, гр. (ок. 1716–1773), внучатый племянник имп. Анны Иоанновны, генерал-аншеф, владелец усадьбы в селе Черкутине — 208
- Салтыков Петр Семенович, гр. (1698–1773), главнокомандующий русской армией в 1759–1760, генерал-фельдмаршал — 62–63, 144, 312, 317
- Салтыков Семен Андреевич (1672–1742), гр. (1733), с 1730 обер-гофмейстер — 33
- Санти Франц Матвеевич, гр. (Мартынович, Santi Francesco; 1683–1758), геральдист из Пьемонта, заложивший основы русской геральдики — 21–23
- Сафонов Михаил Иванович (1727–1782), гвардейский офицер, впоследствии генерал-поручик — 114
- Сафонов Михаил Михайлович** (р. 1948), историк — 109, 117, 123–125
- Сдвижков Денис Анатольевич (р. 1968), историк — 140, 150
- Северюхин Дмитрий Яковлевич** (р. 1954), историк, краевед, художественный критик, литератор — 378, 385, 388
- Семевский Михаил Иванович (1837–1892), историк, журналист, общественный деятель — 59–60, 165, 168, 175
- Сент-Андре Фридрих Даниель (St. André Friedrich Daniel, von; 1700–1775), австрийский фельдмаршал-лейтенант — 148
- Сент-Илер Пьер Антуан, де (Saint-Nilaire; ?–1780), французский картограф, математик и график, автор и руководитель (до 1768) работ по составлению «Аксонометрического плана Петербурга 1765–1773 гг.» — 245–246

- Сенявин Иван Акимович (ок. 1679–1726), военно-морской деятель, судостроитель — 189
- Сергеевский Николай Дмитриевич* (1849–1908), юрист, тайный советник — 83, 89
- Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (1875–1958), писатель — 64
- Сергей Александрович, вел. кн. (1857–1905), сын имп. Александра II, московский генерал-губернатор — 359
- Сергиев Иван Стефанович (ок. 1840 — после 1890), священник Покровской церкви сл. Александровки — 399–400, 404
- Серебряков Иванис (сер. XVIII в.), толмач, армянин — 32
- Серов (сер. XVIII в.), ярославский купец, в доме которого квартировал поручик Степан Дурново — 443
- Серов Дмитрий Олегович* (1963–2019), историк — 130, 138, 316–317, 325
- Серова Ирина Александровна** (р. 1960), музейный деятель — 427
- Сиверс Петр Иванович (Sivers Peter, von; 1674–1740), российский адмирал (1727) голштинского происхождения — 189
- Сильвестр (Кулябка; 1701 или 1704 — 1761), с 1750 архиепископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский, духовный писатель — 249, 257
- Сильвестр (Страгородский; 1725–1802), иеромонах, в 1756–1761 ректор Александро-Невской семинарии — 255
- Симон (Теодорский; 1700–1754), монах, позже архиепископ Псковский Изборский и Нарвский, с 1742 законоучитель и духовник будущего Петра III, а с 1744 и будущей Екатерины II — 45
- Симонов Д. (втор. пол. XVIII в.), камермейстер — 331
- Синдаловский Наум Александрович* (1935–2021), писатель, историк, краевед — 181, 192
- Ситовская Наталья Владимировна* (р. 1961), искусствовед — 336, 342
- Сироткин Дмитрий Васильевич (р. 1969), фотограф — 294–295
- Сирро Сергей Владимирович (р. 1971), искусствовед — 344
- Скаврнская Екатерина Карловна, гр. — см. Корф Екатерина Карловна, баронесса
- Скляев Федосей Моисеевич (1672–1728), кораблестроитель, корабельный мастер, капитан-командор — 183–184
- Скотт Бенжамен (Scott Benjamin; сер. XVIII в.), шотландский медальер, с 1751 работавший на Петербургском монетном дворе — 97
- Скьяда Афанасий (Σκιάδας Αθανάσιος; втор. пол. XVII — нач. XVIII в.), греческий учёный — 372
- Слепкова Надежда Валентиновна*, биолог — 178, 180, 192
- Слесарев Алексей (втор. пол. XVIII в.), управитель в Александровке Воронежской губернии — 400
- Слизков Иван Михайлович* (сер. XX в.), историк, педагог — 61, 67
- Смирнов Виктор Петрович* (1872–1942), археолог, с 1913 управляющий монетными переделами — 91, 98
- Смирнов Сергей Алексеевич, художник-реставратор — 179, 192
- Собакин Савва Яковлевич — см. Яковлев Савва Яковлевич
- Собинский Егор (пер. пол. XVIII в.), землепроходец, рудоискатель — 409
- Собко Николай Петрович (1851–1906), историк искусства, библиограф — 347, 361
- Соболев (сер. XVIII в.), солдат, в 1753 проходивший по следствию о нарушении правил добычи соли — 423
- Соболев Б. (сер. XVIII в.), отставной майор, направлен в помощь Н.Ф. Чемодурову для разработки соляного озера Эльтон — 417
- Совин Михаил (сер. XVIII в.), фабрикант — 304
- Соколов (Сакалов) Иван Иванович* (1747–?), архитекторский помощ-

- ник, в 1766 был помощником П. Сент-Илера во время работы над Аксонометрическим планом Петербурга — 245–246
- Соколов Борис Михайлович** (р. 1959), историк искусства — 240, 243, 246
- Солдатенков Евгений Сергеевич, художник-реставратор — 344
- Соловдов С. (сер. XVIII в.), прапорщик, направлен в помощь Н.Ф. Чемодурову для разработки соляного озера Эльтон — 417
- Соловьёв Дамир Васильевич*, историк, переводчик, архивист — 76, 89
- Соловьёв Сергей Михайлович* (1820–1879), историк — 48, 56, 59–60, 80, 88–89, 91, 98, 168, 175
- Соловьёв Юрий Павлович*, историк, краевед, филолог — 30, 38
- Соснина Ольга Александровна*, искусствовед — 336, 340, 342
- София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, принцесса — см. Екатерина II Алексеевна
- Софроний Иркутский (Кристалевский-Назаревский; 1703–1771), епископ Иркутский и Нерчинский, в 1918 канонизирован в лике святителей — 256
- Софья (сер. XVIII в.), «арапка», служанка жены и дочери герцога курляндского Э.И. Бирона — 439
- Спацанский Андрей Николаевич*, историк, переводчик — 286, 291
- Спилман Патрик (Speelman Patrick J.), американский военный историк — 141, 149
- Старк Вадим Петрович* (1945–2014), литературовед, искусствовед, пушкинист — 318, 325
- Старцов Иван (сер. XVIII в.), фабрикант — 303
- Стеллер Георг Вильгельм (Steller Georg Wilhelm; 1709–1746), немецкий врач и естествоиспытатель, с 1734 работавший в России — 390
- Степанов Александр Николаевич (1892–1965), писатель — 64
- Степанов Иван (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 133
- Степанов Илья (сер. XVIII в.), слуга герцога курляндского Э.И. Бирона — 439
- Степанов Филипп Иванович (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 133
- Стефан (Калиновский; 1700–1753), с 1735 архимандрит Александро-Невской лавры, с 1745 архиепископ Новгородский и Великолуцкий — 253
- Стецкевич Елена Сергеевна*, историк — 381, 388
- Столбова Елена Игоревна (р. 1953), искусствовед — 344
- Страдивари Антонио (Stradivari Antonio; 1644–1737), итальянский мастер по изготовлению смычковых инструментов — 53
- Стрекалов Осип Васильевич (нач. XVIII в.), майор, с 1722 вальдмейстер тульской провинции — 448
- Строганов Александр Сергеевич, барон (1733–1811), гр. с 1761, землевладелец, уральский горнозаводчик, коллекционер и благотворитель — 386
- Строгановы, род промышленников и помещиков — 415
- Строев Александр Фёдорович, современный литературовед — 307
- Струмилин Станислав Густавович* (1877–1974), советский экономист, статистик — 13, 16
- Суворов Александр Васильевич (1730–1800), гр. (1789), кн. (1799) полководец, основоположник военной теории, с 1799 генералиссимус — 62
- Судаков Анатолий Викторович*, климатолог, географ, эколог — 416, 420, 426
- Судаков Иван (сер. XVIII в.), секретарь Правительствующего Сената — 80
- Судаков Михаил* (втор. пол. XVIII в.), переводчик с персидского языка — 35, 37

- Суздаlev Владимир Егорович* (1945–2006), историк, специалист по древнерусскому искусству — 152, 156
- Сумароков Александр Петрович* (1717–1777), поэт, драматург, литературный критик — 10, 16, 270, 273–274
- Сумароков* (сер. XVIII в.), его свадьба праздновалась в 1746 в императорском дворце — 279
- Сутов* (сер. XVIII в.), аукционист — 334
- Тазанцев Николай Степанович* (1843–1923), юрист, криминолог — 84, 89
- Талалай Михаил Григорьевич** (р. 1956), историк, литератор, исследователь русского зарубежья — 272, 362, 364, 372, 376–377
- Таннауэр Иоганн Готфрид* (Tannauer Johann Gottfried; 1680–1737), немецкий живописец, портретист, миниатюрист, работавший в России с 1711 до конца жизни — 92, 286, 353
- Теребенin Владимир Станиславович*, фотограф — 331
- Тартини Джузеппе* (Tartini Giuseppe; 1692–1770), итальянский скрипач и композитор — 52
- Татищев Василий Никитич* (1686–1750), инженер-артиллерист, историк, географ, экономист — 363, 367, 416, 426
- Тауберт Готфрид* (Taubert Gottfried; 1670–1746), немецкий мастер танцев — 277, 284
- Тауберт Иоганн Каспар* (Иван Иванович, Taubert Johann Caspar; 1717–1771), историк, библиотекарь, типограф саксонского происхождения, зять И.Д. Шумахера, пасынок М. Фельтена — 318
- Теплов Григорий Николаевич* (1717–1779), философ-энциклопедист, писатель, поэт, переводчик, композитор, живописец и гос. деятель — 386, 391
- Теренций* (195 или 185 — 159 до н.э.), древнеримский драматург — 50–51
- Тессе Рене де Фруле, де, гр.* (Maréchal de Tessé; 1648–1725), маршал Франции — 172
- Типикина Елена Николаевна* (р. 1966), журналист, литератор — 179, 192
- Титов Василий Поликарпович?* (ок. 1650 — ок. 1715), певчий дьяк, композитор, один из крупнейших мастеров партесного стиля — 265
- Тихомиров Михаил* (сер. XVIII в.), его свадьба праздновалась в 1755 в императорском дворце — 279
- Тихон* (*Покровский*; 1821–1885), с 1869 архимандрит, с 1882 архиепископ Волынский и Житомирский — 252, 259
- Токке Луи* (Tocqué Louis; 1696–1772), французский художник-портретист, в 1756 приехал в Петербург, где провёл 18 месяцев и написал несколько портретов Елизаветы Петровны — 94–96
- Толстая Анисья Кирилловна* (не позднее 1680-х — 1732), камер-девица при Екатерине I — 153
- Толстой Алексей Константинович, гр.* (1817–1875), писатель, поэт, драматург, сатирик, переводчик — 64, 261
- Толстой Алексей Николаевич* (1882–1945), писатель — 64
- Толстой Лев Николаевич, гр.* (1828–1910), писатель — 64
- Толстой Петр Андреевич* (1645–1729), гр. (1724), дипломат — 297
- Толстые*, дворянский, позже графский род — 127
- Томазий Христиан* (Thomasius Christian; 1655–1728), немецкий философ и юрист — 51
- Томсинов Владимир Алексеевич* (р. 1951), юрист, историк — 40, 56, 100, 108
- Топычканов Андрей Владимирович** (р. 1979), историк — 151, 154
- Торелли Стефано* (Torelli Stefano; 1667–1748), итальянский живописец — 53, 384

- Трезин Ягн Батист (сер. XVIII в.), каменных дел мастер — 238
- Трезини Доменико (Trezzini Domenico; ок. 1670—1734), итальянский архитектор и инженер, с 1703 работавший в Петербурге — 251
- Трезини Пьетро Антонио (Trezzini Pietro Antonio; 1692 — после 1760), швейцарский архитектор, работавший в Санкт-Петербурге, в 1742—1751 — главный архитектор города — 250—251
- Тройницкий Сергей Николаевич (1882—1948), геральдист, искусствовед — 269, 271, 335, 342
- Тронь Андрей Анатольевич* (р. 1960), художник — 185, 189—190
- Тротта фон Трейден Текла/Фекла, баронесса (в замужестве Бисмарк Текла; 1705—1780), сестра супруги курляндского герцога Э.И. Бирона — 433
- Трубецкие, боярский род — 127
- Трубецкой Никита Юрьевич, кн. (1699 — 1767), генерал-прокурор, затем генерал-фельдмаршал при имп. Елизавете Петровне — 433
- Трубецкой Петр Никитич, кн. (1724—1791), сенатор, литератор и библиофил — 386
- Ту Жак Огюст, де (Thou Jacques Auguste, de; 1553—1617), французский историк и гос. деятель — 51
- Туманова Наталья Евгеньевна (р. 1931), ландшафтный архитектор — 223, 226, 229
- Тургенев Александр Иванович* (1784—1845), историк — 55—56
- Тучков Алексей Васильевич (1729—1799), инженер-поручик, позже генерал-поручик, управляющий инженерной и артиллерийской частью — 412
- Тьеро Н.К. (Thieriot Nicolas-Claude, 1696—1772), французский писатель, друг Вольтера — 319
- Тюдоры, королевская династия в Англии в 1485—1603 — 193
- Уилбергер К., американская исследовательница — 307, 320
- Уильям III — см. Вильгельм III
- Уитворт Чарльз (Whitworth Charles; 1675—1725), барон с 1721, английский дипломат, исполнявший в 1702—1721 обязанности посла Великобритании в ряде европейских стран, автор мемуаров — 153, 155, 184, 191, 372
- Урусов Василий Алексеевич, кн. (ок. 1690—1741), генерал-лейтенант, контр-адмирал — 88
- Успенский Александр Иванович (1873—1938), археограф, историк, искусствовед, археолог, церковный историк — 219
- Фальк С.К.** (Фалк, Флак, Falk), лейтенант, в 1716 командир лейб-шлявы «Лизетт» — 189
- Фальконе Этьен Морис** (Falconet Étienne Maurice; 1716—1791), французский скульптор — 349, 386
- Фальконе, мадам** — см. Янкович Мария Люция (Мари-Люси)
- Фарцашану Матей** (сер. XVIII в.), переводчик из Валашского княжества — 364
- Федор III Алексеевич** (1661—1682), русский царь, сын царя Алексея Михайловича, единокровный брат Петра I и Ивана V — 265
- Федоров Иван** (сер. XVIII в.), «хлебник» герцога курляндского Э.И. Бирона — 439
- Федоров Павел** (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 135
- Федоров Прокopf** (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 135
- Федосеева Ольга Анатольевна*, искусствовед — 327, 335, 342
- Фельдман Дмитрий Захарович** (р. 1958), историк — 126, 133, 135—136, 138
- Фёлкерзам Арминий Евгеньевич**, барон (Fölkersahm Armin, von; 1861—1917), генеалог, искусствовед, коллекционер из прибалтийских

- немцев, хранитель Галереи драгоценностей в Эрмитаже — 268, 274
- Фельген Юрий Матвеевич (Veldten Georg Friedrich; 1730–1801), архитектор — 238, 335
- Феодор Санакарский (Ушаков Иван Игнатъевич; 1718–1791), иеромонах, в 1999 причислен к лику святых, дядя адмирала Ф.Ф. Ушакова — 257
- Феодосий (Яновский; 1696–1750), архимандрит, настоятель Александро-Невского монастыря, с 1745 архиепископ Санкт-Петербургский и Шлиссельбургский — 249, 252–253
- Феофан (Прокопович; 1681–1736), архиепископ Новгородский и Великолуцкий — 253
- Фермор Виллим Виллимович (1702–1771), гр. (1758), сын выходца из Шотландии, генерал-аншеф, во время Семилетней войны командовал русской армией при Цорндорфе — 62, 146–148
- Фибих Даниил Владимирович* (Лучанинов; 1899–1975), журналист, писатель — 61, 67
- Фик Генрих, фон (Fick Heinrich, von; 1679–1750 или 1751), уроженец Гамбурга, на русскую службу принят в 1715, один из разработчиков реформ государственного управления — 379
- Филарет (Федор Никитич Романов; ок. 1553 или 1554–1633), митрополит Ростовский с 1605, патриарх Московский и всея Руси с 1619 — 289
- Филатов Петр (сер. XVIII в.), фабрикант — 304
- Филипп II Орлеанский, герцог (Philippe, duc d'Orléans; 1674–1723), регент Французского королевства при малолетнем короле Людовике XV, племянник короля Людовика XIV — 172–173, 195
- Филипп V (Felipe V; 1683–1746), король Испании с 1700, внук Людовика XIV — 195
- Финдейзен Николай Фёдорович (1868–1928), музыковед-историк, музыкальный критик — 265, 268, 271, 274
- Финстервальтер И. (сер. XVIII в.), лепщик — 235
- Финч Эдвард (Finch Edward; 1697?–1771), в 1739–1741 чрезвычайный посол Великобритании в России — 30, 200
- Фирсов Ерофей Васильевич (1703–?), директор китайского торгового каравана — 328–329, 339
- Фирсов Николай Николаевич* (1864–1934), историк — 54, 56, 60, 67
- Фирсов Сергей Львович* (р. 1967), религиовед, историк — 249, 254, 259
- Фишер Иоганн Эбергард (Fischer Johann Eberhard; 1697–1771), немецкий историк и археолог, с 1730 в России, с 1732 академик Петербургской Академии наук — 390
- Флеров С.Т.* (сер. XX в.), историк — 60, 67
- Флоринский Кирилл — см. Кирилл (Флоринский), архимандрит
- Фоккеродт Иоганн Готтхильф (Vockerodt Johann Gotthilf; 1693–1756), секретарь Прусского посольства, автор записок о России — 308
- Фонвизин Денис Иванович (1745–1792), писатель — 252
- Фонтенель Бернар Ле Бовье, де (Fontenelle Bernard le Bovier, de; 1657–1757), французский писатель и учёный — 51
- Форсия де Пилес Альфонс Туссен Жозе Мари Марсель (1758–1826), французский путешественник, побывавший в Петербурге в 1790-х — 286, 291
- Франгулян Георгий Варганович (р. 1945), советский и российский скульптор, армянского происхождения — 65, 67
- Франц I Стефан (Franz I. Stephan; 1708–1765), герцог Лотарингии с 1729, герцог Тосканы с 1737, им-

- ператор Священной Римской империи с 1745 — 19
- Фредерик IV (Frederik IV; 1671–1730), король Дании и Норвегии с 1699 — 188
- Фредрик I Гессенский (Fredrik I; 1676–1751), с 1720 шведский король — 47
- Фридланд Пол*, американский философ, специалист по истории Франции раннего Нового времени — 86, 89
- Фридрих I (Friedrich I.; 1657–1713), курфюрст Бранденбурга под именем Фридрих III с 1688, прусский король с 1701 — 183, 192
- Фридрих II Великий (Friedrich II.; 1712–1786), с 1740 прусский король — 51–52, 59–61, 66–67, 145, 242, 272, 308, 311–312, 317, 321, 324
- Фридрих Великий — см. Фридрих II Великий
- Фридрих Вильгельм (Friedrich (III.) Wilhelm Kettler; 1692–1711), герцог Курляндский в 1698–1711, муж Анны Иоанновны — 189
- Фридрих, принц — см. Фридрих II Великий, прусский король
- Фролов С.И. (сер. XVIII в.), помещик Добренского уезда Воронежской губернии — 396
- Фролов-Багреев Яков Лукич (ок. 1690 — после 1762), временный главнокомандующий русской армией во время семилетней войны, генерал-аншеф — 59–60, 67
- Фруменков Георгий Георгиевич* (1919–1989), историк — 61, 67
- Фуко Мишель (Foucault Michel; 1926–1984)*, французский философ, историк, социолог, психолог — 86, 89
- Фуфаев А.С. (рубеж XVIII и XIX вв.), купец подмосковного Дмитрова, благотворитель — 213
- Фюссель Мариан (Füssel Marian; р. 1973), немецкий историк, педагог — 140–141, 145, 149
- Хамильтон Карл Отто, барон (Hamilton Carl Otto; 1704–1770), шведский дипломат, конференц-советник — 47
- Харальд Суровый (Harald Hardråde; 1015–1066), король Норвегии (1046–1066) — 177
- Хартанович Маргарита Фёдоровна** (р. 1949), историк науки — 339–340, 342, 389, 392–393
- Харченков Алексей (сер. XVIII в.), новокрещённый еврей — 135
- Хаупт Готфрид (Haupt Gottfried; не позднее 1670-х — не ранее 1710), саксонский медальер, ювелир и художник, на российской службе — 97
- Хвостов Александр Сергеевич (1753–1820), поэт-сатирик — 252
- Хейфец Леонард Гершевич, фотограф — 334, 440
- Хилков Андрей Яковлевич*, кн. (1676–1716), с 1700 резидент Петра I при дворе Карла XII в Стокгольме, после начала Северной войны был арестован, провёл 15 лет в плену и умер на чужбине — 372, 377
- Хованский Петр Васильевич, кн. (ок. 1723–1808?), камергер — 383
- Хорват Иван Самойлович (1713–1786), генерал-майор, руководитель заселения Новой Сербии в России — 134
- Хотеев Павел Иванович* (р. 1950), библиотековед — 51, 57
- Хохгольцер (сер. XVIII в.), венгерский? резидент — 94
- Хребтов Никита Андреевич*, историк-исследователь — 408, 413
- Хулефа-мирза Кафи (Мирза Мухаммад Хулафа Кафи; пер. пол. XVIII в.), посол Ирана в России — 34–35
- Цветков Игорь Фёдорович*, капитан 1-го ранга, историк, автор ряда монографий в серии «Боевые корабли мира» — 183, 191
- Цег П. (сер. XVIII в.), лепщик — 238

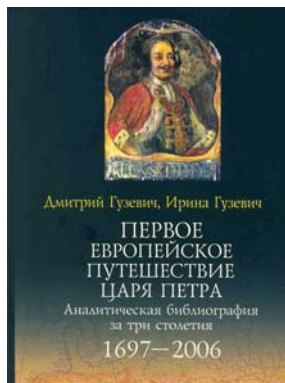
- Чевакинский Савва Иванович** (1709/1713 — между 1772 и 1780 или 1783), архитектор — 74, 218, 221, 223, 225–226
- Чежина Юлия Игоревна**, искусствовед — 287, 291
- Чекалевский Петр Матвеевич** (1718 — после 1790), дипломат, в 1742–1743 переводчик российского консула в Персии — 34
- Чекалевский Петр Петрович** (1751–1817), писатель, с 1811 по 1817 вице-президент Академии художеств — 387–388
- Челищев Петр Иванович** (1745–1811), писатель, этнограф, путешественник — 409, 413
- Чемесов Евграф Петрович** (1737–1765), гравёр, худ.-портретист — 157, 384
- Чемодуров Николай Федорович** (ум. 1752), воевода, подполковник, вятской провинции, позже саратовский воевода, с 1749 полковник — 415, 417–423, 426
- Черепанов Григорий** (нач. XVIII в.), землепроходец, рудоискатель — 409
- Черепнин Лев Владимирович** (1905–1977), историк-медиевист, специалист в области российской истории — 48, 56
- Черкасов Александр Иванович**, барон (1728–1788), камергер, в 1763–1775 президент Медицинской коллегии, с 1759 женат на Гедвиге Елизавете Бирон — 443
- Черкасов Иван Антонович** (1692–1758), барон с 1742, кабинет-секретарь Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны — 273, 359
- Черкасова Екатерина Ивановна** (урожд. Бирон) — см. Бирон Гедвиг Елизавета Курляндская, принцесса
- Черкасский Алексей Михайлович**, кн. (1680–1742), при Петре I Сибирский губернатор, при Анне Иоанновне кабинет-министр, при Елизавете Петровне с 1740 канцлер России — 32, 34, 345, 433
- Черносвитов Григорий Фадеевич** (1709–?), из дворян Тульской губернии — 429
- Черновитовы**, старинный служилый дворянский род — 429
- Чернышев Иван Григорьевич**, гр. (1717 или 1726–1797), с 1769 вице-президент Адмиралтейств-коллегии, с 1796 генерал-фельдмаршал — 386
- Чернышёва Александра Григорьевна**, гр. (1800–1832), впоследствии жена декабриста Никиты Муравьёва — 397
- Чернышёва Елизавета Петровна**, гр. (урожд. Квашнина-Самарина; 1773–1828), фрейлина имп. Екатерины II — 397
- Чернышёва Софья Григорьевна**, гр. (1799–1847), впоследствии жена тайного советника И.Г. Кругликова — 397
- Черчилль Уинстон** (Churchill Winston; 1874–1965), премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955, лауреат Нобелевской премии по литературе (1953) — 140
- Чириков Алексей Ильич** (1703–1748), капитан-командор, мореплаватель, помощник В.И. Беринга в камчатских экспедициях — 72–73
- Чирцов Федор** (пер. пол. XVIII в.), землепроходец, рудоискатель — 409
- Чистович Иларион Алексеевич** (1828–1893), писатель, церковный историк — 252, 256, 259
- Чистяков Олег Иванович** (1924–2006), правовед, специалист в области истории государства и права — 100, 108
- Чоглоков Михаил Иванович** (упомин. в 1678–1723), зодчий и художник — 153–154
- Чоглокова Мария Симоновна** (урожд. Гендрикова, во втором браке Глебова; 1723–1756), по матери прихо-

- дилась племянницей Екатерине I, обер-гофмейстерина, статс-дама при Дворе имп. Елизаветы Петровны — 112, 114–115, 117, 252
- Чуйко Владимир Викторович (1839–1899), литературный и художественный критик, переводчик — 429, 445
- Шабалина Татьяна Васильевна*, музыковед, искусствовед — 277, 284
- Шалалин Сергей Олегович*, историк — 411, 413
- Шарандак Наталья Павловна, искусствовед — 350
- Шарапов Осип (сер. XVIII в.), новокрещённый еврей — 135
- Шарлотта Кристина (Христина) София Брауншвейг-Вольфенбюттельская, принцесса (Charlotte Christine Sophie von Braunschweig-Wolfenbüttel; 1694–1715), жена царевича Алексея Петровича, мать императора Петра II — 289
- Шатле Эмили, дю (Châtelet Émilie, du; 1706–1749), французский математик и физик, муза Вольтера — 308
- Шафиров Петр Павлович (1669–1739), барон с 1710, дипломат, вице-канцлер — 297, 317, 370
- Шафрановская Тамара Константиновна* (1926–2007), этнограф, историк-исследователь, историограф — 339, 342
- Шаховской Михаил Иванович, кн. (1707–1762), сенатор, тайный советник — 82
- Шаховской Яков Петрович, кн. (1705–1777), обер-прокурор Святейшего Синода в 1741–1753, меценат — 132–133, 138
- Шварт Марселиз, де (Swart Marcellis de; 1699–1762), с 1747 чрезвычайный и полномочный министр Голландии (Генеральных штатов) в Петербурге, неофициальный покровитель голландской церкви в России — 77
- Шварц Искра (Schwarcz Iskra**; р. 1953), австрийский историк — 139
- Шварц Христофор Якоб (Карл Иванович; ум. ок. 1766), саксонец по происхождению, учитель музыки цесаревны Елизаветы Петровны — 77
- Швертфегер Леонард Теодор (Schwertfeger Leonard Theodor; ок. 1680 — после 1738), немецкий архитектор, с 1713 работавший в Петербурге — 251
- Шевич Иван Георгиевич (Шевинь Јован; сер. XVIII в.), подполковник австрийской службы, полковник российской службы, основатель Славяносербии в России — 134–135
- Шереметев Борис Петрович (1652–1719), гр. с 1706, генерал-фельдмаршал с 1701, дипломат — 370–371
- Шереметев Дмитрий Николаевич, гр. (1803–1871), камергер и гофмейстер, благотворитель — 402
- Шереметевы, графский род — 252, 387
- Шетарди Жак-Иоахим Тротти, де ла, маркиз (Jacques-Joachim Trotti, marquis de la Chétardie; 1705–1759), французский дипломат и генерал — 29, 37, 41, 77, 89, 93, 193–194, 196–200, 308
- Шефер Карл Фридрих, барон (Scheffer Carl Fredrik; 1715–1786), шведский дипломат, камергер — 47
- Шипилов Андрей Васильевич*, экономист, социолог — 302, 305
- Ширванов Лука (Ширванян Гукас; пер. пол. XVIII в.), армянский промышленник, представитель армянской общины в Петербурге — 294–295
- Шириман Игнатий (сер. XVIII в.), фабрикант — 304
- Ширяков Игорь Владимирович*, историк, нумизмат — 92, 98
- Шифляр Самуил Петрович (1786–1840), живописец, гравёр, литограф — 184
- Шишков Вячеслав Яковлевич* (1873–1945), писатель, инженер — 61, 67

- Шкаровский Михаил Витальевич** (р. 1961), историк — 248
- Шлатер Иван Андреевич** (Иоганн Вильгельм, Schlatter Johann Wilhelm; 1708–1768), в России в 1719, прибыл вместе с отцом из Берлина, специалист в области металлургии, монетного дела, писатель — 273
- Шмидт Георг Фридрих** (Schmidt Georg Friedrich; 1712–1775), немецкий гравёр на меди, в 1757–1762 работавший в Петербургской Академии наук — 380, 383–384, 386
- Шмурло Евгений Францевич** (Schmourlo E., Šmurlo Eugenio, 1853/1854–1934), русский историк польско-литовского происхождения, после революции эмигрировал — 307, 310, 312, 319–322, 325, 365, 377
- Шперк Франц Фридрихович* (1835–1906), врач, публицист, географ, историк, краевед — 408, 413
- Шпилевская Наталья Сергеевна* (в замужестве Иванина; 1834 — ?), писательница, переводчица — 62, 67
- Шрейдер Конрад** (1705–1757) племянник Корнелиуса Шредера, немецкий садовый мастер, в 1733–1757 главный придворный садовник — 222, 226–227
- Штегельман** (сер. XVIII в.), иностранный торговец — 32
- Штелин Яков** (Яков Яковлевич, Stählin, Stäehlin-Storcksburg Jacob, von; 1709–1785), филолог немецкого происхождения, с 1735 в России, гравёр, картограф, медальер, «мастер фейерверков», мемуарист — 39, 41, 45–46, 49–53, 55–57, 261–262, 272–274, 281, 284, 346, 361, 381–382, 384, 386, 388
- Штрубе де Пирмонт Фридрих Генрих** (Strube de Piermont Frederic Henri; 1704–1776), российский учёный немецкого происхождения, с 1738 профессор юриспруденции и политики Петербургской Академии наук — 82
- Шубинский Сергей Николаевич* (1834–1913), историк, журналист — 433, 437, 441, 445
- Шувалов Александр Иванович** (1710 или 1711 — 1771), гр. с 1746, доверенное лицо имп. Елизаветы Петровны, камергер, начальник Канцелярии тайных разыскных дел, с 1754 гофмаршал, с 1758 сенатор, с 1761/1762 генерал-фельдмаршал — 446–447, 452–455
- Шувалов Иван Иванович** (1727–1797), гос. деятель, генерал-адъютант, меценат, основатель Московского ун-та и Академии художеств, фаворит имп. Елизаветы Петровны — 15, 82, 116, 144, 252, 273, 306–307, 312–319, 321, 324, 381–382, 384, 388
- Шувалов Михаил Андреевич** — см. Воронцов-Шувалов Михаил Андреевич
- Шувалов Петр Иванович** (1711–1762), гр. с 1746, генерал-фельдмаршал, конференц-министр, сенатор, реформатор, изобретатель — 12, 128, 143–144, 252, 453
- Шувалова Мавра Егоровна** (урожд. Шепелева; 1708–1759), гр. с 1746, статс-дама при Дворе имп. Елизаветы Петровны — 128, 441
- Шугуров Михаил Фёдорович* (1829–1891), историк, педагог — 128, 138
- Шульга Игорь Иванович* (р. 1970), офицер, специалист в области изучения истории и культуры народов Нижнего Поволжья и Украины — 419–420, 426
- Шульц Антон** (кон. XVII — после 1736), датский королевский медальер немецкого происхождения, с 1724 работавший в России — 97
- Шульц Сергей Сергеевич* (1934–2004), поэт, прозаик, историк, геолог — 251, 259
- Шумахер Иван Данилович** (Иоганн Даниэль, Иоганн Даниил, Schumacher Johann Daniel; 1690–1761), деятель русской науки немецко-эльзасского происхождения — 311, 380, 391

- Шумигорский Евгений Севастьянович* (1857–1920), историк, педагог — 233, 239
- Шумский Яков Данилович (1732–1812), актёр, оперный певец (баритон) — 443
- Шуринов Андрей Давыдович (ок. 1700 — после 1764), из дворян Орловской губернии, участник дворцового переворота 1741, военный деятель — 429
- Шутейской Прокон (сер. XVIII в.), новокрещёный еврей — 135
- Щебальский Пётр Карлович* (1810–1886), историк и публицист — 55, 57
- Щепетков (сер. XVIII в.), коллежский ассессор из города Ливны — 54
- Щербатов Михаил Михайлович, кн. (1733–1790), историк, публицист, философ — 77–78, 85, 89
- Щербачёв Юрий Николаевич* (1851–1917), дипломат, историк, переводчик — 155, 162, 185, 192
- Шукина Евгения Семёновна* (1929–2012), историк, нумизмат — 91–93, 95, 97–98
- Эйзен Франсуа (Eisen Francois; 1695–1778), французский художник, гравер — 270
- Эмме Федор Иванович (Фридрих Иоганн, Emme Friedrich Johann, von; 1699–1767), приехал из Мекленбурга в 1722 в свите Екатерины Ивановны Мекленбург-Шверинской, вице-президент юстиц-коллегии в 1741–1764, тайный советник — 82
- Эон Шарль, де Бомон д' (Éon Charles, de Beaumont d'; 1728–1810), французский дипломат и авантюрист — 200, 204
- Эренмальм Ларс Юхан (Ehrenmalm L.J.; 1688–1774), финский швед, собравший сведения о России во время пребывания в плену — 184, 190–191
- Эриксен Вигилиус (Eriksen Vigilius; 1722–1782), датский живописец, придворный портретист, в 1757–1772 работавший в России — 290–291
- Этимад-хан (И'тимад-хан, полное имя: Мухаммад 'Али-хан [Карам] Хаджилуи Афшар; сер. XVIII в.), товарищ персидского посла, ранее состоявший в должности абивардского командира — 30
- Юдин Самойла Юдич (Самуил; 1730–1800), монетчик, медальер — 97
- Юль Юст (Juel Just; 1664–1715), датский вице-адмирал, посланник Дании в России — 155, 162, 185, 187–189, 192
- Юркин Игорь Николаевич** (р. 1953), историк — 446, 449, 454–456
- Юшков Иван Иванович (17??–1786), генерал-поручик, президент Камер-коллегии, генерал-полицмейстер СПб, московский гражданский губернатор — 82
- Ягужинский Павел Иванович (1683–1736), гр. с 1731, гос. и военный деятель, обер-прокурор, дипломат — 88–89
- Яковкин Илья Фёдорович (1764–1836), историк, географ, статистик — 218, 221, 229
- Яковлев Савва Яковлевич (при рождении Собакин; 1712/1713–1784), предприниматель, заводчик, меценат — 300
- Янелис Ильза Мара* (Janelis Ilze Māra; р. 1940), латвийский искусствовед — 244, 246
- Янкович Мария Люция (Мари-Люси), баронесса (урожд. Фальконет, Falconet Marie Lucie; 1778–1866), внучка скульптора Э.М. Фальконе — 348, 350
- Ярослав Владимирович Мудрый (978–1054), князь ростовский, князь новгородский, великий князь киевский — 177
- Ярцов (Ярцев) Аникита Сергеевич (1736–1819), деятель горнозаводской промышленности, в 1797–1802 глава Канцелярии Главного заводов правления — 453

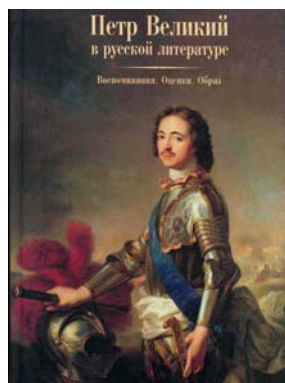
ИЗДАНИЯ ПО ПРОГРАММЕ «ПУТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.
Первое европейское путешествие царя Петра:
Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.
Науч. ред. Э. Вагеманс.
СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. — 912 с.

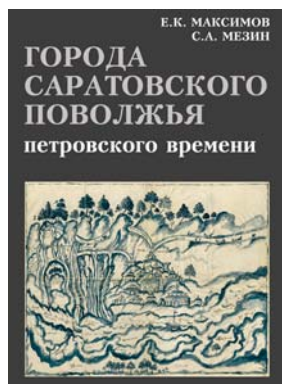

Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.
Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.
СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — 696 с.

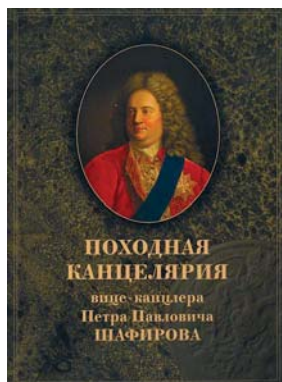

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ.
Сост., вступ. статья, прим. И. Н. Сухих.
СПб.: Геликон Плюс, 2009. — 552 с.

Максимов Е. К., Мезин С. А.
Города Саратовского Поволжья
петровского времени.
СПб.: Европейский Дом, 2011. —
178 с.

Походная канцелярия вице-канцлера
Петра Павловича Шафирова: в 3 ч.
Часть 1: 1706—1713 годы. Часть 2:
1714 год. Часть 3: 1715—1723 годы.
Подгот. изд. Т. А. Базарова,
Ю. Б. Фомина. Сост., вступ. ст.,
коммент. Т. А. Базарова.
СПб.: Издательский дом «Мирь»,
2011. — 416, 453, 464 с.

Культурные инициативы
Петра Великого.
Материалы II Международного
конгресса петровских городов.
Санкт-Петербург, 9—11 июня 2010 года.
Науч. ред. Е. В. Анисимов,
Н. Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов,
М. Г. Вадейша, А. В. Кобак.
СПб.: Европейский Дом, 2011. — 294 с.

Андреева Е. А.
Рождение Петербурга.
СПб.: Лики России, 2011. — 184 с.

Юркин И. Н.
Пётр железный.
Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы.
СПб.: Европейский Дом, 2012. — 352 с.

Петровские реликвии в собраниях России и Европы.
Материалы III Международного конгресса петровских городов.
Санкт-Петербург, 8–10 июня 2011 года.
Науч. ред. Е. В. Анисимов,
Н. Л. Корсакова. Сост. А. В. Кобак,
О. Л. Кувалдина, И. Ф. Свидерская.
СПб.: Европейский Дом, 2012. — 352 с.

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург.

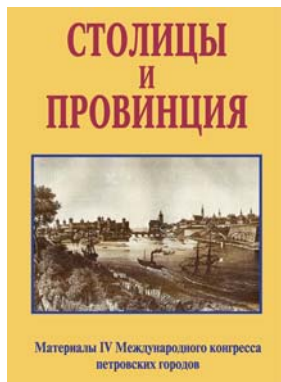
Материалы IV Международного конгресса петровских городов.

Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года.

Науч. ред. Е. В. Анисимов.

Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина, И. Ф. Свидерская.

СПб.: Европейский Дом, 2013. — 344 с.

Кросс Э.

Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII — XX веков.

Пер. с англ. М. А. Вишняков.

СПб.: Европейский Дом, 2013. — 232 с.

Вагеманс Э.

Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.).

Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.

СПб.: Европейский Дом, 2013. — 256 с.

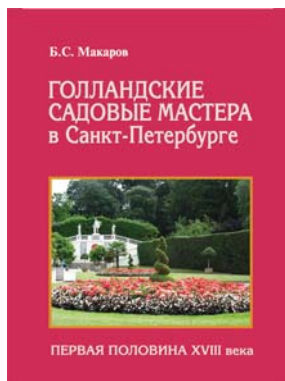
2-е изд., испр.

СПб.: Европейский Дом, 2017. — 260 с.

Гузевич Д. Ю.
**Захоронения Лефорта и Гордона:
Могилы, кладбища, церкви.
Мифы и реалии.**
СПб.: Европейский Дом, 2013. — 336 с.

Макаров Б. С.
**Голландские садовые мастера
в Петербурге в первой половине
XVIII века.**
СПб.: Изд-во ВМА, 2013. — 320 с.

**Россия–Нидерланды: Диалог культур
в европейском пространстве.
Материалы V Международного
петровского конгресса.**
Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 558 с.

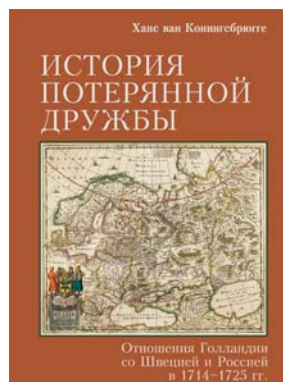
**Царь-плотник во Фландрии:
История одной легенды.
Две повести Абрахама Ханса.**
Публ., коммент., статьи Э. Вагеманс,
Д. Гузевич. Пер. с нидерланд. В. Ронин.
Рис. В. Ненашев.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 106 с.

Пунин А. Л.
**Санкт-Петербург в эпоху Петра
Великого: Градостроительное развитие
новой столицы России и стилевые
особенности петровского барокко.**
Часть 1.
СПб.: Лики России, 2014. — 216 с.

Конингсбрюгге Х., ван.
**История потерянной дружбы:
Отношения Голландии со Швецией
и Россией в 1714–1725 гг.**
Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.
СПб.: Европейский Дом, 2014. — 256 с.

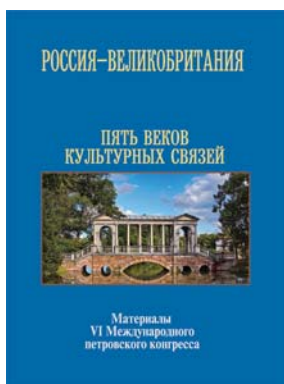

Мезин С. А.
Петр I во Франции.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 312 с.
2-е изд., испр. и доп.
СПб.: Европейский Дом, 2017. — 320 с.

Дворцы Романовых как памятники истории и культуры.
Материалы международной конференции.
Санкт-Петербург—Царское Село—Петергоф, 7–9 октября 2013 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина, А. Д. Марголис.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 540 с.

Россия—Великобритания: Пять веков культурных связей.
Материалы VI Международного петровского конгресса.
Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 года.
Сост. А. В. Кобак, О. Л. Кувалдина.
СПб.: Европейский Дом, 2015. — 768 с.

Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм.

Материалы VII Международного петровского конгресса.

Санкт-Петербурге 5–7 июня 2015 года.

Сост. А. В. Кобак, О. В. Кувалдина.

СПб.: Европейский Дом, 2016. — 696 с.

Версаль и Марли: Сады Людовика XIV. Альбомы, подаренные Петру I герцогом д'Антенем в 1717 году.

Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич, Б. Бентц.

СПб.: Европейский Дом, 2017. — 396 с.

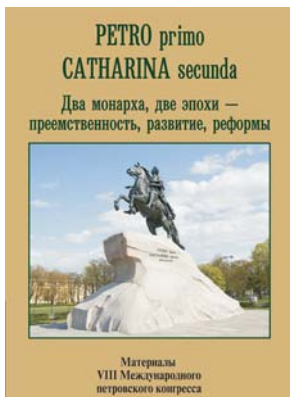
Баггер Х.

Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений.

Ред.-сост. Д. Гузевич, И. Гузевич. Пер. с датск. Б. Жаров.

СПб.: Европейский Дом, 2017. — 188 с.

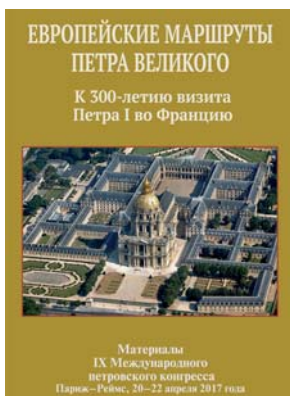

PETRO primo CATHARINA secunda.
Два монарха, две эпохи —
преемственность, развитие, реформы.
Материалы VIII Международного
петровского конгресса.

Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года.

Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.

СПб.: Европейский Дом, 2017. — 570 с.

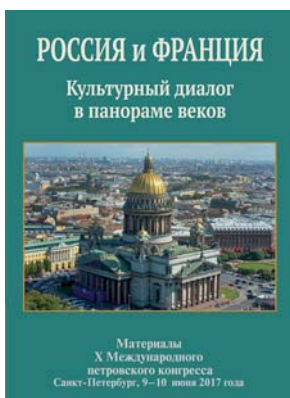
Европейские маршруты Петра Великого:
К 300-летию визита Петра I во
Францию.

Материалы IX Международного
петровского конгресса.

Париж — Реймс, 20–22 апреля 2017 года.

Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.

СПб.: Европейский Дом, 2018. — 464 с.

Россия и Франция: Культурный диалог
в панораме веков.

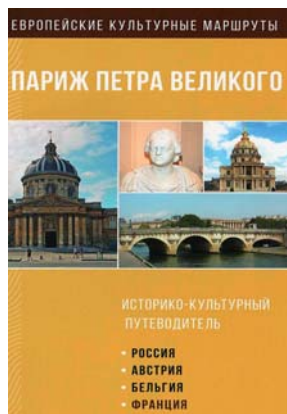
Материалы X Международного
петровского конгресса.

Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года.

Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,
М. В. Петрова.

СПб.: Европейский Дом, 2018. — 584 с.

**Париж Петра Великого:
Историко-культурный путеводитель.**
Авт.-сост. С. А. Мезин, К. И. Пахоруков.
СПб.: Маматов, 2019. — 64 с.

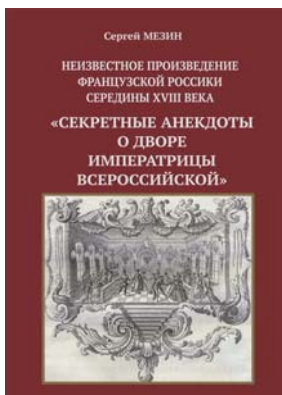

**Иностранные специалисты в России
в эпоху Петра Великого.
Биографический словарь выходцев
из Франции, франкоязычных Швей-
царии и Савойи: 1682–1727.**
Ред. В. С. Ржеуцкий, Д. Ю. Гузевич
при участ. А. Мезен.
М.: Ломоносовъ, 2019. — 800 с.

**Пётр I и Восток.
Материалы XI Международного
петровского конгресса.**
Санкт-Петербурге, 1–2 июня 2018 года.
Сост. А. В. Кобак, М. В. Петрова.
СПб.: Европейский Дом, 2019. — 560 с.

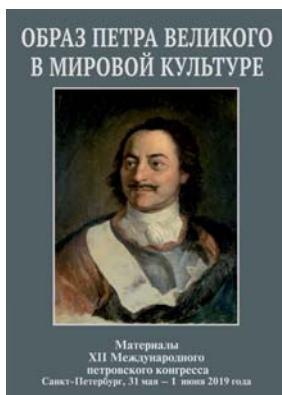

Мезин С. А.

Неизвестное произведение французской Россики середины XVIII века. «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской».

СПб.: Европейский Дом, 2019. — 156 с.

Образ Петра Великого в мировой культуре.

Материалы XII Международного петровского конгресса.

Санкт-Петербург, 31 мая — 1 июня 2019 года.

Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак, В. В. Лихачёва.

СПб.: Европейский Дом, 2020. — 740 с.

Пётр Великий и европейский интеллектуальный мир: Циркуляция знаний, взаимовлияния (1689–1727).

Коллективная монография по материалам двух коллоквиумов в Париже 28–29 и 30 марта 2013 г.

Ред. Д. Ю. Гузевич, И. Д. Гузевич.

Париж — СПб.: Европейский Дом, 2020. — 760 с.

Вагеманс Э.

Путешествие Петра I по Южным Нидерландам в 1717 году: Образ русского царя в Бельгии.

Пер. с нидерланд. В. К. Ронин.

СПб.: Европейский Дом, 2020. — 272 с.

Россия и Германия в эпоху Петра Великого: Исторические и культурные связи.

Материалы XIII Международного петровского конгресса.

Берлин, 24 – 25 октября 2019 года.

Сост. Д. Ю. Гузевич, А. В. Кобак,

В. В. Лихачёва.

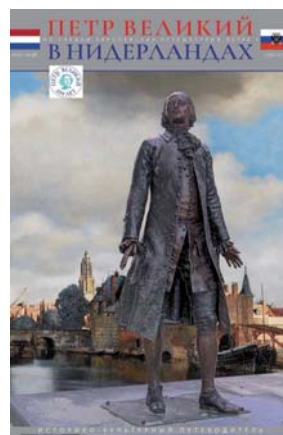
СПб.: Европейский Дом, 2020. — 496 с.

Вагеманс Э., Кобак А., Гузевич Д., Гусейнова Ф.

Петр Великий в Нидерландах. По следам европейских путешествий Петра I: Историко-культурный путеводитель.

СПб.: Европейский Дом, Пропилеи, 2021. — 184 с.

Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.
Парадигма Герберштейна, или От Царя к Императору: Пролог ко второму путешествию Петра I.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 439 с. — (Второе большое европейское путешествие Петра I: 1716–1717. Кн. 1).

Шиппан М.
Петр I в Германии: 1697–1717.
Науч. ред. Д.Ю. Гузевич,
Пер. с нем. И.Ю. Тарасовой.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 618 с. — (Серия «Петр I в Европе»).

Шварц И.
Петр I и Австрия: Исследования о петровской эпохе.
СПб.: Европейский Дом, 2021. — 414 с.
(Серия «Петр I в Европе»).

**«Великая Елисавет
дела петровы совершает...»
Материалы XIV Международного
петровского конгресса,
Санкт-Петербург, 18 – 19 июня
2021 года**
Сост. А. В. Кобак, В. В. Лихачёва,
И.Ф. Сви́дерская
СПб.: Европейский Дом, 2022. — 516 с.

«ВЕЛИКАЯ ЕЛИСАВЕТ
ДЕЛА ПЕТРОВЫ СОВЕРШАЕТ...»

Материалы
XIV Международного петровского конгресса
Санкт-Петербург, 18 – 19 июня 2021 года

Директор издательства
Е. Н. Кальциков
Оформление, оригинал-макет
Т. Б. Николаева

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 32,25.
Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 27-29
E-mail: evrodom2006@list.ru